
100л

Съ разрѣшенія и одобренія Командира Дивизіона
Полковника А. И. РОГОЖИНА
составилъ
помощникъ Командира
Полковникъ Н. В. ГАЛУШКИНЪ

Эта книга отпечатана въ количествѣ
500 экземпляровъ

Издание Б. В. Чарковскаго — Санъ Франциско

Отпечатано въ типографіи др. П. Белея, Мюнхенъ



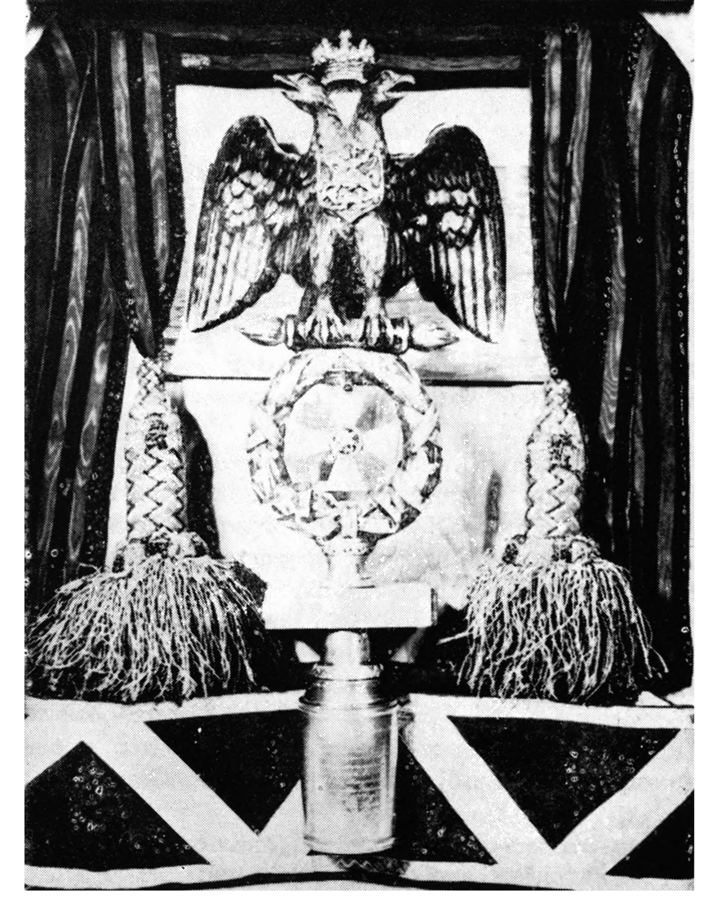


Его Императорскаго Величества

Конвой.

САН ФРАНЦИСКО
1 9 6 1

ГЕРОЕВЪ ТѢНЬ, КОВАВШИХЪ ВѢКОВУЮ СЛАВУ, СЛѢДИТЪ ЗА НАМИ ПО ПЯТАМЪ!»

1811  1961

Родному Дивизіону къ 150-лѣтнему юбилею
Собственнаго
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
въ день Св. Іерофея
1961 года
С. Ш. А.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ

Живыхъ не много остается
Насъ, офицеровъ Царскихъ дней,
Все тише сердце наше бьется...

Н. Михайловъ

Но пока сердце, безгранично преданное родной Части, еще бьется, считаю своимъ священнымъ долгомъ всѣ касающіеся нашей исторіи документы, бережно хранимые г. г. офицерами Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ видѣ «Краткаго Очерка», передать тѣмъ, кто послѣ нашей смерти будетъ имѣть честь служить подъ нашими Славою увѣнчанными Штандартами.

А также и тѣмъ, въ комъ бьется русское сердце и для кого память о Царственныхъ Мученикахъ и прошлое нашей Великой Родины-Россіи святы.

Въ 1899 году, по указанію Командира Конвоя, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора В. А. Шереметева, полковникомъ С. И. Петинымъ написана и, по распоряженію Командующаго Императорскою Главною Квартирой, напечатана исторія Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Съ первыхъ же дней грозныхъ событій 1917 года, офицеры Конвоя вели свои личныя записи, отмѣчая въ таковыхъ послѣдовательно и точно все то, чему каждый въ отдѣльности изъ нихъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ, въ зависимости отъ мѣста службы (Царское Село, Могилевъ, Кіевъ).

Записи эти, совмѣстно съ другими историческими документами, были собраны и хранимы командиромъ Дивизіона полковникомъ К. Ф. Зерщиковымъ.

Полковникъ Зерщиковъ, дабы претворить въ жизнь пламенное желаніе всѣхъ г. г. офицеровъ Дивизіона увѣковѣчить наше Прошлое — особенно службу въ годы Русскаго лихолѣтія, особымъ добавленіемъ къ исторіи Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, — со свойственной ему энергіей, приступилъ къ выполненію этой цѣли. Къ глубокому нашему горю, К. Ф. Зерщиковъ не успѣлъ закончить своей работы. Принявъ, со всѣми чинами Дивизіона, активное участіе въ боевой службѣ Русскаго Корпуса во время Второй міровой войны, послѣ раненія и тяжелой болѣзни, онъ скончался въ «Бѣломъ Русскомъ Лагерѣ» — Келлербергѣ. Почти все, съ такимъ трудомъ имъ созданное, погибло въ боевой обстановкѣ.

Но не погибло среди насъ, офицеровъ Дивизіона, а живо и всегда будетъ жить чувство, что «героевъ тѣнь, ковавшихъ вѣковую Славу, слѣдитъ за нами по пятамъ!..».

Съ Божьей помощью и благодаря содѣйствію командира Дивизіона полковника А. И. Рогожина и всѣхъ моихъ сослуживцевъ, къ кому я обращался за необходимыми свѣдѣніями, задачу, взятую на себя К. Ф. Зерщиковымъ, я выполнилъ — какъ смогъ! Но, при современныхъ условіяхъ, когда нѣкоторыя событія изъ нашей жизни возстановлены по памяти сослуживцевъ, писать и создать «Полную Исторію» родной Части, конечно, я не могъ, на что, совершенно естественно, и не претендую.

Это только — «Краткій Очеркъ» о томъ, какъ наши предки и мы сами жили и служили.

Своему труду я отдалъ то, что имѣю — свое сердце, вполнѣ отдавая себѣ отчетъ въ томъ, что мною, какъ строевымъ офицеромъ, допущены ошибки «литературнаго характера», которыя, однако, не имѣютъ никакой связи съ изложенными историческими фактами.

Въ составленіи этого труда принимали участіе не только чины настоящаго состава Дивизіона, но также и старые Конвойцы.

Всѣ получаемыя свѣдѣнія мною строго свѣрялись, систематизировались и складывались въ одно цѣлое, результатомъ чего и является этотъ «Краткій Очеркъ».

Въ немъ все изложено такъ, какъ оно было и есть, о чемъ свидѣтельстуютъ личныя воспоминанія г. г. офицеровъ и казаковъ, приложенные документы и копіи писемъ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ, подтверждающіе нашу преданность ПРЕСТОЛУ и РОДИНѢ.

Очеркъ мною раздѣленъ на нѣсколько отдѣльныхъ главъ: I, II и III — свѣдѣнія о службѣ въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Конвоѣ Черноморскихъ казаковъ, Горцевъ Кавказа и казаковъ Линейцевъ.

Дальнейшія главы посвящены постепенному разворачиванію Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя въ 4-х-сотенный составъ Гвардейскихъ Кавказскихъ Казаковъ.

Годы Русскаго лихолѣтія, война съ предателями Россіи, какъ въ самой Россіи, такъ и внѣ ея и, «наперекоръ стихіямъ чернымъ», существованіе нашей Части, до настоящихъ дней, составляютъ содержаніе послѣдующихъ главъ.

Одно сознаніе, что РОДНАЯ СЕСТРА нашего ГОСУДАРЯ-МУЧЕНИКА, ГОСУДАРЫНЯ И ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, была такъ высокомилостива ко мнѣ, обязываетъ меня начать свой «Очеркъ» словами ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА:

> «Я ЗНАЮ, ЧТО ВЫ ТРУДИТЕСЬ НАДЪ КРАТКОЙ ИСТОРІЕЙ КОНВОЯ. МИЛЫЙ ЗЕРЩИКОВЪ НАЧАЛЪ ПИСАТЬ СВОИ ЗАПИСКИ, А ВЫ ТЕПЕРЬ КОНЧИТЕ ЭТУ РАБОТУ. ПИШИТЕ. СПРАШИВАЙТЕ, ЧТО ХОТИТЕ, ВСЕГДА БУДУ РАДА ПОМОЧЬ».*)

Полковникъ Н. Галушкинъ

---

*) Письмо ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ 9-го мая 1959 года.



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ



ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
Державный Шефъ
Л.-Гв. 1, 2-й Кубанскихъ и Л.-Гв. 3 и 4-й Терскихъ казачьихъ сотенъ
Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя
Изволилъ числиться въ Собственномъ Конвоѣ съ 6-го мая 1868 года.
Мученически убіенный въ ночь съ 16 на 17 іюля 1918 года въ Екатеринбургѣ.

БЫВШІЕ ШЕФЫ
Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ
Изволилъ числиться въ Собственномъ Конвоѣ
съ 13-го іюня 1861 г. по 1-го марта 1881 г.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ III АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
Изволилъ числиться въ Собственномъ Конвоѣ
съ 29-го мая 1859 г. по 20 октября 1894 г.

Изволитъ числиться въ Дивизіонѣ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
ВЛАДИМІРЪ КИРИЛЛОВИЧЪ
съ 13-го ноября 1954 г.

ЧИСЛИЛИСЬ ПО СПИСКАМЪ:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
Л.-Гв. въ Черноморскомъ Казачьемъ Дивизіонѣ
съ 8-го сентября 1843 года.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
Въ Собственномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоѣ
съ 20-го января 1863 года.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
Петръ Романовичъ Князь БАГРАТІОНЪ
съ 26-го апрѣля 1856 года.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ
Дмитрій Ивановичъ СКОБЕЛЕВЪ
съ 28-го сентября 1858 года.

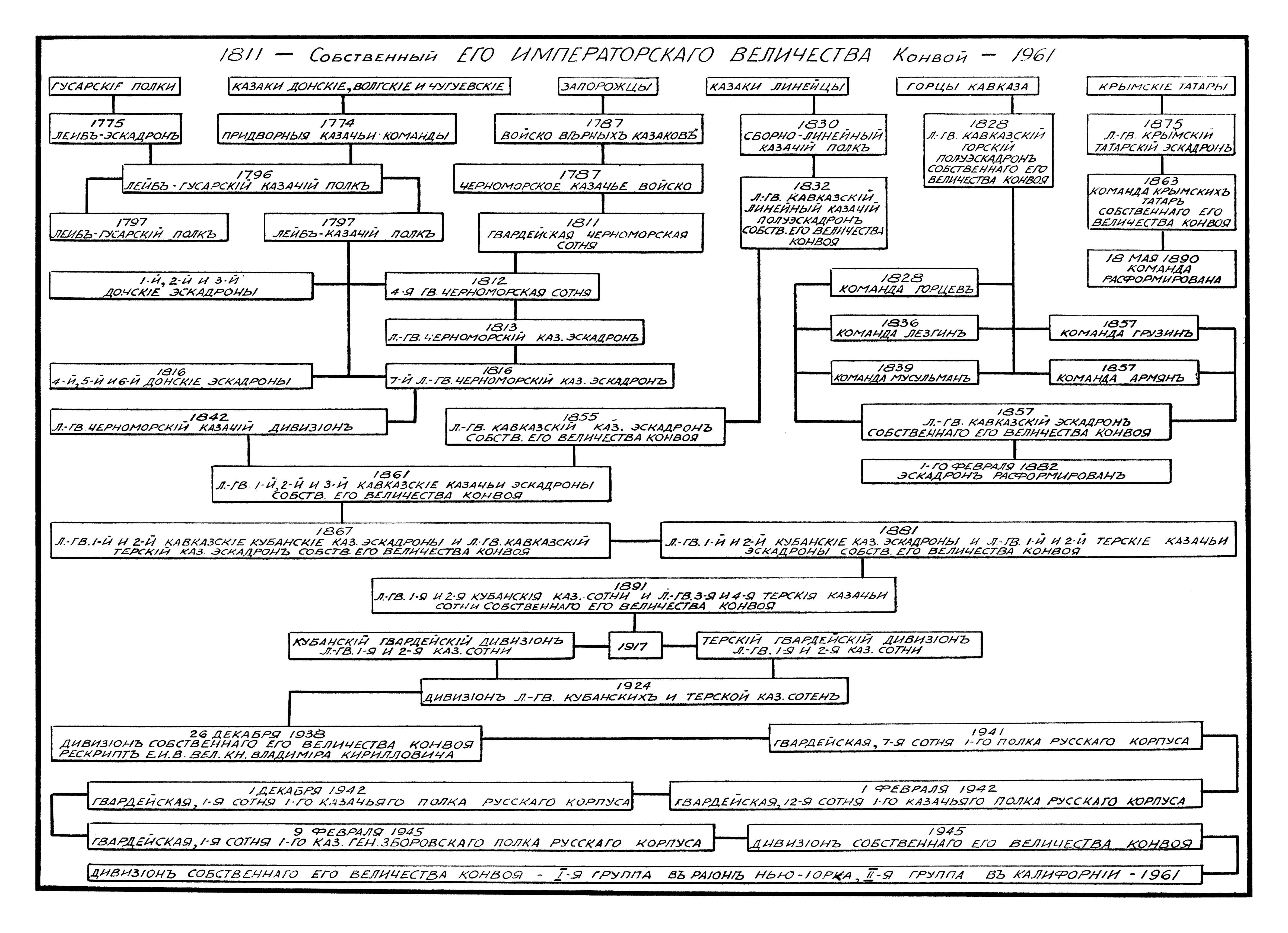
ГЕНЕРАЛЪ ОТЪ КАВАЛЕРІИ, ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ
Сергѣй Алексѣевичъ ШЕРЕМЕТЕВЪ
съ 8-го марта 1864 года.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ, ГЕНЕРАЛЪ-АДЪЮТАНТЪ
Петръ Александровичъ ЧЕРЕВИНЪ
съ 24-го мая 1869 года.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Модестъ Александровичъ ИВАШКИНЪ-ПОТАПОВЪ
съ 13-го августа 1878 года.

СВИТЫ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Владиміръ Алексѣевичъ ШЕРЕМЕТЕВЪ
съ 30-го апрѣля 1887 года.

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ
Викторъ Эрастовичъ ЗБОРОВСКІЙ
съ 4-го октября 1912 года.



1811 — Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой — 1961
ГУСАРСКIЕ ПОЛКИ
КАЗАКИ ДОНСКIЕ, ВОЛГСКIЕ И ЧУГУЕВСКIЕ
ЗАПОРОЖЦЫ
КАЗАКИ ЛИНЕЙЦЫ
ГОРЦЫ КАВКАЗА
КРЫМСКIЕ ТАТАРЫ
1775 ЛЕЙБЪ-ЭСКАДРОНЪ
1774 ПРИДВОРНЫЯ КАЗАЧЬИ КОМАНДЫ
1787 ВОЙСКО ВѢРНЫХЪ КАЗАКОВЪ
1830 СБОРНО-ЛИНЕЙНЫЙ КАЗАЧIЙ ПОЛКЪ
1828 Л.-ГВ. КАВКАЗСКIЙ ГОРСКIЙ ПОЛУЭСКАДРОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1875 Л.-ГВ. КРЫМСКIЙ ТАТАРСКIЙ ЭСКАДРОНЪ
1796 ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКIЙ КАЗАЧIЙ ПОЛКЪ
1787 ЧЕРНОМОРСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО
1832 Л.-ГВ. КАВКАЗСКIЙ ЛИНЕЙНЫЙ КАЗАЧIЙ ПОЛУЭСКАДРОНЪ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1863 КОМАНДА КРЫМСКИХЪ ТАТАРЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1797 ЛЕЙБЪ-ГУСАРСКIЙ ПОЛКЪ
1797 ЛЕЙБЪ-КАЗАЧIЙ ПОЛКЪ
1811 ГВАРДЕЙСКАЯ ЧЕРНОМОРСКАЯ СОТНЯ
18 МАЯ 1890 КОМАНДА РАСФОРМИРОВАНА
1-Й, 2-Й И 3-Й ДОНСКIЕ ЭСКАДРОНЫ
1812 4-Я ГВ. ЧЕРНОМОРСКАЯ СОТНЯ
1828 КОМАНДА ГОРЦЕВЪ
1813 Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКIЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ
1836 КОМАНДА ЛЕЗГИНЪ
1857 КОМАНДА ГРУЗИНЪ
1816 4-Й, 5-Й И 6-Й ДОНСКIЕ ЭСКАДРОНЫ
1816 7-Й Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКIЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ
1839 КОМАНДА МУСУЛЬМАНЪ
1857 КОМАНДА АРМЯНЪ
1842 Л.-ГВ ЧЕРНОМОРСКIЙ КАЗАЧIЙ ДИВИЗIОНЪ
1855 Л.-ГВ. КАВКАЗСКIЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1857 Л.-ГВ. КАВКАЗСКIЙ ЭСКАДРОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1-ГО ФЕВРАЛЯ 1882 ЭСКАДРОНЪ РАСФОРМИРОВАНЪ
1861 Л.-ГВ. 1-Й, 2-Й И 3-Й КАВКАЗСКIЕ КАЗАЧЬИ ЭСКАДРОНЫ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1867 Л.-ГВ. 1-Й И 2-Й КАВКАЗСКIЕ КУБАНСКIЕ КАЗ. ЭСКАДРОНЫ И Л.-ГВ. КАВКАЗСКIЙ ТЕРСКIЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1881 Л.-ГВ. 1-Й И 2-Й КУБАНСКIЕ КАЗ. ЭСКАДРОНЫ И Л.-ГВ. 1-Й И 2-Й ТЕРСКIЕ КАЗАЧЬИ ЭСКАДРОНЫ СОБСТВ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
1891 Л.-ГВ. 1-Я И 2-Я КУБАНСКIЯ КАЗ. СОТНИ И Л.-ГВ. 3-Я И 4-Я ТЕРСКIЯ КАЗАЧЬИ СОТНИ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
КУБАНСКIЙ ГВАРДЕЙСКIЙ ДИВИЗIОНЪ Л.-ГВ. 1-Я И 2-Я КАЗ. СОТНИ
1917
ТЕРСКIЙ ГВАРДЕЙСКIЙ ДИВИЗIОНЪ Л.-ГВ. 1-Я И 2-Я КАЗ. СОТНИ
1924 ДИВИЗIОНЪ Л.-ГВ. КУБАНСКИХЪ И ТЕРСКОЙ КАЗ. СОТЕНЪ
26 ДЕКАБРЯ 1938 ДИВИЗIОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ РЕСКРИПТЪ Е.И.В. ВЕЛ. КН. ВЛАДИМIРА КИРИЛЛОВИЧА
1941 ГВАРДЕЙСКАЯ, 7-Я СОТНЯ 1-ГО ПОЛКА РУССКАГО КОРПУСА
1 ДЕКАБРЯ 1942 ГВАРДЕЙСКАЯ, 1-Я СОТНЯ 1-ГО КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА РУССКАГО КОРПУСА
1 ФЕВРАЛЯ 1942 ГВАРДЕЙСКАЯ, 12-Я СОТНЯ 1-ГО КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА РУССКАГО КОРПУСА
9 ФЕВРАЛЯ 1945 ГВАРДЕЙСКАЯ, 1-Я СОТНЯ 1-ГО КАЗ. ГЕН. ЗБОРОВСКАГО ПОЛКА РУССКАГО КОРПУСА
1945 ДИВИЗIОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ
ДИВИЗIОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ - I-Я ГРУППА ВЪ РАIОНѢ НЬЮ-IОРКА, II-Я ГРУППА ВЪ КАЛИФОРНIИ - 1961

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЧЕРНОМОРЦЫ

I.

1811—1861

По Высочайшему повелѣнію, днемъ старшинства всего ИМПЕРАТОРСКАГО Конвоя считается дата основанія Гвардейской Черноморской казачьей сотни, 18-го мая 1811 года.

Но уже въ 1775 году, въ Исторіи Русской Арміи упоминается о Конвоѣ Императрицы Екатерины Великой.

Въ 1774 году, по предложенію князя Потемкина-Таврическаго, были сформированы изъ казаковъ знатнѣйшихъ фамилій двѣ команды — Донская и Чугуевская, каждая численностью въ 65 человѣкъ.

Команды эти въ 1775 году были командированы въ Москву на торжество празднованія мира при Кучукъ-Кайнарджи. По прибытіи въ Москву, казачьи команды, съ выбраннымъ изъ гусарскихъ полковъ Лейбъ-эскадрономъ, составили Собственный ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Конвой.

По окончаніи Московскихъ торжествъ, Конвой Императрицы не былъ расформированъ, а переведенъ на постоянное квартированіе въ С.-Петербургъ.[1])

Въ 1776 году утверждены штаты этихъ командъ «для конвоированія Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II-й, во время проѣздовъ ЕЯ изъ С.-Петербурга въ Царское Село, а во время нахожденія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Царскомъ Селѣ, для содержанія карауловъ и разъѣздовъ».

Въ ноябрѣ 1796 года, по вступленіи на Престолъ Государя Императора ПАВЛА I-го, Донская и Чугуевская «Придворныя команды», а также Гатчинскіе эскадроны, изъ такъ называемаго «Гатчинскаго гарнизона», вошли въ составъ вновь учрежденнаго Лейбъ-Гусарска-

---

1) С. Петин. С. Е. В. К. — «Журнал поход. канц. графа Потемкина 1775. № 921». Чугуевская каз. команда состояла изъ Чугуевскихъ и Волжскихъ казаковъ.

го-Казачьяго полка, который Высочайше повелѣно «считать на томъ же основанiи, какъ Конная Гвардiя».

Въ Высочайшемъ приказѣ отъ 25 января 1797 года, по случаю предстоящей коронацiи Императора ПАВЛА I-го, сказано:

«завтрашняго числа, въ десятомъ часу, быть готовому артиллерiйскому батальону и выступить въ Москву. Послѣ завтра Лейбъ-Гусарскому и Лейбъ-Казачьему полкамъ, въ томъ же часу, оставляя изъ Лейбъ-Гусарскаго полка число, нужное для Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

Приказъ этотъ говоритъ о раздвоенiи Лейбъ-Гусарскаго-Казачьяго полка, на Лейбъ-Гусарскiй и Лейбъ-Казачiй, которые, хотя и продолжали нести службу Высочайшей охраны, но уже не составляли Собственнаго Императорскаго Конвоя. По штату 1798 года Л.-Гв. Казачiй полкъ состоялъ изъ двухъ эскадроновъ. Въ слѣдующемъ году, Высочайше повелѣно имѣть 3 эскадрона. Въ 1811 году — 4 эскадрона, для чего была сформирована Гвардейская Черноморская казачья сотня.

По поводу сформированiя Гвардейской Черноморской казачьей сотни, Военный Министръ сообщилъ 18-го мая 1811 года, Херсонскому военному губернатору, слѣдующее Высочайшее повелѣнiе:[2])

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ВЪ ИЗЪЯВЛЕНIЕ МОНАРШАГО СВОЕГО БЛАГОВОЛЕНIЯ КЪ ВОЙСКУ ЧЕРНОМОРСКОМУ, ЗА ОТЛИЧНЫЕ ПОДВИГИ ИХЪ ПРОТИВЪ ВРАГОВЪ ОТЕЧЕСТВА НАШЕГО, ВО МНОГИХЪ СЛУЧАЯХЪ ОКАЗАННЫЕ, ЖЕЛАЕТЪ ИМѢТЬ ПРИ СЕБѢ, ВЪ ЧИСЛѢ ГВАРДIИ СВОЕЙ, КОННЫХЪ СОТНЮ КАЗАКОВЪ ОТЪ ВОЙСКА ЧЕРНОМОРСКАГО ИЗЪ ЛУЧШИХЪ ЛЮДЕЙ, ПОДЪ КОМАНДОЮ ИЗЪ ИХЪ ЖЕ ВОЙСКА ОДНОГО ШТАБЪ-ОФИЦЕРА И ПОТРЕБНАГО ЧИСЛА ОФИЦЕРОВЪ ИЗЪ ОТЛИЧНѢЙШИХЪ ЛЮДЕЙ; КОМАНДА СIЯ БУДЕТЪ ЗДѢСЬ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ВСѢМИ ТѢМИ ПРАВАМИ И ПРЕИМУЩЕСТВАМИ, КАКИМИ ПОЛЬЗУЕТСЯ И ВСЯ ПРОЧАЯ ГВАРДIЯ.

ВО ИСПОЛНЕНIЕ СЕГО МОНАРШАГО СОИЗВОЛЕНIЯ, ПОКОРНѢЙШЕ ПРОШУ ВАШЕ СIЯТЕЛЬСТВО, ОБЪЯВИТЬ ВОЙСКУ ТАКОВУЮ КЪ НЕМУ МОНАРШУЮ МИЛОСТЬ, УВѢДОМИТЬ, КТО КОМАНДОВАТЬ ТОЮ СОТНЕЮ НАЗНАЧЕНЪ УЖЕ, НАХОДЯЩIЙСЯ НЫНѢ ЗДѢСЬ (т. е. въ С.-Петербургѣ), ВОЙСКОВОЙ ПОЛКОВНИКЪ БУРСАКЪ 2-Й, КОЕГО СЪ СИМЪ ЖЕ КЪ ВАШЕМУ СIЯТЕЛЬСТВУ ПРЕПРОВОЖДАЮ. ПОКОРНѢЙШЕ ПРОШУ ОТПРАВИТЬ ЕГО ВЪ ВОЙСКО ДЛЯ ВЫБОРА ЛУЧШИХЪ ЛЮДЕЙ СЪ ИСПРАВНОЮ СБРУЕЮ И СЪ НИМЪ ЖЕ ПОСЛАТЬ ОДНОГО КАЗАКА ВЪ ОБРАЗЦОВОЙ ОБМУНДИРОВКѢ, ПРЕДПИСАТЬ АТАМАНУ

---

[2]) Предписанiе Воен. Министра 18 мая 1811 г. № 1314. Арх. Г. Упр. К. В. № 6.

ТОГО ВОЙСКА, ЧТОБЫ ВЫБОРЪ СЕЙ СОТНИ КАЗАКОВЪ И ОФИЦЕРОВЪ СДѢЛАНЪ БЫЛЪ ВОЗМОЖНО ПОСПѢШНѢЕ».[3])

Черноморское Казачье Войско, въ то время, когда ему было оказано Высочайшее Благоволеніе, «за отличные его подвиги», находилось на Кубани.

Въ 1787 году, изъ бывшаго Запорожскаго Казачьяго Войска, было сформировано «Войско Вѣрныхъ Казаковъ». За отличіе въ войну съ Турціей въ 1787—1791 годахъ, особенно на Черномъ морѣ, Войско получило наименованіе «Черноморскаго». 30 іюня 1792 года, Черноморскому Войску, Императрицей ЕКАТЕРИНОЙ ВЕЛИКОЙ, была пожалована на «вѣчное владѣніе», земля на Кубани, куда Черноморцы, во главѣ со своимъ Кошевымъ Атаманомъ Захаромъ Чепига, были переселены.

Высочайшая грамота, пожалованная Черноморцамъ, гласитъ:[4])

«Вѣрнаго Нашего Войска Черноморскаго Кошевому Атаману, старшинамъ и всему Войску Нашего ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА милостивое слово.

Усердная и ревностная Войска Черноморскаго Намъ служба, доказанная въ теченіи благополучно оконченной съ Портою оттоманскою войны, храбрыми и мужественными на сушѣ и водахъ подвигами, ненарушимая вѣрность, строгое повиновеніе начальству и похвальное поведеніе отъ самого того времени, какъ сіе Войско, по волѣ Нашей, покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ-Таврическимъ, учреждено, пріобрѣли особливое Наше вниманіе и милость. Мы потому, желая воздать заслугамъ Войска Черноморскаго утвержденіемъ всегдашняго его благосостоянія и доставленіемъ способовъ къ благополучному пребыванію, всемилостивѣйше пожаловали оному въ вѣчное владѣніе состоящій въ области Таврической островъ Фанагорію со всей землей, лежащей на правой сторонѣ рѣки Кубани, отъ устья ея къ Усть-Лабинскому редуту, такъ, чтобы съ одной стороны рѣка Кубань, съ другой же Азовское море до Ейскаго городка служили границею Войсковой земли. Съ прочихъ же сторонъ разграниченіе указали Мы дѣлать генералъ-губернатору Кавказскому и губернаторамъ Екатеринославскому и Таврическому черезъ землемѣровъ, съ депутатами отъ В. Донского.

---

[3]) Полковникъ Афанасій Феодоровичъ Бурсакъ 2-й, первый командиръ, природный казакъ Черноморскаго казачьяго Войска, былъ однимъ изъ выдающихся офицеровъ Русской Арміи. До основанія Гвардейской Черноморской каз. сотни, А. Ф. Бурсакъ, съ 26 декабря 1807 года, состоялъ адъютантомъ военнаго министра графа Аракчеева. 17-го февраля 1810 года произведенъ въ «Войсковые Полковники», съ опредѣленіемъ къ Военному Министру Барклаю-де-Толли, при которомъ находился до дня основанія Гвардейской Черноморской Казачьей Сотни и назначенія быть ея командиромъ. — С. Петинъ «Г. г. офицеры Черноморской Гвардіи».

[4]) Высочайшая грамота хранится при Войсковыхъ Регаліяхъ.

Всѣ стоящія на упомянутой Нами пожалованной землѣ всякаго рода угодья, на водахъ же рыбныя ловли, остаются въ точномъ и полномъ владѣніи и распоряженіи Войска Черноморскаго, исключая только мѣстъ для крѣпости на островѣ Фанагоріи и для другой, при рѣкѣ Кубани, съ подлежащимъ для каждой выгономъ, которая для вящей Войску, и особливо на случай военной безопасности, сооружены быть имѣютъ.

Войску Черноморскому предлежитъ бдѣніе и стража пограничная отъ набѣговъ народовъ закубанскихъ.

На производство жалованья Кошевому Атаману и Войсковымъ Старшинамъ по приложенной росписи, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и прочіе по Войску нужные расходы, повелѣли Мы отпускать изъ казны Нашей по 20.000 рублей въ годъ.

Желаемъ Мы, чтобъ земское управленіе сего Войска, для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными отъ Насъ учрежденіями о управленіи губерній.

Мы предоставляемъ Правительству Войсковому расправу и наказаніе впадающихъ въ погрѣшности въ Войскѣ, но важныхъ преступниковъ повелѣваемъ, для осужденія по законамъ, отсылать къ губернатору Таврическому. Мы всемилостивѣйше позволяемъ Войску Черноморскому пользоваться свободною внутреннею торговлею и вольною продажею вина на Войсковыхъ земляхъ.

Всемилостивѣйше жалуемъ Войску Черноморскому знамя Войсковое и литавры, подтверждая также употребленіе и тѣхъ знаменъ, булавы, перначей и Войсковой печати, которые оному отъ покойнаго генералъ-фельдмаршала князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго, по волѣ Нашей, доставлены.[5])

Мы надѣемся, что Войско Черноморское, соотвѣтствуя Монаршему Нашему о немъ попеченію, потщится не только бдительнымъ охраненіемъ границъ соблюсти имя храбрыхъ воиновъ, но и всемѣрно употребить стараніе заслужить званіе добрыхъ и полезныхъ гражданъ внутреннимъ благоустройствомъ и распространеніемъ семейственнаго житія».

---

[5]) Несмотря на особый титулъ всесильнаго правителя юга Россіи: «Ея И. В. Самодержицы Всероссійской ген. -аншефъ, главнокомандующій сухопутными Е. В. войсками въ Крыму и въ южныхъ Россійской Имперіи губерніяхъ расположенными, флотами, плавающими на Черномъ, Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ, всею легкою конницею, Донскимъ Войскомъ и всѣми иррегулярными, Государственной Военной Коллегіи Вице-Президентъ, Екатеринославскій, Астраханскій и Саратовскій генералъ-губернаторъ, Е. В. Генералъ-Адъютантъ, Дѣйств. Камергеръ, Кавалергардскаго корпуса поручикъ, Л.-Гв. Преображенскаго полка подполковникъ, Новотроицкаго Кирасирскаго полка шефъ, надъ всѣми войсками Генералъ-Инспекторъ и Кавалеръ Свѣтлѣйшій Князь», Запорожцы зачислили въ свое Войско Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго подъ именемъ казака — «Грицко Нечесы». Потемкин, любя казаковъ, часто самъ себя называлъ этимъ именемъ.

(Далѣе въ этомъ историческомъ документѣ слѣдуетъ указанiе о томъ, сколько положено въ годъ жалованья: Кошевому Атаману, Войсковому Судьѣ, Войсковому Писарю, Куреннымъ Атаманамъ, Пушкарю, Довбашу и другимъ чинамъ Войска).

Подлинный документъ подписанъ собственною рукою Государыни Императрицы:

«ЕКАТЕРИНА II».

Согласно Высочайшаго повелѣнiя Государя Императора АЛЕКСАНДРА I, изъ этихъ Черноморцевъ сформированная Гвардейская сотня, подъ командою Войскового полковника Бурсака 2-го, въ составѣ: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 3, урядниковъ 14, казаковъ 100, лошадей строевыхъ 118, столько же «подъемныхъ», 27-го февраля 1812 года прибыла въ С.-Петербургъ и была зачислена Л.-Гв. въ Казачiй полкъ 4-мъ эскадрономъ.

Форму обмундированiя Черноморцы имѣли покроемъ и цвѣтомъ одинаковую съ Донскими эскадронами полка, но при полукафтанѣ и кафтанѣ, кромѣ обыкновенныхъ рукавовъ, имѣли еще и другiе, закинутые за спину: при полукафтанѣ — алые, а при кафтанѣ — синiе.

Разница еще заключалась въ томъ, что у Донскихъ эскадроновъ полка воротники и обшлага были изъ алаго и синяго сукна (по цвѣту полукафтана и кафтана), крыльца у трубачей синiя, чепраки и подушки на сѣдлахъ у всѣхъ чиновъ алые, съ бѣлою обшивкою, а у Черноморцевъ: воротники и обшивка черные (у казаковъ плисовые, офицеровъ — бархатные), съ бѣлой выпушкой. Крыльца у трубачей алыя; чепраки синiе, а подушки алыя съ обшивкою изъ желтаго басона.[6])

Черезъ 18 дней послѣ своего прибытiя въ С.-Петербургъ, Черноморцы вновь выступили въ походъ.

Наполеонъ со своими полчищами двинулся на Русскую землю, и Россiя вступила въ Великую Отечественную Войну.

16-го марта 1812 года, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I произвелъ смотръ всѣмъ полкамъ Гвардiи, послѣ чего Л.-Гв. Казачiй полкъ, въ составѣ трехъ эскадроновъ Донцовъ и одного Черноморскаго, выступилъ на Вильно, получивъ назначенiе быть въ авангардѣ 3-го корпуса генерала Тучкова, находившагося у города Троки.

Изъ авангарда полкъ былъ выдвинутъ къ рѣкѣ Нѣманъ, гдѣ вступилъ въ бой съ войсками маршала Даву.

14-го iюня, эскадроны полка атаковали французскихъ гусаръ. Взятые казаками въ плѣнъ семь непрiятельскихъ гусаръ были первые французскiе плѣнные въ Отечественной Войнѣ.

16-го iюня, при переправѣ черезъ рѣку Вилiю, нѣсколько французскихъ конно-егерскихъ эскадроновъ отрѣзали находившуюся сзади всѣхъ Черноморскую сотню и хотѣли ее окружить, но стремительной атакой Лейбъ-эскадрона казаковъ и полуэскадрона Лейбъ-Уланъ, Черноморцы были выручены и, въ свою очередь, атаковали егерей. Всѣ

---

[6]) Изъ воспоминанiй генерала Н. И. Лукашева.

шесть эскадроновъ французской конницы были разбиты и болѣе ста непріятельскихъ кавалеристовъ взято въ плѣнъ.

Въ послѣдующихъ бояхъ, Черноморскіе казаки особенно отличились у дер. Деюны, сдержавъ натискъ непріятельской кавалеріи, и дер. Свѣчѣ, отбросивъ авангардъ французовъ. Прикрывая отступленіе нашей первой арміи, они принимали участіе въ бояхъ у Витебска. Въ этихъ бояхъ были ранены сотникъ Мазуренко и вахмистръ Завадовскій.

За мужество и храбрость, проявленную въ арріергардныхъ бояхъ, при отходѣ Русской Арміи къ Смоленску, командиръ Гвардейской Черноморской сотни полковникъ Бурсакъ 2-й былъ награжденъ орденомъ Св. Владиміра 4-й степени и удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Хорунжій Матешевскій получилъ орденъ Св. Анны 3-й степени. Вахмистра: Николай Завадовскій — первый офицерскій чинъ, Степанъ Бѣлый — «знакъ отличія военнаго ордена».

Съ первыхъ же дней Отечественной Войны, въ ежедневныхъ бояхъ, Лейбъ-Казаки и Черноморцы проявили безчисленное множество подвиговъ, но ихъ атака 7-го августа, совмѣстно съ Маріупольскими гусарами, при защитѣ Смоленска, когда были уничтожены два французскихъ пѣхотныхъ полка у Валупиной горы, и беззавѣтная храбрость, оказанная 26-го августа, въ знаменитомъ Бородинскомъ сраженіи, занесены на почетныя страницы Русской военной исторіи.

Въ самый критическій моментъ Бородинской битвы, первый Кавалерійскій Корпусъ Уварова нанесъ сильный ударъ французамъ на ихъ лѣвый флангъ и тылъ. Первая атака, остановившая зарвавшагося противника, выпала на долю полковъ Л.-Гв. Гусарскаго и Л.-Гв. Казачьяго, причемъ два взвода Черноморцевъ, подъ командою сотника Безкровнаго, врубились во французскую батарею и, захватив два орудія, взяли въ плѣнъ одного кавалерійскаго полковника, одного офицера и девять солдатъ артиллеристовъ. Въ этой атакѣ, подъ сотникомъ Безкровнымъ былъ убитъ картечью конь, а самъ онъ контуженъ в лѣвую ногу.

Послѣ Бородинскаго сраженія, Черноморцы съ исключительной выдержкой и стойкостью сдерживали натискъ врага, когда 28-го августа была выслана въ цѣпь вся Гвардейская Черноморская сотня.

Въ періодъ временнаго пребыванія въ Москвѣ Наполеона, Черноморцы имѣли особую задачу, находясь въ партизанскомъ отрядѣ. Въ октябрѣ 6-го числа, при Тарутино, Чорноморцы атаковали части корпуса Мюрата, взявъ дѣйствующую французскую батарею. За бой у Тарутино полковникъ Бурсакъ былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й степени, и раненый въ руку сотникъ Завадовскій орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ.[7])

---

[7]) Сотникъ Николай Степановичъ Завадовскій, младшій офицеръ Гвардейской Черноморской сотни, за боевыя отличія, изъ вахмистровъ произведенъ въ офицеры. Въ 1828 году — генералъ. Съ 1830 года по 1842 годъ — Атаманъ Черноморскаго Войска.



ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ I ПАВЛОВИЧЪ
Державный Основатель
Гвардейской Черноморской Казачьей Сотни.

28 октября Лейбъ-Казаки и Черноморцы приняли участiе въ разгромѣ корпуса вице-короля на р. Вопи и въ преслѣдованiи непрiятеля изъ предѣловъ Россiи. Въ половинѣ ноября состоялась злополучная для армiи Наполеона переправа черезъ Березину.

Находясь постоянно въ авангардѣ нашей армiи, Черноморцы подошли къ городу Юрбургу. Городъ былъ занятъ сильнымъ отрядомъ противника. Полковникъ Бурсакъ, не ожидая подхода главныхъ силъ нашего авангарда, немедленно атаковалъ французовъ и занялъ городъ.

Въ декабрѣ Черноморцы, открывъ движенiе корпуса маршала Макдональда, разбили его передовой отрядъ, захвативъ съ собою корпусный магазинъ съ провiантомъ, причемъ особенно отличился своей доблестью сотникъ Безкровный.

Прибывшiй въ Вильно Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I отдалъ приказъ Главнокомандующему Русской Армiи вступить въ предѣлы Пруссiи.

1-го января 1813 года, послѣ торжественнаго молебна, Русская Армiя двинулась черезъ Нѣманъ на городъ Плоцкъ.

Предстоящая въ 1813 году кампанiя, для Л.-Гв. Казачьяго полка, совершилась при обстоятельствахъ, нисколько не похожихъ на тѣ условiя, при которыхъ полкъ воевалъ въ минувшемъ 1812 году.

Полкъ получилъ лестное назначенiе состоять въ Конвоѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Эту почетную службу Донцы и Черноморцы несли съ честью въ 1813 и 1814 годахъ, слѣдуя всюду за Государемъ.

12-го апрѣля 1813 года, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I торжественно вступилъ въ городъ Дрезденъ. Л.-Гв. Казачiй полкъ составлялъ Императорскiй Конвой.

Въ Дрезденѣ Черноморцы были осчастливлены Высочайшею наградою, за «ихъ усердную боевую службу».[8]) Управляющему Военнымъ Министерствомъ генералъ-лейтенанту князю Горчакову былъ отданъ слѣдующiй указъ:

«ВЪ НАГРАДУ ОТЛИЧНОЙ СЛУЖБЫ, СОСТОЯВШЕЙ ВЪ ЧИСЛѢ ГВАРДIИ ЧЕРНОМОРСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ СОТНѢ И ВО ИЗЪЯВЛЕНIЕ БЛАГОВОЛЕНIЯ НАШЕГО КЪ ВОЙСКУ КАЗАЧЬЕМУ ЧЕРНОМОРСКОМУ, ПОВЕЛѢВАЕМЪ СОДЕРЖАТЬ ОНУЮ ВО ВСЕМЪ НА ПОЛОЖЕНIИ ЛЕЙБЪ-КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА, ОСТАВИВЪ ЧЕРНОМОРЦАМЪ ИХЪ ИСТОРИЧЕСКУЮ ФОРМУ ВЪ НАСТОЯЩЕМЪ ВИДѢ. СЛУЖАЩИХЪ ЖЕ НЫНѢ ВЪ ЧЕРНОМОРСКОЙ СОТНѢ ОФИЦЕРОВЪ И КОМАНДИРА ОНОЙ ПЕРЕИМЕНОВАТЬ ВЪ ЧИНЫ ПРОТИВУ ЛЕЙБЪ-КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА.

Город Дрезденъ.
Апрѣля 25 дня
1813 года.

А Л Е К С А Н Д Р Ъ».

---

[8]) С. Петинъ. Дѣло Ком. объ устр. Черн. В. № 50.

На основанiи Высочайшаго Указа, изданнаго Государемъ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ I въ городѣ Дрезденѣ 25-го апрѣля 1813 года, Гвардейская Черноморская сотня была переименована Лейбъ-Гвардiи въ Черноморскiй эскадронъ.

14-го августа въ сраженiи у Дрездена и 17—18-го въ побѣдоносной для Русской Гвардiи Кульмской битвѣ Л.-Гв. Казачiй полкъ былъ въ Конвоѣ Государя Императора и непосредственнаго участiя въ бою не принималъ, но Черноморскаго казачьяго эскадрона поручики Безкровный и Завадовскiй, согласно ихъ просьбѣ, съ особаго разрѣшенiя Государя Императора, были въ Кульмскомъ бою прикомандированы къ 4-му Черноморскому казачьему полку, входившему въ составъ коннаго корпуса генерала графа Платова.

Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, осматривая поле Кульмскаго сраженiя, нашелъ поручика Безкровнаго, тяжело раненаго въ бокъ непрiятельской картечью, и, Его личнымъ распоряженiемъ, герою Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго эскадрона была оказана срочная медицинская помощь.[9])

Будучи младшимъ офицеромъ Черноморской Гвардiи, А. Д. Безкровный былъ награжденъ золотою саблею съ надписью: «за храбрость» и орденомъ Св. Владимiра 4-го класса. Въ дальнѣйшей своей боевой службѣ — брилліантовымъ перстнемъ «стоимостью въ 1000 рублей», 5000 рублей деньгами и орденомъ Св. Анны. Вернувшись на Кубань, Безкровный, въ чинѣ полковника, назначается Командующимъ Войсками Черноморской Линiи, а 27-го сентября 1827 года, по Высочайшему Указу, Войсковымъ Атаманомъ Черноморскаго Казачьяго Войска.

Въ 1827 году началась новая война съ Турцiей и Персiей. Горцы, поддерживаемые турками, усилили свою враждебную дѣятельность, вторгаясь въ предѣлы Черноморскихъ казаковъ.

Съ началомъ войны на Атамана Безкровнаго было возложено командованiе Таманскимъ отрядомъ, главной задачей котораго было обезпеченiе операцiи русскихъ войскъ противъ турецкой крѣпости Анапы. Активно выполняя возложенную на него задачу, Атаманъ со своими Черноморцами участвовалъ въ осадѣ и штурмѣ крѣпости. За отличную храбрость и умѣлое руководство войсками, А. Д. Безкровный былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маiора и награжденъ орденомъ Св. Георгiя 4-го класса.

Атаманъ Безкровный, благодаря своему мужеству и исключительной храбрости, высоко поднялъ престижъ Черноморскаго Войска въ глазахъ храбраго противника — закубанскихъ горцевъ.

Имя Войскового (съ 2-го октября 1827 года, Наказнаго) Атамана Безкровнаго достойно чтится въ Кубанскомъ Казачьемъ Войскѣ,

---

[9]) Поручикъ Алексѣй Даниловичъ Безкровный, начавъ службу рядовымъ казакомъ въ 1800 году, так же, какъ и его сослуживецъ Л.-Гв. по Черноморскому эскадрону, Н. С. Завадовскiй, кончил ее, какъ Атаманъ Черноморскаго Войска — каковымъ онъ былъ съ 1827 по 1830 г. г., въ чинѣ генералъ-маiора.

одинъ изъ полковъ котораго именуется: «1-й Таманскій генерала Безкровнаго полкъ».[10])

Послѣ Кульмскаго боя и разгрома войскъ Макдональда при Кацбахѣ, 4-го октября (17 н. ст.) произошла знаменитая «битва народовъ» подъ Лейпцигомъ, — битва, во время которой Лейбъ-Казаки и Черноморцы своею доблестью и беззавѣтной храбростью покрыли себя неувядаемой славой.

Въ бою подъ Лейпцигомъ русскія колонны первыми двинулись впередъ на Вахау и Клебергъ, выбили оттуда французовъ и завладѣли ихъ позиціей. Но дальнѣйшее продвиженіе русскихъ войскъ было остановлено жестокимъ огнемъ французскихъ батарей.

Перейдя въ контръ-атаку, французы вновь завладѣли Вахау и Клебергомъ. Наполеонъ, сосредоточивъ главныя свои силы противъ нашего центра, открылъ по нему сильный огонь всей своей артиллеріей.

За центромъ же нашихъ войскъ, на горѣ у деревни Госсы, находился Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I съ двумя союзными Монархами. Вблизи Государя былъ Его Конвой, Л.-Гв. Казачій полкъ — Донцы и Черноморцы.

Развивая свой успѣхъ, Наполеонъ двинулъ къ Вахау кавалерійскій корпусъ Латуръ-Мабура, всю свою конную гвардію и 60 орудій. Кавалерійская атака была поручена Мюрату, и вся масса французской конницы должна была обрушиться на нашъ центръ.

Русская пѣхота мужественно встрѣтила врага, свернувшись въ каре.Атакующіе встрѣчены картечью и штыками, но массы французскихъ кирасиръ и драгунъ не останавливаются...

Каре пѣхоты смяты, наша легкая гвардейская кавалерійская дивизія, не успѣвшая еще развернуться, была сама атакована.

Французская конница шла неудержимымъ потокомъ: на ея пути все было смято и уничтожено, и нашъ боевой центръ прорванъ.

Наполеонъ торжествовалъ и уже послалъ въ Лейпцигъ королю Саксонскому поздравленіе, не сомнѣваясь въ окончательной побѣдѣ.[11])

Прорвавъ центръ, атакующіе летѣли прямо на дер. Госсу, у которой на возвышеніи, за плотиной, находился Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I со Своей Свитой и Конвоемъ. Вблизи, кромѣ четырехъ эскадроновъ Л.-Гв. Казачьяго полка, не было другихъ войскъ.

Непріятель мчался прямо на Свиту Государя...

Въ этотъ критическій моментъ боя, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, сохранивъ полное самообладаніе, приказалъ: графу Орлову-Денисову скакать къ Барклаю-де-Толли, съ повелѣніемъ немедленно къ отступившему центру выдвинуть тяжелую конницу, а начальнику резерв-

---

[10]) «Казакъ» — Информаціонный Листокъ Кубанской канцеляріи № 103. 1957 год. «А. Д. Безкровный» — ст. генерала В. Науменко.

[11]) Лейпцигское сраженіе — «Битва народовъ» — длилось 4 дня. Въ немъ принимало участіе до полумилліона человекъ и было убито и ранено болѣе 100.000. Въ бою лично принимали участие Императоръ Александръ I и Наполеонъ, присутствовали: императоръ Австрійскій Францъ и короли Прусскій и Саксонскій (С. Ф. Платоновъ. Р. ист.)

ной артиллеріи генералу Сухозанету, подтянуть всѣ батареи — обратился къ единственной Своей охранѣ, Лейбъ-Казакамъ и Черноморцамъ.

— «Позвать полковника Ефремова!» — услышали казаки Государевы слова. Полковникъ Ефремовъ, за отсутствіемъ командира Л.-Гв. Казачьяго полка, стоялъ передъ полкомъ. Онъ поскакалъ на холмъ и остановился передъ Государемъ.

Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I повелѣлъ полку идти впередъ черезъ плотину и атаковать непріятельскую кавалерію во флангъ.

Выслушавъ Царское приказаніе, полковникъ Ефремовъ быстро повернулъ назадъ. «Полкъ!» скомандовалъ онъ на скаку: «отдѣленіями, по четыре направо, заѣзжай! За мной!» И, не ожидая, пока тронется полкъ, понесся въ сторону непріятеля.

«Не отставай отъ командира!» раздалось въ рядахъ полка, и казаки бросились въ атаку. Путь полку пересѣкалъ топкій болотистый ручей, который обскакать было нельзя.

Эскадроны разсыпались по берегу и, кто гдѣ стоялъ, такъ и ринулись впередъ: кто пробирался плотиной, кто плылъ, гдѣ поглубже, или, забравшись въ тину, барахтался въ ней. Преодолѣвъ препятствіе, и скрывъ свое движеніе тянувшейся со стороны противника возвышенностью, полкъ приблизился къ французамъ.

Непріятельская кавалерія, не подозрѣвая удара, неслась впередъ. Одинъ изъ французскихъ кирасирскихъ полковъ пересѣкалъ дорогу Л.-Гв. Казачьему полку. «Эскадронъ!» громко скомандовалъ полковникъ Ефремовъ. «Эскадронъ!» повторилъ онъ: «благословляю! . . »

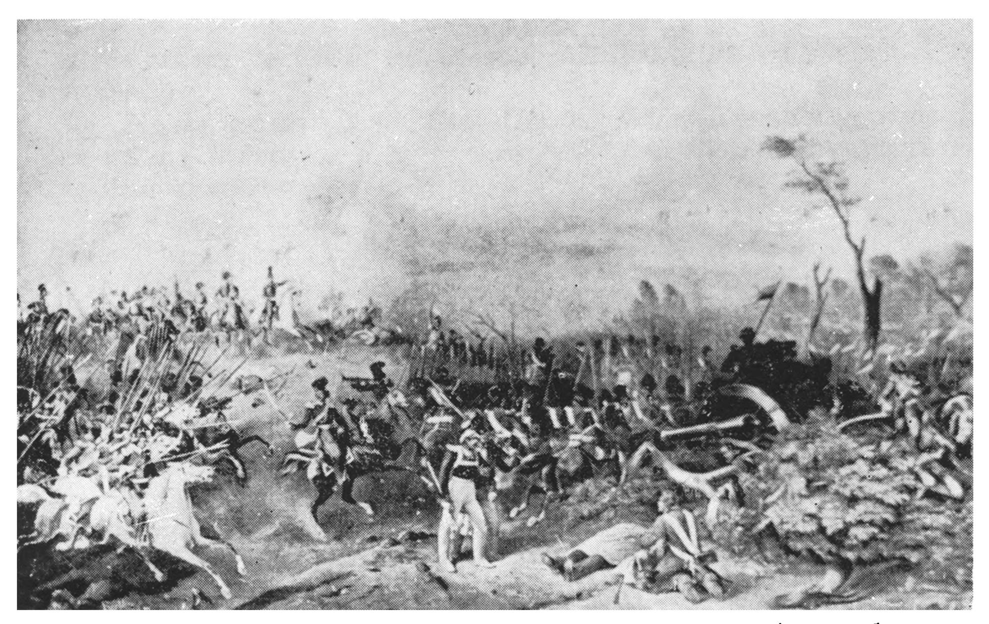
Ефремовъ высоко поднялъ свою обнаженную саблю и сдѣлалъ ею въ воздухѣ крестное знаменіе. Казаки, взявъ на перевѣсъ свои длинныя пики, съ гикомъ ринулись на латниковъ и врубились въ ихъ ряды, атаковавъ флангъ французскаго кирасирскаго полка.

Пораженная этимъ неожиданнымъ ударомъ, непріятельская кавалерія заколебалась; первые ряды ея смяты и разсѣяны, остальные остановились и, атакованные одновременно съ фронта русской конницей, а съ другого фланга прусскими кирасирскимъ и драгунскимъ полками, повернули назадъ. Разбитая французская кавалерія, преслѣдуемая огнемъ, съ противоположныхъ береговъ озера и ручья у деревни Госсы, 112-ти орудіями ген. Сухозанета, въ безпорядкѣ отступила за свои пѣхотныя колонны.[12])

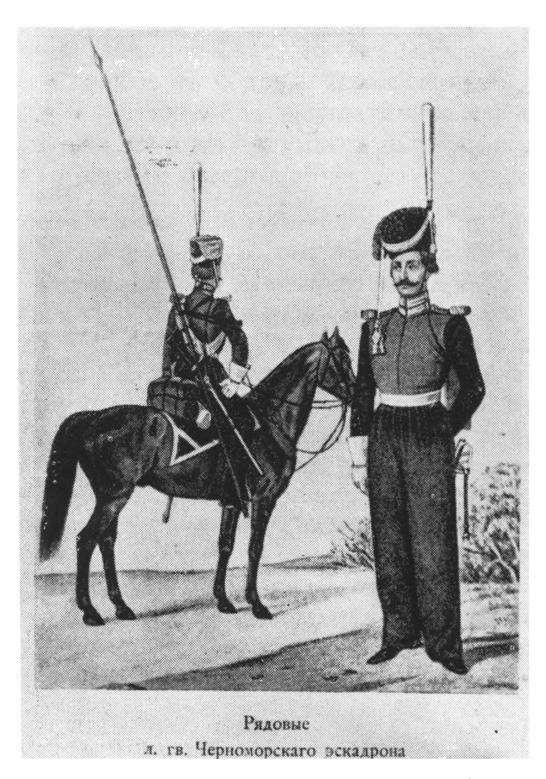
Когда, по сигналу своихъ трубачей, собрались всѣ четыре эскадрона Л.-Гв. Казачьяго полка, только что совершившаго геройскій подвигъ, то строй полка былъ неузнаваемъ. Въ окровавленныхъ мундирахъ, въ грязи съ ногъ до головы, многіе безъ киверовъ, со сломанными пиками, съ лошадьми безъ всадниковъ — полкъ былъ величественно воински красивъ и гордъ сознаніемъ того, что доблестью своей

---

[12]) «Развѣдчикъ». 1892 годъ.



Атака Императорскаго Конвоя подъ Лейпцигомъ въ день 4/17 октября 1813 года.



Казаки Л.-Гв. Черноморскаго каз. эскадрона. 1813 — 1824 г. г.

спасъ жизнь Государя Императора АЛЕКСАНДРА I и честь Русской Арміи.[13])

Желая воздать полку Свое Царское благоволеніе и удостовѣриться въ его потеряхъ, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I приказалъ полку пройти мимо Него и...

«Восторгомъ горя, предъ глазами Царя,
Не спѣша, въ окровавленномъ строѣ,
Боль отъ ранъ заглушивъ, лишь ряды сокративъ,
Прошли Лейпцигской битвы герои...»[14])

На высокомъ холмѣ выдѣлялась величавая фигура Императора, окруженная большой Свитой.

Остановивъ полкъ, полковникъ Ефремовъ поскакалъ на холмъ. Эскадроны полка развернулись въ длинную линію.

Государь Императоръ, принявъ рапортъ отъ полковника Ефремова, осѣнилъ Себя крестнымъ знаменіемъ. Вмѣстѣ съ Государемъ, набожно крестились Донцы и Черноморцы. Ефремовъ вернулся къ полку, получивъ изъ рукъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Орденъ Св. Георгія 3-й степени.

Когда смолкло казачье «ура», вызванное появленіемъ передъ полкомъ новаго Георгіевскаго кавалера, полковникъ Ефремов произнесъ:

«Казаки! Государь благодаритъ всѣхъ васъ за вашъ нынѣшній славный подвигъ. Сказалъ Онъ мнѣ, что вами всѣми доволенъ въ душѣ Своей и въ сердцѣ. Благодаритъ Онъ Бога, что вы изъ страшнаго смертнаго боя возвратились съ маловажной потерей; молитъ, чтобы вы и въ будущихъ вашихъ подвигахъ были так же счастливы, какъ и сегодня!»[15])

Кромѣ полковника Ефремова, въ тотъ же день полкъ украсился Георгіевскими кавалерами, въ числѣ коихъ былъ доблестный командиръ Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго эскадрона, полковникъ Бурсакъ.

Всѣ офицеры полка, согласно Высочайшаго повелѣнія, получили небывалую въ Русской Арміи награду: «по ихъ желанію и выбору».

Офицеры Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго эскадрона: ротмистръ Ляшенко, поручики — Безкровный, раненый въ грудь навылетъ, и Матешевскій, за атаку подъ Лейпцигомъ въ день 4/17 октября, были награждены орденомъ Св. Владиміра 4-й степени. Многимъ казакамъ полка были пожалованы «знаки отличія военнаго ордена».

Послѣ Лейпцига, русскія войска подошли 24-го октября къ Франкфурту на Майнѣ, и въ тотъ же день состоялся торжественный въѣздъ въ городъ Русскаго Императора.

Начатые съ Наполеономъ переговоры о мирѣ не дали удовлетворительныхъ результатовъ, и Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I приказалъ Своей арміи вступить въ предѣлы Франціи.

---

13) История Л.-Гв. Каз. полка, стр. 290. С. Петин — История Конвоя, стр. 24
14) Стихотв. Н. Чеботарева.
15) История Л.-Гв. Казачьяго полка, стр. 292.

Въ концѣ ноября союзныя арміи направились къ Рейну.

Государь выѣхалъ изъ Франкфурта въ Карлсруэ правымъ берегомъ Рейна; лѣвая сторона рѣки находилась подъ наблюденіемъ французскихъ войскъ, и поэтому, для охраны и конвоированія Императорскаго поѣзда, вдоль всей дороги стояли посты отъ всѣхъ четырехъ эскадроновъ Л.-Гв. Казачьяго полка.

20-го декабря союзныя войска въ разныхъ мѣстахъ перешли Рейнъ. Русская Гвардія перешла его на новый годъ, въ присутствіи Государя Императора АЛЕКСАНДРА I.

13-го марта 1814 года авангардъ нашихъ войскъ выбилъ изъ Фершампенуаза непріятельскіе корпуса Мортье и Мармона.

Къ вечеру Государь, въ сопровожденіи Своего Конвоя, прибылъ въ м. Фершампенуазъ. Кругомъ была полная тишина, и бой прекратился. Государь осматривалъ окрестности. Императорская Свита сошла съ лошадей. Конвой получилъ приказаніе разсѣдлывать. Неожиданно раздались ружейные выстрѣлы въ томъ направленіи, гдѣ нѣсколько часовъ назадъ побѣдоносно прошли наши войска.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I лично выѣхалъ на окраину Фершампенуаза и увидѣлъ нѣсколько французскихъ пѣхотныхъ колоннъ.

По тревогѣ, казаки Конвоя прискакали къ Государю.

Отдавъ приказаніе выдвинуть къ Фершампенуазу нашу пѣхоту и артиллерію, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, так же какъ и въ Лейпцигскомъ сраженіи, обратился къ Своему Конвою и повелѣлъ атаковать непріятеля.

Залпы и штыки встрѣтили Л.-Гв. Казачій полкъ, но казаки, своей лихой атакой, смяли французовъ, и непріятель положилъ оружіе. Заднія колонны противника, пытаясь прорваться, были поражены огнемъ нашей артиллеріи и остановлены атакой гусаръ. Разбитый противникъ оказался французской дивизіей генерала Пакто, предполагавшаго въ Фершампенуазѣ соединиться съ войсками императора Наполеона.

Прусскій король, узнавъ о новомъ подвигѣ Л.-Гв. Казачьяго полка, пожаловалъ полку награды. Командиръ Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго эскадрона, полковникъ Бурсакъ 2-й, получилъ высокій боевой орденъ «за военныя заслуги» (Pour le mérite).

14-го марта, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, конвоируемый Л.-Гв. Казачьимъ полкомъ, выступилъ изъ Фершампенуаза. 17-го марта, сквозь дымъ гремѣвшей канонады, показались вершины парижскихъ зданій.

Черезъ день явилась къ Русскому Императору депутація города Парижа, заявившая о сдачѣ столицы Франціи.

Утромъ 19-го марта, Государь со Свитой и Своимъ Конвоемъ двинулся къ Парижу. По пути Его слѣдованія выстроилась русская гвардія, восторженнымъ «ура» встрѣчавшая своего Монарха.

Торжественное вступленіе побѣдоносныхъ русскихъ войскъ въ Парижъ открывалъ Конвой Государя, за которымъ слѣдовала легкая

гвардейская кавалерійская дивизія, а за нею, въ нѣкоторомъ разстояніи, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I, во главѣ остальныхъ частей русской гвардіи.

За русскими войсками шли австрійцы, пруссаки и баденцы.

На Елисейскихъ поляхъ войска остановились, и въ обратномъ порядкѣ прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ Русскимъ Императоромъ.

По окончаніи смотра, Л.-Гв. Казачій полкъ сталъ бивакомъ на Елисейскихъ поляхъ, выставивъ караулъ въ домъ, занимаемый Государемъ, и въ сосѣднія части города Парижа.

По заключеніи мира 18-го мая, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I произвелъ смотръ всему Гвардейскому Корпусу и объявилъ ему о возвращеніи въ Россію. Лейбъ-Гвардіи Казачій полкъ, въ составѣ трехъ Донскихъ и одного Черноморскаго эскадроновъ, выступилъ изъ Парижа 21-го мая и прибылъ въ С.-Петербургъ 25-го октября.

1-го іюня 1815 года, въ связи съ бѣгствомъ Наполеона съ острова Эльбы, по повелѣнію Государя, полкъ былъ вновь направленъ къ западной границѣ Русской Имперіи. Дойдя до Вильно, полкъ получилъ приказаніе вернуться въ Петербургъ, въ виду наступившаго измѣненія въ политической обстановкѣ и окончательнаго пораженія императора Франціи Наполеона I-го.

Въ ознаменованіе славныхъ подвиговъ Донцовъ и Черноморцевъ Л.-Гв. Казачьяго полка, въ Отечественную войну и въ кампаніи 1813-го года, полку были пожалованы Георгіевскія серебряныя трубы, при слѣдующемъ Высочайшемъ Указѣ, отъ 15-го іюня 1813-го года:

> «ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ВО ИЗЪЯВЛЕНІЕ МОНАРШАГО БЛАГОВОЛЕНІЯ КЪ СЛУЖБѢ Л.-ГВ. КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА И ПРИЧИСЛЕННОМУ КЪ ОНОМУ Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКОМУ ЭСКАДРОНУ, НЕОДНОКРАТНО ОКАЗАВШИМЪ ОТЛИЧІЕ ПРОТИВУ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ МИНУВШУЮ КАМПАНІЮ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ЖАЛУЕМЪ ИМЪ СЕРЕБРЯНЫЯ ТРУБЫ».[16])

Въ мартѣ 1817 года, Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I повелѣлъ изготовить грамоту на пожалованіе Л.-Гв. Казачьему полку Георгіевскаго Штандарта съ надписью:

> «ЗА ОТЛИЧІЕ ПРИ ПОРАЖЕНІИ И ИЗГНАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ИЗЪ ПРЕДѢЛОВЪ РОССІИ 1812 ГОДА И ЗА ПОДВИГЪ ПРИ ЛЕЙПЦИГѢ ВЪ 4-Й ДЕНЬ ОКТЯБРЯ 1813 ГОДА».

По неизвѣстной причинѣ, эта Высочайшая награда полку не была осуществлена при жизни Монарха.

Въ маѣ 1821 года, Л.-Гв. Казачій полкъ, въ составѣ Гвардейскаго Корпуса, выступилъ въ походъ къ западной границѣ Россіи, вслѣд-

---

[16]) Пол. Соб. Зак. т. XXXII № 25401. Всѣхъ трубъ — 22. Петинъ. Стр. 31.

ствіе вспыхнувшей революціи въ Италіи. 7-й Черноморскій эскадронъ оставался всю зиму въ Минской губерніи и только весною 1822 года вернулся въ Петербургъ въ свой полкъ.

19-го ноября 1825 года, Россія потеряла Императора АЛЕКСАНДРА I БЛАГОСЛОВЕННАГО. Тѣло почившаго Монарха находилось въ Таганрогскомъ соборѣ до 20-го декабря. По маршруту, для слѣдованія въ Петербургъ, ночлеги назначались въ селах, имѣющихъ церкви.

6-го марта 1826 года, Донскіе и Черноморскій эскадроны Л.-Гв. Казачьяго полка въ полномъ составѣ принимали участіе при встрѣчѣ тѣла въ Бозѣ почившаго Императора АЛЕКСАНДРА I и 14-го числа въ торжественныхъ похоронахъ Монарха, съ Именемъ котораго былъ связанъ ихъ историческій подвигъ подъ Лейпцигомъ.

Однимъ изъ первыхъ распоряженій вступившаго на Престолъ Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА было исполненіе воли почившаго Монарха о пожалованіи Л.-Гв. Казачьему полку Георгіевскаго Штандарта. Высочайшей грамоты полкъ удостоился 19-го марта. Въ этотъ день, ровно 12 лѣтъ тому назадъ, полкъ, во главѣ Русской Императорской арміи, вступилъ въ Парижъ.

Въ манежѣ Инженернаго Замка, 28-го марта, Штандартъ былъ освященъ и торжественно врученъ полку.

4-го марта 1816 года Высочайше повелѣно:

«Л.-ГВ. КАЗАЧЬЕМУ ПОЛКУ СОСТОЯТЬ ИЗЪ ШЕСТИ ЭСКАДРОНОВЪ ВОЙСКА ДОНСКОГО И ОДНОГО ЭСКАДРОНА ВОЙСКА ЧЕРНОМОРСКАГО, КОТОРЫЙ СЧИТАТЬ СЕДЬМЫМЪ».

Государь Императоръ НИКОЛАЙ I, для облегченія службы Л.-Гв. Казачьему полку, 23-го августа 1826 года Высочайше повелѣть соизволилъ:

«СФОРМИРОВАТЬ ИЗЪ ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА ОДИНЪ ГВАРДЕЙСКІЙ ПОЛУЭСКАДРОНЪ, НА ТОМЪ САМОМЪ ОСНОВАНІИ, КАКЪ СОСТОИТЪ 7-Й ЧЕРНОМОРСКІЙ ЭСКАДРОНЪ, И ЧТОБЫ ПО СФОРМИРОВАНІИ СЕГО ПОЛУЭСКАДРОНА ЕЖЕГОДНО ПРИХОДИЛЪ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ ВЗВОД НА СМѢНУ ОДНОГО ИЗЪ ВЗВОДОВЪ ВЪ ЭСКАДРОНѢ СОСТОЯЩИХЪ, КОТОРЫЙ ОТПРАВИТСЯ НА РОДИНУ».[17])

7-го апрѣля 1828-го года, Черноморцы выступили къ границамъ Турціи. 31-го іюля у мѣст. Сатуново, эскадроны Л.-Гв. Казачьяго полка перешли Дунай, вступивъ въ предѣлы Турецкой Имперіи. Въ Бабадагѣ, 7-й Черноморскій эскадронъ остался въ конвоѣ, при штабѣ Гвардейскаго Корпуса. Съ прибытіемъ Великаго Князя Михаила Павловича, Черноморцы присоединились къ полку.

---

[17]) Высочайшій Указъ 26 августа 1826 года. Куб. Архивъ. Д. — 7/169 1826 годъ.

Отъ Кюстенджи, гдѣ войска наши расположились лагеремъ, Главнокомандующій приказалъ полку слѣдовать форсированнымъ маршемъ къ Варнѣ, въ распоряженіе командира осаднаго корпуса. 7-й Черноморскій эскадронъ былъ назначенъ въ отрядъ генералъ-адъютанта Бистрома I-го, дѣйствовавшій съ южной стороны крѣпости. Эскадронъ принималъ участіе во всѣхъ боевыхъ дѣйствіяхъ отряда генерала Бистрома, включительно до 29-го сентября, когда турки, понеся пораженіе, оставили крѣпость Варну.

Въ бояхъ подъ Варною палъ смертью храбрыхъ доблестный корнетъ Котляревскій. Наиболѣе отличившіеся Черноморцы награждены: корнетъ Миргородскій — орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ, унтеръ-офицеръ Шевченко — чиномъ корнета.

По окончаніи войны съ Турціей, Л.-Гв. Казачій полкъ сталъ на зимнія квартиры въ Волынской губерніи.

Въ 1829 году, Черноморскій эскадронъ несъ трудную службу на кордонной линіи по границѣ Подольской и Херсонской губерній, для охраны края отъ чумной заразы. Въ ноябрѣ 3 эскадрона Донцовъ и 7-й Черноморскій получили распоряженіе прибыть въ Петербургъ, но на походѣ были остановлены и по Высочайшему повелѣнію командированы въ городъ Тирасполь, на кордоны по рѣкѣ Днѣстру, вслѣдствіе появленія чумы въ Бессарабской области.

Въ 1830 году, сдавъ кордоны армейской пѣхотѣ, эскадроны были отозваны въ Петербургъ.

Отдыхъ продолжался не долго, ибо Л.-Гв. Казачій полк былъ направленъ въ Царство Польское, для дѣйствій противъ польскихъ мятежниковъ. Л.-Гв. 7-й Черноморскій эскадронъ слѣдовалъ съ полкомъ на Вильно и Бѣлостокъ, къ мѣстечку Тыкачино, изъ котораго, по приказанію Великаго Князя Михаила Павловича, вернулся въ Бѣлостокъ, для охраны Императорской Главной Квартиры.

Находясь въ Бѣлостокѣ, Черноморцы, помимо охраны Главной Квартиры, вели борьбу съ появившимися въ Бѣлостокской области мятежниками. Въ бою съ ними, 26-го іюля 1831 года, былъ убитъ поручик Шепель.

Изъ Бѣлостока Черноморцы были откомандированы къ войскамъ генерала Крейца подъ Варшаву, гдѣ и присоединились къ Донскимъ эскадронамъ своего полка.

25-го августа, въ день штурма Варшавы, собравшіеся эскадроны Л.-Гв. Казачьяго полка находились въ прикрытіи нашихъ батарей. По взятіи Варшавы, полкъ вошелъ въ столицу Польши.

По окончаніи военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ, Л.-Гв. Казачій полкъ былъ расквартированъ въ раіонѣ Рѣжицы, куда и прибылъ 24-го ноября.[18])

За отличія въ Польскую кампанію 1831 года, юнкера эскадрона: Григорій Лавровскій, Александръ Рашпиль, Мелентій Жвачка, Аркадій Виташевскій и Іосифъ Котляревскій произведены въ корнеты.

---

[18]) Арх. Чер. В. 1831 годъ, № 704.

Всѣ чины эскадрона получили знаки отличія польскаго ордена «за военное достоинство» и медали за штурмъ Варшавы.[19])

7-го февраля Черноморцы съ двумя Донскими эскадронами выступили изъ Рѣжицы и ровно черезъ мѣсяцъ прибыли въ Петербургъ, удостоившись за отличный порядокъ Высочайшаго благоволенія. Съ 1832 года для Черноморцевъ наступилъ долгій періодъ мирной жизни.

1-го іюля 1842 года, по Высочайше утвержденному положенію о Черноморскомъ Казачьемъ Войскѣ, опредѣлено имѣть ГВАРДЕЙСКІЙ КАЗАЧІЙ ДИВИЗІОНЪ, КОТОРОМУ ЧИСЛИТЬСЯ ВЪ СОСТАВѢ ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА.[20])

Дивизіонъ комплектовался офицерами Черноморскаго Казачьяго Войска, не менѣе 3-хъ лѣтъ прослужившими въ армейскихъ строевыхъ частяхъ. Никто изъ «постороннихъ», т. е. не казаковъ-Черноморцевъ, въ Дивизіонъ не допускался. Казаки выбирались въ гвардію «лучшіе въ цѣломъ войскѣ, по поведенію, виду и службѣ».

СОГЛАСНО ЭТОМУ НОВОМУ ПОЛОЖЕНІЮ О ВОЙСКѢ ЧЕРНОМОРСКОМЪ, ВЪ ТОМЪ ЖЕ 1842 ГОДУ 7-Й ЭСКАДРОНЪ БЫЛЪ ОТКОМАНДИРОВАНЪ ОТЪ ЛЕЙБЪ-КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА И РАЗВЕРНУТЪ ВЪ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКІЙ КАЗАЧІЙ ДИВИЗІОНЪ.[21])

Въ 1848 году Дивизіонъ выступилъ въ походъ къ Брестъ-Литовску и далѣе въ Варшаву.

8-го мая 1849 года, Государь Императоръ изволилъ произвести смотръ Донской и Черноморской Гвардіи на Мокотовскомъ полѣ, послѣ чего полуэскадронъ Черноморцевъ, подъ командой штабсъ-ротмистра Жилинскаго, былъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ городъ Краковъ, для конвоированія по Галиціи Главнокомандующаго дѣйствующей арміей, генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго. Полуэскадронъ сталъ на постахъ по станціямъ почтоваго тракта между Краковомъ и мѣстечкомъ Дукло.

Государь Императоръ, охраняемый Черноморцами отъ станціи до станціи, прибылъ въ Дукло одновременно съ княземъ Варшавскимъ. При обратномъ проѣздѣ Государя, Черноморскіе посты соединялись и слѣдовали до Кракова. По окончаніи своей командировки, полуэскадронъ 16-го іюня прибылъ въ Варшаву, гдѣ находился весь Дивизіонъ.[22])

Въ Царствѣ Польскомъ Л.-Гв. Черноморскій казачій Дивизіонъ оставался до поздней осени. Въ началѣ ноября 1-й эскадронъ отбылъ въ С.-Петербургъ, а 2-й былъ командированъ въ Черноморію.

---

[19]) На Кубани, въ гор. Екатеринодарѣ, однѣ изъ главныхъ улицъ названы по фамиліямъ заслуженныхъ Черноморцевъ: Бурсаковская, Рашпилевская, Котляревская и т. д.

[20]) Архивъ быв. Черноморскаго каз. войска 1848 г. №№ 72 и 78.

[21]) По штату Дивизіону положено имѣть: штабъ-офицеръ 1, об.-оф. 14, унтеръ-оф. 36 (въ томъ числѣ 4 юнкера), трубачей 6, пр. и каз. 320.

[22]) Въ полуэскадронѣ состояло: об.-оф. 6, унт.-оф. 18, тр. — 3, каз. 160. Воспоминанія ген. Г. Г. Рубашевскаго, въ то время юнкера 2 эскад.

Черноморское Казачье Войско ожидало прибытія въ Войско Государя Наслѣдника Цесаревича. Къ іюлю 2-й эскадронъ прибылъ въ Екатеринодаръ, для конвоированія Его Императорскаго Высочества и подкрѣпленія кордонной линіи. Казаки были разставлены «при станціяхъ, въ приличныхъ мѣстахъ, развернутымъ фронтомъ, лицомъ къ границѣ и непріятелю, т. е. къ Кубани».[23])

Конвой раздѣлялся на четыре равныя части и слѣдовалъ впереди, по сторонамъ и сзади экипажа Государя Наслѣдника Цесаревича. Въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ Конвой усиливался казачьей артиллеріей. 16-го сентября Наслѣдникъ Цесаревичъ прибылъ въ Екатеринодаръ и на другой день принялъ почетныхъ представителей Черноморскаго Казачьяго Войска, которыхъ отъ Имени Государя Императора благодарилъ за вѣрную службу. Послѣ молебна въ Войсковомъ Соборѣ, Его Императорское Высочество, въ мундирѣ Л.-Гв. Черноморскаго Дивизіона, произвелъ смотръ выстроеннымъ на площади войскамъ, на правомъ флангѣ которыхъ находился 2-й Гвардейскій эскадронъ.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ лично командовалъ парадомъ.

Въ 1854 году Черноморцы были командированы въ Эстляндію, на охрану побережья С.-Петербургской губерніи, получивъ за примѣрную службу Высочайшую благодарность.

II

Въ формѣ Черноморцевъ, присвоенной имъ при ихъ формированіи въ 1811 году[24]), произошли значительныя перемѣны. Вмѣсто стараго мундира, въ 1840 году Высочайше утверждена слѣдующая новая форма:

1. **Для офицеровъ** — шапка изъ алаго сукна, верхъ шапки круглый, стеганый на ватѣ, обложенъ вокругъ серебряной широкой тесьмой и переложенъ четырьмя полосками серебряной же узкой тесьмы; околышъ изъ чернаго косматаго курпея; подбородникъ черной шелковой тесьмы; такая же и при вицъ-мундирѣ.

Мундиръ — темносиняго сукна кафтанъ, безъ воротника, съ откидными рукавами; вокругъ и на карманахъ обложенъ серебряной широкой тесьмой; застегивается крючками, отъ пояса на 1 1/2 вершка; обшлага на рукавахъ изъ чернаго бархата, съ серебряными петлицами; подкладка подъ мундиромъ изъ темносиняго стамеда, а въ рукавахъ шелковая, алаго цвѣта.

Нагрудный патронникъ на мундирѣ — черный бархатный, съ такими же донышками и карманомъ внизу; обложенъ вокругъ въ одинъ рядъ, а сверху кармановъ въ два ряда широкой серебряной тесьмой; патронники внизу и низъ кармана — узкой тесьмой; напатронники, для 10 патроновъ, изъ корельской березы, въ серебряной оправѣ, съ

[23]) Инструкція ротм. Лавровскому, при предписаніи Чер. Атамана № 2829.
[24]) (Смотри страницу 15).

такими же прикрѣпленными къ кафтану цѣпочками. По этому же образцу и на вицъ-мундирѣ, только безъ карманчиковъ.

Эполеты — серебряные, чешуйчатые, съ такимъ же полемъ, подбитыя алымъ сукномъ, а на пуговицахъ гвардейскій гербъ; подъ эполетами погоны на гусарскій манеръ.

Поясъ — изъ серебряной тесьмы, шириной 3/4 вершка, подшитый алымъ сафьяномъ съ серебряной пряжкой, наконечникомъ и гайкой; такой же и при вицъ-мундирѣ.

Ахалукъ (бешметъ) — алый суконный, длиной до полуляжки, съ обыкновенными гвардейскими петлицами на воротникѣ и обшлагахъ; застегивается крючками до пояса; обложенъ до конца полъ узкой серебряной тесьмой, подбитъ краснымъ стамедом, а съ вицъ-мундиромъ черный, шелковый.

Вицъ-мундиръ — кафтанъ темносиняго сукна, съ такимъ же воротникомъ, который, какъ и бортъ до пояса, застегивается крючками; покрой этого кафтана въ спинкѣ и фалдахъ на черкесскій манеръ, и на тотъ же манеръ прямые рукава.

Шаровары — темносиняго сукна, съ кожаными стременками и съ серебрянымъ широкимъ галуномъ по бокамъ, въ два ряда, съ просвѣтомъ, а къ вицъ-мундирамъ — темносиняго сукна, безъ галуновъ.

Сапоги — безъ шпоръ, которыя замѣняются казачьей плетью.

Перчатки — безъ измѣненія, по-прежнему.

Кинжалъ — черкесскій, въ серебряной оправѣ; носится на поясѣ, на красномъ сафьяновомъ ремнѣ, шириной 3/4 вершка, обложенномъ по краямъ узкой серебряной тесьмой; такой же и при вицъ-мундирѣ.

Пистолетъ, чушка для вкладыванія пистолета, чехолъ пистолетный, шнуръ пистолетный, шашка и темлякъ — безъ измѣненія.

Шинель — изъ сѣраго сукна; покроя обыкновеннаго офицерскаго, съ серебряными пуговицами съ гербомъ; малый воротникъ, алый суконный, съ подкладкой сѣраго сукна, и большой, начиная отъ нижняго края малаго, внизъ, длиной одинъ аршинъ.

На всѣхъ вещахъ тесьма широкая, шириной 3/4 вершка, а узкая 5/16 вершка.

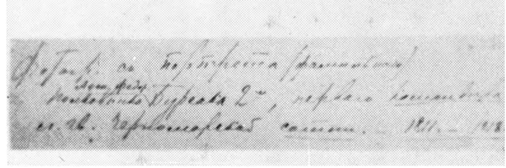
Портупея — обыкновенной серебряной портупейной тесьмы, шириной 3/16 вершка, подшитая краснымъ сафьяномъ, съ серебрянымъ приборомъ; носится черезъ плечо; такая же и при вицъ-мундирѣ.

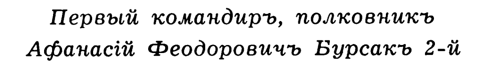
Вицъ-мундиръ и назначенныя къ нему принадлежности составляютъ одежду вседневной, обыкновенной офицерской формы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ какихъ употребляется вицъ-мундиръ въ полкахъ, имѣющихъ его. А присоединеніе къ вицъ-мундиру пистолета со шнуромъ составляетъ офицерскую полную походную форму и такую, когда г. г. офицеры употребляютъ при вицъ-мундирѣ шарфъ.

Парадная форма, безъ пистолета и шнура къ нему принадлежащаго, составляетъ праздничную офицерскую форму.

2. **Для казаковъ (рядовыхъ):** шапка — изъ алаго сукна; верхъ круглый, стеганый на ватѣ, обложенъ вокругъ гвардейскимъ оранже-







Первый командиръ, полковникъ Афанасій Феодоровичъ Бурсакъ 2-й

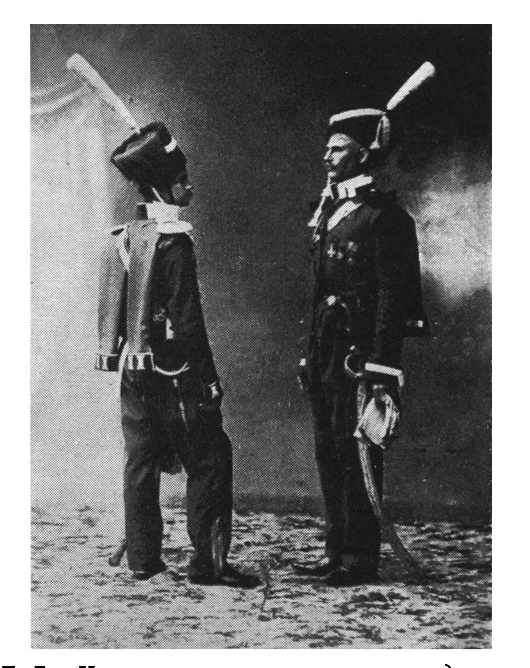


Парадная форма оберъ-офицера Подъесаулъ И. А. Вѣтеръ.



Оберъ-офицеры
Л.-Гв. Казачьяго полка и Л.-Гв. Черноморскаго эскадрона.
1813 — 1824 г. г.

Оберъ-офицеръ



Унтеръ-офицеръ

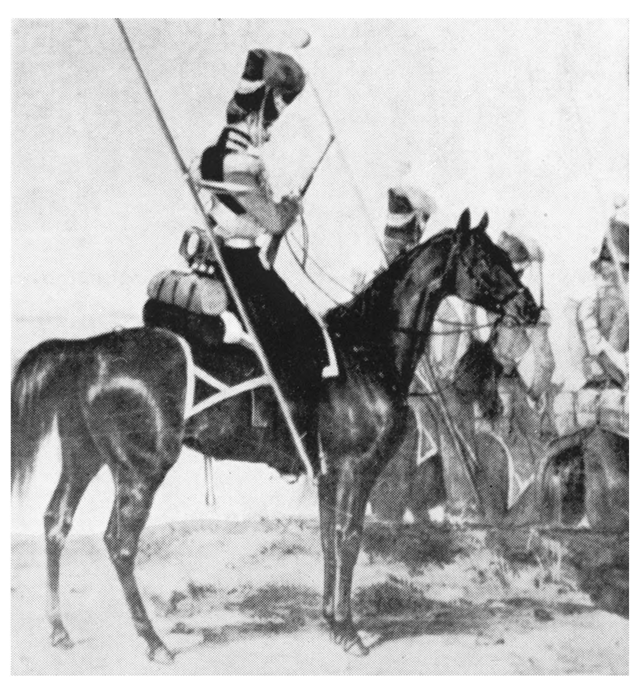
Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго эскадрона
1811 — 1824 г. г.





Рядовые *Унтеръ-офицеръ*

7-го Черноморскаго эскадрона Л.-Гв. Казачьяго полка 1816 года.



Казаки Л.-Гв. Черноморскаго эскадрона
1825 годъ.

вымъ басономъ, съ двумя, черезъ верхъ, накрестъ полосами, гвардейскаго же оранжеваго басона; околышъ изъ чернаго косматаго курпея; подбородникъ черной шелковой тесьмы.

Мундиръ — темносиняго сукна кафтанъ, безъ воротника, съ откидными рукавами, но тамъ, гдѣ у г. г. офицеровъ обшитъ галуномъ, казакамъ положенъ гвардейскій оранжевый басонъ, имѣющій просвѣты: посрединѣ черный, а по краямъ алый; обшлага на рукавахъ изъ чернаго плиса, съ гвардейскими петлицами.

Нагрудный патронникъ на мундирѣ — черный, плисовый, съ такими же донышками и карманчикомъ внизу оныхъ; патронникъ, карманчики и донышки луженые, на гарусныхъ оранжевыхъ шнурахъ, продѣтыхъ въ такой же шнурокъ, прикрѣпленный къ кафтану.

Погоны — на гусарскій манеръ, изъ гаруснаго оранжеваго шнура, которыми пристегиваются на оловянную пуговицу съ гербомъ закидные рукава.

Поясъ — изъ красной юфты, шириной въ 7/8 вершка, обшитъ по краямъ гвардейскимъ оранжевымъ басономъ, съ желѣзными двойной и малой пряжками, наконечникомъ и тайками.

Ахалукъ — алаго сукна до полуляжки, короче кафтана на 4 вершка, съ обыкновенными гвардейскими, на воротникѣ и обшлагахъ, петлицами; обложенъ до конца полъ гвардейскимъ басономъ, имѣющимъ алые просвѣты.

Шаровары — темносиняго сукна, съ кожаными стременками, обложены по бокамъ, въ два ряда, гвардейскимъ басономъ, имѣющимъ просвѣты: посерединѣ черный, а по краямъ алый.

Сапоги — безъ измѣненія, но безъ шпоръ.

Патронташъ — изъ черной юфтовой кожи и такой же крышкой на 24 патрона, на бѣломъ лосиномъ ремнѣ.

Кинжалъ - съ бѣлой костяной рукояткой; ножны въ черной кожаной оправѣ; носится на поясѣ, на красномъ юфтовомъ ремнѣ, обшитомъ по краямъ басономъ, какъ и поясъ.

Пистолетъ, чушка для вкладыванія пистолета, чехолъ пистолета, шнуръ пистолетный, ружье, погонный ремень къ ружью, чехолъ на ружьѣ, шашка и темлякъ — безъ измѣненія.

Портупея — два портупейныхъ, изъ красной юфты, ремня, шириной 7/8 вершка, пришиты къ поясу.

Мѣшочекъ для пуль — изъ красной юфты, крышка обложена басономъ; носится на поясѣ.

Плеть — кавказская казачья, плетеная изъ сыромятной кожи.

Шинель — изъ сѣраго армейскаго сукна, съ такимъ же застегнутымъ крючками воротникомъ, съ холщевой подкладкой оплечья и въ рукавахъ; погоны и клапаны застегиваются оловянными пуговицами съ гербами.

3. **Для унтеръ-офицеровъ,** обмундированіе и вооруженіе одинаковое съ рядовыми, съ тою только разницей, что шапка обложена не басономъ, а широкимъ галуномъ вокругъ и накрестъ узкимъ серебря-

нымъ галуномъ. На мундирѣ обшлага, а у ахалука воротникъ и обшлага, обложены серебрянымъ галуномъ.

4. **Для трубачей:** шапка, мундиръ и ахалукъ — по образцу для казаковъ. На мундирѣ и ахалукѣ выкладки: у мундира на груди, на рукавахъ (на всю длину) и вокругъ обшлаговъ. У ахалука — вокругъ воротника, по борту, до конца полъ и на рукавахъ. Плечевые клапаны у рукавовъ синіе, съ подкладкой изъ алаго сукна, обшитые вокругъ и вкось въ четыре ряда трубаческой формы широкимъ гвардейскимъ басономъ.[25])

Въ 1856 году, Л.-Гв. Черноморскій казачій Дивизіонъ находился въ Москвѣ, въ отрядѣ войскъ гвардіи и гренадеръ, собранныхъ тамъ на время Священнаго Коронованія Императора АЛЕКСАНДРА II.

Коронаціонныя торжества имѣли для Черноморцевъ исключительное историческое значеніе. Находясь въ составѣ гвардейскаго корпуса, Черноморцы отличною службой своею всегда удостаивались благоволеній нашихъ Государей. Въ виду этого, а также принимая во вниманіе, что добытые соединенной храбростью славныхъ представителей Донской и Черноморской гвардіи Георгіевскій Штандартъ и Георгіевскія серебряныя трубы, при разворачиваніи Черноморцевъ въ самостоятельную войсковую часть, остались Л.-Гв. въ Казачьемъ полку, передъ Коронаціонными торжествами гвардейское начальство ходатайствовало передъ Государемъ Императоромъ о пожалованіи Черноморцамъ Георгіевскаго Штандарта и новыхъ Георгіевскихъ серебряныхъ трубъ — «ЗА ИХЪ БОЕВУЮ И ПОСТОЯННУЮ УСЕРДНУЮ СЛУЖБУ И ПРЕДАННОСТЬ ПРЕСТОЛУ».

На письменномъ докладѣ военнаго министра Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ, 28-го августа 1856 года, собственноручно изволилъ начертать карандашомъ:

«ВЪ ПРИКАЗѢ НА 30 АВГУСТА ВНЕСТИ ПОЖАЛОВАНІЕ ШТАНДАРТА Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ДИВИЗІОНУ, ВЪ ПАМЯТЬ ПОДВИГОВЪ Л.-ГВ. КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА, СОСТАВУ КОТОРАГО ПРИНАДЛЕЖАЛЪ».[26])

Полотно Штандарта было изготовлено изъ желтаго штофа, посерединѣ вышитъ выпукло, блестками и битью, Россійскій Государственный Гербъ, а по угламъ на аломъ полѣ, въ вѣнкахъ, вензелевое изображеніе Имени Государя Императора.

Вокругъ полотнища Штандарта — надпись:

«ЗА ОТЛИЧІЕ ПРИ ПОРАЖЕНІИ И ИЗГНАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ИЗЪ ПРЕДѢЛОВЪ РОССІИ ВЪ 1812 ГОДУ И ЗА ПОДВИГЪ, ОКАЗАННЫЙ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ ЛЕЙПЦИГОМЪ 4-ГО ОКТЯБРЯ 1813 ГОДА».

---

[25]) С. Петинъ. Черноморцы.

[26]) Архивъ Главнаго Управленія Казачьихъ Войскъ. Собственноручная резолюція Императора АЛЕКСАНДРА II.

На нагрудномъ щитѣ орла — алое поле съ серебрянымъ изображеніемъ Св. Георгія Побѣдоносца. Кругомъ полотнища серебряная густая бахрома. Древко Штандарта деревянное, зеленое съ серебряными полосами вдоль, заканчивающееся вверху серебрянымъ шаромъ и двуглавымъ орломъ на немъ, держащимъ Георгіевскій Крестъ 3-й степени. Подъ полотнищемъ Штандарта, согласно Высочайшаго Указа 25-го іюня 1838 года, помѣщена круглая скоба, мѣдно-позолоченная, прикрѣпленная наглухо съ надписью:

«1811 ГОДА
ГВАРДЕЙСКАЯ ЧЕРНОМОРСКАЯ СОТНЯ.

ЗА ОТЛИЧІЕ ПРИ ПОРАЖЕНІИ И ИЗГНАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ИЗЪ ПРЕДѢЛОВЪ РОССІИ 1812 ГОДА И ЗА ПОДВИГЪ, ОКАЗАННЫЙ ВЪ СРАЖЕНІИ ПОДЪ ЛЕЙПЦИГОМЪ 4 ОКТЯБРЯ 1813 ГОДА.
1856 Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ДИВИЗІОНА».

О пожалованіи Штандарта Высочайшая грамота гласитъ:

«НАШЕМУ Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ДИВИЗІОНУ. ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ОСОБАГО МОНАРШАГО БЛАГОВОЛЕНІЯ НАШЕГО Л.-ГВ. КЪ ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ДИВИЗІОНУ ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ПОЖАЛОВАЛИ МЫ ДИВИЗІОНУ СЕМУ ПРИКАЗОМЪ 30 АВГУСТА 1856 ГОДА ГЕОРГІЕВСКІЙ ШТАНДАРТЪ. ПОВЕЛѢВАЕМЪ ШТАНДАРТЪ СЕЙ УПОТРЕБЛЯТЬ НА СЛУЖБУ НАМЪ И ОТЕЧЕСТВУ СЪ ВѢРНОСТЬЮ И УСЕРДІЕМЪ, РОССІЙСКОМУ ВОИНСТВУ СВОЙСТВЕННЫМИ.

АЛЕКСАНДРЪ».

Торжественное пожалованіе Штандарта происходило въ Георгіевскомъ залѣ Зимняго Дворца. Въ прибивкѣ полотнища Штандарта участвовали Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Члены Императорскаго Дома. Государь Самъ привязалъ Георгіевскую ленту, отрѣзалъ концы и, раздѣливъ ихъ на нѣсколько кусковъ, одинъ оставилъ Себѣ, замѣтивъ: «ЭТО СТАРОМУ АТАМАНУ».[27])

Такіе же кусочки ленты отъ Георгіевскаго Штандарта были даны Государемъ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ II НИКОЛАЕВИЧЕМЪ Наслѣднику Цесаревичу и Великому Князю Александру Александровичу и присутствовавшимъ господамъ офицерамъ Л.-Гв. Черноморскаго Казачьяго Дивизіона: полковнику Виташевскому, Лавровскому, штабсъ-ротмистру Голубу и поручику Рубашевскому.

Передавая офицерамъ-Черноморцамъ драгоцѣнные обрѣзки Георгіевской ленты Штандарта, Государь Императоръ изволилъ выразить пожеланіе «заслужить имъ Георгіевскіе кресты».[28])

---

[27]) и [28]) Воспоминаніе Г. Г. Рубашевскаго о службѣ Л.-Гв. въ Черноморскомъ Дивизіонѣ.

(Но служить Государю и Родинѣ нашимъ Черноморцамъ пришлось уже подъ другимъ именемъ).

Въ 1857 году, Л.-Гв. Черноморскому Казачьему Дивизіону Высочайше пожалованы новыя Георгіевскія серебряныя трубы, т. к. старыя, полученныя ими въ 1819 году, когда они составляли 7-й эскадронъ Л.-Гв. Казачьяго полка, остались въ полку.

Пожалованіе трубъ послѣдовало 28 февраля 1857 года, при слѣдующемъ указѣ:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, ВО ИЗЪЯВЛЕНІЕ МОНАРШАГО БЛАГОВОЛЕНІЯ КЪ СЛУЖБѢ ГВАРДЕЙСКОЙ ЧЕРНОМОРСКОЙ СОТНИ, КОТОРАЯ УЧАСТВОВАЛА ВЪ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНѢ 1812—1814 Г. Г. ВЪ СОСТАВѢ Л.-ГВ. КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА И ОКАЗАЛА НЕОДНОКРАТНО ОТЛИЧНЫЕ ПОДВИГИ ПРОТИВЪ НЕПРІЯТЕЛЯ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ПОЖАЛОВАТЬ СОИЗВОЛИЛЪ ОБРАЗОВАННОМУ ИЗЪ СЕЙ СОТНИ Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ДИВИЗІОНУ ГЕОРГІЕВСКІЯ СЕРЕБРЯНЫЯ ТРУБЫ СЪ НАДПИСЬЮ:

«Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ДИВИЗІОНУ, ЗА ОТЛИЧІЕ, ОКАЗАННОЕ ГВАРДЕЙСКОЙ ЧЕРНОМОРСКОЙ СОТНЕЙ ПРОТИВЪ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ 1813 ГОДУ, ВЪ СОСТАВѢ Л.-ГВ. КАЗАЧЬЯГО ПОЛКА», при чемъ Собственною **ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА** рукою было начертано: «ПО НОВОМУ ШТАТУ ПОЛОЖЕНО НЕ ТРИ, А ЧЕТЫРЕ ТРУБАЧА НА ЭСКАДРОНЪ, СЛѢДОВАТЕЛЬНО ЛИШНИХЪ НЕ БУДЕТЪ: ПОЭТОМУ ДАТЬ Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКОМУ ДИВИЗІОНУ 9 НОВЫХЪ ТРУБЪ СЪ ПРЕДПОЛАГАЕМОЙ НАДПИСЬЮ».[29])

По донесенію командира 1-го эскадрона, полковника Виташевскаго, Черноморцами трубы были получены 27-го октября 1859 года.[30])

ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ, ВЪ ФЕВРАЛѢ 1861 ГОДА, Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКІЙ КАЗАЧІЙ ДИВИЗІОНЪ СОЕДИНЕНЪ Л.-ГВ. СЪ КАВКАЗСКИМЪ КАЗАЧЬИМЪ ЭСКАДРОНОМЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ.

Изъ офицеровъ Черноморскаго Дивизіона были переведены въ Конвой: полковникъ Лавровскій, штабсъ-ротмистръ Рубашевскій, поручикъ Шкуропатскій, поручикъ Торагчевъ, корнетъ Зарѣцкій и корнетъ Скакунъ. Остальные офицеры были зачислены въ полки вновь образованнаго Кубанскаго Казачьяго Войска, съ сохраненіемъ своего гвардейскаго мундира.[31])

---

[29]) Арх. Г. У. К. В. Дѣло № 1. Инсп. Отдѣлъ № 25-1857 годъ. (4 трубы на каждый эскадронъ и 1 труба — штабъ-трубачу).

[30]) С. Петинъ. «О Георгіевскомъ Штандартѣ и Георгіевскихъ трубахъ Л.-Гв. Черноморскаго казачьего Дивизіона».

[31]) Высочайшій Указъ 30 апрѣля 1861 года.

ВЫСОЧАЙШЕ ПОЖАЛОВАННЫЙ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ II

30 августа 1856 года.

1861  1961

Георгіевскій Штандартъ Л.-Гв. Черноморскаго Казачьяго Дивизіона
Съ 2-го февраля 1861 года Штандартъ
Собственнаго
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Конвоя.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГОРЦЫ

1828 — 1882

Въ Царствованіе Императора НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА, былъ сформированъ изъ высшихъ представителей Кавказскихъ горцевъ полуэскадронъ, предназначенный для конвойной службы при Высочайшемъ Дворѣ. Часть эта названа Л.-Гв. Кавказскимъ Горскимъ полуэскадрономъ, и начало ея существованія относится къ 1828 году.[32])

Взводъ горцевъ, подъ командою ротмистра Султана-Азаматъ Гирея (потомка Крымскихъ хановъ), прибылъ въ Петербургъ въ маѣ 1829 года, въ составѣ 3-хъ оберъ-офицеровъ, 1 эффендія, 6 юнкеровъ (унтеръ-офицеровъ), 40 оруженосцевъ и 23-хъ служителей, при 49 строевыхъ и 30 заводныхъ лошадяхъ. Горскій взводъ былъ сформированъ «изъ разныхъ тамошнихъ народовъ». Въ немъ находились князья и уздени Большой и Малой Кабарды, Чеченскіе, Кумыкскіе мурзы и уздени ногайцевъ Тохтамышевскихъ, Саблинскихъ и народовъ Джамбулуковскаго, Едисанскаго, Караногайскаго и Туркменскаго.

Полтора мѣсяца горцы отдыхали и знакомились съ Петербургомъ, а затѣмъ приступили къ строевымъ занятіямъ «на ихъ манеръ».[33])

По Высочайшему повелѣнію, взводъ горцевъ находился въ вѣдѣніи шефа жандармовъ и Командующаго Императорской Главной Квартирой, генералъ-адъютанта Бенкендорфа. 30 апрѣля 1830 года утвержденъ штатъ Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона.

По приказанію Государя Императора, трубачи полуэскадрона должны были во всѣхъ дѣйствіяхъ войскъ находиться при ЕГО ВЕЛИЧЕСТВѢ. Трубачи избирались изъ полковъ легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, совершенно опытные въ своей службѣ и отличнаго поведенія. Эти трубачи, кромѣ кавалерійскихъ сигналовъ, обязаны были знать и всѣ пѣхотные и артиллерійскіе сигналы.

Обмундированіе офицеровъ полуэскадрона составляли: шапка чернаго барашка съ синимъ верхомъ, обшитымъ серебрянымъ галу-

---

[32]) Высочайшее повелѣніе 18 сентября 1828 года. Предписаніе к-щему 1 рез. кав. кор. генералъ-адъютанту Левашеву.

[33]) Дѣло И. Г. Кв. № 1. 1829 годъ. С. Петинъ.

номъ и схваченнымъ наверху серебряной шишкой, башлык желтаго сукна и расшитая серебромъ синяя черкеска съ чернымъ бешметомъ и алая съ бѣлымъ бешметомъ; синіе шаровары съ широкими серебряными лампасами. Кромѣ національной обуви, состоявшей изъ чувякъ съ ноговицами, были обыкновенные сапоги. Изъ верхняго обмундированія полагалась бурка и общаго покроя шинель. Вооруженіе состояло изъ стального шлема, панцыря, жирницы, отвертки и порохового рога.

Собственное оружіе офицеры имѣли: пистолетъ, лукъ со стрѣлами и колчаномъ, саблю, шашку и кинжалъ. Обмундированіе и вооруженіе юнкеровъ и оруженосцевъ было одинаковое съ офицерами и отличалось лишь качествомъ матеріала и сравнительной скромностью украшеній.

Трубачи полуэскадрона имѣли также черкесскую форму, но обшитую трубаческимъ желтымъ басономъ.[34])

Дабы дать горцамъ Кавказа необходимое образованіе, согласно заявленному ими желанію, Высочайше повелѣно опредѣлить ихъ въ Дворянскій полкъ. Но горцамъ, несмотря на всѣ данныя имъ привилегіи, не особенно нравилось пребываніе въ Дворянскомъ полку и, спустя нѣкоторое время, отъ нихъ начали поступать заявленія съ просьбами увольненія обратно во взводъ или на родину, а изъ Дворянскаго полка — жалобы на горцевъ «за ихъ безпокойный характеръ» и просьба объ откомандированіи изъ полка.

Государь Императоръ не изъявилъ на это Своего согласія, т. к. по собственному выраженію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, «безпокойный характеръ» есть не преступленіе, а только нравственный недостатокъ».[35])

Горцы, оцѣнивъ такое великодушіе Государя Императора, просили о зачисленіи въ военно-учебныя заведенія ихъ дѣтей и родственниковъ, въ результатѣ чего было принято 40 малолѣтнихъ горцевъ княжескихъ фамилій и опредѣлено въ Дворянскій полкъ, въ Александровскій, Павловскій и 2-ой Кадетскій Корпусъ.

Поступившимъ въ учебныя заведенія горцамъ-воспитанникамъ была присвоена черкесская форма: папаха черная съ бѣлымъ верхомъ и съ серебряной на немъ пуговкой. Свѣтло-голубая черкеска съ напатронниками и карманами изъ чернаго бархата. Карельской березы 16 патронниковъ, въ оправѣ изъ бѣлой кости. Бешметъ — бѣлый. На воротникѣ бешмета петлицы корпуса. Шаровары синяго сукна и шаровары чернаго демикадона — лѣтніе. Поясъ краснаго сафьяна со стальнымъ приборомъ. На черкескѣ погоны по цвѣту Корпуса.

Съ 1830—1840 г. г. въ Кадетскихъ Корпусахъ воспитывалось 315 горцевъ.

Помимо молодыхъ горцевъ, учившихся въ Кадетскихъ Корпусахъ, офицеры и оруженосцы Л.-Гв. Кавказскаго полуэскадрона, по

---

[34]) Описаніе формы Л. Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона, см. Приложеніе. Четвертая часть книги.

[35]) Д. И. Г. Кв. № 11-1829 годъ. С. Петинъ. стр. 59.

собственному желанію, изучали русскій языкъ, подъ руководствомъ избраннаго университетомъ кандидата, господина Грацилевскаго.

Свободно объясняясь на персидскомъ языкѣ и хорошо зная арабскій языкъ, Грацилевскій составилъ и перевелъ для горцевъ на русскій языкъ черкесскій алфавитъ.

Занятія начались съ 1-го сентября 1829 года, по окончаніи лагерныхъ красносельскихъ сборовъ.

Молодые горцы, по окончаніи военно-учебныхъ заведеній, прикомандировывались Л.-Гв. къ Кавказскому эскадрону Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Съ прикомандированіемъ молодыхъ горцевъ, окончившихъ образованіе въ корпусахъ, къ полуэскадрону, Высочайше утверждено слѣдующее положеніе:

> «Юнкеровъ Кавказскаго Горскаго полуэскадрона, производимыхъ въ офицеры, зачислять на основаніи существующаго правила, т. е. по кавалеріи, съ жалованіемъ по чинамъ и съ разрѣшеніемъ проживать въ семействахъ, гдѣ они вліяніемъ своимъ будутъ небезполезны; вмѣстѣ съ тѣмъ, производства въ полуэскадронѣ уменьшить, такъ какъ горцы и мусульмане, учащіеся въ корпусахъ, дадутъ офицеровъ, болѣе соотвѣтствующихъ видамъ Правительства».

Въ виду особаго состава Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона, онъ былъ раздѣленъ на отдѣльныя группы. Обычаи каждаго племени были приняты во вниманіе.

Кромѣ горской аристократіи, въ полуэскадронъ, безъ согласія его чиновъ, не допускались представители «другихъ націй и народовъ».

Въ декабрѣ 1830 года, Горскій полуэскадронъ, совмѣстно съ Гвардейскимъ жандармскимъ полуэскадрономъ и обозомъ Императорской Главной Квартиры, выступилъ въ городъ Вильно. Прибывъ въ Вильно, полуэскадронъ присоединился къ штабу Гвардейскаго Корпуса, выступившаго въ походъ противъ польскихъ мятежниковъ.

Въ ночь на 23 апрѣля, у дер. Глинки, горцы Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА разбили роту польской пѣхоты. 1-го мая, у села Верпента, они блестяще атаковали отрядъ польскихъ партизанъ. Въ этой атакѣ командиръ полуэскадрона Ханъ Гирей получилъ два раненія въ лѣвый бокъ и въ лѣвую руку, а его ординарецъ убитъ.

Выхвативъ изъ боя раненаго своего командира и убитаго юнкера, горцы съ ожесточеніемъ врубились въ мятежниковъ и, загнавъ ихъ въ болото, полностью уничтожили. По этому поводу генералъ Бенкендорфъ обратился къ эффендію полуэскадрона Магомету Хутову съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

> «Замѣчено, что горцы, въ самомъ жару дѣла, внимая единой пылкости ихъ нрава, не щадили жизни мятежниковъ ни въ коемъ случаѣ, что Вамъ, какъ общему ихъ наставнику, поручаю я внушить горцамъ, что сколько неустрашимость и рвеніе нужны противъ непріятеля сражающагося, столько необходимо въ побѣ-

дителѣ великодушіе и милосердіе къ человѣку обезоруженному и просящему помилованія.

А какъ соединенныя эти качества составляютъ полное достоинство воина, то желалъ бы я, чтобы горцы, отличаясь природною ихъ храбростью, равномѣрно извѣстны бы были и великодушіемъ къ побѣжденному».[36])

16-го іюня 1831-го года, въ сраженіи при Ковно, горцы, совмѣстно съ 3-мя эскадронами Лейбъ-Казаковъ, атаковали непріятельскую пѣхоту. Горцами было взято въ плѣнъ 2 польскихъ офицера и 40 солдатъ. Самъ Ханъ Гирей, несмотря на новое раненіе пикою въ грудь, нѣсколько разъ вступалъ въ рукопашный бой, преслѣдуя польскихъ мятежниковъ.

Боевыя дѣйствия горцевъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА описываетъ флигель-адъютантъ полковникъ Орловъ, въ своемъ донесеніи генералу Бенкендорфу:

«Пріятнѣйшею обязанностью поставляю донести Вашему Высокопревосходительству, что состоящіе при отрядѣ барона Остенъ-Сакена горцы Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона, въ сраженіи 1-го мая при Верпентѣ, 17-го при Райгородѣ, 7-го іюня на Панарскихъ высотахъ и 16-го іюня при Ковно, показали примѣры блистательной храбрости, въ особенности же отличились въ послѣднемъ дѣлѣ, гдѣ вмѣстѣ съ 3-мя эскадронами Лейбъ-казаковъ, состоявшихъ подъ моей командою, врубились въ ряды непріятельской пѣхоты, занимавшей городъ. Съ свойственной имъ смѣлостью, горцы бросились въ жарчайшій огонь, поселяя своимъ появленіемъ ужасъ въ войскахъ мятежниковъ. Приписывая это какъ врожденному ихъ мужеству, такъ въ особенности распорядительности храбраго и благоразумнаго Ханъ Гирея, покрывшаго себя 3-мя славными ранами, осмѣливаюсь просить Ваше Высокопревосходительство обратить на достойнаго офицера этого и на подчиненныхъ его Ваше вниманіе, и не отказать довести объ отличной службѣ ихъ до свѣдѣнія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА».

За оказанное мужество въ означенныхъ дѣлахъ, поручикъ Ханъ Гирей награжденъ чиномъ штабсъ-ротмистра, 5 юнкеровъ и 3 оруженосца получили золотыя медали на георгіевской лентѣ, съ надписью «за храбрость», для ношенія на шеѣ, 6 юнкеровъ — «знаки отличія военнаго ордена», и 2 оруженосца произведены въ юнкера.

3-го октября штабсъ-ротмистръ Ханъ Гирей, съ командою горцевъ, прибылъ въ Варшаву.

Изъ Варшавы Л.-Гв. Кавказскій Горскій полуэскадронъ выступилъ походомъ въ Петербургъ. Въ день прибытія въ столицу, 28 февраля 1832 года, горцамъ произведенъ Высочайшій смотръ. Государь

---

[36]) С. Петинъ. — Д. И. Гл. Кв. № 6 — 1831 г. Предписаніе ген. Бенкендорфа.

Императоръ милостиво благодарилъ горцевъ «за ихъ удаль, молодецкій видъ и порядокъ».

За войну съ польскими мятежниками Горскій полуэскадронъ Конвоя получилъ 53 знака отличія польскаго ордена «за военное достоинство», изъ коихъ 42 знака выданы горцамъ, а остальные трубачамъ, фельдшеру и находившимся при полуэскадронѣ чинамъ линейныхъ казачьихъ полковъ.

По числу 3-хъ трубачей, полуэскадрону пожалованы серебряныя трубы съ надписью: «1830 ГОДЪ».[37])

Съ возвращеніемъ въ Петербургъ, чины Кавказскаго полуэскадрона усиленно занялись своей строевой подготовкой, а въ свободное отъ службы время — изученіемъ русскаго языка.

Изъ горцевъ, учащихся въ кадетскихъ корпусахъ и Дворянскомъ полку, былъ сформированъ (на время лагерныхъ сборовъ) особый взводъ въ 12 рядовъ при 2-хъ офицерахъ и 2-хъ юнкерахъ отъ Горскаго полуэскадрона Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Въ ноябрѣ прибыла съ Кавказа новая команда горцевъ на смѣну чинамъ полуэскадрона, закончившимъ срокъ своей службы въ Конвоѣ.

Отправляя на родину горцевъ, бывшихъ чиновъ Конвоя, генералъ Бенкендорфъ въ письмѣ командиру отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса генералу барону Розену сообщалъ:

> «Раздражительный горскій народъ, враждующій съ русскими, не можетъ познать истинной причины безпрерывной вражды и удостовѣриться въ желаніи Россійскаго Государя Императора не уничтожать свободу горцевъ, а напротивъ того — даровать благоденствіе, какимъ пользуются и другіе Его подданные. Чтобы внушить предварительно хотя нѣкоторымъ изъ горцевъ эти благородные виды, должно стараться приготовить ихъ въ положеніе, въ которомъ спокойствіе души даетъ возможность человѣку выслушать и вникнуть въ то, что ему объясняютъ.
>
> На этомъ-то основаніи сформированъ былъ Л.-Гв. Кавказскій Горскій полуэскадронъ и, чтобы болѣе доказать горцамъ желаніе Государя Императора прекратить вражду, назначенъ въ Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЙ.
>
> Мѣстному начальству предоставить выборъ фамилій, наиболѣе имѣющихъ вліяніе на туземцевъ, и только тѣхъ, которыхъ для благосостоянія края необходимо ближе познакомить съ видами нашего правительства.
>
> Дѣтей мусульманъ, предназначенныхъ для образованія, избирать вообще изъ среды всѣхъ племенъ, обитающихъ на сѣверномъ и южномъ склонахъ Кавказа и даже изъ самыхъ горъ, чтобы благія намѣренія Государя Императора равносильно дѣйствовали на всѣ племена, а самые жители, еще не вполнѣ знакомые съ русскими и не понимающіе видовъ правительства, постепенно, собствен-

---

[37]) Всего въ Конвоѣ 12 серебряныхъ Георгіевскихъ трубъ: 9 пожалованы Черноморцамъ и 3 — Горцамъ.

нымъ опытомъ познали ихъ. На сѣверномъ склонѣ выборъ дѣлать изъ княжескихъ и знатнѣйшихъ дворянскихъ фамилій, на южномъ — изъ дѣтей хановъ, знатныхъ бековъ, заслуженныхъ агаларовъ и др. почетныхъ лицъ, преданность которыхъ правительству полезна будетъ вліяніемъ ихъ на прочихъ жителей».[38])

На основаніи сего распоряженія, 12 іюня 1836 года, приняты на службу въ Кавказскій Горскій полуэскадронъ лезгины Джарской области. (Край, занимаемый Джаро-Бѣлоконской областью, составлялъ нѣкогда лучшую часть Кахетіи, подъ названіемъ «Кухети», и обитаемъ былъ грузинами. Страною завладѣли Аварскіе лезгины, поработили природныхъ жителей и насильственно заставили ихъ принять мусульманство).

Для команды лезгинъ была установлена слѣдующая форма:

Шапка — національная, мѣховая, съ алымъ верхомъ.

Башлыкъ — желтаго черкесскаго сукна, съ серебряной шишкой на концѣ, обшитый по борту и швамъ серебрянымъ съ черною полоской галуномъ.

Бешметы (ахалуки) — къ алому мундиру синій, а къ синему — алый.

Ахалуки обшиты серебрянымъ галуномъ.

Мундиры (чухи) — алаго сукна съ желтой подкладкой и свѣтло-синяго сукна съ алой подкладкой. Мундиры обшиты кругомъ и по борту серебряными галунами, узкими и широкими.

Эполеты — кавалерійскаго образца.

Шаровары — широкія зеленаго цвѣта.

Сапоги — національные, особаго типа, съ острыми носками: къ алому мундиру — желтаго сафьяна, къ синему — бѣлой кожи.

Собственное оружіе: пистолетъ, ружье съ бѣлымъ ремнемъ въ черномъ бурочномъ чехлѣ, шашка и кинжалъ.[39])

Кромѣ лезгинъ, въ команду ихъ допущены были въ 1839 году кейсерухцы — отдаленнѣйшій народъ, жившій на границѣ съ Персіей и изъявившій покорность Россіи. Кейсерухцы не оставлялись на службѣ въ Петербургѣ болѣе одного года, исключая желающихъ служить опредѣленный въ Конвоѣ срокъ.

При отправленіи лезгинъ изъ Грузіи, мѣстному начальству было приказано, чтобы каждый всадникъ имѣлъ, кромѣ оружія, сѣдло съ приборомъ и тремя покрывалами, поясъ и поясную шашечную портупею съ серебряными наборами, пороховой рогъ, жирницу и отвертку. Всѣ эти вещи, исключая сѣделъ и покрывалъ, допускались разнообразныя, такъ какъ принадлежали къ вооруженію, составлявшему собственность лезгинъ.

Посылая первую смѣну лезгинъ, кавказское начальство увѣдомило, что въ составъ ея выбраны «люди красивой наружности, хорошо

---

[38]) «Русскій Инвалидъ» 1831 года. С. Петинъ.

[39]) Подробное описаніе формы Л.-Гв. Команды Лезгинъ С. Е. В. Конвоя см. Приложеніе. (Будетъ дано въ 4-ой части книги).

одѣтые, отлично вооруженные и на прекрасныхъ лошадяхъ; всѣ происходятъ изъ самыхъ знатныхъ фамилій Джарской области».

Команда лезгинъ въ составѣ: одного офицера, поручика Магометъ-Али-Кара-Али-Оглы, 2 юнкеровъ и 12 оруженосцевъ, подъ командою состоявшаго при генералѣ Бенкендорфѣ поручика князя Андроникова, выступила изъ Тифлиса въ апрѣлѣ 1840 года и черезъ пять мѣсяцевъ прибыла въ Петербургъ.

Въ Петербургѣ лезгины были помѣщены отдѣльно отъ горцевъ, но подчинены командиру Горскаго полуэскадрона.

Въ 1837 году, по Высочайшему повелѣнію, выѣхалъ на Кавказъ командиръ Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона полковникъ Ханъ Гирей, въ сопровожденіи 4-хъ особо знатныхъ горцевъ, для исполненія особо важнаго порученія.

Это была депутація отъ Государя Императора ко всѣмъ горцамъ Кавказа. Цѣль ея состояла въ томъ, чтобы убѣдить горскія племена принести ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ изъявленія покорности и внушить имъ необходимость испросить себѣ постоянное управленіе. Въ инструкціи полковнику Ханъ Гирею сообщено, что, по Адріанопольскому мирному договору, признаны права Россіи надъ Кавказскими горскими племенами, а потому Государь Императоръ, одинаково заботясь о всѣхъ Своихъ подданныхъ, приказываетъ мѣстному начальству склонить горцевъ, мѣрами кротости, къ добровольной покорности.

Ханъ Гирею было поручено «разъяснить горцамъ о силѣ и могуществѣ Россіи, о невозможности противостоять ей и необходимости покоренія».

Государь Императоръ НИКОЛАЙ I считалъ политику мѣстнаго кавказскаго начальства въ отношеніи горцевъ неправильной.

О своемъ желаніи склонить горцевъ къ покорности Россіи не силою оружія, а «мѣрами кротости», Государь, вернувшись съ Кавказа, писалъ генералу Бенкендорфу:

> «Я много толковалъ объ этомъ съ Вельяминовымъ, стараясь внушить ему, что хочу не побѣды, а спокойствія; и что и для личной его славы и для интересовъ Россіи надо стараться приголубить горцевъ и привязать ихъ русской державѣ. Я самъ тутъ же написалъ Вельяминову новую инструкцію и приказалъ учредить въ разныхъ мѣстахъ школы для дѣтей горцевъ, как вѣрнѣйшее средство къ ихъ обрусѣнію и къ смягченію ихъ нравовъ».[40])

Въ результатѣ пребыванія полковника Ханъ Гирея на Кавказѣ, кавказское начальство донесло о большомъ количествѣ желающихъ горцевъ быть принятыми на службу Л.-Гв. въ Кавказскій Горскій полуэскадронъ. Но въ пополненіи полуэскадрона произошли значительныя перемѣны. Причина тому слѣдующая.

---

[40]) Выписка изъ письма Императора Николая I. Статья Н. Тальбергъ «Изъ исторической копилки». Журналъ «Наши Вѣсти» № 103/2240.

Въ дѣйствующей арміи, находившейся въ то время въ Польшѣ, въ 1837 году былъ сформированъ Кавказскій Горскій полкъ. Графъ Паскевичъ-Эриванскій, находясь въ Петербургѣ, доложилъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ о пользѣ, какая послѣдовала бы отъ укомплектованія Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона людьми Горскаго полка, прослужившими нѣкоторое время въ дѣйствующей арміи. Горцы охотнѣе бы поступали въ полкъ, узнавъ, что только изъ полка возможенъ переводъ въ Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой, который, такимъ образомъ, станетъ пополняться людьми, предварительно испытанными въ полку. Государь Императоръ повелѣлъ: «Одну половину горцевъ Конвоя комплектовать людьми изъ Горскаго полка, другую пополнять на прежнемъ основаніи».

Въ 1839 году Государь призналъ полезнымъ имѣть въ Своемъ Конвоѣ команду изъ находившегося въ дѣствующей арміи Конно-Мусульманскаго полка. Третью часть этого полка составляли армяне, а кромѣ нихъ, въ полку былъ «цѣлый взводъ турокъ ахалцыхскихъ во всемъ ихъ нарядѣ».

Мусульмане прибыли въ лагерь подъ Красное Село, подъ командою поручика Султанъ-Аліаскаръ-Бекъ-Гасанъ-Бекъ-Оглы, въ составѣ 2-хъ оберъ-офицеровъ, 4-хъ векилей и 24-хъ всадниковъ.

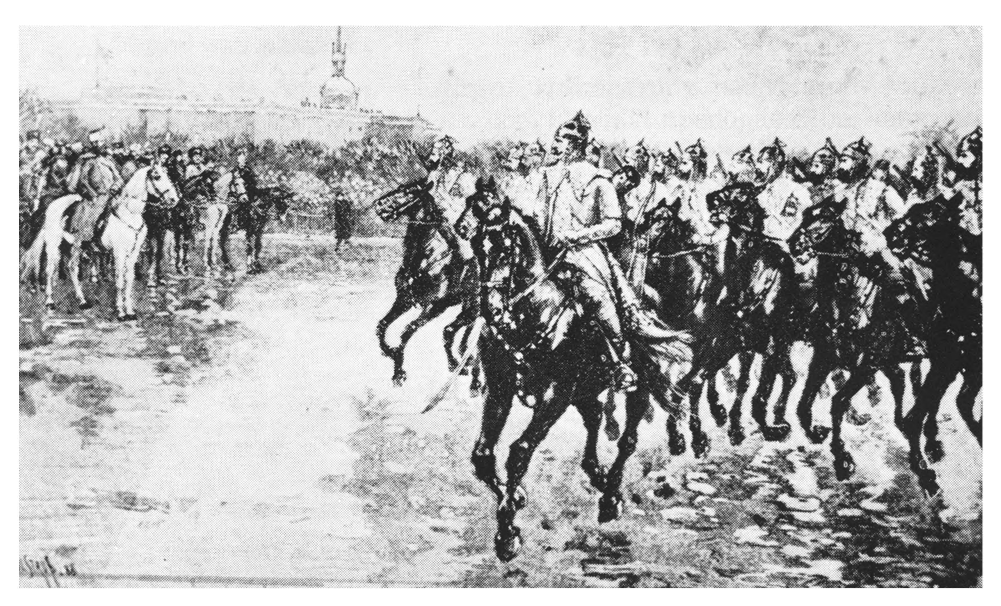
Мусульманамъ было присвоено обмундированіе, вооруженіе и снаряженіе по образцу лезгинъ, съ нѣкоторою перемѣною въ цвѣтѣ мундировъ. А именно: бѣлый мундиръ съ голубой подкладкой и свѣтлосиній мундиръ съ желтой подкладкой. Бешметы оба желтые. Шаровары — къ первому мундиру голубыя и ко второму свѣтлосинія. Остальное все то же, что и у лезгинъ.

Срокъ службы мусульманъ въ Конвоѣ опредѣленъ 4-лѣтній, по примѣру горцевъ и лезгинъ. При этомъ установлено: смѣну одной половины команды производить черезъ каждые два года; комплектовать команду изъ Конно-Мусульманскаго полка; прослужившихъ въ Конвоѣ положенный срокъ производить, по удостоенію, въ офицеры и, съ зачисленіемъ по кавалеріи, отправлять на службу въ Грузію.

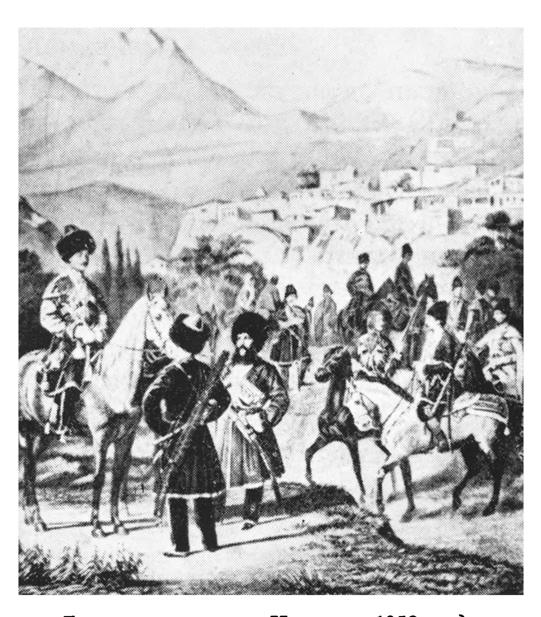
Съ возвращеніемъ войскъ изъ Краснаго Села въ Петербургъ, взводъ мусульманъ былъ помѣщенъ въ казармѣ-домѣ Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона.

Помѣщеніе азіатскихъ командъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя было обставлено съ большимъ комфортомъ:

> «У каждаго горца имѣлась своя кроват съ ночнымъ столикомъ и плевательницей. Мягкая, обшитая кожей мебель, половина которой изъ дорогого краснаго дерева, ломберные столики, устилавшіе полъ ковры, «10-тирублевые» шторы на окнахъ — все это далеко не напоминало казармъ. На лѣстницахъ, по ступенькамъ которыхъ вились схваченныя металлическими прутьями ковровыя дорожки, висѣли «сторублевые фонари съ механикой» и не менѣе дорогіе фонари «съ цѣпочками». Чистота и порядокъ въ по-



Л.-Гв. Кавказскій Горскій полуэскадронъ. 1882 годъ.



Горцы и казаки Конвоя. 1858 годъ.

мѣщеніяхъ поддерживались инвалидами и собственными служителями изъ азіатцевъ».[41])

По желанію горцевъ, Государь Императоръ разрѣшилъ въ помѣщеніи ихъ устроить учебный классъ. Особый преподаватель занимался съ юнкерами полуэскадрона ежедневно съ десяти часовъ утра до трехъ часовъ дня. Предметы преподаванія были: русское чтеніе и письмо, грамматика, арифметика, географія и исторія.[42])

Для офицеровъ Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона установленъ порядокъ ношенія формы, примѣняясь къ формѣ офицеровъ 1-й бригады Гвардейской Кирасирской дивизіи.

КИРАСИРЫ:	ГОРЦЫ:
1. Алый мундиръ и ботфорты.	1. Алая черкеска, сапоги и шапки.
2. Алый мундиръ и башмаки.	2. Алая черкеска и чувяки.
3. Колеты и шарфы.	3. Алый мундиръ, шлемъ и панцырь.
4. Кирасы.	4. Шлемъ, панцырь, сверху алый мундиръ.

Въ 1857 году, Высочайше повелѣно:

«Сформировать, для службы въ Конвоѣ, команду грузинъ изъ молодыхъ людей знатнѣйшихъ дворянскихъ и княжескихъ фамилій, православнаго исповѣданія, изъ Тифлисской и Кутаисской губерній. Команду считать первымъ взводомъ Л.-Гв. Кавказскаго эскадрона. Остальные взводы составятъ послѣдовательно горцы, лезгины и мусульмане, по 10 рядовъ, при 20 юнкерахъ на эскадронъ. Командованіе послѣднимъ поручать старшему офицеру, по удостоенію командира Конвоя».

Кавказское начальство нашло неудобнымъ соединеніе всѣхъ 4-хъ командъ въ одинъ эскадронъ и ходатайствовало о томъ, чтобы грузины составляли въ Конвоѣ отдѣльную команду, на основаніи слѣдующаго:

«Грузинское дворянство, гордящееся древностью и знатностью своего происхожденія, не можетъ быть поставлено наравнѣ съ другими представителями кавказскаго населенія. Слить въ одно эти разнородные элементы, чуждые другъ другу и по вѣрѣ и по обычаямъ, значило бы затронуть самыя чувствительныя стороны національныхъ предубѣжденій. Подобная мѣра была бы противна нашимъ собственнымъ политическимъ видамъ».

Но Государь Императоръ не нашелъ возможнымъ удовлетворить это ходатайство, положивъ слѣдующую резолюцію:

«Ничего не можетъ быть почетнѣе для предполагаемой команды грузинъ, какъ назначеніе ея быть въ головѣ эскадрона. Грузины никоимъ образомъ не будутъ въ столкновеніи съ другими командами Л.-Гв. Кавказскаго эскадрона, кромѣ строя, въ которомъ они должны составлять первый взводъ эскадрона. Командиръ

---

[41]) С. Петинъ. Дѣло И. Г. К. № 28-1839 годъ.

[42]) Конвой изъ горцевъ, кромѣ политическаго значенія, имѣлъ и воспитательное.

этого взвода будетъ постоянно офицеръ изъ ихъ среды, подчиненный только командиру Конвоя, флигель-адъютанту».

Кромѣ грузинъ, въ первый взводъ были допущены имеретины, мингрельцы и гурійцы. Грузинскій взводъ былъ сформированъ не сразу, а по частямъ, по мѣрѣ выбора «лучшихъ изъ желающихъ».

Въ томъ же 1857 году, кавказскимъ начальством возбужденъ вопросъ о принятіи въ первый взводъ знатнѣйшихъ армянъ.

> «Народъ этотъ, подобно грузинамъ, принадлежитъ къ древнѣйшимъ христіанамъ и составляетъ значительную часть Закавказскаго населенія, имѣя весьма важное значеніе въ краѣ. Въ средѣ армянъ, всегда отличавшихся непоколебимой преданностью Россійскому Престолу, есть древнія фамиліи почетной аристократіи».

Такъ хлопоталъ князь Барятинскій, и Государь Императоръ изволилъ разрѣшить службу знатныхъ закавказскихъ армянъ въ Своемъ Конвоѣ, но не болѣе 1/5 части 1-го взвода.

Грузинамъ была присвоена особая форма: шапка — національная чернаго мѣха съ малиновымъ верхомъ. Фуражка — малиновая; околышъ и выпушка по верхнему кругу, зеленые. Чухи (мундиръ) — малиноваго бархата. Вицъ-мундиръ — зеленаго сукна. Ахалуки (бешметъ) — изъ шелковой матеріи. Къ парадному мундиру зеленый, а къ вицъ-мундиру малиновый.[43])

Съ 1869 года, юнкера и векили Л.-Гв. Кавказскаго эскадрона, по прослуженіи 2-хъ лѣтъ, стали производиться въ офицеры, но не иначе, какъ по экзамену, установленному для вольноопредѣляющихся. Тѣ же, кто не могли выдержать экзаменъ, выпускались, черезъ четыре года службы въ Конвоѣ, прапорщиками милиціи.

Во время войны 1877-1878 г. г. Кавказскій эскадронъ оставался на службѣ въ Петербургѣ. Въ это время въ эскадронѣ, съ производствомъ въ офицеры чиновъ его, не хватало большого числа всадниковъ. Для пополненія убыли эскадрона, Государь Императоръ приказалъ собрать на Кавказѣ молодыхъ людей, но не отправлять ихъ въ Петербургъ, а оставить ихъ въ распоряженіи Главнокомандующаго Кавказской арміи, на службѣ въ Кубанской области.

По окончаніи войны съ Турціей, чины Кавказскаго эскадрона, находившіеся въ Кубанской области, подъ командою войскового старшины Завгороднаго, выступивъ походнымъ порядкомъ изъ города Майкопа, прибыли въ Петербургъ 5-го мая и уже 11-го мая, совмѣстно съ казачьимъ эскадрономъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, приняли участіе въ весеннемъ парадѣ войскъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

«Восточный» Конвой всегда пользовался милостивымъ вниманіемъ Государя Императора. По Высочайшей волѣ онъ былъ учрежденъ

---

[43]) Подробное описаніе формы грузинъ Конвоя Е. И. В. см. Приложеніе.

съ тою цѣлью, чтобы показать народамъ Кавказа, что Русское Правительство стремится къ благосостоянію ихъ, а не къ угнетенію. И дабы горцамъ доказать Царское довѣріе, представители ихъ были зачислены въ Императорскій Конвой. Горцамъ была пожалована нарядная форма и весьма значительное жалованье. Выслужившіе свой срокъ службы въ Конвоѣ горцы производились въ корнеты по армейской кавалеріи, со всѣми преимуществами, дарованными имъ за службу при Высочайшемъ Дворѣ.

Командируя произведенныхъ горцевъ на Кавказъ, генералъ Бенкендорфъ (ихъ прямой начальникъ) въ письмѣ къ командиру отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, генералу барону Розену, сообщалъ:

> «При отправленіи теперь вновь произведенныхъ офицеровъ, каждый изъ нихъ просилъ службы на Кавказѣ, чтобы усердіемъ имѣть возможность оказать свою благодарность; каждый изъ нихъ давалъ обѣщаніе служить и умереть за Государя. Явную недовѣрчивость въ этомъ случаѣ считаю я совершенно вредною, тѣмъ болѣе, что они, сколько извѣстно, въ данныхъ одинъ разъ обѣщаніяхъ непоколебимы, и что недовѣрчивость эта можетъ послужить лишь къ уменьшенію ихъ уваженія къ русскимъ. Я полагалъ бы, напротивъ того, показывать горцамъ всю возможную довѣренность употребленіемъ безпрерывно на службу по разнымъ случаямъ, награждая того, кто будетъ имѣть средства на самомъ дѣлѣ оправдать данное имъ обѣщаніе. Я видѣлъ ихъ съ удовольствіемъ слушающихъ о нашемъ къ нимъ доброжелательствѣ, видѣлъ удивленіе въ познаніи того, чего они на Кавказѣ, враждуя съ нами, не постигали.
>
> «Чтобы воспользоваться такимъ приготовленіемъ умовъ служащихъ горцевъ въ Конвоѣ, которые отправляются на Кавказъ, получивъ различныя награды, я полагаю весьма полезнымъ тотчасъ же по прибытіи отпустить ихъ въ дома, гдѣ они, прежде завлеченія мнѣніемъ и сужденіями своихъ соотечественниковъ, разсказывать будутъ все, что старался я внушить имъ во время 4-хлѣтняго служенія въ Петербургѣ».[44])

Съ основанія Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго полуэскадрона, по полученіи соотвѣтствующаго образованія, были произведены въ офицеры 472 горца, изъ коихъ находились на службѣ въ армейскихъ частяхъ 6 штабъ-офицеровъ и 1 генералъ.

Въ 1882 году на Кавказѣ не было уже непокорныхъ горцевъ. Наиболѣе непримиримые переселились въ Турцію.[45]) Остальные признали власть Русскаго Правительства.

Усмиренный Кавказъ быстро заселялся казачьими станицами.

---

[44]) Д. И. Г. К. № 88. Письмо ген. Бенкендорфа № 2109.

[45]) Съ разрѣшенія Императора АЛЕКСАНДРА II, 200.000 черкесовъ-карабулаковъ покинули Кавказъ и переселились въ Турцію.

Естественно, что и Кавказскій эскадронъ Конвоя утратилъ свое прежнее значеніе — проводника мирныхъ идей среди горскихъ народовъ Кавказа.

1-го февраля 1882 года, Высочайше повелѣно Л.-Гв. Кавказскій Горскій эскадронъ расформировать. Офицеры эскадрона произведены въ слѣдующіе чины, получивъ пожизненную пенсію въ размѣрѣ 1200 рублей въ годъ.

Несмотря на искреннее желаніе Государя Императора НИКОЛАЯ I водворить порядокъ и спокойствіе среди воинственныхъ горскихъ племенъ «дружелюбіемъ и снисхожденіемъ», Кавказъ былъ покоренъ только силою русскаго оружія.

Среди горцевъ, въ особенности въ Чечнѣ и Дагестанѣ, при содѣйствіи турецкаго правительства, началъ сильно распространяться мюридизмъ, заключающійся въ безпощадной священной войнѣ съ «невѣрными», т. е. «врагами» не мусульманами.

Съ 1819 года мюридизмъ сталъ успѣшно развиваться подъ водительствомъ Кази-Муллы, объявившаго себя Имамомъ, т. е. духовнымъ вождемъ всѣхъ мусульманъ. Онъ привлекъ къ себѣ много сторонниковъ, и имя его было чрезвычайно популярно среди горцевъ. Въ 1832 году Кази-Мулла былъ окруженъ русскими войсками и въ Гимрахъ, при попыткѣ прорваться во время штурма этого укрѣпленія, былъ убитъ.

Послѣ него, короткое время былъ Имамомъ Гамзатъ-Бекъ, павшій отъ рукъ убійцы, и Имамомъ Чечни и Дагестана сталъ Шамиль, родившійся въ 1797 году въ Гимрахъ.

Сдѣлавшись Имамомъ, Шамиль помирилъ враждовавшихъ между собою горцевъ и собралъ десятки тысячъ отчаянныхъ храбрецовъ мюридовъ, давшихъ обѣтъ посвятить всѣ свои силы и жизнь «Газавату». Война между горцами и русскими отличалась невѣроятнымъ упорствомъ и стоила огромныхъ жертвъ. Обѣ стороны были достойны другъ друга. Русская Кавказская армія прославилась своей доблестью, ея противникъ — горцы — храбростью и упорствомъ въ бою. Первое чувствительное пораженіе было нанесено Шамилю въ 1839 году, когда, несмотря на упорное сопротивленіе горцевъ, русскими былъ взятъ аулъ Ахульго, причемъ былъ захваченъ въ плѣнъ одинъ изъ сыновей Шамиля; ему же самому удалось прорваться и бѣжать.

6-го іюня 1845 года, послѣ ожесточеннаго боя, была взята сильно укрѣпленная и неприступная резиденція Шамиля, аулъ Дарго. Шамиль ушелъ въ Кабарду.

Въ дальнѣйшей борьбѣ Шамиль несъ пораженіе за пораженіемъ. Ряды его приверженцевъ таяли, и многія горскія племена перешли на русскую сторону.

Въ 1859 году былъ взятъ аулъ Ведено. Шамиль, съ остатками горцевъ, укрѣпился на горѣ Гунибъ.



Офицеры Горцы 1857 г.



*Сын Шамиля Шафи-Магометъ
и дочери Шамиля
Надживатъ и Нафисато.*)*



*Горецъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
1882 г.*

*) Корнетъ Шафи-Магометъ Шамиль, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ въ Конвой Его Величества 8 апр. 1861 года. 14 мая 1885 г. — ген.-маіоръ, и зачисленъ въ запасъ по Гв. Кавалеріи.

25-го августа, послѣ отчаяннаго сопротивленія горцевъ, палъ послѣднiй оплотъ Шамиля — аулъ Гунибъ, въ которомъ онъ съ 600 мюридами, оставшимися ему вѣрными, сражался до конца съ геройскими, какъ и его горцы, Кавказскими войсками.

Съ взятіемъ Гуниба закончилось покореніе Восточнаго Кавказа, и, въ дальнѣйшемъ, понадобилось еще пять лѣтъ для покоренія Западнаго Кавказа, когда и была закончена многолѣтняя Кавказская война.

Сдавшемуся князю Барятинскому Шамилю, по Высочайшему повелѣнію, въ знакъ уваженія къ его храбрости, было возвращено оружіе.

Въ память доблести всѣхъ Кавказскихъ героевъ, въ городѣ Тифлисѣ былъ учрежденъ военный музей — «Храмъ Славы». Въ немъ было собрано много батальныхъ картинъ лучшихъ русскихъ художниковъ, посвященныхъ Богатырямъ Кавказа: Ермолову, Воронцову, Барятинскому, Котляревскому, Слѣпцову, Мадатову и героямъ офицерамъ, солдатамъ и казакамъ; Кази-Муллѣ, Шамилю и его храбрымъ мюридамъ и всѣмъ кавказцамъ, покрытымъ ореоломъ славы, чести, доблести и благородства.[46])

Вождь горцевъ Имамъ Шамиль, съ семьей, родственниками и слугами, былъ отправленъ въ Калугу, гдѣ свободно жилъ, безъ какихъ-либо моральныхъ униженій, въ предоставленной ему обстановкѣ.

На его содержаніе Русское Правительство ассигновало 20.000 рублей. Самъ ИМПЕРАТОРЪ часто навѣщалъ Шамиля и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ. Шамиль искренне жалѣлъ о войнѣ съ русскими и завѣщалъ горцамъ всегда быть вѣрными Россіи.

14-го февраля 1865 года Шамиль изъ Калуги писалъ князю Барятинскому, по случаю окончательнаго покоренія Кавказа:

> «...отъ души радуюсь великому событію, которое принесетъ для Кавказа полное спокойствіе и счастье...» («Рус. Старина», 1880 годъ. Томъ 27, стр. 808).

Тотъ же Шамиль, на призывъ изъ Константинополя возобновить борьбу противъ русскихъ, отвѣтилъ:

> «Глупъ тотъ человѣкъ, который при сіяніи солнца зажигаетъ свѣчу, чтобы ему было еще свѣтлѣе. Государь даетъ мнѣ много очень яснаго свѣта. Зачѣмъ же я стану зажигать свѣчу?...»

Тѣ западно-европейскія государства, которыя поддерживали Шамиля въ его борьбѣ противъ русскихъ и обѣщали ему корону «Королевства Кавказскаго», бросили его и его семью, послѣ паденія Гуниба. Многія кавказскія племена послѣдовали ихъ примѣру.

И только Русскій Царь и побѣдитель Шамиля князь Барятинскій приняли великодушное, воистину достойное участіе въ этомъ благородномъ и исключительно одаренномъ человѣкѣ и въ судьбѣ его семьи.

---

[46]) Изъ статьи Ген. Штаба Генералъ-Маіора В. Г. Науменко — «Покореніе Восточнаго Кавказа». Журналъ «Наши Вѣсти» № 159. 1955 г.

Особенно трогательна сердечная дружба, которая была заключена между побѣжденнымъ Имамомъ Шамилемъ и его побѣдителемъ княземъ Барятинскимъ. Дружба эта сохранилась нерушимой до самой смерти Шамиля.

Чувствуя приближеніе своей смерти, Шамиль, съ разрѣшенія Государя Императора АЛЕКСАНДРА II, оставилъ Россію и уѣхалъ въ Мекку. Умеръ Шамиль въ Мединѣ въ 1871 году.[47])

Прошли годы. Забыты были вражда и войны на Кавказѣ. Почти 70 лѣтъ народы Кавказа жили въ мирѣ и дружбѣ съ своими побѣдителями, перенимая взаимно другъ у друга лучшія стороны каждаго, какъ-то: одежду — черкеска стала законной формой Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ, адаты куначества (кровная дружба) и пр. Съ другой стороны, Горцы принимали отъ Русскихъ культурный укладъ жизни, просвѣщеніе и образованіе. Горцы пользовались правами наравнѣ съ Кавказскими казаками. Какъ у однихъ, такъ и у другихъ былъ одинъ и тотъ же земельный надѣлъ. Надѣлъ этотъ колебался, въ зависимости отъ мѣстности и качества земли, въ среднемъ отъ 7 до 14-ти десятинъ. Горцы, храня свой укладъ жизни и обычаи, были совершенно свободны въ пользованіи роднымъ языкомъ и въ исповѣдованіи своей религіи. Кромѣ этой свободы, имъ Высочайше было даровано право имѣть свои суды — «по шаріату» (законы, основанные на мусульманской религіи). Всѣ проступки горцевъ противъ Россійскихъ законовъ могли быть судимы этими судами (исключеніе — уголовныя дѣла).

Дабы предоставить народамъ С. Кавказа полную свободу, они были освобождены отъ отбыванія воинской повинности.[48])

Но, помня завѣтъ Шамиля быть всегда вѣрными Россіи и желая это доказать на дѣлѣ, въ Русско-Японскую войну, горцы добровольно сформировали Терско-Кубанскій конный полкъ. Въ 1-ю же Великую войну, на основаніи единодушнаго постановленія Съѣзда представителей всѣхъ народовъ и племенъ Сѣвернаго Кавказа, горцами была создана Кавказская конная туземная дивизія, въ составѣ шести полковъ.

По личному желанію Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, командованіе этой дивизіей принялъ Братъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Великій Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

Въ борьбѣ съ большевиками горцы приняли самое активное участіе. Въ составъ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи они входили цѣлыми бригадами и дивизіями, какъ Черкесская дивизія и Кабардинская бригада (одно время — дивизія).

Вторая Міровая война принесла горцамъ много надеждъ, но еще больше горя, униженія и страданія.

---

[47]) Свѣдѣнія взяты изъ статьи полковника Н. Г. Бигаева «Проблема Національ-Сепаратизма въ Россіи».

[48]) Въ послѣдніе годы, въ мирное время, въ составъ 3-й Кавказской казачьей дивизіи входили единственныя воинскія части горцевъ: Осетинскій конный дивизіонъ и Дагестанскій конный полкъ.

Въ 1945 году они вмѣстѣ съ казаками были преданы на расправу большевикамъ. Ихъ вождь, доблестный генералъ Султанъ Келечъ Гирей, погибъ въ Москвѣ лютою смертью, вмѣстѣ со своими кунаками, казачьими боевыми генералами.

По приказу палача Сталина, послѣ жестокостей и избіенія, были высланы въ Сибирь, на вѣрную смерть, десятки тысячъ горцевъ, а въ томъ числѣ полностью племена Чеченцевъ, Ингушей, Кабардинцевъ и другихъ народовъ Сѣвернаго Кавказа.

Входившіе въ составъ 1-го взвода Л.-Гв. Кавказскаго Горскаго эскадрона грузины были лучшими представителями древнѣйшаго христіанскаго Царства Грузинскаго, которое въ теченіе многихъ вѣковъ отстаивало свою самостоятельность отъ турокъ и персовъ.

Въ результатѣ этой борьбы, православные грузины просили помощи у русскихъ, еще во времена Іоанна Грознаго и Бориса Годунова.

Въ 1725 году грузинскій царь Вахтангъ, съ князьями, дворянами, 6-ю епископами, 14-ю архимандритами, монахами и слугами (1185 душъ), бѣжалъ въ Россію. Всѣ бѣженцы получили жалованье и продовольствіе отъ русской казны. Въ дальнѣйшемъ, грузины-бѣженцы выразили желаніе принять россійское подданство и вступить на русскую военную службу. Государыня Анна Іоанновна повелѣла исполнить просьбу грузинъ, учредивъ для отправленія ими военной службы «Грузинскую гусарскую роту».

Указомъ отъ 25-го марта 1738 года, было повелѣно отвести грузинамъ бѣженцамъ землю на Украинѣ въ вѣчное потомственное владѣніе.[49])

Въ 17-мъ вѣкѣ положеніе Грузіи было настолько трагично, что для нее существовало только два выхода: сдѣлаться добычей Турціи и Персіи, или же искать обезпеченія спокойствія для мирнаго развитія и гражданскаго правопорядка, въ тѣсномъ единеніи съ единовѣрною Россіею.

Грузія, лишенная, въ борьбѣ съ врагами, цвѣтущей православной цивилизаціи, истощенная внутренними раздорами, не могла сохранить политическую самостоятельность.

В 1783 году было формально установлено покровительство Россіи надъ Грузіей. Успѣшное выполненіе этого покровительства всего болѣе зависѣло отъ сліянія Грузіи съ Россіей, къ чему обстановка на Кавказѣ и привела.

Въ 1801 году Императоръ ПАВЕЛЪ I издалъ манифестъ объ окончательномъ присоединеніи Грузіи къ Россійской Имперіи.

Въ присоединеніи Грузіи къ Россіи совершенно нѣтъ элемента завоеванія; здѣсь только помощь изнемогающему, единовѣрному, благородному грузинскому народу.

---

[49]) Полное Собраніе Законовъ т. 10. № 7545.

Но, для связи съ присоединенной новой обширной областью, надо было устранить съ путей сообщенія Россіи съ Грузіей безпокойный элементъ, гнѣздившійся въ горахъ Кавказа и препятствовавшій мирной жизни на сотни верстъ кругомъ.

Когда эта задача была выполнена, началась новая эра въ жизни оказочнаго Кавказа. Русскіе внесли свою лепту въ сокровищницу сѣдыхъ обычаевъ Кавказа, обратившихся постепенно въ цѣлый кодексъ нравственныхъ нормъ и законовъ для блистательной Кавказской арміи. Кавказскія традиціи образовали въ арміи внутреннюю, духовную силу, проникшую въ природу, въ совѣсть, въ мысль не только Кавказскихъ войскъ, но и широкихъ слоевъ населенія Кавказа — жемчужины въ Коронѣ Россійской Имперіи.[50])

Присоединившись къ Россіи, грузинскій народъ создалъ выдающуюся интеллигенцію, выдѣлившую изъ своей среды рядъ крупныхъ ученыхъ, поэтовъ, государственныхъ дѣятелей и талантливыхъ полководцевъ, которыми гордилась Россія, какъ, напримѣръ, извѣстный герой Отечественной войны, генералъ князь Багратіонъ.

Честь быть первымъ Командиромъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, по Высочайшему повелѣнію, принадлежала также представителю Грузіи, флигель-адъютанту полковнику Петру Романовичу князю Багратіонъ.

Кромѣ горцевъ Кавказа, въ Императорскомъ Конвоѣ извѣстное время имѣли честь служить и представители Крымскихъ татаръ.

Въ 1825 году, при посѣщеніи Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ I БЛАГОСЛОВЕННЫМЪ Крыма, мѣстное татарское дворянство, во главѣ съ генералъ-маіоромъ княземъ Балатуковымъ, изъявило желаніе сформировать одинъ эскадронъ Крымскихъ татаръ, на что тогда же послѣдовало Высочайшее соизволеніе.

Порученное генералу князю Балатукову формированіе Л.-Гв. Крымскаго татарскаго эскадрона черезъ два года было закончено.

Въ 1860 году среди населенія Крымскихъ татаръ и ногайцевъ разнесся ложный слухъ о насильственномъ переселеніи ихъ въ Россію и о рекрутскомъ наборѣ жителей Крыма. Татары заволновались, и до 230 тысячъ семействъ ихъ ушло въ Турцію. Ногайцы ушли всѣ поголовно. Въ Крыму осталась 1/3 бывшаго населенія.[51])

Въ виду этого, Государь Императоръ, 26-го мая 1863 года, повелѣлъ Л.-Гв. Крымскій татарскій эскадронъ упразднить. Взамѣнъ его содержать изъ остающагося въ Крыму татарскаго населенія, въ составѣ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, особую команду Л.-Гв. Крымскихъ татаръ, съ причисленіемъ ея, сверхъ комплекта, Л.-Гв. къ Кавказскому Казачьему эскадрону.

Команду приказано было раздѣлить на три смѣны и присылать въ С.-Петербургъ черезъ каждые два года. Составъ смѣны: 1 унтеръ-офицеръ и 6 рядовыхъ. При этихъ трехъ смѣнахъ имѣть по одному

---

[50]) Полковникъ Н. А. Бигаевъ. «Проблема Націоналъ-Сепаратизма въ Россіи».
[51]) «Русскій Инвалидъ» 1861 годъ, № 93.

офицеру, но только изъ крымско-татарскихъ фамилій и не выше чина штабсъ-ротмистра. Кромѣ того, въ каждую смѣну допущенъ, сверхъ комплекта, одинъ юнкеръ изъ татарскихъ мурзъ.

Для команды татаръ обмундированіе, снаряженіе и вооруженіе установлены по образцамъ Л.-Гв. Кавказскаго казачьяго эскадрона.[52])

Папаха — національная, крымско-татарскаго народа, изъ черной мелкой мерлушки. Верхъ алый, плоскій, обшитый дважды крестообразно узкимъ серебрянымъ галуномъ, которымъ обшивается полукафтанъ.

Мундиръ — парадный алый, съ 10-ю нагрудными напатронниками и серебряными чешуйчатыми эполетами. Вседневный мундиръ синій.

Алый мундиръ обшивается весь широкимъ, а синій на напатронникахъ широкимъ, а вокругъ узкимъ серебрянымъ галуномъ.

Шаровары — къ алому и синему мундиру синія, съ тою только разницей, что къ алому мундиру — лампасы въ два ряда широкаго галуна, а къ синему изъ узкаго галуна.

Шашка, пистолетъ и кинжалъ — по образцу Кавказскаго казачьяго эскадрона. У рядовыхъ мундиръ обшитъ широкимъ желтымъ басономъ.

Воротникъ и обшлага унтеръ-офицерскаго мундира обшивались унтеръ-офицерскимъ галуномъ.[53])

18-го мая 1890 года команда Крымскихъ татаръ Конвоя была расформирована.

---

[52]) Полное описаніе обмундированія и вооруженія Л.-Гв. Команды Крымскихъ татаръ С. Е. И. В. Конвоя, см. Приложеніе.

[53]) С. Петинъ. Арх. Гл. Упр. Каз. В. Дѣло № 46 1864 годъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЛИНЕЙЦЫ

(1832—1861).

Въ 1832 году, по повелѣнію Государя Императора НИКОЛАЯ I сформирована команда Кавказскихъ Линейныхъ казаковъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

Команда была выбрана изъ находившагося тогда въ Царствѣ Польскомъ Сборнаго Линейнаго казачьяго полка. Полкъ состоялъ изъ представителей 8-ми полковъ Кавказскихъ Линейныхъ казаковъ и находился въ вѣдѣніи Главнокомандующаго арміей графа Паскевича-Эриванскаго.

«Линейцами» именовались казаки, находившіеся на укрѣпленной линіи Кавказа, служившей защитой противъ вторженія и набѣговъ горцевъ.

Впервые на Кавказѣ русскія войска появились въ 1559 году, но, еще задолго до этого, у береговъ Каспійскаго моря и на гребнѣ Кавказскихъ горъ, среди горскихъ племенъ, поселились казаки — предки Гребенскихъ и Терскихъ казаковъ. Уже въ 1550 году, Волгскими казаками былъ основанъ городъ Терки.

Вначалѣ у поселившихся на Кавказѣ казаковъ съ горцами были мирныя отношенія, но потомъ горцы стали вторгаться въ казачьи земли, для защиты которыхъ строились укрѣпленныя линіи.

Первая укрѣпленная линія, «Азовско-Моздокская», была основана въ 1774 году. Эта линія, согласно проекта князя Потемкина, утвержденнаго Императрицей ЕКАТЕРИНОЙ II въ 1777 году, была заселена Волгскими и Хоперскими казаками.[54])

Жизнь Линейцевъ на Кавказѣ, какъ и ихъ братьевъ Черноморцевъ, была исключительно тяжелой: вѣчныя нападенія горцевъ, постоянная борьба какъ съ ними, такъ и съ природою, тяжелая воинская повинность — все это создавало особую суровую боевую обстановку.

Кавказская «Линія» состояла изъ отдѣльныхъ небольшихъ крѣпостей, постовъ и батарей, находившихся другъ отъ друга въ 10-15-ти верстахъ; они были окружены небольшимъ рвомъ, огорожены терномъ

---

[54]) Основаніе Хоперскихъ казаковъ въ 1696 году, при Царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ.

и колючимъ кустарникомъ. Всѣ эти крѣпости, посты и батареи помѣщались на какомъ-нибудь открытомъ мѣстѣ, часто на курганѣ, имѣя традиціонную вышку, гдѣ находились часовые.

Тутъ же, на посту, устанавливалась высокая жердь, обмотанная пенькой и смолой, такъ называемая «фигура» или «вѣха».

Вспыхнувшая во меракѣ смоляная фигура и зловѣщій колокольный набатъ ближайшей станицы по тревогѣ поднимали кордонные посты линіи, и казачьи конныя команды неслись къ угрожаемому мѣсту или же атакованному горцами пункту.

Какъ и посты, станицы огораживались рвомъ съ плетнями и оградами изъ терновника. Въ оградѣ оставалось нѣсколько воротъ, у которыхъ стояли сторожевыя вышки, съ постоянными наблюдателями-часовыми. По угламъ станицы находились пушки.

Въ то неспокойное время казачьи станицы были въ постоянной опасности и въ готовности отразить врага. Это создавало особый укладъ жизни и всего казачьяго обихода. При нападеніи горцевъ, по всей линіи зажигались сигнальныя вѣхи, служа казакамъ своеобразнымъ «телеграфомъ», объявлявшимъ тревогу.

Пространство между постами и станицами было занято пикетами («бикетами») и резервами («лизертами»). На ночь высылалась «залога», состоявшая изъ одного-двухъ казаковъ, которые залегали въ особо важныхъ мѣстахъ. Обычно залога линейцевъ была въ камышахъ, плавняхъ и вообще въ такихъ трущобахъ, которыя были извѣстны только имъ однимъ, и гдѣ проводили они цѣлыя ночи подъ дождемъ, вьюгою и непогодой, составляя всѣ вмѣстѣ «живую изгородь» на рубежѣ Русской земли. День и ночь казаки зорко и бдительно несли сторожевую службу: на постахъ, въ разъѣздахъ, въ секретахъ и въ заставахъ.

Горцы,въ своихъ отважныхъ и безпрерывныхъ набѣгахъ на Линію, проникали въ глубь приграничныхъ станицъ, поджигали ихъ и уводили въ плѣнъ жителей, грабя ихъ имущество.

Линейцы, слѣдуя примѣру своихъ воинственныхъ сосѣдей и перенявъ отъ нихъ не только ихъ нравы, одежду, вооруженіе и снаряженіе, но и пріемы борьбы, съ своей стороны, совершали набѣги на горцевъ, ведя въ теченіе многихъ лѣтъ упорную и кровавую борьбу.[55])

Характерны названія станицъ Линейныхъ казаковъ: Сторожевая, Отважная, Безстрашная, Преградная, Надежная, Упорная, Передовая, Прочноокопская.

По поводу формированія команды Линейцевъ Конвоя, назначенной спеціально для личной охраны ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, генералъ Бенкендорфъ сообщилъ графу Паскевичу-Эриванскому слѣдующій Высочайшій Указъ:

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ЖЕЛАЯ ОЗНАМЕНОВАТЬ СВОЕ БЛАГОВОЛЕНІЕ ЛИНЕЙНЫМЪ КАЗАЧЬИМЪ

---

[55] Куб. Историческій и Лит. Сборникъ Генерала В. Г. Науменко (№ 2 и № 4) и Истор. очеркъ. Л. Я. Апостоловъ.

ПОЛКАМЪ ЗА ОКАЗАННУЮ ИМИ ХРАБРОСТЬ И УСЕРДІЕ, ВЫСОЧАЙШЕ ПОВЕЛѢТЬ СОИЗВОЛИЛЪ: ИЗБРАТЬ ИЗЪ СРЕДЫ ИХЪ 50 ЧЕЛОВѢКЪ КАЗАКОВЪ, КОТОРЫЕ СОСТАВЯТЪ КОНВОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГЛАВНОЙ КВАРТИРЫ, И, ВМѢСТѢ СЪ ТѢМЪ, ДАТЬ ВСѢМЪ ЧИНАМЪ СЕГО КОНВОЯ ПРЕИМУЩЕСТВА СТАРОЙ ГВАРДІИ И ОСОБЕННЫЙ МУНДИРЪ. ВЫБОРЪ СИХЪ 50 ЧЕЛОВѢКЪ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИЗВОЛИЛЪ ПРЕДОСТАВИТЬ СОБСТВЕННОМУ РАСПОРЯЖЕНІЮ ВАШЕЙ СВѢТЛОСТИ».

Вновь формируемую команду было предположено наименовать Л.-Гв. Кавказско-Линейнымъ казачьимъ полуэскадрономъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ составѣ котораго быть: командиру, не выше ротмистра, 2-мъ младшимъ офицерамъ, 8-ми урядникамъ, 42-мъ казакамъ, казначею изъ классныхъ чиновниковъ, писарю и фельдшеру. Срокъ службы и все содержаніе полуэскадрона опредѣлить по примѣру Л.-Гв. Казачьяго полка.

1-го февраля 1832 года команда выступила изъ Варшавы, 7-го апрѣля прибыла въ Петербургъ, и уже 9-го Государь Императоръ изволилъ смотрѣть команду въ Михайловскомъ манежѣ.

Первыми офицерами Л.-Гв. Кавказскаго Линейнаго казачьяго полуэскадрона были есаулъ Левашевъ и сотникъ Разсвѣтаевъ.

Форма для казаковъ Конвоя утверждена слѣдующая: черкеска алая и синяя. Къ алой черкескѣ — бѣлый бешметъ, къ синей — алый. Шапка (папаха) — чернаго барашка, съ алымъ верхомъ, обшитымъ кавказскимъ галуномъ. Черкески — парадный мундиръ (алый) и вицъ-мундиръ (синій), по образцу Л.-Гв. Кавказскаго полуэскадрона, расшитые кавказскимъ галуномъ и желтымъ басономъ. Шаровары — синія съ широкимъ серебрянымъ лампасомъ у офицеровъ, кавказскимъ галуномъ у вахмистровъ и урядниковъ и желтымъ басономъ у казаковъ.[56])

Линейцамъ были дарованы особыя преимущества:

1. Выслужившіе въ Конвоѣ положенные сроки службы получаютъ, по возвращеніи въ полки, синій конвойный мундиръ.

2. Сохраняютъ право на увольненіе отъ службы по положенію Гвардейской легкой кавалеріи.

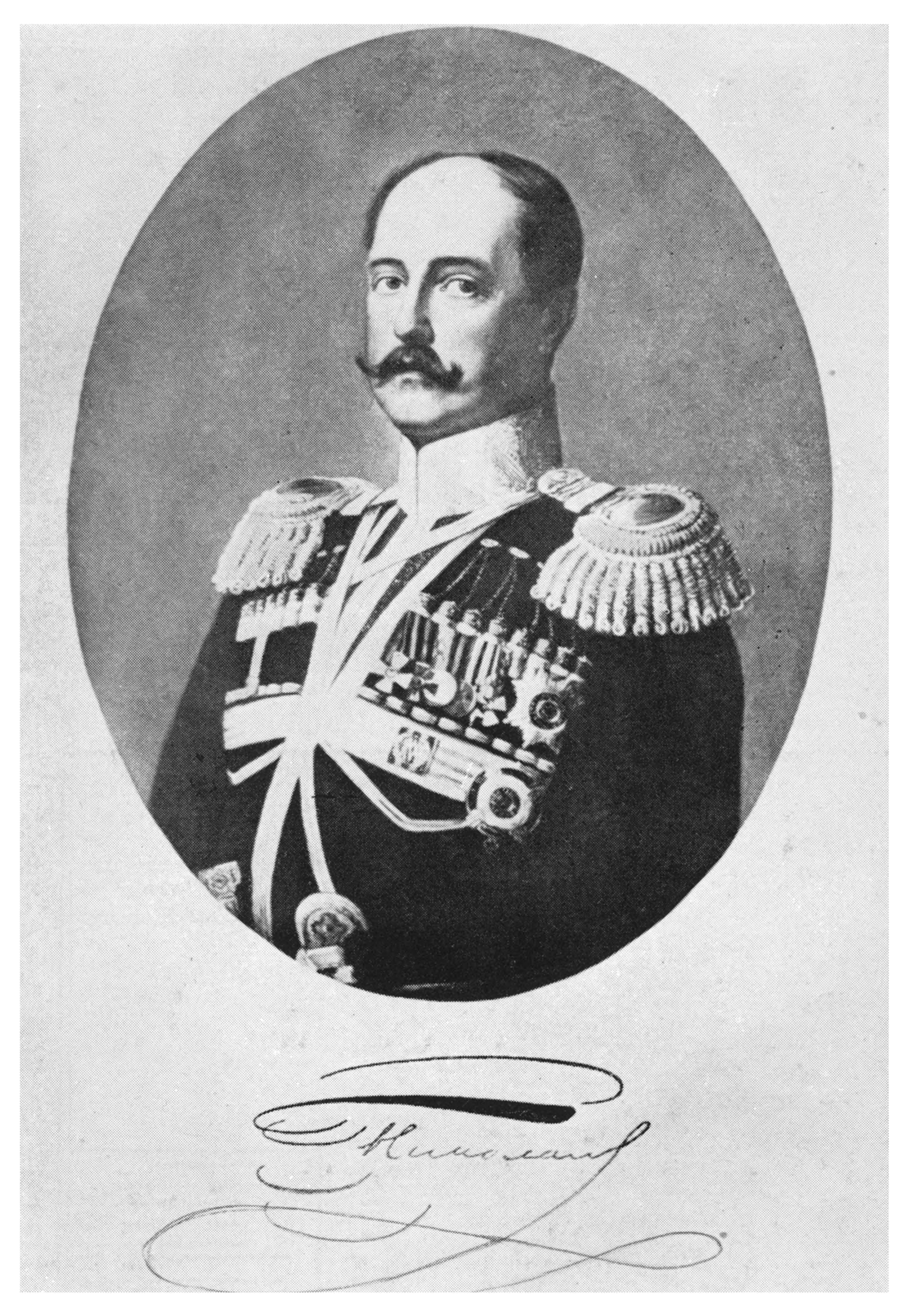
3. Не употребляются ни на какую службу, исключая оборону собственныхъ станицъ, если на нихъ случится нападеніе горцевъ.

Въ Петербургѣ команда линейныхъ казаковъ была размѣщена въ Нарвской части города, на старой 12-й ротѣ. Во время лагерныхъ сборовъ подъ Краснымъ Селомъ, они жили въ палаткахъ на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣднее время находился вокзалъ желѣзной дороги. Для лошадей былъ устроенъ деревянный навѣсъ.

Въ лагеряхъ конвойцы, кромѣ ученій, принимали участіе въ общихъ маневрахъ, смотрахъ, парадахъ, тревогахъ, а также несли орди-

---

[56]) Подробное описаніе формы Линейцевъ К. Е. В. см. Приложеніе.



ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ I ПАВЛОВИЧЪ
въ формѣ Л.-Гв. Кавказскаго Линейнаго Казачьяго эскадрона
Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

нарческую службу. Ординарцы отъ Конвоя, по приказанію Государя Императора, всегда стояли на правомъ флангѣ отъ всѣхъ другихъ частей.

Въ мартѣ 1833 года составъ линейныхъ казаковъ Конвоя увеличенъ вдвое и раздѣленъ на двѣ смѣны: служащую въ Петербургѣ и льготную. Выборъ людей и лошадей предоставленъ войсковому начальству. Срокъ службы въ Петербургѣ назначенъ 3-хлѣтній; время смѣны не позже половины іюля.

«Во избѣжаніе утраты воинственнаго духа», чины льготной части линейцевъ, сохраняя гвардейскій мундиръ, прикомандировывались къ полкамъ, для участія въ дѣлахъ противъ непокорныхъ горцевъ.

Л.-Гв. Кавказскій Линейный Казачій полуэскадронъ находился, главнымъ образомъ, въ Петергофѣ, гдѣ казаки несли охрану Петергофскаго Дворца, во время пребыванія въ немъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.[57])

Вообще же всѣ передвиженія и служебные наряды Конвоя всегда дѣлались на основаніи личныхъ приказаній Государя Императора.

Неся службу въ Петергофѣ, команда линейцевъ, кромѣ наряда въ сады «для наблюденія», выставляла посты: «одинъ казакъ къ дому на берегу, по пути въ Александрію, другой къ Монплезиру и третій къ Марли. Кромѣ того, ежедневно посылался въ Александрію «на вѣсти» конный урядникъ, который оставался тамъ цѣлыя сутки».

Во время весеннихъ прогулокъ Государя Императора и посѣщенія Имъ загородныхъ Дворцовъ, конные линейные казаки находились «при подставахъ», т. е. были разставляемы въ заранѣе намѣченныхъ мѣстахъ; при этомъ оберъ-шталмейстеръ Высочайшаго Двора заблаговременно извѣщалъ, когда и на какое мѣсто нужно выслать нарядъ конвойцевъ.

Государь Императоръ, отбывая въ 1833 году заграницу, для свиданія съ австрійскимъ и прусскимъ монархами, повелѣлъ командѣ линейныхъ казаковъ Своего Конвоя, во время Его отсутствія, быть на службѣ при Государынѣ Императрицѣ.

По отбытіи Государя заграницу, Высочайшій Дворъ находился сначала въ Царскомъ Селѣ, откуда перешелъ въ Петербургъ, на Елагинъ островъ.

Въ 1834 году линейцы переведены въ Царское Село. Съ этого времени Царское Село стало постояннымъ мѣстомъ пребыванія Л.-Гв. Кавказскаго Линейнаго полуэскадрона. Находясь въ Царскомъ Селѣ, казаки линейцы образцово несли службу при Высочайшемъ Дворѣ. Государь иногда лично провѣрялъ исправность и бдительность Своихъ конвойцев.

«19-го мая 1835 года, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО произвелъ командѣ линейное ученіе по тревогѣ, закончившееся стрѣльбою съ джигитовкою. За изумительную быстроту сбора по тревогѣ, ловкость

---

[57]) Въ Петергофѣ, чины Л.-Гв. Кавказскаго Линейнаго каз. полуэскадрона, помѣщались въ казармахъ Л. Гв. Конно-Гренадерскаго полка.

стрѣльбы и лихую ѣзду, офицеры удостоены Монаршаго благоволенія, казакамъ Государь объявил Свое Царское спасибо и приказалъ выдать въ награду каждому по 2 рубля и улучшенный обѣдъ съ двумя чарками вина».[58])

Въ томъ же году, линейцы выступили въ походъ, составляя охрану Императорскихъ лошадей и обоза, отправленныхъ въ городъ Калишъ.

Въ Калишѣ, при штабъ-квартирѣ дѣйствующей арміи, состоялся Высочайшій смотръ, въ присутствіи короля Прусскаго, во время котораго Государю Императору угодно было представить королю Своихъ конвойцевъ. За лихую джигитовку, всѣ казаки Императорскаго Конвоя, съ разрѣшенія Государя Императора, королемъ были награждены прусскими медалями.

Послѣ смотра, Государь Императоръ НИКОЛАЙ I отбылъ заграницу, повелѣвъ командировать въ городъ Данцигъ урядника Подсвирова и казака Рубцова, которые, за все время пребыванія Государя въ Богеміи, находились при Немъ.

Въ 1836 году урядникъ Подсвировъ опредѣленъ къ Высочайшему Двору камеръ-казакомъ. По свидѣтельству генерала Бенкендорфа, Подсвировъ выдѣлялся «отличнымъ поведеніемъ, трезвостью, а в повиновеніи начальству всегда служилъ примѣромъ своимъ товарищамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ росту очень большого и наружности самой удовлетворительной».[59]) Таковъ былъ первый камеръ-казакъ, впослѣдствіи выбираемый изъ казаковъ Императорскаго Конвоя.

Въ виду предстоящей поѣздки Государя на Кавказъ, туда же выступилъ походнымъ порядкомъ взводъ казаковъ-линейцевъ Конвоя, подъ командою хорунжаго Фирсова, и взводъ горцевъ, подъ командою князя Айдемирова. Конвойцы направились въ городъ Ставрополь, откуда были переведены въ крѣпость Владикавказъ.

Мѣсто встрѣчи Государя было предоставлено распоряженію командира Кавказскаго Корпуса, генералу барону Розену.

Кромѣ взвода хорунжаго Фирсова, выѣхалъ въ городъ Вознесенскъ, Херсонской губерніи, штабсъ-ротмистръ Разсвѣтаевъ съ нарядомъ линейцевъ для встрѣчи Государя и съ казаками, сопровождавшими Царскихъ лошадей.

Въ Вознесенскѣ, въ ожиданіи Царскаго смотра, находился въ полномъ составѣ пятый пѣхотный корпусъ и конница съ конной артиллеріей.

Государь прибылъ въ Вознесенскъ 18-го августа, и въ тотъ же день состоялся Высочайшій смотръ кавалеріи. Просторное поле близъ города было заполнено 350 эскадронами конницы и 144 орудіями конной артиллеріи.

---

[58] С. Петинъ. «Дѣло Императорской Главной Квартиры № 17-1835 годъ».
[59]) «Дѣло Императорской Главной Квартиры» № 25. 1836 годъ.

Встрѣча отъ Конвоя, штабсъ-ротмистръ Разсвѣтаевъ и 4 конвойца, находилась на главномъ пунктѣ общей встрѣчи.

Въ Вознесенскѣ собралось все Царское Семейство, прибылъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ.

Послѣ смотровъ и парадовъ, завершившихся маневрами, Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ отбылъ въ Одессу, откуда направился въ Крымъ, въ Бахчисарай и Массандру.

22-го сентября «Сѣверная Звѣзда», подъ Императорскимъ Штандартомъ, стала на Геленджикскомъ рейдѣ и черезъ пять дней прибыла въ Редутъ-кале. Сѣдой Кавказъ сверкалъ и переливался своими вѣчными снѣгами.

Императоръ НИКОЛАЙ I на Кавказѣ былъ встрѣченъ генераломъ барономъ Розенъ и, въ его сопровожденіи, направился къ Кутаису.

Въ нѣсколькихъ верстахъ Государя ожидалъ владѣтель Мингреліи князь Дадіани. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ остановиться на ночлегъ въ домѣ князя, въ м. Зугдиди. Почетный караулъ изъ князей мингрельскихъ привѣтствовалъ Императора.

28-го сентября Государь отбылъ далѣе, провожаемый знатнѣйшими лицами Мингреліи и княземъ Дадіани. На границѣ Имеретіи мингрельцевъ смѣнили знатные князья и дворяне имеретинскіе. Въ Кутаисѣ былъ Царскій ночлегъ, охранявшійся почетнымъ карауломъ отъ тѣхъ же лицъ. 29-го числа Императору НИКОЛАЮ I представились владѣльцы сванетскіе, князья Михаилъ и Татарханъ, Додешкильяни, и князья Цебельдинскіе.

Послѣ осмотра города, Государь, съ блестящимъ конвоемъ, направился къ границамъ Грузіи и былъ встрѣченъ цвѣтомъ грузинской аристократіи и почетными старшинами ближайшихъ осетинскихъ ауловъ.

Отъ самаго Редутъ-кале Государь слѣдовалъ по дорогѣ, вновь устроенной для удобнаго сообщенія Грузіи съ берегомъ Чернаго моря. Черезъ Сурамскій перевалъ, Государь прибылъ въ Ахалцыхъ. У «Страшнаго Окопа», Онъ принялъ почетнѣйшихъ бековъ и армянъ-переселенцевъ изъ Эрзерума. Въ Ахалкалакахъ привѣствовали Государя беки и почетные старшины ахалкалакскіе; въ Гумрахъ (Александрополь) — армянскіе старшины, переселенцы изъ Карса.

Государь Императоръ, сопровождаемый чинами Собственнаго Конвоя, все время слѣдовалъ и среди конвоя отъ мѣстныхъ національностей, быстро смѣнявшихся.

Въ Гумрахъ Государь принялъ эрзерумскаго сараскира, прибывшаго съ поздравленіями отъ турецкаго султана. На границѣ Арменіи ожидали Русскаго Императора знатные беки, мелики и куртинскіе старшины.

Конница Кенчерли, подъ командованіемъ нахичеванскаго наиба полковника Эсханъ-Хана, встрѣтила Царскій кортежъ на пути къ Эчміадзину. У монастыря ожидалъ патріархъ всѣхъ армянъ Іоаннесъ,

верхомъ, съ двумя шатирами (скороходами) и почетной стражей изъ 50 армянъ.

Осмотрѣвъ достопримѣчательности монастыря, Государь посѣтилъ патріарха и принялъ отъ него въ даръ частицу Св. Креста Господня. Патріархъ обратился къ Императору НИКОЛАЮ I со слѣдующими словами:

> «Знаменіе побѣды Животворящаго Креста да сопутствуетъ Тебѣ и всему потомству Твоему, противъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ, отнынѣ и до вѣка. Аминь!»

Пребываніе въ Эчміадзинѣ закончилось смотромъ знаменитой конницы Кенчерли, послѣ чего Государь Императоръ отбылъ въ Эривань, гдѣ принялъ персидское посольство, во главѣ съ наслѣднымъ принцемъ Валиатомъ, прибывшимъ съ поздравленіями отъ Падишаха.

8-го октября Государь прибылъ въ Тифлисъ и принялъ представителей Закавказскаго края.

11-го числа грузинскіе князья и дворяне собрались верхомъ на площади передъ Дворцомъ, и въ Высочайшемъ присутствіи произвели джигитовку, закончившуюся разными національными играми.

Въ теченіе четырехдневнаго пребыванія въ Тифлисѣ, Государь посѣтилъ балъ, данный грузинскимъ дворянствомъ, подробно знакомился съ городомъ и произвелъ смотръ войскамъ гарнизона.

12-го октября, въ 6 часовъ утра, Императоръ НИКОЛАЙ I отбылъ во Владикавказъ и ночевалъ, у подножья главнаго Кавказскаго хребта, въ Квишхети. Дальнѣйшій переѣздъ черезъ горы былъ совершенъ исключительно верхомъ. Путь этотъ былъ труденъ и опасенъ, т. к. вся дорога, при сильномъ морозѣ, покрылась льдомъ.[60])

Государь Императоръ НИКОЛАЙ I, въ письмѣ къ кн. Паскевичу отъ 21-го октября 1837 года, подробно описывая путешествіе по Кавказу, подтвердилъ эту трудность и опасность, закончивъ письмо слѣдующими словами:

> «...Да, забылъ было сказать, что, выѣзжая изъ самаго Тифлиса, на первомъ спускѣ, Богъ насъ спасъ отъ явной смерти. Лошади понесли на крутомъ поворотѣ вправо, и мы бы непремѣнно полетѣли въ пропасть, куда уносныя лошади и правыя коренныя и пристяжная упали черезъ парапетъ, если бы Божія рука не остановила заднихъ колесъ у самаго парапета. Переднія колеса на него уже съѣхали, но лошади, упавъ, повисли совершенно на воздухѣ за одну шею, хомутами на дышлѣ, сломали его, и тѣмъ мы легко опрокинулись налѣво съ малымъ ушибомъ...
>
> «Признаюсь, думалъ я, что конецъ мнѣ; ибо мы имѣли время обозрѣть и разглядѣть, что намъ не было никакого спасенія, какъ въ Промыслѣ милосерднаго Бога, что и сбылось. Ибо, «живый въ

---

[60]) «Русскій Инвалидъ». 1837 годъ.

помощи Вышняго въ кровѣ Бога небеснаго водворится». Такъ я думалъ, думаю и буду думать...»[61])

Переваливъ горы, Государь ѣхалъ верхомъ вдоль Терека до Казбека и прибылъ на ночлегъ во Владикавказъ.

Штабсъ-ротмистръ Разсвѣтаевъ, съ нарядомъ линейцевъ-конвойцевъ, сопровождавшій Государя во время путешествія по Кавказу, во Владикавказѣ соединился со взводами Конвоя, ротмистра князя Айдемирова и хорунжаго Фирсова.

14-го октября удостоены представленія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ депутаты отъ разныхъ горскихъ народовъ, проживавшихъ за Терекомъ.

Изъ Владикавказа Государь, въ сопровожденіи Своего Конвоя, прослѣдовалъ въ Екатеринодаръ, гдѣ особенно торжественно былъ встрѣченъ Атаманомъ и представителями всего Черноморскаго Войска. Дальнѣйшій маршрутъ Государя Императора былъ: Пятигорскъ съ его минеральными водами, городъ Георгіевскъ и городъ Ставрополь.

Во всѣхъ этихъ мѣстахъ Царскіе ночлеги охранялись Собственнымъ Императорскимъ Конвоемъ.

За отличную службу, конвойцамъ Высочайше пожалованы награды: штабсъ-ротмистру Разсвѣтаеву орденъ Св. Владиміра 4 ст. и 1000 рублей, хорунжему Фирсову — чинъ поручика гвардіи, уряднику Евсѣеву — чинъ хорунжаго, съ опредѣленіемъ въ одинъ изъ линейныхъ казачьихъ полковъ, 4 урядникамъ — по 100 рублей и 21 казаку — по 50 рублей.Всѣ казаки Конвоя, сопровождавшіе Государя въ Его путешествіи по Кавказу, произведены въ урядники, съ оставленіемъ въ гвардіи, на казачьихъ окладахъ. Изъ горцевъ Конвоя, князь Айдемировъ получилъ 2 тысячи рублей, 5 юнкеровъ произведены въ корнеты армейскихъ кавалерійскихъ полковъ, 4 юнкера и 3 оруженосца награждены золотыми медалями «за усердіе», на Анненской лентѣ, для ношенія на шеѣ, и 8 оруженосцевъ произведены въ юнкера, но съ оставленіемъ на старомъ окладѣ.[62])

Покинувъ Кавказъ, Государь отбылъ на Донъ. Собственнаго Конвоя казаки были отпущены на льготу, т. к. въ Петербургъ прибыла ихъ смѣна. Горцы получили трехмѣсячный отпускъ въ свои дома.

10-го декабря въ Петербургѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, взвился Императорскій Штандартъ, возвѣстившій о благополучномъ прибытіи Государя Императора НИКОЛАЯ I изъ далекаго и опаснаго путешествія. Выраженіе покорности горскими представителями давало свѣтлыя надежды на умиротвореніе всего края. Но, къ сожалѣнію, потребовалось еще четверть вѣка борьбы съ враждебными племенами горцевъ, усмиренныхъ только силою русскаго оружія.

Въ сентябрѣ 1840 года состоялся торжественный въѣздъ въ столицу Государыни Императрицы съ высоконареченной невѣстой Наслѣдника Престола, принцессой Маріей Гессенъ-Дармштадтской. Въ

---

[61]) Н. Тальбергъ. «Изъ Исторической копилки». Журналъ «Наши Вѣсти». № 103.

[62]) Изъ воспоминаній штабсъ-ротмистра Разсвѣтаева.

этомъ торжествѣ участвовалъ весь Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, включая и вновь прибывшія на смѣну команды линейныхъ казаковъ.

3-го сентября Высочайшій кортежъ двинулся по дорогѣ изъ Гатчины въ Царское Село, въ сопровожденіи двухъ командъ линейныхъ казаковъ Собственнаго Конвоя и эскадрона лейбъ-гусаръ.

Въ іюлѣ команды линейцевъ были командированы въ мѣстечко Княжій Дворъ, Новгородской губерніи, въ города Варшаву и Гомель. Каждая команда, въ составѣ 1 офицера и 5 казаковъ, обязана была слѣдовать за Государемъ Императоромъ на всѣ смотры, ученья и маневры, составляя часть Государевой Свиты. Кромѣ того, при Государѣ всегда находились 2 трубача Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

Въ Варшавѣ, на Высочайшемъ смотру войскъ, присутствовалъ король Прусскій, пожаловавшій поручику Фирсову орденъ Краснаго Орла 4-й ст. и 4 казакамъ прусскія серебряныя медали и золотые часы.

Линейцы получили эти награды за лихую ординарческую ѣзду, для чего требовалась большая ловкость и умѣнье владѣть своимъ оружіемъ. Передъ представленіемъ Государю Императору, ординарцы производили джигитовку съ пальбой изъ ружей и пистолетовъ. На землѣ, на извѣстномъ разстояніи, раскладывались бумажные листы. Казаки выскакивали впередъ и на полномъ карьерѣ давали залпъ по этимъ листамъ, щеголяя мѣткостью своей стрѣльбы.

Въ Царскомъ Селѣ линейцы не имѣли своего постояннаго помѣщенія и находились въ одной изъ Кирасирскихъ казармъ, въ то время, какъ лошади ихъ стояли въ конюшнѣ Л.-Гв. Гусарскаго полка. Такое неудобство было прекращено Высочайшимъ повелѣніемъ:

> «Для помѣщенія казаковъ Собственнаго Его Императорскаго Величества Конвоя построить вновь казарму и конюшни съ принадлежностями, на избранномъ для того мѣстѣ въ Царскомъ Селѣ.»[63])

Новое двухэтажное зданіе, съ конюшней, ледникомъ и кладовой было выстроено на одномъ изъ обширныхъ дворовъ при артиллерійскихъ казармахъ. Казаки Конвоя заняли его 23 сентября 1845 года.

Находясь въ Царскомъ Селѣ, команда линейныхъ казаковъ Конвоя ежедневно выставляла наружные посты подъ колоннадою и у Зубовскаго подъѣзда; на ночь къ нимъ прибавлялось еще два — у Александровскаго новаго Дворца и у Большого стараго.

О постахъ внутри Дворцовъ свѣдѣній не сохранилось, «потому что наряды были словесные». Иногда внутренніе посты занимались согласно личнаго приказанія Государя Императора.

Офицеры въ линейный полуэскадронъ не всегда назначались изъ природныхъ линейцевъ. Въ 1843 году былъ принятъ корнетъ Л.-Гв. Атаманскаго полка Леванъ Гурьели, племянникъ правительницы Мингреліи, Ея Высочества Нины Георгіевны. Точно такъ же былъ

---

[63]) Высочайшая резолюція 29-го октября 1842 г. на докладѣ генерала Бенкендорфа.

случай пріема слишкомъ молодого для должности офицера Императорскаго Конвоя, гдѣ требовались боевая опытность и знаніе службы. Такъ, со смѣною 1843 года прибылъ 13-лѣтній корнетъ Алпатовъ. Но это былъ уже георгіевскій кавалеръ, получившій орденъ и офицерскій чинъ за подвиги и мужество, проявленные въ сраженіяхъ съ непокорными горцами, и зачисленный въ Императорскій Конвой, по личному желанію Государя.

14-го февраля 1845 года Высочайше утверждено положеніе о Кавказскомъ Линейномъ казачьемъ войскѣ, и, въ связи съ этимъ, измѣненъ штатъ гвардейскихъ линейныхъ казаковъ.

Измѣненіе въ штатѣ послѣдовало согласно личнаго указанія Государя Императора. По новому штату, линейцы имѣли, вмѣсто двухъ, три смѣны. Офицеровъ положено 6 — по 1 поручику и 1 корнету въ каждой смѣнѣ. Казаки, прослужившіе положенный срокъ, по возвращеніи въ свои полки, имѣли свѣтло-синіе мундиры конвойнаго образца. Правилъ на производство офицеровъ въ слѣдующіе чины не было, а повышались они по усмотрѣнію начальства, въ награду за усердіе къ службѣ.

Въ январе 1847 года есаулъ Давыдовъ и 8 казаковъ Сборно-линейнаго казачьяго полка конвоировали изъ Варшавы въ Петербургъ тѣло въ Бозѣ почившей Великой Княгини Маріи Михайловны. По Высочайшему повелѣнію, по прибытіи въ Петербургъ, казаки произведены въ урядники и вмѣстѣ съ офицеромъ переведены въ гвардію, съ назначеніемъ въ Конвой Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича. Всѣмъ этимъ бывшимъ чинамъ Сборно-линейнаго полка, съ переводомъ ихъ въ гвардію, предоставлены мундиръ, права и преимущества гвардейскихъ линейныхъ казаковъ Императорскаго Конвоя, куда они были зачислены сверхъ комплекта.

Вновь образованный Великокняжескій Конвой былъ раздѣленъ на двѣ смѣны, служащую и льготную.

Штабсъ-ротмистръ Давыдовъ постоянно состоялъ при Его Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ.

1848 годъ ознаменовался побѣдоносной для нашихъ войскъ венгерской кампаніей.

Съ началомъ похода, съ Кавказа срочно были направлены въ Варшаву 1-я и 3-я льготныя смѣны линейцевъ, которыя въ серединѣ марта выѣхали на почтовыхъ, имѣя при себѣ полное вооруженіе и сѣдельные приборы. Лошади были получены въ Варшавѣ, вскорѣ по прибытіи казаковъ, размѣстившихся въ уланской казармѣ, въ павильонѣ № 7.

Въ войну 1848 года команда линейцевъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА находилась при Великомъ Князѣ Константинѣ Николаевичѣ. По собственному выраженію Великаго Князя, «команда отличалась во все время похода примѣрною неустрашимостью и особо ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей». Молодецкой храбростью выдѣлился урядникъ Даніилъ Барцаговъ, который, въ сраженіи подъ Вой-

ценомъ 3-го іюля 1849 года, спасъ жизнь флигель-адъютанту ротмистру графу Орлову, отразивъ угрожавшій ему ударъ непріятельскаго кавалериста, и 21 іюля подъ Дебречиномъ, командуя линейцами, въ конной атакѣ взялъ дѣйствующее орудіе венгерской батареи.

За венгерскій походъ линейцы Конвоя получили слѣдующія награды: корнетъ Фроловъ — слѣдующій чинъ, орденъ Св. Анны 3-й степени съ бантомъ и отъ императора австрійскаго орденъ «железной короны» 3-й степени. Отъ Великой Княгини Александры Іосифовны Фроловъ получилъ въ даръ серебряный вызолоченный ковшъ, съ надписью: «Пожалованъ Государыней Великой Княгиней Александрой Іосифовной въ память сраженія подъ Войценомъ 3-го іюля 1849 года». Урядники Барцаговъ и Воробьевъ — чинъ хорунжаго, и Барцаговъ бантъ къ имѣвшемуся у него «знаку отличія военнаго ордена» и австрійскую золотую медаль «за храбрость». Шесть казаковъ получили «знаки отличія военнаго ордена», и трое произведены въ урядники.

Въ концѣ августа Императорскій Конвой выступилъ изъ Варшавы.

1-ая смѣна линейныхъ казаковъ была отправлена на Кавказъ, 3-я въ Петербургъ, а 2-я, находившаяся на службѣ въ Петербургѣ, по прибытіи Конвоя, ушла на льготу.

Въ 1850 году Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь Александръ Николаевичъ посѣтилъ Кавказъ. Льготныя смѣны гвардейскихъ линейныхъ казаковъ размѣщены были командами по пути слѣдованія Его Высочества, отъ границы Черноморскихъ казаковъ — по Лабинской линіи, Кубани, черезъ Пятигорскъ и Нальчикъ до Владикавказа и обратно до города Ставрополя. Наслѣдника Цесаревича на Кавказѣ встрѣтили: въ станицѣ Усть-Лабинской поручикъ Алпатовъ, въ станицѣ Николаевской корнетъ Баскаковъ, въ Пятигорскѣ поручикъ Фроловъ. Всѣ эти офицеры, вмѣстѣ съ командами линейцевъ, конвоировали экипажъ Его Высочества, на всемъ пути его слѣдованія.[64])

Къ ожидаемому прибытію на Кавказъ Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича, казаками линейцами была составлена пѣснь, посвященная ихъ Августѣйшему Атаману:

Съ Краевъ полуночи на полдень далекій
Могучій Державный Орелъ прилетѣлъ.
Окинулъ орлинымъ прозорливымъ окомъ,
Широкаго царства далекій предѣлъ.

Раздолья степей, снѣговыя вершины
Покорнаго края границы зубцовъ,
Измѣривъ въ полетѣ, слетѣлъ на долины,
На крики привѣта своихъ соколовъ.

Тебя мы, Державный, давно ожидали,
Желали орлиный Твой взоръ увидать,
Отъ коршуновъ хищныхъ поля очищали,
Чтобъ было просторно Тебя принимать.

---

[64]) С. Петинъ. Центр. Арх. Сѣвер. Кавказа. Дѣло 1-го стола № 98. 1850 г.

И славясь Тобою, мы лавры добыли,
На вражьи границы ставъ твердой стопой,
И славы избытокъ мы свой поделили,
За новое имя съ безвѣстной струей.

Да здравствуй на славу Руси Православной,
На радость, на счастье своихъ соколовъ!
Прими, Атаманъ нашъ, могучій Державный,
Сердечные крики дѣтей-казаковъ!

Ура, ура Великому Царю!
Ура, ура Тебѣ, богатырю!
Ура, ура надеждѣ свѣтлыхъ дней,
Ура и всей Семьѣ Твоей!

Пѣснь эта, составленная 111 лѣтъ тому назадъ, пѣлась не только въ Конвоѣ, но была она очень любима во всѣхъ полкахъ Кавказскихъ казаковъ. Пѣснь эта казаками не забыта, и, въ данное время, она напоминает имъ былую славу и вѣрную службу ихъ предковъ.

Съ началомъ Севастопольской кампаніи, Императорскій Конвой выступилъ въ Варшаву подъ командованіемъ и. д. Коменданта Императорской Главной Квартиры, флигель-адъютанта полковника князя Багратіона. Девять мѣсяцевъ конвойцы оставались въ Варшавѣ, гдѣ имъ было отведено помѣщеніе въ казармахъ Л.-Гв. Уланскаго полка.

18-го февраля 1855 года, Божьей волею отошелъ въ вѣчность Государь Императоръ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

На слѣдующій день, 19-го февраля, войска приняли присягу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II НИКОЛАЕВИЧУ. Передъ присягой войскамъ было объявлено знаменитое историческое завѣщаніе въ Бозѣ почившаго Монарха:

«БЛАГОДАРЮ СЛАВНУЮ ВѢРНУЮ ГВАРДІЮ, АРМІЮ И ФЛОТЪ. МОЛЮ БОГА, ЧТОБЫ ОНЪ СОХРАНИЛЪ ВЪ НИХЪ НАВСЕГДА ТѢ ЖЕ ДОБЛЕСТИ, ТОТЪ ЖЕ ДУХЪ, КОИМИ ПРИ МНѢ ОТЛИЧАЛИСЬ. ПОКУДА ДУХЪ СЕЙ СОХРАНИТСЯ — СПОКОЙСТВІЕ ГОСУДАРСТВА И ВНѢ И ВНУТРИ ОБЕЗПЕЧЕНО, И ГОРЕ ВРАГАМЪ ЕГО! ВСѢХЪ ВАСЪ ЛЮБИЛЪ, КАКЪ ДѢТЕЙ СВОИХЪ, КАКЪ МОГЪ УЛУЧШАЯ СОСТОЯНІЕ ВАШЕ; ЕЖЕЛИ НЕ ВО ВСЕМЪ УСПѢЛЪ, ТО НЕ ОТЪ НЕДОСТАТКА ЖЕЛАНІЯ, НО ОТТОГО, ЧТО ИЛИ ЛУЧШАГО НЕ УМѢЛЪ ПРИДУМАТЬ, ИЛИ НЕ МОГЪ БОЛѢЕ СДЕЛАТЬ».

Въ Высочайшемъ приказѣ Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ призывалъ войска: «ОПРАВДАТЬ НАДЕЖДЫ, КОИМИ ИСПОЛНЕНО БЫЛО СЕРДЦЕ ПОЧИВШАГО ГОСУДАРЯ ВЪ ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ ЕГО ЖИЗНИ».[65])

Находившійся въ польской столицѣ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ посѣтилъ Конвой, подробно осмотрѣлъ расположеніе всѣхъ

---

[65]) Дѣло Имп. Гл. Кв. № 25. 1855 годъ.

его командѣ въ Уланскихъ казармахъ, и изволилъ выразить чинамъ Конвоя полное свое удовольствіе образцовымъ порядкомъ и чистотою.

ВЪ МАРТѢ 1855 ГОДА ВЫСОЧАЙШЕ ПОВЕЛѢНО ПОЛУЭСКАДРОНЪ ЛИНЕЙЦЕВЪ КОНВОЯ РАЗВЕРНУТЬ ВЪ ЭСКАДРОНЪ, ПОДЪ НАИМЕНОВАНІЕМЪ Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЙ КАЗАЧІЙ ЭСКАДРОНЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ.

Штатъ эскадрона утвержденъ слѣдующій: Офицеры — командиръ въ чинѣ ротмистра или полковника. Младшіе офицеры — 1 штабсъ-ротмистръ, 2 поручика и 3 корнета. Казаки: 1 старшій вахмистръ, 4 вахмистра, 1 квартирмистръ, 10 унтеръ-офицеровъ, 160 казаковъ, 1 штабъ-трубачъ, 3 трубача и 13 нестроевыхъ (1 писарь, 1 фельдшеръ, 1 унтеръ-офицеръ и 3 рядовыхъ инвалида, и 7 денщиковъ.[66])

Эскадронъ дѣлился на три смѣны, изъ коихъ въ мирное время каждая обязана служить 2 года и состоять на льготѣ 4 года. На службѣ полагалось не менѣе 52-хъ казаковъ въ двухъ 13-тирядныхъ взводахъ.

21-го апрѣля 1856 года Л.-Гв. Кавказскій казачій эскадронъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА выступилъ походнымъ порядкомъ изъ Петербурга въ Москву. Москва готовилась къ Высочайшей встрѣчѣ и торжеству Коронаціи Императора АЛЕКСАНДРА II НИКОЛАЕВИЧА.

Къ августу начался съѣздъ Великихъ Князей и иностранныхъ принцевъ. 13-го августа прибыла Государыня Императрица, а на слѣдующій день прибылъ въ Москву Государь Императоръ.

16-го числа ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО произвелъ смотръ Своему Конвою и изволилъ выразить Свое благоволеніе всѣмъ его чинамъ.

На слѣдующій день, въ 3 часа, 9 пушечныхъ выстрѣловъ и благовѣстъ Ивана Великаго возвѣстили начало торжественнаго въѣзда Русскаго Императора въ древнюю столицу.

Отъ Петровскаго Дворца до Кремля (4 версты) были выстроены войска Гвардіи и Московскаго Военнаго Округа, за ними, въ ожиданіи торжества, собралось несмѣтное множество народа, какъ жителей самой Москвы, такъ и прибывшихъ спеціально на Коронацію со всѣхъ концовъ Россіи представителей всѣхъ народностей, ее населяющихъ.

Императорскій Конвой и одинъ эскадронъ Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго дивизіона находились во главѣ всего церемоніала.

Депутаты азіатскихъ, подвластныхъ Россіи народовъ, замыкавшіе большую группу знатнаго русскаго дворянства, служили какъ бы продолженіемъ Государева Конвоя.

Государь Императоръ, окруженный свитой Великихъ Князей и иностранныхъ принцевъ, ѣхалъ верхомъ.

Когда Высочайшее шествіе остановилось у Краснаго крыльца, снова раздались орудійные выстрѣлы. Войска, отдавая воинскую честь, преклонили Знамена и Штандарты.

---

[66]) «Русскій Инвалидъ» 1855 годъ, № 187.

Въ воскресенье, 26-го августа, Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ вѣнчался на Царство.[67])

Въ этотъ же день, флигель-адъютантъ полковникъ князь Багратіонъ былъ назначенъ командиромъ Собственнаго Императорскаго Конвоя, съ зачисленіемъ Л.-Гв. въ Кавказскій казачій эскадронъ. Командиру Конвоя былъ присвоенъ мундиръ казаковъ Конвоя, но князю Багратіону, какъ исключеніе, въ маѣ 1857 года, Высочайше было разрѣшено имѣть мундиръ и команды грузинъ, т. е. 1-го взвода Кавказскаго эскадрона.

По окончаніи Коронаціонныхъ торжествъ, Конвой былъ отправленъ въ Петербургъ, по Николаевской желѣзной дорогѣ, Л.-Гв. Кавказскій казачій эскадронъ — въ Царское Село, гдѣ былъ размѣщенъ въ Кирасирскихъ казармахъ. (Въ 1860 году казачій эскадронъ перешелъ въ Петербургъ, въ казармы на Шпалерной улицѣ, гдѣ во всѣ послѣдующіе годы находилась очередная сотня Конвоя).

На основаніи новаго, Высочайше утвержденнаго, штата Конвоя, Л.-Гв. въ Кавказскомъ казачьемъ эскадронѣ положено: вмѣсто семи, девять офицеровъ, съ возложеніемъ на одного изъ нихъ обязанностей адъютанта и казначея всего Конвоя (вскорѣ эти должности были раздѣлены между двумя офицерами). Служащая часть эскадрона раздѣлена на четыре взвода по девять рядовъ, при пятнадцати унтеръ-офицерахъ. Срокъ службы въ Петербургѣ опредѣленъ трехлѣтній.

Назначеніе Командира Конвоя Государь Императоръ предоставилъ Собственному усмотрѣнію изъ флигель-адъютантовъ полковниковъ или генералъ-маіоровъ Своей свиты, съ правами и обязанностями командира полка.

30 августа 1858 года флигель-адъютантъ полковникъ князь Багратіонъ сдалъ должность Командира Конвоя съ производствомъ въ генералъ-маіоры по гвардейской кавалеріи.

Высочайшимъ приказомъ отъ 27-го сентября 1858 года Командиромъ Конвоя назначенъ, командовавшій Л.-Гв. Конно- Гренадерскимъ полкомъ, флигель-адъютант полковникъ Скобелевъ.

---

[67]) С. Петинъ. «Моск. Вѣд.» 1856 г. №№ 64, 99 и 102. «Рус. Инвалидъ» № 169.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КУБАНЦЫ И ТЕРЦЫ

1861 г. — 1961 г.

СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ, ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II НИКОЛАЕВИЧА, Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКІЙ КАЗАЧІЙ ДИВИЗІОНЪ СОЕДИНЕНЪ Л.-ГВ. СЪ КАВКАЗСКИМЪ ЛИНЕЙНЫМЪ КАЗАЧЬИМЪ ЭСКАДРОНОМЪ КОНВОЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. СОГЛАСНО ЭТОМУ ПЕРЕФОРМИРОВАНІЮ ИМПЕРАТОРСКАГО КОНВОЯ, ИЗЪ ЧЕРНОМОРЦЕВЪ И ЛИНЕЙЦЕВЪ ОБРАЗОВАНЫ Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЕ КАЗАЧЬИ ЭСКАДРОНЫ, ВПОСЛѢДСТВІИ СОТНИ, СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ.



ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ
Изволилъ числиться въ Собственномъ Конвоѣ
съ 13-го іюня 1861 года.

Въ 1859 году, со взятіемъ аула Гуниба и плѣненіемъ Шамиля, закончилось покореніе Восточнаго Кавказа (Чечни и Дагестана), и вниманіе Россійскаго Правительства было обращено на западъ, т. е. Закубанье и побережье Чернаго моря.

Понадобилась перегруппировка войскъ Кавказской арміи, и, въ соотвѣтствіи съ этимъ, въ 1860 году были реорганизованы Кавказскія казачьи войска.

Упразднено Кавказское Линейное Казачье Войско, и изъ его четырехъ бригадъ организовано Терское Казачье Войско, а изъ Черноморскаго Казачьяго Войска и шести бригадъ бывшаго Линейнаго Войска (Кавказской, Кубанской, Ставропольской, Хоперской, Урупской и Лабинской) организовано Кубанское Казачье Войско.[68])

Бывшіе Черноморцы и Линейцы получили свое новое наименованіе — **Кубанцы и Терцы** — согласно Рескрипта Государя Императора АЛЕКСАНДРА II, отъ 11-го и 24-го іюня 1861 года, **въ память «прославленныхъ подвиговъ» Черноморцевъ и Линейцевъ на р. р. Кубани и Терекѣ.**

Въ связи съ этими крупными административными перемѣнами на Кавказѣ, **сто лѣтъ тому назадъ, а именно 2-го февраля 1861 года, Высочайше повелѣно:**

Л.-ГВ. ЧЕРНОМОРСКІЙ КАЗАЧІЙ ДИВИЗІОНЪ СОЕДИНИТЬ СЪ ЛИНЕЙНЫМЪ КАЗАЧЬИМЪ ЭСКАДРОНОМЪ КОНВОЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ОБРАЗОВАВЪ, ПО НОВОМУ ПОЛОЖЕНІЮ, Л.-ГВ. 1-Й, 2-Й И 3-Й КАВКАЗСКІЕ КАЗАЧЬИ ЭСКАДРОНЫ СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ.

На службѣ въ Петербургѣ находился 2-й Черноморскій эскадронъ, изъ котораго 2 офицера, 6 унтеръ-офицеровъ и 63 казака были соединены съ наличнымъ числомъ гвардейскихъ линейныхъ казаковъ и образовали Л.-Гв. 1-й эскадронъ, ПРИНЯВШІЙ ГЕОРГІЕВСКІЙ ШТАНДАРТЪ, ПОЖАЛОВАННЫЙ ЧЕРНОМОРЦАМЪ за геройскую атаку подъ Лейпцигомъ въ день 4/17 октября 1813 года, И ГЕОРГІЕВСКІЯ СЕРЕБРЯНЫЯ ТРУБЫ, за подвиги, оказанные Черноморцами въ 1812—1813 годахъ.

Регаліи эти положено имѣть при томъ изъ казачьихъ эскадроновъ СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, который будетъ на очередной службѣ въ Петербургѣ.

---

[68]) О Черноморскомъ Войскѣ, въ докладѣ Военной Коллегіи отъ 13-го ноября 1802 года, Высочайше утвержденномъ Государемъ Императоромъ Александромъ I, сказано: «Войско сіе существовало подъ именемъ Запорожскихъ казаковъ въ самыхъ отдаленныхъ временахъ, въ разныхъ состояніяхъ и видахъ и, испытавшее многоразличныя перемѣны, получило настоящее бытіе свое въ началѣ послѣдней съ турками войны, будучи тогда покойнымъ генералъ-фельдмаршаломъ княземъ Потемкинымъ-Таврическимъ изъ разсѣяннаго состоянія приведено въ соединеніе и названо Войскомъ Вѣрныхъ Казаковъ Черноморскихъ». «Кубанскій календарь» на **1931** годъ.

ПРАЗДНИКЪ Конвоя, въ день Св. НИКОЛАЯ Чудотворца, 6-го декабря, съ принятіемъ Регалій Черноморцевъ, перенесенъ на 4-ое октября, день Св. ІЕРОФЕЯ, Небеснаго Покровителя героевъ Лейпцига, и всему Императорскому Конвою дано старшинство Л.-Гв. Черноморскаго Казачьяго Дивизіона, т. е. 18 мая 1811 года.

Императорскій Конвой былъ подчиненъ Министру Императорскаго Двора. На этомъ основаніи, 1-го мая 1861 года, Л.-Гв. Черноморскій Казачій Дивизіонъ исключенъ изъ состава отдѣльнаго Гвардейскаго Корпуса.

Кромѣ чиновъ 2-го эскадрона Черноморцевъ, вошедшихъ въ составъ Л.-Гв. 1-го Кавказскаго казачьяго эскадрона Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, оставшіеся Черноморцы второго эскадрона были отправлены на Кавказъ, гдѣ, съ ихъ прибытіемъ, изъ общаго числа льготныхъ гвардейскихъ казаковъ (бывшихъ Черноморцевъ и Линейцевъ) сформированы Л.-Гв. 2-й и 3-й Кавказскіе казачьи эскадроны Государева Конвоя.

По новому штату въ эскадронахъ положено: командиръ эскадрона — ротмистръ или полковникъ, младшіе офицеры — 2 штабсъ-ротмистра (изъ коихъ одинъ могъ быть ротмистромъ), 2 поручика и 2 корнета. Адъютантъ и казначей должны были безсмѣнно находиться въ Петербургѣ. Всего въ трехъ эскадронахъ Конвоя: 17 офицеровъ, 54 унтеръ-офицера, 12 трубачей и 492 казака. Форма и вооруженіе Кубанцевъ и Терцевъ Конвоя установлены по образцу гвардейскихъ линейныхъ казаковъ. А именно: парадный мундиръ — алая черкеска при бѣломъ бешметѣ, вицъ-мундиръ — синяя черкеска при аломъ бешметѣ. Смѣны назначены поэскадронно, каждые два года, въ половинѣ августа, такъ, чтобы уходящая на льготу часть прибывала въ Войско къ половинѣ ноября.

Служа въ Петербургѣ, чины Конвоя несли слѣдующіе наряды:

Въ Зимній Дворецъ — караулъ въ составѣ 1-го взвода при одномъ офицерѣ. Караулъ находился въ Большомъ Фельдмаршальскомъ Залѣ, выставляя посты: въ означенномъ залѣ — 2, въ Помпеевской галлереѣ — 2 и въ маломъ Фельдмаршальскомъ залѣ — 1.

Въ кабинетѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — 1 унтеръ-офицеръ и 2 казака.

На ночь, къ опочивальнѣ Государя, добавлялись парные часовые. Для встрѣчи и проводовъ Высочайшихъ Особъ — 1 офицеръ, 1 унтеръ-офицеръ и 2 казака.

На вокзалы желѣзныхъ дорогъ послѣдній нарядъ назначался для всѣхъ Членовъ Императорской Фамиліи, въ прочіе же пункты, только для ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и Государя Наслѣдника Цесаревича.

Во время придворныхъ баловъ, въ Собственный подъѣздъ назначались 1 унтеръ-офицеръ и 6 казаковъ, «для снятія польтъ».

Когда Высочайшій Дворъ находился въ Царскомъ Селѣ или въ Петергофѣ, отъ Конвоя командировался туда очередной взводъ при двухъ офицерахъ. Въ Петергофѣ взводъ Конвоя помѣщался въ уланскихъ казармахъ. Наряды выставлялись: «Встрѣча». Къ подъѣзду ЕГО

ВЕЛИЧЕСТВА — конныхъ 1 унтеръ-офицеръ и 3 казака (при одномъ запасномъ). Въ Монплезиръ — 1 унтеръ-офицеръ и 2 казака. Подъ Императорскій Штандартъ у Дворцовой церкви — 1 казакъ.

Въ Монплезирѣ нарядъ былъ только во время музыки, а подъ Штандартомъ — съ восьми часовъ утра и до восьми часовъ вечера.

Кромѣ того, въ Петергофѣ наряжалась конная команда въ 12 человѣкъ, при унтеръ-офицерѣ, державшая разъѣзды по взморью, противъ Александріи. Въ разъѣздъ высылалось одновременно четыре казака; раздѣлившись по 2, они ѣхали другъ другу навстрѣчу. Разъѣзды несли службу круглыя сутки.

Во время пребыванія Государя Императора въ Красномъ Селѣ, во Дворецъ каждыя сутки наряжались одинъ унтеръ-офицеръ и два казака. Столько же, подъ командою офицера — на ординарцы къ Государю.

Каждый день, точно въ восемь часовъ, Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ выходилъ въ паркъ гулять. Къ этому времени выстраивалась «Встрѣча» Конвоя. Проходя мимо нея, Государь здоровался съ офицеромъ, называя его по фамиліи, и затѣмъ съ казаками.

Въ теченіе лѣта бывали 1-2 тревоги. По тревогѣ, конвойцы прибывали къ назначенному мѣсту, гдѣ и выстраивались, ожидая приказаній.

Такими пунктами были: въ Красномъ Селѣ — сигнальная пушка, въ Петергофѣ — Кадетскій плацъ и въ Царскомъ Селѣ — Софійскій плацъ. Тревоги обычно бывали на разсвѣтѣ и утромъ, и почти всегда завершались джигитовкой Конвоя.

Для производства тревоги въ Царскомъ Селѣ, Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ самъ подъѣзжалъ верхомъ къ казармамъ Своего Конвоя, вызывалъ трубачей и приказывалъ имъ трубить сигналъ.

Въ приказѣ по Конвою отъ 5 іюля 1861 года сказано:

> «Государь Императоръ, вызвавъ 3-го іюля по тревогѣ войска, изволилъ остаться отмѣнно доволенъ Собственнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоемъ, какъ за скорое прибытіе, такъ и за всѣ дѣйствія, исполненныя правильно и съ необыкновенной быстротой».[69])

Въ 1861 году Государь отбылъ на Кавказъ, гдѣ Его во время путешествія сопровождали казаки, служившіе въ Петербургѣ въ составѣ Императорскаго Конвоя. Такъ желалъ самъ Государь, и это Царское желаніе было дорогой наградою старымъ конвойцамъ. Въ Станицѣ Лабинской Государя ожидали: льготной смѣны ротмистръ Голяховскій и штабсъ-ротмистръ Сафоновъ; изъ бывшихъ конвойцевъ — полковникъ Евсѣевъ, подполковники Фирсовъ и Давыдовъ, отставной войсковой старшина Гуржабековъ, хорунжій Андреевъ, Гоцунаевъ и 45 казаковъ.

---

[69]) С. Петинъ. Приказъ по Конвою № 1451. 1861 годъ.

15-го сентября Государь прибылъ въ станицу Лабинскую и, послѣ смотра Своихъ конвойцевъ, отправился съ ними въ дальнѣйшій путь, до Верхне-Абадзехскаго отряда.

Проводивъ Государя, старые конвойцы вернулись въ свои станицы, гордые сознаніемъ оказаннаго имъ Высочайшаго вниманія.[70])

Въ августѣ 1862 года прибылъ на службу въ Петербургъ Л.-Гв. 2-й Кавказскій казачій эскадронъ.

Съ прибытіемъ 2-го эскадрона, Конвой выступилъ походомъ въ Новгородъ. Россія праздновала свой 10-вѣковой юбилей. Въ Новгородѣ, какъ въ одномъ изъ старѣйшихъ русскихъ городовъ, состоялся въ Высочайшемъ присутствіи парадъ войскамъ и торжественное открытіе памятника 1000-лѣтія Россіи.

На правомъ флангѣ всѣхъ войскъ находился Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой. Онъ первый прошелъ церемоніальнымъ маршемъ передъ Государемъ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ II НИКОЛАЕВИЧЕМЪ, открывъ парадъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торжество 10-вѣкового могущества Россіи.

Командовавшій Конвоемъ, послѣ князя Багратіона, флигель-адъютантъ полковникъ Скобелевъ, 8-го марта 1864 года зачисленъ въ Свиту ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

Въ командованіе Императорскимъ Конвоемъ вступилъ флигель-адъютантъ полковникъ Шереметевъ.

Во время лагерныхъ сборовъ 1864 года, вспыхнулъ пожаръ въ Красносельскомъ Дворцѣ. По первой же тревогѣ, Конвой прибылъ къ мѣсту происшествія. Отъ 6-ти часовъ вечера до разсвѣта конвойцы спасали Дворцовыя постройки, причемъ казакъ Никита Четвериковъ безстрашно бросился на объятую пламенемъ крышу, втащивъ съ собою наверхъ пожарную кишку. При повѣркѣ конвойцевъ, послѣ пожара, обнаружилось отсутствіе казака Четверикова. На утро, внутри потухшихъ развалинъ, были найдены обугленныя части человѣческаго трупа, металлическіе гозыри и клинки шашки и кинжала. Останки храбреца Четверикова съ воинскими почестями преданы замлѣ, а семейству покойнаго Государь Императоръ приказалъ выдать пожизненную пенсію.[71])

Въ апрѣлѣ 1865 года Государь отбылъ за границу Россійскаго Государства. При Государѣ, въ экстренномъ поѣздѣ, слѣдовала команда казаковъ Конвоя, съ корнетомъ Панинымъ, до пограничной станціи Вержболово.

Изъ Вержболова конвойцы, по Высочайшей телеграммѣ, были вызваны въ Ниццу, для почетной охраны и сопровожденія въ Россію тѣла въ Бозѣ почившаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Корнетъ Панинъ съ казаками прибылъ въ Ниццу 16 апрѣля. Едва успѣвъ пореодѣться, конвойцы открыли печальный кортежъ отъ

---

[70]) Рапортъ полковника Евсѣева 15 октября 1861 г. № 35.

[71]) Дѣло Конвоя. № 63. 1864 годъ.





Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
въ Бозѣ почившій въ Ниццѣ въ 1865 году.

дома, гдѣ жилъ Наслѣдникъ Русскаго Престола, къ ожидавшему у пристани фрегату «Александръ Невскій», на которомъ и отбыли въ Петербургъ, неся у гроба почившаго Наслѣдника Цесаревича почетный караулъ.[72])

Въ 1865 году упразднено въ Варшавѣ постоянное отдѣленіе Императорскихъ верховыхъ лошадей. Состоявшая при немъ, въ теченіе 19 лѣтъ, команда Конвоя прибыла Л.-Гв. въ Кавказскій эскадронъ, въ которомъ она состояла сверхъ комплекта.

Черезъ полгода сверхкомплектная команда Конвоя появилась на другой окраинѣ Россіи, въ городѣ Тифлисѣ.

У Главнокомандующаго Кавказской Арміей, Великаго Князя Михаила Николаевича, служила конвойная сотня Кавказскихъ казаковъ. Конвойная сотня (сначала команда) Его Высочества существовала еще до сліянія Кавказскихъ казачьихъ войскъ. Достойныхъ изъ нихъ Государь Императоръ разрѣшилъ переводить въ Собственный Конвой, съ оставленіемъ въ сотнѣ, при Его Высочествѣ.

14-го сентября 1866 года въ Россію прибыла Высоконареченная Невѣста Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА, принцесса Датская Марія-Дагмаръ.

У Кронштадта Высокую путешественницу встрѣтила Царская Семья, отправившаяся изъ Петергофа на яхтѣ «Александрія».

Въ Петергофѣ, въ нижнемъ паркѣ, отъ гавани къ Самсоніевскому фонтану и по дорогѣ къ Александріи, были выстроены шпалерами войска. Эскадронъ Конвоя стоялъ у гавани, вблизи Свиты и парадныхъ Царскихъ экипажей.

Государыня Императрица съ принцессой Дагмаръ и Великой Княжной Маріей Александровной сѣли въ экипажъ, окруженный Свитою изъ Великихъ Князей; во главѣ ихъ былъ самъ Государь.

Блестящій кортежъ двинулся по пути въ Александрію.

У экипажа ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, слѣва, скакалъ командиръ эскадрона Конвоя. Послѣ краткаго отдыха въ Александріи, Императорская Фамилія отбыла въ дорожныхъ экипажахъ въ Царское Село.

Въ деревнѣ Новой, что у Стрѣльны, эскадронъ Конвоя послѣдовательно замѣнили эскадроны Л.-Гв. Атаманскаго и Л.-Гв. Казачьяго полковъ, сопровождавшіе Дворцовые дорожные экипажи до деревни Вайники, гдѣ Л.-Гв. Кавказскій казачій эскадронъ Государева Конвоя смѣнилъ донцовъ.

На Александровской станціи Варшавской желѣзной дороги Государю и Великимъ Князьямъ вновь подали верховыхъ лошадей, а Государынѣ Императрицѣ и Высокой Гостьѣ — парадные экипажи.

Отъ станціи по шоссе, Царскосельскому саду, черезъ Китайскій мостъ, вплоть до Большого Дворца, куда направился Императорскій кортежъ, были расположены длинныя шпалеры войскъ. Салютъ артиллеріи, звуки войсковыхъ оркестровъ и восторженное «ура» слились

---

[72]) Изъ воспоминаній корнета Панина. 1865 годъ.

въ общемъ мощномъ гулѣ. Л.-Гв. Кавказскій казачій эскадронъ Конвоя мчался впереди. Государыня Императрица съ принцессой Дагмаръ находились въ двухмѣстной коляскѣ. Слѣва экипажа скакалъ командиръ Собственнаго Императорскаго Конвоя, Флигель-адъютантъ полковникъ Шереметевъ. Эскадронъ Л.-Гв. Гусарскаго полка замыкалъ кортежъ.

Въ теченіе трехдневнаго пребыванія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Царскомъ Селѣ, городъ искрился иллюминаціей, а на военномъ полѣ и большомъ Царскосельскомъ озерѣ сверкали грандіозные фейерверки.

17-го сентября Царская Семья прибыла въ Петербургъ, украшенный русскими и датскими національными флагами. Отъ Царскосельскаго желѣзнодорожнаго вокзала стояли войска по Загородному проспекту, Владимірской, Невскому, Большой Морской до Зимняго Дворца.

Населеніе русской столицы, встрѣчавшее Невѣсту Наслѣдника Престола, заняло все, что только можно было занять: крыши зданій превратились въ живыя линіи зрителей. Царскій кортежъ медленно двигался впередъ и, послѣ небольшой остановки у Казанскаго Собора, прослѣдовалъ къ Зимнему Дворцу.

29-го октября, въ честь Высоконовобрачныхъ, данъ былъ въ Георгіевскомъ залѣ Зимняго Дворца большой балъ. Передъ окончаніемъ бала, Государь и Государыня, съ молодой Августѣйшей Четой, въ торжественномъ поѣздѣ, отбыли въ Собственный Аничковъ Дворецъ.

Л.-Гв. Кавказскій казачій эскадронъ Императорскаго Конвоя слѣдовалъ впереди поѣзда. На память о радостномъ событіи въ Царской Семьѣ, офицерамъ Конвоя пожалованы золотые перстни съ драгоцѣнными камнями.[73])

Кромѣ того, Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой принималъ участіе въ слѣдующихъ свадебныхъ торжествахъ Высочайшихъ Особъ:

15 апрѣля 1884 года, всѣ офицеры Конвоя были приглашены къ 12 часамъ 30 минутамъ дня въ Зимній Дворецъ, для присутствія на церемоніи бракосочетанія Великаго Князя Константина Константиновича съ принцессою Елизаветою Саксенъ-Альтенбургскою герцогинею Саксонскою. Вечеромъ офицеры были приглашены на Высочайшій балъ, по окончаніи котораго эскадронъ Конвоя, подъ командою полковника Скакуна, сопровождалъ торжественный поѣздъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ съ Высоконовобрачными отъ Зимняго въ Мраморный Дворецъ.

18-го апрѣля офицеры Конвоя (по одному старшему въ каждомъ чинѣ) въ Зимнемъ Дворцѣ приносили поздравленія Ихъ Императорскимъ Высочествамъ.

2-го іюня того же года, сводный эскадронъ Конвоя, командиръ полковникъ Бѣжановъ (4 оберъ-офицера, 16 унтеръ-офицеровъ, 2 трубача ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, 112 казаковъ), сопровождалъ принцессу Елизавету Гессенскую, Высоконареченную Невѣсту Великаго Князя Сергія Александровича, отъ вокзала Николаевской желѣзной дороги до Дворца Его Высочества.

---

[73]) «Русскій Инвалидъ» 1866 годъ.

3-го іюня 1889 года, эскадронъ Конвоя, при Штандартѣ, командиръ ротмистръ Шерпутовскій (7 оберъ-офицеровъ, 16 унтеръ-офицеровъ, 2 трубача и 160 казаковъ), конвоировалъ Высоконареченную Невѣсту Великаго Князя Павла Александровича, королевну Александру Георгіевну, отъ Царской пристани у Николаевскаго моста въ Зимній Дворецъ.

На слѣдующій день свободные отъ службы офицеры Конвоя имѣли честь присутствовать въ Зимнемъ Дворцѣ на церемоніи бракосочетанія, а вечеромъ — на Высочайшемъ балу.[74])

Л.-Гв. Кавказскіе казачьи эскадроны Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, по положенію 2 февраля 1861 года, формировались смѣшанно, отъ двухъ войскъ, съ такимъ расчетомъ, что въ каждомъ эскадронѣ 2/3 было Кубанцевъ и 1/3 Терцевъ. Въ строевомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ такое формированіе представляло большія затрудненія, особенно если принять во вниманіе разбросанность казачьихъ станицъ на огромномъ пространствѣ сѣвернаго Кавказа, между морями Каспійскимъ и Чернымъ.

Командиры льготныхъ эскадроновъ, обязанные провѣрять исправность оружія и лошадей своихъ казаковъ, на мѣстахъ жительства, разъѣзжали изъ края въ край по всему Кавказу. Такъ, эскадронный командиръ, живущій на Терекѣ у Каспійскихъ береговъ, долженъ былъ ѣхать къ Черноморскому побережью, а другой, въ то же время, стремиться отъ Кубани къ устьямъ Терека, проѣзжая тысячеверстныя пространства и не забывая станицъ между отрогами Кавказскихъ горъ. Неудобны были и призывы казаковъ со всѣхъ линій на одинъ сборный пунктъ. Люди и лошади подвергались тутъ всѣмъ невзгодамъ далекаго, ничѣмъ не вознаградимаго пути, при большой и напрасной тратѣ времени.

Такой порядокъ былъ прекращенъ Высочайшимъ приказомъ отъ 7-го октября 1867 года:

«Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЕ КАЗАЧЬИ ЭСКАДРОНЫ КОНВОЯ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ФОРМИРОВАТЬ ВПРЕДЬ КАЖДЫЙ ОТДѢЛЬНО ИЗЪ СВОЕГО ВОЙСКА, А ИМЕННО 2 ЭСКАДРОНА ОТЪ КУБАНСКАГО И 1 ОТЪ ТЕРСКАГО. ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВЪ ЭСКАДРОНА ОСТАВИТЬ ПРЕЖНІЙ, ПРИСВОИВЪ СЛѢДУЮЩІЯ НАИМЕНОВАНІЯ: Л.-ГВ. 1-Й И 2-Й КАВКАЗСКІЕ КУБАНСКІЕ КАЗ. ЭСКАДРОНЫ И Л.-ГВ. КАВКАЗСКІЙ ТЕРСКІЙ КАЗ. ЭСКАДРОНЪ — СОБСТВЕННАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ; ТОТЪ ЖЕ ПОРЯДОКЪ ЧАСТИ СОХРАНЯТЬ ВЪ СЛУЧАѢ СБОРА ВЪ ВОЕННОЕ ВРЕМЯ. КЪ ПЕРЕФОРМИРОВАНІЮ ПРИСТУПИТЬ ТЕПЕРЬ ЖЕ, ЧТОБЫ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1868 ГОДУ ПРИБЫЛЪ НА СЛУЖБУ ЭСКАДРОНЪ ОТЪ ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОИСКА».[75])

---

[74]) Прик. по Конвою: 1884 г. №№ 106, 108, 151, 153, 154 и 1889 г. №№ 150, 149 и 155.

[75]) Приказъ В. Мин. 7 окт. 1867 г. № 333.

Августѣйшій Главнокомандующій Кавказской Арміи, Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, горячо привѣтствуя новое формированіе эскадроновъ Конвоя, ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ о пожалованіи Л.-Гв. Терскому казачьему эскадрону своего Штандарта; «въ виду соревнованія Войскъ, отличавшихся постоянною храбростью и своими подвигами довершившихъ славное покореніе Кавказа». Государь Императоръ повелѣлъ для Терскаго эскадрона изготовить отдѣльный Георгіевскій Штандартъ, по образцу регулярной кавалеріи, съ надписью: «За боевую службу на Кавказѣ». 12-го декабря Терцы удостоены слѣдующей Императорской Грамоты:

«СОБСТВЕННАГО НАШЕГО КОНВОЯ Л.-ГВ. КАВКАЗСКОМУ ТЕРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ЭСКАДРОНУ. ВЪ ОЗНАМЕНОВАНІЕ ОСОБАГО МОНАРШАГО БЛАГОВОЛЕНІЯ КЪ ТЕРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ВОЙСКУ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ЖАЛУЕМЪ Л.-ГВ. КАВКАЗСКОМУ ТЕРСКОМУ КАЗАЧЬЕМУ ЭСКАДРОНУ СОБСТВЕННАГО НАШЕГО КОНВОЯ ПРЕПРОВОЖДАЕМЫЙ ПРИ СЕМЪ ГЕОРГІЕВСКІЙ ШТАНДАРТЪ СЪ НАДПИСЬЮ: «ЗА ОТЛИЧНУЮ БОЕВУЮ СЛУЖБУ ТЕРСКАГО КАЗАЧЬЯГО ВОЙСКА».

ПОВЕЛѢВАЕМЪ ШТАНДАРТЪ СЕЙ, ОСВЯТИВЪ ПО УСТАНОВЛЕНІЮ, УПОТРЕБЛЯТЬ НА СЛУЖБУ НАМЪ И ОТЕЧЕСТВУ СЪ ВѢРНОСТЬЮ И УСЕРДІЕМЪ, РОССІЙСКОМУ ВОИНСТВУ СВОЙСТВЕННЫМИ.

АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Императорской грамотѣ предпологаемая надпись на Штандартѣ измѣнена.

Государь Императоръ, до окончательнаго утвержденія рисунка Штандарта, потребовалъ справку: «какія надписи находятся на жалованныхъ Георгіевскихъ Штандартахъ Казачьимъ Войскамъ?»

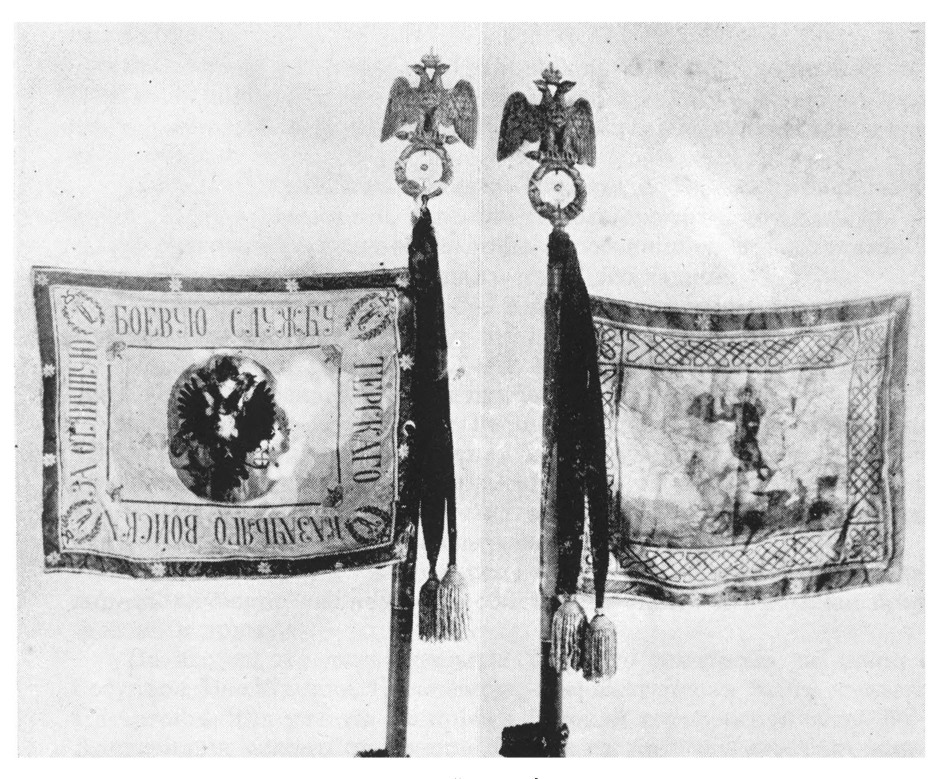
На представленномъ рисункѣ Государь собственноручно начерталъ: «За отличную боевую службу Терскаго Казачьяго Войска» и повелѣлъ Штандартъ, по изготовленіи, не отсылать на Кавказъ, а выдать эскадрону, когда онъ придетъ въ Петербургъ.

На скобѣ Штандарта помѣщено: Н. I, 1832. Команда Кавказскаго Линейнаго Войска Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя. 1867. За отличную боевую службу Терскаго Казачьяго Войска. 1867. Л.-Гв. Кавказскаго Терскаго казачьяго эскадрона Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

Штандартъ изготовленъ изъ штофа. На одной сторонѣ его, посрединѣ, изображенъ Россійскій гербъ. Въ углахъ — вензелевое изображеніе Имени Государя Императора АЛЕКСАНДРА II. Вокругъ полотнища Штандарта надпись: «За отличную боевую службу Терскаго Казачьяго Войска». На другой сторонѣ — Св. Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій. Чехолъ для Штандарта — изъ темнозеленаго

ГЕОРГІЕВСКІЙ ШТАНДАРТЪ

Л.-Гв. Кавказскаго Терскаго Казачьяго эскадрона
Собственнаго
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Конвоя



Высочайше пожалованный Государемъ Императоромъ
АЛЕКСАНДРОМЪ II НИКОЛАЕВИЧЕМЪ
8-го октября
1868 года.

сафьяна съ изображеніемъ на наконечникѣ Георгіевскаго креста. Орелъ — гвардейскаго образца, подъ нимъ орденъ Св. Георгія 3-й степени и къ нему орденская лента 1 аршинъ 4 вершка и шириною въ 1 вершокъ.

Крестъ, кольцомъ своимъ изъ толстой золотой проволоки, наложенъ на главную часть трубки подъ яблокомъ орла, такъ что концы ленты, продѣтой въ кольцо, съ обѣихъ сторонъ его равны; затѣмъ концы эти обведены вокругъ трубки, плотно стянуты и еще разъ продѣты въ кольцо, связаны узломъ, закрывая его бантомъ изъ той же ленты.[76])

Собранный въ станицѣ Прохладной Терскій эскадронъ, въ маѣ 1868 года, окончательно былъ сформированъ. Ежедневно въ присутствіи стариковъ казаковъ-отцовъ гвардейцевъ, происходили эскадронныя ученія.

Наказный Атаманъ Терскаго Казачьяго Войска, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ, завершилъ ихъ своимъ смотромъ.

Послѣ напутственнаго молебна, простившись съ казаками, генералъ Лорисъ-Меликовъ выѣхалъ изъ Прохладной.

Эскадронъ, провожая своего Атамана, произвелъ по пути его слѣдованія джигитовку.

15-го августа 1868 года Л.-Гв. Кавказскій Терскій казачій эскадронъ Императорскаго Конвоя прибылъ въ Петербургъ.

Конвойцы — Кубанцы и Терцы — впервые были раздѣлены въ отдѣльные эскадроны, нисколько не отличавшіе ихъ по назначенію, а только обозначавшіе ихъ территоріальное и частью племенное положеніе. При этой первой встрѣчѣ, эскадроны отнеслись другъ къ другу, какъ братья по крови и боевымъ воспоминаніямъ.

Съ тѣхъ поръ, до настоящихъ дней, среди Кавказскихъ казаковъ царятъ глубокое уваженіе къ обоимъ Войскамъ и взаимная братская любовь и дружба.

На второй же день прибытія Терскаго эскадрона, по приказанію Государя Наслѣдника Цесаревича, взводъ терцевъ былъ вызванъ въ Петергофъ для участія въ пріемѣ Датской королевской четы. Въ саду Александріи взводъ сталъ при спускѣ съ горы къ взморью, для конвоированія двухъ экипажей: Наслѣдника Цесаревича и Его гостей.

Поле, по которому предстояло слѣдовать казакамъ, все было изрыто глубокими канавами. Конвойцы въ стройномъ порядкѣ брали эти препятствія, держась на одной высотѣ съ экипажами, на что обратилъ особое вниманіе гость Русскаго Двора, Датскій король.

Замѣтивъ это, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ остановилъ экипажъ и приказалъ казакамъ Царскаго Конвоя произвести джигитовку, что окончательно удивило короля.

---

[76]) Строевой Отдѣлъ Глав. Упр. Каз. Войскъ. № 115. 1867 годъ. 25-го сентября 1875 года, въ Бильярдной залѣ Зимняго Дворца, въ Высочайшемъ присутствіи была произведена насадка новыхъ орловъ на Кубанскій и Терскій Штандарты Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Августѣйшій тесть Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА два раза подходилъ къ выстроенному взводу казаковъ-конвойцевъ, подробно интересуясь ихъ формой, снаряженіемъ и оружіемъ.

Когда приказано было спѣшиться и сѣсть тутъ же за приготовленный въ саду обѣдъ, Датская королевская чета еще разъ подошла къ казакамъ Императорскаго Конвоя и, привѣтствуя ихъ, сердечно благодарила за впервые видѣнную ими казачью джигитовку.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ пригласилъ своихъ гостей къ казачьему столу. Такъ казакамъ Конвоя, только что прибывшимъ съ Кавказа, было оказано столь высокое вниманіе.[77])

Вступивъ на службу при Высочайшемъ Дворѣ, Л.-Гв. Кавказскій Терскій казачій эскадронъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ свой Георгіевскій Штандартъ.

Желанный день наступилъ 8-го октября 1868 года!

Въ этотъ день, въ 11 часовъ утра, въ Золотой залѣ Зимняго Дворца происходила торжественная прибивка Терскаго Штандарта. Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ изволилъ собственноручно вбить два первыхъ гвоздя и передалъ молотокъ Государю Наслѣднику Цесаревичу, сдѣлавшему то же самое. За Наслѣдникомъ Престола, вбили гвозди присутствовавшіе на церемоніи прибивки Штандарта Особы Императорской фамиліи.

Далѣе слѣдовали старые кавказцы изъ Государевой Свиты, Командиръ Конвоя, г. г. офицеры Л.-Гв. Кавказскаго Терскаго казачьяго эскадрона, и, наконецъ, закончили прибивку Штандарта положенное закономъ число унтеръ-офицеровъ и казаковъ эскадрона.

Черезъ два часа, въ Михайловскомъ манежѣ, состоялось освященіе Штандарта и передача его эскадрону. Терскій эскадронъ Конвоя въ конномъ строю, при полной парадной формѣ, въ алыхъ черкескахъ и бѣлыхъ бешметахъ, выстроился въ манежѣ. Передъ серединою фронта эскадрона былъ поставленъ аналой, возлѣ котораго находились пѣвчіе придворной капеллы и духовенство.

Противъ аналоя, съ новымъ Георгіевскимъ Штандартомъ Конвоя, стоялъ унтеръ-офицеръ казакъ, заслуженный георгіевскій кавалеръ, при адъютантѣ Государева Конвоя.

Въ Михайловскій манежъ прибыли всѣ командиры отдѣльныхъ частей гвардіи и свободные отъ службы офицеры кавалерійскихъ полковъ.

Также прибыли въ манежъ Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья: Николай Николаевичъ, Владиміръ Александровичъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ Государь и Великій Князь Александръ Александровичъ.

Вслѣдъ за ними, въ манежъ изволилъ прибыть и Государь Императоръ.

---

[77]) Изъ воспоминаній ротмистра Сафонова.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО и Наслѣдникъ Цесаревичъ были въ парадномъ казачьемъ мундирѣ Собственнаго Конвоя.

Поздоровавшись съ Терскимъ эскадрономъ и объѣхавъ его фронтъ, Государь Императоръ приказалъ скомандовать «на молитву».

Послѣ сигнала трубачей, раздалась команда: «на молитву шапки долой!» Государь, а также всѣ бывшіе верхомъ чины Его Свиты спѣшились.

Начался молебенъ. Въ концѣ его, протопресвитеръ Бажановъ произнесъ установленную при освященіи Знаменъ и Штандартовъ особую молитву:

«Да будетъ сіе Знаменіе — знаменіемъ побѣды!»

По освященіи Штандарта, Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ вручилъ его командиру Своего Конвоя, флигель-адъютанту полковнику Шереметеву, принявшему вновь пожалованную Святыню Конвоя, преклонивъ колѣно.

Какъ только командиръ Конвоя передалъ Штандартъ штандартному унтеръ-офицеру, и послѣдній, слѣдуя за адъютантомъ Конвоя, направился къ строю, громовое и восторженное «ура» всѣхъ чиновъ Л.-Гв. Кавказскаго Терскаго казачьяго эскадрона потрясло Михайловскій манежъ и стихло только лишь по знаку Самого Государя Императора, выѣхавшаго передъ фронтъ эскадрона.

«ПОЗДРАВЛЯЮ ВАСЪ, КАЗАКИ, СЪ НОВЫМЪ ШТАНДАРТОМЪ», сказалъ Государь. «Я ЛИЧНО ИМѢЛЪ СЛУЧАЙ УБѢДИТЬСЯ ВЪ СЛАВНОЙ БОЕВОЙ СЛУЖБѢ И, ЖАЛУЯ ВАМЪ ШТАНДАРТЪ, УВѢРЕНЪ ВЪ ТОМЪ, ЧТО ВЫ БУДЕТЕ СЛУЖИТЬ ТАКЪ ЖЕ, КАКЪ И ВАШИ КАВКАЗСКІЕ ТОВАРИЩИ!»

Вновь могучее «ура» раздалось въ отвѣтъ на слова Государя.

Затѣмъ эскадронъ прошелъ повзводно церемоніальнымъ маршемъ. На правомъ флангѣ находились: Наслѣдникъ Цесаревичъ, генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ 1-й, Свиты Государя генералъ-маіоръ Воейковъ.

Послѣ парада, Государь Императоръ приказалъ эскадрону произвести джигитовку. Присутствующіе не разъ видѣли удалую казачью джигитовку, но лихость, смѣлость и ловкость казаковъ Конвоя поразили всѣхъ. Джигиты мчались по манежу одинъ за другимъ, и находящимся въ манежѣ трудно было на комъ-либо изъ нихъ остановить свой взглядъ.

Въ полномъ вооруженіи «двойные прыжки», «вертушки», «скашевка» и другіе номера чередовались одинъ за другимъ.

Въ «вольной джигитовкѣ», одни скакали, лежа спиною поперекъ лошади, другіе, стоя ногами на сѣдлѣ или упершись плечомъ въ сѣдло, ногами вверхъ. Въ этомъ общемъ лихомъ ураганѣ, со стрѣльбою, стоя на конѣ, проносились казаки «великаны» — то одинъ казакъ стоялъ

на плечахъ у другого, скрывая туловище его буркой. И, наконецъ, различными пирамидами и группами завершилась джигитовка.

Государь Императоръ нѣсколько разъ благодарилъ всѣхъ чиновъ эскадрона. Затѣмъ вызвалъ впередъ георгіевскихъ кавалеровъ.

Поздоровавшись отдѣльно со старыми конвойцами, Государь интересовался службою на Кавказѣ вновь поступившихъ въ Конвой казаковъ.

Отбывая изъ Михайловскаго манежа, Государь Императоръ повторилъ еще разъ Свою благодарность эскадрону, за молодечество и отличный парадъ.[78])

Въ тотъ же день въ Зимнемъ Дворцѣ послѣдовалъ Высочайшій обѣдъ, къ которому были приглашены всѣ офицеры Собственнаго Императорскаго Конвоя. Во время обѣда, Государь милостиво бесѣдовалъ съ конвойцами и, въ разговорѣ, спросилъ, кому досталась шашка, пожалованная ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ въ 1850 году покойному наказному Атаману Кавказскаго Линейнаго Казачьяго Войска, генералу Круковскому. Ротмистръ Сафоновъ доложилъ Государю, что шашка завѣщана генераломъ кавказскимъ линейцамъ, как пожалованная за ихъ службу, и хранится въ Терскомъ Войсковомъ Штабѣ.[79])

Герой Кавказской войны, Круковской, въ 1840 году командовалъ Горскимъ полкомъ Линейнаго Каз. Войска. Въ 1842 г., въ чинѣ полковника, назначенъ командиромъ Хоперскаго полка. Въ 1848, за боевыя отличія, произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ Атаманомъ Кавказскаго Линейнаго Казачьяго Войска. Знаменитый герой Кавказской войны, «заговоренный отъ пуль», доблестный Атаманъ ген. Круковской былъ убитъ въ бою съ чеченцами 18-го января 1852 года и похороненъ въ станицѣ Екатериноградской Терскаго Казачьяго Войска.

Въ концѣ обѣда Государь Императоръ изволилъ провозгласить тостъ: «За Мой Конвой!» Такъ закончился, исторический для Конвоя, день 8-го октября 1868 года.

Въ часъ ночи была получена съ Кавказа отъ Великаго Князя Михаила Николаевича телеграмма:

> «Поздравляю Л.-Гв. Терскій эскадронъ съ Высочайше пожалованнымъ Георгіевскимъ Штандартомъ. Я убѣжденъ, что молодые терскіе казаки будутъ достойны Царской милости и всегда сумѣютъ поддержать заслуженную славу своего древняго родного войска. Пью за здоровье эскадрона!
>
> Михаилъ».

По полученіи телеграммы, командиръ Л.-Гв. Кавказскаго Терскаго казачьяго эскадрона ротмистръ Сафоновъ тотчасъ же собралъ весь эскадронъ. Прибылъ и извѣщенный о томъ командиръ Конвоя, фли-

---

[78]) «Русскій Инвалидъ» № 277 за 1868 годъ.
[79]) Воспоминанія ротмистра Сафонова.



ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
МИХАИЛЪ НИКОЛАЕВИЧЪ
Числился въ спискахъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
съ 20-го января 1863 года.

гель-адъютантъ полковникъ Шереметевъ. Передъ строемъ была объявлена телеграмма Великаго Князя Михаила Николаевича, послѣ чего долго не смолкали казачьи пѣсни и заздравные тосты за наспѣхъ приготовленной братской трапезой офицеровъ и казаковъ.[80])

Воодушевленіе и гордость чиновъ Л.-Гв. Терскаго казачьяго эскадрона Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, по поводу полученія ими Святыни, свидѣтельствующей о подвигахъ ихъ отцовъ и дѣдовъ на Кавказѣ, выразились въ строевой пѣснѣ, которую впослѣдствіи съ радостью пѣли не только въ гвардіи, но и во всѣхъ армейскихъ полкахъ кавказскихъ казаковъ.

Полнымъ сердцемъ торжествуя,
Богу славу воздаютъ,
Пред Царемъ-Отцомъ ликуя,
Терцы весело поютъ.

Говорятъ всѣ: слава Богу!
Нынѣ такъ же, какъ и встарь,
Нашу бранную тревогу
Не забылъ нашъ Государь.

Самъ Своимъ державнымъ словомъ
Онъ напомнилъ намъ Кавказъ,
Гдѣ съ пеленъ въ бою суровомъ
Жизнь воспитывала насъ;

Гдѣ въ скалахъ, въ лѣсахъ дремучихъ
Горцы съ нами споръ вели,
Но у насъ въ рядахъ могучихъ
Отступленья не нашли;

Гдѣ издревле наши дѣды,
Прорубаяся въ горахъ,
Съ громомъ битвы и побѣды
Шли впередъ за шагомъ шагъ.

Смерть и раны презирали,
И въ свой смертный часъ и намъ
Свой завѣтъ передавали,
Чтобъ идти по ихъ слѣдамъ.

И въ Чечнѣ и въ Дагестанѣ,
Гдѣ лилася кровь отцовъ,
Доставалося по ранѣ
И на нашихъ удальцовъ.

Вѣдь Кавказъ добыть не шутка!
Храбрый тамъ гнѣздился врагъ!
Приходилось часто жутко —
Крови стоилъ каждый шагъ.

Но забыты кровь и пламя,
Царь насъ милостью почтилъ —
И вотъ вѣрнымъ терцамъ знамя
Изъ руки Своей вручилъ...[81])

Съ раздѣленіемъ казачьихъ эскадроновъ Императорскаго Конвоя по Войскамъ, сборные пункты льготныхъ эскадроновъ назначены: для

---

[80]) Изъ воспоминаній о службѣ въ Конвоѣ ротмистра Сафонова.

[81]) «Русскій Инвалидъ» № 277 и 287, 1869 годъ. «Пѣснь составлена однимъ изъ офицеровъ Терскаго эскадрона и, съ разрѣшенія начальства, напечатана ко дню торжества освященія штандарта, для поднесенія Государю Императору».

Кубанцевъ въ Екатеринодарѣ (станица Пашковская), для Терцевъ — станица Екатериноградская.

По новому положенію, эскадронамъ приказано слѣдовать походнымъ порядкомъ не до Москвы, а только до Воронежа и далѣе по желѣзной дорогѣ въ Петербургъ.[82])

24 мая 1867 года командиромъ Императорскаго Конвоя, по Высочайшему повелѣнію, назначенъ флигель-адъютантъ полковникъ Черевинъ. Флигель-адъютантъ полковникъ Шереметевъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ въ Свиту ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

По желанію Государя Императора, Конвой принималъ участіе въ сопровожденіи и охранѣ иностранныхъ высокихъ особъ.

Въ 1873 году прибылъ въ столицу Россійскаго Государства король Прусскій. Для встрѣчи его были выстроены войска отъ Варшавскаго вокзала до Зимняго Дворца, у Собственнаго подъѣзда котораго находился во взводной колоннѣ Императорскій Конвой. Король Прусскій, съ разрѣшенія Государя Императора, пожаловалъ всѣмъ георгіевскимъ кавалерамъ Конвоя прусскія медали Краснаго Орла, на бѣло-черной лентѣ.

Въ томъ же году Конвой, въ конномъ строю, при полной парадной формѣ, встрѣчалъ шаха персидскаго на Николаевскомъ вокзалѣ.

По приказанію Государя Императора, Конвой былъ выстроенъ на дворѣ желѣзнодорожной станціи. При конвоированіи экипажа персидскаго шаха, впереди находился Кавказскій эскадронъ, а непосредственно за экипажемъ слѣдовалъ Л.-Гв. 2-й Кубанскій казачій эскадронъ.

У Зимняго Дворца поѣздъ остановился, и шахъ прослѣдовалъ во внутренніе покои. Здѣсь стояли отъ Конвоя, въ общей очереди съ другими гвардейскими частями, парные посты: одинъ на площадкѣ у правыхъ дверей въ Залѣ Эрмитажа и другой у лѣвыхъ дверей.

Конвой также принималъ участіе въ торжественной встрѣчѣ наслѣдныхъ принцевъ англійскаго и датскаго, посѣтившихъ Россію въ 1874 году, и принца японскаго, прибывшаго въ Н. Петергофъ въ 1882 году.[83])

Съ 1875 года настала открытая борьба балканскихъ славянъ съ Турціей. Въ это время Высочайшій Дворъ находился въ Крыму. Ливадійскій Дворецъ охранялся взводомъ Л.-Гв. 2-го Кубанскаго эскадрона, подъ командою штабсъ-ротмистра Скакуна, и двумя льготными смѣнами команды крымскихъ татаръ Конвоя.

Мирная жизнь, казалось, не выходила изъ своихъ границъ. Однако, этотъ миръ былъ нарушенъ напряженными ожиданіями неизбѣжнаго вооруженнаго столкновенія съ Турціей. Подвластные султану славяне Балканскаго полуострова изнемогали подъ игомъ турецкихъ звѣрствъ.

---

[82]) Съ 1872 г. казачьи эскадроны Конвоя слѣдовали на льготу по желѣзной дорогѣ уже до Ростова и далѣе на Кавказъ походнымъ порядкомъ.

[83]) С. Петинъ. Дѣло Конвоя за 1874 и 1882 годы.

15-го октября 1876 года, Командующій Императорской Главной Квартирой генералъ-адъютантъ графъ Адлербергъ 2-й доносилъ Главнокомандующему Кавказской арміей Великому Князю Михаилу Николаевичу:

> «Вашему Императорскому Высочеству извѣстно, что Государь Императоръ, въ случаѣ разрыва съ Турціей, изволитъ предполагать назначить Главнокомандующимъ Дунайской арміей Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ угодно, чтобы находящіеся на льготѣ Л.-Гв. 2-й Кубанскій и Л.-Гв. Терскій эскадроны Императорскаго Конвоя вошли бы, въ означенномъ случаѣ, въ составъ этой арміи въ качествѣ Конвоя Его Императорскаго Высочества, и чтобы приведеніе сего въ исполненіе было сдѣлано по объявленіи мобилизаціи».

Согласно этого Высочайшаго распоряженія, льготные эскадроны были собраны — Кубанцы въ станицѣ Кавказской, Терцы въ станицѣ Прохладной, въ полной готовности къ выступленію въ походъ.

11-го декабря Кубанскій эскадронъ, командиръ полковникъ Жуковъ, и Терскій, командиръ штабсъ-ротмистръ Кулебякинъ, прибыли въ городъ Кишиневъ. На слѣдующій день къ Кубанцамъ присоединился взводъ казаковъ и 2 смѣны крымско-татарской команды, бывшія на службѣ въ Ливадіи.

30-го января 1877 года эскадроны Конвоя были командированы въ Одессу, подъ командою начальника штаба Дѣйствующей арміи, генералъ-адъютанта Непокойчицкаго.

Предстояло пройти въ два перехода 175 верстъ. Несмотря на большой снѣгъ съ сильнымъ вѣтромъ, перешедшимъ въ жестокую бурю, конвойцы въ первый день похода прошли 82 версты, остановившись на ночлегъ въ селеніи Карагачъ.

31-го января къ эскадронамъ присоединились нѣкоторыя части кавалеріи и артиллеріи. Весь отрядъ совершилъ остальныя 93 версты въ два перехода, такъ какъ метель сильно препятствовала маршу.

1-го февраля, въ 2 часа дня, отрядъ прибылъ въ Одессу, и черезъ часъ, послѣ исключительно тяжелаго перехода, конвойцы приняли участіе въ общемъ смотру войскъ.

Его Императорское Высочество, Августѣйшій Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ лично благодарилъ полковника Жукова и штабсъ-ротмистра Кулебякина за молодецкій видъ казаковъ и отличное состояніе лошадей.

Через недѣлю эскадроны Конвоя вернулись въ Кишиневъ. Имѣя въ виду непрекращавшуюся бурю, Великій Князь справлялся, «благополучно ли дошли казаки», и, получивъ свѣдѣнія о ихъ прибытіи, изволилъ чинамъ Императорскаго Конвоя выразить свою особую благодарность въ приказѣ по арміи.[84])

---

[84]) Дѣло Конвоя № 53 — 1877 годъ.

12-го апрѣля 1877 года, Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II въ Кишиневѣ произвелъ смотръ войскамъ. Послѣ напутственнаго молебна, архіепископъ торжественно прочиталъ манифестъ, объявлявшій войну Турціи. Государь поздравилъ войска съ походомъ. Къ Своему Конвою Государь Императоръ обратился со слѣдующими словами:

«БЛАГОДАРЮ ВАСЪ ЗА МОЛОДЕЦКУЮ СЛУЖБУ ПРИ МНѢ! ПОРУЧАЮ ВАМЪ БРАТА. БЕРЕГИТЕ ЕГО, А КОГДА ОНЪ ПУСТИТЪ ВАСЪ ВЪ ДѢЛО, ТО НАДѢЮСЬ, БУДЕТЕ МОЛОДЦАМИ И НЕ ПОСРАМИТЕ СЛАВУ ВАШИХЪ ОТЦОВЪ».[85])

Государево обращеніе къ Конвою послужило темой для боевой пѣсни, составленной штабсъ-ротмистромъ Кулебякинымъ своему эскадрону.

Съ Богомъ, Терцы! Не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья;
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина-врага!

Тамъ, далеко за Балканы,
Русскій много разъ шагалъ,
Покоряя вражьи страны,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.

Такъ идемъ путемъ прадѣдовъ
Лавры славы добывать!
Смерть за вѣру, за Россію,
Можно съ радостью принять.

День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда,
Какъ нашъ Царь — Отецъ Державный
Брата къ намъ подвелъ тогда!

Какъ онъ, полный Царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
«Берегите», сказал, «Брата,
Будьте каждый молодцомъ!

«Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло,
Дѣдовъ славныхъ не срамить!»

Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ часто любилъ слушать эту казачью пѣсню, за которую лично благодарилъ командира эскадрона штабсъ-ротмистра Кулебякина, пожаловавъ ему брилліантовый перстень.

Простившись съ войсками въ Кишиневѣ, Государь Императоръ отбылъ въ Петербургъ.

29-то апрѣля Терскій эскадронъ отправленъ по желѣзной дорогѣ въ Румынію въ городъ Плоэшти.

1-й Кубанскій и Кавказскій эскадроны Конвоя находились на службѣ въ Петербургѣ. Въ мартѣ 1-й Кубанскій эскадронъ провожалъ въ Царскую Усыпальницу тѣло въ Бозѣ почившаго Великаго Князя Александра Владиміровича.

---

[85]) Дѣло Конвоя № 60 — 1877 годъ.

Государь Императоръ не долго оставался въ столицѣ. Сердце влекло Его къ дѣйствующей арміи, съ которой желалъ Онъ раздѣлить всѣ труды турецкаго похода. Въ маѣ Государь отбылъ на театръ военныхъ дѣйствій. Туда же, при Императорской Квартирѣ, 14-го мая выступилъ полуэскадронъ 1-го Кубанскаго эскадрона. При немъ находились: Командиръ Конвоя флигель-адъютантъ полковникъ Черевинъ, адъютантъ Конвоя штабсъ-ротмистръ Бѣжановъ, командиръ эскадрона ротмистръ Бабалыковъ и младшіе офицеры — корнеты Золотаревскій и Денежниковъ.

25-го мая Государь прибылъ въ Плоэшти, въ Штабъ Главнокомандующаго. Терскій эскадронъ, при Штандартѣ, былъ назначенъ въ почетный караулъ къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ.

Изъ всѣхъ находившихся въ дѣйствующей арміи кубанцевъ Государева Конвоя были составлены 2 эскадрона. Первый эскадронъ принялъ ротмистръ Бабалыковъ, а въ командованіе вторымъ вступилъ штабсъ-ротмистръ Скакунъ. Командиромъ дивизіона былъ назначенъ полковникъ Жуковъ. Кубанскій Штандартъ оставался въ Петербургѣ и былъ привезенъ на фронтъ штабсъ-ротмистромъ Скакуномъ, въ первыхъ числахъ іюня, командированнымъ для этой цѣли съ 2 унтеръ-офицерами и 2 казаками.

14 іюня Государь Императоръ выѣхалъ изъ Плоэшти на Фламундскія высоты. Близъ Фламундскихъ высотъ, въ деревнѣ Драчѣ, встрѣтили ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Л.-Гв. 2-й Кубанскій и Терскій эскадроны, по очереди конвоировавшіе Государя.[86])

Подъ Никополемъ гремѣла канонада. Переправившись черезъ Дунай, наши войска перешли въ наступленіе. 16-го іюня Государь перенесъ Свою Главную Квартиру въ Зимницу, гдѣ сосредоточились всѣ три эскадрона Собственнаго Его Конвоя.

Въ тотъ же день Государь отбылъ къ войскамъ на позицію. На носу понтона, на которомъ Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II переправлялся черезъ Дунай, развѣвался Штандартъ Государева Конвоя.[87])

3-го іюля Государь Императоръ остановился на ночлегъ въ деревнѣ Царевица. Гремѣвшая весь день канонада прекратилась. Отдыхъ казался обезпеченнымъ. Однако, къ разсвѣту было получено тревожное донесеніе о появленіи турокъ подъ Систовымъ.

По тревогѣ Л.-Гв. 1-й Кубанскій эскадронъ понесся къ Систову. Остальные эскадроны Конвоя немедленно были приведены въ полную боевую готовность. Въ деревню Павло срочно выѣхалъ полковникъ баронъ Мейендорфъ съ приказаніемъ Коменданта Императорской Главной Квартиры генералъ-адъютанта Рылѣева «выслать навстрѣчу Государю Императору сколько возможно свободнаго войска».

Самъ же Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ, безпокоясь прежде всего судьбою переправы, приказалъ генералу Рылѣеву двинуть къ Дунаю бывшій при ЕГО ВЕЛИЧЕСТВѢ отрядъ и рѣшилъ,

---

[86]) Изъ воспоминаній штабсъ-ротмистра Скакуна.
[87]) Дѣло Войск. Прав. Терскаго Войска 1 отдѣлъ № 204 — 1878 годъ.

лично, всего лишь съ двумя эскадронами Собственнаго Конвоя, слѣдовать въ деревню Павло, по непріятельской землѣ (19 верстъ).

Государь верхомъ подъѣхалъ къ эскадронамъ Своего Конвоя, поздоровался съ ними и приказалъ штандартному унтеръ-офицеру стать за Нимъ. Настало теплое солнечное утро.

Отъ командира Л.-Гв. 1-го Кубанскаго эскадрона, ротмистра Бабалыкова, корнетъ Золотаревскій доставилъ Государю донесеніе о томъ, что въ Систовѣ турокъ нѣтъ. Тревогу же создали болгарскія дружины, распространившія слухъ, будто русскими войсками взятъ Никополь, и бѣгущіе турки направились въ Систово.[88])

2-го августа Императорская Квартира перешла въ Горный Студень, гдѣ находился и Штабъ Главнокомандующаго Великаго Князя. Императорскій Конвой расположился бивакомъ впереди деревни.

Эскадроны Конвоя, помимо несенія карауловъ въ Царской Ставкѣ, ежедневно высылали разъѣзды въ раіоны, близъ лежащіе къ Горному Студеню.

8-го августа Л.-Гв. Терскій казачій эскадронъ получилъ приказаніе немедленно выступить въ походъ, въ составѣ 2-й пѣхотной дивизіи, подъ командою Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора свѣтлѣйшаго князя Имеритинскаго, назначенной для дѣйствій подъ Ловчею.

Государь Императоръ, произведя смотръ отряду князя Имеретинскаго, обратился къ стоящему на правомъ флангѣ дивизіи Терскому эскадрону:

«ПОЗДРАВЛЯЮ ВАСЪ СЪ ПОХОДОМЪ! НАДѢЮСЬ, ЧТО ВЪ ДѢЛѢ СЪ ТУРКАМИ НЕ ПОСРАМИТЕ СЕБЯ. БЕРЕГИТЕ ШТАНДАРТЪ! БОГЪ ВАСЪ БЛАГОСЛОВИТЪ!»[89])

Дивизія князя Имеретинскаго направилась форсированнымъ маршемъ на Беброво и Габрово. Терцамъ было приказано присоединиться къ отряду генералъ-маіора Скобелева.

20-го августа эскадронъ получилъ отъ генерала Скобелева назначеніе стать во главѣ отряда, въ авангардѣ.

Въ 6-ти верстахъ отъ города Ловчи, разъѣзды, высланные командиромъ головного взвода, обнаружили на высотахъ, по направленію Сельви-Ловченскаго шоссе турецкую пѣхоту, открывшую по нимъ огонь. Спѣшенный эскадронъ разсыпался въ цѣпь.

Генералъ Скобелевъ, вызвавъ командира эскадрона, приказалъ произвести развѣдку горы, впослѣдствіи названной «Счастливою», дабы установить силы турокъ, занимавшихъ эту гору. «Знаки отличія военнаго ордена» должны были служить наградою тѣмъ, кто выполнитъ это опасное порученіе.

Не успѣлъ командиръ эскадрона, штабсъ-ротмистръ Кулебякинъ, передать это приказаніе чинамъ своего эскадрона, какъ значительное

---

[88]) «Дневникъ Высочайшаго пребыванія за Дунаемъ». Мацкевичъ. «Гв. отрядъ почет. Конвоя».

[89]) Изъ воспоминаній штабсъ-ротмистра Кулебякина.

число охотниковъ окружило его. По жребію были назначены казаки Петръ Кузменко и Адамъ Стволинъ.

Незамѣтно, по кустарникамъ, пробрались они на вершину и, пока опомнились турецкіе посты, успѣли исполнить свою задачу.

Подъ сильнымъ огнемъ турецкой пѣхоты, Кузменко и Стволинъ медленно отходили назадъ. Раненый Стволинъ упалъ въ яму, скрытую виноградникомъ, и вскорѣ скончался. Ихъ развѣдка выяснила, что высоты заняты пѣхотнымъ отрядомъ турокъ, впереди и восточнѣе котораго находилась кавалерія. Но со стороны Ловчи казаки развѣдчики обнаружили движеніе непріятельской колонны, рода оружія которой имъ разсмотрѣть не удалось.[90])

Послѣ короткаго боя, турки были выбиты изъ занимаемой ими позиціи.

22-го августа, въ началѣ Ловченскаго сраженія, Л.-Гв. Терскій казачій эскадронъ находился въ резервѣ у «Счастливой горы».

Въ два часа дня туркменъ генерала Скобелева прискакалъ съ приказаніемъ: «эскадрону во весь опоръ подойти къ генералу».

Генералъ Скобелевъ крикнулъ штабсъ-ротмистру Кулебякину:

«Прикрывайте нашъ лѣвый флангъ и дѣйствуйте по вашему усмотрѣнію, а если можно, то и пушки турецкія отберите!»

Эскадронъ на рысяхъ подошелъ къ окраинѣ города Ловчи. За стѣною большой загородной постройки терцы спѣшились. Занятое ими мѣсто приходилось противъ праваго фланга непріятеля, на фронтъ котораго, правѣе эскадрона, наступала наша пѣхота. Штабсъ-ротмистръ Кулебякинъ приказалъ эскадрону огнемъ поддержать это наступленіе. Терцы стойко выдержали сильную стрѣльбу турокъ. Когда обозначилось отступленіе турецкихъ частей, эскадронъ бросился ихъ преслѣдовать, двигаясь на Микре.

Глубокія балки и кукуруза скрывали движеніе эскадрона. Въ это время русская пѣхота перешла въ атаку. Турки дрогнули, и часть ихъ поспѣшно отошла къ Гозницѣ, другіе къ деревнѣ Парадиму и къ сѣверу отъ нея въ оврагъ.

Мѣстность не позволяла терцамъ атаковать турокъ непосредственно, и эскадронъ, обогнувъ деревню, развернулъ фронтъ и стремительно бросился на турецкую пѣхоту. Турки отчаянно защищались, но, въ результатѣ неожиданной атаки Л.-Гв. Терскаго эскадрона, турецкій «таборъ» (батальонъ) казаками былъ разбитъ и почти полностью уничтоженъ. Разсыпавшись въ преслѣдованіе турокъ, эскадронъ собрался только лишь къ вечеру.

24-го августа, послѣ неудачной атаки праваго фланга русскихъ позицій, турки пытались прорваться въ центрѣ, причемъ кавалерія ихъ атаковала нашъ лѣвый флангъ.

На лѣвомъ флангѣ находился Л.-Гв. Терскій эскадронъ Конвоя. Поручикъ Золотаревъ, высланный со взводомъ на развѣдку, въ виду

---

[90]) Воен. Сб. 1881 г., III. ст. А. Куропаткина.

появленія большихъ кавалерійскихъ силъ противника, отошелъ къ эскадрону. Штабсъ-ротмистръ Кулебякинъ спѣшилъ свой эскадронъ и встрѣтилъ атакующихъ сильнымъ огнемъ. Разстрѣлявъ всѣ свои патроны (даже и турецкіе)[91]), эскадронъ былъ въ критическомъ положеніи. Подошедшая пѣхота выручила терцевъ, своимъ огнемъ отбивъ атаку турецкой конницы.

25-го августа Терскій эскадронъ, по желанію генерала Скобелева, сопровождалъ его въ особо важной рекогносцировкѣ, произведенной лично генераломъ у Плевны.

На слѣдующий день, эскадронъ согласно Высочайшаго повелѣнія вызванъ въ Радeницу, мѣстопребываніе Императорской Главной Квартиры. Князь Имеретинскій, отпуская отъ себя эскадронъ, благодарилъ всѣхъ чиновъ его за лихую атаку подъ Ловчею.

Узнавъ объ отбытіи терцевъ, генералъ Скобелевъ приказалъ задержать эскадронъ. Замѣтивъ «Бѣлаго генерала», казаки Терскаго эскадрона подтянулись и приготовились къ встрѣчѣ известнаго героя.

«Душевно радуюсь и горжусь, что мнѣ пришлось быть съ вами въ дѣлѣ. Тѣмъ болѣе радуюсь, что мой отецъ командовал вами, а я водилъ васъ въ бой! Ура вашему лихому командиру!» произнесъ генералъ Скобелевъ и снялъ фуражку. Эскадронъ громкимъ «ура» привѣтствовалъ своего командира, но в этом «ура» былъ и привѣтъ боевой «Бѣлому генералу».

Всю ночь шелъ Терскій эскадронъ походомъ, и къ утру прибылъ въ Императорскую Главную Квартиру.

У Радeницы конвойцевъ встрѣтилъ Государь Императоръ, ѣхавшій къ плевненскимъ позиціямъ. Принявъ рапортъ командира Л.-Гв. Терскаго казачьяго эскадрона, штабсъ-ротмистра Кулебякина, о боевыхъ дѣйствіяхъ эскадрона, Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ благодарилъ всѣхъ его чиновъ **«за славную, храбрую и вѣрную службу».**

28-го августа Государь изволилъ лично пожаловать штабсъ-ротмистра Кулебякина «золотою шашкою» с надписью «за храбрость».

Кромѣ того, командиръ Терскаго эскадрона, за боевыя отличія, былъ произведенъ въ чинъ ротмистра и, по единодушному рѣшенію кавалерской думы, награжденъ Императорскимъ Орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени, за подвигъ, оказанный подъ Ловчею.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО лично вручилъ Георгіевскій крестъ ротмистру Кулебякину, замѣтивъ при этомъ: «если бы ты зналъ, какъ Мнѣ пріятно надѣть тебѣ этотъ крестъ!»[92])

За атаку под Ловчею, младшіе офицеры Л.-Гв. Терскаго казачьяго эскадрона получили слѣдующія награды: штабсъ-ротмистръ Золо-

---

[91]) Почти каждый казак имѣлъ при себѣ и турецкое ружье «Пибоди». Записки П. Т. Кулебякина.

[92]) Изъ записокъ П. Т. Кулебякина — «Л.-Гв. Терскій эскадронъ въ Дунайской арміи».

Конная атака Л.-Гв. Терскаго казачьяго эскадрона Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя на турецкую пѣхоту подъ Ловчею, въ день 22-го августа 1877 г.



Казакъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя 1840 годъ.

таревъ — орденъ Св. Анны 2-й степени съ мечами. Поручики Шерпутовскій, Гажеевъ и корнетъ Федюшкинъ произведены въ слѣдующіе чины. Двадцать пять казаковъ эскадрона награждены «знаками отличія военнаго ордена».

Съ паденіемъ Ловчи, русскія войска подошли къ сильно укрѣпленнымъ турецкимъ позиціямъ у Плевны.

26-го августа Государь Императоръ, совмѣстно съ Главнокомандующимъ, въ первый разъ отбылъ со Своимъ Конвоемъ подъ Плевну.

Съ этого дня, эскадроны Конвоя по очереди ежедневно сопровождали Императора АЛЕКСАНДРА II НИКОЛАЕВИЧА на плевненскія позиціи.

30-го числа, въ день Тезоименитства Государя Императора, начался третій штурмъ Плевны, въ результатѣ котораго былъ взятъ только Гривницкій редутъ.

По Высочайшему повелѣнію, къ Плевнѣ были вызваны гвардія и гренадеры. Въ ожиданіи ихъ прибытія, Императорская Квартира, 4-го сентября, вновь перешла въ Горный Студень.

21-го сентября командиръ Конвоя, флигель-адъютантъ полковникъ Черевинъ, вступилъ во временное командованіе Кавказской казачьей бригадой. Конвой принялъ полковникъ Жуковъ, сдавъ свой эскадронъ ротмистру Скакуну.

По приказанію Государя, Кубанскіе эскадроны Императорскаго Конвоя, подъ командою полковника Жукова, поступили въ распоряженіе командира гвардейской Стрѣлковой бригады, входившей въ отрядъ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора Эллиса.

Отрядъ выступилъ къ Лебранскимъ мостамъ за рѣкою Осмою. Войска двигались по направленію къ Парадиму, гдѣ стрѣлки и конвойцы должны были соединиться съ полками гвардіи, находившимися въ распоряженіи начальника штаба корпуса, генерала графа Воронцова-Дашкова.

Походъ начался при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Съ утра пошелъ сильный дождь и не переставалъ двое сутокъ. Войска шли до Парадима по дорогамъ, превратившимся въ потоки грязи. Въ Парадимѣ была назначена дневка, послѣ чего отрядъ слѣдовалъ на Боготъ, къ Ралеву, на Іени-Бркачъ и Эски-Бркачъ.

Отъ Ралева до Бркача, къ каждой пѣхотной бригадѣ было придано по взводу конвойцевъ. Въ Іени-Бркачъ эскадроны Конвоя соединились, за исключеніемъ первыхъ двухъ взводовъ Л.-Гв. 2-го Кубанскаго эскадрона, оставленныхъ при стрѣлковой бригадѣ, въ Эски-Бркачъ. Оба эти селения были покинуты жителями и находились недалеко отъ рѣки Вида. За Видомъ находились турки. Днемъ было видно движеніе турецкихъ подводъ, а ночью непріятельское расположеніе свѣтилось большимъ количествомъ огней ихъ костровъ.

1-го октября флигель-адъютантъ полковникъ Гриппенбергъ, въ сопровожденіи взвода казаковъ 2-го Кубанскаго эскадрона, произвелъ рекогносцировку турецкихъ позицій.

Переправившись через рѣку Видъ, конвойцы разсыпались въ лаву и почти на полверсты подошли къ турецкому отряду. Застигнутые врасплохъ, передовые турецкіе посты, открывъ безпорядочную стрѣльбу, скрылись въ кукурузѣ. Однако, казакамъ, бросившимся за ними, удалось захватить плѣнныхъ и доставить ихъ полковнику Гриппенбергу.[93])

Съ уходомъ кубанцевъ къ гвардейскимъ стрѣлкамъ, въ Горномъ Студенѣ, при Государѣ Императорѣ находился Л.-Гв. Терскій казачій эскадронъ.

2-го октября, по случаю 50-лѣтняго юбилея назначенія Государя Августѣйшимъ Атаманомъ всѣхъ казачьихъ войскъ, всѣ офицеры Терскаго эскадрона и офицеры находившагося въ конвоѣ Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Л.-Гв. Казачьяго полка, имѣли честь принести поздравленіе своему Августѣйшему Атаману.

Государь милостиво благодарилъ поздравлявшихъ, вспоминая исторію всего казачества и его вѣрную службу Родинѣ. Въ память этого дня, Государь Императоръ пожаловалъ офицерамъ Своего Конвоя Собственные портреты, лично помѣстивъ на нихъ Свое Имя и годъ.[94])

4-го октября, въ день праздника Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА конвоя, два Кубанскихъ эскадрона находились въ походѣ. Государь, пославъ имъ Свое поздравленіе и привѣтъ къ празднику, приказалъ Терскому эскадрону присоединиться къ строю Л.-Гв. Казачьяго полка, для совмѣстнаго участія въ церковномъ парадѣ полка, праздновавшаго так же, какъ и Императорскій Конвой, подвигъ, оказанный подъ Лейпцигомъ, въ 4-й день октября 1813 года.

До начала парада Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ неожиданно прибылъ къ мѣсту расположенія Терскаго эскадрона и громко скомандовалъ: «Казаки, сюда!»

Мгновенно окружившимъ Его конвойцамъ Государь съ большимъ волненіемъ и радостью прочелъ телеграмму Главнокомандующаго Кавказской арміей Великаго Князя Михаила Николаевича о полномъ пораженіи Мухтаръ-Паши на Аладжинскихъ высотахъ.

Громкимъ «ура» казаковъ была встрѣчена эта побѣдная вѣсть. Государь Самъ, снявъ фуражку и махая ею, присоединился къ казачьему привѣтствію доблестной Кавказской арміи.

У Лейбъ-казаковъ Государь повторилъ телеграмму, поздравилъ полкъ съ праздникомъ и присутствовалъ на молебнѣ въ походной церкви. Послѣ молебна, Донцы и Терцы прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ Государемъ, поблагодарившимъ Л.-Гв. Казачій полкъ за вѣрную службу.

Эскадроны Императорскаго Конвоя были удостоены особой Царской благодарности. Въ собственноручномъ письмѣ къ Его Высочеству

---

[93]) Тутолминъ. — «Конница за Видомъ».

[94]) Гр. Сологубъ. — «Дневникъ Выс. преб. за Дунаемъ».

Главнокомандующему Кавказской арміей, Государь писалъ: «Кубанцами и Терцами не могу Я достаточно нахвалиться. Вот уже болѣ четырехъ мѣсяцевъ, что они Меня оберегаютъ и днемъ и ночью и не оставляютъ Меня ни на шагъ, оказывая всевозможныя услуги Мнѣ лично и всей Моей Главной Квартирѣ».[95])

Почти одновременно съ побѣдою на Кавказѣ, были получены отрадныя вѣсти о геройскомъ подвигѣ нашей гвардіи подъ Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ, гдѣ Кубанскіе эскадроны Конвоя проявили свою доблесть и храбрость.

Въ то время, когда праздникъ Конвоя 4-го октября, день Св. Іерофея, былъ, въ Высочайшемъ присутствіи, отмѣченъ въ Царской Ставкѣ, Кубанскіе эскадроны, находясь въ походѣ также приготовились достойно его встрѣтить. Но судьбѣ было угодно, чтобы Кубанцы этотъ день отмѣтили не парадомъ и братскою трапезою, а какъ и ихъ предки въ битвѣ подъ Лейпцигомъ, конною атакою!

Въ этотъ день, вызванные по тревогѣ, эскадроны на рысяхъ подошли къ деревнѣ Чирикову на Виду.

Къ эскадронамъ Конвоя были присоединены двѣ сотни 4-го Донского казачьяго полка и двѣ роты гвардейскихъ стрѣлковъ. Командованіе всемъ отрядомъ принялъ полковникъ Жуковъ, получившій задачу произвести боевую развѣдку въ раіонѣ Горнаго Дубняка и Телиша.

Отрядъ перешелъ вбродъ рѣку Видъ и, пройдя черезъ дубовую рощу, двинулся въ направленіи Горнаго Дубняка. Дозоры донесли о появленіи турецкой кавалеріи. Полковникъ Жуковъ приказалъ стрѣлкамъ занять опушку рощи и рѣшилъ немедленно атаковать непріятельскую конницу, не давъ ей возможности развернуться.

Кубанскіе эскадроны Государева Конвоя шли въ центрѣ, имѣя донцов по «крыльямъ» лавы. Лихая казачья атака увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Турецкая конница была сбита и, въ полномъ безпорядкѣ, бросилась къ Горному Дубняку, въ которомъ произошелъ переполохъ.

Рѣзкіе звуки тревожныхъ турецкихъ сигналовъ раздались со всѣхъ сторонъ.

Турецкая пѣхота, пропустивъ свою разбитую конницу и занявъ окопы, жестокимъ огнемъ встрѣтила конную атаку казаковъ.

Эскадронамъ Конвоя пришлось спѣшиться и вступить въ огневой бой съ противникомъ, занимавшимъ сильно укрѣпленную позицію.

Съ наступленіемъ темноты, непріятельскій огонь сталъ стихать, и эскадроны получили приказаніе присоединиться къ стрѣлкамъ.

Такъ отпраздновали конвойцы - кубанцы день 4-го Октября!

На другой день чины Кубанскихъ эскадроновъ были осчастливлены Высочайшею телеграммою, въ которой Государь Императоръ поздравлялъ Своихъ конвойцевъ съ днемъ Св. Іерофея, Небеснаго Покровителя героевъ Лейпцига.

---

[95]) С. Петинъ. Историческій очеркъ — С. Е. И. В. Конвой. Стр. 209.

11-го октября въ общемъ приказѣ о наступленіи на Горный Дубнякъ, полковникъ Жуковъ съ 2-мя Кубанскими эскадронами получилъ слѣдующую задачу: «произвести боевую развѣдку в раіонѣ дѣйствія Стрѣлковой бригады, для чего продвинуться между Дольнимъ и Горнымъ Дубнякомъ, занять Софійское шоссе и, испортивъ на немъ телеграфную линію, войти въ связь съ Кавказской казачьей бригадой, наступавшей западнѣе стрѣлковъ».

Ровно въ полночь на 12-ое октября, готовые къ походу эскадроны Конвоя ожидали прибытія генералъ-адъютанта Гурко, лично объѣзжавшаго войска и дававшаго свои послѣднія распоряженія.

Поздоровавшись съ эскадронами, генералъ Гурко напомнилъ кубанской гвардіи славу ея дѣдовъ и отцовъ и выразилъ надежду, что чины эскадроновъ въ предстоящемъ бою такъ же доблестно, какъ и ихъ предки, исполнятъ свой долгъ.

Въ ту же ночь колонны русскихъ войскъ двинулись на Чириково.

Л.-Гв. 1-й и 2-й Кубанскіе казачьи эскадроны Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, по распоряженію генерала Гурко, шли въ авангардѣ. 1-й эскадронъ направился къ Горному Дубняку, 2-й правѣе, къ Софійскому шоссе. Колонны двигались лѣвымъ берегомъ рѣки Видъ.

Конвойцы, освѣтивъ впереди лежащую мѣстность, быстро двигались впередъ, но приказаніемъ генерала Гурко были остановлены, дабы дать время подтянуться сильно отставшей пѣхотѣ и артиллеріи.

Въ три часа ночи, общее движеніе возобновилось. Было приказано соблюдать полную тишину — всѣ приказанія отдавались вполголоса. Съ разсвѣтомъ головные взводы эскадроновъ Конвоя рысью двинулись впередъ. Мѣстность была холмистая, и на ней росла кукуруза, частями такая высокая и густая, что почти съ головою укрывала всадниковъ.

Пройдя кукурузное поле, зоркіе глаза казаковъ развѣдчиковъ замѣтили впереди какія-то конныя группы, при первыхъ свѣтлыхъ отблескахъ зари издали казавшіяся темными пятнами.

Въ томъ, что замѣченные всадники — противникъ, сомнѣній не было, и казаки. безъ приказанія бросились въ атаку.

Разбивъ группы турецкой конницы и преслѣдуя ихъ, конвойцы врубились въ турецкое пѣхотное сторожевое охраненіе, отбросивъ его въ Горный Дубнякъ.

Во исполненіе полученнаго приказанія, казаки Кубанскихъ эскадроновъ Конвоя прервали телеграфную линію на протяженіи двухъ верстъ и, съ прибытіемъ къ мѣсту боя гвардейскихъ стрѣлковыхъ ротъ, ворвались въ Горный Дубнякъ, послѣ чего соединились съ Кавказской казачьей бригадой.

Во время боя подъ Горнымъ Дубнякомъ, Кубанскій Дивизіонъ Конвоя понесъ значительные потери: болѣе тридцати чиновъ его выбыло изъ строя. Самъ командиръ Дивизіона Кубанцевъ, полковникъ

Жуковъ, былъ тяжело раненъ въ лѣвое плечо. Несмотря на тяжелое раненіе, полковникъ Жуковъ оставался въ строю и руководилъ боемъ.

Такъ же тяжело былъ раненъ въ лѣвую ногу, выше колѣна, командиръ Л.-Гв. 2-го Кубанскаго казачьяго эскадрона, ротмистръ Скакунъ.

13-го и 15-го октября, Дивизіонъ Конвоя вызывался на рекогносцировку Телиша и принималъ участіе во взятіи его.

Съ паденіемъ Телиша, окончилось пребываніе конвойцевъ въ гвардейскомъ отрядѣ, и 17-го октября они были отозваны въ Императорскую Главную Квартиру, въ деревню Парадимъ, куда и прибыли 18-го, въ пять часовъ дня.

Отпуская отъ себя Дивизіонъ Государева Конвоя, генералъ-адъютантъ Гурко горячо благодарилъ конвойцевъ за проявленную ими доблесть, выразивъ сожалѣніе, что «мало пришлось послужить съ такими молодцами».

Въ Парадимѣ эскадроны были встрѣчены генераломъ Воейковымъ и генераломъ графомъ Адлербергъ. Государь Императоръ въ это время находился въ селѣ Карагачъ, на смотру у гренадеръ.

Вернувшись въ Свою Главную Квартиру, Государь изволилъ выразить всѣмъ чинамъ Кубанскихъ эскадроновъ Свою благодарность за ихъ боевую службу, а раненого полковника Жукова обнялъ и, поцѣловавъ, сказалъ: «Тебѣ надо отдохнуть». Навѣстивъ командира Дивизіона Кубанскихъ эскадроновъ Конвоя, полковника Жукова къ вечеру слѣдующего дня, Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ подробно интересовался состояніемъ его здоровья и, долго милостиво съ нимъ бесѣдуя, пожаловалъ ему званіе Своего флигель-адъютанта.[96])

Кромѣ этой исключительно высокой награды командиру Кубанскаго Дивизіона Конвоя, кубанцы получили слѣдующія награды: флигель-адъютантъ полковникъ Жуковъ, полковникъ Бабалыковъ и ротмистръ Скакунъ — «золотыя шашки» съ надписью «за храбрость». Штабсъ-ротмистръ Бѣжановъ — Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ. Штабсъ-ротмистр Пальцынъ — Св. Станислава 2-й степени съ мечами. Штабсъ-ротмистръ Безладновъ — Св. Анны 3-й степени съ мечами и бантомъ. Поручикъ Кухаренко, корнеты: Денежниковъ, Логвиновъ и Балатуковъ — слѣдующіе чины.

«Знаками отличія военнаго ордена» было награждено 33 казака. 23-го октября, Государь, въ сопровожденіи Терскаго эскадрона, предпринялъ дальнюю поѣздку, черезъ Боготъ, на дер. Медованъ, желая лично поздравить гвардію съ ея отличіемъ въ эту войну, причемъ Государь проѣхалъ подъ дождемъ 45 верстъ, по страшной грязи.

Въ Медованѣ ожидали «на подставѣ» кубанцы, смѣнившіе терцевъ для обратнаго пути.

---

[96]) Дѣло Конвоя № 56 — 1877 г. Рапортъ Ком. Им. Гл. Кв. — 19-го октября 1877 г.

Въ послѣдующіе дни Государь часто отбывалъ, съ очереднымъ эскадрономъ Своего Конвоя, въ Бототъ къ Главнокомандующему и на позиціи къ Плевнѣ, наблюдая дѣйствіе нашихъ батарей, находившихся въ осадной арміи.

Въ Плевнѣ замѣтно начиналась агонія: огонь турецкой артиллеріи ослабѣвалъ съ каждымъ днемъ. Видимо, въ крѣпости снаряды истощались. По всѣмъ признакамъ, турки готовились къ оставленію Плевны.

27-го ноября непріятельскій огонь совсѣмъ прекратился, и, съ разсвѣтомъ, вся масса турецкихъ войскъ, составлявшихъ гарнизонъ Плевны, оставивъ крѣпость, стремительно перешла въ наступленіе. Турки храбро сражались, но ихъ геройская попытка прорвать русскій фронтъ окончилась полнымъ пораженіемъ арміи Османа-Паши. Находившійся, во время этого сраженія, на фронтѣ Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ былъ на позиціи съ 1-мъ Кубанскимъ эскадрономъ.

На слѣдующій день, въ Плевнѣ, въ присутствіи Государя былъ отслуженъ благодарственный молебенъ вблизи того мѣста, гдѣ находилась палатка Османа-Паши. Послѣ молебна, Государь Императоръ объявилъ о своемъ отбытіи въ С.-Петербургъ.

За исключеніемъ Л.-Гв. 1-го Кубанскаго эскадрона, которому было приказано готовиться къ обратному походу, эскадроны Конвоя, по Высочайшему повелѣнію, были оставлены въ распоряженіи Главнокомандующаго.

Государь Императоръ отбылъ изъ дѣйствующей арміи третьяго декабря въ семь часовъ утра. На всѣмъ пути къ Дунаю, эскадроны Конвоя сопровождали Царскій поѣздъ, смѣняя другъ друга.

По отбытіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Петербургъ, Л.-Гв. 2-й Кубанскій и Терскій эскадроны вернулись въ Парадимъ.

По приказанію Главнокомандующаго, конвойцы 24-го декабря перешли въ Ловчу, и на другой день выступили на Силово и Габрово.

31-го декабря, рано утромъ, эскадроны подошли къ Шипкинскому перевалу, уже занятому нашими войсками. На половинѣ подъема къ конвойцамъ подъѣхалъ экипажъ Главнокомандующаго. Далѣе Его Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ слѣдовалъ верхомъ вмѣстѣ съ казаками Конвоя.

Съ горы Св. Николая эскадроны потянулись «въ одинъ конь» по крутому скользкому спуску, загроможденному артиллеріей. По пути всюду чернѣли трупы непріятельскихъ солдатъ. Крутизна спуска значительно превосходила подъемъ. Шоссе извивалось безпрерывными зигзагами.

Въ концѣ перевала, у самой подошвы, конвойцы прошли дер. Шипку, или, вѣрнѣе, сплошную гору мусора, оставшагося отъ деревни. Дорога до Казанлыка шла по равнинѣ, но шоссе перешло в обыкновенную грунтовую дорогу, покрытую слоемъ жидкой грязи.

Переходъ отъ Габрово через Шипку на Казанлыкъ эскадроны Конвоя прошли въ одинъ день.[97])

Въ первыхъ числахъ января, русскія войска побѣдоносно продвигались впередъ, всюду тѣсня турокъ. Гвардейскіе полки, разбивъ противника въ жестокомъ бою у Арабъ-Конака, перевалили хребетъ, заняли Софію, Татаръ-Базарджикъ, Филиппополь и вышли къ Адріанополю.

8-го января въ штабъ Главнокомандующаго прибыли турецкіе парламентеры съ просьбой о перемиріи.

Въ связи со сложившейся обстановкой, Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ приказалъ перенести свой штабъ въ Адріанополь, куда первымъ былъ отправленъ Кубанскій эскадронъ Конвоя. 12-го января, въ 6 часовъ утра, отбылъ въ Адріанополь и Великій Князь, конвоируемый Терскимъ эскадрономъ. Дорога проходила по крутому скату горъ, мѣстами обрываясь въ ущелье. Съ Малыхъ Балканъ начиналась знаменитая «Долина Розъ», откуда тянулась обширная равнина до самаго Константинополя.

Главнокомандующій остановился на ночлегъ въ немногихъ уцѣлевшихъ домахъ грязнаго и разрушеннаго города Эски-Загра. Въ немъ турокъ почти не было. Трудный переходъ закончился къ вечеру 14-го января въ Германлы, откуда Великій Князь, чины его штаба и конвойцы. далѣе къ Адріанополю слѣдовали уже по желѣзной дорогѣ.

Желѣзнодорожный вокзалъ былъ расположенъ въ 4-хъ верстахъ отъ города. Терскій эскадронъ получилъ приказаніе стать на ночлегъ у вокзала. 16-го утромъ эскадронъ съ пѣснями вступилъ въ Адріанополь. Мѣстные жители не покинули своихъ домовъ, и мирное турецкое населеніе не бѣжало передъ русскими войсками. Торговля въ городѣ не прекращалась. Но въ окрестностяхъ Адріанополя кипѣла дикая злоба болгаръ и турокъ, грабившихъ и разорявшихъ другъ друга.

Для прекращенія этихъ беспорядковъ былъ командированъ эскадронъ Конвоя, подъ командою ротмистра Кулебякина. У деревни Саранлы толпы болгаръ встрѣтили казаковъ, прося ихъ защитить отъ вооруженныхъ турокъ. Остановивъ эскадронъ, ротмистръ Кулебякинъ, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, направился прямо къ туркамъ. Не доѣзжая до нихъ, Кулебякинъ приказалъ казаку, говорившему по-турецки, вызвать одного изъ почетныхъ стариковъ для переговоровъ. Черезъ нѣсколько минутъ у турокъ появился бѣлый флагъ, и къ ротмистру Кулебякину подошли двое вооруженныхъ турокъ. Имъ объяснили цѣль прибытія казаковъ. Къ удивленію болгаръ, турки изъявили полную покорность и сами стали сносить, въ указанное мѣсто, свое оружіе. Отобравъ у турокъ болѣе двухсотъ винтовокъ, ротмистръ Кулебякинъ приказалъ и туркамъ и болгарамъ разойтись по своимъ домамъ.

---

[97]) «Гвардейскій отрадъ почетного Конвоя» — Мацкевичъ.

Въ результатѣ своей командировки, эскадронъ совершилъ 120-ти верстный походъ, обезоружилъ 3 турецкихъ селения и, согласно просьбѣ самихъ турокъ, выселилъ до 4.000 семействъ въ другія мѣста.[98])

11-го февраля Главнокомандующій Русской Арміей Великій Князь Николай Николаевичъ прибылъ въ Санъ-Стефано, въ которомъ былъ встрѣченъ почетнымъ карауломъ Л.-Гв. отъ 2-го Кубанскаго эскадрона. Въ мѣстечкѣ оставались еще турецкія войска. Его Высочество, отдавъ распоряженіе о немедленномъ удаленіи турокъ, объявилъ Санъ-Стефано своею резиденціей. Черезъ два дня прибыли въ Санъ-Стефано и терцы. Это былъ послѣдній пунктъ похода чиновъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА передъ отбытіемъ въ Россію.

Изъ Санъ-Стефано отчетливо былъ виденъ Константинополь, и открывалась голубая даль Мраморнаго моря. На рейдѣ и по взморью, до темнѣвшаго на горизонтѣ малоазіатскаго берега, скользили суда; всюду небольшія лодки, как чайки, сновали по поверхности воды. У пристани, тогда еще небольшой, и на рейдѣ съ каждымъ днемъ усиливалось движеніе. Стали прибывать и русскія военныя суда.

Всѣ ожидали заключенія мира ко дню восшествія на Престолъ Государя Императора.

17-го февраля эскадроны Конвоя получили приказаніе прибыть къ маяку Санъ-Стефано.

У маяка, фронтомъ къ Константинополю, находились гвардейскіе полки. Всѣ части стояли вольно. Ружья были составлены, и солдаты пѣли пѣсни. Никто не зналъ настоящей причины сбора войскъ.

Пронесся слухъ, что войска вываны въ видѣ угрозы туркамъ, не соглашавшимся на требуемыя условія мира. Въ турецкомъ лагерѣ, дѣйствительно, по всей линіи было замѣтно движеніе.

Два часа прошло въ напряженномъ ожиданіи. Наконецъ, изъ Константинополя показался экстренный поѣздъ, съ которымъ прибылъ къ Главнокомандующему Русской Арміи Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу уполномоченный турецкаго султана. Принявъ его, Великій Князь приказалъ войскамъ двигаться впередъ съ барабаннымъ боемъ.

У турокъ раздались тревожные сигналы, но Русскія войска, произведя необходимое перестроеніе, прошли передъ своимъ Главнокомандующимъ церемоніальнымъ маршемъ и были отведены въ мѣста своихъ расположеній.

19-го февраля, послѣ торжественнаго молебствія, по случаю Восшествія на Престолъ Государя Императора, эскадроны Конвоя снова получили приказаніе прибыть къ маяку.

Съ 12-ти часовъ дня находившіяся въ Санъ-Стефано и его окрестностяхъ Русскія войска стали выстраиваться фронтомъ къ турецкой столицѣ. Всѣ съ большимъ волненіемъ ожидали объявленія мира, но день клонился къ вечеру, а вѣстниковъ мира все не было.

---

[98]) Рапортъ ротмистра Кулебякина Команд. Дѣйств. Арміи. 23-го января 1878 г. № 36.

Многіе были убѣждены, что, вмѣсто смотра, пойдутъ брать съ боя Константинополь.

Въ 6 часовъ вечера прибылъ Главнокомандующій. Войска уже готовы были перейти въ наступленіе, но Его Высочество, объѣхавъ выстроенныя части, обратился къ нимъ съ привѣтомъ: «Поздравляю васъ, ребята! Богъ благословилъ насъ миромъ!»

Царившая напряженная тишина мгновенно превратилась въ бурю восторга: все дрожало отъ побѣднаго «ура» славныхъ русскихъ войскъ.

Полетѣли вверхъ головные уборы. Офицеры, солдаты и казаки обнимали другъ друга...

Официально война была закончена![99])

Продолжая службу охраны Его Высочества Великаго Князя Николая Николаевича, конвойцы готовились къ уходу въ Россію.

Болѣе мѣсяца чины Конвоя оставались еще въ Санъ-Стефано. 7-го апрѣля Великій Князь Главнокомандующій изволилъ прощаться съ Кубанскимъ эскадрономъ, отплывшимъ на Родину 8-го числа.

Черезъ недѣлю были отправлены въ Россію и терцы.

Въ концѣ мѣсяца оба эскадрона прибыли въ Петербургъ. Кубанцы пришли 21-го апрѣля въ 4 1/2 часа утра, и уже въ два часа того же дня ихъ смотрѣлъ Государь Императоръ въ манежѣ Инженернаго Замка и благодарилъ за примѣрную боевую службу.

28-го апрѣля удостоился Высочайшаго смотра и Царской благодарности Терскій эскадронъ.

На другой день офицеры Собственнаго Императорскаго Конвоя, участники минувшей кампаніи, были собраны въ Билліардной залѣ Зимняго Дворца, гдѣ Государъ Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ каждому офицеру лично пожаловалъ серебряные знаки, учрежденные въ память пребыванія при ЕГО ВЕЛИЧЕСТВѢ во время Турецкой войны 1877—1878 г. г.

Значокъ изображалъ вензель Имени Государя Императора, окруженный вѣнкомъ изъ листьевъ лавра и дуба, съ Императорской Короной на немъ. Такіе же значки были пожалованы и казакамъ Конвоя. Носить ихъ положено на лѣвой сторонѣ груди. Казакамъ Конвоя, георгіевскимъ кавалерамъ, Государь Императоръ изволилъ выдать серебряные значки 1-го іюня въ Большомъ Царскосельскомъ Дворцѣ. Георгіевскихъ кавалеровъ было 110 человѣкъ (11 вензелей выслано въ Войска, Кубанское и Терское, для выдачи ихъ произведеннымъ изъ унтеръ-офицеровъ въ хорунжіе).

4-го мая всѣ офицеры Конвоя были удостоены Высочайшаго приглашенія къ Царскому столу. Передъ обѣдомъ Государь собственноручно роздалъ офицерамъ Конвоя свѣтло-бронзовыя медали въ память Турецкой войны, которыя только что были отчеканены, причемъ первые образцы были представлены въ Зимній Дворецъ.

---

[99]) «Дѣла Конвоя за 1878 годъ». С. Петинъ.

Штабсъ-ротмистръ Шерпутовскій и 15 казаковъ (1-го Кубанскаго и Терскаго эскадроновъ), разновременно бывшіе на Шипкѣ во время ея осады, получили серебряныя медали.

Казакамъ Конвоя, бывшимъ за Дунаемъ, медали были выданы 11-го мая. Государь повелѣлъ имѣть ихъ къ пріѣзду шаха Персидскаго и къ предстоящему Царскому смотру.[100])

Въ день пріѣзда шаха, Конвой, въ походной формѣ, выстроился въ конномъ строю развернутымъ фронтомъ передъ вокзаломъ Николаевской желѣзной дороги.

Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II ожидалъ поѣздъ на дебаркадерѣ вокзала. По прибытіи шаха, Государь прослѣдовалъ съ нимъ, въ открытой коляскѣ, въ Зимній Дворецъ. Кавказскій эскадронъ былъ впереди экипажа, за которымъ крупной рысью шли три казачьихъ эскадрона.

По пути слѣдованія, на улицахъ массы народа привѣтствовали Государя Императора и Его высокаго гостя.

13-го мая на Марсовомъ полѣ происходилъ обычный весенній парадъ всѣмъ войскамъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

Объѣхавъ войска, Государь присоединился къ Государынѣ Императрицѣ, прибывшей на парадъ въ экипажѣ съ Великими Княгинями и шахомъ Персидскимъ.

Этотъ первый послѣ войны парадъ былъ открытъ эскадронами Императорскаго Конвоя. Въ память побѣдоносно оконченнаго похода, у всѣхъ на груди блестѣли новыя медали.

Послѣ парада Высочайшій Дворъ перешелъ въ Царское Село, гдѣ были сосредоточены всѣ три казачьи эскадрона. Кавказскій эскадронъ оставался въ Петербургѣ.

Командиръ Конвоя флигель-адъютантъ полковникъ Черевинъ, произведенный, за отличія въ дѣлахъ противъ турокъ, въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ въ Государеву Свиту, вновь вступилъ въ командованіе Конвоемъ.[101])

Кромѣ наградъ, пожалованныхъ лично Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ II, чины Государева Конвоя, за войну 1877—1878 г. г., получили слѣдующія награды: флигель-адъютантъ полковникъ Жуковъ — прусскій орденъ «Короны» 2-й степени и румынскую золотую медаль «за военные подвиги»; полковникъ Бабалыковъ — прусскій орденъ «Короны» 2-й степени и румынскій орденъ «Звѣзды»; ротмистръ Кулебякинъ — румынскій орденъ «Звѣзды» и прусскій «Краснаго орла» 3-й степени съ мечами; штабсъ-ротмистръ Бѣжановъ и Пальцынъ — слѣдующій чинъ и румынскій орденъ «Звѣзды»; штабсъ-ротмистръ Гажеевъ, находившійся въ передовомъ отрядѣ генерала Скобелева, за отличіе при деревнѣ Хаскіой произведенъ въ слѣдующій чинъ.

---

[100]) Изъ замѣтокъ штабсъ-ротмистра Шерпутовскаго.
[101]) Высочайшій приказъ 17-го октября 1878 года.

Кавказскаго эскадрона ротмистръ Гватуа, находившійся въ Конвоѣ Главнокомандующаго Кавказской Арміей Великаго Князя Михаила Николаевича, получилъ чинъ полковника, съ зачисленіемъ по армейской кавалеріи. Корнетъ персидскій принцъ Фатали-Мирза — Св. Анны 4-й степени.

14 вахмистровъ и унтеръ-офицеровъ Императорскаго Конвоя произведены въ чинъ хорунжаго, съ переводомъ въ армейскіе казачьи полки, и десять казаковъ награждены знаками прусскаго ордена «за военные заслуги». А также всѣ, бывшіе въ походѣ офицеры и казаки Конвоя получили румынскіе «желѣзные кресты», учрежденные королемъ Карломъ въ память перехода черезъ Дунай.

Въ годовщину этого перехода, 15-го іюня, въ средней аллеѣ Большого Царскосельскаго Дворца, въ присутствіи Государя Императора АЛЕКСАНДРА II НИКОЛАЕВИЧА состоялся парадъ, въ которомъ приняли участіе представители гвардейскихъ воинскихъ частей.

На правомъ флангѣ всѣхъ частей находился взводъ Терскаго казачьяго эскадрона, при своемъ Штандартѣ, сопровождавшій Государя при первомъ Его переходѣ на правый берегъ Дуная.

Обходя фронтъ выстроенныхъ частей, Государь поздравлялъ всѣхъ съ годовщиной геройской переправы.

На парадѣ присутствовали: Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Александръ Александровичъ, съ Августѣйшей Супругой, и Великіе Князья Константинъ Николаевичъ, Алексѣй Александровичъ, Сергій Александровичъ и Павелъ Александровичъ.

По окончаніи молебна, присутствовавшіе на парадѣ представители гвардейскихъ воинскихъ частей прошли церемоніальнымъ маршемъ. На правомъ флангѣ 1-го отдѣленія Терскаго взвода Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, рядомъ съ штабсъ-ротмистромъ Шерпутовскимъ, шелъ самъ Государь.

Дефилировавшая колонна направилась прямо на террасу Дворца, гдѣ для солдатъ и казаковъ былъ приготовленъ Царскій обѣдъ.

Когда всѣ сѣли за столы, самъ Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II обошелъ ихъ и, взволнованный боевыми воспоминаніями, привѣтствовалъ «Своихъ дорогихъ гостей».

Офицеры получили приглашеніе къ Высочайшему столу.[102])

Во все время пребыванія Государя въ Царскомъ Селѣ, Кубанскіе и Терскій эскадроны несли Дворцовые караулы по издавна заведенному порядку.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, офицеры Конвоя присутствовали во Дворцѣ на Высочайшихъ «Выходахъ» ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

---

[102]) Изъ записокъ о службѣ въ Государевомъ Конвоѣ штабсъ-ротмистра Шерпутовскаго.

По окончанiи Берлинскаго конгресса, увеличенный въ военное время составъ Императорскаго Конвоя былъ сокращенъ до штатовъ мирнаго времени.

Л.-Гв. 1-й Кубанскiй и Терскiй эскадроны, за исключенiемъ назначенныхъ на службу въ Ливадiи 2-хъ взводовъ Терцевъ, готовились къ отбытiю на льготу.

Передъ отбытiемъ ихъ на Кавказъ, Государь Императоръ произвелъ смотръ Конвою. Эскадроны въ конномъ строю выстроились передъ Екатерининскимъ Дворцомъ въ Царскомъ Селѣ (Большой Дворецъ).

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, въ формѣ Своего Конвоя, въ сопровожденiи Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича, также бывшаго въ мундирѣ Конвоя, объѣхавъ фронтъ эскадроновъ Конвоя, остановился у параднаго подъѣзда Дворца.

Конвой прошелъ передъ Государемъ Императоромъ рысью и вторично наметомъ. Закончился смотръ джигитовкой конвойцевъ.

Государыня Императрица, Государыня Цесаревна и нѣсколько находившихся при Нихъ придворныхъ дамъ съ балкона параднаго подъѣзда Дворца наблюдали смотръ и джигитовку, которая, къ общему сожалѣнiю, печально завершилась.

Послѣднимъ скакалъ одинъ изъ лучшихъ джигитовъ Конвоя, кубанецъ казакъ Пальчунъ. Онъ лихо нагнулся и уже хотѣлъ достать съ земли папаху, но въ этотъ моментъ вмѣстѣ съ лошадью упалъ у самыхъ ногъ Государя Императора. При паденiи джигитъ Пальчунъ ударился головой и разбилъ себѣ черепъ.

Послѣ Высочайшаго смотра, всѣ офицеры Императорскаго Конвоя, во главѣ со своимъ командиромъ, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маiоромъ Черевинымъ, имѣли честь поднести Государю Императору АЛЕКСАНДРУ II НИКОЛАЕВИЧУ золотую шашку образцовой азiатской работы, съ георгiевскимъ крестомъ на рукояткѣ. Шашка имѣла старинный клинокъ: надпись на немъ свидѣтельствовала, что онъ былъ изготовленъ изъ дамасской стали въ 16-омъ столѣтiи.[103])

Государь Императоръ, обезпокоенный положенiемъ казака Конвоя, упавшаго на джигитовкѣ, нѣсколько разъ справлялся о его здоровьѣ. Узнавъ, что конвоецъ Пальчунъ скончался, не приходя въ сознанiе, Государь приказалъ оказать вдовѣ покойнаго матерiальную помощь и назначить пенсiю.

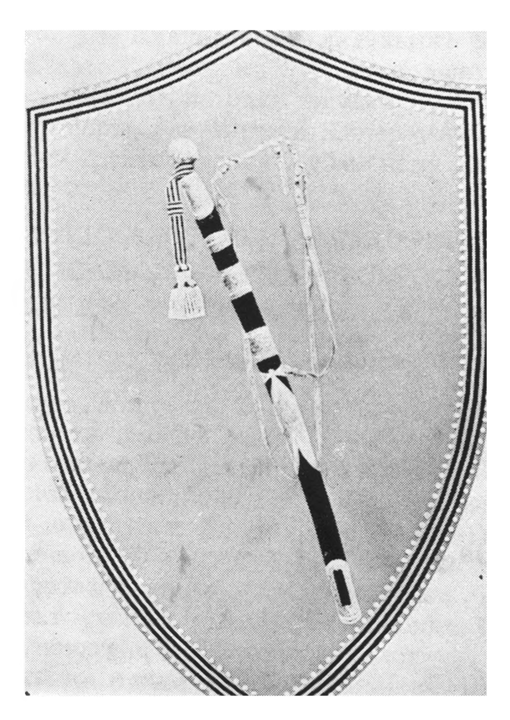
Въ память подвиговъ, проявленныхъ чинами Собственнаго Императорскаго Конвоя во время Турецкой войны, Л.-Гв. Кавказскимъ казачьимъ эскадронамъ были пожалованы знаки отличiя при слѣдующей Высочайшей грамотѣ:

«ВЪ ОЗНАМЕНОВАНIЕ ОСОБАГО МОНАРШАГО БЛАГОВОЛЕНИЯ НАШЕГО, ЗА ОКАЗАННЫЕ ПОДВИГИ МУЖЕСТВА

---

[103]) Въ 1881 году, по распоряженiю Императора АЛЕКСАНДРА III, шашка была передана Конвою и хранилась въ Петербургскомъ офицерскомъ собранiи, въ особой витринѣ.

Конвойцы въ царствованіе Императора АЛЕКСАНДРА II



Шашка Императора АЛЕКСАНДРА II,
поднесенная ЕМУ офицерами Конвоя

И ХРАБРОСТИ Л.-ГВ. КАВКАЗСКИМИ КАЗАЧЬИМИ ЭСКАДРОНАМИ СОБСТВЕННАГО НАШЕГО КОНВОЯ, I-мъ и 2-мъ КУБАНСКИМЪ И ТЕРСКИМЪ, ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877-1878 ГОДОВЪ, ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕ ЖАЛУЕМЪ ЭСКАДРОНАМЪ СИМЪ ЗНАКИ ОТЛИЧІЯ НА ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ, СЪ НАДПИСЬЮ ПЕРВЫМЪ ДВУМЪ — «ЗА ОТЛИЧІЕ ВЪ ТУРЕЦКУЮ ВОЙНУ 1877—1878 ГОДОВЪ», А ПОСЛѢДНЕМУ — «ЗА ЛОВЧУ 22 АВГУСТА 1877 года», И ПОВЕЛѢВАЕМЪ ЗНАКИ СІИ НОСИТЬ ПО УСТАНОВЛЕНІЮ.

АЛЕКСАНДРЪ».

Въ августѣ Государь Императоръ отбылъ на югъ Россіи, въ Крымъ. На службѣ въ Царскомъ Селѣ отъ Конвоя остались два эскадрона. Командиръ Конвоя, генералъ Черевинъ, отчисленъ въ Свиту Государя, сдавъ командованіе Конвоемъ флигель-адъютанту полковнику Ивашкину-Потапову.

Въ Ливадію Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II, съ Августѣйшимъ Семействомъ, прибылъ моремъ. Императорская яхта остановилась у Ливадійской пристани 20-го августа.

Одинъ взводъ конвойцевъ отъ командированнаго въ Крымъ Терскаго полуэскадрона въ парадной формѣ былъ выстроенъ на набережной, другой — у Ливадійскаго Дворца, а «Встрѣча» ожидала ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ на самой пристани.

Боевая служба Л.-Гв. Кавказскихъ казачьихъ эскадроновъ Собственнаго Императорскаго Конвоя, въ Турецкую войну 1877—1878 г. г., помимо жалованныхъ боевыхъ наградъ чинамъ эскадроновъ и знаковъ отличій на головные уборы, Государемъ Императоромъ еще отмѣчена въ особой Высочайшей грамотѣ всему Кубанскому Казачьему Войску. Грамота эта гласитъ:

«БОЖІЕЙ МИЛОСТЬЮ МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРОЙ, ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКИЙ, ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ И ПР. И ПР.

НАШЕМУ вѣрнолюбезному Кубанскому Казачьему Войску.

Въ минувшую войну съ Турціей, предпринятую нами для освобожденія единовѣрныхъ намъ народовъ Балканскаго полуострова, вызвано было на военное поприще доблестное Войско Кубанское, выставившее на службу всѣ три комплекта своихъ боевыхъ частей, а именно: 2 эскадрона Лейбъ-Гвардіи Собственнаго Нашего Конвоя, 25 конныхъ полковъ, 12 пѣшихъ пластунскихъ батальоновъ и 5 конно-артиллерійскихъ батарей. Причемъ снаряженіе всѣхъ своихъ частей совершалось быстро, на средства самихъ казаковъ. Кромѣ того, всѣ жители станицъ Войска, расположенныхъ въ предгорьяхъ и въ нагорной полосѣ, образовали изъ среды себя отдѣльныя вооруженныя команды.

Выдѣливъ затѣмъ большую половину своихъ строевыхъ частей на малоазіатскій театръ войны, часть на Балканскій полуостровъ и для усмиренія возставшихъ племенъ Чечни и Дагестана, остальными силами Войско стало твердымъ оплотомъ съ Юга и Юго-Запада обширной Кубанской Области и Черноморскаго Округа противъ вторженія успѣвшаго прорваться черезъ Сухумъ въ Абхазію непріятеля, и внесенія имъ смуты въ среду туземныхъ племенъ Области. Этимъ достигнуто сохраненіе спокойствія въ Краѣ, а движеніе отряда, составленнаго, большей частью, изъ Кубанскихъ казаковъ, на Сухумъ, со стороны Кубанской Области, способствовало обращенію въ бѣгство непріятеля и очищенію отъ него всей Абхазіи.

Большинство выставленныхъ Войскомъ строевыхъ частей вошло въ составъ нашихъ доблестныхъ Кавказскихъ войскъ, причемъ Кубанцы достойно заявили себя, связавъ навсегда свое имя съ исторіей славныхъ дѣлъ подъ Ардаганомъ, Баязетомъ, во время безпримѣрной 23-дневной защиты нашего гарнизона и при выручкѣ этихъ героевъ, защитниковъ на Аладжинскихъ высотахъ, при разгромѣ и плѣненіи арміи Мухтара Паши подъ Деве-Бойну, при штурмѣ Карса и плѣненіи его гарнизона, а также въ малодоступныхъ дебряхъ Кабулежа и Аджаріи.

Части Кубанскихъ казаковъ, въ числѣ 2-хъ конныхъ полковъ и I-го Пластунскаго батальона, принимавшія участіе въ усмиренія возстанія въ Чечнѣ и Дагестанѣ, съ присущею имъ боевою опытностью въ горной войнѣ, честно выполнили свой долгъ, споспѣшествуя быстрому и рѣшительному подавленію вооруженнаго возстанія.

Наконецъ, тѣ части Кубанского Войска, которыя были назначены въ Дунайскую Армію, а именно: 2 эскадрона, 1 конный полкъ и 2 сотни Пластуновъ, находясь въ теченіе всей войны въ составѣ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на Балканскомъ полуостровѣ, являли повсюду примѣры беззавѣтной отваги въ бояхъ и непоколебимой твердости въ перенесеніи трудовъ и лишеній, при быстрыхъ движеніяхъ и поискахъ за неприятелемъ. Особенно отличились они подъ Градешти, Самовидомъ, Плевной, Ловчей, Горнымъ Дубнякомъ, Телишемъ, на Шипкѣ, при переходѣ Балканскихъ горъ и преслѣдованіи непріятеля до стѣнъ Константинополя, закончивъ участіе свое въ войнѣ подавленіемъ возстанія въ Радопскихъ горахъ.

Такимъ образомъ, примѣрнымъ служеніемъ Престолу и Отечеству доблестное Кубанское Войско стяжало новое право на Наше Благоволеніе, а потому, воздавъ уже должное по заслугамъ участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ Кубанскимъ коннымъ полкамъ, пѣшимъ пластунскимъ батальонамъ и Конно-Артиллерійскимъ батареямъ, МЫ, въ знакъ Нашего особаго Благоволенія

къ заслугамъ всего Славнаго Кубанскаго Войска, жалуемъ ему Георгіевское Знамя съ надписью:

«За отличіе въ Турецкую войну 1877—1878 г. г.».

и повелѣваемъ, освятивъ Оное по установленію, пріобщить къ Войсковымъ Регаліямъ. Въ заключеніе сего, МЫ увѣрены, что непоколебимая преданность Престолу и любовь къ Отечеству, одушевлявшія всегда Кубанцевъ и подвигавшія ихъ къ совершенію доблестныхъ подвиговъ, будутъ передаваться изъ рода въ родъ, въ отдельныя потомства. Въ сей увѣренности пребываемъ къ Вѣрнолюбезному Намъ Войску Кубанскому

НАШЕЮ ИМПЕРАТОРСКОЙ МИЛОСТЬЮ БЛАГОВОЛЕННЫ.
АЛЕКСАНДРЪ»[104])

22-го августа наступила годовщина Ловченскаго сраженія, въ которомъ принималъ участіе Л.-Гв. Кавказскій Терскій казачій эскадронъ Конвоя.

Послѣ парада офицеры Терскаго полуэскадрона имѣли честь быть приглашенными къ Высочайшему столу. За завтракомъ Государь Императоръ, обратившись къ штабсъ-ротмистру Шерпутовскому, предложилъ тостъ за здоровье ротмистра Кулебякина и приказалъ послать ему привѣтственную телеграмму.[105])

Изъ Турціи продолжали прибывать русскія войска. Гвардейскія части высаживались въ Одессѣ, Николаевѣ и Севастополѣ.

Государь Императоръ, въ сопровожденіи одного офицера, одного унтеръ-офицера и двухъ казаковъ Своего Конвоя, на яхтѣ «Ливадія», посѣщалъ порты этихъ городовъ во время прибытія туда войскъ.

4-го октября, въ день Праздника Конвоя, Государь посѣтилъ казачій обѣдъ. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II милостиво бесѣдовалъ съ казаками. Принявъ поднесенную Ему вахмистромъ чару, поднялъ ее, сказавъ: «За всѣ эскадроны Моего Конвоя! Вашъ Атаманъ поздравляетъ васъ съ праздникомъ!»[106])

17-го ноября Государь Императоръ съ Августѣйшимъ Семействомъ прибылъ въ Петербургъ.

На другой день полки гвардіи, прибывшіе изъ Турціи, въ полномъ своемъ составѣ, представлялись Государю.

На правомъ флангѣ всѣхъ войскъ находились Кавказскій и 2-й Кубанскій эскадроны.

26-го декабря офицеры Императорскаго Конвоя, участники Турецкой войны, были вызваны въ Зимній Дворецъ, гдѣ Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II, въ Своемъ кабинетѣ, пожаловалъ каждаго изъ нихъ кавказской, отдѣланной въ серебро, шашкою съ именными на клин-

---

[104]) Высочайшая Грамота хранится при Войсковыхъ Регаліяхъ въ Нью-Іоркѣ.

[105]) Изъ воспоминаній штабсъ-ротмистра Шерпутовскаго.

[106]) Изъ книги Мацкевича — «Гв. Отрядъ почетнаго Конвоя».

кахъ надписями; на одной сторонѣ: «Въ память Турецкой войны 1877 года», а на другой: «Моего Конвоя» — чинъ и фамилія офицера.

Такіе же шашки Высочайше пожалованы ушедшимъ на льготу офицерамъ Л.-Гв. 1-го Кубанскаго и Л.-Гв. Терскаго эскадроновъ. [107])

Всю зиму 1879 года Государь Императоръ со Своимъ Августѣйшимъ Семействомъ находился въ Петербургѣ. Дворцовые караулы и посты охраны Высочайшаго Двора несъ исключительно Л.-Гв. 2-й Кубанскій казачій эскадронъ.

Служба Кавказскаго эскадрона ограничивалась участіемъ въ разводахъ и парадахъ.

Ежедневно въ Михайловскомъ манежѣ, въ Высочайшемъ присутствіи, производились разводы войскъ, на которыхъ всегда лихо джигитовали горцы и казаки Императорскаго Конвоя, назначенные на ординарцы къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ.

Весною Государь Императоръ перенесъ Свою резиденцію въ Царскосельскій Дворецъ, и въ первыхъ числахъ мая Царская Семья снова прибыла въ Крымъ.

Для службы въ Ливадіи былъ вызванъ со льготы 1-й Кубанскій эскадронъ подъ командою штабсъ-ротмистра Безладнова, а въ помощь ему командированъ изъ Петербурга взводъ поручика Золотаревскаго отъ 2-го Кубанскаго эскадрона.

Во время пребыванія чиновъ этого взвода въ Ливадіи произошло печальное событіе, жертвою котораго сталъ командиръ взвода, поручикъ Золотаревскій.

Въ то время въ Ливадіи чины Конвоя не имѣли собственнаго довольствія, а получали со стороны отъ одной воинской части. Къ несчастью, это довольствіе не всегда отвѣчало положеннымъ требованіямъ, въ результатѣ чего три чина взвода поручика Золотаревскаго: унтеръ-офицеръ Емельянъ Ураско и казаки Мокей Толстовъ и Семенъ Кривоносовъ отказались принять таковое.

Было произведено строжайшее разслѣдованіе, которое выяснило виновность и преступную небрежность нѣсколькихъ хозяйственныхъ чиновъ довольствующей воинской части. На основаніи этого разслѣдованія, Ураско, Толстовъ и Кривоносовъ не были отданы подъ судъ, а только лишь исключены изъ Конвоя и для дальнѣйшей службы переведены въ армейскіе полки своего войска.

Но ихъ командиръ вынесъ свой приговоръ. Поручикъ Золотаревскій не могъ пережить проступокъ казаковъ своего взвода и... застрѣлился.

Государь Императоръ съ грустью принялъ вѣсть о смерти доблестнаго офицера Своего Конвоя, для котораго честь и Имя родной части были дороже своей личной жизни.

Казаки взвода покончившаго съ собою, изъ-за дисциплинарнаго проступка трехъ своихъ сослуживцевъ командира, безупречною своею

---

[107]) С. Петинъ. С. Е. В. К. стр. 229.

службою заслужили полное забвеніе всему случившемуся, о чемъ свидѣтельствовали пожалованныя имъ Высочайшія награды.

За образцовое исполненіе своихъ обязанностей шесть конвойцевъ получили отъ Государя Императора золотые часы съ Императорскимъ гербомъ, а изъ этихъ шести награжденныхъ казаковъ двое было изъ взвода погибшаго поручика Золотаревскаго.[108])

Съ отбытіемъ Государя въ Петербургъ, 1-й Кубанскій эскадронъ ушелъ на льготу. Эскадрону не суждено было больше видѣть Августѣйшей Четы.

26-го мая 1880 года скончалась Государыня Императрица. 2-й Кубанскій и Кавказскій эскадроны провожали тѣло въ Бозѣ почившей Императрицы отъ Зимняго Дворца въ Петропавловскій Соборъ.

2-й Кубанскій эскадронъ, въ траурѣ, доканчивалъ срокъ службы въ Петербургѣ. Въ августѣ пришли на смѣну терцы.

15-го августа въ Царскомъ Селѣ Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II смотрѣлъ оба эскадрона.

Оставшись вполнѣ довольнымъ отличнымъ ихъ состояніемъ, Государь въ Высочайшемъ приказѣ объявилъ признательность Командующему Императорской Главной Квартирой генералъ-адъютанту графу Адлербергъ и Монаршее благоволеніе командиру Конвоя и всѣмъ чинамъ 2-го Кубанскаго эскадрона, отправлявшагося на льготу, за усердную и примѣрную службу при Особѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.[109])

Въ 1881 году Родина наша была потрясена дерзкими посягательствами на жизнь Государя Императора АЛЕКСАНДРА II НИКОЛАЕВИЧА.

Страшное событіе совершилось въ воскресенье 1-го марта.

Въ этотъ день былъ послѣдній въ Россійской Императорской Арміи «разводъ карауловъ съ церемоніей», происходившій въ Михайловскомъ манежѣ. Въ послѣдовавшія царствованія разводовъ «съ церемоніей» уже больше не было.

1-го марта 1881-го года, караулы въ Михайловскомъ манежѣ были выстроены въ слѣдующемъ порядкѣ: на правомъ флангѣ караулъ Л.-Гв. Сапернаго батальона, назначенный въ этотъ день въ главный караулъ. Лѣвѣе его находились караулы отъ Пажескаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Корпуса, Павловскаго Военнаго Училища и Шефскихъ частей Петербургскаго гарнизона. Правѣе главнаго караула — ординарцы и посыльные отъ Шефскихъ частей.

За группой начальствующихъ лицъ и генералитета — офицеры и воспитанники военно-учебныхъ заведеній.

Послѣ прибытія командира Гвардейскаго Корпуса, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Александровича и С.-Петербурскаго генералъ-губернатора генералъ-адъютанта Гурко,

---

[108]) Приказъ по Конвою отъ 2-го мая 1879 г. № 642 и 7-го мая № 706. Рапортъ штабсъ-ротмистра Безладнова 4-го мая 1879 года № 102.

[109]) Высочайшій приказъ 15-го августа 1880 года. Пр. по Конвою 28 авг. № 1296.

въ манежъ прибылъ Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ, котораго посреди манежа встрѣтилъ рапортомъ Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Государь сѣлъ верхомъ на поданнаго ему коня.

По окончанiи объѣзда Государемъ всѣхъ карауловъ, къ Нему начался подходъ ординарцевъ и посыльныхъ, а затѣмъ подъѣздъ конныхъ ординарцевъ.

Послѣ представленiя Государю, ординарцы пѣшихъ частей маршировали по прямому направленiю вдоль манежа и строились въ другомъ концѣ его, въ порядкѣ частей, а конные проѣзжали рысью передъ главнымъ карауломъ и строились на прежнемъ мѣстѣ.

Тотчасъ послѣ подъѣзда конныхъ ординарцевъ, посреди манежа передъ Государемъ казаками былъ поставленъ барьеръ. Конные ординарцы, справа по одному, брали этотъ барьеръ и возвращались на свои мѣста.

Затѣмъ наряженный отъ каждаго взвода Конвоя всадникъ выскакивалъ изъ глубины манежа и, на полномъ ходу, стрѣлялъ изъ ружья въ бумагу, которую клалъ на его пути казакъ, прижимая ее горсточкой земли. Далѣе слѣдовалъ церемонiальный маршъ всѣхъ карауловъ передъ Государемъ.

Пока караулы, послѣ церемонiальнаго марша, строились на своихъ мѣстахъ, Государь бесѣдовалъ со Свитою и присутствовавшими иностранными послами.

Въ этотъ роковой, какъ оказалось нѣсколько часовъ спустя, день Государь, объѣзжая, послѣ окончанiя развода, войска, былъ особенно привѣтливъ. По отбытiи изъ манежа Императора АЛЕКСАНДРА II, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Великiй Князь Александръ Александровичъ скомандовалъ: «Бить по карауламъ!» и караулы, слѣдуя къ выходамъ изъ манежа, отправлялись по назначенiю.[110])

Было около 2-хъ часовъ дня, когда Государь Императоръ изъ Михайловскаго манежа возвращался во Дворецъ по Екатерининскому каналу мимо Михайловскаго театра.

Не успѣлъ Царскiй экипажъ, конвоируемый командиромъ и шестью казаками бывшаго на службѣ въ Петербургѣ Л.-Гв. Терскаго казачьяго эскадрона Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА поравняться съ выходившими на каналъ зданiями Дворцовыхъ службъ, какъ подъ каретою Государя раздался взрывъ. Полусломанный Царскiй экипажъ остановился въ облакахъ дыма.

Одинъ изъ конвойцевъ, казакъ Александръ Малевичъ, получивъ тяжелыя раны, упалъ позади кареты, близъ тротуара. Ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, конвоецъ унтеръ-офицеръ Косьма Мачневъ, сидѣвшiй съ кучеромъ, склонился въ изнеможенiи, судорожно схвативщись за козлы экипажа. Невдалекѣ отъ Царскаго экипажа упало нѣсколько частныхъ лицъ.

---

[110]) Изъ статьи Вл. А. Силина. «Разводъ карауловъ» («Наши Вѣсти» № 165.)

Конвойцы съ ужасомъ впились глазами въ остановившуюся карету. Дверцы ея отворились, и Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ II НИКОЛАЕВИЧЪ вышелъ невредимый, спрашивая у Своихъ казаковъ-конвойцевъ, что случилось . . .

Осѣнивъ Себя крестнымъ знаменіемъ, Государь направился къ тротуару. Раздался новый взрывъ, но уже подъ ЕГО ногами . . .

Государь упалъ, обливаясь кровью . . . Подоспѣвшая Свита приподняла Государя Императора. Подбѣжалъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ. «Холодно, холодно . . . » слабымъ голосомъ проговорилъ Государь. Услышавъ предложеніе объ оказаніи первой помощи въ ближайшемъ домѣ, Онъ тихо произнесъ: «Во дворецъ! Тамъ хочу умереть . . . »

Смертельно раненаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА II НИКОЛАЕВИЧА посадили въ сани. Противъ Государя, поддерживая Его, сталъ командиръ Л.-Гв. Терскаго казачьего эскадрона ротмистръ Кулебякинъ. Съ двухъ сторонъ поддерживали Императора, стоя на полозьяхъ саней, казаки-конвойцы Петръ Кузменко и Михей Луценко.

Во время пути ротмистръ Кулебякинъ увидѣлъ, что Государь что-то говоритъ, обращаясь къ нему, но, оглушенный взрывами, не могъ разслышать словъ. Государь снова заговорилъ. На этотъ разъ казакъ Кузменко закричалъ своему командиру: «Ваше Высокоблагородіе, Царь-Батюшка спрашиваетъ: «что, и ты тоже раненъ?»

Ротмистръ Кулебякинъ, потрясенный страданіями умирающаго Императора, едва сдерживая рыданіе, отвѣтилъ: «Что я? Что, Ваше Императорское Величество, съ Вами сдѣлали!»

Послѣднія минуты страданія Царя-Освободителя были тяжелы: по мѣрѣ приближенія къ Зимнему Дворцу, Онъ терялъ сознаніе отъ потери крови, сочившейся изъ оборванныхъ мускуловъ раненых ногъ.

Алая черкеска ротмистра Кулебякина почернѣла, залитая Царской кровью. Раздробленныя на мельчайшіе кусочки кости голеней увеличивали невозможныя, ужасающія страданія умирающаго Государя.

По прибытіи въ Зимній Дворецъ, Государь Императоръ пріобщился Св. Таинъ и въ 3 часа 35 минутъ дня въ Бозѣ почилъ . . .[111])

Всѣ бывшіе при Государѣ Императорѣ конвойцы-казаки Л.-Гв. Терскаго казачьяго эскадрона, вмѣстѣ съ командиромъ своимъ, ротмистромъ Кулебякинымъ, были переранены и контужены:

Ротмистръ Кулебякинъ был раненъ въ правую руку выше локтя, въ лѣвый глазъ, совершенно поврежденный, и въ лѣвую часть головы.

Ординарецъ Государя, унтеръ-офицеръ Косьма Мачневъ, получилъ 17 ранъ.

Унтеръ-офицеръ Андрей Шошинъ раненъ въ голову.

---

[111]) «Голосъ». 1881 годъ. Изъ воспоминаній о службѣ въ Императорскомъ Конвоѣ П. Е. Кулебякина.

Казакъ Александръ Малевичъ раненъ въ бедро и грудь, умеръ черезъ десять минутъ послѣ раненія.

Казакъ Петръ Кузменко раненъ въ лѣвый глазъ и въ голову.

Казаки Михей Луценко, Никандръ Сагѣевъ и Иванъ Алейниковъ, всѣ трое получили раненія въ ноги.

Лошадей убито 2 и ранено 4.

(Кромѣ наряда для сопровожденія Царскаго экипажа, отъ Императорскаго Конвоя выставлялись конные посты отъ Зимняго Дворца по Набережной до Лѣтняго Сада и вокругъ его со стороны Фонтанки, Инженернаго Замка и Марсова поля.)

2-го марта Императорскій Конвой принесъ присягу Государю Императору АЛЕКСАНДРУ III АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Послѣ церемоніи принесенія присяги, ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА выѣхали изъ Зимняго Дворца въ закрытомъ экипажѣ, за которымъ слѣдовало всего лишь три казака Конвоя. Населеніе столицы, возмущенное совершеннымъ преступленіемъ 1-го марта, съ необычайнымъ энтузіазмомъ привѣтствовало Государя Императора АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА и Государыню Императрицу МАРІЮ ѲЕОДОРОВНУ.

3-го марта происходили похороны убитаго вмѣстѣ съ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ II Его конвойца, казака Александра Малевича. Малевичъ принадлежалъ къ старообрядцамъ, пріемлющимъ священство. За гробомъ покойнаго шли командиръ и офицеры Конвоя, а также взводъ Л.-Гв. Терскаго казачьяго эскадрона, въ парадной формѣ.

Отпѣваніе и похороны были на Громовскомъ кладбищѣ; при этомъ старообрядческій священникъ впервые не встрѣтилъ препятствій къ отправленію публичнаго богослуженія на самомъ кладбищѣ.

Осиротѣвшей семьѣ казака Малевича Высочайше назначена пенсія въ 100 рублей. Всѣ конвойцы, раненые 1-го марта 1881 года, вышли въ отставку, получивъ, въ скорбную память смерти Государя Императора АЛЕКСАНДРА II, спеціально изготовленныя серебряныя медали. Казаки произведены въ унтеръ-офицеры, и всѣмъ имъ, по приказу Государя Императора АЛЕКСАНДРА III, назначены пенсіи: Мачневу 150 рублей; Шошину 100 рублей; Луценко, Кузменко, Сагѣеву и Алейникову по 60 рублей.[112])

Въ субботу 7-го марта главныя улицы Петербурга, по которымъ было назначено перенесеніе тѣла Императора АЛЕКСАНДРА II НИКОЛАЕВИЧА, облеклись въ глубокій трауръ. На перекрестныхъ улицахъ, прилегавшихъ къ пути слѣдованія кортежа, стоялъ опечаленный русскій народъ.

Траурное шествіе началось въ 11 часовъ 30 минутъ утра. За главнымъ церемоніймейстромъ слѣдовали 2 эскадрона Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

---

112) Пр. 1881 года. 21-го марта. № 73.



ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ III АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
Изволилъ числиться въ Собственномъ Конвоѣ
съ 29-го мая 1859 года.
Въ Бозѣ почилъ 20-го октября 1894 года.

Весь кортежъ раздѣлялся на 12 отдѣленій, предводимыхъ особыми церемоніймейстрами; въ немъ были представители всей Россіи, провожая погибшаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА II въ Его пути къ мѣсту упокоенія.

Кортежъ былъ настолько великъ, что въ то время, когда гробъ съ покойнымъ Государемъ находился у Зимняго Дворца, эскадроны Государева Конвоя двигались по Васильевскому острову.

Въ два часа дня траурный катафалкъ приблизился къ Іоанновскимъ воротамъ Петропавловской крѣпости.

Десять минутъ спустя, гробъ съ тѣломъ убіеннаго Царя-Освободителя былъ внесенъ въ соборъ Государемъ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ III АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ съ Великими Князьями — Сыновьями и Братьями въ Бозѣ почившаго Монарха.

Торжественное погребеніе состоялось 15-го марта.[113])

6-го октября 1883-го года, въ Высочайшемъ присутствіи, на освященномъ мѣстѣ взрыва был заложенъ храмъ. На торжество закладки храма собраны были Знамена и Штандарты всѣхъ гвардейскихъ частей. Отъ кавалеріи участвовалъ сводный эскадронъ, въ которомъ находились: Штандартъ, адъютантъ, 3 унтеръ-офицера и 7 казаковъ Собственнаго Императорскаго Конвоя.[114])

Всѣмъ чинамъ Императорскаго Конвоя, состоявшимъ на службѣ въ строю по 1-е марта 1881 года, Высочайше повелѣно имѣть вензелевое изображеніе Имени погибшаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА II на эполетахъ и погонахъ у офицеровъ, и на плечевыхъ шнурахъ у казаковъ. Юнкерамъ и оруженосцамъ Кавказскаго эскадрона вензеля положено имѣть на мундирахъ, съ лѣвой стороны груди и на погонахъ плащей.[115])

Послѣ злодѣянія, совершеннаго 1-го марта, наряды для несенія службы при Высочайшемъ Дворѣ были значительно усилены, и численный составъ Конвоя оказался недостаточнымъ.

По поводу увеличенія штатовъ Императорскаго Конвоя, Главнымъ Штабомъ отъ военнаго министра генерала графа Милютина было получено слѣдующее Высочайшее повелѣніе:

> «Государь Императоръ повелѣлъ находящійся въ Варшавѣ Кубанскій казачій дивизіонъ перемѣстить неотлагательно въ Петербургъ. Объ этой Высочайшей волѣ ставлю въ извѣстность, для приведенія въ исполненіе.
>
> Кавказское начальство приметъ на себя разработку предположенія о сліяніи означеннаго дивизіона съ Собственнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоемъ, причемъ необходимо принять въ основаніе размѣръ производимыхъ на дивизіонъ расходовъ».

---

[113]) «Голосъ» 1881 годъ №№ 62, 63, 66 и 67.
[114]) Дѣло Конвоя № 26 — 1883 годъ.
[115]) Приказъ Воен. Вѣд. 1881 года. 21 марта №73 с 15 апр. № 98.

Кубанскій казачій дивизіонъ прибылъ изъ Варшавы въ Петербургъ 29-го апрѣля 1881 года, и въ тотъ же день участвовалъ на репетиціи майскаго парада. На репетиціи войсками командовалъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ. Его Высочеству доложили, что дивизіонъ прямо съ похода прибылъ на репетицію.

На парадѣ дивизіонъ произвелъ прекрасное впечатлѣніе. Всѣ движенія и перестроенія его были безукоризненно точны и правильны. По окончаніи парада дивизіонъ, выстроенный въ пѣшемъ строю въ манежѣ Конной Гвардіи, смотрѣлъ Великій Князь Михаилъ Николаевичъ съ своими сыновьями.

Великій Князь Михаилъ Николаевичъ представилъ дивизіону своихъ дѣтей и объявилъ, что дивизіонъ вызванъ изъ Варшавы въ помощь службѣ Императорскому Конвою.

Государю Императору Кубанскій дивизіонъ представился въ Гатчинѣ, на разводной площадкѣ, послѣ чего чины его выставили внутренній караулъ въ покояхъ Императорскаго Дворца и наружный.

Въ Гатчинскомъ Дворцѣ внутренній караулъ отъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА имѣлъ 9 постовъ: въ «китайской» галлереѣ, пріемной комнатѣ, у столовой (парный), опочивальни ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, опочивальни Августѣйшихъ дѣтей, у винтовой лѣстницы, Собственнаго подъѣзда и на «медвѣжьей» площадкѣ».[116])

Во Дворецъ внутренній караулъ отъ Конвоя наряжался въ составѣ: 1 офицеръ и 33 конвойца, по расчету — 3 смѣны на 9 постовъ, 3 унтеръ-офицера и 3 запасныхъ казака.

Наружный караулъ занималъ 10 постовъ, равномѣрно распредѣленныхъ кругомъ «звѣринца». На ночь караулъ усиливался 3-мя конными и, внутри парка, 3-мя пѣшими постами. Всего въ наружный караулъ назначалось: 1 офицеръ, 6 унтеръ-офицеровъ и 48 казаковъ, къ нимъ на ночь — 6 конныхъ и 10 пѣшихъ казаковъ.

(Посты вокругъ звѣринца: отъ каменной стѣны до Пильнинскаго моста, отсюда до перваго угла, далѣе до елокъ, угла Егерскихъ воротъ, угла Орловской рощи вдоль сѣверной ограды, заворота, возвышеннаго мѣста, Вайловскихъ воротъ, Красныхъ казармъ и до угла Красныхъ казармъ внутри парка — всѣ постоянные конные посты; затѣмъ выставляемые только ночью: конные — на углу около Красныхъ казармъ, у Вайловскихъ воротъ внутри парка, между постами у Орловской рощи и заворота; пѣшіе — отъ Черныхъ воротъ до ручья, далѣе до средней аллеи и, наконецъ, до каменной стѣны).

Но съ предполагаемымъ присоединеніемъ Кубанскаго казачьяго дивизіона («Варшавскаго дивизіона», какъ обычно его называли) къ Конвою ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, возникли большія затрудненія. А именно:

---

[116]) Распредѣленіе постовъ внутренняго караула въ Гатчинскомъ Дворцѣ, по воспоминаніямъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, въ письмѣ отъ I-го октября 1958 года.

1) Кубанское казачье Войско должно было формировать новыя сотни для службы въ Варшавѣ.

2) Съ включенiемъ прибывшей части въ Собственный Конвой, увеличивался расходъ на гвардейское содержанiе ея.

3) Главнокомандующий Варшавскимъ Военнымъ Округомъ усиленно ходатайствовалъ передъ Государемъ Императоромъ о возвращенiи дивизiона обратно въ Варшаву и просилъ «не лишать его этой образцовой части».

Въ результатѣ разрѣшенiя всѣхъ этихъ вопросовъ, Государю Императору благоугодно было лично передать Великому Князю Михаилу Николаевичу, что разработка вопроса о слiянiи Кубанскаго казачьяго дивизiона съ Императорскимъ Конвоемъ должна быть отложена до особаго Высочайшаго повелѣнiя, и что пока дивизiонъ слѣдуетъ считать въ командировкѣ въ Петербургѣ.

Въ виду создавшагося положенiя, управленiе дивизiона осталось на прежнихъ основанiяхъ, на какихъ оно было учреждено при расположенiи части въ Варшавѣ. Дивизiонъ подчиненъ былъ не командиру Конвоя, а непосредственно начальнику штаба войскъ гвардiи и Петербургскаго военнаго округа.[117])

Однако, условiя службы Конвоя требовали безусловнаго увеличенiя его штатовъ, а потому, взамѣнъ проекта о слiянiи «Варшавскаго дивизiона» съ Императорскимъ Конвоемъ, былъ предложенъ новый проектъ объ увеличенiи Кавказской гвардiи.

Кавказское начальство ходатайствовало о формированiи еще одного эскадрона отъ Терскаго казачьяго Войска, мотивируя это тѣмъ, что оно не только не обременитъ Войско, но будетъ желанной наградой терцамъ за ихъ 300-лѣтнюю вѣрную службу Россiи.

Изъ 4-хъ эскадроновъ Конвоя предполагалось имѣть постоянно на службѣ два эскадрона — одинъ отъ Кубанскаго и одинъ отъ Терскаго казачьихъ Войскъ, и столько же на льготѣ. Смѣну производить въ три года разъ и не одновременно, а такъ, чтобы въ Петербургѣ постоянно находился одинъ эскадронъ, чины котораго вполнѣ усвоили всѣ требованiя придворной службы. Срокъ смѣны эскадроновъ, перевозимыхъ по желѣзной дорогѣ, прiурочить къ 15-му октября, а не къ 10-му августа, когда эскадроны шли походнымъ порядкомъ.

Дабы не отрывать отъ полевыхъ работъ казаковъ, находящихся на льготѣ, по новому положенiю они должны были собираться къ 1 сентября.

Согласно приведенныхъ основанiй, преобразованiе Конвоя Высочайше утверждено 2-го декабря 1881 года.

Въ каждомъ эскадронѣ положено имѣть: одного ротмистра, одного штабсъ-ротмистра, одного поручика и одного корнета. Добавлены къ штатамъ ветеринарный фельдшеръ одинъ и одинъ кузнецъ.

---

[117]) Арх. Г. У. К. В. дѣло № 22. 1881 г. Приказъ в. в. 12 авг. 1881 г. № 230.

Терскимъ эскадронамъ, наравнѣ съ Кубанскими, присвоены №№ 1-й и 2-й.

Изъ штатовъ Кавказскаго и казачьяго эскадроновъ выдѣленъ штатъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, по которому должны постоянно находиться на службѣ: Командиръ Конвоя, адъютантъ, казначей, старшій врачъ, ветеринарный врачъ и смотритель казармъ.

Четыре трубача переведены въ штатъ Конвоя, въ вѣдѣніе адъютанта и переименованы въ трубачи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.[118])

О пріемѣ и переводѣ офицеровъ въ Конвой были Высочайше утверждены особыя правила:

> «Удостаивать къ пріему отличнѣйшихъ офицеровъ, въ знакъ особой высшей награды за ихъ безупречную службу, и только чиномъ корнета, изъ строевыхъ частей Кавказскихъ казачьихъ Войскъ, притомъ природныхъ кубанцевъ и терцевъ, окончившихъ по первому разряду курсъ военныхъ или юнкерскихъ училищъ. Избираемыхъ прикомандировывать къ Конвою для испытанія, на срокъ не менѣе шести мѣсяцевъ; свободныя же офицерскія вакансіи въ льготныхъ эскадронахъ замѣщать только при отправленіи ихъ на службу».[119])

По окончаніи военнаго училища, офицеры производились въ армейскіе казачьи полки. Послуживши въ армейскихъ полкахъ не менѣе 2-хъ лѣтъ, офицеры, въ чинѣ сотника, прикомандировывались къ Конвою предварительно «на предметъ испытанія и перевода впослѣдствіи».

Рѣшеніе о прикомандированіи кандидатовъ и о ихъ переводѣ въ Конвой выносилось обществомъ г. г. офицеровъ. Командиръ Конвоя не принималъ участія въ рѣшеніи г. г. офицеровъ, только лишь таковое утверждалъ.

По истеченіи положеннаго шестимѣсячнаго срока, прикомандированный офицеръ или переводился въ Конвой, или откомандировывался обратно въ свой полкъ. О рѣшеніи г. г. офицеровъ прикомандированному офицеру сообщалъ адъютантъ Конвоя.

Исключеніе — назначеніе въ Собственный Конвой, по Высочайшему повелѣнію. Обычно переводъ прикомандированныхъ офицеровъ назначался въ день Праздника Конвоя, 4-го октября, когда Государь Императоръ лично ихъ поздравлялъ съ переводомъ въ Свой Конвой.

Кубанскій казачій дивизіонъ («Варшавскій») временно былъ оставленъ на службѣ при Высочайшемъ Дворѣ, неся караулъ въ мѣстахъ пребыванія Императорскихъ Резиденцій.

Въ Гатчинѣ Кубанскій дивизіонъ несъ службу охраны Высочайшаго Двора совмѣстно съ Собственнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоемъ. Дивизіонъ занималъ конными ночными постами Ингенбургскую

---

[118]) Пр. в. в. 2-го декабря 1881 года. № 331.
[119]) Пр. в. в. 17-го декабря 1881 года. № 331.

часть города, въ то время какъ отъ Конвоя выставлялись посты въ Маріенбургской части.[120])

Въ Петергофѣ ежедневно во Дворецъ назначалось 3 унтеръ-офицера и шесть казаковъ; съ восьми часовъ утра два взвода при оберъ-офицерахъ держали конные разъѣзды по Англійскому парку, Знаменкѣ и Александровскому парку. Въ Монплезирѣ дежурилъ офицеръ съ тремя казаками.[121])

Одновременно съ новымъ, Высочайше утвержденнымъ штатомъ Конвоя, Кубанскому казачьему дивизіону дано старшинство со дня сформированія бывшаго Сборно-Линейнаго казачьяго полка, т. е. съ 1-го декабря 1830 года, и пожаловано Знамя бывшаго Кавказскаго Сводно-Казачьяго полка, съ надписью: «За отличную храбрость, оказанную въ дѣлахъ съ мятежными венграми и за пораженіе ихъ подъ Дебречиномъ 21 Іюля 1849 года.»[122])

Такимъ образомъ, Кубанскій казачій дивизіонъ получилъ старшинство части, давшей первый комплектъ казаковъ въ Гвардейскую Линейную казачью команду Собственнаго Императорскаго Конвоя.

21-го августа 1882 года прибылъ со льготы въ Петербургъ Л.-Гв. 1-й Кубанскій эскадронъ.

«Варшавскій» дивизіонъ, послѣ Высочайшаго смотра и Государевой благодарности за примѣрную службу, отбылъ въ Варшаву.

Въ это время на Кавказѣ было закончено формированіе новаго Терскаго эскадрона, который выступилъ въ Петербургъ 3-го октября 1882 года, а 18-го числа представился Государю Императору въ Гатчинѣ, въ большомъ кирасирскомъ манежѣ.

---

[120]) Пред. Командиру Конвоя 22 ноября. 1881. г. № 109.

[121]) Всего въ Петергофѣ наряжалось отъ Собственнаго Конвоя: въ Англійскій паркъ I офицеръ, 6 ун.-оф., 48 казаковъ; въ Знаменку и Александровскій паркъ 1 оф., 6 ун.-оф., 36 казаковъ; въ Монплезиръ 1 оф., 1 ун.-оф., 2 казака. Въ Александріи у наружныхъ дверей коттеджа — 1 ун.-оф. и 2 каз. (пѣшіе). Постоянные конные посты: въ Англ. паркъ-1. у гранильн. фабрики-къ мостамъ и по шоссе къ дачѣ принца Ольденбургскаго; 2. у воротъ противъ кирки — къ мосту, по берегу пруда и къ учебному полю; 3. у въѣзда съ учебн. поля — по аллеямъ, къ Березовому дому и къ Никольскому домику; 4. у въѣзда со стороны дачи принца Ольденбургскаго и къ вокзалу Стар. Петергофъ; 5. у Чернаго пруда-по дорогамъ въ госпиталь, къ вокзалу Стар. Петергофъ и къ Заячьему ремизу; 6. у павильона Озерки-по липовой аллеѣ и по берегу прудовъ къ Никольскому домику.

По шоссе — 1-первая половина разстоянія отъ телеграфной станціи и до главнаго пѣхотнаго караула; 2. -вторая половина того же разстоянія.

По Александр. парку-отъ воротъ къ вокзалу Новый Петергофъ къ другимъ воротамъ на ж. дорогу, отсюда — за уголъ къ камню, что у канавы, далѣе до главнаго пѣхотнаго караула, отъ воротъ противъ телегр. дома — по аллѣе къ выходящимъ на Нов. Петергоф. вокзалъ воротамъ.

По взморью — по верхней дорогѣ, по средней аллѣе, по берегу моря. Всего на три смѣны-3 ун.-оф., 6 казаковъ пѣшихъ, въ Александрію и 6 ун.-оф. и 45 казаковъ, на конные посты.

Постовая вѣдомость и приказы по Конвою 1881—1894 г. г.

С. Петинъ. С. О. В. Конвой. стр. 241.

[122]) Пр. воен. вѣд. 27-го ноября. 1881 года. № 325.

Въ 1882 году, въ первый день Рождества Христова, конвойцы имѣли честь присутствовать на Императорской елкѣ, по желанію ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, впервые для нихъ устроенной. Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА изволила лично г. г. офицерамъ и казакамъ Собственнаго Конвоя раздавать елочные подарки.

Съ тѣхъ поръ, во всѣ послѣдующіе годы, для чиновъ Собственнаго Императорскаго Конвоя, а впослѣдствіи и для чиновъ Собственнаго Сводно-Пѣхотнаго полка на праздникъ Рождества Христова устраивалась Царская елка.

Въ Гатчинѣ, при Императорѣ АЛЕКСАНДРѢ III, елка для Конвоя устраивалась въ манежѣ Л.-Гв. Кирасирскаго ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ полка. На ней, кромѣ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, присутствовали: Его Императорское Высочество Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Ихъ Императорскія Высочества Великія Княжны Ксенія и Ольга Александровны.

Послѣ смерти Государя, Государыня Императрица устраивала елку для офицеровъ и казаковъ Конвоя во Дворцѣ. На этой елкѣ всегда присутствовали: Великій Князь Михаилъ Александровичъ и Великая Княжна — впослѣдствіи Княгиня Ольга Александровна, а иногда и Великая Княгиня Ксенія Александровна со своими Августѣйшими дѣтьми.[123])

5-го мая 1883 г. выступили въ Москву эскадроны Конвоя на торжество Коронаціи ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Въ Москвѣ казаки Конвоя были размѣщены за Москвой-рѣкой, противъ Большого Дворца. Офицерамъ было отведено помѣщеніе въ частномъ домѣ, рядомъ съ Румянцевскимъ музеемъ.

8-го мая въ Москву прибыли Государь и Государыня и направились въ Петровскій Дворецъ. Отъ Конвоя, кромѣ «Встрѣчи» на вокзалѣ (1 оф., 1 унт.-оф., и 2 каз.) въ Петровскомъ Дворцѣ находился караулъ въ составѣ: 1 офицеръ, 1 унт.-оф. и 15 казаковъ. Торжественный въѣзд ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ древнюю столицу Россіи былъ совершенъ 10-го мая 1883 г. Въ этотъ день, помимо наряда въ Петровскомъ Дворцѣ, отъ Конвоя былъ выставленъ караулъ и въ Нескучномъ Дворцѣ, а также вокругъ Дворца конный разъѣздъ, въ составѣ 1 унт.-оф. и 18 казаковъ. Передъ началомъ Высочайшаго въѣзда въ Москву, Императорскій Конвой выстроился въ конномъ строю по Всѣхсвятской улицѣ, лѣвымъ флангомъ къ Большому Дворцу.

По данному сигналу, Конвой открылъ шествіе, ставъ во главѣ его. Ровно въ 3 часа эскадроны Конвоя подошли къ Красной площади. За алымъ строемъ конвойцевъ слѣдовали многочисленныя депутаціи отъ всѣхъ народовъ и сословій Россіи.

Пышными чалмами и тюрбанами всевозможныхъ цвѣтовъ выдѣлялись представители азіатскихъ народовъ.

---

[123]) Изъ письма Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны, отъ I-го октября 1958 года.

Далѣе блестѣлъ длинный рядъ дворцовыхъ каретъ, каждая запряженная шестеркою свѣтло-сѣрыхъ лошадей въ золотой сбруѣ, съ придворными чинами, егерями Императорской охоты и дворцовою прислугою въ золоченыхъ ливреяхъ.

Величественно, стройно и красиво двигалась историческимъ путемъ процессія, въ центрѣ которой былъ Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, верхомъ на конѣ, имѣя на Себѣ общегенеральскій мундиръ. За ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ слѣдовалъ Государь Наслѣдникъ и Великій Князь Николай Александровичъ, Великіе Князья и иностранные принцы.

За каретою Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ находилась группа генералъ-адъютантовъ и военная свита иностранныхъ особъ.

У Иверской Божьей Матери Государь сошелъ съ коня. Вся процессія остановилась. Торжественная тишина воцарилась въ ту минуту, когда ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА прикладывались къ Русской Святынѣ. Массы народа набожно творили крестное знаменіе, моля Господа Бога о дарованіи благополучія Государю и Родинѣ.

Выходъ Августѣйшей Четы изъ часовни Иверской Божьей Матери возвѣстилъ колокольный звонъ всѣхъ московскихъ церквей и салютъ артиллеріи.[124])

Въ 4 часа ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА возвратились въ Кремлевскій Дворецъ.

15-го мая 1883 года Москва, а съ нею и вся Россія, праздновала Коронацію ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Въ этотъ историческій день Собственный Конвой занималъ караулы въ Кремлевскомъ (3 унтеръ-офицера и 21 казакъ) и Нескучномъ (1 офицеръ, 4 унтеръ-офицера и 34 казака) Дворцахъ.

Кромѣ того, въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго Дворца находился взводъ съ двумя Штандартами Конвоя, и для шпалеръ составленъ взводъ изъ 56 казаковъ при четырехъ офицерахъ и четырехъ вахмистрахъ.

Этотъ взводъ выставилъ шпалеры отъ колокольни Ивана Великаго у выходовъ Благовѣщенскаго и Архангельскаго Соборовъ.

Весь путь Царскаго слѣдованія въ Успенскій Соборъ, охраняемый взводами полковъ гвардейской кавалеріи, былъ устланъ алымъ ковромъ.

Отъ Краснаго Крыльца путь пролегалъ черезъ Успенскій Соборъ на Кремлевскую площадь и, мимо Соборовъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго, возвращался на Красное Крыльцо.

Сотни тысячъ народа наполнили Кремль, стояли за Кремлемъ, за Москвой-рѣкой и на набережной.

Съ Краснаго Крыльца появились высшіе государственные сановники съ Императорскими Регаліями.

---

[124]) «Новое Время». 1883 г. № 2583.

32 генералъ-адъютанта несли коронаціонный Балдахинъ, подъ которымъ шествовали Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Ровно въ 10 часовъ и 30 минутъ раздался орудійный салютъ и колокольный звонъ.

Государь Императоръ вѣнчался на Царство!

Когда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III, при обратномъ шествіи, появился въ Коронѣ и Порфирѣ, со Скипетромъ и Державою въ рукахъ, стѣны Кремля дрогнули отъ привѣтствія народа.

За Государемъ слѣдовала Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Лицо Ея свѣтилось ласкою и добротою. Еще разъ бурнымъ порывомъ загремѣло могучее «ура», когда ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА взошли на Красное Крыльцо и оттуда поклонились народу.[125])

Въ этотъ день командиръ Конвоя, флигель-адъютантъ полковникъ Ивашкинъ-Потаповъ, удостоенъ Высочайшаго благоволенія. Офицеры Конвоя награждены: полковникъ Скакунъ и ротмистръ Бѣжановъ орденомъ Св. Анны 2-й степени. Ротмистръ Булгаковъ и штабсъ-ротмистръ Федюшкинъ — орденомъ Св. Станислава 2-й степени. Поручикъ Ковалевъ — орденомъ Св. Станислава 3-й степени. Штабсъ-ротмистры Борзыковъ и Шерпутовскій произведены въ слѣдующій чинъ.[126])

17-го мая, въ Тронномъ (Андреевскомъ) залѣ Кремлевскаго Дворца, всѣ офицеры Императорскаго Конвоя принимали участіе въ поздравленіи ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

21-го числа на Ходынскомъ полѣ происходило грандіозное народное гулянье. Конвой несъ караулы въ трехъ Дворцахъ: Кремлевскомъ, Нескучномъ и Петровскомъ. Свободные отъ наряда конвойцы получили разрѣшеніе быть на праздникѣ.

На другой день Государь и Государыня, въ сопровожденіи командира Конвоя, одного офицера, одного унтеръ-офицера и трехъ казаковъ, посѣтили Сергіево-Троицкую лавру, поклонились мощамъ преподобнаго Сергія и осмотрѣли мѣстныя святыни.

Въ два часа дня, 22-го мая, для высокихъ иностранныхъ гостей и хивинскаго хана, въ присутствіи Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, была произведена джигитовка 2-хъ эскадроновъ Конвоя. Его Высочество лично отдавалъ всѣ приказанія. Конвойцы, джигитуя справа по одному, въ самыхъ причудливыхъ позахъ, мчались мимо зрителей, вызывая своею удалью удивленіе у иностранныхъ гостей.[127])

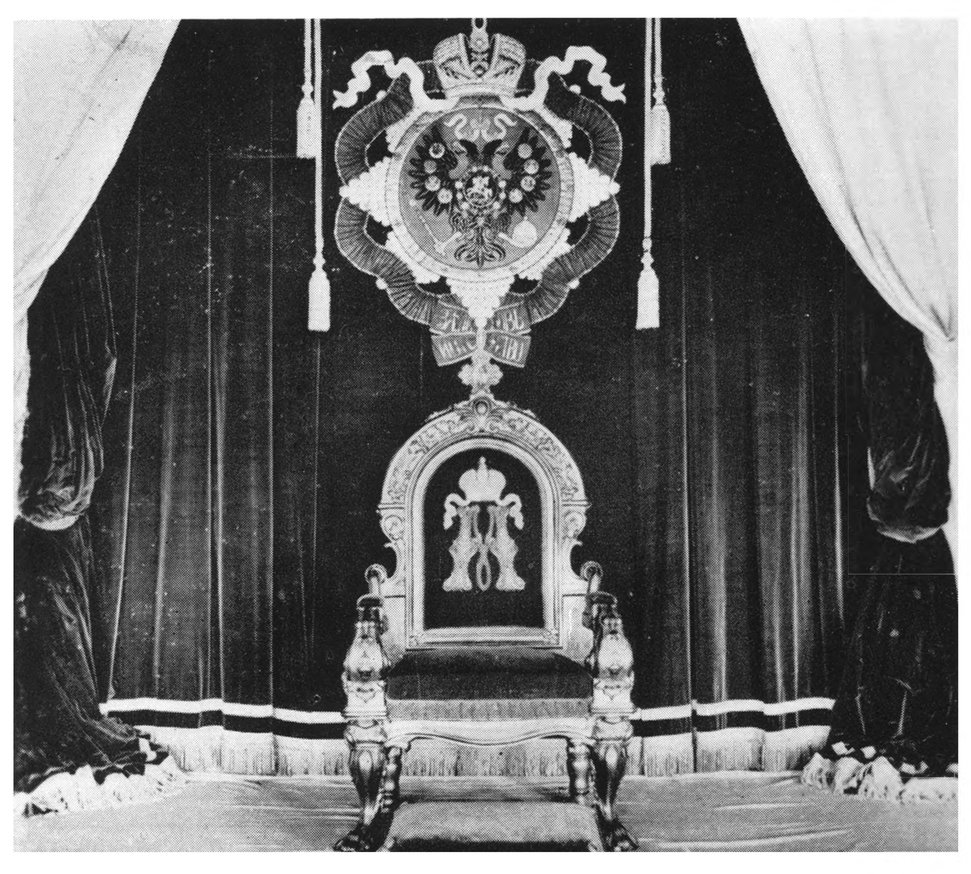
23-го мая Л.-Гв. Преображенскій и Л.-Гв. Семеновскій полки праздновали 200-лѣтній юбилей своего основанія. На церковномъ па-

---

[125]) С. Петинъ. Историческій Очеркъ — С. Е. В. Конвой. Стр. 246. «Новое Время». 17, 18 и 24-го мая 1883 года. №№ 2591, 2592 и 2598.

[126]) Приказы по Конвою за 1883 годъ.

[127]) «Новое Время» 24-го мая. 1883 года. № 2598.



Москва. Тронъ Государыни Императрицы
МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ
въ Екатерининскомъ залѣ Николаевскаго Дворца



Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
1886 годъ (18 лѣтъ).

радѣ полковъ отъ гвардейской кавалеріи участвовалъ сводный взводъ, въ составѣ котораго находились представители Конвоя: полковникъ Скакунъ, штабсъ-ротмистръ Федюшкинъ и два унтеръ-офицера.

Послѣ парада, Москва въ Сокольникахъ привѣтствовала обѣдомъ эти старѣйшіе полки Русской Гвардіи. Отъ Конвоя на обѣдѣ присутствовали всѣ офицеры и по 50 казаковъ отъ Кубанскаго и отъ Терскаго эскадроновъ. Обѣдъ Преображенцевъ и Семеновцевъ посѣтилъ Государь Императоръ и провозгласилъ здравицу за всю Русскую Армію.

25-го мая въ присутствіи Государя Императора и Государыни Императрицы былъ освященъ Храмъ Христа Спасителя, заложенный Императоромъ АЛЕКСАНДРОМЪ I въ память побѣды Россіи надъ полчищами Наполеона. На освященіи храма депутація отъ Конвоя, въ составѣ флигель-адъютанта полковника Ивашкина-Потапова, ротмистра Кухаренко и 2-хъ унтеръ-офицеровъ, стояла внутри храма, въ правомъ его крылѣ.

На площади противъ собора, на правомъ флангѣ всѣхъ частей, принимавшихъ участіе въ церковномъ парадѣ, находился сводный Кубанско-Терскій эскадронъ Конвоя съ двумя своими Георгіевскими Штандартами, изъ коихъ Кубанскій Штандартъ напоминалъ славный подвигъ подъ Лейпцигомъ и побѣду Императора АЛЕКСАНДРА I БЛАГОСЛОВЕННАГО.

Терскій эскадронъ, непосредственно послѣ парада, отбылъ на вокзалъ Николаевской желѣзной дороги, для дальнѣйшаго слѣдованія въ Петербургъ.

Коронаціонныя торжества закончились 28-го мая Высочайшимъ смотромъ всѣхъ войскъ, находящихся въ Москвѣ. Кубанскій эскадронъ весь день занималъ Дворцовые караулы, и на смотру участвовали только трубачи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и назначенные на ординарцы штабсъ-ротмистръ Крыжановскій и три унтеръ-офицера. Въ тотъ же день вечеромъ Царская Семья отбыла въ Петербургъ. Въ Императорскомъ поѣздѣ находились командиръ Конвоя, 1 офицеръ, 2 унтеръ-офицера и 14 казаковъ. Остальные чины Кубанскаго эскадрона, сдавъ караулы мѣстному гарнизону, отбыли въ Петербургъ спеціальнымъ эшелономъ.

Въ день Праздника Конвоя, 4-го октября 1883 года, Высочайше утвержденъ особый нагрудный знакъ за службу въ Собственномъ Конвоѣ, состоящій изъ вензелеваго изображенія Имени Императора АЛЕКСАНДРА III, съ Короною наверху.

Вензель окружался лавровымъ вѣнкомъ, переплетеннымъ Андреевской лентой, съ надписью на ней золотыми буквами: вверху — «За службу въ Конвоѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА», а внизу — «4-го октября 1883 года».

Офицерскій знакъ — золотой, съ лентою голубой эмали; для унтеръ-офицеровъ и казаковъ — изъ бѣлаго металла и посеребренный.

24-го мая 1884 года утверждено положеніе объ этомъ знакѣ. Право ношенія его сохранили всѣ чины Конвоя, при переводѣ въ другія ча-

сти и при увольненіи отъ службы. Знакъ жаловался не иначе, какъ за безпорочную службу въ Конвоѣ въ теченіе трехъ лѣтъ.

Офицерскій знакъ для служившихъ въ царствованіе Императора АЛЕКСАНДРА III и Императора НИКОЛАЯ II — золотой, чеканной работы, состоялъ изъ двухъ перекрещивающихся буквъ А III и Н II, окруженныхъ вѣнкомъ изъ лавровой и дубовой вѣтвей; при соединеніи ихъ, надъ двойнымъ вензелемъ — Императорская Корона. Вѣтви обвиты голубой эмалевой лентой съ бантомъ внизу.

На лентѣ надпись на перехватахъ вѣнка: «4-го октября 1894», на бантѣ — «За службу въ НАШЕМЪ Конвоѣ».

Для начавшихъ службу въ Конвоѣ въ царствованіе Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, знакъ внутри имѣетъ одну букву Н II, съ Короной надъ нею, а на лентѣ надпись: «4-го октября 1895» и «За службу въ МОЕМЪ Конвоѣ».[128])

При 4-хлѣтнемъ срокѣ дѣйствительной службы казаковъ Конвоя, появилась необходимость измѣнить правила комплектованія эскадроновъ, а главное, отказаться отъ смѣны цѣлыми эскадронами, ибо чины ихъ, прослуживъ въ Петербургѣ смѣнный періодъ (3 года), замѣнялись молодыми казаками, прибывшими изъ Войска, въ то время, какъ служба въ Конвоѣ требовала того, чтобы въ первоочередныхъ эскадронахъ находились люди, вполнѣ подготовленные ко всѣмъ требованіямъ своего высокаго назначенія.

На основаніи сего, Атаманы Кубанскаго и Терскаго казачьихъ Войскъ ходатайствовали о разрѣшеніи предоставить возможность старослужилымъ казакамъ и преимущественно георгіевскимъ кавалерамъ быть принятыми на сверхсрочную службу въ Государевъ Конвой, т. к. «почетная служба Собственнаго Конвоя должна составлять исключительную награду испытаннымъ казакамъ за ихъ образцовое усердіе въ строевой и боевой службѣ».[129])

Въ 1886 году утверждена штатная должность помощника командира Конвоя. Первымъ помощникомъ былъ кубанецъ-полковникъ Ковалевъ. По его иниціативѣ, съ разрѣшенія Командующаго Императорской Главной Квартирою, основанъ офицерскій капиталъ Конвоя, для чего на первый разъ сдѣланъ 10% вычетъ изъ содержанія офицеровъ, затѣмъ установлены законные 6% вычеты. (Пр. по Конв. 9 янв. 1886 г. № 9).

Въ 1887 году, 30-го августа, флигель-адъютантъ полковникъ Ивашкинъ-Потаповъ произведенъ въ генералъ-маіоры и зачисленъ въ запасъ гвардейской кавалеріи.

Въ командованіе Конвоемъ вступилъ флигель-адъютантъ полковникъ В. А. Шереметевъ. Новымъ командиромъ Конвоя былъ разработанъ проектъ о разворачиваніи Конвоя въ полкъ, съ наименова-

[128]) Съ 1889 года знакъ за службу въ Собственномъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоѣ жаловался по удостоенію, безъ обязательной выслуги 3-лѣтняго срока.

[129]) Арх. Г. У. К. В. Дѣло 2 от. ст. 3, ст. 10. — 1889 годъ.

ніемъ: Л.-Гв. Кавказскій казачій полкъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.[130])

Проектъ этотъ, по финансовымъ соображеніямъ, временно былъ отложенъ, и 9-го іюня 1889 года Высочайшимъ приказомъ положено:

1. «КОНВОЮ СОСТОЯТЬ ИЗЪ ДВУХЪ СЛУЖАЩИХЪ ЭСКАДРОНОВЪ КУБАНСКАГО И ТЕРСКАГО И ДВУХЪ ТАКИХЪ ЖЕ ЛЬГОТНЫХЪ, ПРИЗЫВАЕМЫХЪ НА ДѢЙСТВИТЕЛЬНУЮ СЛУЖБУ ТОЛЬКО ПО ОСОБОМУ ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛѢНІЮ.
2. Изъ 28 офицеровъ Конвоя, 2-мъ эскадроннымъ командирамъ и 10 младшимъ офицерамъ находиться поочередно 3 года на службѣ и 3 года на льготѣ, прибывая въ Петербургъ къ 1 іюня, со смѣнными командами казаковъ.
3. Въ мирное время льготные эскадроны ежегодно созывать въ учебные сборы: Кубанскій — въ станицѣ Пашковской, Терскій — въ станицѣ Прохладной.
4. Въ эскадроны зачислять отличнѣйшихъ казаковъ, заблаговременно выбираемыхъ по всему войску эскадронными командирами. Такіе казаки составятъ полуэскадроны, а въ другіе полуэскадроны зачислять окончившихъ службу въ первоочередныхъ эскадронахъ.
5. Для перевода казаковъ въ Конвой преимущество оказывать имѣющимъ боевое отличіе. По собственному желанію допускать лицъ, только выслужившихъ срокъ дѣйствительной службы».

По новому положенію, производство всѣхъ офицеровъ Конвоя допущено въ мирное время только на вакансіи, съ общимъ учетомъ ихъ по всѣмъ 4-мъ эскадронамъ.

Въ 1886 году въ Конвоѣ учреждена учебная команда; начальникъ ея назначался по усмотрѣнію командира Конвоя и утверждался Министромъ Императорскаго Двора, которому Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА непосредственно былъ подчиненъ.

Кромѣ начальника учебной команды, одинъ изъ офицеровъ назначается завѣдующимъ оружіемъ. Свободныя офицерскія вакансіи пополняются только въ первоочередныхъ эскадронахъ. Адъютантъ и казначей производятся наравнѣ съ младшими офицерами.

Вахмистра утверждаются въ должности Командующимъ Императорской Главной Квартирой, въ виду ихъ службы ординарцами у Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича. Всѣ же прочіе чины утверждаются въ должности командиромъ Конвоя, по общему положенію объ управленіи полкомъ.

Командиру Конвоя вмѣняется въ обязанность, въ концѣ каждаго года, представлять Министру Императорскаго Двора списокъ чиновъ Конвоя:

---

[130]) Дѣло Конвоя № 42 — 1887 годъ.

1. оставляемыхъ на сверхсрочную службу;
2. подлежащихъ перечисленію на льготу;
3. перечисленныхъ въ общій комплектъ частей Кавказскихъ казачьихъ Войскъ, въ запасъ и отставку.

Казаки Конвоя, перечисленные во 2-ю и 3-ю очередь, въ случаѣ призыва на дѣйствительную службу въ армейскіе полки, сохраняютъ за собою гвардейскія отличія.

О трубачахъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА введено новое положеніе: они избираются не только изъ Кавказскихъ казачьихъ полковъ, но и изъ всей русской кавалеріи.

Такъ какъ проектъ о разворачиваніи Конвоя въ полкъ не былъ разрѣшенъ, то командиръ Конвоя флигель-адъютантъ полковникъ Шереметевъ вновь возбудилъ ходатайство объ увеличеніи штатовъ Конвоя. Въ своемъ рапортѣ отъ 17-го января 1890 года, за № 53, командиръ указывалъ, что всего въ 2-хъ эскадронахъ (служащихъ) было 367 человѣкъ, изъ нихъ: 20 казаковъ на постоянныхъ должностяхъ, 136 человѣкъ — нарядъ въ Гатчинѣ и 17 человѣкъ въ Петербургѣ. Кромѣ того, больные, слабые и случайный расходъ. Всего ежедневно въ расходѣ — 170 человѣкъ. «При существующемъ положеніи», доносилъ командиръ Конвоя, «казакамъ приходится служить черезъ день въ теченіе 6-1/2 мѣсяцевъ пребыванія Высочайшаго Двора въ Гатчинѣ. Такія условія службы, особенно осенью и зимою, совершенно исключаютъ возможность необходимыхъ строевыхъ занятій съ молодыми казаками, а большой расходъ людей не позволяетъ держать учебной команды. Свободный отъ наряда день казаку нуженъ не только для отдыха, но и для содержанія въ полномъ порядкѣ своего вооруженія, снаряженія и обмундированія. Но свободный отъ наряда день нуженъ и для занятій. При такихъ совершенно ненормальныхъ условіяхъ службы, увеличеніе штатовъ необходимо, по крайней мѣрѣ, на 160 человѣкъ».[131])

Ходатайство командира Конвоя объ увеличеніи штатовъ разрѣшено Высочайшимъ постановленіемъ:

1) штатъ первоочереднаго и льготнаго казачьяго эскадрона Собственнаго Императорскаго Конвоя увеличить на 80 строевыхъ казаковъ (75 конныхъ и 5 пѣшихъ);
2) увеличить и штатъ лошадей, на 75 строевыхъ и 80 вьючныхъ, но только въ первоочередномъ эскадронѣ;
3) добавляемыхъ въ служащіе казачьи эскадроны людей высылать въ маѣ, со смѣнными командами Конвоя, назначивъ ихъ изъ льготныхъ эскадроновъ, которые укомплектовать по положенію 1889 г.[132])

---

[131]) Арх. Г. У. К. В. Дѣло № 2. отд. 3. № 7 — 1890 годъ. Рапортъ командира Конвоя № 53. 17-го января 1890 года.
[132]) Приказъ № 247 за 1890 годъ.

Увеличенный составъ Конвоя позволялъ наряжать на службу полуэскадронъ, вмѣсто цѣлаго эскадрона.

Въ 1891 году, согласно личнаго пожеланія Августѣйшаго Атамана всѣхъ казачьихъ Войскъ, эскадроны Конвоя переименованы въ сотни, и всѣмъ чинамъ Конвоя присвоены общеказачьи наименованія.[133])

Въ виду особаго комплектованія чиновъ Государева Конвоя и происходившихъ все время въ его составѣ «измѣненій» и «добавленій», Главнымъ Управленіемъ казачьихъ Войскъ былъ пересмотрѣнъ и окончательно разработанъ штатъ Конвоя, Высочайше утвержденный 26-го мая 1891 года. Въ разработкѣ этого штата принималъ участіе офицеръ Конвоя, спеціально командированный для этой цѣли въ Главное Управленіе.[134])

По этому послѣднему штату положено имѣть: Командиръ Конвоя, въ чинѣ генералъ-маіора; вмѣсто завѣдывающаго хозяйствомъ есаула — 2 помощника, по строевой и хозяйственной части, въ чинѣ полковниковъ; 4 есаула — сотенныхъ командира; младшихъ офицеровъ — 4 подъесаула и 14 сотниковъ и хорунжихъ, въ томъ числѣ адъютантъ и казначей (он же и квартирмистръ), которыми могутъ быть и подъесаулы.

Одновременно съ утвержденіемъ новыхъ штатовъ Конвоя, льготныя гвардейскія сотни упразднены. Вмѣсто штаба Конвоя и двухъ первоочередныхъ сотенъ — всего 16 офицеровъ и 591 казаковъ, образованъ штабъ и 4 сотни на дѣйствительной службѣ. Составъ сотенъ: 5 офицеровъ (командиръ сотни и 4 младшихъ офицера) и 112 казаковъ (въ военное время 160 казаковъ).

Всего въ Конвоѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА опредѣлено имѣть 25 офицеровъ, по расчету: 4 сотни — 20 офицеровъ. Командиръ Конвоя — 1, помощниковъ командира — 2, адъютантъ — 1, казначей — 1.

Пополненіе Конвоя офицерами (непремѣнно природными казаками) допущено только изъ числа прослужившихъ не менѣе 2-хъ лѣтъ въ строевыхъ частяхъ Кавказскихъ казачьихъ Войскъ. Производство ихъ, вмѣсто общей линіи, раздѣлено по Кубанскому и Терскому дивизіонамъ, дабы предоставить командованіе въ сотняхъ исключительно офицерамъ своихъ же Войскъ.

Казаки принимались на прежнихъ основаніяхъ, но казаки первоочередныхъ частей, до поступленія въ Конвой, должны были проходить курсъ полковыхъ учебныхъ командъ.

Выборъ казаковъ въ Конвой, производимый командирами льготныхъ сотенъ, былъ возложенъ на Войсковое начальство, которое сдавало ихъ на сборныхъ пунктахъ командированнымъ изъ Петербурга офицерамъ Конвоя.[135])

Въ 1899 году это положеніе отмѣнено, и наборъ казаковъ въ Конвой снова возложенъ на офицеровъ Конвоя, для чего изъ Петербурга

---

133) Приказъ № 77 за 1891 годъ.
134) Воспоминанія о службѣ въ Конвоѣ есаула Милашевича.
135) Циркуляръ Гл. Штаба. 26 іюля 1892 года. № 116.

командировались на годъ, въ Кубанское и Терское Войско, по одному офицеру.

Окончательно реорганизованный по новому положенію Собственный Императорскій Конвой первый разъ представился Государю Императору АЛЕКСАНДРУ III АЛЕКСАНДРОВИЧУ въ полномъ своемъ 4-сотенномъ составѣ на Высочайшемъ смотру войскъ въ августѣ 1891 года.

Въ 1892 г. въ Петербургѣ основано офицерское собраніе.[136]) Офиціальное открытіе его состоялось 4-го октября, въ день Праздника Конвоя — въ 81-ю годовщину битвы подъ Лейпцигомъ.

Иниціаторомъ всѣхъ преобразованій Конвоя былъ командиръ его, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ Владиміръ Алексѣевичъ Шереметевъ.

17-го февраля 1893 года Конвой поразила внезапная смерть его командира, глубоко преданнаго командуемой Части. Въ этотъ день, за часъ до смерти, командира видѣли на улицѣ въ экипажѣ. Вернувшись домой, онъ почувствовалъ боль въ рукѣ и груди. Болѣзненные симптомы быстро сосредоточились въ сердцѣ, и въ 4 часа дня парализовали его дѣятельность.

Въ 5 часовъ Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III, Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и Великая Княжна КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА посѣтили вдову покойнаго командира Конвоя.

ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА и Высочайшія Особы присутствовали также на всѣхъ домашнихъ панихидахъ, и въ Сергіевскомъ соборѣ на отпѣваніи и на заупокойной литургіи.

По окончаніи отпѣванія, Государь Императоръ, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великіе Князья и лица Свиты Царской вынесли гробъ изъ собора. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III поддерживалъ гробъ съ тѣломъ командира Своего Конвоя съ правой стороны у изголовья.

Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой стоялъ въ конномъ строю, развернутымъ фронтомъ, лѣвымъ флангомъ къ собору, по Литейному проспекту.

Принявъ гробъ съ тѣломъ усопшаго своего командира, Конвой въ полномъ составѣ слѣдовалъ за гробомъ до вокзала Николаевской желѣзной дороги. Для преданія тѣла землѣ, вмѣстѣ съ семьей умершаго отбыла въ родовое имѣніе Шереметевыхъ (с. Покровское, за Москвою) депутація офицеровъ и казаковъ Конвоя.[137])

Глубоко чтимый всѣми чинами Конвоя и пользовавшійся ихъ общей любовью, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ Шереметевъ, до назначенія его Государемъ Императоромъ АЛЕКСАНД-

---

[136]) Разр. К. И. Г. К. 1892 г.
[137]) С. Петинъ. С. Е. В. К. стр. 264.

РОМЪ III командиромъ Своего Конвоя, былъ у Государя адъютантомъ, въ бытность Государя Наслѣдникомъ Престола.

2-го марта 1881 года, въ день восшествія на Престолъ Императора АЛЕКСАНДРА III, Владиміръ Алексѣевичъ Шереметевъ, въ чинѣ ротмистра Л.-Гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, былъ зачисленъ флигель-адъютантомъ къ Государю Императору.

Въ 1882 году былъ командированъ въ Данію, для объявленія королю Датскому о рожденіи Великой Княжны Ольги Александровны.

Въ 1884 году вступилъ во временное командованіе эскадрономъ Л.-Гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, и 30-го августа 1887 года назначенъ командиромъ Императорскаго Конвоя.

Въ 1888 году съ Высочайшаго разрѣшенія зачисленъ съ семействомъ въ Войсковое сословіе Кубанскаго казачьяго Войска, по станицѣ Прочноокопской, и Терскаго казачьяго Войска, по станицѣ Слѣпцовской. Состоя въ Свитѣ Наслѣдника Цесаревича и затѣмъ Государя Императора, В. А. Шереметевъ ежегодно сопровождалъ Августѣйшее Семейство во время путешествія въ Финляндію, въ Западный край, въ центральную Россію, въ Крымъ, на Кавказъ и заграницу.

17-го октября 1888 года, какъ командиръ Конвоя, съ соотвѣтствующимъ нарядомъ конвойцевъ находился въ Императорскомъ поѣздѣ, во время крушенія послѣдняго на станціи «Борки» Курско-Харьково-Азовской желѣзной дороги. Въ память чудеснаго спасенія Царской Семьи, лично Государемъ Императоромъ пожалованъ Нерукотворнымъ Образомъ Спасителя.

Послѣ смерти генерала В. А. Шереметева, по Высочайшему повелѣнію, 6-го мая 1893 года въ командованіе Конвоемъ вступилъ помощникъ командира Л.-Гв. Коннаго полка, полковникъ баронъ Мейендорфъ, которому 26-го февраля 1894 года Государь Императоръ пожаловалъ званіе Своего флигель-адъютанта.

Въ царствованіе Императора АЛЕКСАНДРА III въ Петергофѣ обычно находились двѣ сотни Конвоя. Для несенія карауловъ при Высочайшемъ Дворѣ и занятія постовъ вокругъ самаго Дворца ежедневно выходила въ нарядъ цѣлая сотня. Въ особо торжественные дни въ Петергофѣ сосредотачивались всѣ четыре сотни Конвоя.

Однимъ изъ такихъ дней былъ день 22-го іюля, Тезоименитство Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. Въ этотъ день вечеромъ среди искрящихся знаменитыхъ петергофскихъ фонтановъ устраивалась грандіозная иллюминація, а на морѣ, противъ Монплезира, фейерверкъ.

Въ Нижнемъ паркѣ, по всѣмъ главнымъ аллеямъ его, находились конные посты казаковъ Конвоя, наблюдавшіе за общимъ порядкомъ и движеніемъ экипажей. Къ Большому Дворцу, со стороны Нижняго парка, наряжались, помимо конныхъ, и пѣшіе посты. Пѣшія команды Конвоя высылались также въ Монплезиръ и на Ново-Петергофскій вокзалъ.

Дворцовые экипажи съ Особами Императорской Фамиліи сопровождались конными казаками Конвоя въ раіонѣ ихъ постовъ, которые снимались только съ отбытіемъ Высочайшихъ Особъ въ Александрію.[138])

Въ 1894 году іюльскій праздникъ былъ перенесенъ на 25-е число, по случаю торжественнаго бракосочетанія Великой Княжны КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ съ Великимъ Княземъ АЛЕКСАНДРОМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ.

На Высочайшемъ выходѣ и шествіи Высоконареченныхъ къ вѣнцу въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ присутствовали всѣ офицеры Конвоя.

Послѣ обряда вѣнчанія въ залахъ Дворца состоялся парадный обѣдъ, завершившійся концертомъ. По окончаніи концерта, Государь Императоръ и Государыня Императрица прослѣдовали въ Александрію, а Высоконовобрачные — въ Ропшу, послѣ чего всѣ посты Конвоя были сняты.

8-го августа Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III произвелъ общій смотръ войскамъ Красносельскаго лагеря. Собственный Императорскій Конвой открылъ церемоніальный маршъ рысью и, въ послѣдній разъ, въ полномъ своемъ составѣ услышалъ Государеву благодарность. Никто не подозрѣвалъ, что это — послѣдній смотръ Царя-Миротворца.

Несмотря на исключительную физическую силу могучаго Монарха, злой недугъ подтачивалъ Его желѣзный организмъ, и, по совѣту врачей, былъ рѣшенъ вопросъ о переѣздѣ въ Крымъ.

17-го августа ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА отбыли въ Бѣлостокъ, а затѣмъ въ собственное имѣніе Спалу. Государя Императора и Государыню Императрицу отъ Конвоя сопровождали сотникъ Бульмерингъ и сотникъ Астаховъ, съ тремя взводами казаковъ.

4-го сентября отбыли непосредственно въ Крымъ два взвода конвойцевъ, подъ командою сотника Абаціева и хорунжаго Есаулова.

Всего въ Ливадіи съ прибывшимъ 20 сентября изъ Спалы хоромъ пѣвчихъ Конвоя (30 пѣшихъ казаковъ), было 2 офицера и 71 казакъ.[139])

21-го сентября Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА прибыли въ Ливадію на крейсерѣ «Орелъ». Спеціальный нарядъ Конвоя «Встрѣча» ожидалъ Государя и Государыню на пристани у Малаго Дворца. На нижней дорогѣ, противъ казармъ, были выстроены остальные чины Конвоя и эскадронъ Крымскаго коннаго дивизіона въ пѣшемъ строю.

По прибытіи въ Ливадію, Государь съ Императрицею ежедневно совершали прогулки въ экипажѣ, чаще всего поднимаясь къ имѣнью

---

[138]) Пост. вѣд. за 1893—1894. г. г.

[139]) Приказъ по Конвою. 1894 годъ.

Эрикликъ. Дорога на Эрикликъ шла лѣсомъ и охранялась тремя конными постами Конвоя, сопровождавшими Царскій экипажъ (постъ № І-й отъ шоссе до сада, постъ № 2 отъ сада до фермы и постъ № 3-й отъ фермы до Эрикликъ).

Днемъ всѣ выходы и входъ въ Большой и Малый Дворецъ занимались пѣшими постами конвойцевъ. На ночь къ этому наряду въ Малый Дворецъ добавлялось 4 парныхъ поста. (Постъ № 1 и 2-парный, у Малаго Дворца. До 8 часовъ вечера у главнаго подъѣзда, а затѣмъ одинъ постъ переводился къ малому подъѣзду. Въ Большомъ Дворцѣ: № 3 — у главнаго подъѣзда, № 4 — у подъѣзда со стороны церкви, № 5 — у Оріандскихъ воротъ и калитки; ключъ у часового, пропускавшаго Высочайшихъ Особъ и лицъ, съ Ними шедшихъ. № 6 — урядничій постъ на Ялтинскомъ шоссе слѣдилъ за проѣзжавшими. № 7 — у церковныхъ воротъ на верхнемъ шоссе и № 8 — на церковной площадкѣ; пропускали имѣвшихъ билеты за подписью управляющаго Ливадійскими Дворцами. Вѣстовыхъ — 6: у Командующаго Императорской Главной Квартирою, у дежурнаго генералъ-адъютанта, въ канцеляріи Главной Квартиры, на главной конюшнѣ и 2 на телеграфной станціи).[140])

Въ концѣ сентября 1894 года здоровье Императора АЛЕКСАНДРА III замѣтно ухудшилось: бюллетени врачей были не утѣшительны. Въ Ливадію прибыли всѣ Августѣйшіе родственники Государя. Въ октябрѣ предполагался отъѣздъ на островъ Корфу, куда былъ уже командированъ генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, а чинамъ Императорскаго Конвоя были «построены» штатскіе костюмы.

Однако, Государь не пожелалъ оставлять Россію и ѣхать въ чужіе края.

Императорскій Дворъ остался въ Крыму.

Тихо, безъ обычныхъ торжествъ, отмѣтилъ Конвой свой Праздникъ въ день 4-го октября. Въ этотъ день въ Петербургѣ и въ Ливадіи былъ отслуженъ молебенъ Небесному Покровителю Св. Іерофею о дарованіи скорѣйшаго выздоровленія Державному Шефу Конвоя, тяжело больному Государю Императору.

Въ день Праздника Конвоя Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III изволилъ приказать отправить телеграмму командиру Конвоя:

«ПОЗДРАВЛЯЮ СЕРДЕЧНО МОИХЪ КАЗАКОВЪ СЪ ПРАЗДНИКОМЪ, И СЪ АТАМАНОМЪ ПРИВѢТСТВУЮ МОЙ СЛАВНЫЙ КОНВОЙ. АЛЕКСАНДРЪ».

Таковъ былъ послѣдній привѣтъ Государя Императора АЛЕКСАНДРА III АЛЕКСАНДРОВИЧА Своему Конвою.[141])

10-го октября въ Ливадію прибыла Высоконареченная Невѣста Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, принцесса Алиса Гессенская.

---

[140]) Постовая вѣдомость Конвоя отъ 22-го сентября, 1894 года.
[141]) Приказы по Конвою за 1894 годъ. С. Петинъ. Стр. 268.

Для встрѣчи Ея, Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Русскаго Престола выѣхалъ въ Алушту въ открытомъ экипажѣ, запряженномъ четверкой лошадей, въ сопровожденіи Своего ординарца — урядника Императорскаго Конвоя. Шоссе, по пути слѣдованія Государя Наслѣдника Цесаревича, было украшено арками изъ зелени. На обратномъ пути, около одной изъ арокъ, лошади заупрямились, но ординарецъ Наслѣдника Цесаревича, урядникъ Л.-Гв. 3-й Терской сотни Григорій Феодоровъ, быстро соскочилъ съ козелъ экипажа и, бросившись къ взволнованнымъ лошадямъ, провелъ экипажъ.[142])

По прибытіи въ Ливадію, принцесса Алиса Гессенская, совмѣстно съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, прослѣдовала въ Малый Дворецъ къ Ихъ Императорскимъ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ, послѣ чего въ Дворцовой церкви было совершено благодарственное молебствіе.

За счастливымъ событіемъ въ Императорской Семьѣ, вновь потянулись томительные дни тщетныхъ надеждъ на выздоровленіе Государя Императора.

Со всего міра прибывали телеграммы, и пять казаковъ Конвоя едва успѣвали ихъ доставлять съ телеграфной станціи во Дворецъ.

Въ связи съ ежедневнымъ ухудшеніемь здоровья могучаго Царя-Миротворца, катастрофа видимо приближалась . . .

20-го октября 1894 года всѣмъ чинамъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, находившимся на службѣ въ Ливадіи, съ утра было приказано надѣть парадные мундиры.

Въ 2 часа и 30 минутъ дня бывшій въ нарядѣ урядникъ Конвоя Переверзинъ вбѣжалъ въ офицерскій флигель. Его необычное появленіе и чрезмѣрное волненіе были грознымъ признакомъ . . . Офицеры невольно встали. Урядникъ Переверзинъ молчалъ, но и безъ его словъ все было ясно. Наконецъ онъ тихо произнесъ: «Государь Императоръ только что скончался . . . »

Офицеры бросились во Дворецъ, на флагштокѣ котораго медленно опускался Императорскій Штандартъ.

Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III почилъ, сидя въ креслѣ-коляскѣ, поддерживаемый Государыней Императрицей МАРІЕЙ ѲЕОДОРОВНОЙ.

Произошла трогательная сцена прощанія съ въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ, во время которой офицеры Конвоя становились на колѣно и цѣловали Его руку.

Съ моря раздался траурный салютъ военныхъ судовъ.

Послѣ прощанія тѣло покойнаго Императора АЛЕКСАНДРА III было перенесено въ нижній этажъ Дворца. Нарядъ отъ Конвоя во всѣхъ внутреннихъ покояхъ Дворца былъ значительно усиленъ.

---

[142]) Его Императорское Высочество, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, за отличную ординарческую службу пожаловалъ урядику Феодорову золотые часы. — Приказъ по Конвою. 1894 годъ.

Впослѣдствіи на мѣстѣ кончины Государя былъ вырѣзанъ на темномъ паркетѣ пола свѣтло-дубовый крестъ. Кресло, сидя въ которомъ отошелъ въ вѣчность Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III, было отправлено въ Петербургъ, въ сопровожденіи казаковъ Конвоя.

Въ 4 часа и 30 минутъ дня, на площадкѣ передъ церковью Большого Дворца, чины Конвоя, находившіеся въ Ливадіи, приняли присягу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II АЛЕКСАНДРОВИЧУ. Конвойцы, бывшіе въ нарядѣ, приняли присягу нѣсколько позднѣе, въ Ливадійской церкви.

Трауръ при Высочайшемъ Дворѣ, по случаю вступленія на Престолъ Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА и мvропомазанія принцессы Алисы, 21-го октября былъ снятъ.

Офицеры Собственнаго Конвоя, въ числѣ приглашенныхъ, находились на площадкѣ у Малой Дворцовой церкви, гдѣ было совершено таинство мvропомазанія, и имѣли честь привѣтствовать молодого Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА и Его Высоконареченную Невѣсту, Великую Княжну АЛЕКСАНДРУ ѲЕОДОРОВНУ.

25-го октября тѣло въ Бозѣ почившаго Императора АЛЕКСАНДРА III было перенесено въ Большую Ливадійскую церковь. Послѣ панихиды у Малаго Дворца, гробъ приняли отъ Государя и Высочайшихъ лицъ офицеры (сотникъ Абаціевъ и хорунжій Есауловъ) и 24 казака Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

Въ началѣ 7-го часа траурный кортежъ двинулся по парку, дорогой, покрытой сплошнымъ ковромъ цвѣтовъ и окаймленной растеніями Царской оранжереи. Конвойцы, со смоляными факелами въ рукахъ, освѣщали путь по его сторонамъ и постепенно присоединялись къ траурной процессіи. На площади Большой Ливадійской церкви темнѣла масса благоговѣйно преклонившагося народа.

Процессія двигалась медленно. Надъ всѣми высился Царскій гробъ, освѣщенный свѣтомъ факеловъ. Тихо, торжественно несли казаки-конвойцы тѣло скончавшагося Государя Императора АЛЕКСАНДРА III.

У ступеней храма гробъ отъ конвойцевъ былъ принятъ Государемъ Императоромъ съ Великими Князьями, и Ими внесенъ въ храмъ.

У гроба усопшаго Императора стала первая смѣна почетныхъ часовыхъ. Двое сутокъ, днемъ и ночью, прощалось населеніе Ливадіи съ умершимъ Царемъ-Миротворцемъ.

27-го октября, по отданіи послѣднихъ почестей, чины Конвоя снова приняли гробъ отъ Государя Императора и бывшихъ съ Нимъ Августѣйшихъ Особъ.

Процессія направилась къ Ялтинской пристани, по изгибавшемуся горному шоссе. Весь путь до моря былъ раздѣленъ на три участка.

Въ первомъ, самомъ трудномъ, отъ церкви до границы съ городомъ, гробъ несли казаки Конвоя; конвойцевъ смѣнили стрѣлки, а далѣе къ пристани — моряки. По личному повелѣнію Государя Импе-

ратора, всѣми воинскими смѣнами распоряжались офицеры Собственнаго Его Конвоя.

На молу была отслужена литія, по окончанію которой гробъ съ тѣломъ въ Бозѣ почившаго Императора АЛЕКСАНДРА III былъ установленъ на крейсерѣ «Память Меркурія», куда сошли для почетнаго караула сотникъ Абаціевъ и 6 урядниковъ-конвойцевъ.

Остальные чины Императорскаго Конвоя выстроились на молу. Въ одиннадцать часовъ и тридцать минутъ дня 27-го октября 1894 года «Память Меркурія», въ сопровожденіи двухъ военныхъ судовъ «12 Апостоловъ» и «Орелъ», отбыли въ Севастополь.

30-го октября тѣло почившаго Государя въ траурномъ Императорскомъ поѣздѣ прибыло въ Москву, 1-го ноября въ Петербургъ.

Всю дорогу въ вагонѣ при гробѣ находился караулъ Конвоя.[143])

Съ Николаевскаго вокзала Царскій гробъ днемъ былъ торжественно перевезенъ въ Петропавловскій соборъ. Во главѣ грандіозной траурной процессіи находился Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой.

Петербургъ былъ весь въ траурѣ, а ноябрьскій мелкій дождь придавалъ столицѣ еще болѣе печальный видъ.

7-го ноября въ Высочайшемъ присутствіи и присутствіи Особъ Императорской Фамиліи, было совершено погребеніе Государя Императора АЛЕКСАНДРА III АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Множество дорогихъ вѣнковъ совершенно измѣнило внутренній видъ Петропавловскаго собора. Г. г. офицерами Конвоя къ Царской гробницѣ былъ сооруженъ Образъ Св. Благовѣрнаго Князя Александра Невскаго съ неугасаемою ломпадою.

На погребеніи Императора АЛЕКСАНДРА III присутствовали Войсковыя делегаціи отъ Кубанскаго и Терскаго казачьихъ Войскъ, возложившія, каждая отъ своего Войска, на гробъ почившаго Монарха серебряные вѣнки.

Въ память службы въ Бозѣ почившему Государю Императору АЛЕКСАНДРУ III АЛЕКСАНДРОВИЧУ всѣмъ офицерамъ и строевымъ казакамъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя Высочайше повелѣно имѣть вензелевое изображеніе Имени усопшаго Государя на эполетахъ и погонахъ у офицеровъ, и на плечевыхъ шнурахъ у вахмистровъ, урядниковъ и казаковъ.[144])

---

[143]) Изъ воспоминаній сотника Абаціева.

[144]) Приказъ Воен. Вѣд. № 253. 1894 годъ. Въ 1897 году, приказомъ за № 321, Высочайше повелѣно: офицерамъ и казакамъ Конвоя имѣть на эполетахъ, погонахъ и плечевыхъ шнурахъ металлическое накладное вензелевое изображеніе Имени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Въ тѣхъ случаяхъ, когда уже имѣются вензеля въ Бозѣ почившихъ Императоровъ, то надлежитъ имѣть таковые соединенными и противоположнаго цвѣта съ вензелемъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Послѣдній вензель - по цвѣту прибора.







Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и
Высоконареченная Невѣста Государя Императора
Великая Княжна АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА. 1894 г.



ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОСРЕДОТОЧЕНІЕ КОНВОЯ ВЪ ЦАРСКОМ СЕЛѢ

14-го ноября 1894 года, въ день рожденія Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, въ Зимнемъ Дворцѣ состоялся Высочайшій Выходъ по случаю бракосочетанія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА съ Великой Княжной АЛЕКСАНДРОЙ ѲЕОДОРОВНОЙ. Среди лицъ, присутствовавшихъ на этомъ Высочайшемъ Выходѣ и приносившихъ свои поздравленія Государю Императору и Его Августѣйшей Супругѣ, находились командиръ и офицеры Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Манифестъ о бракосочетаніи Государя Императора гласитъ: «Вѣруемъ со всѣмъ народомъ Нашимъ, что душа возлюбленнаго Родителя Нашего въ селеніяхъ Небесныхъ благословила избранную по сердцу Его и Нашему раздѣлить съ Нами вѣрующей и любящей душой непрестанныя заботы о благѣ и преуспѣяніи Нашего Отечества».

21-го ноября, по повелѣнію Государя, Высочайшій Дворъ перешелъ въ Царское Село, куда былъ командированъ Л.-Гв. отъ 1-й Кубанской и Л.-Гв. отъ 4-й Терской сотенъ Конвоя первый нарядъ для службы въ Царскосельскихъ Дворцахъ, въ составѣ 2-хъ офицеровъ, 4-хъ урядниковъ и 18-ти казаковъ. Въ концѣ ноября для той же цѣли въ Царское Село изъ Новаго Петергофа прибыли всѣ чины этихъ сотенъ.

Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня осталась на службѣ въ Гатчинѣ, а Л.-Гв. 3-я Терская въ Петербургѣ.[1])

2-го апрѣля, въ день Свѣтлаго Праздника Христова Воскресенія, въ Аничковомъ Дворцѣ конвойцы имѣли честь принести свои поздравленія съ Великимъ Праздникомъ Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ, и одновременно просить ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО принять благословеніе отъ всѣхъ конвойцевъ.

---

[1]) Изъ Новаго Петергофа Конвой уходилъ обычно въ половинѣ августа, но въ 1894 году находившіяся тамъ сотни были задержаны. С. Петинъ.

Командиръ Конвоя, флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Мейендорфъ, въ присутствіи всѣхъ офицеровъ и вахмистровъ Государева Конвоя, поднесъ Государынѣ Императрицѣ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ массивную икону-складень въ византійскомъ стилѣ, съ изображеніемъ Св. Царицы Александры, Св. Николая Чудотворца и Св. Іерофея, покровителя Конвоя, со слѣдующими словами:

«ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Вся Россія, удрученная постигшимъ ее глубокимъ горемъ, возликовала, узнавъ, что 21-го октября Вы изволили впервые причаститься Св. Таинъ по нашему православному обряду. Въ память сего дня, мы просимъ ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО принять сей складень и никогда съ нимъ не разставаться, памятуя, что мы, казаки Конвоя, начиная съ Великаго Князя Михаила Николаевича, всѣхъ бывшихъ командировъ, и кончая рядовымъ казакомъ, молимъ Всевышняго, да ниспошлетъ Онъ Вамъ долгіе, свѣтлые и счастливые дни на радость ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, нашему Державному Шефу, всей Матушкѣ Россіи и намъ, казакамъ».

Осѣнивъ Себя крестнымъ знаменіемъ, Государыня Императрица приложилась къ иконѣ. Затѣмъ, передавъ складень Государю Императору, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО обошла присутствовавшихъ чиновъ Императорскаго Конвоя, удостоивъ подать руку всѣмъ, не исключая и вахмистровъ.

Послѣ весеннихъ Высочайшихъ парадовъ на Марсовомъ полѣ войскамъ Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, смѣнившихъ собою зимніе смотры войскъ Императоромъ АЛЕКСАНДРОМ III, Государь Императоръ съ Государыней Императрицей отбывали на лѣто въ Новый Петергофъ. По окончаніи красносельскихъ лагерныхъ сборовъ, Государь снова возвращался въ Царское Село. За Высочайшимъ Дворомъ всегда слѣдовалъ Государевъ Конвой, заранѣе оцѣплявшій Императорскіе парки конными постами и разъѣздами.

При этомъ, нѣсколько измѣненномъ порядкѣ службы Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, она сосредотачивалась главнымъ образомъ въ Царскомъ Селѣ, какъ было при Императорѣ АЛЕКСАНДРѢ II.

Въ Петербургъ командировалась очередная сотня, которая несла службу при Дворѣ Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, въ Гатчинѣ и въ Аничковомъ Дворцѣ. Отъ этой сотни также наряжался караулъ къ денежному ящику въ канцелярію Конвоя и весь суточный нарядъ дежурныхъ и дневальныхъ, какъ по сотнѣ, такъ и у воротъ казармъ и офицерскихъ квартиръ.

Канцелярія, офицерское собраніе, часть офицерскихъ квартиръ и казарма Конвоя находились на Шпалерной улицѣ (канцелярія—Шпалерная № 27, казарма—Шпалерная № 28). Другая часть офицерскихъ квартиръ была въ отдѣльномъ большомъ зданіи на Вознесенской набережной.



Императорскій Зимній Дворецъ въ С.- Петербургѣ.

Въ началѣ царствованія Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, Государь и Государыня Императрица пребывали въ Петербургѣ отъ января до начала весны. Для службы при Высочайшемъ Дворѣ въ Петербургъ командировалась еще одна сотня Конвоя. Отъ этихъ сотенъ въ Зимній Дворецъ наряжался офицерскій караулъ. Караулъ имѣлъ 6 постовъ, которые находились въ Собственныхъ покояхъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Посты выставлялись:[2])

№ 1-й. У Салтыковскаго подъѣзда, при главной лѣстницѣ (парный).

№ 2-й. У кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА (парный). Туда же назначался и разводящій. На ночь одинъ часовой переводился къ дверямъ билліардной комнаты.

№ 3-й. У винтовой лѣстницы внизу, ведущей отъ кабинета Императора НИКОЛАЯ I въ Собственные покои.

№ 4-й. У дверей Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подъѣзда (парный).

№ 5-й. У «подъемной машины» (урядникъ).

№ 6-й. У лѣстницы къ подъѣзду.

Караулъ назначался только во время пребыванія Государя Императора и Государыни Императрицы въ Зимнемъ Дворцѣ.

Кромѣ того, Конвой несъ также офицерскій караулъ въ фельдмаршальскомъ залѣ Зимняго Дворца.

До 1895 года сотни Конвоя, находившіяся въ Царскомъ Селѣ, помѣщались частью въ гусарскихъ, частью въ кирасирскихъ казармахъ. Офицеры жили въ Большомъ Дворцѣ, въ корпусѣ бывшаго лицея, занимая нижній этажъ, затѣмъ въ Дворцовомъ домѣ, на углу Оранжерейной и Средней улицъ.

Для Конвоя строились казармы. Бывшая казарма линейнаго казачьяго эскадрона, выстроенная въ 1845 году, была мала. Казармы строились въ паркѣ Малаго Дворца. Длинная линія ихъ отдѣляла паркъ отъ сосѣдняго села Кузьминского.

28-го сентября 1895 года казарма была освящена въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, Великаго Князя Владиміра Александровича, всѣхъ офицеровъ Конвоя, вахмистровъ и казаковъ—представителей отъ каждой сотни.[4])

Казармы были разсчитаны на три сотни, причемъ каждая сотня имѣла свою отдѣльную казарму и отдѣльную конюшню съ электрическимъ освѣщеніемъ и свою собственную кухню.

Государь, въ сопровожденіи Великаго Князя, командира и офицеровъ Конвоя, обошелъ всѣ казармы, интересуясь малѣйшими подробностями помѣщеній.

День 3-го ноября 1895 года въ Царской Семѣ былъ ознаменованъ радостнымъ событіемъ. Въ этотъ день родилась Великая Княжна

---

[2]) Прик. по Конвою за 1896 г.

[3]) Составъ караула: I офицеръ, I урядникъ и 25 казаковъ.

[4]) Приказъ по Конвою 28-го сентября 1895 года № 270.

ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Офицеры Конвоя, бывшіе въ этотъ день дежурными, получили изъ Кабинета ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подарки «по чину», а казакамъ, несшимъ службу въ Императорскомъ Дворцѣ, была выдана денежная награда.[5])

14-го ноября, въ день принятія Св. Крещенія Новорожденной Великой Княжной, парадный выѣздъ изъ Александровскаго Дворца въ Екатерининскій сопровождали два конныхъ взвода Императорскаго Конвоя, по 12 рядовъ при 3-хъ урядникахъ каждый. Взводъ Л.-Гв. отъ 1-й Кубанской сотни, съ трубачами, подъ командою сотника Петина открывалъ кортежъ. Взводъ Л.-Гв. отъ 4-й Терской сотни, подъ командою сотника Астахова, замыкалъ его. Командиръ Конвоя, флигель-адъютантъ полковникъ баронъ Мейендорфъ сопровождалъ карету Великой Княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ, находясь съ лѣвой стороны кареты, у задняго ея колеса. Адъютантъ Конвоя, сотникъ князь Витгенштейнъ, былъ впереди трубачей.[6])

По совершеніи Таинства Крещенія взводы, конвоируя карету Высоконоворожденной Великой Княжны, слѣдовали въ томъ же порядкѣ въ Александровскій Дворецъ.

Въ Царскомъ Селѣ въ расположеніи Конвоя, кромѣ самыхъ казармъ, находились: кузница — для всѣхъ трехъ сотенъ одна, пекарня для Конвоя и Сводно-Пѣхотнаго полка, и общая баня для конвойцевъ и солдатъ полка.

Просторныя казармы Конвоя содержались въ образцовомъ порядкѣ. У одной стѣны находились пирамиды для винтовокъ и револьверовъ. Вдоль всей казармы стояли въ два ряда (голова къ головѣ) кровати, причемъ между каждой кроватью былъ проходъ и у изголовья ея тумбочка. Третій рядъ кроватей тянулся вдоль другой стѣны казармы. Каждая сотенная казарма имѣла свой широкій коридоръ, въ которомъ выстраивалась вся сотня на утреннюю и вечернюю молитву. Въ сотенныхъ коридорахъ въ плохую погоду производились занятія: словесность, прикладка, сборка и разборка винтовокъ и револьверовъ и чистка ихъ, отданіе чести, воинскіе уставы, шашечные пріемы, правила и инструкціи при несеніи службы въ Императорскомъ Дворцѣ и на постахъ вокругъ его.

Въ казармахъ Конвоя также общимъ для всѣхъ трехъ сотенъ, служившихъ въ Царскомъ Селѣ, былъ большой залъ съ гимнастическими приборами.

По повелѣнію Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, въ Царскомъ Селѣ, главномъ мѣстѣ пребыванія Августѣйшей Семьи, къ столѣтнему юбилею Конвоя строились новыя прекрасныя казармы, новое офицерское собраніе и квартиры для офицеровъ, несшихъ тамъ службу въ своихъ сотняхъ.

---

[5]) Подарки получили подъесаулъ Свидинъ и хорунжій Есауловъ. Тремъ урядникамъ Высочайше пожаловано по 5 рублей и 15-ти казакамъ по 3 рубля.

[6]) Приказъ по Конвою 13-го ноября 1895 года. № 317.

Архитектура этихъ новыхъ зданій, въ особенности офицерскаго собранія, была строго выдержана въ старомъ русскомъ стилѣ.

Красивый и величественный Государевъ Ѳеодоровскій Соборъ, Царскій павильонъ Собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА желѣзнодорожной вѣтки, офицерское собраніе и новыя казармы Конвоя, всѣ вмѣстѣ представляли какъ бы свой, старый русскій городъ.

Передъ войной часть постройки казармъ была закончена, и во время войны тамъ помѣщался лазаретъ для раненыхъ.

Удобной и отлично оборудованной была казарма «штабной» сотни, т. е. сотни, находившейся на службѣ въ С. Петербургѣ, съ которой ежегодно мѣнялась одна изъ Царскосельскихъ сотенъ.

Петербургская казарма Конвоя (Шпалерная улица) — двухъэтажное зданіе. На верхнемъ этажѣ была церковь и помѣщеніе для сотни. Нижній этажъ — учебная команда, гимнастическій залъ и кухня.

Въ приземномъ помѣщеніи находилась электрическая станція. Во дворѣ, со стороны Захарьевской улицы, была конюшня и казарма нестроевой команды, и при ней отдѣльная комната для трубачей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, занимаемая ими во время пребыванія Государя Императора въ С. Петербургѣ.[7])

Рядомъ съ нестроевой командой мастерскія Конвоя: оружейная, сѣдельная и портняжная, отлично поставленныя.[8])

Въ сотенномъ дворѣ былъ большой 2-хъэтажный цейхаузъ, въ одномъ этажѣ котораго хранилось сукно «для постройки» мундировъ, бешметовъ и шароваръ казакамъ Конвоя. Въ другомъ этажѣ было помѣщеніе для собственныхъ казачьихъ сундуковъ.[9])

Кромѣ Царскаго Села и С. Петербурга, Конвой имѣлъ свои казармы и въ другихъ мѣстахъ Резиденцій Царской Семьи:

Петергофъ—казармы на три сотни и квартиры для офицеровъ сотенъ, командируемыхъ на службу въ Петергофъ.

Ливадія—казарма на двѣ сотни, тамъ же очень хорошія офицерскія квартиры. Въ Крыму каменное зданіе казармъ Конвоя было рас-

---

[7]) Трубачи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА: старшій трубачъ — вахмистръ Захарченко. Вахмистръ Чернявскій и старшіе урядники — Кузнецовъ и Слюсаренко.

[8]) Въ нестроевой командѣ числились мастера, сверхсрочнослужащіе урядники и рядовые казаки-вѣстовые и офицерскіе денщики. Сама же команда состояла изъ солдатъ, которымъ мундиръ Конвоя (алая и синяя черкеска) не былъ присвоенъ. Солдаты нестроевой команды имѣли мундиръ гв. кавалерійскаго образца, но фуражку носили они формы Конвоя, т. е. алую съ тремя бѣлыми кантами. Нестроевые казаки своей формой также отличались отъ строевыхъ, а именно: у нестроевого казака «подгазникъ» темно-зеленый. Воротникъ бешмета обшитъ внизу и впереди по борту снизу вверхъ, у урядниковъ серебромъ, у казаковъ желтымъ басономъ. У строевого казака: «подгазникъ» темно-синій. Воротникъ бешмета обшитъ (серебромъ или басономъ) по верху кругомъ и, впереди по борту, сверху внизъ. Лучшими мастерами были портной Шаманскій и сѣдельный мастеръ Феневъ, станицы Баталпашинской.

[9]) Обычно конвойцы заказывали себѣ большіе сундуки, такъ называемые «подъ морозомъ». Этотъ сундукъ (стоимость его 27 рублей) обшивался тонкой жестью разнаго цвѣта и по жести «какъ бы прошелъ морозъ». Изъ писемъ стараго конвойца М. Лашука.

положено недалеко отъ Императорскаго Ливадійскаго Дворца у Ялтинскихъ воротъ.

Въ Красномъ Селѣ Конвой занималъ отведенные для него лѣтніе бараки.

Въ Гатчинѣ — казарма и офицерскія квартиры на одну сотню.

Въ лѣтніе мѣсяцы три сотни Конвоя слѣдовали съ Высочайшимъ Дворомъ въ Новый Петергофъ. Одна сотня, оставаясь въ Царскомъ Селѣ и выдѣливъ необходимый нарядъ въ Петербургъ, несла службу въ Красномъ Селѣ, въ дни пребыванія тамъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Всѣ четыре сотни Конвоя сосредотачивались въ Красномъ Селѣ только къ Высочайшему смотру войскамъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, послѣ котораго, прямо съ военнаго поля, слѣдовали въ мѣста предназначенной имъ службы.

Въ 1896 году этотъ порядокъ былъ нѣсколько измѣненъ въ связи съ предстоящимъ торжествомъ Священнаго Коронованія ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

КОМАНДИРОВКА КОНВОЯ ВЪ МОСКВУ

Въ первыхъ числахъ мая 1896 года Конвой въ полномъ своемъ составѣ отбылъ въ Москву, куда послѣдній его эшелонъ прибылъ 6-го мая. Въ Москвѣ Конвою были предоставлены Александровскія казармы. Несмотря на отличное состояніе этихъ казармъ, конвойцамъ, несшимъ службу при Высочайшемъ Дворѣ, Александровскія казармы были не совсѣмъ удобны, т. к. онѣ находились на окраинѣ города, вдали отъ всѣхъ Императорскихъ Дворцовъ, а въ особенности отъ Петровскаго Дворца, расположеннаго на совершенно противоположномъ концѣ Москвы.[10])

6-го мая, въ день рожденія Государя Императора, всѣ свободные отъ службы офицеры Конвоя конною группою прибыли къ Царскому павильону Брестскаго вокзала для встрѣчи Государя Императора НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА и Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Прибывающихъ въ Москву Государя со своей Августѣйшей Супругою на вокзалѣ встрѣчала также большая группа чиновъ Коронаціоннаго отряда и почетный караулъ. Императорскій поѣздъ медленно подходилъ къ дебаркадеру. На синемъ фонѣ вагоновъ его съ бѣлой крышею ярко выдѣлялись алыя черкески казаковъ Конвоя, сопровождавшихъ Царскую Семью.

Офицеры Государева Конвоя выстроились у пересѣченія Петербургскаго шоссе съ передаточной желѣзнодорожной вѣтвью. Несмотря на дождь, по всему пути отъ Брестскаго вокзала до Петровскаго Дворца густыми массами тѣснился народъ, привѣтствовавшій Государя и Государыню. Впереди Царской кареты, шедшей крупной рысью, на-

---

[10]) Приказъ по Конвою 29-го апрѣля 1896 года № 120.

Андреевскій Тронный залъ. Николаевскій Дворецъ въ Москвѣ.



Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой въ Москвѣ передъ началомъ Коронаціоннаго парада 26-го мая 1896 года.

метомъ неслись конвойцы. Позади кареты слѣдовали Великіе Князья, представители мѣстныхъ властей и Коронаціоннаго отряда.

У воротъ Дворца командиръ и офицеры Конвоя, пропустивъ передъ фронтомъ своимъ Государеву карету, окружили ее и продолжали конвоировать до главнаго подъѣзда Петровскаго Дворца.

Въ этотъ день отъ Конвоя, помимо постовъ во внутреннихъ Дворцовыхъ покояхъ, былъ нарядъ въ Петровскій Дворецъ въ составѣ 1-го офицера и 14 казаковъ при 2-хъ урядникахъ, для разъѣздовъ вокругъ самаго Дворца.[11])

8-го мая прибыла изъ-заграницы Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Къ прибытію Ея отъ Конвоя была выслана «Встрѣча» (особый нарядъ Конвоя только для ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ): пѣшая на вокзалъ и конная для сопровожденія въ Петровскій Дворецъ.[12])

Къ торжественному дню предстоящей Коронаціи Государя въ Москву прибыли многочисленныя чрезвычайныя иностранныя посольства.

Во главѣ этихъ посольствъ находились: одна королева, три великихъ герцога, два владѣтельныхъ князя, двѣнадцать наслѣдныхъ принцевъ, шестнадцать принцевъ и принцессъ.[13])

9-го мая совершился торжественный Царскій въѣздъ изъ Петровскаго Дворца въ Москву. Во главѣ этого историческаго Государева въѣзда въ древнюю столицу Россійскаго Государства слѣдовалъ въ конномъ строю и въ полной парадной формѣ Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой. При подходѣ сотенъ Конвоя къ Иверскимъ воротамъ, московскій митрополитъ, высоко поднявъ Святой Крестъ, благословилъ ихъ, какъ первыхъ вѣстниковъ Царскаго пути.

Подойдя къ колокольнѣ Ивана Великаго Конвой остановился и, развернувъ фронтъ, воински привѣтствовалъ торжественное шествіе Императорскихъ золотыхъ каретъ.

Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, слѣдуя верхомъ на свѣтло-сѣромъ конѣ, находился въ центрѣ всей процессіи во главѣ представителей всего Русскаго Царства и блестящей Свиты, состоящей изъ Великихъ Князей, иностранныхъ принцевъ, русскихъ и иностранныхъ генераловъ.

По всему пути слѣдованія Ихъ Величествъ шпалерами стояли войска, а за ними масса народа, могучимъ «ура» привѣтствовавшая Царскую Семью. Во всѣхъ московскихъ церквахъ раздавался колокольный звонъ.

---

[11]) Дежурный по Петровскому Дворцу сотникъ Золотаревъ. Приказъ по Конвою 5-го мая 1896 года № 126.

[12]) 2 офицера, 2 урядника и 6 казаковъ.

[13]) Королева Эллиновъ Ольга Константиновна; принцъ Генрихъ Прусскій — братъ Вильгельма II; герцогъ Коннаутскій — сынъ англійской королевы; итальянскій наслѣдный принцъ Викторъ Эммануилъ; князь Фердинандъ Болгарскій; князь Николай Черногорскій; наслѣдный принцъ греческій Константинъ; наслѣдный принцъ румынскій Фердинандъ; германскіе великіе герцоги и принцы и чрезвычайная китайская делегація. — «Новое Время» 1896 годъ.

При приближеніи Государя Императора это привѣтствіе на мгновеніе какъ бы замирало, а затѣмъ, подхваченное войсками и одушевленнымъ народомъ, неслось и ширилось по всей Матушкѣ-Москвѣ.

Прекрасная погода гармонировала съ красотою всего Царскаго кортежа. Яркое солнце сверкало на серебряныхъ галунахъ и оружіи конвойцевъ, на золотѣ Императорскихъ каретъ, на каскахъ и кирасахъ бравыхъ бѣлокурыхъ кавалергардовъ и брюнетовъ конногвардейцевъ.

По окончаніи Своего въѣзда въ Москву, Государь, поклонившись гробницамъ своихъ предковъ, вступилъ въ Кремлевскіе Дворцовые покои.

Отъѣздъ золотыхъ каретъ, какъ Императорскихъ Регалій, сопровождали обратно къ Петровскому Дворцу казаки Конвоя, по 4 всадника у каждой кареты.

Съ прибытіемъ въ Кремлевскій Дворецъ Высочайшаго Двора, Императорскій Конвой занялъ посты въ парадныхъ апартаментахъ Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ:

1 - парный постъ у Знаменной комнаты;

2 - при входѣ въ столовую ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА;

3 - у пріемной комнаты Государыни Императрицы и

4 - при «подъемной машинѣ».

Кромѣ того, въ покояхъ Государя Императора — постъ парныхъ часовыхъ у Собственнаго подъѣзда.

Въ дни Высочайшаго посѣщенія Нескучнаго Дворца, отъ Конвоя туда наряжался дежурный офицеръ и 42 конвойца, изъ коихъ 20 конныхъ для разъѣздовъ вокругъ Дворца, остальные пѣшіе для внутренняго караула. Въ особыхъ случаяхъ высылалась конная сотня въ личное распоряженіе коменданта Императорскихъ Дворцовъ, генералъ-адъютанта Гессе.[14])

Въ то время какъ со всего міра прибывали въ Москву представители иностранныхъ государствъ, и сама древняя столица Россійскаго государства украшалась національными флагами и красочно иллюминировалась, въ Императорскомъ Дворцѣ была другая жизнь.

Готовясь къ великому празднику Своего торжественнаго вѣнчанія на Царство, Государь Императоръ ежедневно присутствовалъ на богослуженіяхъ въ Дворцовой церкви, продолжая говѣніе вплоть до Священнаго Коронованія, о которомъ по древнему обычаю великихъ государственныхъ торжествъ, народъ извѣщался черезъ глашатаевъ и герольдовъ, одѣтыхъ въ старинные золотые костюмы и большія круглыя шляпы съ перьями.

Однимъ изъ важныхъ моментовъ Священной Коронаціи ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ было прибытіе Государя Императора и Государынь Императрицъ въ Тронный залъ Оружейной Палаты, глѣ было установлено Государственное Знамя.

---

[14]) С. Петинъ. Служба Конвоя въ дни Коронаціи.

Въ Тронномъ залѣ, послѣ положенной молитвы придворнаго духовенства, протопресвитеръ, окропивъ святой водою Государственное Знамя и всю Царскую Семью, обратился къ Государю Императору:

«Благочестивѣйшій Государь нашъ! Божественному Промыслу благоугодно, закономъ Престолонаслѣдія, вручить Тебѣ, Самодержавному Вождю народовъ Всероссійскаго Царства, сіе священное Знамя его единства и могущества. Да объединитъ оно, молимся Отцу Небесному, всѣхъ Твоихъ подданныхъ въ беззавѣтной преданности Престолу и Отечеству, и въ самоотверженномъ исполненіи каждымъ своего патріотическаго долга. Страшное врагамъ Россіи, да будетъ оно Тебѣ въ знаменіе помощи отъ Господа Бога, чтобы во славу Его Пресвятого Имени, путемъ православной вѣры, добра и правды, мужественно, не взирая ни на какія преграды, вести народъ свой къ благоденствію, величію и славѣ.

Да разумѣютъ языцы, яко съ нами Богъ!»[15])

Въ дни пребыванія въ Москвѣ Августѣйшей Семьи особенной торжественностью отличался день Священнаго Коронованія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ — 14-ое мая 1896 года.

Въ этотъ историческій день отъ Конвоя былъ слѣдующій нарядъ: одинъ взводъ при 2-хъ Штандартахъ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго Дворца, и одна сотня при пяти офицерахъ была назначена занять проходы между соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ. Кромѣ того, офицерамъ Конвоя было поручено слѣдить за общимъ порядкомъ и распредѣленіемъ мѣстъ на ближайшихъ къ соборамъ трибунахъ.[16])

Въ Успенскомъ соборѣ, въ которомъ вѣнчались на Царство всѣ Государи изъ Дома Романовыхъ, были отведены мѣста для приглашенныхъ почетныхъ гостей и приготовлено особое мѣсто для Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА и Государынь Императрицъ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ и МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, противъ алтаря на возвышеніи, къ которому вела большая широкая лѣстница.

Великіе Князья, Великія Княгини и иностранные принцы заняли мѣста въ соборѣ на боковыхъ площадкахъ.

Вдовствующая Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, въ брилліантовой коронѣ, золотой порфирѣ и въ брилліантовой Андреевской цѣпи, встрѣченная на папертн духовенствомъ, вступила въ соборъ прежде Государя. Она заняла свое мѣсто на Престолѣ, по сторонамъ котораго стали чины Двора, поддерживавшіе порфиру и несшіе шлейфъ Императрицы.

Затѣмъ вошли въ соборъ Государь Императоръ и Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА. Государь былъ въ парад-

---

[15]) Коронаціонный альбомъ.

[16]) Приказъ по Конвою 13-го мая 1896 года. Составъ караула въ Кремлевскомъ Дворцѣ: 4 офицера (командиръ взвода, адъютантъ Конвоя и 2 ассистента при Штандартахъ), 4 урядника и 32 казака.

номъ мундирѣ Л.-Гв. Преображенскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка. Государыня — въ парчевомъ серебряномъ платьѣ. Четыре камергера несли шлейфъ Ея порфиры. У плечъ порфиру и конецъ шлейфа ея поддерживали вторые чины Императорскаго Двора.

На паперти Успенскаго собора Государя и Государыню встрѣтило духовенство, и московскій митрополитъ Сергій, благословивъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, произнесъ:

«Благочестивый Государь!

Настоящее Твое шествіе, соединенное съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ, имѣетъ цѣль необычайной важности. Ты вступаешь въ это древнее святилище, чтобы возложить здѣсь на себя Царскій Вѣнецъ и воспріять Священное Мvропомазаніе. Твой прародительскій Вѣнецъ принадлежитъ Тебѣ Единому, какъ Царю Единодержавному, но мvропомазанія сподобляются всѣ православные христіане, и оно не повторяемо. Если же предлежить Тебѣ воспріять новыхъ впечатлѣній этого таинства, то сему причина та, что, какъ нѣтъ выше, такъ нѣтъ и труднѣе на землѣ Царской власти, нѣтъ бремени тяжелѣе Царскаго служенія. Чрезъ помазаніе видимое да подастся Тебѣ невидимая сила, свыше дѣйствующая, къ возвышенію Твоихъ Царскихъ доблестей, озаряющая Твою самодержавную дѣятельность ко благу и счастью Твоихъ вѣрныхъ подданныхъ».

Въ соборѣ Государь и Государыня заняли мѣста на Тронѣ подъ балдахиномъ напротивъ алтаря. Митрополитъ С. Петербургскій Палладій, взойдя на верхнюю площадку Трона, предложилъ Государю прочесть Сvмволъ Вѣры. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО яснымъ, громкимъ голосомъ произнесъ Сvмволъ Православныя Вѣры.

Затѣмъ послѣдовалъ чинъ Коронаціи. Государь Императоръ Самъ, какъ Самодержецъ Всероссійскій, возложилъ на Себя Царскую Корону и, послѣ того, короновалъ Государыню Императрицу, ставшую передъ Нимъ на колѣни.

Взявъ въ Свои руки Державу и Скипетръ,[17]) Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ сталъ на колѣни и произнесъ Свою Коронаціонную молитву:

«Господи Боже отцевъ и Царю царствующихъ, сотворивый вся словомъ Твоимъ и премудростью Твоею устроивый человѣка, да управляетъ міръ въ преподобіи и правдѣ!

«Ты избралъ Мя еси Царя и Судію людямъ Твоимъ. Исповѣдую неизслѣдимое Твое о Мнѣ смотрѣніе и, благодаря, Величеству Твоему поклоняюся, Ты же, Владыко и Господи Мой,

---

[17]) Къ дню Коронаціи торжественно были перенесены Царскія Регаліи изъ Оружейной Палаты въ Кремлевскій Дворецъ. Высшіе чины Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА несли Императорскія Короны, Скипетръ и Державу на бархатныхъ, съ золотыми кистями, подушкахъ. При Императорскихъ Регаліяхъ слѣдовали конвойцы, дворцовые гренадеры и герольды.

настави Мя въ дѣлѣ, на неже послалъ Мя еси, вразуми и управи Мя въ великомъ служеніи семъ. Да будетъ со Мною присѣдающая Престолу Твоему премудрость. Посли ю съ небесъ святыхъ Твоихъ, да разумѣю, что есть угодно предъ очима Твоими, и что есть право по заповѣдемъ Твоимъ.

«Буди сердце Мое въ руку Твоею, еже вся устроити къ пользѣ врученныхъ Мнѣ людей и къ славѣ Твоей, ако да Я въ день суда Твоего непостыдно воздамъ Тебѣ слово: милостью и щедротами Единороднаго Сына Твоего, съ Нимъ же благословенъ еси, со Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ Твоимъ Духомъ, во вѣки, аминь!»

Государь громко и внятно прочелъ слова этой исключительной по силѣ духовной и значенію Царской молитвы, моля Всевышняго — Царя Небеснаго, о дарованіи Ему — Царю земному, силы для великаго служенія Родинѣ и своему народу.

Окончивъ свое молитвенное воззваніе къ милости и покровительству Вседержителя, Государь всталъ, и тотчасъ же всѣ присутствовавшіе въ соборѣ преклонили колѣни. Только одинъ Государь Императоръ Всероссійскій въ полномъ величіи, въ коронѣ и порфирѣ, стоялъ у Своего Престола.

Митрополитъ Палладій, стоя на колѣняхъ, прочелъ отъ лица всего русскаго народа молитву за Царя:

«Умудри убо и поставь проходити великое къ Тебѣ служеніе, даруй Ему разумъ и премудрость, во еже судити людямъ Твоимъ во правду, и Твое достояніе въ тишинѣ и безъ печали сохранити, покажи Его врагамъ Побѣдительна, злодѣямъ Страшна, добрымъ Милостива и Благонадежна, согрѣй Его сердце къ призрѣнію нищихъ, къ пріятію странныхъ, къ заступленію нападствуемыхъ. Подчиненное Ему правительство управляя на путь истины и правды, и отъ лицепріятія и мздопріимства отражая, и вся отъ Тебѣ державы Его врученныя люди въ нелицемѣрной содержи вѣрности, сотвори Его отца о чадахъ веселящагося, и удивиши милости Твоя отъ насъ. Не отврати лица Твоего отъ насъ и не посрами насъ отъ чаянія нашего».

Послѣ этой молитвы митрополитъ С. Петербургскій съ амвона обратился къ Государю со слѣдующими словами:

«Благочестивѣйшій Богомъ вѣнчанный и превознесенный, Великій Государь Императоръ! Вседержитель Господь, Царь царствующихъ, властію и силою Котораго цари царствуютъ, возложилъ на главѣ Твоей вѣнецъ отъ камени чести (Псал. 20, 4), священною славою и велелѣпіемъ благоволилъ вѣнчать ВЕЛИЧЕСТВО Твое на Прародительскомъ и Родительскомъ Престолѣ. Пріиде бо Твой Свѣтъ и слава Господня на Тебѣ возсія! (Исаія 60, 1). Силою Господа возвеселися (Пс. 20, 1), Боговѣнчанный Царь, и о милости и щедротахъ Его да возрадуется сердце

Твое! Вмѣстѣ съ Тобою и о Тебѣ и весь многомилліонный вѣрный народъ Твой, вся Царелюбивая Россія радуется нынѣ радостью веліею и свѣтло празднуетъ день сей, его же сотвори Господь, вознося горячія молитвы о Тебѣ и выражая отъ полноты сердецъ своихъ всепреданнѣйшія привѣтствія и благожеланія.

Святая Церковь Православная видитъ въ лицѣ Твоемъ Царя по сердцу Божію, Богомъ просвѣщеннаго ревнителя вѣры и благочестія, Высокаго своего Покровителя и Защитника, преемственнаго исполнителя древняго о ней пророченія: «и будутъ царіе кормители твои» (Исаія 49, 23), а Отечество зритъ въ Тебѣ, избранникъ Божій, богомудраго Зиждителя народнаго благоденствія, праведнаго Судію и благопочитательнаго Отца своего.

При глубочайшемъ священномъ предъ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Твоимъ благоговѣніи, соединенномъ съ чувствами безпредѣльной любви и преданности, при благоговѣйномъ воззрѣніи на Твое Царское величіе и Высочайшее священнѣйшее предъ Богомъ служеніе, Твой Царскій Вѣнецъ свѣтитъ намъ свѣтомъ благословеній небесныхъ и земныхъ, и настоящее всерадостное торжество Церкви и Отечества, — уповаемъ, — не нынѣ только свѣтло, но и грядущія Твои лѣта озаритъ для насъ свѣтлыми благими надеждами.

Къ Царскому Своему вѣнчанію Ты благоволилъ пріобщить Супругу Твою, Благочестивѣйшую Государыню Императрицу АЛЕКСАНДРУ ѲЕОДОРОВНУ. Въ Царскомъ вѣнцѣ Ея самый драгоцѣнный камень есть Ея христіанская любовь; попеченіями этой чистой любви и общеніемъ съ Твоею молитвою вѣры въ Бога, Она да облегчитъ Тебѣ несеніе великаго многотруднаго Царскаго подвига.

Да возрадуется о Тебѣ радостью святою и Твоя Августѣйшая Мать, Благочестивѣйшая Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА и соединитъ теплую материнскую молитву съ молитвами Церкви и Отечества о Твоемъ дражайшемъ здравіи, благоденствіи и спасеніи.

Радуйся, Россія, радостью веліею!

Божіе благословеніе возсіяло надъ Тобою въ священной славѣ Боговѣнчаннаго Царя Твоего.

Ты же, Царь Православный, Богомъ Вѣнчанный, уповай на Господа, да утвердится въ Немъ сердце Твое: вѣрою и благочестіемъ и цари сильны и царства непоколебимы!»

Прекрасный и могучій хоръ придворной капеллы, при звонѣ съ колокольни Ивана Великаго, исполнилъ радостный и торжественный гимнъ:

«ТЕБЕ, БОГА, ХВАЛИМЪ».

Этимъ закончился чинъ Священнаго Коронованія Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА и Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Послѣ чина Коронованія началась Божественная Литургія. Государь Св. Литургію прослушалъ стоя. Во время этой Литургіи надъ Государемъ было совершено таинство мѵропомазанія, передъ совершеніемъ котораго Государь подошелъ къ Царскимъ Вратамъ алтаря, и одинъ изъ присутствующихъ въ сонмѣ священнослужителей архіереевъ обратился къ Нему: «Благочестивѣйшій Великій Государь нашъ Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій! Вашего Императорскаго ВЕЛИЧЕСТВА мѵропомазанія и Святыхъ Божественныхъ Таинъ пріобщенія приближается время: того ради да благоволитъ Ваше Императорское ВЕЛИЧЕСТВО шествовать сея Великія Соборныя Церквѣ къ Царскимъ Вратамъ.»[18])

Когда мѵропомазаніе было совершено, колокольный звонъ Кремлевскихъ церквей и салютъ изъ 101 артиллерійскаго выстрѣла возвѣстили всему русскому народу, что таинство совершилось.

Митрополитъ Палладій ввелъ Государя въ алтарь черезъ Царскія Врата, и тамъ Онъ пріобщился Святыхъ Таинъ по «Царскому Чину».

По окончаніи службы Божьей въ Успенскомъ соборѣ, Государь Императоръ и Государыня Императрица направились въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, проходъ къ которымъ былъ охраняемъ шпалерами Императорскаго Конвоя. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА шествовали подъ золотымъ балдахиномъ со страусовыми перьями. Коронаціонный балдахинъ несли генералъ-адъютанты.[19])

Послѣ прикладыванія къ мощамъ въ Архангельскомъ и Благовѣщенском соборахъ, торжественное шествіе Высочайшихъ Особъ направилось къ Красному Крыльцу по мосткамъ, покрытымъ алымъ ковромъ.

Вдоль мостковъ стояли шпалеры отъ гвардейскихъ частей.

Поднявшись на Красное Крыльцо, Государь и Государыня, увѣнчанные Коронами, глубокими поклонами привѣтствовали массу народа, заполнившую всю площадь между соборами и Краснымъ Крыльцомъ.

ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА поклонились три раза: прямо передъ Собою, направо и налѣво. На этотъ Царскій привѣтъ Своему народу, вся Москва отозвалась громовымъ, восторженнымъ «ура» и несмолкаемымъ національнымъ гимномъ.

Чинъ Священнаго Коронованія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Коронаціонномъ церемоніалѣ указанъ слѣдующими словами:

«ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, принявъ въ правую руку Скипетръ, а въ лѣвую Державу, возсядетъ на Престолъ и вскорѣ затѣмъ, положивъ обѣ Регаліи на подушки, поданныя несшими ихъ сановниками, изво-

---

[18]) При совершеніи мѵропомазанія, мѵромъ помазывается также и грудь. Для этого на мундирѣ Государя Императора было сдѣлано отверстіе, которое закрывалось особымъ клапаномъ.

[19]) Коронаціонный балдахинъ, троны, на которыхъ Государь и Государыня короновались и Государевъ мундиръ были помѣщены въ Оружейную Палату, на храненіе.

литъ призвать къ Себѣ Государыню Императрицу АЛЕКСАНДРУ ѲЕОДОРОВНУ.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, подойдя къ Государю Императору, станетъ передъ Своимъ Августѣйшимъ Супругомъ на колѣни на малиновую бархатную подушку, положенную однимъ изъ сопровождавшихъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО Ассистентовъ — Великій Князь Сергій Александровичъ и Великій Князь Павелъ Александровичъ, а Монархъ, снявъ съ Себя Корону, прикасается оною къ Главѣ Императрицы и снова на Себя возложитъ. Затѣмъ поднесена будетъ Государю Императору малая Корона.[20])

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО возложитъ ее на Главу Государыни, а четыре статсъ-дамы оную оправятъ.

Засимъ поднесется ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, для возложенія на Государыню, порфира и цѣпь Ордена Св. Апостола Андрея Первозваннаго; тѣ же четыре статсъ-дамы Регаліи сіи оправятъ. Тогда Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА изволитъ встать и возвратиться къ Своему Престолу (справа отъ Государя Императора).

Возглашается многолѣтіе; пѣніе сопровождается звономъ во всѣ колокола и 101 пушечнымъ выстрѣломъ.

Послѣ мvропомазанія Государя Императора, митрополитъ помажетъ Святымъ Мvромъ только на челѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, произнося: «Печать дара Духа Святаго».

Къ послѣдующему затѣмъ Высочайшему завтраку въ Грановитой Палатѣ были приглашены высокіе иностранные гости, высшіе государственные чины и дипломатическій корпусъ.[21])

Вечеромъ весь Кремль и городъ были иллюминованы. Съ началомъ иллюминаціи отъ Конвоя были высланы разъѣзды вокругъ всего Кремля. (Разъѣзды несли службу до 2-хъ часовъ ночи).

22-го мая Государь Императоръ и Государыня Императрица, въ сопровожденіи командира, одного офицера, вахмистра-ординарца, одного урядника и 3-хъ казаковъ Своего Конвоя, посѣтили Сергіевскую Лавру. Въ этотъ же день, съ соизволенія Государя, иностраннымъ высокимъ гостямъ была показана джигитовка Конвоя. Съ исключительнымъ вниманіемъ и восхищеніемъ слѣдили за джигитовкой конвойцевъ приглашенные гости, а въ особенности представители ихъ военныхъ миссій.

Коронаціонныя торжества закончились 26-го мая Высочайшимъ смотромъ войскъ, послѣ котораго церемоніальный маршъ былъ открытъ Собственнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоемъ. На правомъ флангѣ Конвоя находились генералъ-адъютантъ Рихтеръ и графъ Олсуфьевъ.

---

[20]) Корона унизана 2.000 брилліантовъ.

[21]) «Новое Время». Май, 1896 годъ. Коронаціонный альбомъ. Вел. Князь Гавріилъ Константиновичъ — «Въ Мраморномъ Дворцѣ». Стр. 33. П. Савченко. «Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА». Стр. 31.



ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА

Дочь Великаго Герцога Гессенскаго Людовика IV и супруги его Принцессы Алисы, дочери Королевы англійской Викторіи. Рождена 25-го мая 1872 года въ г. Дармштадтѣ. При крещеніи наречена: Алиса, Викторія, Елена, Луиза, Беатриса. Прибыла въ Россію 8-го октября 1894 г. Съ 21-го октября, принявъ православіе — Великая Княжна АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА. Съ 14-го ноября — Русская Императрица. 14-го мая 1896 г. увѣнчана Короной Русскихъ Императрицъ. Въ ночь съ 16 на 17 іюля 1918 года завершила Свой жизненный путь тяжелымъ страданіемъ, и со всей Своей Царской Семьей увѣнчана терновымъ вѣнцомъ, принявъ мученическую смерть въ городѣ Екатеринбургѣ.

Послѣ смотра Царская Семья отбыла изъ Москвы. Государь Императоръ и Государыня Императрица выѣхали въ Ильинское имѣніе Великаго Князя Сергія Александровича, а Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА — въ Гатчину.

Отдыхъ Государя съ Его Августѣйшей Супругою въ Ильинскомъ охраняла полусотня Конвоя при трехъ офицерахъ.[22]) Остальныя сотни были отправлены въ Петербургъ. Изъ Петербурга одна сотня была командирована въ Гатчину на службу при Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, одна оставлена въ Петербургѣ, а остальные конвойцы вернулись въ Царское Село.

22-го іюня Государь и Государыня изъ имѣнія Великаго Князя Сергія Александровича прибыли въ Петербургъ. Къ прибытію ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Зимнемъ Дворцѣ былъ выставленъ караулъ отъ сотни, находившейся при штабѣ Конвоя.

25-го іюня 1896 года исполнилось столѣтіе со дня рожденія Императора НИКОЛАЯ I. У подножія Его памятника въ Высочайшемъ присутствіи была отслужена панихида. На правомъ флангѣ представителей отъ всѣхъ частей Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, прибывшихъ къ панихидѣ на Николаевскую площадь, находилась полусотня со Штандартомъ Л.-Гв. отъ 1-й Кубанской сотни.

Непосредственно послѣ панихиды Государь Императоръ и Государыня Императрица отбыли въ Новый Петергофъ, куда предварительно были командированы три сотни Конвоя, принявшія на себя охрану Петергофскаго Дворца внутренними постами и конными разъѣздами въ Императорскихъ паркахъ.

Съ прибытіемъ трехъ сотенъ въ Новый Петергофъ былъ возстановленъ обычный порядокъ службы всѣхъ сотенъ Конвоя при Высочайшемъ Дворѣ.

ВЫБОРЪ КАЗАКОВЪ ДЛЯ СЛУЖБЫ ВЪ КОНВОѢ

Для того, чтобы этотъ порядокъ службы Конвоя отвѣчалъ всѣмъ требованіямъ несенія таковой, для комплектованія Конвоя были установлены особыя правила. Эти правила, главнымъ образомъ, заключались въ томъ, что въ Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА офицеры и казаки не назначались, а выбирались. Офицеры — изъ строевыхъ частей, а казаки — изъ всѣхъ станицъ Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, куда для этой цѣли командировались офицеры Конвоя.

Для выбора казаковъ въ гвардію командированные офицеры объѣзжали всѣ станицы своего Войска. До отбытія въ командировку офицеры обычно спрашивали казаковъ Конвоя, знаютъ ли они кого изъ своихъ станичниковъ, достойныхъ быть принятыми въ Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Конвойцы, сговорившись между собою, запрашивали въ письмахъ стариковъ-отцовъ и старыхъ гвардейцевъ своей

---

[22]) Есаулъ Петинъ, сотникъ Урусбіевъ и хорунжій князь Витгенштейнъ.

станицы и, по совѣту ихъ, указывали офицеру кандидатовъ изъ видныхъ и уважаемыхъ казачьихъ семействъ.

Прибывъ въ Войско, офицеръ Конвоя черезъ Войсковой Штабъ ставилъ въ извѣстность атамановъ станицъ о томъ, когда онъ прибудетъ въ ихъ станицу. Атаманы станицъ представляли офицеру всѣхъ молодыхъ казаковъ своей станицы, закончившихъ положенный срокъ строевого обученія въ «приготовительномъ разрядѣ», и предназначенныхъ уже къ «дѣйствительной» службѣ. Кромѣ того, по выбору атамана и стариковъ, были представляемы и нѣкоторые особо достойные урядники. Если эти урядники принимались на службу въ Конвой, то они сохраняли свое званіе и носили мундиръ урядника, но служили въ гвардіи на положеніи рядового казака.

Списки выбранныхъ изъ всѣхъ станицъ Войска отправлялись въ Войсковой Штабъ. Выбирая молодыхъ казаковъ въ Конвой, офицеры не требовали положеннаго «гвардейскаго роста» — 2 аршина и 8 вершковъ отъ избранныхъ ими отличныхъ джигитовъ, танцоровъ и пѣсенниковъ.

Получивъ свѣдѣнія о кандидатахъ на службу въ Императорскій Конвой, Войсковой Штабъ предписывалъ атаманамъ станицъ командировать ихъ въ свои Отдѣлы, для прохожденія строевой и медицинской комиссій. Въ строевой комиссіи присутствовалъ и ветеринарный врачъ для осмотра собственныхъ лошадей молодыхъ казаковъ, на предметъ ихъ годности для службы въ гвардіи.

Конвойцы обязаны были имѣть рослыхъ, вполнѣ исправныхъ и только гнѣдой масти строевыхъ лошадей. Въ Конвоѣ командиръ, штабъ-офицеры и трубачи сидѣли на свѣтло-сѣрыхъ коняхъ. Трубачи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, слѣдовавшіе непосредственно за Государемъ Императоромъ при всѣхъ Высочайшихъ смотрахъ, маневрахъ и парадахъ, имѣли прекрасныхъ арабской крови коней.

Казаки покупали лошадей отъ извѣстнаго въ Кабардѣ конно-заводчика Коцева, у котораго выбиралъ лошадей въ гвардію лично войсковой ветеринаръ. Окончательный отборъ будущихъ конвойцевъ производился въ маѣ, для чего всѣ, благополучно прошедшіе въ своихъ Отдѣлахъ строевую и медицинскую комиссіи казаки, сосредотачивались на сборныхъ пунктахъ: Кубанцы въ Екатеринодарѣ, Терцы во Владикавказѣ. Здѣсь офицеры Конвоя производили свой послѣдній выборъ и утверждали списокъ молодыхъ казаковъ.[23])

Окончательно выбранные въ Конвой казаки обязаны были:

1. Въ Войсковой больницѣ еще разъ пройти медицинскую комиссію.
2. Въ Войсковой ремесленной школѣ пріобрѣсти за свой счетъ новое строевое гвардейское сѣдло, луки ленчика котораго должны были быть отдѣланы тонкимъ бѣлымъ рогомъ. Къ ленчику: положенную

---

[23]) Сборный пунктъ у Кубанцевъ былъ такъ называемый «Разгонный постъ». Этотъ постъ сохранилъ до послѣднихъ дней борьбы съ красными на Кубани историческую вышку, съ которой казаки при приближеніи непріятеля объявляли тревогу.

по уставу подушку, желтый потникъ и митюкъ, сшитый изъ хорошей кожи; треногу, недоуздокъ и, украшенные кавказскимъ наборомъ, уздечку, нагрудникъ и пахвы. Кромѣ того, къ сѣдлу черный кожаный чепракъ, обшитый кругомъ желтымъ широкимъ гвардейскимъ басономъ.[24])

3. Тамъ же, въ Войсковой ремесленной школѣ, купить башлыкъ темно-коричневаго цвѣта и бурочные сапоги. (Башлыкъ въ Конвоѣ употреблялся только въ ненастную погоду зимой, при нарядѣ въ конные патрули).

Изъ собственнаго обмундированія и вооруженія казаки, выбранные въ Конвой, должны были имѣть:

1. Хорошаго курпея установленнаго размѣра папаху. 2. Одну сѣрую черкеску. 3. Одинъ бешметъ. 4. Двѣ пары бѣлья. 5. Одни шаровары. 6. Двѣ пары легкихъ сапогъ (одна пара кавказскихъ чувякъ съ ногавицами). 7. Одну бурку. 8. Отдѣланную въ серебрѣ кавказскую казачью шашку съ портупеей. 9. Такой же кинжалъ съ поясомъ.

Клинки шашекъ и кинжаловъ изготовлялись по заказу Войскового Штаба Златоустовской оружейной фабрикой. Эти клинки имѣли въ верхней своей части около рукоятки штампованныя буквы: К. К. В. или Т. К. В. (Кубанское Казачье Войско — Терское Казачье Войско) и на обратной сторонѣ З. О. Ф. (Златоустовская оружейная фабрика).

Разрѣшалось имѣть шашки и кинжалы другого издѣлія, но на службу почти всѣ казаки выходили съ холоднымъ оружіемъ, имѣющимъ златоустовскіе клинки. Несмотря на то, что эти клинки были личной собственностью, казаки называли ихъ «казенными».

Офицеры Конвоя имѣли по нѣсколько шашекъ и кинжаловъ со старинными (Гурда и др.) и современными клинками. Ножны шашекъ, кромѣ золотого и серебрянаго набора «съ черньюх», обшивались алымъ (по цвѣту мундира) сукномъ, расшитымъ офицерскимъ гвардейскимъ галуномъ. Огнестрѣльное оружіе у казаковъ было казенное и не являлось собственностью казака. Это оружіе — трехлинейную кавалерійскую (т. е. укороченную) винтовку образца 1891 года и револьверъ системы «Наганъ», выбранный на службу въ гвардію казакъ получалъ по прибытіи въ Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.[25])

Одновременно съ прохожденіемъ въ Войсковой больницѣ медицинской комиссіи, покупкою сѣделъ, замѣною лошадей и другими приготовленіями, съ казаками, выбранными въ Конвой, ежедневно производились строевыя занятія, выводки лошадей, осмотръ и провѣрка всего снаряженія и обмундированія.

---

[24]) У офицеровъ Конвоя чепракъ обшивался кавказскимъ галуномъ. Чепраки полагалось имѣть при парадной формѣ. Офицерамъ поставлялъ сѣдла знаменитый на весь Кавказъ работой своей мастерской казакъ ст. Баталпашинской Калаушинъ. Покупались сѣдла и въ Войсковыхъ ремесленныхъ школахъ.

[25]) Въ Конвоѣ всѣ казаки были вооружены, кромѣ винтовокъ, и револьверами.

Наканунѣ отбытія эшелона молодыхъ казаковъ въ С. Петербургъ въ двадцатыхъ числахъ мая, служился напутственный молебенъ, и священникъ, благословляя казаковъ на службу въ Государевъ Конвой, кропилъ святой водою ихъ строй.

И, наконецъ, отбывающимъ на службу въ Конвой казакамъ производилъ смотръ Наказный Атаманъ. Это не былъ смотръ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, ибо это былъ «смотръ отца своимъ дѣтямъ», которыхъ онъ, какъ Глава всего Войска, съ отцовскою любовью и гордостью отправлялъ на почетнѣйшую службу Престолу и Родинѣ.

Станицы, посылая въ Конвой своихъ лучшихъ, извѣстныхъ всей станицѣ казаковъ, не только ими гордились, но и въ лицѣ атамана, его помощниковъ и «довѣренныхъ», подписывали отдѣльно для каждаго выбраннаго изъ ихъ среды казака особый приговоръ, въ которомъ станица ручалась за своего представителя, что являлось однимъ изъ главныхъ требованій при выборѣ молодыхъ конвойцевъ.

О томъ, какъ въ станицахъ старые конвойцы и старики казаки заранѣе присматривались, намѣчали и воспитывали тѣхъ молодыхъ казаковъ, которые, по ихъ наблюденію, были бы достойны для службы въ гвардіи, одинъ изъ казаковъ-конвойцевъ, въ своихъ воспоминаніяхъ, описываетъ:

«Въ 1907 году я былъ еще юноша 17-ти лѣтъ. Мой покойный отецъ и его нѣсколько пріятелей обычно работали вмѣстѣ. Помогалъ отцу въ работѣ и я. Почему - то къ намъ сталъ на работу приходить одинъ старый конвоецъ и разсказывалъ о своей службѣ. Я съ большимъ вниманіемъ его слушалъ. Я видѣлъ, какъ при своихъ разсказахъ онъ посматривалъ на меня. Однажды, въ присутствіи отца и его пріятелей, конвоецъ неожиданно прервалъ свой интересный разсказъ и, указывая на меня пальцемъ, сказалъ: «Ты будешь служить въ Конвоѣ!» Я тогда не могъ понять, какъ это можетъ быть. Стали мнѣ подходить мои годы къ службѣ, и въ станицѣ пошли разговоры, что Лашукъ — это гвардеецъ въ 1909 году. А когда я женился, то на свадьбѣ мой дѣдъ далъ мнѣ 100 рублей и сказалъ: «пойдешь въ гвардію, это я дарю тебѣ на коня».

«Въ 1910 году я дѣйствительно пришелъ на службу въ Конвой, какъ указали на меня старики, и какъ желалъ мой дѣдъ, умершій въ томъ же году . . .»[26])

Эшелоны выбранныхъ въ Конвой Кубанцевъ и Терцевъ встрѣчались на станціи Тихорѣцкой, и далѣе слѣдовали совмѣстно. Въ пути бывали одна или двѣ остановки для выводки лошадей. Въ концѣ мая эшелоны съ молодыми казаками, съ которыми возвращались и командированные въ Войска офицеры, прибывали въ Царское Село.

О прибытіи молодыхъ казаковъ въ Царское Село М. В. Лашукъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Къ 12 ч. ночи прибыли на станцію Александровскую, возлѣ Царскаго Села. Версты 4 отъ города ясно видны намъ главы собора.

[26]) Изъ воспоминаній М. В. Лашука.

Нѣсколько старыхъ казаковъ пришло насъ встрѣчать и были присланы обозныя подводы для нашихъ вещей. Мы быстро выгрузились и въ конномъ строю пошли по направленію собора. Не доѣзжая собора, свернули влѣво къ казармамъ. Остановились у казармъ, привязали лошадей къ коновязямъ и смотримъ одинъ на другого: что такое? 2 часа ночи, а свѣтло! Старые казаки смѣются и посылаютъ насъ спать . . . »

Къ прибытію молодыхъ заканчивали свою службу въ Конвоѣ старые конвойцы, отслужившіе свой 4-хлѣтній срокъ.

Молодые казаки представлялись Государю Императору совмѣстно со старыми, закончившими свою службу при Высочайшемъ Дворѣ.

Для представленія Государю, старые конвойцы и вновь поступившіе выстраивались въ пѣшемъ строю у Екатерининскаго Дворца. Молодые отдѣльно отъ старыхъ. Государь Императоръ сначала обходилъ строй старыхъ конвойцевъ, благодарилъ ихъ за службу и каждому лично жаловалъ нагрудный знакъ — «За службу въ Моемъ Конвоѣ».

Какъ только Государь заканчивалъ обходъ первой шеренги, подавалась команда: «І-я шеренга два шага впередъ!», и Государь тогда прощался съ конвойцами, стоявшими во второй шеренгѣ.

Пожаловавъ уходящимъ со службы конвойцамъ нагрудный знакъ, Государь еще разъ благодарилъ ихъ за службу и поздравлялъ всѣхъ съ переименованіемъ въ урядники. Затѣмъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО подходилъ къ строю молодыхъ, здоровался съ ними и, обходя ихъ, внимательно ихъ осматривалъ. Въ Своемъ первомъ словѣ, обращенномъ къ вновь прибывшимъ казакамъ, Государь указывалъ имъ на то, чтобы они служили по примѣру своихъ братьевъ, только что закончившихъ службу въ Его Конвоѣ.

Для этого Высочайшаго смотра молодыхъ казаковъ переобмундировывали въ спеціально построенную для нихъ форму: черкески кавказскаго «дачковаго» сукна, табачнаго цвѣта, при бѣломъ бешметѣ. Послѣ представленія Государю, эти черкески и бешметы сдавались въ цейхаузъ Конвоя, и молодые казаки за все время своего прикомандированія и обученія всѣмъ правиламъ конвойной службы, носили свои собственныя сѣрыя черкески.

Прибывшіе въ Конвой изъ Кубанскаго и Терскаго Войскъ молодые казаки не составляли отдѣльной команды, а разбивались по всѣмъ 4-мъ сотнямъ. Для этой разбивки выстраивали ихъ по общему ранжиру въ одну шеренгу. Кубанцы отдѣльно отъ Терцевъ. По командѣ: «на первый и второй расчитайсь!» первые №-ра составляли одну шеренгу, вторые №-ра 2-ую. Командиры сотенъ тянули между собою жребій, въ какую сотню какая шеренга. Затѣмъ давалось извѣстное время для заявленій отдѣльныхъ просьбъ молодыхъ казаковъ о переходѣ въ другую сотню, для совмѣстнаго служенія съ родственниками или станичниками.

Съ первыхъ же дней прибытія молодыхъ казаковъ въ Конвой съ ними велись строевыя занятія, для чего въ каждой сотнѣ назначался одинъ офицеръ и необходимое число урядниковъ Конвоя. Общее же наблюденіе за обученіемъ вновь принятыхъ въ Конвой казаковъ велъ помощникъ командира по строевой части и офицеры, выбиравшіе ихъ въ своихъ Войскахъ.

Для молодыхъ это было большое напряженіе. День начинался въ 5 часовъ утра утренней уборкой лошадей, а затѣмъ въ теченіе цѣлаго дня они были подъ строгимъ обученіемъ и наблюденіемъ старыхъ конвойцевъ. Въ подготовкѣ молодыхъ принимали участіе не только ихъ непосредственные начальники, но и всѣ старые казаки ихъ сотенъ, а въ особенности станичники вновь прибывшихъ въ Конвой молодыхъ, способствуя тому, чтобы какъ можно скорѣй придать молодымъ не только настоящую гвардейскую выправку, но и обучить ихъ всѣмъ тонкостямъ и правиламъ службы при Высочайшемъ Дворѣ.

Въ казармахъ, послѣ вечерней зари, до позднихъ часовъ шло «добровольное» обученіе того, что принято называть «словесностью». Но при этой словесности, кромѣ толкованія и поясненія обычныхъ правилъ службы, старые конвойцы давали молодымъ свои собственныя наставленія. И дѣйствительно, въ воинскихъ уставахъ Русской Императорской Арміи нельзя было найти этихъ указаній.

«Отвѣчай мнѣ, какъ Государю Императору!» — Слѣдуетъ отвѣтъ.

«Отвѣчай громче, но не выкрикивай отдѣльныхъ словъ!»

«Отвѣчай мнѣ, какъ Государынѣ Императрицѣ!»

«Неправильно! Государынѣ нельзя отвѣчать такъ громко. Отвѣчай только вполголоса и смотри, съ тобою Государыня Императрица здороваться не будетъ, а только изволитъ наклонить Свою голову.»

«Становись на постъ! Отвѣчай еще разъ, какъ Государынѣ Императрицѣ, когда я пройду мимо тебя и поздороваюсь съ тобою наклономъ головы.»

Такихъ наставленій было много, и ихъ трудно учесть. Они создавались и вырабатывались самими же конвойцами, какъ результатъ ихъ собственныхъ наблюденій при несеніи службы въ Императорскомъ Дворцѣ. По окончаніи обученія и смотра помощника командира по строевой части, молодые казаки принимали присягу.

Къ этому дню готовились всѣ, и старые и молодые, ибо, принявъ присягу, молодые становились настоящими гвардейцами и, получивъ мундиръ Конвоя, назначались на службу.

Изъ Большого-Екатерининскаго Дворца, въ торжественной обстановкѣ, выносились два Штандарта Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя (Кубанскій и Терскій).

Такъ какъ среди молодыхъ казаковъ былъ достаточный процентъ старообрядцевъ (главнымъ образомъ среди Терцевъ), въ царствованіе Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА

на присягѣ присутствовало два священника, православный и старообрядческій.

Послѣ совершенія священниками положенной молитвы, адъютантъ Конвоя объявлялъ молодымъ казакамъ о тѣхъ подвигахъ, за которые жаловался Георгіевскій Крестъ. Но, кромѣ чтенія правилъ о наградахъ, сейчасъ же слѣдовало сообщеніе о наказаніяхъ, налагаемыхъ на воинскихъ чиновъ за проступки, совершенные, главнымъ образомъ, въ военное время. Затѣмъ священники громко, но медленно, останавливаясь почти на каждомъ словѣ, читали текстъ воинской присяги, установленной еще Императоромъ ПЕТРОМЪ Великимъ. Вслѣдъ за священниками молодые казаки, поднявъ правую руку вверхъ со сложенными пальцами для крестнаго знаменія, повторяли:

«Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ передъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хощу и долженъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ Самодержцу Всероссійскому и ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ Всероссійскаго ПРЕСТОЛА НАСЛѢДНИКУ вѣрно и нелицемѣрно служить, не щадя живота своего, до послѣдней капли крови, и всѣ къ Высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности исполнять.

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА государства и земель отъ его враговъ, тѣломъ и кровью въ полѣ и крѣпостяхъ, водою и сухимъ путемъ, въ баталіяхъ, партіяхъ, осадахъ и штурмахъ и въ прочихъ воинскихъ случаяхъ храброе и сильное чинить сопротивленіе, и во всемъ стараться споспѣшествовать, что къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрной службѣ и пользѣ государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ.

«Объ ущербѣ же ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вредѣ, убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но всякими мѣрами отвращать и не допущать потщуся и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, а предпоставленнымъ надо мною начальникамъ во всемъ, что къ пользѣ и службѣ государства касаться будетъ, надлежащимъ образомъ чинить послушаніе и все по совѣсти своей исправлять и для своей корысти, свойства и дружбы и вражды противъ службы и присяги не поступать: отъ команды и знамени, гдѣ принадлежу, хотя въ полѣ, обозѣ или гарнизонѣ, никогда не отлучаться, но за онымъ, пока живъ, слѣдовать буду, и во всемъ такъ себя вести и поступать, какъ честному, вѣрному, послушному, храброму, расторопному казаку надлежитъ. Въ чемъ да поможетъ мнѣ Господь Богъ Всемогущій. Въ заключеніе сей клятвы, цѣлую слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь!»

Послѣ присяги молодые конвойцы назначались на службу, но съ такимъ расчетомъ, чтобы въ каждомъ нарядѣ они служили со старыми казаками, знающими всѣ правила и инструкціи службы при Высочайшемъ Дворѣ. На посты, гдѣ положено имѣть парныхъ часо-

выхъ, назначался одинъ старый и одинъ молодой. Каждый конный постъ вокругъ рѣшетки Императорскаго Дворца имѣлъ въ своемъ составѣ какъ старыхъ, такъ и молодыхъ казаковъ. Въ наряды по «Встрѣчѣ», дежурныхъ къ Дворцовому телефону и къ телефону въ офицерское собраніе Конвоя обязательно входилъ кто-либо и изъ молодыхъ. Вообще всѣ наряды, а въ томъ числѣ и внутренніе, какъ дежурные и дневальные по сотнямъ и конюшнямъ, молодые несли совмѣстно со старыми казаками, подъ ихъ надзоромъ и наблюденіемъ, но чистить сотенный дворъ и коновязь послѣ уборки лошадей обязаны были только молодые казаки.

При переводѣ въ Конвой и въ послѣдующіе годы службы въ немъ, всѣ казаки получали, срокомъ на одинъ годъ, слѣдующее казенное обмундированіе:

1. Алую черкеску-парадный мундиръ . . . . 1.
2. Бѣлый бешметъ къ парадному мундиру . . . 1.
3. Синюю черкеску — вицъ-мундиръ . . . . . 2.
   (Одинъ мундиръ большаго размѣра, дабы его можно было надѣвать на теплый бешметъ-шубу).
4. Алый бешметъ, къ вицъ-мундиру . . . . . 2.
5. Синіе гвардейскіе шаровары . . . . 2.
6. Хорошаго курпея черную папаху . . . . . 1.
7. Кобуру для револьвера . . . . 2.
   (Къ синему мундиру — черной кожи, къ алому — алаго сукна).
8. Бѣлую тесьму (носилась черезъ лѣвое плечо и надѣвалась при парадной формѣ) . . . . 3 аршина.
9. Черную тесьму для револьвера . . . . . . 6 аршинъ.
10. Алый сафьяновый поясъ, прошитый двумя гвардейскими басонами, для параднаго мундира . 1.
11. Погонный ремень для винтовокъ, къ парадной формѣ бѣлый и черный для вицъ-мундира . . 2.
12. Шубу (теплый бешметъ), выдаваемую срокомъ на четыре года. Онѣ имѣли мягкую шерсть, были легки и удобны для службы верхомъ.

Къ концу службы у каждаго уходящаго въ Войско конвойца хранилось въ его сундукѣ по нѣсколько отслужившихъ свой срокъ мундировъ. Эти мундиры переходили въ ихъ собственность и съ гордостью ими носились въ ихъ станицахъ. Въ станицахъ часто можно было видѣть старыхъ гвардейцевъ въ алой офицерской фуражкѣ. Это была, конечно, извѣстная вольность, т. к. казакамъ Конвоя фуражка, да еще офицерскаго образца, присвоена не была. Фуражку и офицерское пальто казаки Конвоя заказывали себѣ передъ уходомъ со службы въ свои Войска. Офицеры Конвоя объ этомъ знали, но знали и то, что это была традиція старыхъ конвойцевъ, желавшихъ и помимо своего мундира, въ обычной повседневной обстановкѣ, внѣшне подчеркнуть то, что они — гвардейцы.

Сверхсрочнослужащіе конвойцы получали двойной комплектъ обмундированія. Трубачи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Штандартные подхорунжіе, вахмистра сотенъ и почти всѣ взводные урядники Конвоя были таковыми. Вахмистръ сотни Василій Поповъ служилъ въ Конвоѣ 22 года. Вахмистръ Никонъ Поповъ — 25 лѣтъ. Ему были устроены торжественные проводы, послѣ которыхъ казаки вынесли на рукахъ со второго этажа казармы своего стараго и всѣми уважаемаго вахмистра. Послѣдній старшій трубачъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, вахмистръ Захарченко, служилъ въ Конвоѣ болѣе 30 лѣтъ.[27])

Помимо казеннаго обмундированія, казакамъ Конвоя было положено «денежное довольствіе» по слѣдующему окладу:

Рядовой	1 рубль въ месяцъ.
Младшій урядникъ	2 рубля въ мѣсяцъ.
Старшій урядникъ	3 рубля въ мѣсяцъ.
Вахмистръ	5 рублей въ месяцъ.

Всѣмъ казакамъ Конвоя, кромѣ этого основного жалованія, по повелѣнію Государя Императора послѣ каждаго парада въ Высочайшемъ присутствіи жаловалось по 1 рублю, а при всякой служебной командировкѣ — 20 копѣекъ въ сутки. Для улучшенія довольствія, отъ Министерства Двора, 9 рублей въ мѣсяцъ. На исправное содержаніе собственнаго снаряженія, «ремонтныя» деньги, вмѣстѣ съ «чайными» и «мыльными», составляли общую сумму 130 рублей въ годъ. Кромѣ этихъ денегъ, конвойцы ежемѣсячно получали «фуражныя» деньги на «вторую лошадь», которой фактически у казаковъ Конвоя не было.

Полученіе денегъ на «вторую лошадь» конвоецъ М. В. Лашукъ поясняетъ такъ: «Въ старое время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, казаки съ Кавказа шли въ Петербургъ для службы въ Конвоѣ на двухъ лошадяхъ, изъ коихъ одна была вьючная. Когда стали эшелоны молодыхъ отправлять въ Конвой по желѣзной дорогѣ, то вьючныхъ лошадей отмѣнили, но выдача денегъ на вторую лошадь не отмѣнялась! . . »[28])

Казакамъ Конвоя всѣ причитающіяся имъ деньги, за исключеніемъ мѣсячнаго жалованія, на руки не выдавались. Командиры сотенъ вели имъ строгій учетъ, сдавая деньги въ Сберегательную Кассу, на личную книжку каждаго казака своей сотни. Каждый мѣсяцъ 20-го числа командиры сотенъ опрашивали казаковъ своей сотни, сколько рублей хочетъ получить на руки; столько и выдавали, а остальныя деньги хранились въ Сберегательной Кассѣ. Когда же конвоецъ заканчивалъ свою дѣйствительную службу и уходилъ въ запасъ Кон-

---

[27]) Многіе изъ сверхсрочнослужащихъ были семейные и жили въ отведенныхъ для нихъ казенныхъ квартирахъ. Изъ воспоминаний старыхъ конвойцевъ С. И. Полупанова и М. В. Лашука.

[28]) Суточная дача фуража строевымъ лошадямъ въ Конвоѣ: сѣно — 18 фунтовъ. Зерно — 12 фунтовъ. И для подстилки соломы — 4 фунта.

воя, то, смотря по его желанію, онъ или получалъ всѣ свои, заслуженныя имъ за 4 года службы, деньги на руки, или онѣ переводились въ другой банкъ, по его указанію.

Старымъ конвойцамъ, уходившимъ въ Войско, разрѣшалось продавать своихъ строевыхъ лошадей. За три мѣсяца до отбытія старослужащихъ конвойцевъ на Кавказъ, въ столичныхъ газетахъ объявлялось о томъ, что въ назначенное время будутъ въ Конвоѣ продавать извѣстное количество лошадей. Въ большинствѣ случаевъ этихъ лошадей покупали любители верховой ѣзды, и платили они конвойцамъ хорошо.

Казаки, числившіеся въ запасѣ Конвоя, при мобилизаціи или при вторичномъ вызовѣ на службу, обязаны были купить новаго строевого коня. При продажѣ лошадей лучшихъ изъ нихъ оставляли въ Конвоѣ, и о количествѣ задержанныхъ лошадей ставился въ извѣстность офицеръ, набиравшій въ Войскѣ молодыхъ казаковъ.

До послѣдняго представленія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, приказомъ по Конвою старые конвойцы производились въ урядники. Въ исторіи Конвоя были очень рѣдки случаи увольненія казаковъ безъ переименованія въ урядники и съ лишеніемъ гвардейскаго мундира. Это влекло за собою невозможное и позорное появленіе въ станицу, изъ которой потомъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не принимали казаковъ въ Конвой.

Въ 1913 году, одинъ изъ казаковъ-конвойцевъ, за опозданіе изъ отпуска въ нетрезвомъ видѣ, былъ лишенъ гвардейскаго мундира. Сознавая, что своимъ поведеніемъ онъ опозорилъ родную станицу, своимъ приговоромъ поручившуюся за него, казакъ покончилъ жизнь самоубійствомъ, застрѣлившись изъ казеннаго револьвера.[29])

Къ отбытію на Кавказъ эшелона закончившихъ свою службу въ Конвоѣ казаковъ, на вокзалъ для провода ихъ прибывалъ командиръ или замѣнявшій его помощникъ по строевой части, и всѣ свободные отъ службы офицеры. Эшелонъ отбывалъ подъ командою двухъ офицеровъ, командированныхъ въ Кубанское и Терское Войско для очередного набора молодыхъ казаковъ.

На границѣ Войска старыхъ конвойцевъ встрѣчалъ Наказный Атаманъ и, отъ имени всего Войска, благодарилъ ихъ за службу въ Конвоѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Эшелоны Кубанцевъ и Терцевъ составлялись такъ, чтобы на каждой станціи можно было оставлять вагонъ съ казаками ближайшихъ къ этой станціи станицъ.

По окончаніи одного года службы молодыхъ казаковъ въ Конвоѣ, тѣхъ изъ нихъ, кто проявилъ особое усердіе къ службѣ и наиболѣе былъ достоинъ въ будущемъ занять должность урядника, командировывали въ Учебную Команду Конвоя. Команда имѣла свое отдѣльное помѣщеніе при казармѣ сотни, находившейся на службѣ въ Петербургѣ. Команда занималась въ своемъ удобномъ и просторномъ помѣ-

---

[29]) Изъ воспоминаній о службѣ въ Конвоѣ С. .И Полупанова.

щеніи съ гимнастическимъ заломъ. Для конныхъ ученій выѣзжала на Марсово поле или въ манежъ за Троицкимъ мостомъ.

Казаковъ, успѣшно окончившихъ полный курсъ Учебной Команды, приказомъ по Конвою производили въ урядники, и имъ жаловались серебряные часы съ цѣпью. На крышкѣ часовъ былъ изображенъ уставъ, перо и подкова. Кромѣ Учебной Команды, изъ каждаго взвода всѣхъ четырехъ сотенъ Конвоя выбирали желающихъ пройти спеціальный курсъ образцовой ковки, подъ руководствомъ ветеринарнаго врача. Курсъ обученія продолжался 9 мѣсяцевъ. Казаки, прошедшіе съ успѣхомъ этотъ курсъ, послѣ повѣрочнаго экзамена тоже получали серебряные часы. На цепочкѣ къ часамъ — брелокъ: подкова съ молоткомъ. На верхней крышкѣ часовъ была изображена подкова, вокругъ которой надпись: «За отличную ковку».

СЛУЖБА КОНВОЯ ПРИ ВЫСОЧАЙШЕМЪ ДВОРѢ

Каждое лѣто Царская Семья совершала свое обычное плаваніе въ Финскія шхеры на Императорской яхтѣ «Штандартъ». Отъ Собственнаго Конвоя сопровождали Августѣйшее Семейство только командиръ Конвоя и урядникъ-ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Службу ординарца при Государѣ Императорѣ сотни Конвоя несли по очереди. Назначался на этотъ, особо почетный и отвѣтственный постъ лучшій урядникъ сотни, срокомъ на 6 мѣсяцевъ. Выборъ Царскаго ординарца производилъ командиръ Конвоя, по совѣту его помощника по строевой части и командировъ сотенъ, но утверждалъ выборъ ординарца Министръ Императорскаго Двора. Ординарецъ постоянно находился при Государѣ Императорѣ, всюду Его сопровождалъ. При выѣздахъ Государя, ординарецъ сидѣлъ рядомъ съ кучеромъ или съ шоферомъ. Въ Императорскомъ поѣздѣ онъ имелъ свое купэ въ вагонѣ, находившемся непосредственно за Царскимъ вагономъ. Ординарецъ Государя жилъ во Дворцѣ, гдѣ и получалъ довольствіе. По окончаніи его 6-тимѣсячнаго срока службы, Государь Императоръ жаловалъ Своего ординарца золотыми часами съ государственнымъ гербомъ. Такъ же въ Императорскихъ Дворцахъ находились и камеръ-казаки ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ Государынь Императрицъ, конвойцы: старшій урядникъ Ящикъ — кубанецъ, и терецъ — старшій урядникъ Орелъ.

Во время пребыванія Царской Семьи въ Финскихъ шхерахъ всѣ три сотни Конвоя, несшія службу въ Петергофѣ, вели усиленныя строевыя занятія. Это было единственное время, когда казаки Конвоя не занимали въ Императорскихъ Дворцахъ постовъ и карауловъ, а потому сотни могли вести занятія въ полномъ своемъ составѣ.

Одновременно съ конными и пѣшими сотенными ученіями, сотни Конвоя проходили положенный курсъ учебной стрѣльбы на Ораніенбаумскомъ стрѣльбищѣ, куда конвойцы отправлялись по желѣзной дорогѣ съ вокзала Новый Петергофъ. Лучшимъ стрѣлкамъ выдава-

лись призы. Получившіе первые призы награждались серебряными часами, съ золотой пластинкой на верхней крышкѣ часовъ. На пластинкѣ изображеніе двухъ перекрещивающихся винтовокъ, вокругъ которыхъ надпись: «За отличную стрѣльбу.» За отличную стрѣльбу изъ револьвера призъ не выдавался, а въ приказѣ по Конвою объявлялись фамиліи лучшихъ стрѣлковъ изъ револьвера съ указаніемъ, къ какой сотнѣ они принадлежатъ. Это указаніе вызывало естественное соревнованіе сотенъ. Дабы приказомъ по Конвою получить званіе лучшаго стрѣлка изъ револьвера, надо было стрѣлять три раза по семи патроновъ, и всѣ 21 пуля должны были попасть въ цѣль.

Въ Конвоѣ при строевомъ обученіи особенное вниманіе было обращено на лихую джигитовку, для чего также были установлены призы: шашки, кинжалы, сѣдла, револьверы и часы. Младшій урядникъ Рева, казакъ станицы Дядьковской, за все время своей службы получилъ за джигитовку 12 первыхъ призовъ.

Въ 1899 году на Кавказѣ въ Аббасъ-Туманѣ въ Бозѣ почилъ, въ возрастѣ 28 лѣтъ, Братъ Государя, Наслѣдникъ Цесаревичъ Великій Князь ГЕОРГІЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ. По желанію Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, всѣ чины команды отъ 1-го Хоперскаго, Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини АНАСТАСІИ МИХАЙЛОВНЫ, полка Кубанскаго казачьяго Войска, находившейся на службѣ при почившемъ Наслѣдникѣ Русскаго Престола во время Его пребыванія въ Аббасъ-Туманѣ — сотникъ Жуковъ, сотникъ Шапринскій и 22 казака, были зачислены въ Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Также какъ исключеніе изъ общихъ правилъ о пріемѣ офицеровъ въ Конвой, по Высочайшему повелѣнію были приняты въ Государевъ Конвой персидскій принцъ Риза Кули Мирза и Терскаго Войска сотникъ Панкратовъ. Принцъ — какъ крестный сынъ Государя Императора АЛЕКСАНДРА III, при переходѣ его изъ мусульманской религіи въ православіе. Принцъ былъ сверхштатнымъ офицеромъ и за время его службы въ Конвоѣ строевой должности не занималъ.

Сотникъ же Панкратовъ во время Японской войны былъ тяжело раненъ и находился на излѣченіи въ одномъ изъ госпиталей въ Царскомъ Селѣ. Состояніе здоровья сотника Панкратова было критическое, и персоналъ госпиталя считалъ, что дни его сочтены.

Постоянно посѣщавшей военные госпиталя Государынѣ Императрицѣ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ доложили о томъ, что сотникъ Панкратовъ находится при смерти. Государыня сейчас же подошла къ нему, милостиво съ нимъ бесѣдовала и, съ присущей Ей любовью и Царскимъ вниманіемъ ко всѣмъ раненымъ русскимъ воинамъ, спросила его, имѣетъ ли онъ какое-либо желаніе, Она съ радостью хотѣла бы ему помочь. Сотникъ Панкратовъ отвѣтилъ: «Хочу служить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ!»

Сотнику Панкратову было оказано исключительное вниманіе, и онъ, дѣствительно только по милости Божьей и заботами самой Государыни, былъ спасенъ отъ смерти, а по Высочайшему повелѣнію за-

численъ въ Конвой, гдѣ впослѣдствіи командовалъ Л.-Гв. 3-й Терской сотней.

Служба въ Конвоѣ требовала отъ всѣхъ чиновъ его строжайшей дисциплины и усиленнаго напряженія въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, въ особенности во время пребыванія Августѣйшей Семьи въ Царскомъ Селѣ.

Городъ Царское Село, гдѣ Императорская Семья проводила обычно зиму, находился въ 20 верстахъ къ югу отъ Петербурга. Надъ всѣмъ городомъ возвышался «Большой Дворецъ» — Екатерининскій Дворецъ. Недалеко отъ Большого Дворца въ паркѣ, прорѣзанномъ озерами, была главная Резиденція Августѣйшей Семьи Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА — Александровскій Дворецъ. Въ этомъ Дворцѣ Царская Семья занимала одинъ флигель. Государь и Государыня имѣли Свои покои въ нижнемъ этажѣ, а Ихъ Дѣти — въ верхнемъ, въ такъ называемой «Дѣтской половинѣ». Въ среднемъ корпусѣ помѣщались парадные покои, а противоположный флигель былъ занятъ нѣкоторыми лицами Свиты Государевой.

Пріемный кабинетъ Государя и гостиная Государыни между собою были соединены особымъ коридоромъ. Обстановка кабинета Государя была проста и скромна, какъ и вся личная жизнь Царской Семьи. Большой письменный столъ. У окна другой столъ, съ книгами, журналами и газетами. За письменнымъ столомъ висѣлъ портретъ Государя Императора АЛЕКСАНДРА III. На стѣнахъ нѣсколько картинъ русскихъ художниковъ. Передъ кабинетомъ Государя была пріемная комната. Посерединѣ ея стоялъ столъ съ альбомами. На одной изъ стѣнъ пріемной комнаты находился во весь ростъ портретъ Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Въ Царскомъ Селѣ каждая сотня Конвоя несла нарядъ въ теченіе почти двухъ сутокъ подрядъ, и только на третьи сутки была свободна. Кромѣ того, это напряженіе усиливалось еще и тѣмъ, что Конвой, неся службу при Высочайшемъ Дворѣ и занимая своими постами и караулами Императорскій Дворецъ, имѣлъ свои, только для него присвоенныя, правила и инструкціи. Эти правила рѣзко отличались отъ требованій воинскаго устава гарнизонной службы, утвержденнаго для всей Русской Императорской Арміи. Согласно этому уставу, всѣмъ часовымъ положено стоять на посту 2 часа. Казаки Конвоя стояли на посту 4 часа!

Уставъ гласитъ: «Часовой — воинскій чинъ, поставленный на постъ съ огнестрѣльнымъ или обнаженнымъ холоднымъ оружіемъ въ рукахъ». Часовой отъ Конвоя имѣлъ винтовку за плечами, шашку въ ножнахъ, только кобура отъ револьвера была отстегнута. Офицеръ Конвоя, назначенный въ ночной караулъ и находясь во Дворцѣ, ничьихъ приказаній,[30]) кромѣ личнаго повелѣнія самого Государя Императора, не исполнялъ.

---

[30]) Въ томъ числѣ и Министра Императорскаго Двора, которому Конвой былъ непосредственно подчиненъ.

Изъ трехъ сотенъ Конвоя, находившихся въ Царскомъ Селѣ, одна, приказомъ по Конвою, назначалась дежурной сотней. На другія сутки эта же сотня несла нарядъ, какъ «поддежурная сотня». И только на третьи сутки считалась свободной. Но, послѣ небольшого отдыха (только до обѣда) и необходимой чистки оружія, т. к. при любой погодѣ конвойцы круглыя сутки несли службу постовъ вокругъ рѣшетки Императорскаго Дворца, эта сотня была обязана вести строевыя занятія, ибо другого времени для занятій совершенно не было. Конное ученіе происходило на Софійскомъ плацу, а пѣшее въ сотенномъ дворѣ; во время плохой погоды — въ большомъ гимнастическомъ залѣ казармъ Конвоя.

Дежурная сотня несла слѣдующіе наряды:

I. Александровскій Дворецъ. Дневной караулъ до 12 часовъ ночи. Караулъ имѣлъ два поста парныхъ часовыхъ, съ однимъ урядникомъ-начальникомъ караула и однимъ запаснымъ часовымъ; и одинъ одиночный постъ, такъ называемый «пропускной постъ». Всего въ караулѣ — 21 человѣкъ.

Парный постъ № 1. — у главнаго подъѣзда внутри коридора Дворца (казаки стояли на небольшихъ коврахъ, спеціально предназначенныхъ для часовыхъ).

Парный постъ № 2. у Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подъѣзда.

Одиночный постъ № 3. — Пропускной постъ, находился въ «туннели» Дворца. На этотъ постъ назначались три урядника; и они занимали его въ теченіе сутокъ, служа на посту по 4 часа.

Всѣ посты имѣли 3 смѣны. Первая смѣна несла службу отъ 8 часовъ утра и до 12 часовъ дня. Вторая — отъ 12 часовъ дня до 4 часовъ дня. Третья — отъ 4 часовъ дня до 8 часовъ вечера и далѣе до 12 ночи первая, до 4 утра вторая и до 8 часовъ утра третья.

Днемъ, отстоявъ 4 часа на посту, часовые отправлялись въ казарму своей сотни, гдѣ находилась и отдыхающая очередная смѣна. Вторая смѣна, служившая отъ 12 до 4 часовъ дня, должна была присутствовать на вечерней уборкѣ лошадей. Всѣ чины дневного Дворцоваго караула довольствіе получали въ сотнѣ.

Ночной караулъ. Къ 8 часамъ вечера первая смѣна — шесть человѣкъ, изъ казармы своей сотни прибывала во Дворецъ на службу. Къ 11-ти часамъ ночи передъ офицерскимъ собраніемъ выстраивались 13 конвойцевъ, входившихъ въ составъ ночного караула. А именно: 2-я и 3-я дневныя смѣны — 8 казаковъ. Три запасныхъ, одинъ трубачъ и одинъ урядникъ разводящій (всего въ ночномъ караулѣ I офицеръ и съ пропускнымъ постомъ 21 казакъ). Посыльный при офицерскомъ собраніи докладывалъ дежурному офицеру по Конвою о прибытіи ночного караула, и дежурный офицеръ «по первой встрѣчѣ», осмотрѣвъ исправность караула, велъ его въ Александровскій Дворецъ.

Во Дворцѣ караулъ помѣщался въ «подвальномъ» этажѣ. Для дежурнаго офицера была отдѣльная комната, куда дворцовый лакей

приносилъ офицеру холодный ужинъ. До тѣхъ поръ пока Государь Императоръ не удалялся въ Свои личные покои, прибывшіе въ ночной караулъ казаки и офицеръ оставались въ караульномъ помѣщеніи. Внутри Дворца службу продолжала нести первая дневная смѣна. Въ 12 часовъ ночи, а иногда позже, къ дежурному офицеру Конвоя приходилъ камеръ-лакей Государя и докладывалъ: «Ваше Высокоблагородіе, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ лечь опочивать». Офицеръ со второй смѣной поднимался наверхъ, и вторая смѣна вступала на службу. Третья очередная смѣна оставалась отдыхать въ караульномъ помѣщеніи. Смѣненная же первая смѣна отдыхала, сидя въ проходной комнатѣ у Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА подъѣзда. Въ этой же комнатѣ въ теченіе всей ночи находились офицеръ-начальникъ караула, урядникъ разводящій, три запасныхъ часовыхъ и трубачъ.

Ночной караулъ выставлялъ пять постовъ. Въ главномъ подъѣздѣ Александровскаго Дворца, на томъ мѣстѣ, гдѣ днемъ стояли парные часовые. У Собственнаго подъѣзда Государя. Въ розовой угловой гостиной Государыни Императрицы. Въ библіотекѣ Государя, рядомъ съ комнатой, гдѣ находилась Дѣтская горка, и у винтовой лѣстницы, ведшей въ «Дѣтскую половину».

Караулъ несъ службу до 8 часовъ утра, когда обычно Государь изволилъ вставать, и во Дворцѣ ночные посты смѣнялись дневными парными часовыми отъ новаго караула. Ночью во Дворцѣ, кромѣ часовыхъ конвойцевъ, нѣсколько внутреннихъ постовъ занимали солдаты Сводная полка, но дежурный офицеръ былъ только отъ Конвоя. Въ теченіе ночи офицеръ нѣсколько разъ обходилъ всѣ посты и провѣрялъ исправность несенія службы. Въ полуосвѣщенномъ Александровскомъ Дворцѣ была полная тишина. Едва были слышны шаги смѣнявшихся часовыхъ — всѣ конвойцы ночного караула имѣли кавказскіе чувяки. (При слѣдованіи во Дворецъ, поверхъ чувякъ надѣвались неглубокіе кожаные галоши).

Объ этой ночной службѣ конвойцевъ Ея Императорское Высочество Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА вспоминаетъ: ... «Сколько лицъ я вспоминаю съ дѣтства въ Гатчинскомъ Дворцѣ — и слышится мягкій звукъ ихъ ногъ въ чувякахъ, топая (въ ногу) ночью по коридорамъ при смѣнѣ ... Въ особенности пріятно ночью знать, что около насъ — наши любимые казаки ... »[31])

Въ 5 часовъ утра, черезъ «пропускной постъ» приходили во Дворецъ полотеры и служащіе дворцовой оранжереи съ корзинами свѣжихъ цвѣтовъ. Несмотря на то, что они уряднику Конвоя, находившемуся на пропускномъ посту, были извѣстны въ лицо, его обязанностью было у каждаго дворцоваго служащаго провѣрить его личное удостовѣреніе, съ фотографической карточкой и подписью Коменданта Императорскаго Дворца. При приходѣ этихъ служащихъ на

---

[31]) Письмо Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ отъ 29 сентября, 12 окт. 1959 года.

верхъ Дворца и передъ исполненіемъ ими своихъ обязанностей, ихъ самихъ и приносимыя ими корзины съ цвѣтами вторично осматривалъ и провѣрялъ урядникъ ночного караула.

Послѣ смѣны ночного караула дворцовый лакей приносилъ дежурному офицеру Конвоя кофе и утренній завтракъ..

2. Конные посты вокругъ рѣшетки Царскосельскаго Александровскаго Дворца. На эту службу отъ дежурной сотни назначалось 54 конвойца, ихъ коихъ 48 казаковъ и 6 урядниковъ. Всего постовъ было 16 и. на каждые 8 постовъ, 1 урядникъ разводящій. Посты несли службу круглыя сутки по 4 часа. Районъ службы постовъ: отъ главныхъ воротъ Дворца, мимо «Слоноваго дома» по Баболовскому шоссе и до «Малаго Каприза», у Китайскаго Павильона. Тамъ, гдѣ рѣшетка Дворца прилегала къ городу, ее занимали своими постами солдаты Своднаго полка.

Служба конныхъ постовъ — напряженная служба, въ особенности ночью, при большихъ морозахъ. Разведя свои 8 постовъ, урядникъ разводящій все время ихъ объѣзжалъ и провѣрялъ. Въ случаѣ, если кто изъ находящихся на посту казаковъ сильно замерзалъ, разводящій становился на его мѣсто, а часовой, съ разрѣшенія своего разводящаго, слѣзалъ съ коня и для того, чтобы размяться и согрѣться, бѣгалъ вдоль рѣшетки, держа коня въ поводу.

3. Нарядъ въ Дворцовый телеграфъ — 2 конвойца. Ихъ обязанность — доставлять всѣ телеграммы, получаемыя на Высочайшее Имя, а также на имя Министра Императорскаго Двора и Коменданта Дворца, въ распоряженіе котораго отъ дежурной сотни высылался еще одинъ конвоецъ. Казаки, служившіе на телеграфѣ и у Коменданта Дворца, получали довольствіе во Дворцѣ и денежную награду отъ Коменданта Дворца.

Кромѣ этихъ нарядовъ отъ дежурной сотни назначался особый нарядъ Конвоя «Встрѣча» въ составѣ 2-хъ офицеровъ, 2-хъ урядниковъ и 6-ти казаковъ. Первой Встрѣчей именовался нарядъ, который былъ предназначенъ для встрѣчи ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ при прибытіи Государя Императора и Государыни Императрицы къ какому либо опредѣленному мѣсту. Вторая Встрѣча назначалась для той же цѣли, если послѣ Первой Встрѣчи непосредственно слѣдовало Высочайшее прибытіе въ другое мѣсто.

Всего въ день дежурства сотни, въ караулы, конные и другіе посты, назначалось 92 человѣка, что, съ домашнимъ нарядомъ, составляло почти весь наличный составъ сотни.

Поддежурная сотня. На эту сотню возлагалась охрана Дворцовыхъ парковъ, во исполненіе чего сотня занимала ихъ своими конными постами. А именно: въ Баболовскомъ паркѣ — 4 поста. Въ Нижне-Царскосельскомъ — 4 поста и въ Павловскомъ паркѣ — 6 постовъ. Въ каждый паркъ, къ постамъ его, назначался одинъ урядникъ разводящій. Служба была только дневная, и неслась она съ 1 часа дня до 6 часовъ вечера. Отъ этой сотни назначались также въ офицерское со-

браніе 2 телефониста, 1 посыльный, 3 дневальныхъ и 3 дневальныхъ у Кузьминскихъ воротъ казармъ Конвоя.

Каждый день въ 7 часовъ утра въ Царскомъ Селѣ происходилъ разводъ карауловъ. Для развода весь нарядъ выстраивался въ коридорѣ казармъ дежурной сотни. На правомъ флангѣ караулъ въ Александровскій Дворецъ, лѣвѣе его остальной нарядъ въ слѣдующемъ порядкѣ: посты у рѣшетки Дворца, назначенные на службу къ Дворцовому телеграфу, посыльный къ Дворцовому Коменданту, телефонисты и дневальные въ офицерское собраніе, дневальные къ Кузьминскимъ воротамъ и, на лѣвомъ флангѣ, домашній суточный нарядъ дежурныхъ и дневальныхъ по сотнямъ и конюшнямъ.

Для встрѣчи дежурнаго офицера весь нарядъ выстраивалъ дежурный по сотнѣ урядникъ, который и докладывалъ рунду, что разводъ готовъ.

Рундъ назначался тоже отъ дежурной сотни, обычно имъ былъ взводный урядникъ. Провѣривъ нарядъ, рундъ звонилъ по телефону въ офицерское собраніе, гдѣ находился дежурный офицеръ, и ставилъ его объ этомъ въ извѣстность.

Дежурный офицеръ здоровался со всѣмъ нарядомъ, провѣрялъ правильность его, исправность снаряженія и вооруженія, а затѣмъ провѣрялъ знаніе правилъ службы. Обходя фронтъ наряда, задавалъ вопросы, какъ полагается часовымъ стоять во Дворцѣ, какъ надо вступающему на постъ у рѣшетки Дворца принять постъ, т. е. осмотрѣть всѣ мостики, кусты, канавы и пр. предметы, которые находятся въ раіонѣ его поста. Провѣрялъ, точно ли назначенные на конные посты знаютъ, гдѣ начинается и кончается ихъ постъ. А затѣмъ, напомнивъ всѣмъ назначеннымъ въ нарядъ о томъ, какая на нихъ лежитъ отвѣтственность, подавалъ команду: «Разводъ зарядить револьверы!» Когда команда была исполнена, дежурный офицеръ приказывалъ всему наряду занять свои мѣста.

Въ другихъ мѣстахъ Резиденцій ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ царствованіе Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА порядокъ службы Конвоя былъ нѣсколько измѣненъ. Петергофъ: Дворецъ «Александрія». Александрія — небольшой Императорскій Дворецъ, вѣрнѣе дача Августѣйшей Семьи, на самомъ берегу Финскаго залива. Внутренній караулъ днемъ имѣлъ два парныхъ поста и одинъ одиночный постъ. Парный постъ № 1 — у главнаго подъѣзда Дворца. Парный постъ № 2 — у «Малаго подъѣзда». Одиночный-пропускной постъ у Дворцовыхъ воротъ. Ночной караулъ выставлялъ 3 одиночныхъ поста, по одному часовому у подъѣздовъ и одинъ постъ наверху, около «переходного моста». Караулъ вступалъ на службу въ 12 часовъ ночи. Смѣнившаяся смѣна сидѣла съ офицеромъ-начальникомъ караула въ комнатѣ около второго Дворцоваго подъѣзда.

Наружные посты: 1. Три конныхъ поста вокругъ рѣшетки Дворца. Служба постовъ круглыя сутки. Смѣна черезъ 4 часа. 2. Англійскій паркъ — 4 конныхъ поста. 3. Озерки — 5 конныхъ постовъ, отъ «Сам-

сона», что у «Розоваго Павильона» съ прудомъ, по Павловскому водопроводу и Озеркамъ, отъ Дворцовой мельницы, мимо колонны «Бельведера» и до Бельведерскаго Павильона на возвышенности и до деревни «Бабьи Ганы». 4. Ропшинское шоссе — 3 конныхъ поста. На всѣ эти 15 постовъ назначалось 4 урядника разводящихъ. Въ Петергофѣ конные посты, кромѣ постовъ вокругъ рѣшетки Дворца, несли службу отъ 1 часа дня до 5 часовъ вечера. Выставлялись они только во время пребыванія Высочайшихъ Особъ въ Петергофѣ.

Когда Царская Семья отбывала въ Крымъ, въ Ливадію, туда заранѣе отправлялись 2 сотни Конвоя, изъ коихъ дежурная сотня несла внутренній караулъ во Дворцѣ, и отъ нея же назначались конные посты вокругъ Дворца. Внутренній караулъ имѣлъ 1 парный постъ у главнаго подъѣзда и 1 одиночный-пропускной постъ. Ночной караулъ — три одиночныхъ поста. Начальникъ караула — урядникъ. Несеніе службы внутреннимъ карауломъ провѣрялъ днемъ и ночью дежурный офицеръ Конвоя. Наружная охрана — 5 конныхъ постовъ. Посты служили круглыя сутки и смѣнялись черезъ 4 часа. По шоссе, ведущему ко Дворцу, были конные посты и отъ Крымскаго коннаго дивизіона, впослѣдствіи полка ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Новый Ливадійскій Дворецъ — красивое и свѣтлое зданіе. Кабинетъ Государя имѣлъ большой балконъ, съ видомъ на море. Мраморныя ступеньки Дворца соединяли его съ морскимъ берегомъ. Весь Дворецъ и постройки, къ нему принадлежащія, окружалъ прекрасный паркъ.

Красное Село. Пребываніе Государя въ Красномъ Селѣ бывало обыкновенно осенью, во время маневровъ и Высочайшаго смотра всѣмъ войскамъ Красносельскаго лагернаго сбора. Днемъ во Дворецъ отъ Конвоя назначалось два поста. Парный постъ у главнаго подъѣзда и одиночный у Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА выхода въ садъ. Ночной караулъ имѣлъ три одиночныхъ поста. Одинъ у подъѣзда, второй у выхода въ садъ и третій у спальни Государя Императора. Наружная охрана Дворца — три конныхъ поста, вокругъ ограды парка. Остальные конные посты назначались отъ полковъ Гвардейской Кавалеріи.

Гатчино. ЕЯ Императорское Высочество Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, въ своемъ письмѣ отъ 1-го октября 1958 года, изволила указать, что въ Гатчинскомъ Дворцѣ конвойцы занимали слѣдующіе посты: «На «Медвѣжьей» площадкѣ у винтовой лѣстницы (гдѣ жили братъ М. А. и я) — 1 постъ, у столовой — парный постъ, у дверей въ спальной — 1 постъ, внизу винтовой лѣстницы — 1 постъ и немного дальше у подъѣзда — 1 постъ; черезъ «арсеналъ», на главный подъѣздъ — 1 постъ. Всего 6 постовъ».[32])

Гатчинскій Дворецъ служилъ лѣтней Резиденціей Вдовствующей Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ. Зимой Государыня

[32]) Письмо Ея Императорскаго Высочества полковнику Н. Галушкину.

отбывала въ Петербургъ въ Аничковъ Дворецъ, а иногда уѣзжала въ Данію. Съ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ жили ЕЯ младшіе Дѣти — Великій Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Часто къ Государынѣ пріѣзжала Ея Старшая Дочь Великая Княгиня КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА со своими Дѣтьми и Супругомъ, Великимъ Княземъ АЛЕКСАНДРОМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ.

Во время пребыванія Государыни въ Петербургѣ, въ Аничковъ Дворецъ высылался караулъ Конвоя отъ сотни, находившейся въ Петербургѣ. Караулъ, съ начальникомъ караула-урядникомъ являлся во Дворецъ къ 8-ми часамъ утра и оставался тамъ до смѣны, получая довольствіе во Дворцѣ. Караулъ выставлялъ 3 поста. Постъ № 1 — парные часовые въ главномъ подъѣздѣ Дворца. Постъ № 2 одиночный — у Собственнаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА подъѣзда и № 3 — у лѣстницы, ведущей къ покоямъ Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА. Службу караула провѣрялъ дежурный офицеръ по Аничкову Дворцу. Кромѣ Аничкова Дворца, отъ сотни, служившей въ Петербургѣ, высылался офицерскій караулъ и въ Зимній Дворецъ. Караулъ этотъ выставлялся только на Собственной ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ половинѣ и только во время пребыванія Государя и Государыни въ Зимнемъ Дворцѣ. Караулъ имѣлъ 3 поста. Днемъ у Собственнаго подъѣзда стояли парные часовые. Комната дежурнаго офицера-начальника караула находилась въ бывшей банѣ Императора АЛЕКСАНДРА III, недалеко отъ Собственнаго подъѣзда. Караулъ помѣщался этажомъ ниже. Службу караулъ несъ круглыя сутки.

Ежедневно приказомъ по Конвою назначался офицерскій нарядъ:

1. Дежурный командиръ сотни.
2. Дежурный офицеръ по Конвою.
3. Дежурный офицеръ по «Первой Встрѣчѣ».
4. Дежурный офицеръ по «Второй Встрѣчѣ».
5. Дежурный офицеръ по Аничкову Дворцу.

Къ 12-ти часамъ дня Государю Императору приносилась отъ Конвоя проба. Въ присутствіи дежурнаго офицера кашеваръ дежурной сотни наливалъ борщъ и клалъ порцію мяса, каши и хлѣбъ въ спеціальные судки. Судки эти запирались на замокъ, второй ключъ отъ котораго былъ во Дворцѣ. Пробу для Государя во Дворецъ несъ конвоецъ отъ дежурной сотни. Судки покрывались суконнымъ чехломъ. Изъ Дворца приносились они всегда пустыми и передавались въ слѣдующую сотню, которая на другой день была дежурной.

По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ офицеры Конвоя по особому наряду прибывали въ Императорскій Дворецъ къ Высочайшему Выходу, а затѣмъ имѣли честь присутствовать за Высочайшимъ столомъ. Въ Царскомъ Селѣ Высочайшіе Выходы въ обычные праздничные дни бывали послѣ церковной службы, которую вся Царская Семья неизмѣнно посѣщала.

Придворные чины, генералитетъ и всѣ приглашенные офицеры, а также представлявшіеся Государю по дѣламъ службы генералы, командиры полковъ и полковыя делегаціи ожидали ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО въ особомъ залѣ.

Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ обходилъ всѣхъ присутствующихъ и со спокойнымъ достоинствомъ и Царственной простотой милостиво со всѣми бесѣдовалъ. А затѣмъ слѣдовало приглашеніе къ Высочайшему завтраку. Завтраки сервировались за отдѣльными столами. За столомъ Государя сидѣли Высочайшія Особы, лица Царской Свиты и приглашенные высшіе военные и гражданскіе чины.

Въ Гатчинскомъ и Аничковомъ Дворцахъ, Выходъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Вдовствующей Государыни Императрицы происходилъ до церковной службы. Государыня, въ сопровожденіи Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА и Великихъ Княгинь, выходила изъ внутреннихъ покоевъ и слѣдовала въ придворную церковь къ Божественной Литургіи. Чины Двора ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, приглашенныя лица, въ числѣ коихъ и дежурный офицеръ Конвоя, ожидали выхода Государыни и привѣтствовали Ее глубокимъ поклономъ.

По окончаніи церковной службы происходило обратное шествіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. Въ эти дни дежурные по Гатчинскому или Аничкову Дворцамъ офицеры Конвоя имѣли честь быть приглашенными къ Высочайшему столу, за которымъ почти всегда присутствовали Великій Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и Великія Княгини КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА и ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА.

Въ ночь на 27-е января 1904 года Японія, безъ объявленія войны, своимъ флотомъ атаковала внезапно русскую эскадру, стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ Портъ-Артура. Хотя эта атака застала русскую эскадру врасплохъ, всё же огнемъ русскихъ военныхъ судовъ японцы были отброшены.[33])

Извѣстіе о нападеніи японскаго флота и о началѣ войны своей неожиданностью поразило всѣхъ. Россія принуждена была вступить въ войну. Съ первыхъ же дней войны Государь Императоръ постоянно выѣзжалъ къ войскамъ, предназначеннымъ для отправленія на фронтъ. Кромѣ положеннаго наряда при Императорскихъ поѣздахъ, во всѣ города, куда Государь изволилъ прибывать, для встрѣчи ЕГО заранѣе командировывались офицеры Конвоя съ командою казаковъ.

Въ наступившей войнѣ чины Конвоя не были на фронтѣ, кромѣ подъесаула В. Логвинова, который, съ разрѣшенія Государя, отбылъ

---

[33]) Атакованные у береговъ Кореи, крейсеръ «Варягъ» и канонерка «Кореецъ» мужественно принявъ неравный бой, геройски погибли. — Японія начинала войны внезапнымъ нападеніемъ: въ 1894 г. на Китай, въ 1904 на Россію и въ 1942 году на С. Ш. А.

въ дѣйствующую армію и, по окончаніи войны, вновь былъ принятъ въ Конвой.

Во время этой войны, несмотря на рядъ военныхъ неудачъ на сушѣ и на морѣ, Русской Арміей и флотомъ было проявлено исключительное мужество и доблесть, въ особенности при геройской защитѣ Портъ-Артура, въ бояхъ у Цусимы и въ Маньчжуріи. Русская Армія, переживъ тяжелые бои, сохранила на достойной высотѣ свой боевой духъ, способность маневрировать и готовность продолжать упорное сопротивленіе, съ глубокою вѣрою въ свое рѣшительное наступленіе на зарвавшагося коварнаго врага.

Въ результатѣ, положеніе на фронтѣ сложилось такъ, что, послѣ своихъ большихъ первоначальныхъ успѣховъ, японская армія была не способна къ дальнѣйшимъ активнымъ дѣйствіемъ, въ то время, какъ Русская Армія съ каждымъ днемъ укрѣпляла свои силы. Японія поняла несокрушимую волю Россіи продолжать войну до конца, и ощутила все возрастающую мощь Русской Арміи. Этотъ фактъ былъ засвидѣтельствованъ главнокомандующимъ японской арміей Ояма, заявившимъ, что «послѣ цѣлаго года, побѣдоносно завершившагося для насъ Мукденомъ, **японская армія въ теченіе пяти съ половиной мѣсяцевъ не рѣшалась перейти въ наступленіе . . .»**

Русско-японская война была закончена мирной конференціей въ С. Ш. А., въ Портсмутѣ. Инициатива созыва конференціи не принадлежала Россіи.

Президентъ С. Ш. А. Рузвельтъ предписалъ своему послу въ Петербургѣ предложить Государю Императору свое посредничество, дабы между Россіей и Японіей былъ заключенъ миръ.

Государь изъявилъ Свое согласіе на переговоры (желая узнать условія Японіи), **но при непремѣнномъ условіи предварительнаго согласія со стороны Японіи, дабы никоимъ образомъ не было представленія о томъ, что Россія проситъ мира.**

26-го мая 1905 года Америка обратилась одновременно къ Россіи и Японіи: «Въ интересахъ человѣчества сойтись для переговоровъ, чтобы положить предѣлъ ужасающей и прискорбной борьбѣ».

Портсмутская конференція началась 27-го іюля. Японія представила свои условія: 1. Признаніе японскаго преобладанія въ Кореѣ. 2. Возвращеніе Маньчжуріи Китаю и уводъ изъ нея русскихъ войскъ. 3. Уступка Японіи Портъ-Артура и Ляодунскаго полуострова. 4. Уступка южной вѣтки Китайской Восточной желѣзной дороги. 5. Уступка Сахалина и прилегающихъ острововъ. 6. Возмѣщеніе всѣхъ военныхъ расходовъ Японіи. 7. Выдача русскихъ военныхъ судовъ, укрывшихся въ нейтральныхъ портахъ. 8. Ограниченіе права Россіи держать флотъ на Дальнемъ Востокѣ. 9. Срытіе укрѣпленій Владивостока.

Государь Императоръ, соглашаясь на переговоры, поставилъ Свои условія. Они были кратки: «Ни гроша контрибуціи, ни пяди земли! . . .»

При такомъ требованiи Государя Императора мирная конференцiя зашла въ тупикъ. Президентъ С. Ш. А. и германскiй императоръ просили Государя принять японскiя условiя мира. Государь оставался непреклоненъ и, защищая честь Россiи, готовъ былъ дальше продолжать войну, заявивъ: «Россiя контрибуцiй ни въ какой формѣ платить не будетъ! Россiя — не побѣжденная нацiя и не находится въ положенiи Францiи въ 1870 году.»

Президентъ Рузвельтъ, желая добиться соглашенiя и на основанiи того, что Россiя владѣла южной частью Сахалина всего нѣсколько лѣтъ, предложилъ компромиссъ: «пусть Японiя возьметъ себѣ южную половину Сахалина, а Россiя уплатитъ ей значительную сумму за возвращенiе сѣверной части». Государь Императоръ, желая показать свою готовность пойти навстрѣчу Президенту Америки, согласился «въ видѣ крайней уступки» на отдачу южной части Сахалина, но съ условiемъ: «японцы обязаны не укрѣплять ее, а сѣверную половину вернуть безъ всякаго вознагражденiя».

16-го августа 1905 года, на засѣданiи мирной конференцiи русская делегацiя огласила свои условiя, слѣдуя указанiямъ Государя Императора:

«1. Россiя категорически отказывается платить какую-либо контрибуцiю, соглашаясь уплатить только содержанiе своихъ плѣнныхъ въ Японiи.

2. Соглашалась уступить южную часть острова Сахалина, но при условiи безвозмезднаго возвращенiя сѣверной его части.

3. Соглашалась эвакуировать Маньчжурiю, но при условiи, что Маньчжурiя должна быть одновременно оставлена и японскими войсками.

4. Соглашалась передать Портъ-Артуръ, но при условiи такого же согласiя и со стороны Китая.

5. Выдачу русскихъ военныхъ судовъ, находящихся въ нейтральныхъ портахъ, и какое-либо ограниченiе въ правѣ держать свой боевой флотъ на Дальнемъ Востокѣ — Россiя категорически отвергаетъ.»

Россiйскiе уполномоченные заявили, что, по повелѣнiю Государя Императора, это — «послѣдняя уступка!»

Послѣ заявленiя представителей Россiи, среди членовъ мирной конференцiи воцарилась мертвая тишина. Всѣмъ было ясно, что, послѣ этихъ требованiй Россiи, дальнѣйшихъ переговоровъ быть не можетъ.

Однако, произошло то, чего никто не ожидалъ, и члены конференцiи были ошеломлены, услышавъ неожиданное сообщенiе главнаго японскаго делегата Комура: «Японское правительство, въ цѣляхъ возстановленiя мира, принимаетъ эти условiя!»

Главой россiйской делегацiи С. Витте была послана Государю телеграмма: «Японiя приняла Ваши требованiя относительно мирныхъ условiй, и, такимъ образомъ, миръ будетъ возстановленъ, благодаря мудрымъ и твердымъ рѣшенiямъ Вашимъ и въ точности согласно

предначертаніямъ ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Россія остается на Дальнемъ Востокѣ великой державой, каковой она была до днесь и останется вовѣки!»

Государь, желая продолжать борьбу съ вѣрою въ конечную побѣду, не допускалъ возможности мира, ибо поставленныя Имъ условія для Японіи должны были быть непріемлемы. Внезапное рѣшеніе японской делегаціи доказывало, насколько Японія была истощена войною. Миръ ей былъ необходимъ; боясь разрыва переговоровъ, она принуждена была отказаться отъ контрибуцій и отъ всѣхъ своихъ требованій.

Къ такому результату мирной конференціи привела только единоличная твердость Государя, несмотря на то, что Президентъ Рузвельтъ, императоръ Вильгельмъ и самъ русскій уполномоченный Витте — всѣ «требовали» уступокъ Японіи. Самъ Государь сдѣлалъ все отъ Него зависящее для доведенія войны до конца, но, когда Японія приняла всѣ русскія условія, ничего не оставалось, какъ заключить миръ, не дождавшись побѣды. Не такого мира хотѣла Россія, но не такого мира ожидала и Японія. Когда условія мира были опубликованы, въ Японіи разразились сильнѣйшія волненія, и города покрылись не національными, а траурными флагами.[34])

Во время войны съ Японіей и возникшей въ Россіи смуты, единственнымъ утѣшеніемъ для Государя Императора и Государыни Императрицы было долгожданное радостное событіе — рожденіе Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА. Наслѣдникъ Престола родился 30-го іюля 1904 года. До рожденія Наслѣдника Цесаревича у Августѣйшихъ Родителей были четыре Дочери, родившіяся: Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА въ 1895 году, Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА въ 1897 году, Великая Княжна МАРІЯ НИКОЛАЕВНА въ 1899 году и Великая Княжна АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА въ 1901 году.

Наслѣдникъ Цесаревичъ былъ крещенъ въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ. Во время Высочайшаго Выхода и слѣдованія въ церковь присутствовали командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ баронъ Мейендорфъ и офицеры сотенъ Конвоя, находившихся на службѣ въ Петергофѣ. Наслѣдника Цесаревича несла на подушкѣ оберъ-гофмейстерина свѣтлѣйшая княгиня Голицына.

Воспріемниками Государя Наслѣдника Цесаревича были Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА и Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Когда Таинство Крещенія было совершено, бывшій Наслѣдникъ, Великій Князь Михаилъ Александровичъ, представился Государынѣ Императрицѣ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ и доложилъ, что Наслѣдникъ Русскаго Престола окрещенъ.

---

[34]) С. Ольденбургъ. «Царствованіе Императора Николая II» (стр. 297—302).

Своимъ Манифестомъ 1-го августа 1904 года Государь Императоръ изволилъ указать, что въ случаѣ Его кончины при малолѣтствѣ Наслѣдника Престола, Правителемъ назначается Братъ Государя, Великій Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

По Высочайшему повелѣнію, Его Императорское Высочество Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ былъ зачисленъ въ списки Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ чинѣ хорунжаго.

Онъ былъ «лучъ солнца» для всей Царской Семьи, свѣтлой радостью не только Августѣйшихъ Родителей, но и для Его Сестеръ, которыя были исключительно дружны между собою, но Брата Своего, такъ же, какъ и Государыня Императрица, просто обожали и любили больше всего.

Для самого же Государя было счастливѣйшее время Его дня, когда Онъ съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ могъ насладиться Своимъ семейнымъ счастьемъ. Тогда Онъ старался отстранить отъ Себя всѣ заботы и, хоть на короткое время, быть только отцомъ горячо любимыхъ Своихъ Дѣтей.

Во время первой россійской смуты въ 1905 году революціонно-террористическія организаціи всячески стремились установить связь съ войсковыми частями, съ цѣлью создать и организовать и въ Арміи своихъ единомышленниковъ.

Въ Конвоѣ произошелъ случай, о которомъ старые казаки Конвоя (С. Полупановъ и М. Лашукъ) увѣренно говорятъ, что одинъ казакъ-конвоецъ открылъ террористическую организацію въ Царскомъ Селѣ и, благодаря примѣрному исполненію своего долга, во время успѣлъ разрушить ихъ планъ.

Планъ этотъ якобы заключался въ томъ, что банда террористовъ хотѣла при помощи этого конвойца проникнуть въ Александровскій Дворецъ, подъ видомъ ночного караула. Было ли въ дѣйствительности это такъ, въ данное время трудно установить, прежде всего потому, что почти нѣтъ живыхъ свидѣтелей. Однако, установлено и провѣрено слѣдующее.

Одной дѣвицѣ, принадлежавшей къ тайной организаціи, удалось увлечь одного казака Конвоя «Р». Онъ часто сталъ ходить въ отпускъ до позднихъ часовъ. На это обратилъ вниманіе его взводный урядникъ и доложилъ вахмистру сотни. Самими же казаками за нимъ было установлено негласное наблюденіе. Оказалось, что «Р» вначалѣ ходилъ на свиданія къ своей дѣвицѣ. При дальнѣйшихъ же наблюденіяхъ, которыя уже велись по приказанію командира сотни, выяснилось и то, что къ этой дѣвицѣ, одновременно съ «Р», стали приходить еще нѣсколько подозрительныхъ лицъ.

Замѣтилъ ли самъ «Р», что за нимъ слѣдятъ, или дѣйствительно, какъ говорятъ старые казаки-конвойцы, «онъ исполнилъ свой долгъ» — опредѣленно сказать нельзя. Но также нельзя обойти мол-



ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО
ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ
СЪ СВОИМИ АВГУСТѢЙШИМИ СЕСТРАМИ, ГОСУДАРЫНЯМИ
И ВЕЛИКИМИ КНЯЖНАМИ
МАРІЕЙ НИКОЛАЕВНОЙ, ОЛЬГОЙ НИКОЛАЕВНОЙ,
АНАСТАСІЕЙ НИКОЛАЕВНОЙ И ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ.

ПРАЗДНИКЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ 4-го ОКТЯБРЯ 1904 ГОДА.



Внизу фотографіи надпись: «4-го октября 1904 г. Царское Село», сдѣлана Собственноручно Государемъ Императоромъ. Фотографія вывезена изъ Царскаго Села во время Второй Міровой войны.

На фотографіи ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ и Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, офицеры и дамы Конвоя. — (Слѣва направо).

1-й рядъ, сидятъ на коврѣ: подъесаул Кулебякинъ, сотникъ Чермоевъ, сотникъ Тускаевъ, сотникъ Токаревъ, сотникъ князь Амилахвари, сотникъ Шапринскій, есаулъ Федюшкинъ.

Второй рядъ (сидятъ): сестра сотника Тускаева, супруга подъесаула Гажеева, супруга есаула Петина, Министръ Двора баронъ Фредериксъ,

ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА И ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ,

супруга командира Конвоя баронесса Мейендорфъ, сестра сотника Тускаева, супруга сотника Токарева.

Третій рядъ (стоятъ): подъесаулъ Гажеевъ, полковникъ Скакунъ, командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ баронъ Мейендорфъ, есаулъ Петинъ, есаулъ Астаховъ, сотникъ Поляковъ, сотникъ принцъ Риза-Кули-Мирза, сотникъ Долговъ.

Четвертый рядъ (стоятъ): есаулъ Перепеловскій, докторъ Поляковъ, сотникъ Абаціевъ, подъесаулъ Логвиновъ, полковникъ Старицкій, дѣлопроизводитель Камешковъ, младшій врачъ Рикерсенъ и сотникъ Рашпиль.

чаніемъ слѣдующій фактъ: 1. «Р», дѣйствительно, самъ донесъ своему командиру сотни о томъ, что ему извѣстно о существованіи въ Царскомъ Селѣ тайной организаціи, съ которой его познакомила заманившая его дѣвица. 2. «Р» былъ исключенъ изъ Конвоя. По свѣдѣніямъ старослужащихъ казаковъ, «Р» послѣ ареста всѣхъ лицъ, имъ указанныхъ, принужденъ былъ извѣстное время скрываться, а въ дальнѣйшемъ служилъ въ полиціи подъ другой фамиліей.

ОФИЦЕРСКІЙ СОСТАВЪ КОНВОЯ

По окончаніи Русско-Японской войны, на основаніи правилъ и традицій, существовавшихъ въ обществѣ г. г. офицеровъ Конвоя, были сначала прикомандированы «на предметъ испытанія», а затѣмъ переведены въ Конвой сотники Терскаго казачьяго Войска Б. Макухо и Г. Татоновъ и Кубанскаго казачьяго Войска сотникъ И. Вѣтеръ. Всѣ они на фронтѣ были ранены и имѣли боевыя награды. Впослѣдствіи есаулъ Вѣтеръ занималъ должность адъютанта Конвоя, есаулъ Макухо — казначея и есаулъ Татоновъ — командира Л.-Гв. 4-й Терской сотни.

Офицеры Конвоя были какъ одна родная семья. Главнымъ образомъ потому, что общество г. г. офицеровъ само рѣшало вопросъ о пріемѣ новыхъ офицеровъ, т. е. о прикомандированіи ихъ и о переводѣ впослѣдствіи. Вновь принимаемыхъ въ свою среду офицеровъ почти всѣ офицеры Конвоя задолго до ихъ пріема хорошо знали, ибо они были ихъ друзья и однокашники по Военному Училищу или сыновья или ближайшіе родственники прежде служившихъ и находящихся на службѣ въ Конвоѣ офицеровъ. Въ послѣдніе годы, за исключеніемъ барона Унгернъ-Штернгберга, свѣтл. князя Дадіани, свѣтл. князя Витгенштейна, князя Амилахвари Николая и князя Амилахвари Александра, окончившихъ Пажескій ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА корпусъ, артиллеристовъ Е. Шкуропатскаго и А. Шведова, всѣ остальные были произведены въ первый офицерскій чинъ по окончаніи «Царской Сотни» Славной Школы — Николаевскаго Кавалерійскаго Военнаго Училища, что еще больше способствовало ихъ дружбѣ между собою. Трое изъ офицеровъ Конвоя, Ф. Кирѣевъ, В. Савицкій и В. Зборовскій, были вахмистрами въ сотнѣ юнкеровъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, другіе всѣ окончили Училище портупей-юнкерами. Получивъ прекрасное строевое обученіе и воинское воспитаніе въ одной и той же Славной Школѣ, всѣ офицеры съ особой любовью относились къ строевой службѣ, зная ее блестяще. Особенно же выдѣлялись прекрасные спортсмены и джигиты В. Зборовскій и К. Зерщиковъ, оба съ Императорскими призами окончившіе Офицерскую Гимнастическую Фехтовальную Школу.

Въ Конвоѣ не было случаевъ откомандированія обратно въ свой полкъ прикомандированнаго на испытаніе офицера. Одинъ изъ при-

командированныхъ совершилъ слѣдующій проступокъ. На Страстной недѣлѣ Государь Императоръ говѣлъ въ Пещерномъ храмѣ Государева Ѳеодоровскаго собора. Вмѣстѣ съ Государемъ говѣла команда казаковъ и 1 офицеръ Конвоя. Честь принять Св. Причастіе съ Государемъ заносилась въ послужные списки чиновъ Конвоя. Въ верхнемъ храмѣ говѣли остальные конвойцы. Прикомандированный офицеръ, будучи назначенъ въ нарядъ «по Встрѣчѣ», изъ боязни опоздать къ назначенному времени, спустился въ Пещерный храмъ и тамъ причастился. Онъ былъ отставленъ отъ перевода, и ему продлили срокъ испытанія еще на нѣсколько мѣсяцевъ.

Командировъ Конвоя Государь назначалъ Самъ по Своему Личному усмотрѣнію — тѣхъ генераловъ Своей Свиты или флигель-адъютантовъ полковниковъ, которыхъ Онъ считалъ достойными на эту должность. По своему положенію, находясь всегда въ Свитѣ Царской, командиры очень рѣдко имѣли возможность быть въ обществѣ офицеровъ. Фактическимъ же строевымъ начальникомъ былъ помощникъ командира по строевой части.

Онъ совмѣстно съ другимъ старшимъ полковникомъ, помощникомъ командира по хозяйственной части, были не только хранителями старыхъ традицій Конвоя, но и, строго слѣдя за выполненіемъ таковыхъ, служили для всѣхъ офицеровъ примѣромъ.

Строгая дисциплина какъ на службѣ, такъ и внѣ ея, безукоризненное исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей, подчеркнутая субординація и чинопочитаніе были прежде всего и всегда при всѣхъ взаимоотношеніяхъ офицеровъ. Несмотря на то, что всѣ офицеры были между собою на «ты» («Ты, Ваше Превосходительство», или «Ты, господинъ полковникъ», было нормальнымъ явленіемъ), это «ты» было только знакъ общаго братства, никогда не нарушавшее уваженія къ старшему, а этотъ старшій могъ быть офицеръ, окончившій Военное Училище не только одновременно, но и на годъ позже младшаго, однако обществомъ г. г. офицеровъ принятъ въ Конвой раньше.

Полковники и командиры сотенъ сами первые предлагали переведенному офицеру перейти на «ты», желая, чтобы вновь принятый офицеръ сразу же почувствоалъ себя равноправнымъ членомъ родной семьи конвойцевъ, **ибо офицерское «ты» обязывало и значило несравненно больше, чѣмъ офиціальное «вы»!**

Офицеру, принятому въ Конвой «на испытаніе», съ первыхъ же дней его службы старшими офицерами внушалось то, о чемъ онъ былъ обязанъ никогда не забывать, при всѣхъ разговорахъ съ Высочайшими Особами:

1. Всегда помнить, съ Кѣмъ говоришь!

2. Отвѣчать только на вопросы и ни въ коемъ случаѣ самому не задавать таковыхъ и не возбуждать собственныхъ темъ.

3. Никогда не обращаться съ какими бы то ни было просьбами.

Поддерживая чисто дружескія отношенія, старшіе офицеры всѣ свои указанія и замѣчанія младшимъ выражали въ особо деликатной

формѣ. Этой традиціи особенно придерживался помощникъ командира по строевой части, полковникъ Ф. Кирѣевъ. Его не только за-глаза, но и въ непосредственныхъ дружескихъ съ нимъ бесѣдахъ, въ особенности за столомъ въ собраніи, называли «отецъ»! Какъ-то по-своему, «по-отцовски», дѣлалъ онъ свои замѣчанія. Одинъ изъ офицеровъ, принимая дежурство, явился къ нему, имѣя на себѣ небольшую мелкаго курпея папаху. «Послушай, сынъ мой», сказалъ Кирѣевъ молодому офицеру: «у тебя замѣчательная модная шапка, и она мнѣ нравится». Офицеръ немедленно снялъ свою папаху и предложилъ ее полковнику. «Ну, спасибо, дорогой, возьми же и отъ меня подарокъ», сказалъ Кирѣевъ, надѣвъ на смущеннаго офицера свою, установленной формы, большую съ крупнымъ курпеемъ папаху.

Былъ случай, когда офицеры послѣ ужина задержались въ собраніи больше, чѣмъ обычно. Дружно сидя своей семьей, за стаканомъ вина, стали пѣть свои старинныя «былинныя» казачьи пѣсни. Въ этотъ день дежурнымъ телефонистомъ былъ казакъ изъ хора Конвоя. Одному изъ офицеровъ пришла мысль замѣнить его своимъ вѣстовымъ, а его позвать пѣть. Затѣмъ были позваны и изъ казармъ еще нѣсколько пѣвчихъ. На другой день полковникъ Кирѣевъ попросилъ всѣхъ этихъ офицеровъ прибыть къ завтраку въ офицерское собраніе. Офицеры ждали, что на этотъ разъ отъ «папаши» будетъ большой выговоръ. Полковникъ пригласилъ офицеровъ къ столу, сказавъ, что онъ ихъ привѣтствуетъ. Съ подчеркнутой любезностью всѣхъ угощалъ виномъ и, какъ-то незамѣтно, самъ вполголоса запѣлъ: «Какъ на Линіи, было на линеюшкѣ . . . » Офицеры такъ же тихо ему вторили: «какъ на славной было на сторонушкѣ . . . ». За этой пѣсней слѣдовали другія. Завтракъ былъ законченъ рѣчью полковника: «Благодарю васъ, господа, что вы храните и бережете наши старыя пѣсни. Видите, дѣти мои, какой у насъ получился хоръ, когда мы тихо и только для себя поемъ, а не для другихъ, которые, быть можетъ, и не хотятъ насъ слушать. Я считаю, что, если пѣсня поется тихо, то яснѣе и красивѣе ея мелодія, а потому вамъ совершенно не слѣдуетъ усилять свое пѣніе казачьими голосами, что прошу и совѣтую въ будущемъ не делать».

Таковъ былъ «отецъ» Кирѣевъ. Такими же были и командиры сотенъ, отъ которыхъ младшіе офицеры никогда не слыхали замѣчаній, сдѣланныхъ въ рѣзкой формѣ. Своеобразнымъ исключеніемъ былъ «суровый» командиръ Л.-Гв. 3-й Терской сотни Василій Кузьмичъ Федюшкинъ. «Кузьмичъ», какъ его называли офицеры, всегда былъ недоволенъ, все критиковалъ и считалъ себя непогрѣшимымъ, не только по всѣмъ вопросамъ служебнаго характера, но и въ частной жизни офицеровъ. Однако, всѣ офицеры знали, что, несмотря на чисто внѣшнюю, кажущуюся суровость, Кузьмичъ былъ добрѣйшей души человѣкъ и хорошій другъ. Его же двоюродный братъ подъесаулъ Кулебякинъ описалъ Кузьмича такъ:

Кузьмичъ нашъ «правъ всегда»!
И какъ онъ ни поступитъ,
Но въ спорѣ никогда
Другому не уступитъ.

Кузьмичъ, молва гласитъ,
Въ зубокъ уставы знаетъ:
«Развѣдчикъ», «Инвалидъ»
Съ младенчества читаетъ...

Кто бъ спорить съ нимъ ни сталъ,
Онъ всѣхъ обрѣжетъ живо:
«Ужъ разъ, что я сказалъ,
Такъ значитъ справедливо!»

(Въ Красномъ Селѣ, въ лагерныхъ баракахъ Конвоя были небольшія офицерскія квартиры. Федюшкинъ, желая чтобы его сыновья привыкали къ лагерной обстановкѣ, жилъ съ ними).

Въ трехъ комнатахъ сидитъ
Съ большущей онъ семьею,
И день и ночь твердитъ,
Что нѣтъ ему покою.

Ремонт ругаетъ онъ
И скверное топливо...
Ужъ разъ онъ обозленъ,
Повѣрьте — «справедливо!»

Въ собраніи буфетъ
Одобритъ всякъ охотникъ:
Хозяйки лучше нѣтъ,
Чѣмъ славный Панинъ-сотникъ.

Кузьмичъ туда вошелъ,
Ворчитъ: — «воняетъ пиво!»
Ужъ разъ что онъ сердитъ,
Повѣрьте — справедливо!

Срокъ службы офицеровъ Конвоя — 20 лѣтъ. По окончаніи этого срока почти всѣ офицеры выходили въ отставку въ чинѣ полковника съ мундиромъ Конвоя. Лишались мундира Конвоя тѣ полковники, которые, продолжая службу, уходили въ армейскія части, съ производствомъ въ генералъ-маіоры.

Женатыхъ офицеровъ въ Конвоѣ было мало. (Изъ общаго числа 28 офицеровъ 5—6 женатыхъ).

Внѣ службы и строя, офицерамъ разрѣшалось носить китель, шассеры — синіе съ широкими лампасами изъ кованаго кавказскаго серебрянаго галуна и фуражку установленнаго образца: для офицеровъ Конвоя — алая съ тремя бѣлыми кантами. Также разрѣшалось носить и обычную черкеску. Нѣкоторые офицеры пользовались этимъ правомъ, но по традиціи носили черкески только одинаковаго цвѣта — «вишневаго».

Синій конвойный мундиръ офицеръ обязанъ былъ имѣть всегда въ строю и на службѣ. Парадный мундиръ — алая черкеска, кромѣ службы при всѣхъ парадныхъ случаяхъ и при присутствіи на придворныхъ балахъ, надѣвался при выѣздахъ съ визитами въ дни Св. Пасхи и Новаго Года.



Офицеры Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА *Конвоя (1908 г.): 1 рядъ стоятъ: подъес. Долговъ, сот. Савицкій, сот. Гулыга. 2 рядъ стоятъ: подъес. Тускаевъ, подъес. принцъ Риза-Кули-Мирза, подъес. Свидинъ, подъес. Шапринскій, подъес. Жуковъ, подъес. Токаревъ, сот. Поляковъ, подъес. князь Амилахвари. 3 рядъ сидятъ: ес. бар. Унгернъ-Штернбергъ, ес. Кулебякинъ, полк. Перепеловскій, ком. Конвоя Свиты Его Величества ген.-м. князь Трубецкой, полк. Петинъ, ес.Федюшкинъ, ес. Логвиновъ. 4 рядъ сидятъ: подъес. Абаціевъ, сотн. Татоновъ, хор. Хfamaрановъ, сот. Хаджи-Муратъ.*

Вообще же офицерамъ Конвоя было предписано руководствоваться слѣдующими правилами ношенія формы:

1. Серебряные пояса и портупеи надѣвать при парадной и обыкновенной формѣ и во всѣхъ случаяхъ наряда: а) для встрѣчи и проводовъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, б) на службу въ Императорскомъ Дворцѣ и при посѣщеніи такового.

2. Ременные пояса и портупеи на синій мундиръ надѣвать: а) во всѣхъ остальныхъ случаяхъ наряда на службу, б) въ конномъ строю при нахожденіи въ походахъ, лагерныхъ сборахъ и на маневрахъ, в) послѣ объѣзда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ лагеря и до окончанія сбора и г) при наложеніи траура.

3. На алый парадный мундиръ ременные пояса и портупеи надѣвать только при наложеніи полнаго траура.

4. Револьверы со шнурами, присвоенными только Конвою, надѣвать при парадной формѣ всегда, за исключеніемъ: а) присутствія на придворныхъ балахъ и концертахъ, б) въ Императорскихъ театрахъ, въ дни, когда при посѣщеніи оныхъ надлежитъ быть въ алыхъ мундирахъ.

5. При синихъ мундирахъ револьверы со шнурами имѣть во всѣхъ случаяхъ, когда въ кавалерійскихъ частяхъ надѣвается лядунка, и при всѣхъ отправленіяхъ обязанностей строевой службы.

6. Офицерамъ, находящимся въ конномъ строю при части, не разрѣшается надѣвать обычную черкеску, а надлежитъ быть одѣтыми въ синіе конвойные мундиры, при холодномъ оружіи и револьверахъ со шнурами.

У офицеровъ Конвоя въ разное время были дружескія отношенія съ другими полками. Это зависѣло, главнымъ образомъ, отъ того, съ кѣмъ приходилось больше встрѣчаться по службѣ или «по сосѣдству». Старые конвойцы вспоминаютъ: «Въ Царскомъ Селѣ часто у насъ бывали Гусары и Кирасиры ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Въ Петергофѣ — Уланы ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ и Конно-Гренадеры. Въ Гатчинѣ были пріятелями съ Кирасирами ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ». (Полк. кн. Амилахвари).

«Кромѣ дружбы съ офицерами частей, стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ, Петергофѣ и Гатчинѣ, дружили съ Лейбъ-Казаками. Большая и постоянная дружба была съ ближайшими сосѣдями-офицерами Сводного полка, а въ Ливадіи еще и съ «крымскими сосѣдями» — офицерами Крымскаго коннаго дивизіона (впослѣдствіи полка) и офицерами 16 Стрѣлковаго Императора АЛЕКСАНДРА III полка. Въ Крыму была большая дружба и съ моряками. Также кунаками считались Эриванцы». (Ген. Скворцовъ).

Каждый годъ, въ день 4-го октября, въ присутствіи Государя Императора торжественно отмѣчался Праздникъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, установленный въ па-

мять подвига, оказаннаго Л. Казаками и Черноморцами въ битвѣ подъ Лейпцигомъ въ 1813 году.

Послѣ молебна, съ поминовеніемъ павшихъ на полѣ брани конвойцевъ, Небесному Покровителю Конвоя Св. Іерофею и парада, командиръ и всѣ офицеры имѣли честь быть приглашаемыми къ Высочайшему завтраку.

Въ началѣ царствованія Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, въ январѣ бывали придворные балы. Балы давались въ Зимнемъ Дворцѣ въ Николаевскомъ залѣ. Послѣ танцевъ слѣдовало приглашеніе къ столу. Для Государя, Государыни, Великихъ Княгинь и Великихъ Князей накрывался большой Царскій столъ, находившійся на особомъ возвышеніи. Всѣ приглашенные, а въ томъ числѣ и офицеры Конвоя, имѣли свои мѣста за отдѣльными круглыми столами.

Въ 1903 году придворные балы въ Зимнемъ Дворцѣ были отмѣнены. Одинъ изъ послѣднихъ баловъ былъ костюмированный. Государь Императоръ имѣлъ на Себѣ золотой парчи кафтанъ Царя Алексѣя Михайловича, а Государыня Императрица была въ нарядѣ Царицы Маріи Ильинишны.

Въ послѣдующіе годы былъ данъ большой придворный балъ въ Аничковомъ Дворцѣ, на которомъ офицеры Конвоя имѣли честь танцевать съ Великой Княжной ОЛЬГОЙ НИКОЛАЕВНОЙ и Великой Княжной ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ.

Кромѣ этого большого бала у Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, офицеры присутствовали на балахъ, данныхъ Великой Княгиней КСЕНІЕЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ, Великой Княгиней ОЛЬГОЙ АЛЕКСАНДРОВНОЙ, Великой Княгиней МАРІЕЙ ПАВЛОВНОЙ, а также въ Крыму въ Ливадійскомъ Дворцѣ и въ Хараксѣ на балу, данномъ Великимъ Княземъ ГЕОРГІЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ.

Великій Князь ГЕОРГІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ всегда съ особымъ вниманіемъ относился къ офицерамъ Конвоя и часто ихъ приглашалъ къ Себѣ въ Хараксъ. Такъ же, какъ и Великій Князь, къ офицерамъ былъ очень внимателенъ и Его гость, Принцъ Христофоръ Греческій, братъ Супруги Великаго Князя, Великой Княгини МАРІИ ГЕОРГІЕВНЫ. Желая это подчеркнуть, Принцъ Христофоръ охотно посѣщалъ собраніе офицеровъ Конвоя.[35])

Въ 1906 году командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ баронъ Мейендорфъ сдалъ командованіе Конвоемъ флигель-адъютанту полковнику князю Трубецкому. Въ 1908 году, полковникъ кн. Трубецкой Высочайшимъ приказомъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ зачисленіемъ въ Свиту ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Какъ всегда, на время пребыванія Государя Императора въ одномъ изъ городовъ Россіи, особенно, если предстояли смотры и маневры

---

[35]) Изъ воспоминаній генерала М. А. Скворцова.

войскъ, туда командировались офицеры Конвоя съ командою казаковъ, численность которыхъ опредѣлялась важностью командировки.

На торжественномъ праздновани 200-лѣтія Полтавской побѣды въ 1909 году, отъ Конвоя, помимо командира, трубачей и ординарца ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, были въ командировкѣ съ командою казаковъ сотникъ И. Вѣтеръ и сотникъ Б. Макухо. Въ Ригѣ, на открытіи памятника Императору ПЕТРУ ВЕЛИКОМУ, въ командировкѣ находились сотникъ Н. Долговъ и сотникъ А. Федюшкинъ.

СПИСОКЪ ОФИЦЕРОВЪ СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ ВЪ 1910 Г.

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ князь Трубецкой Юрій. Командиръ

Помощникъ командира	полковникъ	Петинъ Степанъ.
Помощникъ командира	полковникъ	Перепеловскій Владиміръ.
Адъютантъ Конвоя	подъесаулъ	Жуковъ Андрей.
Казначей Конвоя	подъесаулъ	Тускаевъ Джимо.
Командиръ Л. Гв. 1 сот.	есаулъ	Логвиновъ Василій.
Командиръ Л. Гв. 2 сот.	есаулъ бар.	Унгернъ-Штернбергъ Михаилъ.
Командиръ Л. Гв. 3 сот.	есаулъ	Кулебякинъ Александръ.
Командиръ Л. Гв. 4 сот.	есаулъ	Кирѣевъ Феодоръ.

Младшіе офицеры:

подъесаулъ	Шапринскій Александръ.
подъесаулъ	Безладновъ Михаилъ.
подъесаулъ	Рашпиль Георгій.
подъесаулъ	Свидинъ Михаилъ.
подъесаулъ	Токаревъ Петръ.
подъесаулъ	Долговъ Николай.
подъесаулъ	Абаціевъ Дауръ.
подъесаулъ	кн. Амилахвари Александръ.
подъесаулъ	принцъ Риза-Кули-Мирза.
сотникъ	Савицкій Вячеславъ.
сотникъ	Макухо Борисъ.
сотникъ	Вѣтеръ Иванъ.
сотникъ	Татоновъ Григорій.
сотникъ	Панкратовъ Константинъ.
сотникъ	Хаджи-Муратъ Арацханъ.
сотникъ	Гулыга Георгій.
сотникъ	Федюшкинъ Анатолій.
хорунжій	Хорановъ Михаилъ.
хорунжій	Скворцовъ Михаилъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СТОЛѢТІЕ СОБСТВЕННАГО ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ

1811—1911

Въ 1911 году исполнилось 100 лѣтъ съ того историческаго дня — 18-го мая 1811 года, когда въ Бозѣ почившій Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ I «во изъявленіе Монаршаго Своего благоволенія къ Войску Черноморскому, за отличные подвиги ихъ противъ враговъ Отечества, во многихъ случаяхъ оказанные, изволилъ пожелать имѣть при Себѣ, въ числѣ Гвардіи Своей, конныхъ сотню казаковъ отъ Войска Черноморскаго».

Къ этому Юбилею столѣтняго служенія Конвоя Престолу и Родинѣ, по повелѣнію Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, заканчивалась постройка новаго офицерскаго собранія и новыхъ казармъ.

Офицерское собраніе — личный подарокъ Государя Своему Конвою, внѣшне представляло собою точную копію Дворца Царевича Димитрія въ Угличѣ. Внутри само собраніе, а въ особенности кабинетъ Государя, залъ и столовая были выдержаны въ древне-русскомъ стилѣ. Въ кабинетѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ большомъ «двухсвѣтномъ» залѣ съ хорами и столовой собранія на окнахъ висѣли оранжеваго цвѣта тяжелаго шелка портьеры.

Освѣщалось собраніе большимъ количествомъ электрическихъ лампочекъ, въ старинныхъ золоченыхъ свѣщницахъ, съ орлами. Столовая офицерскаго собранія особенно выдѣлялась своимъ стилемъ, имѣя деревянный брусчатый потолокъ, большую кафельную печь съ расписными изразцами и двѣ круглыя, темной березы, люстры. У стѣнъ и подъ окнами столовой, какъ въ старинныхъ русскихъ покояхъ, стояли длинныя изъ темнаго дуба скамьи, обтянутыя алымъ сукномъ. Во всю длину одной стѣны столовой находился буфетъ, изъ такого же дуба, какъ и скамьи. Рѣзьба старыхъ орнаментовъ украшала его. Дверь въ самомъ буфетѣ вела непосредственно въ кухню.


С
СТОЛѢТІЕ
СОБСТВЕННАГО КОНВОЯ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
1811
1911

Билліардная зала, комната дежурнаго офицера и помѣщеніе для дежурныхъ казаковъ у телефона находились по другую сторону коридора, тянувшагося отъ входа въ собраніе въ столовую.

Кромѣ этого входа въ собраніе, было еще два — черезъ балконъ и террасу.

Къ своему столѣтнему Юбилею Конвой готовился задолго до начала торжествъ. Раньше чѣмъ за годъ до дня Юбилея, была образована «Юбилейная комиссія». Были заказаны проекты нагруднаго знака Конвоя. Ихъ было много, но, когда они были представлены на утвержденіе Государю, то Государыня Императрица изволила Собственноручно нарисовать Свой проектъ; русскій щитъ, на щитѣ въ верхнемъ лѣвомъ углу Императорская Корона. Съ лѣвой стороны щита, къ правому верхнему углу его, положенъ мечъ. У рукоятки меча цифра 100 и буква «Л».

Этотъ нагрудный знакъ Конвоя, по своему внѣшнему виду, рѣзко отличался отъ всѣхъ предложенныхъ проектовъ. Щитъ черный, изъ серебра съ чернью. Корона, мечъ, цифра 100, буква «Л» и 13 гвоздей вокругъ щита — золотые. Несмотря на кажущуюся внѣшнюю скромность, нагрудный знакъ Конвоя, созданный по замыслу Государыни Императрицы, красивъ не только своей изящной простотой, но еще и тѣмъ, что такъ ясно представляетъ дѣйствительное свое значеніе: «сто лѣтъ съ мечомъ и щитомъ у Императорской Короны».[36])

Высочайше утвержденный нагрудный знакъ Конвоя былъ заказанъ для Государя Императора, Государя Наслѣдника Цесаревича и для всѣхъ офицеровъ и казаковъ Конвоя. Также къ дню Юбилея были заказаны браслеты съ нагруднымъ знакомъ Конвоя, для Государыни Императрицы и для Великихъ Княженъ. Такіе же браслеты Юбилейной комиссіей были заказаны и всѣмъ дамамъ Конвоя.

Офицерамъ и урядникамъ, назначеннымъ быть на Юбилеѣ въ историческихъ формахъ, шилось каждому по мѣркѣ соотвѣтствующее обмундированіе. Этими старыми формами должна была быть представлена вся исторія Конвоя, начиная съ основанія Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго эскадрона.

Были разосланы приглашенія: Войсковому Атаману Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ, Намѣстнику ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на Кавказѣ генералъ-адъютанту графу Воронцову-Дашкову; Наказнымъ Атаманамъ и Начальникамъ Штабовъ Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ; всѣмъ здравствующимъ бывшимъ офицерамъ и командирамъ Конвоя.

Черезъ Войсковые Штабы были посланы приглашенія всѣмъ казакамъ — старымъ конвойцамъ, которыхъ и прибыло на Юбилей до 1.000 человѣкъ. На Терекѣ для казаковъ были заказаны бочки съ виномъ, а для офицерскаго собранія были выписаны съ Кавказа лучшіе сорта винъ.

---

[36]) Нагрудный знакъ Конвоя изображенъ на обложкѣ «Очерка».

Параллельно съ работою Юбилейной комиссіи шла и строевая подготовка къ предстоящимъ торжествамъ. Провѣрялось парадное обмундированіе и снаряженіе. Свободныя отъ службы сотни вели усиленныя конныя ученія, заканчивавшіяся репетиціями предстоящаго юбилейнаго парада. Изъ всѣхъ 4-хъ сотенъ Конвоя были выбраны лучшіе джигиты, которые и начали свою тренировку съ ранней весны 1911 года.

Казакамъ джигитамъ были заготовлены призы: карабины, охотничьи ружья, револьверы, шашки, кинжалы и часы. Были приняты мѣры къ пріему и расквартированію гостей — старыхъ казаковъ Конвоя.

Юбилейныя торжества начались 17-го мая и закончились 21-го мая, но и послѣ этихъ офиціальныхъ дней продолжались проводы дорогихъ гостей.

17-го мая въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ состоялась прибивка полотнища новаго Юбилейнаго Штандарта, пожалованнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Своему Конвою въ день его столѣтія. Первый гвоздь былъ вбитъ Государемъ Императоромъ. Второй — Августѣйшимъ Атаманомъ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Въ прибивкѣ Штандарта приняли участіе Войсковой Атаманъ Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ, Намѣстникъ Кавказа генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ, командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ князь Трубецкой и положенное по закону число офицеровъ и казаковъ Конвоя.

По окончаніи прибивки Штандарта, командиръ Конвоя поднесъ Государю Императору и Государю Наслѣднику Цесаревичу — нагрудный знакъ Конвоя, а Государынѣ Императрицѣ и Великимъ Княжнамъ — спеціально для Нихъ изготовленные браслеты со знакомъ Конвоя, на щитѣ котораго, вмѣсто золотыхъ гвоздей, были бриллiанты.

Полотнище Юбилейнаго Штандарта было изготовлено изъ плотнаго штофа малиноваго цвѣта, съ серебрянымъ орнаментомъ. На одной сторонѣ Штандарта изображеніе Нерукотворнаго Образа Спасителя; надъ Образомъ большими буквами вышито серебромъ: «Съ нами Богъ». Подъ Образомъ широкая Георгіевская лента и на ней такъ же серебромъ вышито: « А II 1856. За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 г. и за подвигъ, оказанный въ сраженіи при Лейпцигѣ 4 октября 1813 года.»

На другой сторонѣ Штандарта Императорская Корона и подъ ней вензелевое изображеніе Имени Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА. Подъ вензелемъ широкая Андреевская лента, и на ней серебромъ вышито: «1811—1911». На углахъ полотнища — Россійскій Государственный Гербъ.

На древкѣ Штандарта Орелъ гвардейскаго образца, подъ нимъ, въ лавровомъ вѣнкѣ, Георгіевскій крестъ 3-ей степени. Къ древку

Штандарта прикрѣплены двѣ Орденскія ленты — Георгіевская и Андреевская.[37])

Пожалованная Конвою Андреевская лента сдѣлана изъ плотной матеріи голубого цвѣта. Вверху, у перегибовъ ленты, прикрѣпленъ бантъ, и на немъ вышито: «1811 годъ.» Внизу ленты пришита серебряная бахрома. На самой лентѣ надпись на лицевой ея сторонѣ: «Лейбъ-Гвардіи Черноморская казачья сотня. За отличіе при пораженіи и изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 г. и за подвигъ, оказанный въ сраженіи при Лейпцигѣ 4 октября 1813 года.» На другой сторонѣ ленты — «Лейбъ-Гвардіи Кубанскихъ казачьихъ сотенъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя».

Внизу Андреевской ленты надъ ея бахромой — кованыя серебряныя изображенія: вензеля Имени Императора АЛЕКСАНДРА I, подъ Императорской Короной, и Россійскаго Государственнаго Герба.

Древко Штандарта — деревянное, зеленое съ серебряными полосками вдоль. На древкѣ, согласно Указа отъ 25 іюня 1838 года, помѣщена круглая скоба, мѣдная позолоченная, прикрѣпленная къ древку наглухо. На скобѣ надпись: «1811 — Л.-Гв. Черноморская казачья сотня. 1911 — Л.-Гв. Кубанскія казачьи сотни Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА КОНВОЯ» и описаніе подвига.

На другой день послѣ прибивки Штандарта, въ среду 18-го мая, передъ Большимъ — Екатерининскимъ Дворцомъ былъ молебенъ съ освященіемъ пожалованнаго Штандарта, и парадъ Конвою.

Въ 10 часовъ 30 минутъ утра, всѣ конвойцы, какъ состоявшіе въ Конвоѣ на службѣ въ день его Юбилея, такъ и прежде въ немъ служившіе, прибывшіе на Юбилей, выстроились передъ Дворцомъ тремя фасами, огибавшими дворцовую площадь.

Первый фасъ — Конвой въ конномъ строю, при полной парадной формѣ (алыя, расшитыя серебрянымъ кавказскимъ галуномъ, у казаковъ желтымъ басономъ, черкески, бѣлые бешметы, у офицеровъ и урядниковъ серебряныя, — у казаковъ бѣлыя тесьмы, у офицеровъ серебряные эполеты, шнуры револьверные, пояса и портупеи — у урядниковъ и казаковъ желтые жгуты гусарскаго образца), имѣя на правомъ флангѣ своего строя хоръ трубачей Л.-Гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

Второй фасъ общаго построенія — офицеры и казаки Конвоя въ историческихъ формахъ, начиная съ 1811 года Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго эскадрона, Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго дивизіона, Л.-Гв. Кавказскаго Линейнаго казачьяго эскадрона, Грузинскаго, Мусульманскаго, Горскаго и Лезгинскаго взводовъ Л.-Гв. Кавказскаго эскадрона и Л.- Гв. Команды Крымскихъ татаръ. Лѣвѣе историческаго взвода — врачи Конвоя и нестроевая команда въ пѣшемъ строю.

---

[37]) Высочайшимъ Указомъ отъ 25 іюня 1838 года, Знаменамъ и Штандартамъ тѣхъ полковъ, которые сто и болѣе лѣтъ считали со своего основанія, пожалованы Орденскія ленты. Въ Гвардіи онѣ были Андреевскія.

Третій фасъ составляли старые конвойцы, офицеры и казаки. Ихъ строй доходилъ почти до Царскаго подъѣзда. Среди нихъ находились бывшій командиръ Конвоя генералъ-маіоръ Ивашкинъ-Потаповъ, послѣдній начальникъ Л.-Гв. Команды Крымскихъ татаръ генералъ-маіоръ князь Тумановъ и старѣйшій изъ здравствующихъ конвойцевъ генералъ-лейтенантъ Савицкій, служившій въ Конвоѣ въ 1869 году.

Первымъ здоровался съ Конвоемъ и поздравлялъ съ Юбилеемъ Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ.

Вслѣдъ за нимъ объѣхалъ фронтъ Конвоя и привѣтствовалъ всѣхъ конвойцевъ ихъ Войсковой Атаманъ — Намѣстникъ Кавказа генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ.

Какъ прямой начальникъ Конвоя, Министръ Императорскаго Двора, въ ожиданіи прибытія Государя Императора, подъѣхалъ къ строю Конвоя и сталъ на правый его флангъ — правѣе трубачей.

Ожидало Государя и Дежурство Государевой Свиты, въ день Юбилея Конвоя составленное изъ казаковъ: Войскового Атамана генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора Радіонова и флигель-адъютанта полковника графа Граббе.

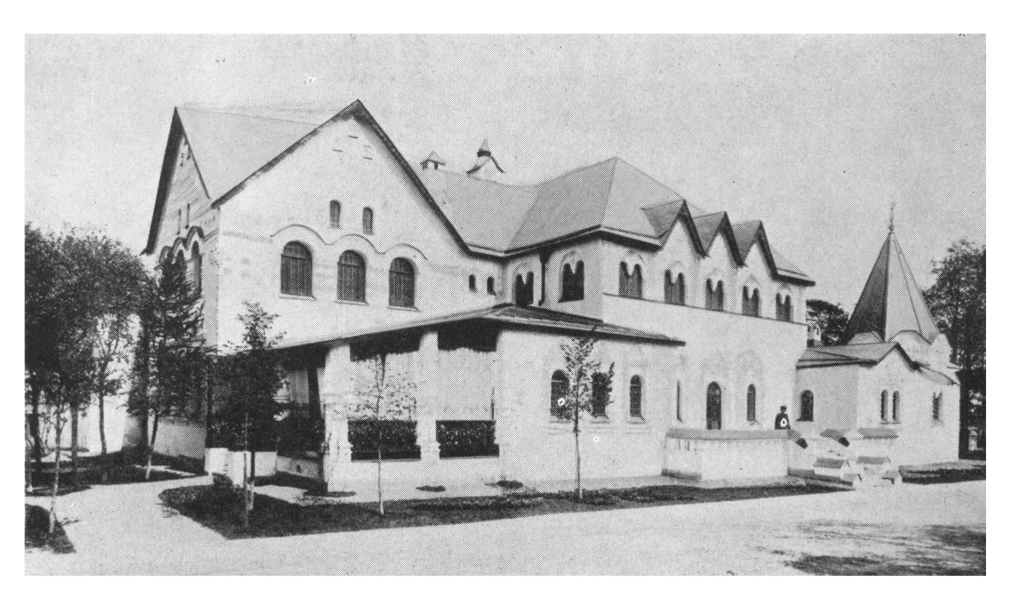
Генералитетъ, Войсковыя делегаціи отъ Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, отъ различныхъ воинскихъ частей и тысячи военныхъ и невоенныхъ зрителей дополняли торжественную обстановку встрѣчи Конвоемъ своего Державнаго Шефа.

У средняго Царскаго подъѣзда находились: Великій Князь СЕРГІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ, генералъ-адъютантъ Струковъ, генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, генералъ-адъютантъ Арсеньевъ, генералъ-адъютантъ свѣтл. князь Голицынъ, Комендантъ Дворца генералъ Дедюлинъ и Гофмаршалъ генералъ графъ Бенкендорфъ. Съ атаманскими булавами въ рукахъ Наказный Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска генералъ-лейтенантъ Бабичъ и Наказный Атаманъ Терскаго Казачьяго Войска генералъ Михѣевъ. Начальникъ Войскового Штаба Кубанскаго Войска Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ Кіяшко и Начальникъ Войскового Штаба Терскаго Войска Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ Чернозубовъ.

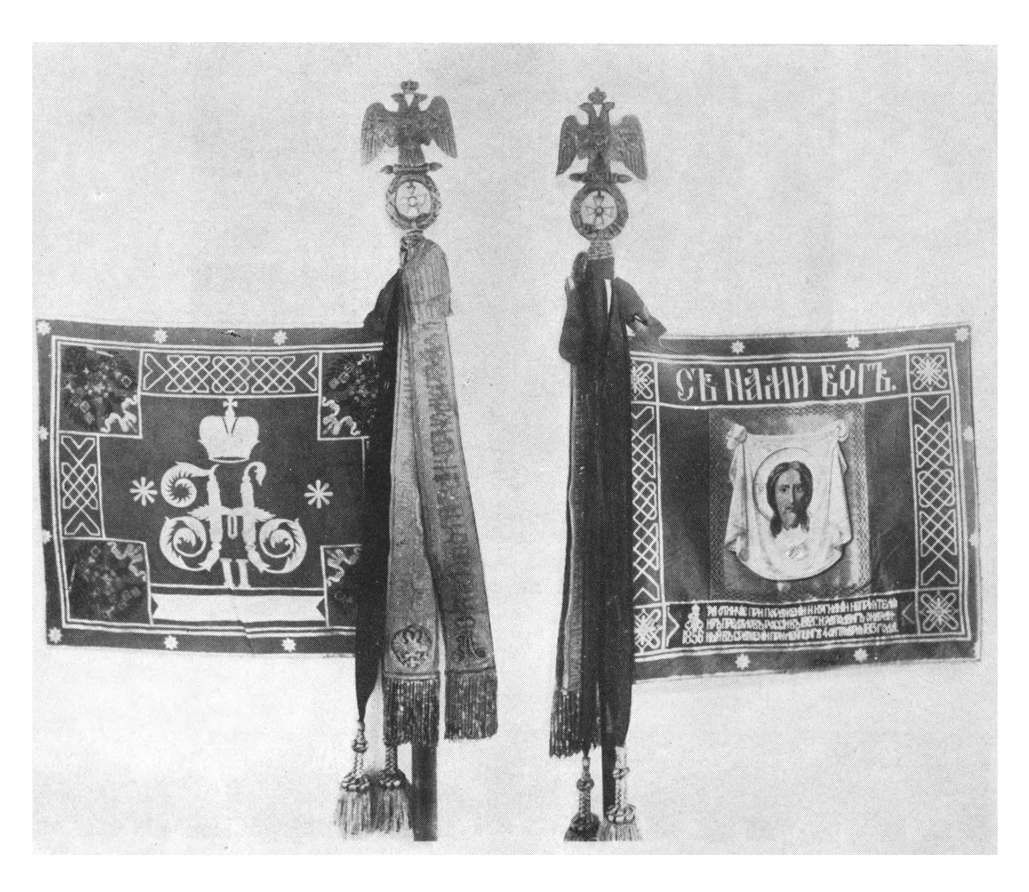
Среди генералитета присутствовали: Начальникъ Генеральнаго Штаба генералъ Жилинскій, Начальникъ Главнаго Штаба генералъ Михневичъ, Генералъ-Инспекторъ Кавалеріи генералъ Остроградскій и помощникъ Военнаго Министра генералъ Поливановъ.

Среди присутствующихъ на Юбилеѣ Конвоя находились также представители воинскихъ частей: Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Сводно-Пѣхотнаго полка, Л.-Гв. Кирасирскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ полка, Л.-Гв. Казачьяго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, представители частей Царскосель-

Офицерское собраніе Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя. Личный подарокъ Государя Императора.

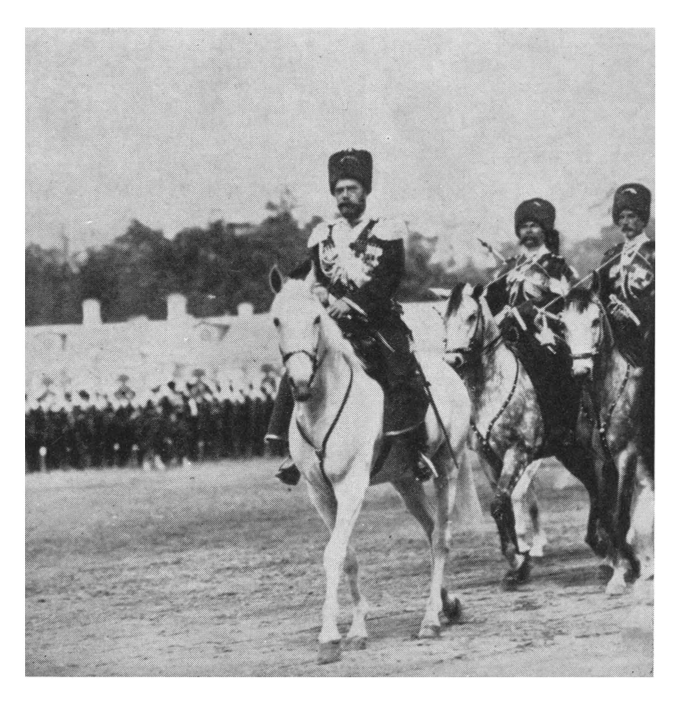


Угловая башня — кабинетъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

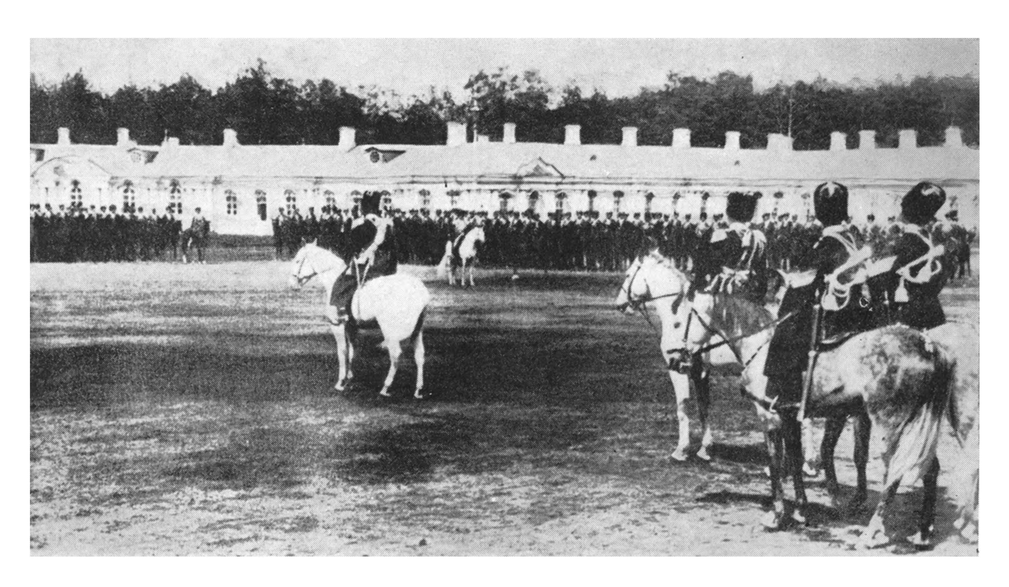


Юбилейный Штандартъ
Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

Пожалованъ Государемъ Императоромъ
НИКОЛАЕМЪ II АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ
18-го мая 1911 г.



Прибытіе Государя Императора на Юбилейный парадъ Конвоя.



Государь Императоръ поздравляетъ Свой Конвой со столѣтнимъ Юбилеемъ 18-го мая 1911 г.

скаго гарнизона, 1-го Желѣзнодорожнаго полка и 16-го Стрѣлковаго Государя Императора АЛЕКСАНДРА III полка.

Въ 11 часовъ дня изволилъ прибыть Государь Императоръ верхомъ на свѣтло-сѣромъ конѣ, въ сопровожденіи Своихъ трубачей-конвойцевъ. Государь былъ въ парадномъ мундирѣ Своего Конвоя, имѣя на Себѣ Андреевскую ленту.

Командиръ Конвоя, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ князь Трубецкой громко подалъ команду: «Конвой! Ружья въ руку, шашки вонъ! Г. г. офицеры!»[38])

Офицеры, взявъ «подвысь» шашки, одновременно салютовали ими, а стоявшіе на правомъ флангѣ Конвоя трубачи Лейбъ-Гусары заиграли торжественный Гвардейскій походъ.

Командиръ Конвоя, сдерживая своего коня, короткимъ наметомъ поскакалъ навстрѣчу къ Государю съ рапортомъ.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, принявъ рапортъ, подъѣхалъ къ трубачамъ, отмахнулъ имъ и, когда они замолчали, поздоровался съ ними, а затѣмъ началъ Свой объѣздъ вдоль всего строя Конвоя. Непосредственно за Государемъ, кромѣ Его трубачей, слѣдовали Министръ Двора, Дежурство Его Свиты и командиръ Конвоя.

«Здорово, Мои конвойцы!» ясно было слышно Царское привѣтствіе.

«Здравія желаемъ, ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!» И сразу же могучее «ура» казаковъ Конвоя разнеслось по всей дворцовой площади и слилось съ величественной мелодіей Русскаго Народнаго Гимна, въ прекрасномъ исполненіи хора трубачей Лейбъ-Гусаръ.

Въ это же время, къ среднему подъѣзду Дворца, подъѣхали въ экипажѣ и вошли въ подъѣздъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, имѣвшій на Себѣ парадный мундиръ хорунжаго Конвоя, и Августѣйшія Дочери ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Объѣхавъ развернутый строй Конвоя, строй офицеровъ и казаковъ въ исторической формѣ, а также строй старыхъ конвойцевъ, Государь Императоръ остановился у средняго подъѣзда Екатерининскаго Дворца.

Здѣсь передъ аналоемъ, съ иконою Св. Іерофея — Небеснаго Покровителя Конвоя, Св. Крестомъ и Евангеліемъ на немъ, ожидало въ золотомъ облаченіи духовенство: настоятель Царскосельскаго Екатерининскаго собора митрофорный протоіерей Бѣляевъ и членъ духовнаго правленія при военномъ протопресвитерѣ, протоіерей Моревъ.

Передъ началомъ молебна старый Штандартъ Конвоя, съ подобающей воинской почестью, былъ вывезенъ изъ строя и отнесенъ на храненіе въ Екатерининскій Дворецъ. Затѣмъ адъютантъ Конвоя

---

[38]) «Ружья въ руку» — пріемъ, установленный только для Конвоя, при отданіи воинской чести въ конномъ строю. По этой командѣ, конвойцы берутъ винтовку въ правую руку, съ наклономъ впередъ и съ упоромъ у праваго бедра.

подъесаулъ Жуковъ и штандартный подхорунжій съ ассистентомъ поднесли къ аналою новый Юбилейный Штандартъ.

По приказанію командира Конвоя, трубачи сыграли сигналъ: «на молитву». Послѣдовала команда — «на молитву шапки долой!» Государь Императоръ и командиръ Конвоя спѣшились и подошли къ аналою.

Спѣшились и подошли изъ строя къ аналою казаки хора Конвоя. Молебенъ былъ законченъ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всей Его Августѣйшей Семьѣ, «вѣчной памяти» въ Бозѣ почившимъ Государямъ Императорамъ АЛЕКСАНДРУ I, НИКОЛАЮ I, АЛЕКСАНДРУ II, АЛЕКСАНДРУ III, воинамъ, на полѣ брани за Вѣру, Царя и Отечество животъ свой положившимъ, и многолѣтіемъ всему Россійскому воинству.

Во время молебна духовенствомъ была прочтена молитва, положенная при освященіи Знаменъ и Штандартовъ. При окропленіи Штандарта Св. водой, Государь и командиръ Конвоя держали края полотнища его.

Когда чинъ освященія Штандарта былъ совершенъ, командиръ передъ строемъ Конвоя прочелъ Высочайшую Грамоту о пожалованіи Штандарта и статьи воинскаго устава о наказаніяхъ за потерю его.

Затѣмъ послѣдовала присяга новому Штандарту и торжественное Самимъ Государемъ Императоромъ врученіе его командиру Своего Конвоя, принявшаго Штандартъ изъ рукъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, преклонивъ колѣно, и передавшего его также преклонившему колѣно штандартному подхорунжему. Старый сверхсрочнослужащій подхорунжій крестясь, принялъ новую Святыню Конвоя. Передавъ Штандартъ штандартному подхорунжему, командиръ подалъ команду: «трубачи, отбой!» — «накройсь!» и для встрѣчи Штандарта — «ружья въ руку, шашки вонъ! Г. г. офицеры!»

По исполненіи послѣдней команды, штандартный подхорунжій съ ассистентомъ, въ предшествіи адъютанта Конвоя, подъѣхалъ къ лѣвому флангу строя Конвоя и, слѣдуя на положенное ему мѣсто, шагомъ объѣхалъ со Штандартомъ весь строй Конвоя.

Высочайше пожалованный Штандартъ всѣми чинами Конвоя былъ встрѣченъ могучимъ «ура!».

Когда штандартный подхорунжій занялъ свое мѣсто въ строю, было произведено перестроеніе къ церемоніальному маршу. Передъ Государемъ Императоромъ, находившимся у средняго подъѣзда Дворца, Конвой проходилъ по-сотенно развернутымъ фронтомъ три раза. Второй разъ прошелъ Конвой рысью и третій наметомъ, каждый разъ слыша Царское: «Спасибо, казаки!» Историческій взводъ проходилъ по три всадника.

Послѣ церемоніальнаго марша, Штандарты, Юбилейный и Терскій, съ воинскими почестями были отвезены во Дворецъ, присоединены къ старому Штандарту Л.-Гв. Кубанскихъ сотенъ, и Конвой вновь выстроился на три фаса.

Государь Императоръ въѣхалъ въ средину этого построенія и изволилъ обратиться къ Конвою: «СТО ЛѢТЪ КОНВОЙ ЧЕСТНО И ВѢРНО СЛУЖИЛЪ СВОИМЪ ЦАРЯМЪ И РОДИНѢ, КАКЪ ВЪ ПОХОДАХЪ, ТАКЪ И ВЪ МИРНОЕ ВРЕМЯ. ПРЕДКИ МОИ ЦѢНИЛИ, КАКЪ И Я, БЕЗЗАВѢТНУЮ ПРЕДАННОСТЬ КУБАНСКИХЪ И ТЕРСКИХЪ КАЗАКОВЪ КОНВОЯ. УВѢРЕНЪ, ЧТО И ГРЯДУЩІЕ ЕГО ПОКОЛѢНІЯ БУДУТЪ СЛУЖИТЬ ПО ПРИМѢРУ СВОИХЪ СЛАВНЫХЪ ПРЕДКОВЪ. БЛАГОДАРЮ ПРЕЖДЕ СЛУЖИВШИХЪ И НЫНѢ НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ СТРОЮ КОНВОЯ ЗА СЛУЖБУ. ЗА ВѢРНУЮ ВАШУ СЛУЖБУ, КАЗАКИ, МОЕ СЕРДЕЧНОЕ СПАСИБО!»

Государю Императору была подана проба. Взявъ чару, Государь произнесъ: «ЗА ДАЛЬНѢЙШУЮ СЛАВУ МОЕГО КОНВОЯ, ЗА ЗДОРОВЬЕ ПРЕЖДЕ ВЪ НЕМЪ СЛУЖИВШИХЪ И ЗА ВАШЕ ЗДОРОВЬЕ, КАЗАКИ, УРА!»[39])

Несмотря на большую дворцовую площадь, каждое слово Государя Императора, обладавшаго исключительной дикціей, было услышано всѣми совершенно ясно и отчетливо.

Въ отвѣтъ на Царскія слова, восторженное «ура» конвойцевъ разнеслось по всей площади Екатерининскаго Дворца.

Командиръ Конвоя поднялъ чару за здоровье Государя Императора, Государынь Императрицъ и Августѣйшаго Атамана Государя Наслѣдника Цесаревича. Громкое «ура», звуки Народнаго Гимна и Шефскихъ маршей не смолкали до тѣхъ поръ, пока Государь не подъѣхалъ къ Дворцу.

Еще разъ, направляясь въ свои казармы, прошелъ Конвой передъ Государемъ Императоромъ, съ хоромъ трубачей Л.-Гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, игравшихъ маршъ, составленный изъ пѣсенъ Черноморскихъ казаковъ.

За сотнями Конвоя слѣдовалъ историческій взводъ, въ составѣ десяти офицеровъ и десяти казаковъ, напоминавшій всю вѣковую исторію Конвоя. За офицерами въ историческихъ формахъ, во второй шеренгѣ находились казаки, каждый въ формѣ, соотвѣтствующей своему офицеру.

Послѣ парада, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великая Княжна МАРІЯ НИКОЛАЕВНА и Великая Княжна АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА отбыли въ Александровскій Дворецъ. Государь Императоръ, съ Великой Княжной ОЛЬГОЙ НИКОЛАЕВНОЙ и Великой Княжной ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ, изволили прослѣдовать въ Екатерининскій Дворецъ, гдѣ былъ сервированъ завтракъ.

Царскій столъ былъ накрытъ покоемъ. Кромѣ Царскаго стола было накрыто много небольшихъ столовъ. Всѣхъ приглашенныхъ къ Высочайшему завтраку было 180 человѣкъ.

Центральное мѣсто за Царскимъ столомъ занялъ Государь Императоръ, имѣя противъ Себя Министра Императорскаго Двора. Съ

---

[39]) «Новое Время» 19-го мая 1911 года № 12637.

правой стороны отъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА заняли мѣста: Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, Великій Князь СЕРГІЙ МИХАЙЛОВИЧЪ, статсъ-дама графиня Воронцова-Дашкова, генералъ-адъютантъ баронъ Мейендорфъ, статсъ-дама баронесса Рихтеръ, генералъ-инспекторъ кавалеріи генералъ Остроградскій, вдова бывшаго командира Конвоя баронесса Мейендорфъ, помощникъ военнаго министра генералъ Поливановъ и супруга командира Конвоя княгиня Трубецкая.

По лѣвую сторону отъ Государя: Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, Войсковой Атаманъ Кавказскихъ казачьихъ Войскъ и Намѣстникъ Кавказа генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ-Дашковъ, статсъ-дама Нарышкина, генералъ-адъютантъ Струковъ, статсъ-дама баронесса Фредериксъ, генералъ-адъютантъ Арсеньевъ, супруга бывшаго командира Конвоя госпожа Ивашкина-Потапова, Начальникъ Генеральнаго Штаба генералъ Жилинскій, фрейлина госпожа Бюцева, Начальникъ Главнаго Штаба генералъ Михневичъ.

По правую руку отъ Министра Императорскаго Двора сидѣлъ старый командиръ Конвоя генералъ-маіоръ Ивашкинъ-Потаповъ, а по лѣвую командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ князь Трубецкой. На этой сторонѣ Царскаго стола имѣли мѣста штабъ и оберъ-офицеры Конвоя и ихъ супруги.[40])

Во время Высочайшаго завтрака игралъ придворный симфоническій оркестръ. Въ концѣ завтрака Государь Императоръ изволилъ провозгласить здравицу за Свой Конвой и за Кубанское и Терское Казачье Войско. Послѣ завтрака, Государь милостиво бесѣдовалъ со всѣми офицерами Конвоя и пожаловалъ адъютанта Конвоя, подъесаула Жукова, Своимъ флигель-адъютантомъ.

Въ исходѣ третьяго часа, передъ отбытіемъ изъ Екатерининскаго Дворца, Государь Императоръ выразилъ Свое пожеланіе сняться передъ Дворцомъ въ общей группѣ со всѣми офицерами Конвоя.

На третій день Юбилейныхъ торжествъ, 19-го мая, въ 3 часа дня, настоятель Царскосельскаго Екатерининскаго собора совершилъ освященіе новаго офицерскаго собранія Конвоя. На освященіи присутствовали: командиръ, всѣ офицеры Конвоя съ ихъ семьями, прибывшіе на Юбилей старые конвойцы, депутаціи отъ Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ и представители воинскихъ частей, принимавшихъ участіе въ Юбилейныхъ торжествахъ Конвоя.

Въ тотъ же день, въ 4 часа 30 минутъ, происходила джигитовка Конвоя передъ Екатерининскимъ Дворцомъ. Для встрѣчи Государя, сотни Конвоя въ обыкновенной формѣ (синій мундиръ при аломъ бешметѣ) были выстроены на дворцовой площадкѣ въ пѣшемъ строю, имѣя на правомъ флангѣ хоръ трубачей Л.-Гв. Кирасирскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, а на лѣвомъ — конный строй своихъ лучшихъ джигитовъ, подъ командой сотника Скворцова.

---

[40]) Дамамъ Конвоя, для прибытія ихъ къ Юбилейному параду и Высочайшему завтраку, были поданы дворцовыя кареты. (Изъ воспоминаній Е. П. Гулыга, вдовы офицера Конвоя).

Церемоніальный маршъ. Государь Императоръ у средняго подъѣзда Екатерининскаго Дворца. Правый флангъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Прохожденіе сотенъ Конвоя передъ Государемъ Императоромъ. 18-го мая 1911 года.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ, Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, Войсковыя делегацiи и офицеры Конвоя передъ Екатерининскимъ Дворцомъ, послѣ Высочайшаго завтрака.



Офицеры и ихъ гости: Войсковыя делегацiи, представители воинскихъ частей и старики конвойцы, прибывшiе съ Кавказа на 100-лѣтнiй Юбилей Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, передъ Офицерскимъ собранiемъ.

Освященіе Юбилейнаго Штандарта
Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

Присяга Юбилейному Штандарту.
18-го мая 1911 г.

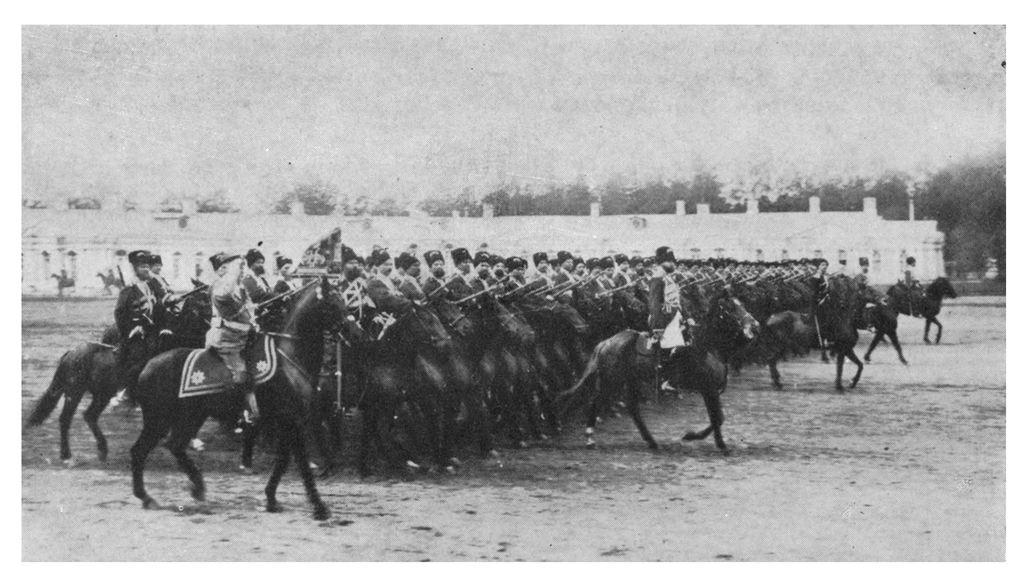
...«Отъ команды и Знамени, гдѣ принадлежу, хотя въ полѣ, обозѣ или гарнизонѣ, никогда не отлучаться, но за онымъ, пока живъ, слѣдовать буду...»



Командиръ Конвоя, преклонивъ колѣно, принимаетъ Высочайше пожалованный Юбилейный Штандартъ изъ рукъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Штандартный подхорунжій, крестясь, принимаетъ новую Святыню Государева Конвоя.

Пріемъ Высочайше пожалованнаго Штандарта адъютантомъ Конвоя подъесауломъ А. Жуковымъ.

*Трубачи Конвоя открываютъ Церемоніальный маршъ.
Трубачи Л.-Гв. Гусарскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка слѣдуютъ на положенное мѣсто для хора трубачей.*



Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня въ развернутомъ строю проходитъ Церемоніальнымъ маршемъ. На правомъ флангѣ сотни, правѣе Штандарта, Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ баронъ Фредериксъ.



Офицеры и казаки Конвоя въ историческихъ формахъ на Юбилейныхъ торжествахъ 100-лѣтія Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА (слѣва направо):

1-й рядъ. Сидятъ на коврѣ казаки въ формахъ: Мусульманскаго, Грузинскаго, Лезгинскаго и Горскаго взводовъ Л.-Гв. Кавказскаго эскадрона.

2-й рядъ. Сидятъ офицеры въ формахъ: Подъесаулъ Вѣтеръ, Л.-Гв. Черноморскій казачій эскадронъ — 1811 годъ. Подъесаулъ князь Амилахвари, Грузинскій взводъ — 1857 годъ.

Подъесаулъ Долговъ, Л.-Гв. Черноморскій казачій эскадронъ — 1832 годъ. Подъесаулъ принцъ Риза-Кули-Мирза, Мусульманскій взводъ — 1857 годъ Сотникъ Скворцовъ, Л.-Гв. Черноморскій казачій Дивизіонъ — 1842 годъ. Сотникъ Хорановъ, Команда Крымскихъ Татаръ — 1863 годъ.

3-й рядъ. Стоятъ: подъесаулъ Шапринскій, Л.-Гв. Черноморскій казачій Дивизіонъ — 1850 годъ. Урядникъ, Л.-Гв. Черноморскій казачій Дивизіонъ — 1850 годъ. Урядникъ, Л.-Гв. Черноморскій казачій эскадронъ — 1811 годъ. Урядникъ, Л.-Гв. Кавказскій казачій эскадронъ — 1855 годъ. Сотникъ Федюшкинъ, Лезгинскій взводъ — 1857 годъ. Подъесаулъ Панкратовъ, Л.-Гв. Кавказскій казачій эскадронъ — 1855 годъ. Урядникъ, Л.-Гв. Команда Крымскихъ Татаръ — 1863 годъ. Урядникъ, Л.-Гв. Черноморскій казачій эскадронъ — 1832 годъ. Подъесаулъ Хаджи-Муратъ, Горцы Л.-Гв. Кавказскаго эскадрона — 1857 годъ.

Внутренняя площадь Большаго Дворца была окаймлена по всей правой половинѣ тысячной шпалерой зрителей, вплоть до Царскаго подъѣзда. На подъѣздѣ находились: Атаманы, Генералитетъ, чины Государевой Свиты и всѣ депутацiи, прибывшiя на Юбилей Конвоя.

Придворныя дамы и дамы Конвоя имѣли мѣста на балконѣ Дворца. На столахъ возлѣ Царскаго подъѣзда были разложены призы для джигитовъ, изъ коихъ 26 огнестрѣльнаго оружiя и 8 холоднаго — кинжалы и шашки съ серебрянымъ наборомъ.

Государь Императоръ на джигитовку прибылъ съ Августѣйшими Дѣтьми. Государь и Наслѣдникъ Цесаревичъ имѣли на Себѣ синiй мундиръ Конвоя. Поздоровавшись съ трубачами кирасирами и съ казаками Конвоя, Государь разрѣшилъ командиру начать джигитовку.

По знаку, данному командиромъ Конвоя, вся команда джигитовъ, стоя на сѣдлахъ, съ гикомъ, стрѣльбою, съ кинжалами въ зубахъ и отдавая честь Государю, пронеслась съ правой стороны дворцовой площади на лѣвую и оттуда, справа по одному, полетѣли назадъ съ рубкой лозы и глиняныхъ пирамидъ. Удары шашкой были настолько точно, мѣтко и правильно направлены, что разрубленная пирамида оставалась стоять, не разваливаясь.

Послѣ рубки слѣдовала «вольная» и «групповая» джигитовка. Зрители не успѣвали слѣдить за отдѣльными номерами карьеромъ мчавшихся лихихъ джигитовъ. Передъ ихъ глазами, какъ въ калейдоскопѣ, мелькали всадники, съ большой смѣлостью продѣлывая «двойные прыжки» (перескакиванiе черезъ коня, карьеромъ мчавшагося, съ одной его стороны на другую), «вертушки» (перевернувшись въ воздухѣ, казакъ вскакивалъ на шею коня, лицомъ къ его крупу), «скашовки» (на полномъ карьерѣ казакъ откидывался и подхватывалъ съ земли папаху). Трудно было сосредоточиться на какомъ-либо отѣльномъ всадникѣ. Проносились конвойцы, стоя вверхъ ногами, нѣкоторые вскакивали на крупъ лошади, на карьерѣ снимали свое сѣдло и, держа его въ рукахъ, стояли на крупѣ мчавшагося коня.

«Римской колесницей» — казакъ, стоя на конѣ, гналъ впереди себя тройку коней, «трапецiей» — два казака, несясь карьеромъ держали между собою шестъ, на которомъ третiй продѣлывалъ сложныя гимнастическiя упражненiя, «пирамидой» — на плечахъ двухъ несущихся казаковъ стоялъ третiй съ сотеннымъ значкомъ, и другими групповыми номерами, была закончена джигитовка, вызвавъ удивленiе Государя Императора, восторгъ Августѣйшаго Атамана Государя Наслѣдника и общее восхищенiе лихостью, ловкостью и храбростью джигитовъ-казаковъ Конвоя. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ нѣсколько разъ благодарилъ командира и пожелалъ лично выразить джигитамъ Конвоя Свою Царскую благодарность.

Конвойцы спѣшились и, передавъ лошадей назначеннымъ коноводамъ, выстроились передъ Государемъ. Государь подошелъ къ нимъ, всѣхъ благодарилъ за удалую джигитовку и разспрашивалъ

отдѣльно нѣкоторыхъ казаковъ о томъ, какъ давно служитъ въ Конвоѣ, какого Войска, получалъ ли раньше призы за джигитовку, а если получалъ, то что именно. Затѣмъ происходила раздача призовъ.

Во время джигитовки помощникъ командира по строевой части и командиры сотенъ, совмѣстно оцѣнивъ каждаго джигита, составили списокъ по порядку награжденія ихъ. По этому списку джигиты вызывались къ столамъ съ лежащими на нихъ призами. Призы конвойцамъ выдавала Государыня Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА. Получая призъ, казаки почтительнѣйше цѣловали руку Ея Императорскому Высочеству.

Государь Императоръ, съ присущимъ Ему ласковымъ взглядомъ, внимательно слѣдилъ за раздачей призовъ, интересуясь нѣкоторыми изъ нихъ. Послѣ джигитовки Государь Императоръ и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими Сестрами отбыли въ Александровскій Дворецъ.

Вечеромъ въ офицерскомъ собраніи происходилъ пріемъ всѣхъ депутацій и поздравленій. Привѣтствовали Конвой со 100-лѣтнимъ Юбилеемъ:

Отъ всего Кубанскаго Казачьяго Войска, Наказный Атаманъ генералъ-лейтенантъ Бабичъ. Кубанское Войско поднесло Конвою громадную серебряную братину, точную копію литавръ, пожалованныхъ Императрицей ЕКАТЕРИНОЙ II Черноморскому казачьему Войску Высочайшей Грамотой отъ 30 іюня 1792 года. Къ братинѣ, по числу офицеровъ Конвоя, 28 малыхъ литавръ-чашъ для вина. Черпакомъ братины служила казачья папаха изъ серебра, прикрѣпленная къ серебряной шашкѣ. На братинѣ надпись:

«Братина-Литавра Государеву Конвою отъ Братьевъ Кубанцевъ 1811—1911». Кромѣ братины, Наказный Атаманъ передалъ командиру отъ Кубанскаго Войска адресъ Конвою, въ серебряномъ бюварѣ, украшенномъ фотографіями изъ боевой жизни Войска. Войсковой адресъ гласитъ:

«Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой! Въ высокоторжественный день доблестнаго вѣкового служенія Твоего Государю и Родинѣ, прими, доблестный сынъ, отъ Твоей Матери — Кубанскаго Войска, отъ всего родного Тебѣ Войскового «товариства» сердечный и братскій привѣтъ!

Прапрадѣдами и прадѣдами Твоими были Черноморцы.

Принявъ отъ своихъ прародителей священный для каждаго казака завѣтъ во имя долга вѣрной службы Государю и Родинѣ встрѣчать врага Трона, врага Отечества смертнымъ боемъ, не думая о своей жизни, а памятуя только лишь о славѣ и чести казачества, о пользѣ Святой Руси Православной, Ты крѣпко сохранилъ и хранишь эти завѣты сѣдой старины въ своемъ, закаленномъ бранными невзгодами, казачьемъ сердцѣ! Разноплеменныя полчища Наполеона познали мощь и силу удара казачьей шашки, и не разъ грозный врагъ въ превосходныхъ силахъ отступалъ предъ отчаянной рѣшимостью ка-

заковъ погибнуть самимъ, но выполнить свой долгъ до конца! И весь міръ былъ свидѣтелемъ, насколько въ Тебѣ былъ силенъ и крѣпокъ духъ казачій, духъ беззавѣтной удали, отваги, самоотверженности, беззавѣтной преданности долгу службы и готовности положить душу свою за други своя!

Мятежныя банды польскихъ повстанцевъ при Твоемъ появленіи разсыпались въ прахъ: онѣ не дерзали противостоять Твоему удару!

Страхъ и трепетъ овладѣвали ими при мысли о Твоемъ стремительномъ, всесокрушающемъ натискѣ!

Нафанатизированные таборы турокъ не могли подъ Ловчей устоять предъ Твоимъ, страшнымъ своей стремительностью и неожиданностью, ударомъ. И Ты, растоптавъ и смявъ ихъ лихой атакой, своей безумной смѣлостью отворилъ врата побѣды!

Завидна и славна была Твоя доля на полѣ брани, но не менѣе завидна и почетна она была и дома при священной Особѣ Вѣнценоснаго Вождя Россійской Арміи и всей Его Августѣйшей Семьи!

Въ теченіе цѣлаго вѣка свято выполнялъ Ты возлагаемую на Тебя тяжелую, трудную, величайшей важности службу! Въ теченіе цѣлыхъ ста лѣтъ всегда безукоризненно оправдывалъ Ты оказываемое Тебѣ высокое довѣріе Августѣйшихъ Монарховъ!

Въ день вѣковой службы Твоей, родное Тебѣ Кубанское Казачье Войско счастливо вспомнить, хотя бы и вкратцѣ, длинную годами, богатую событіями, высоко-почетную, блестящую службу Твою и воздать Тебѣ должное, сказавъ: живъ, силенъ и крѣпокъ въ Тебѣ и донынѣ духъ казака!

И дай, Всемогущій Боже, чтобы и впредь онъ въ Тебѣ крѣпъ и росъ непрестанно!

Въ день годовщины столѣтія Твоего Войсковое «товариство» счастливо засвидѣтельствовать Тебѣ, что Ты, кость отъ кости нашей, плоть отъ плоти нашей, составляешь нашу гордость, нашу красу, нашу славу!

Преданный и вѣрный своему долгу, Государевъ Конвой, прими же отъ «Твоеі рідноі матері» — Войска Кубанскаго, отъ «Твого рідного брата» — всего войскового «товариства», низкій поклонъ, горячій привѣтъ и отъ «щираго» сердца казачьяго пожеланіе: да несъ бы Ты и впредь такъ же вѣрно, честно, доблестно и славно службу Цареву на счастье и благоденствіе Россіи, на радость, гордость и славу намъ, Кубанцамъ, и роднымъ братьямъ нашимъ, Терцамъ!

Чтобы и впредь въ удвоенномъ усердіи въ службѣ и вѣрности Ты всегда оказывалъ себя достойнымъ Царскихъ къ Тебѣ милостей!

Чтобы и впредь всегда Ты былъ на высотѣ своего назначенія и близокъ къ подножію Трона!

Чтобы и впредь имя казака-Конвойца было почтенно для друзей, грозно для враговъ Царя и Родины!

Да хранитъ Тебя Господь на многіе и многіе годы!

Да благословитъ Тебя Всевышній на радость Обожаемаго Всемилостивѣйшаго Нашего Самодержца, на славу и гордость Кубанцевъ и Терцевъ! Дай Боже:

Що б Твоя доля Тебе не цуралась,
Що б Тобі в світі добре жилося!

Наказный Атаманъ Кубанскаго Казачьяго Войска,
Генералъ-Лейтенантъ Бабичъ.

Начальникъ Войскового Штаба Кубанскаго Казачьяго Войска,
Генералъ-Маіоръ Л. Кіяшко.

18-го мая 1911 года, городъ Екатеринодаръ».

Отъ Терскаго Казачьяго Войска Наказный Атаманъ генералъ-лейтенантъ Михѣевъ поднесъ Конвою адресъ, бюваръ котораго былъ украшенъ большимъ серебрянымъ Войсковымъ гербомъ. Терскій Атаманъ прочелъ адресъ, въ которомъ кратко и образно была изложена 300-лѣтняя исторія Терскаго Войска и 100-лѣтняя Конвоя.

Войско поднесло также и серебряную братину, по сторонамъ которой находились грифоны Россійскаго Императорскаго Дома. На одной сторонѣ братины надпись: «Собственному ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвою», на другой — «отъ Терскаго казачьяго Войска». 18. V. 1911 г.

Генералъ-маіоръ Пономаревъ, отъ Л.-Гв. Казачьяго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, въ столѣтній Юбилей однополчанъ, бывшихъ въ составѣ ихъ полка до 1842 года, поднесъ Конвою подарокъ, напоминавшій о подвигѣ, совмѣстно проявленномъ подъ Лейпцигомъ въ день 4-го октября 1813 года. Конная группа, сдѣланная изъ бронзы, представляла собою сцену изъ Лейпцигской битвы: были изображены Лейбъ-Казакъ бокъ-о-бокъ съ казакомъ Л.-Гв. Черноморскаго эскадрона въ схваткѣ съ французскими кирасирами.

Л.-Гв. Кирасирскій ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ полкъ, къ Юбилею Конвоя поднесъ братину — хрусталь съ серебромъ, и такіе же бокалы.

Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Сводно-Пѣхотный полкъ — братину въ старорусскомъ стилѣ.

1-й Желѣзнодорожный полкъ — хрустальную вазу.

16-й Стрѣлковый Императора АЛЕКСАНДРА III полкъ — адресъ.

Лейбъ-Эриванцы — традиціонныя кавказскія чаши, украшенныя серебромъ съ черньювъ.

Бывшіе офицеры Конвоя поднесли родной Части двѣ бронзовыя статуи: Кубанцы — запорожецъ съ добытымъ конемъ и оружіемъ врага, вытирающій клинокъ своей сабли о гриву коня.

Терцы — Кавказскій казакъ на границѣ, съ Русскимъ Знаменемъ въ рукѣ. Офицеры, состоявшіе въ день Юбилея на службѣ въ Конвоѣ — подарили «Surtout de Table» изъ серебра.

Дамы Конвоя поднесли офицерскому собранію складень съ образомъ Св. Николая Чудотворца въ серебряной съ золотомъ ризѣ.

Пока шло чтеніе адресовъ, съѣзжались приглашенныя къ обѣду въ офицерское собраніе дамы Конвоя. Среди гостей изъ дамъ при-

Джигитовка Конвоя на площади передъ Екатерининскимъ Дворцомъ 19-го мая 1811 года.



Войсковыя делегацiи передъ Офицерскимъ собранiемъ (слѣва направо): 16 Стрѣлковаго Императора АЛЕКСАНДРА III полка. Л.-Гв. Кирасирскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРIИ ѲЕОДОРОВНЫ полка. Л.-Гв. Казачьяго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка. Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ, во главѣ съ Наказными Атаманами генералами Бабичемъ и Михѣевымъ (въ центрѣ группы) и Атаманы станицъ — старые конвойцы — георгiевскiе кавалеры.

Раздача призовъ за джигитовку. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ и Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА разговариваютъ съ казакомъ Конвоя, получившимъ призъ.

Государь Императоръ благодаритъ командира Конвоя за лихую джигитовку казаковъ — Своихъ конвойцевъ.



Братина-Литавра Государеву Конвою отъ Братьевъ Кубанцевъ и Братина отъ Терскаго Казачьяго Войска.

Поднесенныя Конвою Братины (слѣва направо): 1-го Желѣзнодорожнаго полка. Л.-Гв. Кирасирскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ полка и Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Сводно-Пѣхотнаго полка.

Икона Св. Николая Чудотворца, Благословеніе дамъ Конвоя. Адреса, поднесенные Конвою отъ Кубанскаго Казачьяго Войска, Терскаго Казачьяго Войска и 16 Стрѣлковаго Императора АЛЕКСАНДРА III полка.

Юбилейные подарки Конвою (слѣва направо): отъ старыхъ офицеровъ Конвоя Кубанцевъ, Л.-Гв. отъ Казачьяго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка и отъ старыхъ офицеровъ-Терцевъ.

сутствовали гофмейстерина ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА статсъ-дама Нарышкина и супруги бывшихъ командировъ Конвоя, баронесса Мейендорфъ и госпожа Ивашкина-Потапова.[41])

На обѣдѣ въ собраніи почетными гостями у офицеровъ Конвоя были Атаманы и Начальники Штабовъ Войскъ, Начальникъ Штаба Намѣстника Кавказа генералъ Берхманъ, бывшій командиръ генералъ Ивашкинъ-Потаповъ, старые офицеры Конвоя — генералъ князь Тумановъ, генералъ князь Накашидзе, принцъ Фатали-Мирза, генералъ Бекъ-Мармачевъ, генералъ Савицкій, командиры полковъ: Сводно-Пѣхотнаго, Кирасиръ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, Лейбъ-Казачьяго, бывшіе офицеры Конвоя, пріѣхавшіе съ Кавказа на Юбилей, и депутаціи войсковыхъ частей. Было оказано особое вниманіе родному внуку перваго доблестнаго командира Л.-Гв. Черноморскаго казачьяго эскадрона, Л.-Гв. Кирасирскаго ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ полка, поручику Бурсаку.

Столы въ собраніи для пріема большого количества гостей были накрыты въ нѣсколькихъ залахъ и богато украшены конвойнымъ серебромъ, состоявшимъ изъ различныхъ ковшей, братинъ, вазъ и другихъ подарковъ, поднесенныхъ Конвою.

Столовое серебро — ножи, ложки и вилки, всѣ были съ выгравированными именами и фамиліями офицеровъ, какъ настоящаго состава, такъ и служившихъ прежде въ Конвоѣ. Каждый прикомандированный офицеръ при его переводѣ въ Конвой былъ обязанъ внести стоимость прибора, на которомъ были обозначены его фамилія и годъ перевода, а потому приборовъ было большое количество. Это столовое серебро подавалось безъ всякаго учета и порядка. Ножи, ложки и вилки у одного прибора всѣ были съ разными фамиліями и, конечно, съ разными годами, что невольно напоминало о всѣхъ, кто когда-либо служилъ въ Конвоѣ.

На каждомъ приборѣ лежало художественно отпечатанное въ краскахъ меню работы художника Самокиша; на немъ были изображены формы старыхъ конвойцевъ, портреты трубачей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и штандартныхъ подхорунжихъ. Кромѣ меню, у каждаго прибора лежала такая же карточка съ программой концерта.

МЕНЮ.

Консоме фюме изъ томата, пирожки.
Омары холодные, соусъ маіонезъ.
Котлеты барашка и куриныя съ гарниромъ.
Жаркое — пулярды французскія и утки.
Салатъ.
Желе земляничное. Десертъ.

МУЗЫКА.

Пѣсенники Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.
Маршъ Юбилейный — привѣтъ Царю отъ Кубанскихъ и Терскихъ казаковъ.
Полнымъ сердцемъ торжествуя.
Ой, морозъ-морозенько!
Вспомнимъ, братцы, мы былое.
Царя Бѣлаго казаки.
Тебя мы ждали круглый годъ.
Марш Кавказскихъ казаковъ.
Хоръ музыки Л.-Гв. 4-го Стрѣлковаго ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ полка.

---

[41]) Дамы Конвоя, въ обычное время, въ офицерское собраніе не приглашались.

Конвоемъ было получено много поздравительныхъ телеграммъ, во главѣ ихъ телеграммы отъ Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, Великой Княгини КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, Великаго Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА, временно командующаго округомъ генерала Газенкампфа, старыхъ офицеровъ Конвоя, по болѣзни не бывшихъ на Юбилеѣ, и отъ многихъ войсковыхъ частей. Общее число поздравительныхъ телеграммъ было болѣе двухсотъ.

Казакамъ Конвоя и всѣмъ прибывшимъ съ Кубани и Терека старослужащимъ конвойцамъ въ новыхъ казармахъ Конвоя три дня давался праздничный обѣдъ съ виномъ.

20-го мая въ 8 часовъ вечера Государь Императоръ изволилъ посѣтить офицерское собраніе. Въ этотъ вечеръ въ собраніи Конвоя, кромѣ Министра Императорскаго Двора, дежурнаго флигель-адъютанта, командира и всѣхъ офицеровъ Конвоя, во время обѣда въ Высочайшемъ присутствіи другихъ лицъ не было.

Послѣ обѣда Государь остался въ собраніи и прослушалъ концертъ, для котораго были приглашены изъ Петербурга извѣстные артисты.

По окончаніи концертной программы, въ собраніе были вызваны пѣсенники Конвоя. Государь Императоръ зналъ и любилъ пѣсни казаковъ Конвоя, слушая ихъ съ большимъ вниманіемъ, часто Самъ указывалъ пѣсню, которую Онъ хотѣлъ бы прослушать.

Оставаясь долгое время въ собраніи, Государь много разговаривалъ съ офицерами и казаками-пѣсенниками, съ большой легкостью и свойственной Ему Царской ласковой манерой.

Этимъ обѣдомъ Государя Императора съ офицерами Своего Конвоя были закончены Юбилейныя торжества, и «служба Царскаго Конвоя пошла укладомъ дней былыхъ».

По повелѣнію Государя Императора, Конвой принялъ участіе въ торжественной встрѣчѣ Сербскаго Короля Петра I Карагеоргіевича, прибывшаго въ Россію 19-го августа 1911 года.

Король Петръ I прибылъ со своей дочерью, принцессой Еленой Петровной, и съ наслѣдникомъ сербскаго престола Королевичемъ Александромъ — впослѣдствіи Королемъ Югославіи, до самаго послѣдняго дня своей трагической кончины остававшагося единственнымъ Королемъ, рыцарски вѣрнымъ и преданнымъ Императорской Россіи.

Принцесса Елена Петровна была невѣстой Его Высочества Князя Іоанна Константиновича, сына Великаго Князя КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА.

На станціи Петергофъ сербская королевская семья была встрѣчена Государемъ Императоромъ, Государыней Императрицей и мно-

гими Членами Императорской Фамиліи, прибывшими въ Петергофъ. На перронѣ Царской вѣтки Петергофскаго вокзала былъ выстроенъ почетный караулъ Л.-Гв. отъ Измайловскаго полка.

Король Петръ I, вмѣстѣ съ Государемъ, имѣвшимъ на Себѣ ленту Карагеоргіевской звѣзды 1-й степени, обошелъ почетный караулъ и съ нимъ поздоровался. Послѣ взаимныхъ привѣтствій и представленій, Высочайшій кортежъ направился въ Императорскій Дворецъ «Александрія», въ сопровожденіи Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Въ первой коляскѣ слѣдовалъ Государь съ Сербскимъ Королемъ. За ними, въ другой дворцовой коляскѣ, была Государыня Императрица и принцесса Елена Петровна.

Командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ князь Трубецкой сопровождалъ Государя и Его высокаго гостя верхомъ, равняя своего коня съ заднимъ лѣвымъ колесомъ Царскаго выѣзда. Одинъ конный взводъ Конвоя открывалъ кортежъ, другой его замыкалъ.

По пути слѣдованія Царскаго кортежа, отъ Петергофскаго вокзала до Императорскаго Дворца были выстроены въ пѣшемъ строю сотни Конвоя и шпалеры отъ Сводно-Пѣхотнаго полка и отъ воинскихъ частей Петергофскаго гарнизона.

Свадьба Его Высочества Князя Іоанна Константиновича и принцессы Елены Петровны состоялась 21-го августа въ Большомъ Петергофскомъ Дворцѣ.

ГОДЫ ПЕРЕДЪ ПЕРВОЙ МІРОВОЙ ВОЙНОЙ

Послѣ своего юбилейнаго года Конвой въ послѣдующіе 1912 и 1913 годы принимаетъ участіе въ общегосударственныхъ торжествахъ, какъ открытіе въ Москвѣ памятника Государю Императору АЛЕКСАНДРУ III, и въ такъ называемыхъ «Бородинскихъ» и «Романовскихъ» торжествахъ.

Въ концѣ мая 1912 года въ Москвѣ было открытіе памятника въ Бозѣ почившему Государю Императору АЛЕКСАНДРУ III АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Памятникъ былъ воздвигнутъ на площади возлѣ храма Христа Спасителя. Передъ открытіемъ памятника въ Москву стали прибывать взводы, со своими Знаменами и Штандартами, отъ всѣхъ полковъ Гвардіи и отъ всѣхъ армейскихъ частей, у которыхъ Государь Императоръ АЛЕКСАНДРЪ III былъ Шефомъ. На это торжество въ Москву отъ Конвоя была командирована съ Юбилейнымъ Штандартомъ Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня.

28-го мая Императорская Семья прибыла въ Москву. Отъ вокзала по всему пути слѣдованія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Кремлевскій Дворецъ были выстроены войска, какъ прибывшія въ Москву, такъ и воинскія части Московскаго гарнизона. Прибытіе Царской Семьи въ

Москву возвѣстилъ колокольный звонъ всѣхъ московскихъ церквей. Во Дворецъ Царская Семья слѣдовала въ колясках. Въ первой коляскѣ находились Государь, Государыня и Наслѣдникъ Цесаревичъ. Во второй — Великая Княгиня ЕЛИЗАВЕТА ѲЕОДОРОВНА и Великія Княжны.

Впереди Царскихъ колясокъ шли крупной рысью конвойцы.

29-го мая Государь Императоръ, Государыня Императрица и Ихъ Августѣйшія Дѣти посѣтили Успенскій соборъ. Высочайшій Выходъ въ соборъ слѣдовалъ черезъ Красное Крыльцо.

Кромѣ караула во Дворцѣ, нарядъ отъ Конвоя былъ у входа въ Успенскій соборъ. 30-го мая пушечными выстрѣлами было объявлено начало торжествъ. У храма Христа Спасителя передъ сооруженнымъ памятникомъ были выстроены войска — представители частей, назначенныхъ присутствовать на открытіи памятника Царю Миротворцу.

Къ 12 часамъ дня прибылъ Государь Императоръ, котораго встрѣтилъ съ рапортомъ Командующій войсками Московскаго Военнаго Округа генералъ Плеве. Поздоровавшись съ войсками и обойдя ихъ, Государь вошелъ въ храмъ. По окончаніи церковной службы, ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА Государь и Государыня, а за Ними всѣ Члены Императорской Фамиліи, выйдя изъ храма, подошли къ Царскому шатру, находившемуся передъ памятникомъ.

Памятникъ былъ покрытъ сѣрымъ полотномъ. Вслѣдъ за Высочайшими Особами, подъ звуки войсковыхъ оркестровъ, игравшихъ «Коль Славенъ», изъ собора вышелъ крестный ходъ и направился къ памятнику.

У памятника многочисленнымъ духовенствомъ, во главѣ съ Московскимъ митрополитомъ, была отслужена литія, съ провозглашеніемъ «Вѣчной Памяти» почившему Императору АЛЕКСАНДРУ III.

Затѣмъ Государь, стоявшій на ступенькахъ памятника, спустился съ нихъ и, вынувъ шашку изъ ноженъ, громкимъ голосомъ скомандовалъ войскамъ: «Всѣмъ парадомъ слушай, накра-улъ!»

Съ величественнаго монумента начало медленно падать полотно, и предстала мощная фигура Императора АЛЕКСАНДРА III, сидѣвшаго на Тронѣ въ коронѣ и Царской мантіи, со Скипетромъ и Державою въ рукахъ. Въ этотъ торжественный моментъ подъ звуки Преображенскаго марша, раздался залпъ артиллеріи, и Государь Императоръ отсалютовалъ памятнику Своего Августѣйшаго Отца.

Послѣ совершеннаго духовенствомъ молебна, послѣдовалъ церемоніальный маршъ, въ которомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ изволилъ принять личное участіе. Ставъ передъ войсками и маршируя во главѣ ихъ, Государь, салютуя Своей шашкой, зашелъ къ памятнику и пропустилъ войска передъ Собой.

На правомъ флангѣ конвойцевъ находились Министръ Двора и командиръ Конвоя.

1-го іюня Царская Семья отбыла изъ Москвы въ сопровожденіи командира и обычнаго наряда Своего Конвоя.

Въ 1912 году, въ столѣтній юбилей Отечественной войны, въ двадцатыхъ числахъ августа со всей Россіи были командированы въ Бородино представители отъ всѣхъ воинскихъ частей, которыя принимали участіе въ Бородинскомъ сраженіи 26-го августа 1812 года.

Прибывшія войска, расположившись въ палаткахъ, образовали громадный лагерь въ окрестностяхъ села Бородино.

Отъ Конвоя на Бородинскія торжества была командирована со Штандартомъ Сводная сотня отъ 2-хъ Кубанскихъ его сотенъ, предки которыхъ принимали доблестное участіе въ Бородинскомъ сраженіи.

Первая часть надписи Кубанскаго Штандарта гласитъ: «За отличіе при пораженіи и изгнаніи напріятеля изъ предѣловъ Россіи въ 1812 году.» Командиромъ Сводной сотни Конвоя былъ назначенъ флигель-адъютантъ есаулъ Жуковъ. Взводными офицерами — подъесаулъ Рашпиль, подъесаулъ Савицкій, сотникъ Гулыга и сотникъ Скворцовъ. При Штандартѣ находился адъютантъ Конвоя, подъесаулъ Вѣтеръ.

Всѣ историческія мѣста Бородинскаго поля были украшены арками, колоннами съ гирляндами зелени, флагами, Царскими вензелями и Государственными Россійскими Гербами. Многіе полки построили памятники своимъ героямъ. У монастырской гостиницы стояли высокія колонны съ надписью: «Отъ благодарныхъ потомковъ — Великимъ предкамъ.»

Среди русскихъ памятниковъ находился памятникъ французовъ, сооруженный ихъ воинамъ, павшимъ въ бою подъ Бородино.

Изъ разныхъ мѣстъ Россіи прибывали въ Бородино различныя делегаціи и отдѣльныя лица, приглашенныя на торжества. Изъ Франціи прибыла военная делегація, возглавляемая командиромъ корпуса.

Къ дню пріѣзда Царской Семьи прибыли на станцію Бородино Великіе Князья, въ отдѣльномъ, спеціально для нихъ составленномъ поѣздѣ.

Государь Императоръ, выѣхавъ со всей Своей Августѣйшей Семьей изъ Петергофа 24-го августа вечеромъ и слѣдуя черезъ Москву, прибылъ на станцію Бородино 25-го августа въ 11 часовъ утра.

На станціи Бородино къ прибытію Царскаго поѣзда были выстроены «Встрѣча» Конвоя и почетный караулъ Л.-Гв. отъ Преображенскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка.

Великіе Князья, Московскій губернаторъ, Командующій Московскимъ Военнымъ Округомъ, высшія военныя и гражданскія лица и члены комиссіи по юбилейнымъ торжествамъ также находились на платформѣ станціи Бородино.

Государь, принявъ рапортъ Командующаго Войсками и Московскаго губернатора, обошелъ строй почетнаго караула, а затѣмъ Царская Семья была доставлена поѣздомъ къ Царскому павильону, гдѣ Она имѣла пребываніе въ дни Бородинскихъ торжествъ.

Великіе Князья въ эти дни жили въ своемъ поѣздѣ.

Посѣтивъ Бородинскій монастырь, ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА Государь Императоръ, Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны къ 3 часамъ дня прослѣдовали на Бородинское поле, къ Бородинскому памятнику. У памятника были выстроены, тремя большими фасами (каждый фасъ имѣлъ нѣсколько линій), всѣ войска, прибывшія на празднованіе столѣтія Бородинскаго сраженія. На правомъ флангѣ первой линіи перваго фаса находились рота Дворцовыхъ Гренадеръ и Сводная сотня Конвоя. Всѣ чины Императорскаго Конвоя, командированные на Бородинскія торжества, были въ вицъ-мундирахъ — синяя черкеска при аломъ бешметѣ.

Государь Императоръ сѣлъ на поданнаго Ему коня и, въ сопровожденіи большой Свиты, въ которой находились Великіе Князья, Командующій Войсками и Дежурство (генералъ-адъютантъ, Свиты генералъ и флигель-адъютантъ), прослѣдовалъ въ объѣздъ выстроенныхъ войскъ.

Государь имѣлъ на Себѣ форму Конной Гвардіи. Непосредственно за Государемъ находились урядникъ ординарецъ, трубачи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и урядникъ съ Императорскимъ Штандартомъ. Командиръ Конвоя сопровождалъ Государя, слѣдуя въ Его Свитѣ.

Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ объѣзжали войска въ открытой коляскѣ, у заднихъ колесъ которой на особой ступенькѣ стояли два камеръ-казака ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. За Государыней въ другой коляскѣ слѣдовали Великія Княжны.

Объехавъ войска, Государь направился къ Инвалидному дому, гдѣ изволилъ бесѣдовать съ глубокими старцами, ветеранами Отечественной Войны, и принялъ французскую военную делегацію.

При французской делегаціи находился Герцогъ Лейхтенбергскій, какъ правнукъ герцога Евгенія Богарнэ-Лейхтенбергскаго, сына императрицы Жозефины, пасынка императора Наполеона.

Въ тотъ же день была назначена панихида въ походной церкви Императора АЛЕКСАНДРА I по всѣмъ воинамъ, павшимъ въ Бородинскомъ бою. Крестный ходъ, шедшій съ иконой Смоленской Божьей Матери, направился къ Бородинскому памятнику.

Эта чудотворная икона Божьей Матери находилась на Бородинскомъ полѣ и въ 1812 году, когда ее передъ боемъ 26-го августа, по приказанію Главнокомандующаго Русской Арміей генералъ-фельдмаршала Кутузова, обнесли передъ всѣми войсками.

При приближеніи Св. Чудотворной иконы, хоры музыки и трубачей войсковыхъ частей играли молитву «Коль Славенъ».

ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА вышли навстрѣчу иконѣ и приложились къ ней. Надъ братской могилой была духовенствомъ отслужена панихида по Императору АЛЕКСАНДРУ I и Его погибшимъ въ бою воинамъ.

По окончаніи панихиды, Чудотворная икона, такъ же, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, была обнесена вдоль фронта выстроенныхъ войскъ. Икону, смѣняясь, несли солдаты. Государь Императоръ, всѣ присут-

ствующіе на торжествѣ Великіе Князья и Свита Государя послѣдовали за Св. иконою.

До семи часовъ вечера Государь изволилъ осматривать сооруженные на Бородинскомъ полѣ памятники.

Начало торжественнаго празднованія столѣтія Бородинскаго боя было возвѣщено утромъ 26-го августа пятью орудійными выстрѣлами. Массы народа начали прибывать къ мѣсту парада, среди нихъ — представители крестьянъ, сельскаго и городскаго населенія, какъ изъ Москвы, такъ и изъ провинціи.

Къ Бородинскому полю подходили большими группами воспитанники учебныхъ заведеній и сельскихъ школъ со своимъ преподавательскимъ персоналомъ. У Бородинскаго памятника, кромѣ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, находились сельскіе старосты, различныя депутаціи отъ городовъ и тысячи жителей Москвы и другихъ мѣстъ Россіи.

Къ 10 часамъ утра въ Спасо-Бородинскій монастырь прибыли Великіе Князья и вскорѣ затѣмъ Государь съ Своей Августѣйшей Семьей. Когда Божественная Литургія была закончена, начался крестный ходъ отъ монастыря къ Бородинскому памятнику.

Вокругъ памятника были выстроены войска на три фаса. Конвойцы, вмѣстѣ съ Дворцовыми Гренадерами, стояли на правомъ флангѣ войскъ. Государь Императоръ, Великія Княжны и Великіе Князья слѣдовали пѣшкомъ за крестнымъ ходомъ. ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО Государыня Императрица съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ ѣхала въ коляскѣ.

У памятника духовенствомъ былъ совершенъ благодарственный молебенъ объ избавленіи Россіи отъ «нашествія галловъ и съ ними двадесяти языковъ»[42]). Послѣ провозглашенія многолѣтія Государю Императору, Всему Царственному Дому и всему Россійскому воинству, была провозглашена «Вѣчная память» Императору АЛЕКСАНДРУ I, вождямъ и воинамъ, павшимъ въ Отечественную войну въ 1812 году.

Въ этотъ моментъ была отдана воинская честь павшимъ героямъ. Раздался залпъ изъ восьмиорудійной батареи.

Батарея стрѣляла три раза, и, одновременно съ артиллерійскимъ салютомъ, зазвонили монастырскіе колокола.

Французская военная делегація возложила къ подножію памятника серебряный вѣнокъ.

Затѣмъ послѣдовалъ Высочайшій объѣздъ войскъ. Государь верхомъ, Государыня съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великія Княжны въ колясках. Совершивъ объѣздъ войскъ, Государь и Его Августѣйшая Семья подъѣхали къ Царской палаткѣ, у входа которой была

---

[42]) Въ 1812 г. Наполеонъ, вступивъ въ предѣлы Россіи, надменно заявилъ: «Россія увлекается рокомъ, пусть совершится судьба ея.» — Къ Празднику Рождества Христова послѣдніе остатки французской арміи и съ ней арміи 20-ти народовъ, подвластныхъ Наполеону, покинули предѣлы Россіи. По этому избавленію отъ нашествія галловъ (древнее названіе французовъ) были установлены въ Императорской Россіи благодарственныя моленія на первый день Великаго Праздника Рождества.

выставлена «Встрѣча» Конвоя, въ составѣ одного офицера, одного урядника и трехъ казаковъ.

Войскамъ былъ объявленъ Высочайшій приказъ, который читался передъ фронтомъ каждой войсковой части:

«ПРИКАЗЪ АРМІИ И ФЛОТУ.

Сто лѣтъ назадъ Россійское воинство, велѣніемъ Верховнаго Вождя своего, блаженныя памяти Императора АЛЕКСАНДРА БЛАГОСЛОВЕННАГО, призвано было къ великому и почетному долгу отстоять грудью своею достоинство, честь и славу, дотолѣ непрестанно сопровождавшія сухопутную Армію и Флотъ. Съ глубокою вѣрою во всемогущество Божіе, въ полномъ единеніи со своимъ Государемъ и съ покорностью предъ предстоящими неисчислимыми и тяжелыми испытаніями, преданные своему долгу Армія и Флотъ, приступили къ совершенію великаго дѣла, и проявленные ими беззавѣтные подвиги мужества и храбрости спасли Отечество, заслужили благодарную память и вѣчное уваженіе потомства и удивленіе дотолѣ непобѣдимаго врага и всѣхъ народовъ Европы.

Въ сегодняшній торжественный день поминанія столѣтней годовщины знаменательнаго сраженія на поляхъ Бородинскихъ, воздаваемая вмѣстѣ со Мною всею Россіей дань уваженія и признательность къ подвигамъ вашихъ предковъ да укрѣпитъ въ сердцахъ вашихъ сознаніе долга и да послужитъ источникомъ къ проявленію вами той же беззавѣтной преданности и мужества, когда Промыслу Божьему угодно будетъ призвать Отечество къ новому испытанію.

Сердца ваши да пребываютъ въ увѣренности, что потомки съ уваженіемъ произнесутъ имена ваши, и содѣянные вами подвиги неизгладимо будутъ жить въ памяти благодарнаго Отечества.

Село Бородино, 26-го августа 1912 года.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: НИКОЛАЙ».

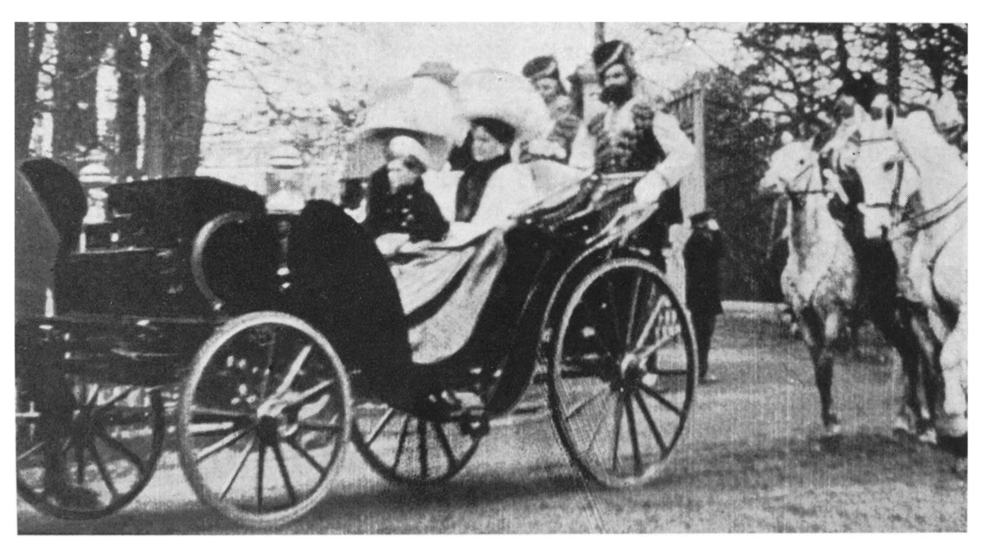
Когда Высочайшій приказъ былъ объявленъ, войска произвели необходимое перестроеніе, и Государь Императоръ далъ знакъ къ началу Церемоніальнаго марша.

Рота Дворцовыхъ Гренадеръ въ своихъ медвѣжьихъ, эпохи 1812 года, шапкахъ открыла маршъ. По полю разнеслись звуки флейтистовъ и барабанщиковъ, шедшихъ передъ ротою въ двѣ шеренги.

За Дворцовыми Гренадерами, взявъ отъ нихъ большую дистанцію, показался развернутый строй сотни Государева Конвоя, подъ командой флигель-адъютанта есаула Жукова.

За конвойцами шелъ безконечный рядъ войскъ: Военно-Учебныя заведенія, Гвардейская пѣхота, Гвардейская кавалерія и артиллерія, части Гренадеръ и Армейская пѣхота, Армейская кавалерія и Казачьи полки. При звукахъ старыхъ русскихъ маршей, хоровъ музыки и

Высочайшій объѣздъ войскъ. Непосредственно за Государемъ слѣдуютъ трубачи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, урядникъ ординарецъ и урядникъ съ Императорскимъ Штандартомъ.



Выѣздъ Государыни Императрицы съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. У заднихъ колесъ коляски два камеръ-казака ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА.

трубачей, при рокотѣ барабановъ, до 2-хъ часовъ дня проходили передъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Государемъ Императоромъ войска Церемоніальнымъ маршемъ: пѣхота по-ротно, кавалерія по-эскадронно (по-сотенно).

Части войскъ, прибывшія на торжество въ составѣ взводовъ, проходили по-взводно.

Послѣ парада въ саду Бородинскаго Дворца, въ присутствіи Государя и Великихъ Князей, состоялся завтракъ, на который были приглашены французская военная миссія и многіе генералы, штабъ и оберъ-офицеры частей, принимавшихъ участіе въ Бородинскихъ торжествахъ. Всѣ офицеры Конвоя получили приглашеніе.

Послѣ завтрака Государь верхомъ, въ сопровожденіи Великихъ Князей и Своей Свиты, вновь объѣзжалъ Бородинское поле до 6 часовъ вечера. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ проѣхать въ д. Горки и осмотрѣть памятникъ фельдмаршалу Кутузову, а затѣмъ осматривалъ все поле Бородинскаго сраженія. У памятниковъ, которые были воздвигнуты воинскими частями своимъ предкамъ, на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ они сражались, находились представители этихъ частей.

Государь, останавливаясь у каждаго памятника, осматривалъ его и милостиво бесѣдовалъ съ представителями полковъ.

У французскаго памятника Государь сошелъ съ коня и расписался въ почетной книгѣ. Великіе Князья послѣдовали Его примѣру.

Въ память столѣтія Отечественной войны, по повелѣнію Государя Императора, была установлена свѣтло-бронзовая медаль на Владимірской лентѣ. Съ одной стороны медали былъ изображенъ бюстъ Императора АЛЕКСАНДРА I, а съ другой — слова изъ Его приказа отъ 3 февраля 1813 года: «Славный годъ сей минулъ, но не пройдутъ содѣянные въ немъ подвиги.»

Эта медаль Высочайше была пожалована всѣмъ офицерамъ и казакамъ Конвоя, предки которыхъ участвовали въ Отечественной войнѣ 1812 года, отъ ея начала до «изгнанія непріятеля изъ предѣловъ Россіи».[43])

По окончаніи Бородинскихъ торжествъ, Царская Семья отбыла въ Москву, праздновавшую столѣтіе своего освобожденія «отъ нашествія иноплеменниковъ». Государя и Его Августѣйшую Семью сопровождали конвойцы, вступившіе на службу при Императорскихъ поѣздахъ въ день отбытія Государя изъ Петергофа. Командиръ, урядникъ ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и два казака Конвоя находились въ «Собственномъ» поѣздѣ, остальные конвойцы съ однимъ офицеромъ въ «Свитскомъ».

Для встрѣчи Государя Императора и для занятія карауловъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ, въ Москву изъ Царскаго Села былъ командированъ особый нарядъ Конвоя.

---

[43]) Изъ воспоминаній о командировкѣ въ Бородино. Генералъ Скворцовъ. «Бородино. 1812—1912 г.» Журналъ «Наши Вѣсти». № 134. № 139-а. В. А. Силинъ.

Императорскіе поѣзда прибыли въ Москву 27-го августа. На всемъ пути слѣдованія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ отъ вокзала до Дворца шпалерами стояли войска, воспитанники учебныхъ заведеній и сотни тысячъ народа, привѣтствующія Царскій въѣздъ въ ликующую Москву.

Во время пребыванія Царской Семьи въ Москвѣ, конвойцы несли соотвѣтствующіе наряды при всѣхъ Высочайшихъ Выходахъ, смотрахъ и выѣздахъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Въ первый день пребыванія Царской Семьи въ Москвѣ состоялся Высочайшій Выходъ черезъ Красное Крыльцо въ Успенскій соборъ, и вечеромъ Государь изволилъ посѣтить Благородное Собраніе. На другой день, 28-го августа, Государь на Ходынскомъ полѣ произвелъ смотръ войскамъ четырехъ армейскихъ корпусовъ. Вечеромъ Государь съ Великими Князьями присутствовалъ на обѣдѣ въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго Дворца, на который были приглашены начальствующія лица и общественные представители города Москвы.

29-го августа Царская Семья прибыла на торжественное Богослуженіе въ Храмъ Христа Спасителя. Въ тотъ же день Государь и Государыня посѣтили историческій музей 1812 года.

Пребываніе Царской Семьи въ Москвѣ закончилось большимъ параднымъ обѣдомъ 30-го августа въ Кремлевскомъ Дворце, во время котораго былъ концертъ оркестра Большого Московскаго театра, съ участіемъ артистовъ Императорской оперы.

Послѣ обѣда, Государь изволилъ обходить въ Андреевскомъ залѣ всѣхъ приглашенныхъ къ Высочайшему обѣду, среди которыхъ находились командиръ и офицеры Конвоя, командированные въ Москву.

21-го февраля 1913 года исполнилось 300 лѣтъ со дня призванія на Царство перваго Монарха изъ Дома Романовыхъ.

Россія переживала тягчайшія испытанія такъ называемаго «смутнаго времени», когда враги ея творили на Руси дикій разгулъ и беззаконіе. Желая спасти свою Родину отъ неминуемой гибели, съѣхались въ Москву представители отъ 50 городовъ и, совмѣстно съ жителями самой Москвы, составили Соборъ для «Государева обиранія».

Видя гибнущую и обездоленную Родину, Великій Московскій Земскій Соборъ вынесъ единодушное рѣшеніе: БЕЗЪ ЦАРЯ НѢТЪ СПАСЕНІЯ РОССІИ!..

Принявъ это рѣшеніе, Соборъ поставилъ условіе: «иновѣрныхъ» не избирать, а избрать только своего, «изъ великихъ Московскихъ родовъ». Согласно письменныхъ и устныхъ заявленій не только на самомъ Соборѣ, но и заявленій жителей Москвы, земскихъ людей и казаковъ (Атаманъ Межаковъ), Соборъ 7-го февраля 1613 года впервые рѣшилъ остановить свой выборъ на юномъ бояринѣ МИХАИЛѢ ѲЕОДОРОВИЧѢ РОМАНОВѢ, сынѣ митрополита Филарета.

О своемъ выборѣ Соборъ извѣстилъ русскій народъ: «любъ ли будетъ Царь Михаилъ?» и вызвалъ на Соборъ тѣхъ бояръ, которые отсутствовали. Къ 21-му февраля съѣхались всѣ бояре, а посланные

въ города гонцы привезли отвѣтъ отъ жителей этихъ городовъ, и Соборъ вынесъ свое окончательное рѣшеніе.

«Только Михаилъ Θеодоровичъ Романовъ, какъ прямой потомокъ великихъ, благородныхъ и благовѣрныхъ и Богомъ вѣнчанныхъ Россійскихъ Государей Царей отъ Ихъ Царскаго благороднаго племени, имѣетъ неоспоримое право на Россійскій Престолъ и долженъ возглавить Царствующую Династію».

Этимъ постановленіемъ Великаго Московскаго Собора было положено начало Россійскому ЦАРСТВУЮЩЕМУ ДОМУ РОМАНОВЫХЪ.

И, чтобы на вѣки вѣчные покончить со всякаго рода посягательствами на права Царствующей Династіи, Соборъ огласилъ святость и неприкосновенность Царскаго Рода великимъ религіознымъ заклятіемъ, въ силу котораго **«всякій дерзающій нарушить Соборное постановленіе, будетъ отлученъ отъ Св. Троицы».**

Эта клятва Великаго Московскаго Собора гласитъ: **«Заповѣдано, чтобы Избранникъ Божій ЦАРЬ МИХАИЛЪ ΘЕОДОРОВИЧЪ РОМАНОВЪ былъ Родоначальникомъ Правителей на Руси изъ рода въ родъ съ отвѣтственностью въ своихъ дѣлахъ передъ единымъ Небеснымъ Царемъ, а кто же пойдетъ противъ сего Соборнаго постановленія: самъ ли Царь, Патріархъ ли, вельможа ли, всякъ человѣкъ, да проклянется таковой въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ, отлученъ бо онъ будетъ отъ Святыя Троицы».**

Отъ Великаго Московскаго Земскаго Собора была послана депутація къ избранному Соборомъ Царю. Въ то время боярина Михаила Θеодоровича Романова не было въ Москвѣ: онъ со своей матерью, инокинею Марфою Ивановной, находился въ Ипатьевскомъ монастырѣ у Костромы.

Юный Михаилъ Θеодоровичъ долго отказывался отъ Царства. Мать его также не хотѣла благословить сына на Престолъ, ибо «русскіе люди измалодушествовали...» Послѣ долгихъ уговоровъ и просьбъ, послы Собора получили согласіе, и Царь МИХАИЛЪ ΘЕОДОРОВИЧЪ 14-го марта 1613 года отбылъ въ Москву.

Въ теченіе 300 лѣтъ самоотверженно выполняли великій подвигъ Царственнаго служенія Цари изъ Дома Романовыхъ. Династія выдвинула не только мудрыхъ Правителей и великихъ полководцевъ, но и мучениковъ за русскій народъ, за честь и достоинство Великой Россіи.

ЦАРСТВЕННЫЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ
1613—1913.

ЦАРЬ МИХАИЛЪ ΘЕОДОРОВИЧЪ (1613—1645)
ЦАРЬ АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ (1645—1676)
ЦАРЬ ΘЕОДОРЪ III АЛЕКСѢЕВИЧЪ (1676—1682)
ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ I ВЕЛИКІЙ (1682—1725)

ИМПЕРАТРИЦА	ЕКАТЕРИНА I (1725—1727)
ИМПЕРАТОРЪ	ПЕТРЪ II (1727—1730)
ИМПЕРАТРИЦА	АННА ІОАННОВНА (1730—1740)
ИМПЕРАТОРЪ	ІОАННЪ VI (1740—1741)
ИМПЕРАТРИЦА	ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА (1741—1761)
ИМПЕРАТОРЪ	ПЕТРЪ III (1761—1762)
ИМПЕРАТРИЦА	ЕКАТЕРИНА II ВЕЛИКАЯ (1762—1796)
ИМПЕРАТОРЪ	ПАВЕЛЪ I (1796—1801)
ИМПЕРАТОРЪ	АЛЕКСАНДРЪ I БЛАГОСЛОВЕННЫЙ (1801—1825)
ИМПЕРАТОРЪ	НИКОЛАЙ I (1825—1855)
ИМПЕРАТОРЪ	АЛЕКСАНДРЪ II ОСВОБОДИТЕЛЬ (1855—1881)
ИМПЕРАТОРЪ	АЛЕКСАНДРЪ III МИРОТВОРЕЦЪ (1881—1894)
ИМПЕРАТОРЪ	НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

21-го февраля 1913 года былъ обнародованъ Манифестъ Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА:

«Божіей милостью Мы, НИКОЛАЙ ВТОРОЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая. Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ: Волею Всевышняго, три вѣка тому назадъ, пресѣкся Царственный родъ Рюриковичей — основателей и собирателей Русской Земли.

Тяжкія невзгоды обрушились на наше Отечество: безначаліе и смута обуяли Русь; иноземцы недруги вторглись въ ея предѣлы; Первопрестольная Москва съ ея святынями стала добычей врага.

Но на краю величайшей опасности, угрожавшей Россіи, Господь Всемогущій не оставилъ ее Своею великою милостью. По призыву крѣпкихъ духомъ русскихъ людей, сплотившихся подъ сѣнью Троицко-Сергіевской Лавры, воспрянулъ русскій народъ на защиту своей Родины и, съ помощью Божіей одолѣвъ врага, освободилъ Москву отъ непріятельскаго засилья.

Созванный затѣмъ Великій Земскій Соборъ въ 21 день февраля 1613 года единодушно избралъ на царствованіе боярина Михаила Ѳеодоровича Романова, ближайшаго по крови къ угасшему царственному роду Рюрика и Владиміра Святого.

Послѣ глубокаго раздумья и горячей молитвы, юный предокъ Нашъ, съ благословенія матери своей инокини Марфы, принялъ на себя тяжкое бремя царственнаго служенія. Съ той поры и доселѣ Десница Божія охраняла и возвеличивала нашу Державу.

Совокупными трудами Вѣнценосныхъ Предшественниковъ Нашихъ на Престолѣ Россійскомъ и всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи создалось и крѣпло Русское Государство. Неоднократно подвергалось наше Отечество испытаніямъ, но народъ русскій, твердый въ вѣрѣ православной и сильный горячей любовью къ Родинѣ и самоотвер-

женной преданностью своимъ Государямъ, преодолѣвалъ невзгоды и выходилъ изъ нихъ обновленнымъ и окрѣпшимъ.

Тѣсные предѣлы Московской Руси раздвинулись, и Имперія Российская стала нынѣ въ ряды первыхъ державъ міра.

Въ неизмѣнномъ единеніи съ возлюбленнымъ народомъ Нашимъ, уповаемъ Мы и впредь вести Государство по пути мирнаго устроенія жизни народной.

Объемля взоромъ три столѣтія минувшія, Мы видимъ на всемъ ихъ протяженіи высокіе подвиги лучшихъ сыновъ Россіи, не щадившихъ для нея ни трудовъ, ни достоянія, ни самой жизни своей. Да пребудетъ память о нихъ навсегда священною въ лѣтописяхъ родной земли.

И въ сей торжественный день всенароднаго празднованія трехсотлѣтія Царствованія Дома Романовыхъ, Намъ отрадно съ признательнымъ умиленіемъ остановить вниманіе Наше на заслугахъ передъ Россіей сподвижниковъ ея Царей и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ ихъ.

Велики заслуги Святителей и пастырей Церкви православной, озарившихъ Русь свѣтомъ истинной вѣры и прославившихъ ее подвигами благочестія и христіанской любви.

Благородное дворянство россійское кровью запечатлѣло преданность Родинѣ и въ трудахъ государственнаго устроенія неизмѣнно подавало высокій примѣръ гражданской доблести, особливо въ памятную годину освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости.

Въ сіяніи славы и величія выступаетъ образъ русскаго воина, защитника Вѣры, Престола и Отечества. Беззавѣтное мужество и непоколебимая преданность своему долгу христолюбиваго воинства россійскаго отстояли Русь отъ непріятеля и нынѣ служатъ крѣпкимъ щитомъ ея отъ вражескаго нашествія.

Много упорнаго и честнаго труда вложено въ дѣло устроенія государства и преданными Намъ служилыми людьми, безъ различія званій и положеній.

Въ области наукъ, словесности и искусствъ выдающіеся русскіе люди стяжали себѣ почетныя имена, и труды ихъ, привлекшіе вниманіе всего міра, получили высокую оцѣнку не только въ Отечествѣ нашемъ, но и далеко за его предѣлами.

На мирномъ поприщѣ сельскаго хозяйства, торговли и промышленности выдвинулись русскіе люди настойчиваго труда и широкаго почина, созидавшіе дружными усиліями хозяйственную мощь Россіи. Неизмѣримы и несчетны заслуги передъ Россіей десятковъ милліоновъ пахарей, терпѣніемъ и трудомъ коихъ благоустрояется земледѣльческій промыселъ и умножаются основные источники народнаго богатства. Да не оскудѣетъ благословеніе Божіе, на Насъ и любезныхъ подданныхъ Нашихъ пребывающее.

Да укрѣпитъ и возвеличитъ Господь Вседержитель Русскую Землю и да подастъ Намъ силы высоко и твердо держать издревле славный стягъ Отечества.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ, въ двадцать первый день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ тринадцатое, Царствованія же Нашего въ девятнадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано:

НИКОЛАЙ».

Въ первый день празднованія 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ, ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА принимали поздравленія въ Зимнемъ Дворцѣ, въ залѣ рядомъ съ Малахитовой гостиной. Министры, высшіе военные и гражданскіе чины, и всѣ, приносившіе поздравленіе Государю и Государынямъ, сначала подходили къ Государынѣ Императрицѣ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ и, дѣлая глубокій поклонъ, цѣловали Ея руку, а затѣмъ снова кланялись Государынѣ. Такъ же приносили поздравленіе и Вдовствующей Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, а потомъ подходили къ Государю Императору.

Командиръ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ графъ Граббе-Никитинъ, принявшій командованіе Конвоемъ въ 1912 году отъ генерала князя Трубецкого, и офицеры Конвоя имѣли честь присутствовать на этомъ торжествѣ и лично принести поздравленія Государю и Государынямъ.

Въ послѣдующіе дни Царская Семья посѣтила благодарственное Богослуженіе въ Казанскомъ соборѣ, парадный спекталь въ Маріинскомъ театрѣ (шла опера «Жизнь за Царя») и большой балъ въ Дворянскомъ Собраніи, на который вмѣстѣ съ Государемъ и Государыней прибыли Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА и Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА. На балу присутствовали всѣ Великіе Князья и Княгини. Балъ открыла Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.

Передъ Казанскимъ соборомъ, у бокового входа въ Маріинскій театръ и у главнаго входа въ Дворянское Собраніе ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ ожидала «Встрѣча» Государева Конвоя, отъ сотни, находившейся на службѣ при штабѣ Конвоя въ Петербургѣ.

Въ маѣ Государь и Государыня съ Августѣйшими Дѣтьми совершили десятидневную поѣздку по мѣстамъ, которыя были связаны съ историческимъ прошлымъ Дома Романовыхъ. Выѣхавъ изъ Царскаго Села 15-го мая, Государь со всей Своей Семьей посѣтилъ Владиміръ, Суздаль, село Боголюбово и Нижній Новгородъ. Изъ Новгорода Царская Семья слѣдовала пароходомъ по Волгѣ до Костромы. Два другихъ парохода были предоставлены Великимъ Князьямъ, сопровождавшимъ Государя.

На всемъ пути слѣдованія Царской Семьи оба берега р. Волги были покрыты массою крестьянъ, привѣтствовавшихъ своего Царя и Его Семью. Въ самой же Костромѣ, на родинѣ Дома Романовыхъ,

все населенiе города и окрестныхъ селъ радостно встрѣтило Царскую Семью, окруживъ Ее сплошной стѣной.

Къ этому дню прибытiя Государя въ Кострому собрались всѣ министры, представители духовенства и высшiе чины Имперiи. Въ Костромѣ Государь, Его Семья и всѣ Великiе Князья посѣтили историческiй Ипатьевскiй монастырь, гдѣ 300 лѣтъ тому назадъ делегацiя Великаго Московскаго Земскаго Собора умолила инокиню Марфу дать благословенiе на Царство сыну своему — Родоначальнику Дома Романовыхъ, Царю МИХИЛУ ѲЕОДОРОВИЧУ.

При входѣ Государя въ Ипатьевскiй монастырь, Его встрѣтилъ костромской архiепископъ, и въ монастырѣ, въ присутствiи всей Царской Семьи и лицъ Ее сопровождавшихъ, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ, съ провозглашенiемъ многолѣтiя всему Россiйскому Царственному Дому.

Во время Высочайшаго пребыванiя въ Костромѣ 19-го и 20-го мая, однимъ изъ главныхъ торжествъ была закладка памятника 300-лѣтiя Царствованiя Дома Романовыхъ. На площади передъ памятникомъ были выстроены 13-й Лейбъ-Гренадерскiй Эриванскiй полкъ и сотня 1-го Кизляро-Гребенского полка Терскаго Казачьяго Войска.[44]) Эриванцы и Гребенцы были командированы въ Кострому, какъ старѣйшiе полки Русской Армiи.

При отбытiи парохода съ Царской Семьей изъ Костромы, тѣ же массы народа провожали Ее, стоя вдоль берега Волги, а на самомъ высокомъ обрывѣ его выстроилась въ конномъ строю сотня Гребенцовъ. Ихъ громкое казачье «ура» долго разносилось по Волгѣ и неслось вслѣдъ пароходу съ отбывающей Царской Семьей.

Послѣ Костромы Царская Семья, посѣтивъ Ярославль, отбыла въ Москву.

Въ эти дни Высочайшаго путешествiя Конвой несъ особенно усиленную службу, ибо кромѣ наряда въ Императорскихъ поѣздахъ и сотни, командированной въ Москву для встрѣчи и сопровожденiя Государя, спецiальными эшелонами отправлялись офицеры и казаки Конвоя во всѣ мѣста, которыя Государь изволилъ посѣтить.[45])

Всѣмъ офицерамъ Конвоя, какъ сопровождавшимъ Государя, такъ и встрѣчавшимъ Его въ разныхъ городахъ во время Романовскихъ торжествъ, Высочайше былъ пожалованъ Царскiй подарокъ — золотые запонки: цѣпь, на одномъ концѣ ея Шапка Мономаха, на другомъ — Императорская Корона. Корона и Шапка Мономаха украшены небольшими драгоцѣнными камнями.[46])

---

[44]) Весь полкъ находился въ Персiи.

[45]) Въ командировкахъ находились: въ Ярославлѣ съ коннымъ взводомъ — сотникъ А. Федюшкинъ. Въ Суздалѣ — подъесаулъ Г. Рашпиль. Въ Костромѣ — подъесаулъ В. Савицкiй и сотникъ М. Скворцовъ. Въ Владимiрѣ — сотникъ В. Зборовскiй.

[46]) Получаемые офицерами Конвоя Высочайшiе подарки заносились въ ихъ послужные списки.

Въ Москву, праздновавшую 300-лѣтній Юбилей Царствованія Дома Романовыхъ, Царская Семья прибыла 25-го мая. Къ 4 часамъ дня къ перрону Александровскаго вокзала подошелъ «Свитскій» поѣздъ, а вскорѣ затѣмъ Собственный Императорскій поѣздъ.

Къ прибытію Императорскаго поѣзда на вокзалѣ былъ выстроенъ почетный караулъ, а для сопровожденія Царской Семьи, при въѣздѣ Ея въ Москву, на площади передъ вокзаломъ находились въ конномъ строю сотня Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и отъ частей Московской кавалеріи эскадронъ 1-го Гусарскаго Сумского полка и сотня 1-го Донскаго Казачьяго полка. Принявъ почетный караулъ, рапортъ и представленіе генералитета, Государь сѣлъ на поданаго Ему коня и объѣхалъ строй сотенъ и эскадрона, здороваясь отдѣльно со Своими конвойцами, гусарами и донцами.

При въѣздѣ Царской Семьи въ Первопрестольную Москву, изъ всѣхъ ея церквей раздался колокольный звонъ. Государь Императоръ ѣхалъ верхомъ на конѣ, Государыня Императрица съ Августѣйшими Дѣтьми въ дворцовыхъ колясках. За Государемъ слѣдовали Его трубачи-конвойцы. Дежурство Государевой Свиты и Великіе Князья, во главѣ Ихъ старшіе по Престолонаслѣдію: Великій Князь КИРИЛЛЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ, Великій Князь БОРИСЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ и Великій Князь АНДРЕЙ ВЛАДИМІРОВИЧЪ.

Впереди Государя шла конная сотня Его Конвоя. Командиръ Конвоя находился у задняго лѣваго колеса экипажа ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. За экипажами съ Особами Императорской фамиліи — конный строй Сумскихъ гусаръ и сотня Донскихъ казаковъ.

Задолго до прибытія Царской Семьи въ Москву всѣ тротуары Тверской улицы были заполнены народомъ. Вдоль тротуаровъ выстроились воинскія части Московскаго гарнизона, въ парадной формѣ. Тверская улица, по которой слѣдовало Царское шествіе, была покрыта пескомъ. Вездѣ были вывѣшены флаги — Русскіе Національные и Династіи Романовыхъ. Всѣ столбы на улицѣ украшены лентами и живыми цвѣтами. Съ балконовъ домовъ спускались ковры и гирлянды зелени, а на балконахъ и въ окнахъ домовъ были установлены Царскіе бюсты.

Передъ часовней Иверской Божьей Матери Государь сошелъ съ коня и, зайдя въ часовню, приложился къ Св. Образу Ея. За Спасскими воротами Государя встрѣтило духовенство.[47])

26-го мая, по случаю дня рожденія Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, бывшаго наканунѣ, въ Успенскомъ соборѣ была Божественная служба. Во время Царскаго Выхода изъ Кремлевскаго Дворца въ Успенскій соборъ офицеры Конвоя находились въ Андреевскомъ залѣ, а вечеромъ получили приглашеніе на парадный обѣдъ, который былъ данъ въ Большомъ Кремлевскомъ Дворцѣ.

---

[47]) При проѣздѣ черезъ Спасскія ворота, головные уборы снимались.



Выходъ Государя Императора съ Своей Августѣйшей Семьей изъ Троицкаго Собора Ипатьевскаго монастыря. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ на рукахъ ординарца ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, старшаго урядника Скорикова. Кострома. Май 1913 годъ.

На третій день пребыванія Царской Семьи въ Москвѣ во время Романовскихъ торжествъ, 28-го мая состоялся балъ въ Благородномъ Собраніи. Государь Императоръ, Государыня Императрица съ Великими Княжнами ОЛЬГОЙ НИКОЛАЕВНОЙ и ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ изволили посѣтить балъ. Государь и Государыня во время бала находились въ открытой ложѣ, расположенной въ концѣ зала. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА оставили балъ до ужина. Свободные отъ службы офицеры Конвоя присутствовали на балу.

Въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ Высочайше утверждены нагрудный знакъ и медаль.

Нагрудный знакъ былъ пожалованъ Государемъ командиру и всѣмъ офицерамъ Конвоя, состоявшимъ на службѣ въ немъ въ дни Романовскихъ торжествъ.

На нагрудномъ знакѣ въ память 300-лѣтія Дома Романовыхъ въ центрѣ находится Романовскій грифонъ въ рамкѣ, а надъ ней Императорская Корона. По всѣмъ четыремъ сторонамъ рамки расположены по 2 головы грифона. Самая рама лежитъ на лавровомъ вѣнкѣ, который въ своемъ основаніи перевитъ лентой. На лентѣ дата: 1613—1913. Императорская Корона, Романовскій грифонъ и вѣнокъ — золотые. Рама черная — серебро съ чернью.

О нагрудномъ знакѣ въ память 300-лѣтія Царствованія Дома Романовыхъ утверждены слѣдующія правила:

1. Знакъ носится выше всѣхъ нагрудныхъ знаковъ, на правой сторонѣ груди.

2. Знакъ наслѣдственный и передается онъ старшему въ родѣ.

На медали, на лицевой ея сторонѣ, изображенъ ликъ Перваго Монарха изъ Дома Романовыхъ, Царя МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА, и ликъ Царствовавшаго въ 1913 году Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Медаль носится на Романовской лентѣ: бѣлаго, оранжеваго и чернаго цвѣта. Всѣ офицеры, чиновники и казаки Конвоя получили право ношенія этой медали. Казакамъ Конвоя, помимо серебряныхъ рублей, которые они получали послѣ каждаго парада въ Высочайшемъ присутствіи, были выданы еще такъ называемые Романовскіе рубли, лицевая сторона которыхъ была одинакова съ медалью, установленной въ память Юбилея Дома Романовыхъ.

Въ Царствованіе Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, въ одинъ изъ дней Рождественскихъ праздниковъ для чиновъ Конвоя и Своднаго полка устраивалась елка въ Царскомъ Селѣ, въ придворно-конюшенномъ манежѣ.

Въ первый день Рождества Христова Государь съ Августѣйшей Семьей Своей присутствовалъ на Богослуженіи въ Ѳеодоровскомъ Государевомъ Соборѣ, который считался полковой церковью Собственнаго Конвоя и Своднаго полка.

Θеодоровскій Соборъ былъ сооруженъ при непосредственномъ участіи самой Государыни Императрицы. Это былъ храмъ древне-русской церковной архитектуры. Соборъ состоялъ изъ двухъ храмовъ: нижняго-«пещернаго» храма, украшеннаго старинными иконами, и верхняго храма. На правомъ клиросѣ верхняго храма, на особомъ возвышеніи было мѣсто, предназначенное только для Царской Семьи.

Кромѣ того, въ верхнемъ храмѣ у боковой стѣны алтаря находилась келья Государыни Императрицы. На стѣнахъ кельи, обитыхъ темной парчей, висѣли иконы древне-русскаго письма, озаренныя свѣтомъ лампадъ.

Государь Императоръ, Государыня Императрица и Ихъ Августѣйшія Дѣти подъѣзжали къ Собору не къ главному, а къ боковому входу, гдѣ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ ожидала «Встрѣча» Собственнаго Конвоя. Царская Семья входила въ Θеодоровскій Соборъ черезъ боковую дверь, на правый клиросъ.

Въ храмѣ казаки Конвоя и солдаты Своднаго полка стояли впереди всѣхъ присутствующихъ въ немъ, непосредственно за клиросами, во всю ширину Собора, имѣвшаго четыре массивныя колонны. Конвойцы стояли съ правой стороны, солдаты Своднаго полка съ лѣвой. По желанію Государя, почти всегда при всѣхъ Богослуженіяхъ въ Θеодоровскомъ Соборѣ, пѣлъ прекрасный хоръ казаковъ Конвоя.

Хоромъ Конвоя управлялъ извѣстный его регентъ, старшій урядникъ Ромащенко.

Не имѣя никакой спеціальной музыкальной школы, только благодаря своему природному таланту, любви къ церковному пѣнію и исключительному знанію казачьихъ пѣсенъ, урядникъ Ромащенко поставилъ хоръ Конвоя на такую высоту, что онъ свободно могъ конкурировать съ лучшими русскими хорами.

Вся Царская Семья знала, любила и цѣнила хоръ Своихъ конвойцевъ, о чемъ и послѣ многихъ лѣтъ жизни внѣ Родины вспоминала въ Бозѣ почившая Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА. Въ письмѣ Ея Императорскаго Высочества отъ 29-го апрѣля 1957 года имѣются слѣдующія слова: «Помню, какъ чудно пѣли по субботамъ въ Царскомъ Селѣ въ Θеодоровскомъ Соборѣ казаки, и какъ мы любили эту всенощную.»[48])

Также по желанію Государя, хоръ Конвоя всегда пѣлъ въ дни Рождества Христова на Царской елкѣ, которая устраивалась каждый годъ. Посреди придворно-конюшеннаго манежа устанавливалась большая, красиво убранная елка. У елки были расположены столы, съ разложенными на нихъ подарками для казаковъ Конвоя и солдатъ Своднаго полка: серебряные подстаканники, будильники, рюмки, различные бокалы, часы съ цѣпочками и брелками на нихъ, чашки съ

---

[48]) Письмо Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини на имя полковника Н. Галушкина.

вензелевымъ изображенiемъ Имени ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, деревянныя тарелки, украшенныя уральскими камнями, и др. предметы. Каждый подарокъ имѣлъ свой номеръ. Кромѣ столовъ съ рождественскими подарками, стоялъ столъ съ разными сладостями и фруктами.

Къ назначенному времени выстраивались въ манежѣ всѣ свободные отъ службы офицеры и казаки Конвоя, а также и чины Своднаго полка. По прибытiи Государя и Государыни со Своими Августѣйшими Дѣтьми въ манежъ, Государь Императоръ обходилъ строй конвойцевъ и солдатъ полка, здоровался съ ними и поздравлялъ съ Великимъ Праздникомъ Рождества Христова.

Въ это время зажигалась и освѣщалась большимъ количествомъ огней нарядная елка. Какъ только елка загоралась свѣчами, Государыня Императрица, Великiя Княжны, а въ послѣднiе годы и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, подходили къ столамъ съ подарками. Затѣмъ казаки Конвоя и солдаты Своднаго полка получали, по вытянутому ими жребiю, Высочайшiй рождественскiй подарокъ.

По вызову командировъ сотенъ, конвойцы по очереди подходили къ столамъ. Въ раздачѣ елочныхъ подарковъ принимала участiе вся Царская Семья. Каждый казакъ, подойдя къ столу, вынималъ, какъ въ лотереѣ, билетъ, на которомъ былъ обозначенъ номеръ.

Билетъ этотъ казакъ передавалъ одному изъ офицеровъ Конвоя, помогавшихъ Великимъ Княжнамъ при раздачѣ елочныхъ подарковъ. Офицеръ, найдя подарокъ, на которомъ номеръ его соотвѣтствовалъ номеру билета, приносилъ подарокъ Великимъ Княжнамъ.

Великiя Княжны передавали этотъ подарокъ Государынѣ Императрицѣ, и казаки Конвоя получали рождественскiй подарокъ изъ рукъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Въ отсутствiи Государыни, рождественскiе подарки конвойцамъ выдавала Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА.

Получивъ Высочайшiй подарокъ, казакъ подходилъ къ слѣдующему столу и получалъ пакетъ со всевозможными рождественскими сладостями, фруктами, орѣхами и конфетами.

По окончанiи раздачи подарковъ, которая продолжалась болѣе двухъ часовъ, пѣлъ хоръ пѣсенниковъ Конвоя, а затѣмъ казаки, въ исполненiи своихъ лучшихъ танцоровъ, лихо танцевали гопакъ и, подъ звуки зурны и тулумбаса, лезгинку, которую особенно любили Великiя Княжны. Государь и Вся Царская Семья съ большимъ вниманiемъ слѣдили за танцами Своихъ конвойцевъ. и сердечно благодарили ихъ и хоръ пѣсенниковъ.

Если на Царской елкѣ вмѣстѣ съ конвойцами бывали чины Своднаго полка, то, послѣ пѣсенъ и танцевъ казаковъ Конвоя игралъ ихъ полковой балалаечный оркестръ.

Офицеры Конвоя на Царской елкѣ также получали отъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ рождественскiй подарокъ, такъ называемый «подарокъ по чину», т. е. штабъ-офицерамъ и старшимъ въ чинахъ офи-

церамъ жаловался болѣе цѣнный подарокъ. Въ большинствѣ случаевъ это были хрустальные графины, чайные или кофейные серебряные сервизы, столовые приборы, золотые часы, золотые и серебряные портсигары, украшенные Россійскимъ Государственнымъ Гербомъ.

Въ дни Праздника Рождества Христова, кромѣ Царской елки въ Царскомъ Селѣ, устраивалась елка и при Дворѣ Вдовствующей Государыни Императрицы въ Петербургѣ въ Аничковомъ Дворцѣ или въ Гатчинскомъ Императорскомъ Дворцѣ.

На этой Высочайшей елкѣ подарки всѣмъ приглашеннымъ и чинамъ Конвоя выдавала лично Государыня Императрица МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА, при помощи Своихъ Августѣйшихъ Дочерей — Великой Княгини КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ и Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Присутствовавшіе на елкѣ офицеры Конвоя помогали Великимъ Княгинямъ разыскивать, по Ихъ указанію, очередной подарокъ.

Послѣдній рождественскій подарокъ, пожалованный каждому офицеру Конвоя, былъ Образъ Св. Николая Чудотворца — небольшая икона, въ красивой серебряной съ позолотою оправѣ. На обратной сторонѣ иконы — серебряная пластинка съ надписью:

«БЛАГОСЛОВЕНІЕ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.
РОЖДЕСТВО 1916 ГОДА.»

Въ данное время, это Царское Благословеніе, какъ Святыня, хранится при одномъ изъ Штандартовъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

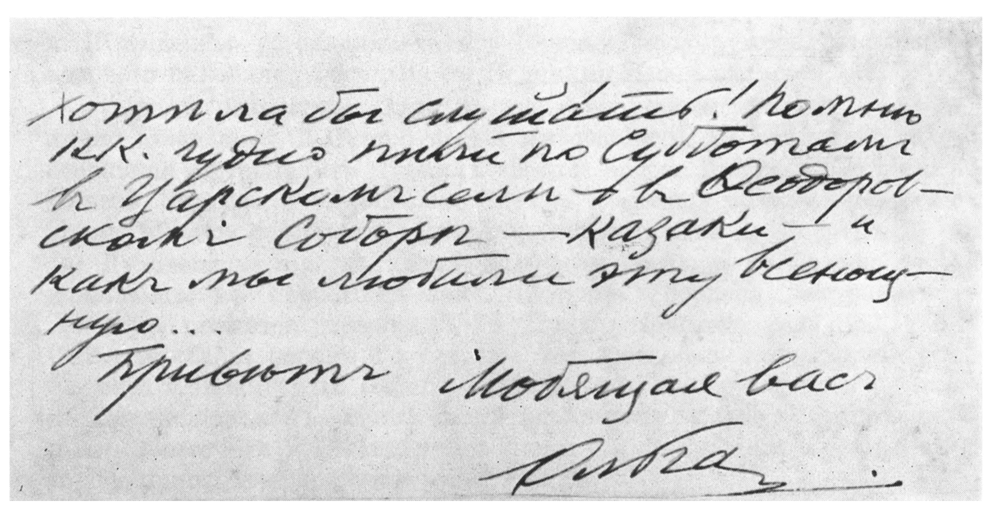
На Новый годъ командиръ и офицеры Конвоя имѣли честь принимать участіе въ принесеніи поздравленій ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ. Въ день Крещенія Господня происходилъ Высочайшій Выходъ, и производился Крещенскій парадъ въ Зимнемъ Дворцѣ.

Во Дворецъ прибывали взводы отъ Военныхъ Училищъ и войсковыхъ частей Гвардіи со своими Знаменами и Штандартами и, къ назначенному времени, выстраивались въ залахъ Дворца. Взводы отъ Гвардейскихъ пѣхотныхъ частей — въ Николаевскомъ залѣ. Въ Гербовомъ — отъ Гвардейской кавалеріи. На правомъ флангѣ войскъ — взводъ Конвоя со своимъ Штандартомъ.

На другой сторонѣ Николаевскаго зала, противъ Гвардейской пѣхоты, находились высшіе чины Императорскаго Двора, министры, Дипломатическій Корпусъ, генералитетъ, представители города Петербурга и другія приглашенныя лица.

Оберъ-Гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ съ большимъ золотымъ жезломъ, увѣнчаннымъ Двуглавымъ Орломъ, торжественно объявлялъ о Выходѣ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. Государь Императоръ шествовалъ въ первой парѣ со Своей Августѣйшей Матерью Государыней Императрицей МАРІЕЙ ӨЕОДОРОВНОЙ. Госуда-

«Пещерный» храмъ Ѳеодоровскаго Собора въ Царскомъ Селѣ.



хотѣла бы слушать! помню
к.к. чудно пѣли по Субботамъ
в Царскомъ селѣ въ Ѳеодоров-
скомъ Соборѣ — казаки — и
какъ мы любили эту всенощ-
ную...
Привѣтъ Любящая васъ
Ольга.

Письмо Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини
ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ отъ 29-го апрѣля 1957 г.

рыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА — во второй парѣ со старшимъ изъ присутствующихъ Великихъ Князей.

Затѣмъ слѣдовали Великіе Князья и Великія Княгини, по старшинству Престолонаслѣдія. Въ Николаевскомъ залѣ Государя встрѣчалъ съ рапортомъ Главнокомандующий Войсками Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, генералъ-адъютантъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Обойдя фронтъ выстроенныхъ войскъ и поздоровавшись съ ними, Государь, Государыня, Великіе Князья и Великія Княгини слѣдовали въ Соборъ Зимняго Дворца.

По окончаніи Богослуженія, шелъ крестный ходъ на Іордань по заламъ Дворца и, спустившись по Іорданской лѣстницѣ, выходилъ къ Дворцовой набережной. На набережной, противъ Іорданскаго подъѣзда, къ дню Богоявленія ежегодно сооружалась специальная часовня. Часовня имѣла синій съ золотыми звѣздами верхъ, украшенный крестомъ.

Впереди крестнаго хода шли пѣвчіе придворной капеллы и многочисленное духовенство, во главѣ съ С.-Петербургскимъ митрополитомъ. За духовенствомъ слѣдовалъ Государь, Великіе Князья и Государева Свита, въ составѣ которой находился командиръ Конвоя. За Царской Свитой несли Знамена и Штандарты воинскихъ частей.

Государыня Императрица и Великія Княгини слѣдовали съ крестнымъ ходомъ по заламъ Дворца до Помпеевской галлереи, а затѣмъ направлялись во внутренніе покои и изъ оконъ Дворца наблюдали шествіе крестнаго хода на Іордань и водоосвященіе на Невѣ.

Во время шествія крестнаго хода войсковые хоры музыки и трубачей играли молитву: «Коль Славенъ». Пѣвчіе пѣли положенный тропарь. На Дворцовой набережной выстраивались войска, а Знамена и Штандарты устанавливались у Іордани полукругомъ, посрединѣ котораго находился Государь съ Великими Князьями.

Обрядъ освященія воды въ заранѣе приготовленной проруби лично совершалъ С.-Петербургскій митрополитъ. По окончаніи водоосвященія митрополитъ кропилъ Святой водою Государя, Великихъ Князей, Знамена и Штандарты. Затѣмъ крестный ходъ, въ томъ же порядкѣ, какъ слѣдовалъ на Іордань, возвращался во Дворецъ.

Духовенство шло въ храмъ Дворца, а Государь со Свитою останавливался въ Гербовомъ залѣ. Противъ Государя выстраивался оркестръ полковой музыки Л.-Гв. Преображенскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка, и передъ Государемъ Императоромъ проносились всѣ Знамена и Штандарты. Передъ Штандартомъ Императорскаго Конвоя въ Церемоніальномъ маршѣ шелъ адъютантъ Конвоя. Передъ каждымъ Знаменемъ и Штандартомъ шелъ также адъютантъ части, которой принадлежали Знамя или Штандартъ.

Пропустивъ передъ Собою всѣ Знамена и Штандарты, Государь, Государыня, Великіе Князья и Великія Княгини удалялись въ Собственные Царскіе покои, гдѣ для Особъ Императорской Фамиліи сер-

вировался Высочайшій завтракъ. Остальныя лица, присутствовавшія на Выходѣ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, приглашались въ Концертный залъ.[49])

Вся Царская Семья относилась съ исключительнымъ вниманіемъ къ офицерамъ и казакамъ Конвоя. Благодаря рѣдкой памяти, которой Она отличалась, а также вслѣдствіе Своего отношенія ко всѣмъ конвойцамъ, Царской Семьѣ были извѣстны не только имена и отчества офицеровъ, но и фамиліи вахмистровъ и многихъ урядниковъ и казаковъ Конвоя.

Великія Княгини КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА и ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, а также и Великія Княжны, разговаривая съ офицерами, обращались къ нимъ по имени и отчеству. Нѣкоторыхъ же конвойцевъ Великія Княжны, въ письмахъ и между собою, называли по-своему: «Шурикомъ» — сотника Александра Шведова, «Юзикомъ» — подъесаула Анатолія Федюшкина (находя его очень похожимъ на героя одного изъ прочитаннаго Ими романа), «Скворчикомъ» — подъесаула Михаила Скворцова.

Урядникъ Конвоя по фамиліи Горобецъ, великанъ, обладавшій могучимъ басомъ, Великими Княжнами любовно назывался «Воробушекъ». А одинъ изъ первыхъ теноровъ хора Конвоя, казакъ Камковъ — «Савушка».

Великія Княгини и Великія Княжны крестили дѣтей у офицеровъ и сверхсрочнослужащихъ казаковъ, постоянно затѣмъ интересовались своими крестниками, и дѣлали имъ щедрые подарки.

Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА настолько была близка къ казакамъ и такъ просто себя держала съ ними, что казаки совершенно откровенно дѣлились съ Нею всѣми своими переживаніями. Сама Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА въ своихъ письмахъ вспоминаетъ трогательную простоту своихъ взаимоотношеній съ казаками Конвоя: « . . . Говорили мнѣ, какъ ихъ очень обижало то, что одинъ изъ служащихъ во Дворцѣ ночью тайно слѣдилъ за ними, какъ они стоятъ на часахъ . . . А казаки, раненые на фронтѣ, находясь у меня въ лазаретѣ, писали Государю письма вѣрноподданные — давали мнѣ, а я посылала, «чтобы въ руки попало . . . » Такъ много трогательнаго было . . . »[50])

Вообще же величавая простота въ обращеніи и Царственная ласковая обаятельность Самого Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи особенно чувствовались въ обстановкѣ частной жизни Царской Семьи.

Какъ-то Государь задержался въ офицерскомъ собраніи одного изъ полковъ Царскосельскаго гарнизона, слушая концертную прог-

---

[49]) Изъ воспоминаній о службѣ въ Конвоѣ полковника Г. Гулыга.

[50]) Письма Ея Императорскаго Высочества отъ 28 іюля 1958 г. и отъ 29/12 октября 1959 года. — Во время Первой Міровой Войны, съ разрѣшенія Государя, 2 сотни Конвоя были на фронтѣ. Великая Княгиня служила сестрой милосердія въ госпиталѣ въ гор. Кіевѣ.

рамму. Встрѣтивъ на другой день полковника Кирѣева, Государь неожиданно задалъ ему вопросъ: «А что на то скажутъ Мои конвойцы, увидя, какъ Я вчера поздно вернулся домой?» — «ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО! Конвойцы скажутъ: наконецъ-то Царь зажилъ по-Царски», слѣдовалъ отвѣтъ полковника. Государь ласково улыбнулся и сказалъ: «такъ, значитъ по-Царски?» А затѣмъ добавилъ: «Это хорошее пожеланіе, но . . . Царская жизнь есть только въ сказкахъ . . . »

Во время дежурства одного офицера въ Императорскомъ поѣздѣ, Государь, проходя по корридору вагона, въ которомъ имѣлъ свое купэ дежурный офицеръ Конвоя, замѣтилъ, какъ этотъ офицеръ разсматривалъ удачно сдѣланный карандашомъ набросокъ его портрета Государь остановился и спросилъ: «Кто это рисовалъ?» Узнавъ, что рисунокъ сотника Зборовскаго, Государь замѣтилъ: «а Я и не зналъ, что Викторъ Эрастовичъ такой художникъ. И что же, онъ подарилъ этотъ рисунокъ?» Офицеръ доложилъ Государю, что рисунокъ — не его собственность. — «Значитъ, всѣ они, художники, одинаковы. Вотъ и у Меня нѣтъ хорошаго портрета — все лучшіе они оставляютъ себѣ на память» . . .

Былъ случай, когда казакъ Конвоя, стоя на посту въ Александровскомъ Дворцѣ и отдавая честь Великой Княжнѣ ОЛЬГѢ НИКОЛАЕВНѢ, проходившей мимо него, подвинувшись назадъ, свалилъ и разбилъ большую вазу, стоявшую за его спиной. Великая Княжна остановилась, подняла съ пола кусокъ разбитой вазы и сказала: «Прошу очень помнить, что это сдѣлала Я!»

Смѣнившись съ поста, казакъ доложилъ о случившемся начальнику караула. Узнавъ о томъ, Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА съ волненіемъ заявила: «Во всѣмъ виновата только одна Я!»

Офицеры Конвоя имѣли высокую честь быть принимаемыми Царской Семьей и въ обстановкѣ частной Ея жизни. Сотникъ Шведовъ и сотникъ Зборовскій не разъ были осчастливлены Царскими приглашеніями на партію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, со Своими Августѣйшими Дѣтьми, въ теннисъ.

О Высочайшихъ приглашеніяхъ одинъ изъ офицеровъ Конвоя вспоминаетъ:

«Приглашеніе на чай къ Великой Княгинѣ ОЛЬГѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ, въ то время, когда у Нея бывали Великія Княжны, мнѣ, а также и другимъ нашимъ офицерамъ обычно передавалъ помощникъ командира Конвоя, полковникъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, который почти всегда бывалъ съ нами у Ея Императорскато Высочества. Иногда приглашеніе передавалось черезъ канцелярію Конвоя.

Будучи у Великой Княгини, мы съ Великими Княжнами играли въ «фанты», «прятки», «веревочку» и др. игры. Затѣмъ слѣдовалъ чай, а иногда Великая Княгиня приглашала насъ всѣхъ къ обѣду. Какъ-то и ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, будучи въ Петербургѣ, обѣдалъ вмѣстѣ съ нами у Своей Августѣйшей Сестры.

Однажды мы были Великой Княгиней приглашены въ циркъ Чинизелли и сидѣли вмѣстѣ съ Ней и Великими Княжнами въ Царской ложѣ.

Въ Царскомъ Селѣ приглашеніе получали непосредственно отъ Великихъ Княженъ, звонившихъ по телефону въ офицерское собраніе. Приглашались мы въ домъ госпожи Вырубовой, гдѣ вмѣстѣ съ Великими Княжнами бывала и Государыня Императрица. Иногда присутствовалъ и Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ.

Въ одинъ праздничный день, по телефону изъ Александровскаго Дворца, въ собраніе Конвоя было передано приглашеніе къ Великой Княгинѣ ОЛЬГѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ на дачу Ея Высочества въ Ораніенбаумъ. Къ собранію прибылъ изъ Дворца автомобиль, и мы, молодые офицеры, поѣхали на этомъ автомобилѣ за шедшимъ впереди насъ дворцовымъ автомобилемъ, въ которомъ находились всѣ четыре Великія Княжны. Въ это время въ Россію прибыла англійская эскадра, и, кромѣ насъ, къ Великой Княгинѣ былъ приглашенъ принцъ Уэльскій.

Насколько Великія Княжны были милы и держали Себя съ нами просто, можно судить по тому случаю, который произошелъ лично со мной, на той же Ораніенбаумской дачѣ. Послѣ завтрака, когда была подана клубника, я уронилъ ягоду на полъ и не зналъ, какъ поступить и что сдѣлать съ упавшей ягодой. Видя мое смущеніе, Великая Княжна МАРІЯ НИКОЛАЕВНА, сидѣвшая рядомъ со мною, нагнулась, подняла ягоду, обдула ее и положила въ ротъ . . . Этимъ окончилось мое смущеніе.»[51])

Сама Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА о приглашеніи къ Себѣ офицеровъ Конвоя въ письмѣ отъ 1-го октября 1958 года, вспоминаетъ такъ:

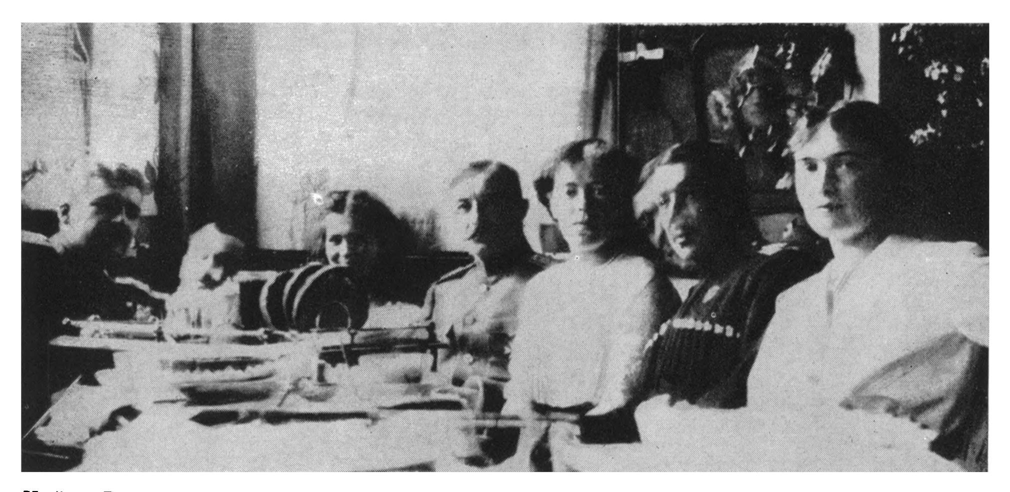
«По воскреснымъ днямъ отъ 3 часовъ до 9 часовъ отпускали ко мнѣ въ домъ на Сергіевской ул., 46, моихъ 4-хъ племянницъ; пили чай и играли въ разныя игры. Бывали Унгернъ-Ш., Е. Шкуропатскій, Федюшкинъ, Шведовъ, Скворцовъ, Зерщиковъ и Золотаревъ — они чередовались; но Зборовскій, Шведовъ и Федюшкинъ всегда были (племянницы особенно ихъ любили — Викторъ Эр., Шурикъ и Юзикъ) . . . Такъ много воспоминаній — особенно тотъ снимокъ, гдѣ дорогія племянницы, Шурикъ Шведовъ, старшій Полк. и другіе сидятъ у меня въ домѣ на Сергіевской ул. и пьютъ чай . . . »[52])

Ранней весной 1914 года Царская Семья, какъ и въ прежніе годы, отбыла въ Крымъ. Туда же отъ Конвоя для службы при Императорскомъ Дворцѣ въ Ливадіи. были заблаговременно командированы двѣ сотни Конвоя, подъ командою помощника командира Конвоя по строевой части полковника Кирѣева. Сотни, выдѣливъ отъ себя нарядъ для

---

[51]) Изъ воспоминаній генерала Скворцова.
[52]) Письмо Великой Княгини.

Въ Новомъ Петергофѣ. Государь Императоръ съ Великими Княжнами Ольгой Николаевной и Анастасіей Николаевной на теннисной площадкѣ дачи «Александрія». На снимкѣ А. А. Вырубова и офицеры Конвоя — подъесаулъ Шведовъ и сотникъ Зборовскій.



Чай у Великой Княгини Ольги Александровны. По правую руку Ея Императорскаго Высочества: полковникъ Унгернъ-Штернбергъ, Великая Княжна Марія Николаевна, сотникъ Зборовскій и офицеръ Своднаго полка. По лѣвую — подъесаулъ Шведовъ и Великая Княжна Ольга Николаевна.



Крымъ. Рыбная ловля. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его наставникъ, господинъ П. Жиляръ. Слѣва на фотографіи урядникъ Конвоя — ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

сопровожденія Императорскихъ поѣздовъ, отбыли въ Крымъ отдѣльнымъ эшелономъ.

Во время путешествій ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, обычно слѣдовали одинъ за другимъ два Императорскихъ поѣзда: поѣздъ литера «А» и его «двойникъ» поѣздъ литера «В». Оба поѣзда по своему внѣшнему виду не отличались одинъ отъ другого: синіе вагоны съ бѣлой крышей, на вагонахъ Государственные Гербы. Въ пути поѣзда мѣнялись и впереди шелъ то поѣздъ литера «А», то поѣздъ литера «В».

Въ «Собственномъ» поѣздѣ (литера «А»), Государь и Государыня имѣли Свой вагонъ, у обоихъ входовъ котораго было помѣщеніе для камердинера Государя и камеръ-юнгферы Государыни. Рядомъ съ вагономъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ находились два вагона, въ которыхъ помѣщались Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ со Своимъ наставникомъ господиномъ П. Жиляромъ и Великія Княжны. Затѣмъ вагоны съ лицами Свиты Государевой. Въ этихъ вагонахъ имѣли свои отдѣльныя купэ Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ, комендантъ Дворца генералъ Воейковъ, командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ графъ Граббе-Никитинъ, флагъ-капитанъ адмиралъ Ниловъ, дежурный флигель-адъютантъ и другіе лица, сопровождавшія Государя.

По другую сторону вагона Государя и Государыни находился салонъ-вагонъ со столовой. Къ нему примыкали вагоны, въ которыхъ были урядникъ ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и два казака Конвоя, служащіе при Царскомъ поѣздѣ, буфетъ, кухня и лица, къ ней принадлежащія.

Въ «Свитскомъ» поѣздѣ (литера «В») слѣдовали чины управленій Министерства Двора, сопровождавшіе Государя Императора конвойцы — офицеръ съ командою казаковъ, и остальныя лица, по службѣ своей находившіяся при Царскихъ поѣздахъ.

Свитскій поѣздъ слѣдовалъ по тому же расписанію, какъ и Собственный поѣздъ, на часъ раньше или на часъ позже его.

О днѣ и времени отбытія Императорскихъ поѣздовъ дежурный командиръ сотни получалъ приказаніе отъ командира Конвоя или его помощника, которыхъ заблаговременно ставилъ въ известность комендантъ Дворца о выѣздѣ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Офицеръ, назначенный съ командою казаковъ для сопровожденія Государя Императора, занималъ положенное конвойцамъ мѣсто въ поѣздѣ литера «В», а къ поѣзду литера «А», у Царскаго вагона выстраивалась «Встрѣча» Конвоя. Въ случаѣ выѣзда одной Государыни съ Августѣйшими Дѣтьми, офицеръ Конвоя находился въ поѣздѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА.

Императорскіе поѣзда шли по особому спеціальному расписанію, каждый разъ для нихъ составлявшемуся. Напечатанное въ нѣсколькихъ экземплярахъ, оно выдавалось всѣмъ лицамъ, слѣдовавшимъ

въ поѣздахъ литера «А» и литера «В». Точно ко времени, указанному въ расписаніи, Государь прибывалъ къ Царскому павильону.

Пребываніе Царской Семьи въ Крыму закончилось короткимъ путешествіемъ въ Румынію, которое было совершено изъ Ялты на Императорской яхтѣ «Штандартъ». Въ этой поѣздкѣ Государя отъ Конвоя сопровождали командиръ и урядникъ, ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Съ отъѣздомъ Царской Семьи изъ Ливадіи сотни Конвоя, закончивъ свою службу въ Крыму, отбыли въ Царское Село.

8-го іюня 1914 года въ Царское Село прибылъ Саксонскій король. Передъ Большимъ Дворцомъ, въ Высочайшемъ присутствіи Государя Императора и Его гостя, Саксонскаго короля, состоялся парадъ, послѣ котораго Государь повелѣлъ Своему Конвою произвести джигитовку.

Казачью джигитовку Саксонскій король видѣлъ впервые въ своей жизни, и она произвела на него сильное впечатлѣніе.

Послѣ пріѣзда Саксонскаго короля, Конвой принималъ участіе въ торжественной встрѣчѣ, въ Петергофѣ, президента Французской Республики господина Раймонда Пуанкаре, прибывшаго въ Россію съ официальнымъ визитомъ 7-го іюля, и, въ Красномъ Селѣ, на Высочайшемъ смотру войскъ Красносельскаго лагернаго сбора.

Большой ежегодный парадъ въ Красномъ Селѣ состоялся въ присутствіи президента. Наканунѣ парада, при объѣздѣ войскъ Государемъ Императоромъ, господинъ Р. Пуанкаре ѣхалъ въ открытой коляскѣ вмѣстѣ съ Государыней Императрицей.

Это былъ, въ мирное время, послѣдній Высочайшій объѣздъ и парадъ войскъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа. Въ связи съ событіями послѣдующихъ дней и сложившейся политической обстановкой, Государь Императоръ, для защиты чести и достоинства Россіи, былъ принужденъ повелѣть объявить общую мобилизацію Россійскихъ Армій и флота.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ



ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, ГОСУДАРЫНЯ ИМПЕРАТРИЦА АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА И ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО ГОСУДАРЬ НАСЛѢДНИКЪ ЦЕСАРЕВИЧЪ И ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРВАЯ МІРОВАЯ ВОЙНА

Мобилизація Россіей всѣхъ своихъ вооруженныхъ силъ явилась слѣдствіемъ слѣдующихъ историческихъ событій:

15-го іюня 1914 года въ Босніи, въ городѣ Сараево, были застрѣлены Австро-Венгерскій эрцгерцогъ Фердинандъ и его супруга. Убилъ ихъ юноша — боснійскій сербъ. Несмотря на то, что этотъ сербъ былъ австрійскимъ подданнымъ, сараевское убийство послужило для Австро-Венгріи долгожданнымъ поводомъ навсегда покончить съ ненавистной ей Сербіей.

11-го іюля Австро-Венгрія предъявила Сербіи ультиматумъ, своими требованіями поразившій всю Европу. Сербія, пережившая двѣ Балканскія войны, не могла выдержать ударъ, направленный противъ нея мобилизованными одиннадцатью австро-венгерскими корпусами, и всѣ свои надежды возложила только на Русскаго Царя.

Россія была занята своими внутренними дѣлами и къ войнѣ не была готова, но она, какъ и въ 1877—78 г. г., не могла оставаться равнодушной къ судьбѣ братскаго народа и, по повелѣнію Государя Императора Всероссійскаго, Русское Императорское Правительство 12-го іюля офиціально заявило о томъ, что **«Россія не намѣрена бездѣйствовать, если Австро-Венгрія попытается силой навязать Сербіи свою волю».**

Регентъ Сербіи престолонаслѣдникъ Александръ, глубоко вѣря, что его призывъ найдетъ откликъ въ благородномъ сердцѣ Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, телеграфировалъ Ему: «Мы не можемъ защищаться, посему молимъ ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО оказать намъ помощь возможно скорѣе . . . »

Государь, въ Своемъ отвѣтѣ королевичу Александру, ставилъ его въ извѣстность, что всѣ усилія будутъ направлены къ тому, чтобы избѣжать надвигавшуюся войну, но . . . «если вопреки Нашимъ искреннимъ желаніямъ Мы въ этомъ не успѣемъ, Ваше Высочество можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что Россія не останется равнодушной къ участи Сербіи . . . » Въ отвѣтъ на австрійскую мобилизацію и ультиматумъ Сербіи, Государь 13-го іюля повелѣлъ ввести «предмобилизаціонное положеніе». Всѣ воинскіе чины, находившіеся въ отпуску,

были вытребованы въ свои части, а войска изъ лагернаго расположенія вернулись въ свои стоянки.

Несмотря на почти полное принятіе сербами австрійскаго ультиматума, (Сербія приняла всѣ условія драконовскаго австрійскаго ультиматума, за исключеніемъ одного, разсчитаннаго на то, чтобы затронуть національную честь, а именно подчиненія сербскихъ судебныхъ властей австрійскимъ), 15-го іюля на улицахъ Бѣлграда, столицы Сербіи, стали рваться снаряды австрійскихъ земунскихъ батарей ... Напавъ на Сербію, Австрія начала Первую Міровую Войну ...

Остановить австро-сербскую войну, или дать ей разгорѣться въ обще-міровую, зависило отъ Германіи. Германія не колебалась: лучшаго повода для «предупредительной войны» не могло быть, и она уже съ 11-го числа, т. е. со дня австро-венгерскаго ультиматума Сербіи, начала скрытую переброску своихъ войскъ.

Императоръ Вильгельмъ слалъ Государю Императору «успокоительныя» телеграммы, завѣряя Его о своихъ «примирительныхъ» намѣреніяхъ, но одновременно предупреждалъ германскаго посла въ Вѣнѣ — «ни въ коемъ случаѣ не создавать у австрійцевъ впечатлѣніе, что Германія противится ихъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ».

На второй день послѣ объявленія Австро-Венгріей войны Сербіи, **16-го іюля, Государю Императору было представлено на выборъ и на подпись два Указа: объ общей мобилизаціи или частичной мобилизаціи четырехъ Округовъ, войска которыхъ предназначались къ дѣйствію противъ Австро-Венгріи.** Этотъ послѣдній варіантъ былъ элементарной мѣрой предосторожности противъ вооружившагося сосѣда.

Чтобы понять весь драматизмъ ставшей передъ Государемъ Императоромъ дилеммы: сразу же общая мобилизація или сперва частичная — надо имѣть въ виду, что производя частичную мобилизацію, Россія не могла произвести общей мобилизаціи, ибо мобилизаціонное расписаніе Русской Императорской Арміи не предусматривало частичной мобилизаціи отдѣльныхъ Округовъ.

Мобилизовавшись только противъ Австро-Венгріи, Россія рисковала бы впослѣдствіи быть беззащитной противъ Германіи, т. к. четыре Округа мобилизовались бы только цѣной разстройства трехъ сѣверо-западныхъ Округовъ.

Надежда Государя на миролюбіе Вильгельма II была столь велика, что Государь подписалъ Указъ о частичной мобилизаціи, назначивъ первымъ ее днемъ 17-го іюля.

Частичная русская мобилизація затрагивала только Австро-Венгрію, но Германіи надо было найти предлогъ къ объявленію войны. Въ первый же день русской частичной мобилизаціи, т. е. 17-го іюля, Русскому Императорскому Правительству стало извѣстно о мобилизаціи германской арміи.[1])

---

[1]) О мобилизаціи германской арміи сообщила нѣмецкая газета «Локалъ-Анцейгеръ» въ своемъ экстренномъ изданіи отъ 17 іюля 1914 года.

Это извѣстіе кореннымъ образомъ измѣнило обстановку. «Послѣ доклада Государю Министра Иностранныхъ Дѣлъ о необходимости объявленія общей мобилизаціи, наступило тяжелое молчаніе... **«Это значитъ обречь на смерть сотни тысячъ русскихъ людей... Какъ не остановиться передъ такимъ рѣшеніемъ!», сказалъ Государь, а потомъ съ трудомъ выговаривая слова, добавилъ: «Вы правы, намъ ничего другого не остается, какъ ожидать нападенія. Передайте Начальнику Генеральнаго Штаба Мое приказаніе объ общей мобилизаціи.»[2])**

Въ 7 часовъ вечера перваго дня частичной мобилизаціи послѣдовалъ Высочайшій Указъ о всеобщей мобилизаціи сухопутныхъ и морскихъ вооруженныхъ силъ Россіи. Первымъ днемъ этой общей мобилизаціи было назначено 18 іюля.

Германія, въ ультимативной формѣ, потребовала отъ Россіи отмѣны мобилизаціи въ 24-хъ часовой срокъ. Въ случаѣ непринятія этого ультиматума, Германія угрожала войною...

Въ отвѣтъ на это дерзкое требованіе Государь Императоръ предложилъ Вильгельму II передать «конфликтъ» на разсмотрѣніе третейскаго суда въ Гаагѣ. **Однако Германія не послѣдовала дѣйствительно миролюбивому предложенію нашего Государя, и 19-го іюля въ 7 часовъ вечера объявила войну Россіи...**

По требованію Германіи, Австрія также объявила войну Россіи, мотивируя это тѣмъ, что.. «Россія объявила войну ея союзницѣ Германіи...»[3])

Объявленія войны слѣдовали одно за другимъ:

1. 15-го іюля Австро-Венгрія объявила войну Сербіи.
2. 19-го іюля Германія объявила войну Россіи.
3. 21-го іюля Германія объявила войну Франціи.
4. 23-го іюля Англія-Германіи.
5. 24-го іюля Австрія-Россіи.
6. Вступила въ войну Бельгія, защищая свою землю отъ вторженія германскихъ войскъ, нарушившихъ ея нейтралитетъ.
7. 11-го августа Японія объявила войну Германіи.
8. 16-го октября Турція, безъ объявленія войны, на разсвѣтѣ этого дня, своимъ флотомъ обстрѣлявъ Одессу, Севастополь, Евпаторію и Новороссійскъ, стала на сторону Германіи и Австріи.
   Міровая Война разгоралась и впослѣдствіи приняли въ ней участіе: Америка, Италія и Румынія на сторонѣ Союзныхъ Державъ, и Болгарія на сторонѣ Германіи, Австріи и Турціи.

---

[2]) Ген. Деникинъ. — «Путь Русскаго Офицера» — стр. 311—312.

[3]) Когда австро-венгерскій посолъ графъ Сечени сталъ читать текстъ объявленія войны русскому министру иностранныхъ дѣлъ Сазонову, начинающійся словами:... «Въ виду того, что Россія объявила войну Германіи...» — Сазоновъ его перебилъ: «Позвольте, не Россія объявила войну Германіи, а наоборотъ!» Изъ воспоминаній Министра Сазонова.

Спокойно и съ полнымъ достоинствомъ встрѣтила войну Россія! Въ эти іюльскіе дни 1914 года всѣ слои Русскаго народа были единодушны.

20-го іюля въ Зимнемъ Дворцѣ состоялся молебенъ и объявленіе Манифеста по случаю начавшейся войны.

Ко времени прибытія Государя и Государыни изъ Петергофа, въ Зимнемъ Дворцѣ отъ Конвоя былъ выставленъ офицерскій караулъ въ Собственные покои Дворца. Свободные отъ службы офицеры получили приказаніе отъ командира Конвоя прибыть къ Высочайшему Выходу въ Николаевскій залъ Зимняго Дворца.

Николаевскій залъ былъ весь заполненъ генералитетомъ, офицерами всѣхъ частей Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа, а также гражданскими чинами и представителями города.

Непосредственно за состоявшимся Высочайшимъ Выходомъ Государя Императора, Государыни Императрицы, Великихъ Князей и Великихъ Княгинь, духовникъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ протоіерей Отецъ А. Васильевъ отслужилъ торжественный молебенъ, послѣ котораго прочелъ Высочайшій Манифестъ по случаю объявленія Германіей войны Россіи:

«Божьей Милостью МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая и прочая, — объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови со славянскими народами, никогда не взирала на судьбу ихъ безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились чувства русскаго народа къ Славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи непріемлемыя для державнаго государства требованія.

Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ Сербскаго правительства, отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда.

Вынужденные, въ силу создавшихся условій принять необходимыя мѣры предосторожности, МЫ повелѣли привести Армію и флотъ на военное положеніе, но дорожа кровью и достояніемъ НАШИХЪ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній, союзная Австріи Германія, вопреки НАШИМЪ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію НАШЕМУ, что принятыя мѣры отнюдь не имеютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную НАМЪ страну, но оградить честь, достоинство, цѣлость Россіи и положеніе ея среди Великихъ Державъ.

Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской земли дружно и самоотверженно встанутъ всѣ вѣрные НАШИ подданные.

Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри. Да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе ЦАРЯ съ ЕГО народомъ, и да отразитъ Россія, поднявшаяся какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага.

Съ глубокою вѣрою въ правду НАШЕГО дѣла и со смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска НАШИ Божье благословеніе.

Данъ въ Санктъ-Петербургѣ въ двадцатый день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ четырнадцатое, Царствованія же НАШЕГО въ двадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано:

НИКОЛАЙ».

Когда Высочайшій Манифестъ былъ прочтенъ, Государь Императоръ обратился ко всѣмъ присутствовавшимъ въ Николаевскомъ залѣ Зимняго Дворца: **«Со спокойствіемъ и достоинствомъ встрѣтила Наша Великая Матушка Русь извѣстіе объ объявленіи войны. Убѣжденъ, что съ такимъ же чувствомъ спокойствія мы доведемъ войну, какая бы она ни была, до конца.**

Я здѣсь торжественно заявляю, что не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли нашей!

И къ вамъ, собраннымъ здѣсь представителямъ дорогихъ Мнѣ войскъ Гвардіи и Петербургскаго Военнаго Округа и въ вашемъ лицѣ обращаюсь ко всей единородной, единодушной, крѣпкой какъ стѣна гранитная Арміи Моей, и благословляю ее на путь ратный!»

Окончивъ Свою рѣчь, сказанную спокойно своимъ мягкимъ задушевнымъ голосомъ, Государь осѣнилъ Себя Крестнымъ Знаменіемъ.

Въ этотъ историческій моментъ Великій Князь Николай Николаевичъ первый, и за нимъ всѣ находившіеся въ Николаевскомъ залѣ Зимняго Дворца, преклонили свои колѣна и запѣли: «Спаси Господи люди Твоя . . . »

Обратный Высочайшій Выходъ изъ Николаевскаго зала въ Салтыковскій корридоръ сопровождался несмолкавшимъ Народнымъ Гимномъ. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА прослѣдовали на балконъ средняго зала Зимняго Дворца, выходившій на Дворцовую площадь.

Не только площадь передъ Дворцомъ, отъ арки Главнаго Штаба до самаго Дворца, но и всѣ прилегающія къ Дворцу улицы были заполнены народомъ. При появленіи Царской Семьи на балконѣ Дворца

вся эта масса людей, запрудившая Дворцовую площадь, стала на колѣни, и по всей площади разнеслись волнующія русскую душу чудныя слова Народнаго Гимна-Молитвы:

«Боже, Царя Храни!
Сильный, Державный,
Царствуй на славу намъ!
Царствуй на страхъ врагамъ,
Царь Православный!
Боже, Царя Храни!..»

ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, поклонившись Своему народу, при несмолкаемыхъ и все возростающихъ народныхъ привѣтствіяхъ прослѣдовали по Дворцовой набережной Невы къ Императорской яхтѣ «Александрія», стоявшей у Царской пристани около Николаевскаго моста, и на ней вернулись въ Петергофъ.

26-го іюля Государь вновь прибылъ въ Зимній Дворецъ, для пріема членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы, къ которымъ обратился со слѣдующими незабвенными словами:

«Привѣтствую васъ въ нынѣшніе знаменательные и тревожные дни, переживаемые всей Россіей. Германія, а затѣмъ Австрія объявили войну Россіи. Тотъ огромный подъемъ патріотическихъ чувствъ, любви къ Родинѣ и преданности Престолу, который, какъ ураганъ, пронесся по всей землѣ Нашей, служитъ въ Моихъ глазахъ и, думаю въ вашихъ, ручательствомъ въ томъ, что наша Великая Матушка-Россія доведетъ ниспосланную Господомъ Богомъ войну до конца!..

Въ этомъ единодушномъ порывѣ любви и готовности на всякія жертвы, ВПЛОТЬ ДО ЖИЗНИ СВОЕЙ, Я черпаю возможность поддерживать Свои силы и спокойно и бодро взирать на будущее.

Мы не только защищаемъ свою честь и достоинство въ предѣлахъ земли своей, но боремся за единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ-Славянъ. И въ нынѣшнюю минуту Я съ радостью вижу, что объединеніе Славянъ происходитъ такъ же крѣпко и неразрывно со всей Россіей. Увѣренъ, что вы всѣ и каждый на своемъ мѣстѣ поможете Мнѣ перенести ниспосланное испытаніе, и что всѣ, НАЧИНАЯ СЪ МЕНЯ, исполните свой долгъ до конца! Великъ Богъ Земли Русской!»

Слова Государя были покрыты несмолкавшимъ «ура»! Затѣмъ Предсѣдатель Государственной Думы, отъ имени всѣхъ присутствующихъ, обратился къ Государю съ рѣчью, закончивъ ее слѣдующими словами: ... «Государственная Дума, отражающая въ себѣ единодушный порывъ всѣхъ областей Россіи, поручила мнѣ сказать Вамъ, Государь, что народъ Вашъ готовъ къ борьбѣ за честь и славу Отечества, безъ различія мнѣній, взглядовъ и убѣжденій. Государственная Дума отъ лица Русской Земли спокойно и твердо говоритъ своему Царю: «Дерзайте, Государь, русскій народъ съ Вами и, твердо уповая на милость Божью, не остановится ни передъ какими жертвами, пока

врагъ не будетъ сломленъ и достоинство Родины не будетъ ограждено! . . .»[4])

Манифестъ о войнѣ съ Австріей гласитъ: **«Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли Мы оружіе, но ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, боремся за правое дѣло. Да благословитъ Господь Вседержитель Наше и союзное намъ оружіе, и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ и съ Крестомъ въ сердцѣ! . . .»**

26-го іюля въ Зимнемъ Дворцѣ былъ только командиръ Конвоя въ числѣ другихъ лицъ Свиты Государя, и одинъ офицеръ-начальникъ караула въ Собственныхъ покояхъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Вся Россія дружно откликнулась на призывъ своего Государя. Мобилизація проходила блестяще и въ полнѣйшемъ порядкѣ.

Согласно мобилизаціонному расписанію, въ Кубанскомъ и Терскомъ Казачьихъ Войскахъ были призваны и отправлены въ Конвой казаки-гвардейцы, съ прибытіемъ которыхъ всѣ четыре сотни Конвоя развернулись въ составъ военнаго времени — 160 человѣкъ въ каждой сотнѣ. Впослѣдствіи, во время самой войны, для усиленія общаго состава Конвоя было приступлено къ формированію Л.-Гв. 5-ой сотни.

Формировалась она изъ двухъ Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ и, въ отличіе отъ Кубанскихъ и Терскихъ сотенъ постояннаго состава Конвоя, получила наименованіе «Сводной» сотни.

Послѣ объявленія Высочайшихъ Манифестовъ о войнѣ съ Германіей и Австріей и пріема членовъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы въ Зимнемъ Дворцѣ, Государь пожелалъ посѣтить Первопрестольную Москву и поклониться ея Святынямъ.

Для сопровожденія Царской Семьи, въ поѣздъ Литера «Б», былъ назначенъ соотвѣтствующій нарядъ Конвоя Л.-Гв. отъ 4-й Терской сотни. Отъ этой же сотни въ Москву для «Встрѣчъ» и несенія карауловъ въ Кремлевскомъ Дворцѣ былъ командированъ другой нарядъ подъ командою сотника Николая Золотарева.

Императорскіе поѣзда отбыли изъ Петергофа 3-го августа и днемъ слѣдующаго дня подошли къ Царскому павильону Александровскаго вокзала г. Москвы. Принявъ почетный караулъ и представленіе высшихъ начальствующихъ лицъ, Государь, Государыня, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны въ открытыхъ экипажахъ прослѣдовали въ Кремль. Царскую Семью, на всемъ пути Ея слѣдованія, восторженно привѣтствовали огромныя толпы народа подъ непрерывный трезвонъ всѣхъ московскихъ церквей. У раскрытыхъ настежъ дверей храмовъ стояло въ полномъ облаченіи духовенство и Св. Крестомъ благословляло Государя Императора и Его Августѣйшую Семью.

---

[4]) Журналъ «Русская Правда».

У часовни Иверской Божьей Матери ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА остановились, чтобы приложиться къ Святому Образу.

5-го августа въ Георгіевскомъ залѣ Кремлевскаго Дворца были собраны всѣ общественные представители города Москвы, во главѣ съ городскимъ головою, привѣтствовавшіе Государя по случаю начавшейся войны. На ихъ патріотическія привѣтствія Государь изволилъ отвѣтить: — **«Въ часъ военной грозы, такъ внезапно и вопреки Моимъ намѣреніямъ, надвинувшейся на миролюбивый народъ Мой, Я, по обычаю Державныхъ Предковъ, ищу укрѣпленія душевныхъ силъ въ молитвѣ у Святынь Московскихъ, въ стѣнахъ древняго московскаго Кремля.**

Въ лицѣ вашемъ, жителей дорогой Мнѣ Первопрестольной Москвы, Я привѣтствую весь вѣрный Мнѣ русскій народъ, повсюду и на мѣстахъ и въ Государственной Думѣ, и въ Государственномъ Совѣтѣ, единодушно откликнувшійся на Мой призывъ встать дружно всей Россіей, откинувъ распри, на защиту Родной Земли и Славянства.

Въ могучемъ всеобщемъ порывѣ слились воедино всѣ безъ различія племена и народности Великой Имперіи Нашей и, вмѣстѣ со Мной, никогда не забудетъ этихъ историческихъ дней Россія.

Такое единеніе Моихъ чувствъ и мыслей со всѣмъ Моимъ народомъ даетъ Мнѣ глубокое утѣшеніе и спокойную увѣренность въ будущемъ. Отсюда, изъ сердца Русской Земли, Я шлю доблестнымъ войскамъ Моимъ и мужественнымъ иноземнымъ Союзникамъ, заодно съ нами поднявшимся за попранныя начала мира и правды, горячій привѣтъ!

Съ нами Богъ! . . .»

По выходѣ изъ Кремлевскаго Дворца и при слѣдованіи въ Успенскій Соборъ Царскую Семью радостно привѣтствовалъ собравшійся народъ, заполнившій отъ Краснаго Крыльца сплошной массою всю площадь. У входа въ Успенскій Соборъ Государя ожидала «Встрѣча» Собственнаго Конвоя.

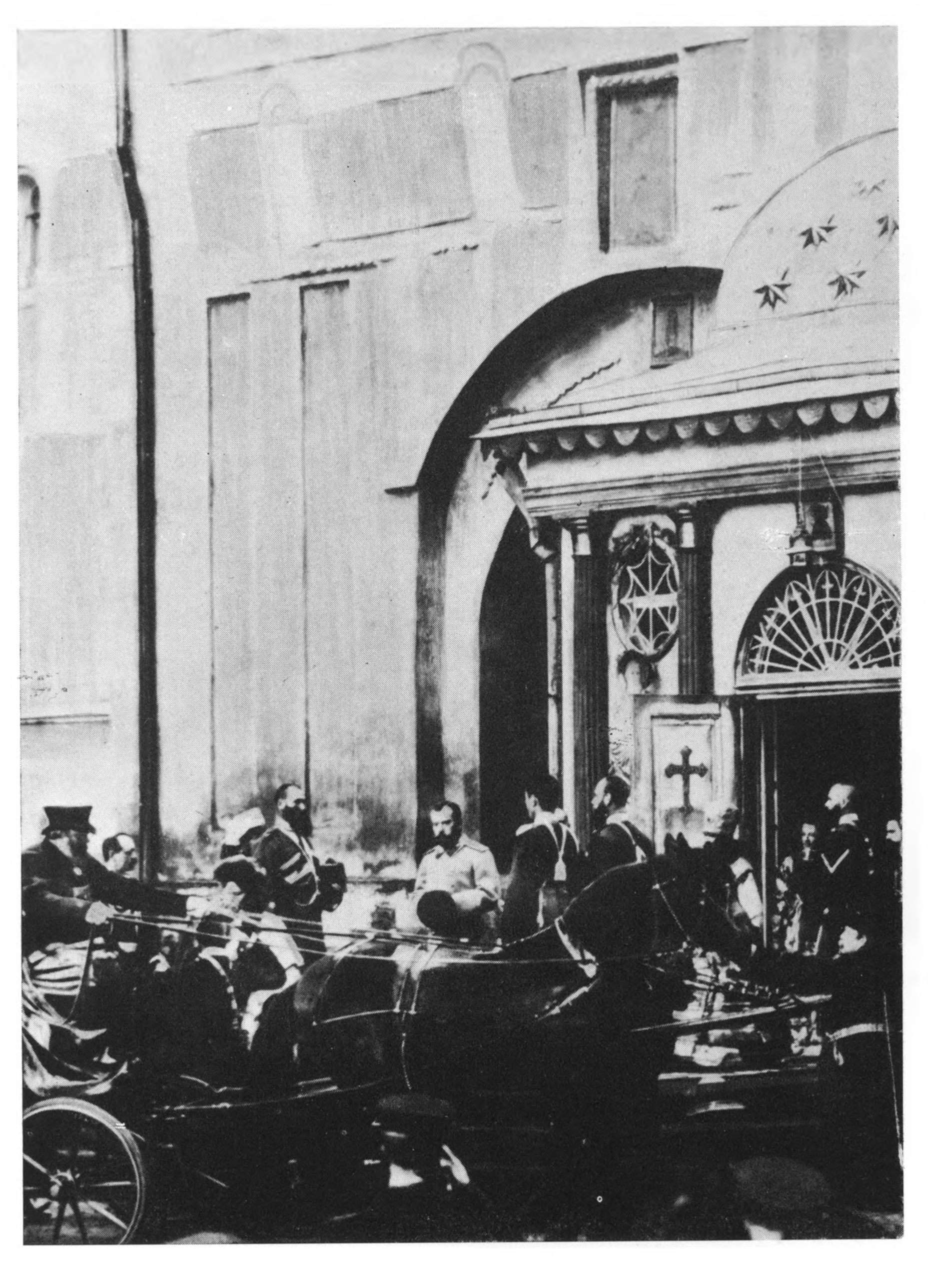
Плохо себя чувствовавшаго Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА въ шествіи Царской Семьи несъ на рукахъ урядникъ Конвоя — ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

«Къ огромному огорченію, вызываемому у Августѣйшихъ Родителей болѣзнью Наслѣдника Престола, присоединялось еще всегдашнее колебаніе въ разрѣшеніи вопроса, что лучше: оставить Его дома, или показать народу на рукахъ у казака-конвойца? . . .»[5])

Отбывъ изъ Москвы, Государь со Своей Августѣйшей Семьей посѣтилъ Троицко-Сергіевскую Лавру. Въ числѣ сопровождавшихъ Государя лицъ находился командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ графъ Граббе. Сотникъ Золотаревъ съ коман-

---

[5]) Генералъ Воейковъ: «Съ Царемъ и безъ Царя». стр. 105, 106.



Выходъ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ изъ часовни Иверской Божьей Матери. Дежурный офицеръ Конвоя сотникъ Н. Золотаревъ.

Москва. 4-го августа 1914 года.



Шествіе ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ въ Чудовъ Монастырь. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ на рукахъ у урядника Конвоя — ординарца ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Москва. 5-го августа 1914 года.



Августѣйшія Сестры Милосердія. Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА и Великія Княжны ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА и ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА

Царское Село 1914 г.

дою казаковъ Конвоя прибылъ въ Лавру до пріѣзда туда Царской Семьи.

Въ исторической Троицко-Сергіевской Лаврѣ Царская Семья присутствовала на молебнѣ и приложилась къ мощамъ Преподобнаго Сергія. Изъ Лавры Государь, Государыня, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны со станціи «Сергіево» отбыли непосредственно въ Царское Село.[6])

Во время войны, несмотря на то, что по мобилизаціи составъ четырехъ сотенъ Конвоя былъ доведенъ до 160 человѣкъ въ каждой сотнѣ, нарядъ на службу чиновъ Конвоя былъ значительно увеличенъ, т. к. офицеры и казаки, кромѣ своей постоянной службы при Высочайшемъ Дворѣ, находились еще и въ частыхъ командировкахъ. Это объяснялось тѣмъ, что и сама, годами налаженная, жизнь Царской Семьи рѣзко измѣнилась съ наступленіемъ войны.

Съ первыхъ же дней начала военныхъ дѣйствій Государь Императоръ сталъ совершать періодическія поѣздки на фронтъ, посѣщая не только Ставку Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича, расположенную при желѣзнодорожной станціи Барановичи, но и части войскъ Дѣйствующей Арміи. На фронтѣ Государь осматривалъ позиціи, форты, полевые военные госпиталя и передовые перевязочные пункты.

Государь хотѣлъ самъ Лично все видѣть и быть ближе къ горячолюбимымъ Имъ войскамъ. Вступая въ непосредственную связь съ офицерами и солдатами, находившимися какъ въ госпиталяхъ, такъ и на различныхъ секторахъ огромнаго русскаго фронта, желалъ передать имъ не только Свою Царскую благодарность за проявленную доблесть и вѣрную службу Престолу и Родинѣ, но и глубокую вѣру въ побѣду надъ дерзкимъ врагомъ, посягнувшимъ на честь и достоинство Россіи. Дабы и внѣшне отмѣтить доблесть Своей Арміи, Государь самъ Лично жаловалъ боевыя награды офицерамъ, солдатамъ и казакамъ.

Кромѣ этихъ частыхъ выѣздовъ непосредственно на фронтъ, Государь Императоръ посѣщалъ разные города и другія мѣста Россіи, гдѣ навѣщалъ раненыхъ, находящихся въ военныхъ лазаретахъ, осматривалъ заводы и фабрики, работающіе на оборону и вообще все, что имѣло значеніе и играло роль въ веденіи самой войны.

Государыня Императрица, не взирая на Свое больное сердце и, желая показать примѣръ помощи раненымъ русскимъ воинамъ, совмѣстно со Своими старшими Августѣйшими Дочерьми Великой Княжной ОЛЬГОЙ НИКОЛАЕВНОЙ и Великой Княжной ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ прошла курсъ ухода за ранеными при Общинѣ Краснаго Креста, а затѣмъ Государыня и Великія Княжны были сестрами милосердія въ Дворцовомъ госпиталѣ. Посѣтивъ утромъ слу-

---

[6]) Особочтимой русскимъ народомъ Троицко-Сергіевской Лаврѣ пришлось много разъ подвергаться нападенію враговъ Православія. Самымъ большимъ нападеніемъ была осада Лавры тридцатитысячной польской арміей, которую монахи геройски выдержали въ теченіе шестнадцати мѣсяцевъ.

жбу въ храмѣ, Государыня и Великія Княжны отправлялись въ госпиталь.

Присутствуя на операціяхъ, Государыня подавала хирургу инструменты и Сама бинтовала раненыхъ офицеровъ и солдатъ. Когда прибывали санитарные поѣзда, то въ этотъ день Государыня и Великія Княжны ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА и ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА съ ранняго утра, и почти въ теченіи цѣлаго дня, ухаживала за вновь привезенными съ фронта ранеными. У умирающихъ воиновъ Государыня Императрица часами сидѣла возлѣ ихъ кроватей, клала имъ на голову Свою руку и горячо молилась . . .

Закончивъ работу въ госпиталѣ, Государыня и всѣ Ея Августѣйшія Дѣти въ остальное время дня были заняты приготовленіемъ подарковъ и теплыхъ вещей на фронтъ. Вся зала Александровскаго Дворца, гдѣ находилась «Дѣтская горка», была заставлена ящиками съ подарками отъ Царской Семьи, отправляемыми на фронтъ въ Дѣйствующую Армію. Офицеры Конвоя вспоминаютъ, что на своихъ дежурствахъ въ ночныхъ караулахъ они часто видѣли надписи на ящикахъ, сдѣланныя собственноручно Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ: «Въ Дѣйствующую Армію. АЛЕКСѢЙ».

Помимо постоянной работы какъ въ госпиталѣ, такъ и въ Своихъ покояхъ Александровскаго Дворца, Государыня принимала дѣятельное участіе въ «Комитетѣ по призрѣнію семействъ раненыхъ и убитыхъ воиновъ». Открывъ Своего Имени нѣсколько госпиталей, эвакуаціонныхъ пунктовъ, всевозможныя мастерскія, работающія для нуждъ военныхъ лазаретовъ и прекрасно оборудованные санитарные поѣзда для перевозки въ тылъ раненыхъ воиновъ, такъ же какъ и Государь, часто выѣзжала во всѣ Свои учрежденія, расположенныя въ наиболѣе важныхъ центрахъ Россіи. Съ Государыней всегда слѣдовали Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА и Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА.

При всѣхъ этихъ поѣздкахъ Государя Императора и Государыни Императрицы офицеры и казаки Конвоя Ихъ неизмѣнно сопровождали, встрѣчали въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Они изволили останавливаться, и несли службу охраны ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ.

Одной изъ большихъ поѣздокъ Государя Императора было путешествіе Его на Кавказскій фронтъ, во время котораго Государь посѣтилъ Кубанское и Терское Войско.

Выѣхавъ 18-го ноября въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго, Государь по дорогѣ на Кавказъ останавливался въ Смоленскѣ, Тулѣ, Орлѣ, Курскѣ и Харьковѣ. 24-го ноября Государь прибылъ въ Екатеринодаръ, откуда отбылъ непосредственно въ Тифлисъ.

Прибывъ въ столицу Грузіи, Государь прежде всего прослѣдовалъ въ древній грузинскій Сіонскій соборъ, гдѣ былъ встрѣченъ Экзархомъ Грузіи. Затѣмъ проѣхалъ въ армянскій Ванскій соборъ, въ которомъ Государя ожидалъ Католикосъ всѣхъ армянъ. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ соборѣ были совершены молебны при гро-

мадномъ числѣ молящихся. Послѣ христіанскихъ храмовъ Государь посѣтилъ и мусульманскія мечети Суннитскаго и Шіитскаго толка, въ которыхъ главы этихъ храмовъ совершили моленіе по своему обряду. Во время пребыванія въ Тифлисѣ Государь, какъ и во всѣхъ другихъ городахъ, осматривалъ военные госпиталя, учебныя заведенія и присутствовалъ на службѣ въ Военномъ соборѣ.

Изъ Тифлиса Государь отбылъ въ крѣпость Карсъ. Послѣ подробнаго осмотра фортовъ, батарей и укрѣпленій крѣпости, Государь прослѣдовалъ къ передовымъ частямъ Кавказской арміи, къ конечному желѣзнодорожному пути Сарыкамышу. Дальнѣйшій путь къ цѣли всего путешествія — въ боевое расположеніе Кавказской арміи — былъ совершенъ на автомобиляхъ по дорогѣ, проложенной въ гористой мѣстности на Меджингертъ, расположенный на самой границѣ съ Турціей.

Въ Меджингертѣ были собраны представители воинскихъ частей Кавказской арміи, которымъ Государь хотѣлъ лично вручить боевыя награды и, въ ихъ лицѣ, передать Свою Царскую благодарность всѣмъ частямъ Кавказскаго фронта за ихъ мужество и доблесть, проявленную въ бояхъ съ турками.

Возвращаясь съ Кавказскаго фронта, Государь прибылъ во Владикавказъ.

Какъ Кубанское Войско, во главѣ съ Наказнымъ Атаманомъ генералъ-лейтенантомъ Бабичемъ въ Екатеринодарѣ, такъ и Терское, во главѣ съ Наказнымъ Атаманомъ генералъ-лейтенантомъ Флейшеромъ во Владикавказѣ, особо торжественно встрѣтили своего Государя. Къ прибытію Государя Императора въ Войско Кубанское и Терское, со всѣхъ станицъ въ Екатеринодаръ и во Владикавказъ съѣхались казаки со своими семьями. Передъ Войсковыми соборами были вынесены всѣ Войсковыя Регаліи: заслуженныя въ бояхъ Знамена, Штандарты и Георгіевскія трубы. Среди Регалій Кубанскаго Войска находились малые куренные и большіе Войсковые значки, литавры и Знамена Запорожцевъ, боевыя Знамена Войска Вѣрныхъ казаковъ, Черноморскаго и Линейнаго Войска, и Знамена и Штандарты Кубанскаго Войска. Среди Терскихъ Регалій — Знамена и Штандарты, пожалованные Войску за его 300-лѣтнюю вѣрную и боевую службу Государямъ и Родинѣ. Были вынесены передъ Государемъ старые историческіе знаки атаманскаго достоинства: перначи, булавы и насѣки, а также и Царскія Грамоты. Въ Грамотахъ, скрѣпленныхъ громадными сургучными печатями, было торжественное признаніе Русскими Императорами казачьихъ заслугъ. Каждый изъ Императоровъ по вступленіи на Престолъ жаловалъ Войско Своей Грамотой, завѣряя казаковъ въ Своей неизмѣнной признательности за ихъ вѣрную службу, и въ незыблемости правъ казачьихъ на ихъ земли.

Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, желая подчеркнуть Свое благоволение къ Кубанскому и Терскому Вой-

ску, имѣлъ на Себѣ ихъ войсковую походную форму — сѣрую черкеску.

Послѣ Кавказа Государь прослѣдовалъ въ Донское Войско, которое, также какъ Кубанское и Терское, встрѣтило Государя со всѣми своими многочисленными Регаліями, свидѣтельствующими о боевой славѣ Донского казачества.

Въ день Своего Тезоименитства 6-го декабря Государь прибылъ въ Воронежъ. Одновременно съ Государемъ въ Воронежъ прибыла Государыня Императрица съ Великими Княжнами ОЛЬГОЙ НИКОЛАЕВНОЙ и ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ.

ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, посѣтивъ Тамбовъ, 8-го декабря вернулись въ Москву, гдѣ встрѣтилась вся Царская Семья.

Въ этой двадцатидневной поѣздкѣ Государя Императора сопровождали подъесаулъ Георгій Рашпиль и сотникъ Евгеній Шкуропатскій съ двумя взводами казаковъ Конвоя. Государыню Императрицу сопровождали конвойцы подъ командою сотника Виктора Зборовскаго.

Эти частыя командировки конвойцевъ, несеніе дневныхъ и ночныхъ карауловъ въ Императорскихъ Дворцахъ, особо напряженная служба конныхъ постовъ вокругъ рѣшетки Дворца, требовали отъ Конвоя усиленнаго наряда. Въ связи съ этимъ, а также въ предвидѣніи возможной командировки сотенъ Конвоя на фронтъ, съ Высочайшаго соизволенія Министерство Императорскаго Двора поставило въ извѣстность Наказныхъ Атамановъ Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ о необходимости формированія еще одной сотни Конвоя — Л.-Гв. 5-ой.

Въ 1892 году между Франціей и Россіей была заключена военная конвенция, **которая носила по ея политическому замыслу строго оборонительный характеръ,** имѣвшій въ виду совмѣстныя вооруженныя дѣйствія лишь **въ случаѣ нападенія** на одну изъ договаривающихся сторонъ — Францію или Россію, Германіи или другой державы «Тройственнаго Союза», поддержанной Германіей. **Тѣмъ не менѣе «стратегически» отъ Россіи требовалось быстрѣйшее наступленіе въ предѣлы Восточной Пруссіи.**

«Наступленіе въ Восточную Пруссію съ силами, которыя способны были бы приковать къ себѣ отъ 5-ти до 6-ти германскихъ корпусовъ на Восточно-Прусской границѣ» — такъ формулировалъ свои пожеланія Французскій Генеральный Штабъ.

Въ силу этой конвенціи, Россія сразу же съ первыхъ дней войны принуждена была руководиться не столько обстановкою у себя на фронтѣ, сколько общею пользою для Союзниковъ.

Обстановка же на французскомъ фронтѣ была такова, что уже 5-го августа французскій посолъ М. Палеологъ на пріемѣ у Государя Императора, просилъ о срочной помощи — **«Я умоляю ВАШЕ ВЕЛИ-**

ЧЕСТВО предписать Вашимъ войскамъ немедленное наступленіе, иначе французская армія рискуетъ быть раздавленной ...»[7])

Учитывая трудность положенія французовъ, на которыхъ, нарушивъ нейтралитетъ Бельгiи, обрушилась германская армія, Русская Императорская Армія и морально и въ силу формальныхъ обязательствъ, принятыхъ на себя Россіей, должна была придти на помощь, иначе при сложившейся обстановкѣ на Западномъ фронтѣ предвидѣлась катастрофа. Вопросъ шелъ о судьбѣ союзной французской арміи, и въ частности объ угрозѣ самому Парижу.

Единственное средство для предотвращенія гибели французской арміи заключалось въ организаціи быстраго вторженія, возможно значительными силами, въ предѣлы Восточной Пруссіи.

Несмотря на то, что русскія войска еще не совсѣмъ успѣли сосредоточиться для предстоящаго наступленія на территорію Германіи, **Россія не могла обрекать Францію на гибель, и честно исполнила свой долгъ и свои обязательства передъ ней.**

Это и была причина, въ силу которой Русская Армія шла на подвиги крайняго самопожертвованія и несла жестокія кровавыя потери, которыхъ было бы возможно и избѣжать, но только не исполнивъ свои союзническія обязательства... Однако, отъ взятыхъ на себя обязательствъ помощи своимъ союзникамъ, даже когда это могло быть явнымъ ущербомъ для самой Россіи, Царская Россія въ теченіи всей войны никогда не отказывалась, ибо вѣрность, честь и рыцарство Русской Императорской Арміи были выше и прежде всего, и никогда не могли вызывать какого либо сомнѣнія у союзниковъ Россіи!

А потому, не взирая на неизбѣжный рискъ операціи въ Восточной Пруссіи, таковая была совершена...

Въ результатѣ этой операціи, **Франція была спасена совершившимся «Чудомъ на Марнѣ»! А это «чудо» явилось слѣдствіемъ доблести Русской Императорской Арміи, колоссальныхъ ея жертвъ и ... гибели арміи генерала Самсонова.**

Исторически неточно и **несправедливо говорить только о побѣдѣ однихъ французовъ на Марнѣ,** разбившей расчеты Германіи на быстрый успѣхъ, **не вспоминая о жертвенности Россіи и не почтивъ памяти героевъ Русской Императорской Арміи, положившихъ свою жизнь и пролившихъ свою кровь на поляхъ сраженій въ Восточной Пруссіи.**

Господинъ Черчилль, бывшій во время Первой Міровой Войны морскимъ министромъ Англійскаго правительства, въ своихъ мемуарахъ о войнѣ говоритъ о жертвенности и значеніи русскаго наступленія: **«Въ гигантскихъ и страшныхъ бояхъ на поляхъ Восточной Пруссіи палъ цвѣтъ Русской Арміи. Но результаты ея вторженія были использованы въ рѣшительную минуту. Нервы германскаго генеральнаго штаба не выдержали ...»** А германскій генералъ Люден-

---

[7]) Генералъ Даниловъ: «Великій Князь Николай Николаевичъ». стр. 129.

дорфъ отмѣчаетъ: «Сомнительно, дастъ ли противникъ намъ время выполнить наши намѣренія ... **Армія генерала Ренненкампфа, вызвала во мнѣ большое нервное напряженіе».**[8])

Французскіе маршалы Жоффръ и Фошъ отмѣтили историческую роль Россіи въ Первую Міровую Войну своими благородными и рыцарскими заявленіями «Кто спасъ союзниковъ въ началѣ войны въ 1914 году? — РОССІЯ! . . » — (маршалъ Фошъ.)

«Безъ малѣйшаго замедленія и при всякой возможности отдаю должное доблести Русскихъ Армій и выражаю имъ мою глубокую признательность за помощь, которую они принесли нашей арміи въ тѣ трагическіе часы, когда Германія бросила почти полностью свои силы на западъ, дабы раздавить первымъ своимъ напоромъ Бельгію, Англію и Францію. Бросая противъ Восточной Пруссіи подлежащія ему силы, еще до того, какъ они были готовы и объединены, и не считаясь, такимъ образомъ, съ большинствомъ военныхъ принциповъ, во имя одного — единственнаго — «принципа солидарности фронтовъ», Великій Князь Главнокомандующій Русскихъ Армій, съ первыхъ же моментовъ поднялся до понятія высочайшей изъ военныхъ надобностей, и тѣмъ самимъ обрелъ вѣчное признаніе благодарной Франціи.

Я никогда не забуду очень тяжелыхъ жертвъ, на которыя пошла героическая Русская Армія при этихъ обстоятельствахъ, чтобы во что бы то ни стало заставить непріятеля обернуться противъ нее самой.

Если я ссылаюсь именно на эти воспоминанія, я также не могу обойти молчаніемъ долгіе годы общей борбы, всегда въ полномъ единеніи мыслей, несмотря на разстояніе, которое раздѣляло наши усилія.

Но, чтобы избѣжать нѣмецкой гегемоніи и сохранить свою независимость, Россія и Франція должны были заплатить жесточайшую дань своей кровью ... »

(Изъ письма маршала Франціи Жоффра къ генералу Баратову. «Русскій Инвалидъ». Арпѣль 1929 годъ).

Во исполненіе франко-русскаго договора, одновременно съ походомъ въ Восточную Пруссію русскія арміи Юго-Западнаго фронта перешли въ наступленіе, которое закончилось полнымъ разгромомъ австро-германской арміи на поляхъ Галиціи.

Эта побѣда и побѣда Кавказской арміи подъ Сарыкамышемъ и Ардаганомъ были большой моральной компенсаціей Россіи за неуспѣхъ наступленія въ Восточную Пруссію.

Въ послѣдующихъ бояхъ двѣ русскихъ арміи вновь вторглись въ Восточную Пруссію. — **«Положеніе опять стало крайне напряженнымъ на Восточномъ фронтѣ, и исходъ войны висѣлъ на волоскѣ . . »,** писалъ впослѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Люден-дорфъ.

На Западномъ фронтѣ противники, исчерпавъ свой первоначальный порывъ, перешли къ позиціонной войнѣ и «зарылись въ землю»,

---

[8]) Ген. Даниловъ: «Великій Князь Николай Николаевичъ» стр. 131.

создавъ сплошную линію окоповъ отъ Ламанша до границы Швейцаріи.

Въ связи съ такимъ положеніемъ на Западномъ фронтѣ, нѣмцы начали переброску своихъ корпусовъ на Русскій фронтъ — «Восточный фронтъ». Въ результатѣ этой переброски австро-германскія войска перешли въ наступленіе по всему фронту Русскихъ армій, имѣя сильное превосходство въ артиллеріи. Русскій фронтъ сталъ главнымъ театромъ войны, на которомъ сражались, помимо австро-венгерской арміи, полуторныя силы германской арміи, по сравненію съ Западнымъ фронтомъ. Русская Императорская Армія отходила, доблестно сражаясь съ врагомъ, примѣнявшимъ не только свою могущественную артиллерію, но и незаконное средство войны — газовыя атаки.

Первую газовую атаку нѣмцы произвели подъ Варшавою. И все же доблесть русскихъ воиновъ была такова, что «несмотря на неожиданность этой газовой атаки и отсутствіе у насъ противогазовъ, въ результатѣ чего было девять тысячъ отравленныхъ, германскія атаки были отбиты».[9])

И въ этотъ второй періодъ войны, когда Русская Армія принуждена была отходить, боевой духъ ея не былъ подорванъ: — армія, отходя, наносила тяжелыя потери врагу, терявшему при своемъ наступленіи сотни тысячъ плѣнныхъ.

Тяжелая задача, которая выпала на долю Императорской Россіи въ Первую Міровую Войну, и по сіе время недостаточно признана и оцѣнена. Главная причина тому, что нѣтъ Національной Россіи и всѣми забыта кровь милліоновъ убитыхъ и раненыхъ воиновъ Русской Императорской Арміи, пролитая на поляхъ сраженій, не только для защиты своего Отечества, но и для спасенія своихъ союзниковъ.

Боевыя дѣйствія Русской Арміи или сознательно извращаются или, въ лучшемъ случаѣ, «забываются» и о нихъ умалчивается, а рѣшающая роль въ общей борьбѣ союзниковъ приписывается отдѣльнымъ, не русскимъ, театрамъ войны.

Но насколько и чья была «рѣшающая роль» въ Первой Міровой Войнѣ, наглядно показываетъ слѣдущее сравненіе:

I. За три года войны Россіей, Франціей, Англіей и Италіей было взято 2.560.000 плѣнныхъ и 5.350 орудій, изъ коихъ —

одной Русской Арміей взято	**2.200.000 плѣнныхъ и**	**3.850 орудій.**
Французской арміей	160.000 плѣнныхъ и	900 орудій.
Англійской арміей	90.000 плѣнныхъ и	450 орудій.
Итальянской арміей	110.000 плѣнныхъ и	150 орудій.

(«Часовой» № 345,сентябрь, 1954 годъ.)

II. Къ осени 1915 года **на Русскомъ фронтѣ было сосредоточено 137 пѣхотныхъ и 24 кавалерійскихъ дивизій.**

---

[9]) Генералъ Деникинъ: «Путь Русскаго Офицера» стр. 359.

На Западномъ фронтѣ всего 85 пѣхотныхъ и I кавалерійская дивизія. (С. С. Ольденбургъ. «Царствованіе Императора НИКОЛАЯ II» стр. 183.)

III. Никакіе боевыя дѣйствія на англо-французскомъ фронтѣ не доставили Россіи того облегченія, которое Русская Императорская Армія принесла союзникамъ. — «Британская Энциклопедія» въ своемъ 14-мъ изданіи прямо указываетъ: **«Союзники Россіи мало сдѣлали для того, чтобы отплатить за русскія жертвы, принесенныя ради нихъ въ 1914 г.».**

Объ этой жертвѣ, о доблести Русской Императорской Арміи, о кровавыхъ потеряхъ ея и необыкновенномъ самопожертвованіи можно судить на основаніи приводимой таблицы, составленной генераломъ Н. Н. Головинымъ.

«Кровавыя потери Русской Арміи въ Міровую войну».

Убитыми	1.300.000
Ранеными и отравленными	4.200.000
Общее число	5.500.000

Изъ этого числа только убитыми 90.000 офицеровъ.

(Генералъ Н. Н. Головинъ: «Военныя усилія Россіи въ Міровой войнѣ». стр. 160, томъ I.).

КОМАНДИРОВКА СОТЕНЪ КОНВОЯ ВЪ СТАВКУ.

Когда Русская Армія, принявъ на себя ударъ соединенныхъ австро-германскихъ армій, истекая кровью отходила по всему фронту, въ этотъ самый тяжелый періодъ борьбы Россіи съ ея врагами Государь рѣшилъ принять Верховное Командованіе.

Государь Императоръ, считая, что долгъ Царскаго служенія обязываетъ Его взять на Себя всю отвѣтственность, исполнилъ этотъ долгъ, ставъ во главѣ всѣхъ вооруженныхъ силъ Россіи, находящихся на театрѣ военныхъ дѣйствій. Этимъ рѣшеніемъ Государь подтвердилъ Свое торжественное заявленіе, сдѣланное Имъ въ началѣ войны, что «не заключитъ мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій воинъ не уйдетъ съ земли Русской».

Бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича Государь назначилъ Своимъ Намѣстникомъ на Кавказѣ и Главнокомандующимъ отдѣльной Кавказской Арміей. Главнокомандующему Сѣверо-Западнымъ фронтомъ генералу Алексѣеву Государь повелѣлъ принять должность Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго.

До принятія Государемъ Верховнаго Командованія, конвойцы хотя и находились въ частыхъ командировкахъ, сопровождая Государя Императора и Государыню Императрицу, при всѣхъ выѣздахъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, но все же эти командировки были временными, и

ПРИКАЗЪ
АРМІИ и ФЛОТУ

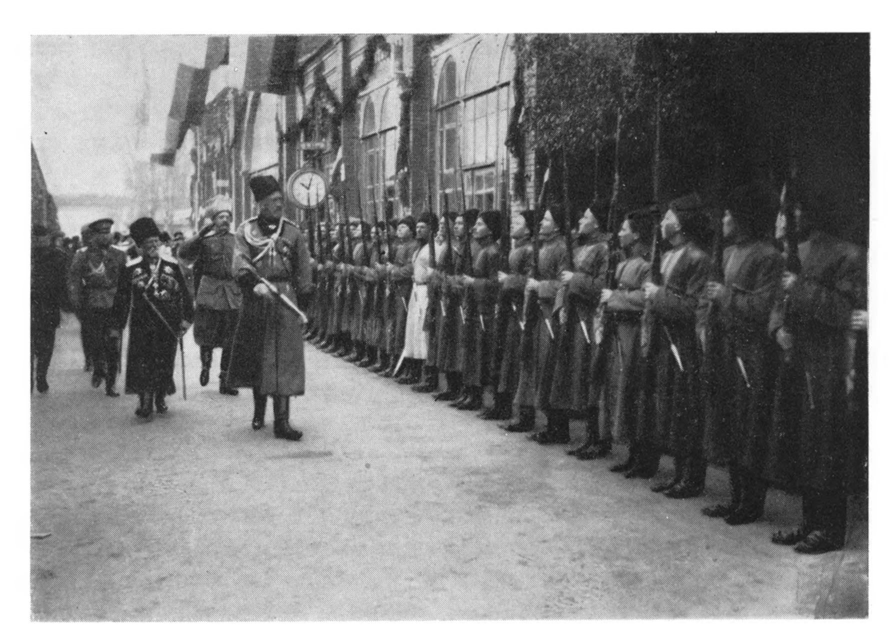
23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принялъ на СЕБЯ предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердою вѣрою въ милость Божію и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца и не посрамимъ земли Русской.

Николай

Высочайшій Приказъ Арміи и Флоту 23-го августа 1915 года.



Прибытіе въ Екатеринодаръ въ 1915 году Намѣстника Кавказа и Войскового Атамана Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ. Великій Князь Николай Николаевичъ принимаетъ почетный караулъ отъ Кубанскаго Пластунскаго каз. батальона.



Великій Князь Николай Николаевичъ у Юбилейнаго Георгіевскаго Знамени Кубанскаго Казачьяго Войска. Правѣе Его Наказный Атаманъ генералъ-лейтенантъ М. Бабичъ. Екатеринодаръ, 1915 годъ.

служба Конвоя сосредотачивалась, главнымъ образомъ, въ Царскомъ Селѣ.

Съ принятіемъ Государемъ Личнаго командованія Дѣйствующей Арміи, двѣ сотни Конвоя отбыли въ постоянную командировку въ Ставку, которая еще Великимъ Княземъ была перенесена изъ Барановичей въ Могилевъ-Губернскій, расположенный на Днѣпрѣ, и стала именоваться Царской Ставкой.

Наканунѣ отбытія въ Дѣйствующую Армію Государь посѣтилъ Свою Августѣйшую Мать, Вдовствующую Государыню Императрицу МАРІЮ ѲЕОДОРОВНУ, и поклонился гробницѣ Своего Державнаго Отца въ Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, переименованномъ во время войны въ Петроградъ, гдѣ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ ожидала «Встрѣча» отъ Конвоя.

Въ Могилевъ заблаговременно былъ командированъ дивизіонъ Конвоя въ составѣ Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни — командиръ флигель-адъютантъ есаулъ А. Жуковъ и Л.-Гв. 3-й Терской сотни — командиръ есаулъ К. Панкратовъ, подъ общимъ командованіемъ помощника командира Конвоя по строевой части полковника Ф. Кирѣева.

Впослѣдствіи сотни Конвоя, находившіяся въ Царской Ставкѣ, чередовались съ сотнями, несшими службу въ Царскомъ Селѣ.

23-го августа 1915 года Государь прибылъ въ Могилевъ, гдѣ былъ встрѣченъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, чинами Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, полковникомъ Кирѣевымъ и офицерами Конвоя. Командиръ Конвоя, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ графъ Граббе, прибылъ съ Государемъ.

Принявъ рапортъ и поздоровавшись со всѣми присутствующими на военной платформѣ станціи Могилевъ, Государь въ сопровожденіи Великаго Князя и лицъ Государевой Свиты отбылъ въ Штабъ, гдѣ принялъ оперативный докладъ какъ Верховный Главнокомандующій отъ новаго Начальника Штаба генерала Алексѣева.

На другой день Государь посѣтилъ городской соборъ. На соборной площади собралось много мѣстнаго населенія, привѣтствовавшаго Государя. Передъ соборомъ были выстроены въ пѣшемъ строю конвойцы и солдаты ротъ Своднаго полка, также командированныхъ изъ Царскаго Села на службу въ Царскую Ставку. Въ соборѣ духовенствомъ былъ отслуженъ молебенъ, во время котораго Государь горячо молился о дарованіи побѣдъ Русскимъ Арміямъ.

До выѣзда изъ Могилева Великаго Князя Николая Николаевича, жившаго съ нѣкоторыми лицами своего Штаба въ губернаторскомъ домѣ, Государь оставался въ Своемъ поѣздѣ. Для охраны Императорскаго поѣзда отъ сотенъ дивизіона Конвоя назначался офицерскій караулъ.

О своемъ вступленіи въ Верховное командованіе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ подписалъ Приказъ Арміи и Флоту. Вторую часть этого историческаго приказа Государь написалъ Собственноручно.

ПРИКАЗЪ АРМІИ И ФЛОТУ

23-го августа 1915 года.

Сего числа Я принялъ на СЕБЯ предводительствованіе всѣми сухопутными и морскими вооруженными силами, находящимися на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Съ твердою вѣрою въ Милость Божью и съ непоколебимою увѣренностью въ конечной побѣдѣ будемъ исполнять нашъ святой долгъ защиты Родины до конца, и не посрамимъ земли Русской.

НИКОЛАЙ.

Въ Могилевѣ Резиденціей ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА служилъ двухэтажный губернаторскій домъ. Домъ стоялъ на высокомъ берегу Днѣпра. Съ одной стороны къ дому примыкалъ небольшой скверъ, а съ другой открывался видъ на заднѣпровскіе луга и лѣса. Въ губернаторскомъ домѣ Государь занималъ верхній этажъ. Онъ состоялъ изъ большого зала, такой же столовой и еще нѣсколькихъ комнатъ, изъ коихъ одна служила Государю Его кабинетомъ, а другая спальней. Въ Царской спальнѣ, согласно пожеланію Государя, находилась походная складная кроватъ. Впослѣдствіи такая же кроватъ была поставлена и для Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ губернаторскомъ домѣ, кромѣ Государя Императора, помѣщались: часть Государевой Свиты, Царскій камердинеръ и урядникъ Конвоя — ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Командиръ Конвоя съ остальными лицами Царской Свиты помѣщался въ одномъ изъ Правительственныхъ зданій, находившихся въ непосредственной близости отъ губернаторскаго дома.

Помощникъ командира Конвоя полковникъ Кирѣевъ и офицеры двухъ сотенъ Конвоя жили въ отведенныхъ для нихъ комнатахъ гостиницы «Парижъ». Сотни Конвоя имѣли свои казармы въ городѣ Могилевѣ. Неудобство этихъ казармъ было въ томъ, что конюшень при казармахъ не было, и онѣ были расположены за городомъ. Казакамъ Конвоя приходилось ходить довольно далеко на уборку лошадей, что отнимало у нихъ много времени.

Двѣ сотни Конвоя, служившія въ Царской Ставкѣ, дежурство несли по очереди. Отъ дежурной сотни назначался внутренній караулъ въ губернаторскій домъ, и отъ нея же высылались конные посты на дороги и главные пути, ведущіе къ Могилеву.

Караулъ въ губернаторскомъ домѣ выставлялъ 4 поста. Постъ № 1-й — парный, у главнаго входа въ губернаторскій домъ. Часовые стояли внутри у лѣстницы, ведущей въ верхній этажъ, въ которомъ имѣлъ свои покои Государь Императоръ. Постъ № 2 — одиночный, «пропускной» постъ у выхода въ садъ. Посты №№ 3 и 4, одиночные, у другихъ входовъ въ губернаторскій домъ. Ночью одинъ изъ часовыхъ парнаго поста № 1-й оставался на своемъ дневномъ мѣстѣ (внизу у лѣстницы), другой поднимался наверхъ во второй этажъ и становился у входа въ залъ, изъ котораго вела дверь въ кабинетъ и

спальню Государя. Посты №№ 2, 3 и 4 оставались на своихъ мѣстахъ. Караулъ былъ суточный и выставлялся только во время пребыванія Государя въ Царской Ставкѣ. Часовые смѣнялись черезъ 4 часа.

Конные посты: всѣхъ постовъ 8 и на каждомъ посту 5 конвойцевъ, изъ коихъ одинъ урядникъ — начальникъ поста, три часовыхъ и одинъ запасный. Посты выставлялись на разстояніяхъ отъ 12-ти до 20-ти верстъ вокругъ города Могилева. Самый ближайшій постъ находился въ 8 верстахъ отъ города.

Службу конныхъ постовъ, которая неслась круглыя сутки, днемъ и ночью провѣряли дежурный командиръ сотни и одинъ изъ взводныхъ офицеровъ, объѣзжая всѣ посты въ сопровожденіи трубача, одного урядника и 4 связныхъ казаковъ отъ каждаго взвода.

Караулъ въ губернаторскомъ домѣ провѣрялъ дежурный офицеръ. Кромѣ караула и конныхъ постовъ отъ дежурной сотни назначались посыльные къ Коменданту Дворца, къ командиру Конвоя и къ помощнику командира, а также и дежурные у телефона въ губернаторскомъ домѣ, у командира и у телефона въ гостинницѣ «Парижъ», гдѣ кромѣ дежурнаго офицера всегда находился офицеръ, дежурный по «Встрѣчѣ».

Дежурный офицеръ «по Встрѣчѣ», дежурный офицеръ по Конвою (дивизіону Конвоя) и дежурный командиръ сотни назначались приказами полковника Кирѣева.

Встрѣча отъ Конвоя высылалась во всѣ мѣста, посѣщаемыя Государемъ въ Ставкѣ Царской, кромѣ ежедневнаго посѣщенія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ Штаба, гдѣ Государь принималъ оперативный докладъ отъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генерала Алексѣева. Въ Штабъ Государь ходилъ пѣшкомъ. Отъ Собственнаго Конвоя Его сопровождалъ только урядникъ-ординарецъ, слѣдовавшій за Комендантомъ Дворца и дежурнымъ флигель-адъютантомъ.

По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Государь всегда посѣщалъ могилевскій Соборъ и присутствовалъ на Богослуженіяхъ до конца Св. Литургіи. Къ началу Богослуженія прибывали въ Соборъ команда казаковъ Конвоя и свободные отъ службы офицеры во главѣ съ полковникомъ Кирѣевымъ. Офицеры и казаки Конвоя занимали мѣста въ правой сторонѣ храма. Налѣво стояли солдаты отъ ротъ Своднаго и Желѣзнодорожнаго полковъ, находившихся въ Царской Ставкѣ на службѣ. Если въ храмѣ присутствовалъ Начальникъ Штаба генералъ Алексѣевъ, то онъ, а также и высшіе чины Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, становились впереди. Остальные молящіеся въ Соборѣ стояли за командами казаковъ Конвоя и солдатъ Своднаго полка.

Государь, поздоровавшись съ казаками «Встрѣчи», и давъ руку дежурному офицеру Конвоя, входилъ въ Соборъ черезъ боковой его входъ, въ сопровожденіи командира Конвоя, Коменданта Дворца и дежурнаго флигель-адъютанта. Урядникъ-ординарецъ за Государемъ

въ храмъ не слѣдовалъ, а останавливался у входа, и пристраивался къ казакамъ «Встрѣчи» ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Въ концѣ Св. Литургіи, при цѣлованіи Креста, Государю изъ алтаря выносилась просфора, которую Онъ при выходѣ изъ храма всегда давалъ кому либо изъ дѣтей, знавшихъ этотъ обычай Государя и сразу же Его окружавшихъ.

Въ эти дни праздниковъ къ часу дня приглашались къ Высочайшему завтраку помощникъ командира, командиръ дежурной сотни и, по очереди, младшіе офицеры. Обычно на Высочайшихъ завтракахъ въ Царской Ставкѣ бывали: Свита Государя, Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго со своими ближайшими помощниками, Представители Союзныхъ Военныхъ Миссій и прибывавшіе съ фронта по дѣламъ службы генералы и начальники отдѣльныхъ частей.

Командиръ Конвоя присутствовалъ за Царскимъ столомъ всегда и при всѣхъ случаяхъ, включая и вечерній чай, который Государю подавался въ 10 часовъ вечера, и на которомъ бывали только лишь нѣсколько человѣкъ изъ Государевой Свиты.

Во время Своего пребыванія въ Царской Ставкѣ, Государь, помимо утренняго оперативнаго доклада Ему о положеніи на всѣхъ фронтахъ, какъ Русскихъ Армій, такъ и армій Союзниковъ и пріема многихъ лицъ, являвшихся съ служебными докладами, ежедневно до глубокой ночи работалъ у себя въ кабинетѣ, прочитывая, провѣряя и подписывая дѣла и бумаги, представляемыя Государю на Его Высочайшее усмотрѣніе и подпись.

Единственнымъ отдыхомъ у Государя были дневныя Его прогулки. Для этихъ прогулокъ послѣ двухъ часовъ дня Государю подавался дворцовый автомобиль, рядомъ съ шоферомъ котораго сидѣлъ конвоецъ — Царскій ординарецъ. На автомобиляхъ Государь и Свита Его выѣзжали за городъ. Въ числѣ небольшой и постоянной Свиты Государевой всегда находился командиръ Конвоя.

Отъѣхавъ на нѣкоторое разстояніе отъ города, Государь приказывалъ остановить автомобиль и примѣрно часъ, а иногда и больше гулялъ пѣшкомъ по окрестностямъ Могилева. Любя природу, Государь особенно долго задерживался въ большомъ сосновомъ лѣсу, расположенномъ недалеко отъ города.

Отъ командира Конвоя офицерамъ было извѣстно, какъ при этихъ прогулкахъ Царская Свита съ трудомъ поспѣвала за Государемъ, ходившемъ быстро и большими шагами. Иногда Государь выѣзжалъ къ Днѣпру, и съ сопровождавшими Его лицами катался по рѣкѣ на моторной лодкѣ. Во время этихъ Царскихъ прогулокъ въ окрестностяхъ Могилева, служба конныхъ постовъ Конвоя, охранявшихъ раіонъ Царской Ставки, неслась съ исключительнымъ вниманіемъ. Въ это время дня командиръ дежурной сотни и одинъ изъ взводныхъ офицеровъ объѣзжали всѣ посты.

О выѣздахъ Государя изъ Могилева на фронтъ или въ Царское Село и о выходахъ въ городъ, по телефону изъ губернаторскаго дома

Царская Ставка. 4 октября 1915 г. Праздникъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Государь Императоръ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и командира Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора графа Граббе, обходитъ фронтъ сотенъ Конвоя. Передъ строемъ сотникъ Зборовскій.



Царская Ставка. 1915 г. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Его наставникъ П. Жиляръ на военной платформѣ. У вагона поѣзда Литера «А» офицеръ и казаки Конвоя.



Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ *со своей любимой собакой «Джой». Царское Село.*

своевременно ставились въ извѣстность командиръ, помощникъ командира, дежурный командиръ сотни и дежурный офицеръ Конвоя.

Всегда готовый къ службѣ, нарядъ офицеровъ и казаковъ Конвоя прибывалъ точно къ назначенному времени и мѣсту въ городѣ или на вокзалъ, на такъ называемую военную платформу станціи Могилевъ.

Въ наступившій праздникъ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — 4-го октября 1915 года, въ Царской Ставкѣ состоялся парадъ двумъ сотнямъ Конвоя, несшимъ тамъ свою службу. Къ одиннадцати часамъ утра у губернаторскаго дома выстроились конвойцы въ пѣшемъ строю. Передъ строемъ у аналоя съ Крестомъ, Св. Евангеліемъ и иконою Небеснаго Покровителя Конвоя — Св. Іерофея, духовенство въ полномъ праздничномъ облаченіи ожидало Государя.

Государь въ формѣ Своего Конвоя, выйдя изъ губернаторскаго дома и принявъ строевой рапортъ отъ командира Конвоя, подошелъ къ строю конвойцевъ и поздоровался съ сотнями. Затѣмъ Государь Императоръ, какъ всегда, медленно обошелъ фронтъ сотенъ Конвоя и смотря ласково и внимательно въ лицо каждому офицеру и казаку, поздравилъ Свой Конвой съ праздникомъ 102-й годовщины битвы подъ Лейпцигомъ.

Государя сопровождалъ, только что накану́нѣ впервые пріѣхавшій въ Царскую Ставку, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, также какъ и Государь имѣвшій на Себѣ мундиръ Собственнаго Императорскаго Конвоя, въ чинѣ хорунжаго.

Послѣ совершеннаго духовенствомъ молебна, во время котораго пѣлъ хоръ казаковъ Конвоя, сотни прошли передъ Государемъ церемоніальнымъ маршемъ, удостоившись Царской благодарности.

По окончаніи парада всѣ офицеры получили приглашеніе къ Высочайшему завтраку. Казакамъ Конвоя былъ выданъ праздничный обѣдъ.

Со времени рожденія Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АСЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА, праздникъ Конвоя непосредственно продолжался и на другой день. 5-го октября конвойцы праздновали день Ангела своего Августѣйшаго Атамана и, установленные въ связи съ этимъ днемъ, Войсковые праздники Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ. Въ мирное время эти два дня праздниковъ отмѣчались особой торжественностью и большимъ пріемомъ многочисленныхъ гостей. Но 1915-й годъ — было другое время! Въ Царскомъ Селѣ находились только двѣ сотни, шелъ второй годъ небывалой, упорной и кровопролитной борьбы Россіи съ Германіей, Австріей и Турціей, что естественно было причиною того, что эти большіе дни въ жизни Конвоя — 4-е и 5-е октября, — прошли скромно, безъ шумныхъ празднованій мирнаго времени.

Въ Царскомъ Селѣ въ эти два дня праздниковъ въ Ѳеодоровскомъ Государевомъ Соборѣ были отслужены молебны въ присутствіи Государыни Императрицы и Великихъ Княженъ. Въ Царской Ставкѣ

5-го октября офицеры и казаки Конвоя явились въ могилевскій Соборъ. Къ началу службы въ Соборъ прибыли Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, чины Свиты Государевой и Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, во главѣ съ Начальникомъ Штаба.

Послѣ Св. Литургіи, былъ совершенъ молебенъ о здравіи Августѣйшаго Имянинника. Къ Высочайшему завтраку было приглашено больше чѣмъ обычно лицъ. Всѣ офицеры сотенъ Конвоя, служившихъ въ Царской Ставкѣ, имѣли честь получить это приглашеніе.

Делегація Конвоя, въ составѣ командира, его помощника и адъютанта есаула И. Вѣтра, спеціально къ праздникамъ прибывшаго изъ Петрограда, принесла Государю Наслѣднику Цесаревичу поздравленіе отъ имени всѣхъ офицеровъ и казаковъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя.

Парадъ въ Царской Ставкѣ въ день Праздника Конвоя въ 1915 году — послѣдній парадъ, когда Государь Императоръ, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, офицеры и казаки имѣли синіе мундиры Конвоя. На время войны была Высочайше утверждена походная форма: черкеска изъ сукна «защитнаго» цвѣта, при аломъ бешметѣ, который полагался къ синему мундиру. Для чиновъ же Конвоя, командируемыхъ непосредственно на фронтъ, былъ присвоенъ не алый бешметъ, а какъ и черкеска защитнаго цвѣта, но изъ матеріала болѣе свѣтлаго, чѣмъ сукно на походной черкескѣ.

Въ Царской Ставкѣ для Государя Наслѣдника Цесаревича не было отдѣльнаго помѣщенія, и Онъ спалъ вмѣстѣ съ Государемъ въ одной комнатѣ, гдѣ Ихъ походныя кровати стояли рядомъ.

Весь день у Наслѣдника Цесаревича проходилъ по установленному расписанію, которое, главнымъ образомъ, предусматривало ежедневныя регулярныя занятія. Завтракалъ Онъ вмѣстѣ съ Государемъ, вмѣстѣ съ Государемъ совершалъ загородныя прогулки и поѣздки, но обѣдъ для Наслѣдника Цесаревича подавался отдѣльно и раньше Высочайшаго обѣда. Всегда привѣтливый, Онъ съ особо ласковой и доброй улыбкой отвѣчалъ на воинское привѣтствіе офицеровъ и казаковъ Конвоя, причемъ отчетливымъ отданіемъ чести подчеркивалъ то, что на Немъ солдатская форма, которую Онъ носилъ во время войны.

Всѣмъ было извѣстно отношеніе Наслѣдника Цесаревича къ животнымъ, въ особенности къ больнымъ и одинокимъ, что также характеризовало Его врожденную Царственную доброту. Любовь къ животнымъ была у Него настолько велика, что возвращаясь изъ загородныхъ прогулокъ Наслѣдникъ Цесаревичъ часто привозилъ съ Собою бродившихъ за городомъ больныхъ кошекъ и собакъ, которыхъ жалѣя подбиралъ по дорогѣ. Со словъ конвойца-ординарца ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, по просьбѣ Государя Наслѣдника Цесаревича всѣхъ этихъ больныхъ животныхъ отправляли на лѣченіе въ мѣстный ветеринарный околодокъ.

Со своей любимой собакой «Джой» Наслѣдникъ Цесаревичъ почти никогда не разставался. Уѣзжая временами въ Царское Село, Наслѣдникъ Цесаревичъ съ радостью возвращался обратно въ Царскую Ставку. Но самой большой радостью для Него было время, когда Онъ имѣлъ возможность сопровождать Государя на фронтъ, о чемъ Наслѣдникъ Цесаревичъ съ восторгомъ сразу же сообщалъ конвойцамъ, несшимъ службу въ губернаторскомъ домѣ.

Государь Императоръ, живя въ Царской Ставкѣ, приблизительно разъ въ мѣсяцъ, когда обстановка на фронтѣ это допускала, отбывалъ въ Царское Село, а изъ Царскаго Села въ Царскую Ставку изрѣдка пріѣзжали Государыня Императрица и Великія Княжны.

Впервые Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА со Своими Августѣйшими Дочерьми прибыла въ Царскую Ставку въ октябрѣ 1915 года. Во время пребыванія Государыни и Великихъ Княженъ въ Царской Ставкѣ Онѣ оставались въ Своемъ поѣздѣ, куда назначался офицерскій караулъ отъ сотенъ Конвоя, находившихся въ Могилевѣ.

Днемъ Государыня и Великія Княжны уѣзжали къ завтраку къ Государю въ губернаторскій домъ. Къ этимъ Высочайшимъ завтракамъ Царской Семьи къ одному часу дня, въ такъ называемомъ «Бѣломъ» залѣ губернаторскаго дома, собирались Свита Государя и всѣ приглашенные, въ томъ числѣ и офицеры Конвоя.

Государь, Государыня и Ихъ Августѣйшія Дѣти выходили въ залъ, гдѣ всѣ Ихъ привѣтствовали общимъ поклономъ, и проходили въ столовую. Послѣ завтрака, всѣ присутствовавшія на немъ лица вновь собирались въ залѣ. ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА, поговоривъ съ нѣкоторыми изъ приглашенныхъ къ Высочайшему завтраку лицъ, удалялись въ кабинетъ Государя. Затѣмъ обыкновенно Государыня Императрица возвращалась въ Свой поѣздъ, а Государь Императоръ съ Великими Княжнами и Наслѣдникомъ Цесаревичемъ выѣзжалъ на прогулку за городъ.

Къ обѣду вся Царская Семья собиралась въ поѣздѣ Государыни. Государь, когда только могъ, послѣ обѣда проводилъ время въ кругу Своей Семьи и возвращался въ губернаторскій домъ къ 12 часамъ ночи. Наслѣдникъ Цесаревичъ отбывалъ туда же уже къ 8 часамъ вечера.

Одинъ изъ офицеровъ Конвоя вспоминаетъ, какъ на его дежурствѣ Наслѣднику Цесаревичу передъ Его отъѣздомъ въ губернаторскій домъ очень хотѣлось, чтобы Ему была выставлена «Встрѣча» Конвоя, которая, согласно правилъ службы о Встрѣчахъ Высочайшихъ Особъ, предусмотрѣна не была.

Въ ожиданіи отъѣзда Наслѣдника Цесаревича, дежурный офицеръ съ урядникомъ подошли къ Царскому вагону. Изъ вагона вышелъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и подойдя къ дежурному офицеру, ставъ смирно и, по всѣмъ правиламъ воинскаго устава, приложивъ руку къ Своей солдатской фуражкѣ, сказалъ: **«Ваше Высо-**

коблагородіе, разрѣшите доложить — ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ отбываетъ въ 12 часовъ, а Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ въ 8 часовъ вечера . . . »

Сказавъ это, Наслѣдникъ Цесаревичъ такъ же отчетливо повернулся налѣво кругомъ и направился къ Царскому вагону. Старый сверхсрочнослужащій урядникъ сообщилъ офицеру, что по его мнѣнію Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, назначивъ точное время Своего отбытія навѣрное желаетъ, чтобы Ему была выставлена «Встрѣча».

Для дежурнаго офицера создалось очень трудное положеніе. **По правиламъ службы Конвоя, «Встрѣча» полагалась только ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ, т. е. Государю Императору и Государынямъ Императрицамъ, но желаніе Наслѣдника Цесаревича было настолько очевиднымъ, да еще переданнымъ въ такой формѣ, что его не выполнить было невозможно!**

Точно въ 8 часовъ вечера «Встрѣча» выстроилась у Царскаго вагона. На площадку вагона сначала выбѣжалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. Затѣмъ видно было, какъ Онъ сталъ махать рукой на Великихъ Княженъ, хотѣвшихъ выйти за Нимъ. Совершенно неожиданно показался Самъ Государь Императоръ, посмотрѣлъ на «Встрѣчу», улыбнулся и. удалившись въ вагонъ сейчасъ же вышелъ изъ него, но черезъ другой выходъ, находившійся въ противуположномъ концѣ вагона. За Государемъ смѣясь спѣшили Великія Княжны. За всѣмъ происходящимъ наблюдала изъ окна вагона Государыня Императрица.

Черезъ 2-3 минуты на площадку вагона вышелъ одинъ Наслѣдникъ Цесаревичъ и медленно и спокойно сошелъ со ступеней вагона на платформу. Подражая Государю, подалъ руку офицеру и поздоровался съ казаками. «Здравія желаемъ Ваше Императорское Высочество!» — громко отвѣтили казаки-конвойцы. Затѣмъ Наслѣдникъ Цесаревичъ такъ же какъ и Государь сталъ казакамъ задавать вопросы, касающіеся ихъ личной жизни. Закончивъ Свой опросъ благодарностью: «Спасибо, казаки!» быстро побѣжалъ къ ожидавшему Его автомобилю.

Какъ только автомобиль тронулся, Наслѣдникъ Цесаревичъ обернулся въ сторону Великихъ Княженъ и сталъ показывать рукою на конвойцевъ, стоявшихъ у Царскаго вагона, и на Себя.

Государь, наблюдавшій со стороны за поведеніемъ Наслѣдника Цесаревича, позвалъ къ Себѣ дежурнаго офицера и изволилъ сказать:

«Вы доставили АЛЕКСѢЮ большое удовольствіе, исполнивъ Его просьбу. Онъ поспорилъ со Своими Сестрами, что сегодня при Нашемъ обратномъ отъѣздѣ будетъ двѣ «Встрѣчи» — Мнѣ и Ему . . .

«Въ теченіе цѣлаго дня просилъ меня, чтобы Я приказалъ это сдѣлать. Мнѣ пришлось объяснить Ему, что Я такого приказанія дать не могу, т. к. по правиламъ Наслѣднику «Встрѣча» не полагается. Совѣтовалъ Ему просить васъ, а не Меня, и если вы сами захотите исполнить Его желаніе, то Я ничего не буду имѣть противъ. Я надѣюсь, что Онъ вамъ никакихъ приказаній не передавалъ!? . . »



Конвойцы у вагона Государя Императора. Дежурный офицеръ хорунжій С. И. Колесниковъ. Снимокъ Великой Княжны АНАСТАСІИ НИКОЛАЕВНЫ

На оригиналѣ Собственноручная Ея подпись. 1916 годъ.

С. И. Колесникову
отъ
Анастасіи

1916 г.

Офицеръ доложилъ Государю Императору точно все, что ему сообщилъ Наслѣдникъ Цесаревичъ. — **«Въ такомъ случаѣ»**, сказалъ Государь, **«отпустите казаковъ и, къ Моему отъѣзду, «Встрѣчи» выставлять не надо!».**

Стоявшимъ тутъ же Великимъ Княжнамъ, Государь замѣтилъ: «Вы проиграли, но не совсемъ, т. к. сегодня была все же одна, только Ему одному «Встрѣча» — второй не будетъ!»

Дежурный офицеръ, закончивъ службу, доложилъ помощнику командира полковнику Кирѣеву о томъ, что произошло на его дежурствѣ. Полковникъ Кирѣевъ, разбирая съ офицерами этотъ случай, нашелъ необходимымъ обратить вниманіе на слѣдующее:

1. Дежурнаго офицера Государь не благодарилъ, но въ то же время и не осуждалъ, сказавъ о томъ, что Наслѣднику Цесаревичу было доставлено большое удовольствіе.

2. Наслѣднику же Цесаревичу Государь Самъ объяснилъ, почему нельзя было исполнить Его просьбу. Однако, не желая огорчать Наслѣдника, предоставилъ Ему возможность обратиться съ этой просьбой непосредственно къ дежурному офицеру.

3. Но Государь также не хотѣлъ огорчать «проигравшихъ споръ» Великихъ Княженъ, а потому отмѣнивъ «Встрѣчу» Себѣ, далъ возможность и Имъ указать Наслѣднику Цесаревичу, что и Онѣ были правы, споря съ Нимъ о томъ, что второй «Встрѣчи» не будетъ.[10])

Великія Княжны так же, какъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ, любили поѣздки въ Царскую Ставку и всегда радовались имъ. Помимо свиданія съ горячолюбимымъ Державнымъ Отцомъ и Братомъ, эти поѣздки вносили большую перемѣну въ Ихъ, во время войны, почти монастырскую жизнь въ Александровскомъ Дворцѣ Царскаго Села, гдѣ начавъ день съ посѣщенія церковной службы, Онѣ въ теченіе цѣлаго дня работали въ лазаретахъ, а вечеромъ во Дворцѣ, подготовляя посылки на фронтъ и бѣлье для раненыхъ и больныхъ воиновъ. Въ Ставкѣ же Великія Княжны пользовались извѣстной свободой, которой въ Царскомъ Селѣ не могли имѣть.

Этой перемѣнѣ способствовала еще и обстановка, въ которой Онѣ находились, ибо сама станція Могилевъ, гдѣ стоялъ Императорскій поѣздъ, во время пріѣздовъ Государыни и Великихъ Княженъ, была расположена далеко отъ города и стояла почти въ полѣ. Недалеко отъ станціи находился красивый лѣсъ. Около самой станціи, кромѣ построекъ для желѣзнодорожныхъ служащихъ, другихъ не было, и это давало возможность Великимъ Княжнамъ совершать прогулки, не привлекая на Себя вниманіе жителей.

Когда Великія Княжны возвращались изъ города въ поѣздъ, то Онѣ послѣ небольшого отдыха выходили гулять въ сопровожденіи офицера Конвоя. Кто либо изъ Великихъ Княженъ сообщалъ офицеру: «Мама просила васъ погулять съ Нами», и иногда Сама Госу-

---

[10]) Изъ воспоминаній полковника Галушкина о службѣ въ Царской Ставкѣ.

дарыня Императрица звала къ Себѣ офицера и говорила: «прошу васъ погулять съ Дѣтьми, но только не очень долго.» Любимой прогулкой Великихъ Княженъ былъ лѣсъ, гдѣ Онѣ сразу же, при помощи офицера, разводили небольшой костеръ и пекли картофель. **Имъ особенно нравилось то, что встрѣчные люди Ихъ почти не узнавали. Держали Онѣ себя со всѣми настолько просто и привѣтливо, что тѣ, кто не зналъ, Кто съ ними разговариваетъ, никогда бы не повѣрилъ, судя по скромности Великихъ Княженъ, что это Дочери Русскаго Царя!**

Любя дѣтей, Великія Княжны посѣщали дома желѣзнодорожныхъ служащихъ и крестьянъ, и всегда приносили имъ разные подарки.

Ихъ врожденная доброта, естественность и простота привлекали къ Себѣ сердца не только дѣтей, которыя Ихъ постоянно окружали, **но и вообще всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ счастье видѣть Ихъ и съ Ними разговаривать.**

При встрѣчахъ и разговорахъ съ офицерами Конвоя Великія Княжны неизмѣнно проявляли къ нимъ вниманіе и привѣтливость, стараясь всегда для каждаго найти ласковое слово, примѣромъ чего можетъ служить слѣдующее: Государь во время Своего путешествія на Кавказѣ, 24-го ноября 1914 года былъ въ Екатеринодарѣ и, какъ въ другихъ городахъ, посѣтилъ учебныя заведенія. Въ одномъ изъ нихъ начальницей была мать офицера Конвоя. Несмотря на то, что это было въ началѣ войны и прошло уже больше года, какъ Государь вернулся съ Кавказа, Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА во время одной прогулки совершенно неожиданно сказала дежурному офицеру: **«А знаете, Н. В.**[11]**), Мой Папа былъ у вашей мамы и въ день ея Ангела. Будете писать, кланяйтесь от Меня».**

Эти необычныя слова, сказанныя Дочерью Русскаго Царя, свидѣтельствуютъ не только о томъ, насколько просто и скромно держали Себя Великія Княжны, но также и о милостивомъ вниманіи Самого Государя, вспомнившаго среди многихъ сотенъ лицъ, видѣнныхъ Имъ на Кавказѣ, случайную встрѣчу съ матерью офицера Конвоя.

Объ этомъ Высочайшемъ вниманіи Царской Семьи вспоминаетъ въ Бозѣ почившая Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, въ письмѣ отъ 9 августа / 27 іюля 1959 года: « . . . Знаю, какъ мои дорогія племянницы и я всегда съ самаго дѣтства любили офицеровъ и казаковъ Конвоя. Мы радовались, когда встрѣчались съ вами, когда разговаривали съ вами . . . »

Въ Царской Ставкѣ вечерами, въ особенности во время дежурства флигель-адъютанта полковника Мордвинова, Великія Княжны играли въ прятки, привлекая къ игрѣ дежурнаго офицера Конвоя, которому Онѣ давали совѣты, гдѣ въ поѣздѣ лучше скрыться такъ, чтобы его трудно было найти. Былъ случай, когда Великая Княжна

---

[11]) Великія Княжны всегда обращались къ офицерамъ Конвоя по имени и отчеству. Комендантъ Дворца вспоминаетъ о томъ, какъ ему Великія Княжны «дѣлали экзаменъ», спрашивая имена и отчества офицеровъ Конвоя. Ген. Воейковъ: «Съ Царемъ и безъ Царя». стр. 140.

АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА предложила офицеру лечь на сѣтку для чемодановъ, которая была высоко на стѣнкѣ въ корридорѣ вагона. Въ это время проходила по корридору Государыня Императрица и Великія Княжны просили Ее найти спрятаннаго офицера. Когда Государыня увидѣла офицера, то сказала: «Боже мой, что Онѣ съ вами дѣлаютъ!» ... Полковникъ Мордвиновъ долго не могъ найти офицера, что очень занимало Великихъ Княженъ. Кромѣ полковника Мордвинова, дежурили еще флигель-адъютантъ Великій Князь Димитрій Павловичъ и флигель-адъютантъ Князь Игорь Константиновичъ, тогда Великія Княжны играли въ прятки съ меньшимъ интересомъ, т. к. оба Князя сразу же находили всѣхъ спрятавшихся.

Конвоецъ М. Лашукъ въ одномъ изъ своихъ писемъ-воспоминаній о службѣ въ Царской Ставкѣ пишетъ: ... «Когда Государыня и Великія Княжны пріѣзжали въ Могилевъ, то къ Ихъ поѣзду назначался караулъ. Пришлось и мнѣ стоять парнымъ часовымъ у входа въ вагонъ. Товарная платформа, куда подавался Царскій поѣздъ, была большая. На ней недалеко отъ поѣзда были сложены накрестъ штоссы телеграфныхъ столбовъ. Въ штоссѣ примѣрно рядовъ шесть. Недалеко отъ этихъ столбовъ была канава, примѣрно полъ метра, а можетъ немного больше.

Стоялъ я на посту отъ 4 до 8 вечера. Государь гулялъ съ Великой Княжной ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ вдоль поѣзда, и сказалъ намъ: «Казаки! можете быть свободны». — Мы всѣ съ нашимъ урядникомъ разводящимъ зашли за эти столбы и тамъ сидѣли. Флигель-адъютантъ и Великія Княжны играли въ жмурки. Хоронились Княжны, полковникъ ИХЪ искалъ, потомъ полковникъ хоронился, Княжны искали, и такъ долго играли, а мы сидѣли за столбами, при насъ бурки. Вдругъ подходятъ къ намъ Великія Княжны и говорятъ: «казаки, спрячьте насъ такъ, чтобы насъ не нашелъ полковникъ». «Нашъ разводящій Петръ И. Касиловъ, станицы Григориполисской, отвѣчаетъ Имъ — «мы здѣсь не можемъ спрятать Васъ, Ваше Императорское Высочество». — Я говорю разводящему: «господинъ урядникъ, скажите Великимъ Княжнамъ, пусть одѣнутъ наши папахи и бурки и будутъ стоять, какъ будто мы стоимъ, а мы то спрячемся, насъ полковникъ не найдетъ». Я самъ не могъ это сказать Великимъ Княжнамъ, потому есть старшій.

Когда разводящій Великимъ Княжнамъ это сказалъ, Княжны были такъ рады. Подошли къ намъ и мы надѣли на Нихъ наши папахи и бурки. Я помню, что одѣвалъ Великую Княжну МАРІЮ НИКОЛАЕВНУ.

Великія Княжны стали на нашемъ мѣстѣ, а мы спрятались въ канавѣ. Полковникъ ищетъ на столбахъ и между столбами, и не можетъ нигдѣ найти, но когда онъ проходилъ близко отъ Великихъ Княженъ, то Онѣ разсмѣялись. Смѣялся полковникъ, смѣялись и мы ... На этотъ смѣхъ пришелъ Государь съ Великой Княжной ТАТЬЯНОЙ НИКОЛАЕВНОЙ. Государь вылѣзъ на эти столбы и сталъ

съ нами разговаривать. Время было послѣ захода солнца и начинало темнѣть. Государь насъ спрашивалъ, сколько служите въ Конвоѣ, были ли въ отпуску, чѣмъ отецъ занимается, гдѣ служилъ отецъ. Когда называли полкъ, гдѣ служилъ отецъ, то Государь поправлялъ насъ и называлъ Шефа полка.

Я когда былъ въ караулѣ, то видѣлъ какъ изъ ближайшихъ селъ приходили дѣти и останавливались отъ поѣзда такъ на 150—200 шаговъ. Великія Княжны туда къ нимъ ходили и приносили дѣтямъ конфеты и тому платочекъ, тому ботиночки, тому рубашечку. Дѣти обсядутъ Ихъ кругомъ и Великія Княжны съ ними бесѣдуютъ, а что говорятъ, намъ на посту не слышно . . . »

Небольшимъ развлеченіемъ для Великихъ Княженъ въ Царской Ставкѣ служилъ военный кинематографъ. Этотъ кинематографъ былъ устроенъ въ городскомъ театрѣ для чиновъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго. Иногда кинематографъ посѣщалъ Государь Императоръ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, но Великія Княжны любили тамъ бывать всегда въ дни Своего пребыванія въ Могилевѣ.

Къ прибытію Государя въ театръ, отъ Конвоя высылалась «Встрѣча ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА». Офицеры и казаки Конвоя въ театрѣ имѣли свои, спеціально для нихъ отведенныя мѣста.

Въ канунъ новаго 1916 года, Государь Императоръ прибылъ изъ Царскаго Села въ Свою Ставку и изволилъ обратиться къ войскамъ со слѣдующимъ приказомъ:

ПРИКАЗЪ АРМІИ И ФЛОТУ.

Минулъ 1915 годъ, полный самоотверженныхъ подвиговъ Моихъ славныхъ войскъ. Въ тяжелой борьбѣ съ врагомъ, сильнымъ числомъ и богатымъ всѣми средствами, они истомили его, и своею грудью, какъ непреоборимымъ щитомъ родины, остановили вражеское нашествіе. Въ преддверіи Новаго 1916 года Я шлю Мой привѣтъ вамъ, Мои доблестные воины. Сердцемъ и мыслью Я съ вами въ бояхъ и окопахъ, призывая помощь Всевышняго на ваши труды, доблесть и мужество. Помните, что безъ рѣшительной побѣды надъ врагомъ наша дорогая Россія не можетъ обеспечить себѣ самостоятельной жизни и права на пользованіе своимъ трудомъ и на развитіе своихъ богатствъ. Проникнитесь поэтому сознаніемъ, что безъ побѣды не можетъ быть и не будетъ мира. Какихъ бы трудовъ и жертвъ намъ ни стоило это, мы должны дать родинѣ побѣду. Въ недавніе дни Я привѣтствовалъ нѣкоторые полки на прославленныхъ сентябрьскими боями поляхъ Молодечно-Вилейки. Я сердцемъ чувствую горячее стремленіе и готовность всѣхъ и каждаго до конца исполнить свой святой долгъ защиты родины. Я вступаю въ новый годъ съ твердой вѣрой въ милость Божью, въ духовную мощь и непоколебимую твердость и вѣрность всего русскаго народа и въ военную доблесть Моихъ армій и флота.

31-го декабря. 1915 года. НИКОЛАЙ.

КОМАНДИРОВКА СОТЕНЪ КОНВОЯ НА ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФРОНТЪ.

Въ первые же дни начавшейся войны, помощникъ командира Конвоя по строевой части полковникъ Кирѣевъ, отъ имени офицеровъ доложилъ командиру просьбу всѣхъ чиновъ Конвоя донести ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ о горячемъ желаніи офицеровъ и казаковъ Конвоя, отдѣльными сотнями, при первой возможности быть командированными на фронтъ, дабы принять участіе въ боевыхъ дѣйствіяхъ Русской Арміи, по примѣру большихъ войнъ, которыя вела Императорская Россія.

Государь Императоръ повелѣлъ командиру Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіору графу Граббе-Никитину передать офицерамъ, что Ему понятна эта просьба Своего Конвоя, но изволилъ выразить Свое согласіе о командировкѣ на фронтъ Дѣйствующей Арміи только двухъ сотенъ.

Однако до сформированія еще одной, Л.-Гв. 5-й сотни, которая могла бы нести службу взамѣнъ очередной сотни, командированной на фронтъ, этого нельзя было осуществить, ибо всѣ 4 сотни постояннаго состава Конвоя, несмотря на то, что каждая сотня по мобилизаціи была доведена до 160 человѣкъ, несли усиленную службу не только въ мѣстахъ пребыванія ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, но и въ постоянныхъ командировкахъ, сопровождая Государя Императора при Его частыхъ выѣздахъ на фронтъ, и Государыню Императрицу, при посѣщеніи Ею военныхъ госпиталей и, учрежденныхъ въ разныхъ городахъ Россіи, Ея Имени санитарныхъ складовъ и мастерскихъ.

Въ концѣ августа въ Петергофѣ командиромъ Конвоя было объявлено, что командировка на фронтъ сотенъ Конвоя дѣйствительно возможна, т. к. проектъ о формированіи Л.-Гв. 5-й сотни утвержденъ.

По просьбѣ офицеровъ и казаковъ было рѣшено, что сотни (Кубанцы и Терцы отдѣльно) будутъ тянуть жребій, какія изъ нихъ и въ какомъ порядкѣ будутъ командированы. Жребій палъ Л.-Гв. на 1-ю Кубанскую и Л.-Гв. на 4-ю Терскую, и эти сотни, продолжая нести свою обычную службу, стали готовиться къ походу.

Командиръ взвода Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни подъесаулъ Георгій Гулыга, не дождавшись отбытія своей сотни на фронтъ, подалъ рапортъ съ просьбою о переводѣ его въ Кавказскій полкъ Кубанскаго Казачьяго Войска, куда и отбылъ.[12]) На его мѣсто Л.-Гв. изъ 2-й Кубанской сотни былъ переведенъ подъесаулъ Михаилъ Скворцовъ.

Кромѣ подъесаула Гулыги, нѣсколько строевыхъ урядниковъ подали по командѣ докладныя записки, прося разрѣшенія поступить въ одну изъ Школъ Прапорщиковъ. Командиромъ Конвоя ходатайство ихъ командировъ сотенъ было удовлетворено, и всѣ они, окон-

---

[12]) Полковникъ Георгій Ивановичъ Гулыга скончался въ Санъ Франциско въ 1953 году.

чивъ съ отличнымъ успѣхомъ Школы Прапорщиковъ, послѣ производства въ офицерскій чинъ доблестно служили въ полкахъ Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ. Нѣкоторые изъ нихъ, во время гражданской войны, уже командовали сотнями или занимали, соотвѣтствующія ихъ чинамъ, другія командныя должности, остальные погибли въ бояхъ на австро-германскомъ фронтѣ и въ борьбѣ съ красными на Кубани и Терекѣ.[13])

Отлично окончившіе учебную команду Конвоя урядники: Алексѣй Еременко, Феодоръ Муравицкій, Иванъ Филимоновъ и Ефимъ Джумайло, подъ руководствомъ своихъ офицеровъ теоретически и практически настолько были подготовлены, что они экстерномъ выдержали выпускной экзаменъ при Школѣ Прапорщиковъ, и во время войны были первыми казаками Конвоя, произведенными въ офицерскій чинъ.

А. Еременко былъ убитъ на фронтѣ въ первыхъ же бояхъ, послѣ производства въ чинъ прапорщика. Ф. Муравицкій — большевиками брошенъ съ парохода въ море. И. Филимоновъ — умеръ въ Югославіи. О Е. Джумайло точныхъ свѣдѣній установить не удалось.

Въ декабрѣ 1915 года Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня, подъ командою есаула Михаила Свидина, прибыла въ Царскую Ставку, а несшая тамъ службу Л.-Гв. 1-я Кубанская получила приказаніе выступить на Юго-Западный фронтъ. Сотня должна была поступить въ распоряженіе Начальника Кавказской Кавалерійской Дивизіи, съ прикомандированіемъ къ 1-му Хоперскому Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Анастасіи Михайловны полку Кубанскаго Казачьяго Войска.

Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня выступила на фронтъ въ составѣ: 5-и оберъ офицеровъ, 1-го военнаго чиновника и 156-и вахмистровъ, урядниковъ и казаковъ.

Командиръ сотни — Флигель-Адъютантъ есаулъ Андрей Жуковъ. Командиры взводовъ: подъесаулъ Георгій Рашпиль, подъесаулъ Михаилъ Скворцовъ, сотникъ Викторъ Зборовскій и сотникъ Александръ Шведовъ. Классный фельдшеръ — коллежскій регистраторъ Пѣтуховъ. Вахмистръ сотни — подхорунжій Новосельцевъ.

По прибытіи сотни въ расположеніе Кавказской Кавалерійской Дивизіи, было получено приказаніе о выступленіи этой дивизіи на Кавказскій фронтъ. Флигель-Адъютантъ есаулъ Жуковъ, донося командиру Конвоя объ оставленіи Юго-Западнаго фронта Хоперскимъ полкомъ, въ той же срочной телеграммѣ просилъ о прикомандированіи Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни къ одному изъ казачьихъ полковъ 3-го Коннаго Корпуса генерала графа Келлера. Разрѣшеніе было получено и сотня была назначена во 2-й Кизляро-Гребенской полкъ, входившій въ составъ Терской Казачьей Дивизіи.

---

[13]) Въ 1961 году въ С. Ш. А. скончался бывшій урядникъ Конвоя Тарарыкинъ, къ концу гражданской войны произведенный въ чинъ штабъ-офицера.

Терская Казачья Дивизія, которой командовалъ генералъ-маіоръ Голощаповъ, какъ и всѣ части 3-го Коннаго Корпуса въ то время, составляли резервъ группы войскъ, имѣвшихъ фронтъ въ раіонѣ селенія Топоровцы. Согласно полученнаго приказанія Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня по желѣзной дорогѣ прибыла на станцію Новоселица, и оттуда походнымъ порядкомъ направилась въ расположеніе Гребенского полка.

Гребенцы, во главѣ съ ихъ командиромъ полковникомъ Д. И. Сехинымъ, какъ и вся Терская Дивизія, встрѣтили конвойцевъ какъ родныхъ братьевъ. Не взирая на боевую обстановку, прибытіе сотни Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Терцами было отмѣчено съ особеннымъ кавказскимъ гостепріимствомъ. За общей трапезою были искреннія радостныя привѣтствія, а родная, зовущая на ратный подвигъ, казачья пѣснь, зурна, тулумбасъ съ тарелками и лихая лезгинка не смолкали до глубокой ночи.

Помимо радости встрѣчи со своими братьями — Кубанцами Конвоя, Гребенцы радовались прибытію конвойцевъ въ составъ ихъ полка еще и по другой причинѣ. Кизляро-Гребенской полкъ, какъ и другіе 3 полка Терской Дивизіи, несмотря на то, что они въ теченіи войны уже нѣсколько разъ пополняли запасными сотнями казаковъ свои порѣдѣвшіе ряды въ результатѣ тяжелыхъ боевъ въ Буковинѣ, когда полки дивизіи въ ежедневныхъ бояхъ сдерживали наступленіе австро-германскихъ силъ, имѣлъ сотни силою въ 40—45 шашекъ, при одномъ-двухъ офицерахъ. Составъ же прибывшей, только одной сотни Конвоя, былъ почти равенъ составу двухъ дивизіоновъ Кизляро-Гребенского полка.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни къ Гребенскому полку, весь 3-й Конный Корпусъ генерала графа Келлера перешелъ къ станціи Новоселица, занявъ своими полками отдѣльныя деревни въ раіонѣ станціи. Корпусъ получилъ задачу смѣнить пѣхотныя части, занявъ ихъ окопы.

Первый періодъ открытыхъ боевъ, лихихъ конныхъ атакъ и смѣлыхъ кавалерійскихъ рейдовъ и маневровъ, смѣнилъ періодъ затяжныхъ позиціонныхъ боевъ въ укрѣпленныхъ окопахъ.

Спѣшенныя сотни Кизляро-Гребенскаго полка были настолько малочисленны, что по предложенію Флигель-Адъютанта есаула Жукова, Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня взяла на себя всю развѣдку передъ всѣми укрѣпленными позиціями, занимаемыми полкомъ, отъ ручья Хукея и до рѣки Прутъ.

Развѣдка производилась главнымъ образомъ ночью и въ ней принимала участіе вся сотня, въ дни, когда Гребенской полкъ своими спѣшенными сотнями занималъ укрѣпленную позицію.

Въ эти дни перестрѣлка съ обѣихъ сторонъ днемъ почти не прекращалась, она временами только лишь затихала. Ночью же противникъ усиливалъ свой огонь и, совершенно неожиданно, открывала огонь его артиллерія. Ночной огонь противника, доказывавшій лишь

его нервность, не приносилъ особаго вреда сотнямъ Гребенского полка, занимавшимъ окопы, но конвойцы, производившіе развѣдку впереди этихъ окоповъ, несли потери.

Въ первыхъ числахъ мая, когда сотня Конвоя совмѣстно съ Гребенскимъ полкомъ занимала порученный имъ участокъ укрѣпленной позиціи, Государь Императоръ изволилъ посѣтить Юго-Западный фронтъ. Войска, зная что Государь Императоръ часто объѣзжаетъ фронтъ Дѣйствующей Арміи, ждали своего Государя и вѣрили въ Его прибытіе, а потому радостная вѣсть о предстоящемъ Высочайшемъ смотрѣ съ быстротой молніи пронеслась по всѣмъ частямъ.

Сотня Конвоя получила приказаніе къ Царскому смотру прибыть въ раіонъ Хотина. Представленіе своему Державному Шефу въ боевой обстановкѣ переживалось офицерами и казаками Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни съ восторженнымъ волненіемъ и съ особой радостью.

Появленіе Государя Императора среди войскъ всегда вызывало въ нихъ небывалый энтузіазмъ — «онъ проявлялся въ громкихъ безостановочныхъ крикахъ «ура», въ лихорадочномъ блескѣ глазъ, въ какихъ то необъяснимыхъ флюидахъ, пронизывавшихъ офицеровъ, генераловъ и солдатъ, въ дрожаніи ружей, взятыхъ на-караулъ . . . » (Генералъ Деникинъ. «Путь Русскаго Офицера». Стр. 287).

. . . «Штыки сверкнули и застыли,
Лишь сердце рвется изъ груди,
И нашъ свидѣтель бранной были —
Склонилось Знамя впереди . . .

Но гдѣ же Онъ? Кричатъ сосѣди,
Въ рукѣ зажатъ, *дрожитъ* эфесъ,
И крикъ рядовъ, и звуки мѣди
И эхомъ вторитъ дальній лѣсъ . . .

Онъ на конѣ! Его улыбка
Скользитъ *любовно* по рядамъ,
Къ нимъ поворачиваясь гибко,
Какъ бы читаетъ по глазамъ . . . »

(Изъ стих. М. Шереметева.)

Послѣ Высочайшаго смотра войскъ подъ Хотиномъ, Государь поручилъ Флигель-Адъютанту есаулу Жукову передать офицерамъ и казакамъ сотни Своего Конвоя Его привѣтъ и благодарность за примѣрную службу.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Государемъ Юго-Западнаго фронта, въ 20-хъ числахъ мая началась подготовка къ ожидаемому наступленію нашихъ войскъ по всему фронту. Окопы, охраняемые конными частями 3-го Коннаго Корпуса были вновь заняты пѣхотою. Подъ прикрытіемъ ночной темноты саперы спѣшно навели мосты черезъ р. Прутъ и, пользуясь ими, наша пѣхота при поддержкѣ интенсивнаго огня артиллеріи на разсвѣтѣ форсировала рѣку и атаковала сильно укрѣпленныя позиціи Австро-Венгерской арміи. Несмотря на упорное сопротивленіе противника, стремительной атакой онъ былъ сбитъ, и нашимъ пѣхотнымъ частямъ удалось укрѣпиться на правомъ берегу Прута.

29-го мая дивизіонъ Кизляро-Гребенского полка и Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня получили задачу обезпечить переправу нашихъ войскъ у дер. Вама, расположенной почти на стыкѣ Австро-Румынской границы.

Во исполненіе этой боевой задачи, двѣ спѣшенныя сотни Гребенцовъ и Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня заняли позицію правѣе моста, обезпечивая переправу. На флангѣ Гребенскихъ сотенъ находилась сотня Конвоя.

Высланные отъ взвода подъесаула Скворцова дозоры донесли, что австрійцы въ нѣсколькихъ большихъ лодкахъ переправляются правѣе нашего расположенія. Маневръ противника, желавшаго выйти во флангъ и тылъ сотнямъ, обезпечивающимъ переправу, могъ бы создать обстановку, при которой дивизіону Гребенского полка и сотнѣ Конвоя было бы трудно, и почти невозможно, выполнить полученную задачу.

Подъесаулъ Скворцовъ, пославъ объ этомъ донесеніе и предупредивъ прикрываемые имъ пулеметы, рѣшилъ во что бы то ни стало, совмѣстно съ подошедшимъ къ нему, подъ командою сотника Зборовскаго, 4-мъ взводомъ, предотвратить опасный для русскихъ войскъ маневръ австрійцевъ и съ двумя взводами сотни Конвоя двинулся къ мѣсту переправы противника. Замѣтивъ быстрыя перебѣжки конвойцевъ, австрійцы открыли сильный ружейный, пулеметный и артиллерійскій огонь, но взводы подъесаула Скворцова и сотника Зборовскаго, неся потери, продолжали энергичное наступленіе и, достигнувъ своей цѣли, сами открыли по лодкамъ противника сильный и дѣйствительный огонь, отъ котораго одна лодка вмѣстѣ съ находившимися въ ней австрійцами перевернулась.

Встрѣтивъ такой неожиданный для нихъ отпоръ, австрійцы повернули обратно и, бросивъ лодки, бѣжали за гребень, преслѣдуемые огнемъ конвойцевъ.

«Благодаря столь рѣшительнымъ и энергичнымъ дѣйствіямъ подъесаула Скворцова, переправа австрійцевъ была ликвидирована въ самомъ началѣ, что дало возможность выполнить задачу въ полной мѣрѣ, не отвлекая части общаго резерва на обезпеченіе нашего праваго фланга.» — («Русскій Инвалидъ». № 288 отъ 28-го октября 1916 года.)

Въ бою 29-го мая изъ 1-го и 4-го взводовъ сотни Конвоя выбыло изъ строя 8 человѣкъ. Оба командира взводовъ — подъесаулъ Скворцовъ и сотникъ Зборовскій были ранены. Казаковъ убито два и пять ранено. Тяжело раненый въ грудь на вылетъ сотникъ Зборовскій и съ нимъ пять раненыхъ казаковъ были эвакуированы въ Царское Село. Нѣсколько раньше былъ эвакуированъ заболѣвшій тифомъ сотникъ Шведовъ. Подъесаулъ Скворцовъ былъ раненъ въ лицо и остался въ строю.

Въ результатѣ повторныхъ атакъ, наша доблестная пѣхота прорвала австрійскій фронтъ, и для преслѣдованія отступающихъ ав-

стрійсихъ войскъ былъ брошенъ весь 3-ій Конный Корпусъ генерала графа Келлера. Во время этого преслѣдованія головные разъѣзды сотни Конвоя, шедшей въ авангардѣ Гребенского полка, обнаружили внушительную колонну противника, отходившую по дорогѣ къ С. В. отъ Черновицы. Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня, а за нею лихія сотни Кизляро-Гребенского полка бросились въ атаку.

Атакованная колонна оказалась громаднымъ армейскимъ обозомъ, который отступалъ подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ ротъ и пулеметной команды австрійской пѣхоты. Весь обозъ полностью и оставшіеся въ живыхъ австрійцы, прикрывавшіе его, были захвачены и отправлены въ тылъ. Но и казаки понесли потери убитыми и ранеными. Во время атаки палъ смертью храбрыхъ командующій Кизляро-Гребенскимъ полкомъ полковникъ Марковъ, замѣнявшій находившагося въ отпуску полковника Сехина.

Во временное командованіе Кизляро-Гребенскимъ полкомъ вступилъ командиръ Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни Флигель-Адъютантъ полковникъ Жуковъ, нѣсколько дней тому назадъ Высочайшимъ приказомъ произведенный въ штабъ-офицеры. Сотню Конвоя принялъ старшій изъ взводныхъ офицеровъ подъесаулъ Рашпиль.

Послѣ захвата армейскаго обоза и его прикрытія, Кизляро-Гребенской полкъ и сотня Конвоя подъ командою Флигель-Адъютанта полковника Жукова продолжали преслѣдованіе противника въ направленіи на дер. Сучава. При этомъ движеніи полка австрійская пѣхота, занявъ командующую высоту «412», стала оказывать сопротивленіе, что задерживало Гребенской полкъ. Полковникъ Жуковъ приказалъ своей сотнѣ конвойцевъ выбить противника съ высоты «412», занять ее и, пропустивъ полкъ, присоединиться къ нему.

Подъесаулъ Рашпиль, получивъ это приказаніе, спѣшилъ сотню и, не взирая на сильный огонь противника, повелъ рѣшительное наступленіе и сотня, примѣняя ручныя гранаты, атаковала высоту «412». Австрійцы, удерживавшіе высоту, были взяты въ плѣнъ или Гвардейцами на самой высотѣ, или Гребенцами, перехватившими ихъ при поспѣшномъ оставленіи высоты.

На разсвѣтѣ 7-го іюня сотня Конвоя съ боемъ заняла сел. Сучава, находившееся въ 1 1/2—2 километрахъ отъ города Радауцъ. Въ Сучаву подошелъ Гребенской полкъ во главѣ съ полковникомъ Жуковымъ, и отъ него подъесаулъ Рашпиль получилъ приказаніе продолжать движеніе на Радауцъ.

Отъ сотни былъ высланъ головной офицерскій разъѣздъ въ составѣ 8-ми казаковъ подъ командою подъесаула Скворцова, съ задачей двигаться вдоль дороги Сучава-Радауцъ и войти въ связь съ противникомъ. Выдвинувшись съ разсвѣтомъ по указанному направленію, подъесаулъ Скворцовъ замѣтилъ, что справа отъ него на шоссе сел. Андросфалдъ-Радауцъ, находившемуся параллельно пути слѣдованія его разъѣзда, стали показываться, а затѣмъ скрываться какіе то одиночные люди. Рѣшивъ выяснить обстановку, разъѣздъ двинулся

по направленію къ этимъ людямъ. Въ это время по разъѣзду со стороны города Радауцъ былъ открытъ артиллерійскій огонь. Разъѣздъ продолжалъ движеніе рысью. Когда разъѣздъ былъ примѣрно посрединѣ между дорогами, идущими въ Радауцъ изъ Сучава и Андросфалдъ, то по нему неожиданно былъ открытъ и ружейный огонь. Стрѣляла находившаяся въ укрытіи австрійская пѣхотная застава. По командѣ подъесаула Скворцова разъѣздъ бросился въ атаку.

За движеніемъ разъѣзда наблюдалъ въ бинокль съ колокольни сел. Сучава урядникъ. Когда разъѣздъ атаковалъ австрійскую заставу, изъ Сучава показалась развернутая лава всей сотни конвойцевъ и одновременно изъ придорожной канавы шоссе Андросфалдъ-Радауцъ, гдѣ впервые разъѣздомъ были замѣчены одиночные люди, поднялась пѣхота противника, но увидя гибель своей заставы и идущую въ атаку сотню Конвоя, а за нею и лавы Гребенцовъ, стала поспѣшно отходить къ Радауцу.

Въ результатѣ конной атаки разъѣзда отъ сотни Конвоя, австрійская пѣхотная застава была разбита. Противникъ потерялъ 4-хъ убитыхъ (зарублены казаками во время атаки) и плѣнными 1-го офицера и 24 солдата. Потери разъѣзда: раненъ начальникъ разъѣзда подъесаулъ Скворцовъ. Изъ 8 казаковъ разъѣзда 5 выбыло изъ строя — изъ нихъ убитъ урядникъ Сухина и ранены: урядникъ Гребенюкъ, урядникъ Морозъ, казакъ Рудь и казакъ Волкодавъ.

Продолжая атаку, Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня настигла отступающую изъ сел. Андросфалдъ австрійскую пѣхоту и, на ихъ плечахъ, ворвалась въ городъ Радауцъ. Со стороны Сучава атаковалъ Радауцъ и Кизляро-Гребенской полкъ подъ командою полковника Жукова.

Бывшая въ Радауцѣ австрійская пѣхота открыла огонь по атакующимъ изъ домовъ и зданій города. Послѣ короткаго сопротивленія батальонъ противника, защищавшій городъ, сдался и былъ взятъ въ плѣнъ.

Въ Радауцѣ сотня Конвоя похоронила 5 своихъ казаковъ, убитыхъ во время конной атаки. Раненые 18 конвойцевъ были эвакуированы въ тылъ и далѣе санитарнымъ поѣздомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы, въ Царское Село.

Въ Радауцѣ же сотня навсегда разсталась со своимъ командиромъ — Флигель-Адъютантомъ полковникомъ Жуковымъ. Трогательно, со слезами на глазахъ, попрощавшись съ сотней, поблагодаривъ ее за вѣрную службу Государю и Родинѣ, полковникъ Жуковъ сдалъ вр. командуемый имъ Кизляро-Гребенской полкъ есаулу Валаеву, и въ сопровожденіи только одного своего коннаго вѣстового верхомъ отбылъ въ Новоселицу.[14])

Въ Новоселицѣ глубоко уважаемый и любимый всѣми офицерами Конвоя Андрей Семеновичъ Жуковъ покончилъ жизнь самоубійствомъ . . .

---

[14]) Изъ воспоминаній генерала М. Скворцова.

Ближайшіе его друзья знали, что Андрей Семеновичъ съ большимъ терпѣніемъ переносилъ боль во время верховой ѣзды. У него была грыжа. Онъ долженъ былъ подвергнуться операціи, **но ... въ Петергофѣ его сотня вытянула жребій первой выступить на фронтъ!**

Надо было знать этого безупречнаго, глубоко преданнаго службѣ и родной Части офицера, чтобы понять съ какой гордостью и радостью онъ принялъ вѣсть о томъ, что командуемая имъ сотня идетъ на фронтъ первой. Въ это время оставить сотню онъ не считалъ возможнымъ, и ни о какой операціи и слышать не хотѣлъ. Тотъ докторъ, который посмѣлъ бы сказать о томъ, что его здоровье не позволяетъ ему отбыть въ Дѣйствующую Армію, нанесъ бы Андрею Семеновичу Жукову личное оскорбленіе.

На фронтѣ, въ періодъ когда его сотня занимала пѣхотные окопы, офицеры сотни не замѣчали въ немъ никакой перемѣны. Всегда ровный, спокойный, въ высшей степени тактичный въ обращеніи со всѣми окружающими его, онъ умѣло скрывалъ свой недугъ. Никогда не говорилъ о своей болѣзни. Онъ только болѣлъ душою и тяжело переживалъ смерть и раненіе своихъ казаковъ, о которыхъ всегда отечески заботился.

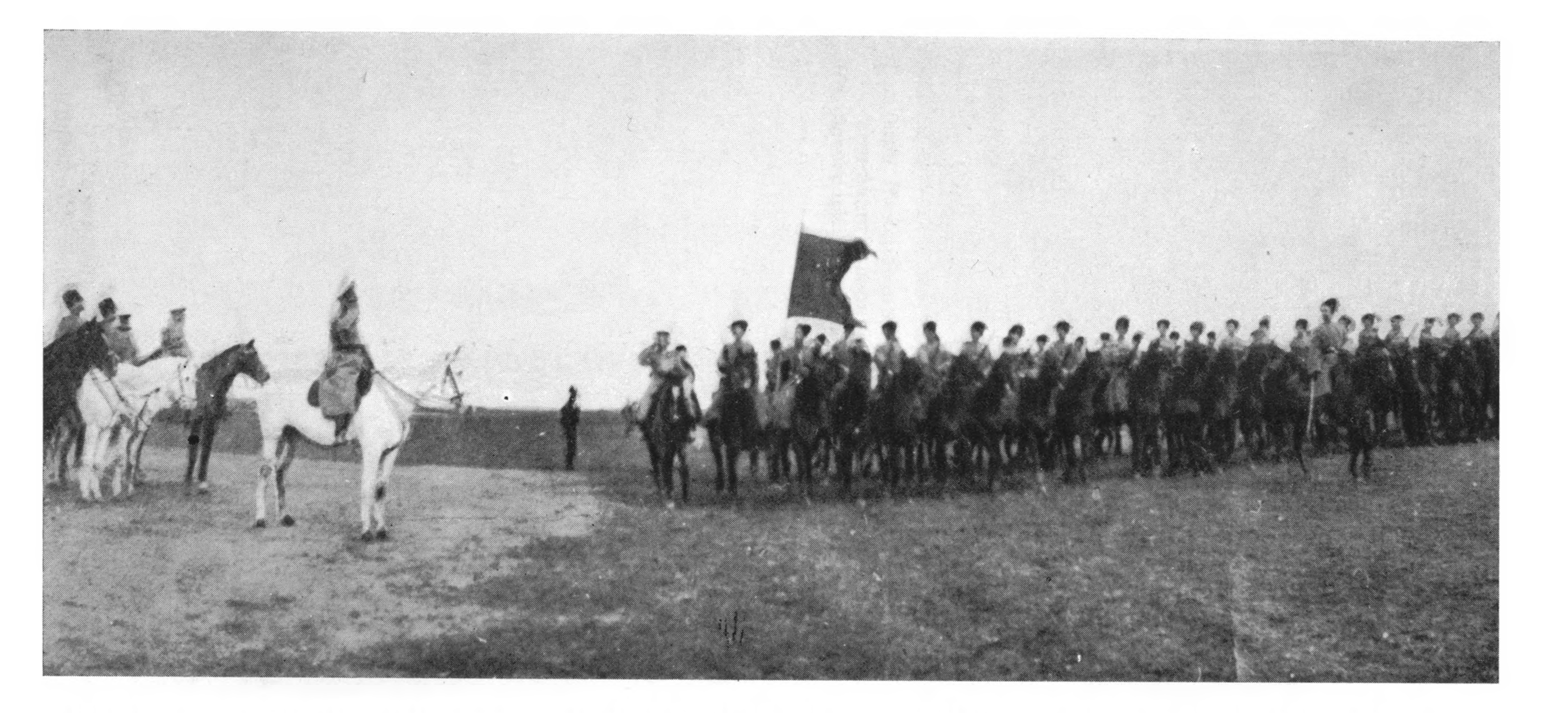
Но когда австрійскій фронтъ былъ прорванъ, а конница была брошена въ преслѣдованіе отступающаго непріятеля и боевыя дѣйствія начались въ конномъ строю, Андрей Семеновичъ былъ просто мученикомъ! Послѣ того, когда былъ убитъ полковникъ Марковъ, онъ, не смотря на едва сдерживаемую физическую боль, сталъ во главѣ полка, къ которому была прикомандирована его сотня. Доблестно командовалъ и принималъ личное участіе въ конныхъ атакахъ подъ Сучавой и Радауцемъ, что окончательно подорвало его здоровье. Въ этотъ періодъ боевъ, почти не слезая съ сѣдла, Андрей Семеновичъ понялъ, что больше терпѣть у него нѣтъ силъ, что и сказалъ своему замѣстителю есаулу Рашпилю.

Полковой врачъ пробовалъ уговорить полковника Жукова эвакуироваться по болѣзни, ибо дальнѣйшее его пребываніе на фронтѣ можетъ кончиться печально. **Самъ Жуковъ это хорошо понималъ, но врачъ, понимая физическое страданіе больного, не могъ понять душевныхъ мукъ полковника Жукова ... «Быть на фронтѣ больше не могу! ... Уйти съ фронта тоже не могу! ... »**

Согласно показанія вѣстового полковника Жукова, послѣдними его словами были: **«оставь меня одного, я хочу помолиться Богу».** Черезъ нѣсколько минутъ раздался выстрѣлъ. Вѣстовой нашелъ своего командира, лежащаго на полу у иконы Спасителя, мертвымъ съ простреленной головою. (Выстрѣлъ былъ сдѣланъ въ ротъ!) на столѣ лежала, прикрытая часами, записка:

... «Боленъ — боюсь, что не поймутъ! ..»

По Высочайшему повелѣнію, офиціальное сообщеніе о смерти полковника Жукова гласитъ: «Командиръ Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни



Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА *Конвоя на Высочайшемъ смотру войскъ Юго-Западнаго фронта, въ раіонѣ Хотина въ 1916 году. Всѣмъ 4-мъ сотнямъ Конвоя были положены сотенные значки большого образца. По размѣрамъ, они были равны полковымъ. На флангѣ сотни виденъ этотъ сотенный значокъ. (1-я сотня алый, 2-я синій, 3-я бѣлый, и 4-я зеленый цвета. Каждый сотенный значокъ окаймленъ узкой черной полосой).*

...«МЫ ВЪ ВОСТОРГѢ, ЧТО ТЫ ВИДѢЛЪ НАШУ СОТНЮ!..»

Слова Государыни Императрицы въ письмѣ къ Государю Императору. «Письма Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ*». Переводъ съ англійскаго В. Д. Набокова. 1922 годъ. Стр. 60.*

Государь Императоръ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича, встрѣчаетъ вернувшуюся съ фронта Л.-Гв. 1-ю Кубанскую сотню. На фотографіи справа Флигель-Адъютантъ Князь Игорь Константиновичъ. Царская Ставка, іюнь 1916 года.



Командиръ Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни есаулъ Г. Рашпиль. Убитъ въ конной атакѣ подъ Екатеринодаромъ 31-го марта 1918 года.

Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя Флигель-Адъютантъ полковникъ А. С. Жуковъ умеръ на фронтѣ».

Послѣ взятія Радауца сотня Конвоя подъ командою есаула Рашпиля, совмѣстно съ Кизляро-Гребенскимъ полкомъ, — командующій есаулъ Валаевъ, — продолжала преслѣдованіе противника, захватывая большое количество плѣнныхъ и всякаго рода оружіе и снаряженіе австрійской арміи. Дальнѣйшій боевой путь Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни — активное участіе во всѣхъ бояхъ Кизляро-Гребенского полка при взятіи Гура Гуморы, Кимполунга и въ бояхъ у Дорна Ватры. Во время этихъ боевъ Терской Казачьей Дивизіей командовалъ генералъ Хорановъ, человѣкъ исключительной личной храбрости, признававшій, при всѣхъ положеніяхъ, единственное рѣшеніе — конная атака!

Подъ Дорна Ватра, преслѣдованіе противника прекратилось и, на линіи Дорна Ватра-Якобени, возобновилась позиціонная война. Позиція проходила по значительнымъ высотамъ, покрытымъ вѣковымъ хвойнымъ лѣсомъ. На позиціи подъ Дорна Ватра сотня Конвоя получила приказаніе вернуться съ фронта.

За все время пребыванія на фронтѣ, при совмѣстной боевой службѣ съ Терской Казачьей Дивизіей, а въ особенности съ доблестнымъ и славнымъ Кизляро-Гребенскимъ полкомъ, офицеры и казаки сотни Конвоя настолько сроднились съ ними, что разстались какъ съ самыми лучшими и вѣрными кунаками.

Находясь на фронтѣ, всѣ чины сотни Конвоя ревностно и мужественно несли свою службу, сознавая что на нихъ обращено вниманіе всѣхъ полковъ дивизіи, и съ честью оправдали вѣру въ ихъ боевую стойкость.

За мужество и храбрость, проявленную въ бояхъ, постановленіемъ Георгіевской Думы Юго-Западнаго фронта, командиръ Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни есаулъ Георгій Рашпиль былъ награжденъ Орденомъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени и Георгіевскимъ оружіемъ. Такъ же Георгіевскимъ оружіемъ были награждены командиры взводовъ: подъесаулъ Михаилъ Скворцовъ и сотникъ Викторъ Зборовскій. Кромѣ того, получили Орденъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ подъесаулъ Скворцовъ, сотникъ Зборовскій и сотникъ Александръ Шведовъ. Классный фельдшеръ сотни, коллежскій регистраторъ Пѣтуховъ за примѣрное исполненіе своихъ обязанностей въ боевой обстановкѣ, неоднократно оказывавшій раненымъ первую помощь подъ огнемъ противника, былъ награжденъ Орденомъ Св. Анны 4-й степени съ надписью: «за храбрость».

Всѣ вахмистра, урядники и казаки сотни вернулись съ фронта имѣя Георгіевскіе кресты 4-й степени, а нѣкоторые 4-й и 3-й степени. Въ результатѣ частыхъ и упорныхъ боевъ, сотня Конвоя понесла значительныя потери. Всего выбыло изъ строя 50 человѣкъ, изъ коихъ: убито 15, ранено 27 и эвакуировано по болѣзни 8.

Выступивъ на фронтъ въ составѣ 5 офицеровъ и 156 вахмистровъ, урядниковъ и казаковъ, сотня вернулась съ фронта имѣя въ строю 2-хъ офицеровъ и 106 казаковъ.

Въ Царское Село сотня возвращалась черезъ Могилевъ. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ изволилъ, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА, прибыть на станцію Могилевъ, гдѣ Лично встрѣтилъ сотню Своего Конвоя.

По командѣ командира сотни есаула Рашпиля, казаки быстро оставили свои вагоны и выстроились въ пѣшемъ строю. Принявъ рапортъ командира сотни, Государь Императоръ въ милостивыхъ словахъ благодарилъ сотню — **«За лихую, отмѣнно боевую службу, какъ Я и ожидалъ отъ Своихъ казаковъ.»** Затѣмъ Государь медленно обошелъ фронтъ сотни; останавливаясь передъ нѣкоторыми и разспрашивая ихъ о боевой службѣ на фронтѣ, Лично наградилъ Георгіевскими крестами 3-й степени особенно отличившихся. Командиръ сотни есаулъ Рашпиль и одинъ изъ командировъ взводовъ оставшихся въ строю, подъесаулъ Скворцовъ, получили приглашеніе къ Высочайшему завтраку, на которомъ присутствовали и командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ графъ Граббе и полковникъ Кирѣевъ. За завтракомъ Государь долго и милостиво изволилъ бесѣдовать съ офицерами Конвоя, прибывшими съ фронта.

25-го іюня Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня прибыла въ Царское Село, гдѣ на вокзалѣ была встрѣчена офицерами и казаками Конвоя, несшими службу въ Царскомъ Селѣ.

Въ тотъ же день въ Ѳеодоровскомъ Государевомъ Соборѣ былъ отслуженъ Благодарственный молебенъ съ поминовеніемъ всѣхъ чиновъ сотни, павшихъ на полѣ брани. На молебнѣ изволили присутствовать Государыня Императрица и Великія Княжны. Послѣ молебна сотня выстроилась передъ Соборомъ, и ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, желая отъ Себя лично выразить сотнѣ Свою Высочайшую благодарность за примѣрную службу на фронтѣ, обошла обѣ шеренги фронта выстроенной сотни и ... **каждому казаку подала Свою руку.**

Въ письмѣ къ Государю Императору въ Царскую Ставку, написанномъ 25-го іюня 1916 года, Государыня Императрица сообщаетъ:

« ... Мы были на молебнѣ, а потомъ видѣли великолѣпную сотню, поздоровались, поздравили ихъ съ благополучнымъ возвращеніемъ. Я имъ всѣмъ подала руку и говорила съ ними, у нѣкоторыхъ по три креста ... » («Письма Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ». стр. 131.)

Во время пребыванія сотни Конвоя на фронтѣ, Государыня Императрица оказывала постоянную Свою заботу и трогательное вниманіе къ раненымъ офицерамъ и казакамъ. Два раза, по личному распоряженію Самой Государыни, на станцію Новоселица прибывали санитарные поѣзда ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА за ранеными чинами сотни, и

доставляли ихъ въ Царское Село для помѣщенія въ лазаретъ Великихъ Княженъ.

Какъ велико было это вниманіе Государыни, видно изъ Ея писемъ къ Государю Императору. Въ письмѣ отъ 4-го іюня 1916 года сказано: **«Я стараюсь заполучить въ свой санитарный поѣздъ Зборовскаго (онъ раненъ въ грудь, Шведова, тифъ, Скворцова, раненъ). Юзикъ поможетъ черезъ Кіевъ, я все это сказала Граббе.»*)**

Письмо отъ 11-го іюня 1916 года: **«Зборовскій уже пріехалъ (мой поѣздъ за нимъ гонялся) и будетъ въ дѣтскомъ госпиталѣ. Дѣти туда помчались въ большомъ возбужденіи. Я послала Вильчковскому фамиліи казаковъ, которыхъ мы просимъ сюда привезти».**

Письмо отъ 12-го іюня 1916-го года. — **«Вик. Эраст. загорѣлъ и выглядитъ хорошо, утверждаетъ, что у него нѣтъ болей, но видно, какъ у него подергивается лицо. Онъ раненъ въ грудь на вылетъ, но чувствуетъ руку . . . »** 21-го іюня 1916 года. — **«Мы будемъ пить чай въ саду. — Вик. Эр. и Юзикъ . . . »**

1-го іюля 1916 года. — **«Я сказала Мери, что она поговорила бы съ Зборовскимъ и тогда сможетъ всё устроить — я знаю, что онъ хотелъ отправиться на Кавказъ . . . »**

4-го іюля 1916 года. — **«Шурикъ (Швед.) и В. Эраст. съ нами пьютъ чай».**)**

Послѣ прибытія съ фронта Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни въ Царское Село, черезъ пять дней на фронтъ выступила Л.-Гв. 4-я Терская сотня (очередная по жребію). Сотня выступила въ составѣ 5 офицеровъ и 150 вахмистровъ, урядниковъ и казаковъ.

Командиръ сотни: есаулъ Григорій Татоновъ. Командиры взводовъ: подъесаулъ Анатолій Федюшкинъ (офицеръ Л.-Гв. 3-й Терской сотни, прикомандированъ на время похода къ 4-й.), сотникъ Константинъ Зерщиковъ, сотникъ Николай Золотаревъ и сотникъ Василій Скляровъ.

30 іюня, наканунѣ выступленія сотни на фронтъ, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО Государыня Императрица выразила Свое желаніе попрощаться съ офицерами сотни. Для этого представленія Государынѣ и Великимъ Княжнамъ офицеры Л.-Гв. 4-й Терской сотни прибыли въ Александровскій Дворецъ.

Прощаясь съ офицерами, Государыня соизволила Лично благословить каждаго офицера небольшой иконкой, а командиру сотни есаулу Татонову передала Образъ Святителя Николая Чудотворца, какъ Свое благословеніе всѣмъ казакамъ сотни. Принимая отъ Госу-

---

*) «Юзикомъ» — Великія Княжны называли подъесаула Анатолія Федюшкина, въ то время находившагося при Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ въ Кіевѣ. Граббе — командиръ Конвоя.

**) Викторъ Эрастовичъ — имя и отчество сотника Зборовскаго. «Шурикъ» — сотникъ Александръ Шведовъ.

«Письма Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ». Переводъ съ англійскаго В. Д. Набоковъ. 1922 годъ. Страницы: 108, 116, 117 и 125.

дарыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ это Царское благословеніе, офицеры стали на колѣно.

Послѣ благословенія Государыни, съ офицерами прощались Великія Княжны и при прощаніи вручили офицерамъ Свои подарки. А. С. Федюшкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ: «При прощаніи въ Александровскомъ Дворцѣ, лично я имѣлъ честь получить отъ Великой Княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ небольшой пакетъ. Въ немъ была шелковая чесунчевая рубашка съ приколотой карточкой и хранимый мною до смерти[15]) натѣльный образокъ Спасителя. На карточкѣ была надпись: **«Да благословитъ и сохранитъ Васъ Господь, милый Юзикъ! ТАТЬЯНА».**

Въ тотъ же день вечеромъ въ Офицерскомъ Собраніи Конвоя состоялись проводы офицеровъ сотни, уходящей на фронтъ, а въ казармахъ казаки Кубанцы провожали своихъ братьевъ Терцевъ.

Къ ужину въ Собраніе прибыли депутаціи отъ Своднаго полка и Желѣзнодорожнаго, и привѣтствовали офицеровъ Конвоя съ предстоящимъ походомъ.

1 іюля къ 4 часамъ дня Л.-Гв. 4-я Терская сотня въ конномъ строю выстроилась на площадкѣ передъ Ѳеодоровскимъ Государевымъ Соборомъ. На паперти Собора духовенство ожидало прибытія Государыни Императрицы. Съ прибытіемъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА и Великихъ Княженъ протопресвитеромъ о. А. Васильевымъ былъ отслуженъ напутственный молебенъ, по окончаніи котораго протопресвитеръ окропилъ Святой водой строй сотни.

Государыня Императрица, въ сопровожденіи Великихъ Княженъ, обошла весь фронтъ сотни, пожелавъ всѣмъ ея чинамъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія.

По командѣ есаула Татонова, сотня сразу же отправилась на погрузку. Всѣ свободные отъ службы офицеры Конвоя и команда отъ казаковъ, находившихся въ Царскомъ Селѣ, офицеры Своднаго полка и офицеры ротъ Желѣзнодорожнаго, обслуживающихъ Собственную Царскую вѣтку — Царское Село — Петроградъ, прибыли на вокзалъ къ Царскому Павильону, къ которому былъ поданъ спеціальный составъ вагоновъ.

Къ концу погрузки къ Царскому Павильону прибыли Великія Княжны. Прощаясь съ сотней и разговаривая съ офицерами и казаками, Великія Княжны оставались на платформѣ у вагоновъ эшелона до его отбытія.

Объ отбытіи Л.-Гв. 4-й Терской сотни на фронтъ, Государыня Императрица писала ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ:

«... Я простилась съ нашими пятью казачьими офицерами. Завтра (4 часа) я буду на молебнѣ передъ Ѳеодоровскимъ Соборомъ. Люди будутъ верхами, т. к. они оттуда прямо отправятся на поѣздъ ...»

---

[15]) Полковникъ А. С. Федюшкинъ умеръ въ Нью Іоркѣ 31-го августа 1958 г.

(Дата письма 30-е іюня 1916 г.) **На другой день 1-го іюля, Государыня писала:... «Мы идемъ проститься съ нашей Сотней — будетъ молебенъ. (Всё это безъ Тебя такъ страшно!»)**

Л.-Гв. 4-я Терская сотня была направлена въ ту же дивизію, откуда только что вернулись Кубанцы, т. е. въ Терскую Казачью Дивизію, но съ прикомандированіемъ не къ Кизляро-Гребенскому полку, а къ Волгскому. Въ пути есауломъ Татоновымъ изъ Царской Ставки была получена Высочайшая телеграмма. **Государь Императоръ желалъ всѣмъ чинамъ сотни полнаго успѣха на фронтѣ. Телеграмма заканчивалась словами: «Да благословитъ васъ всѣхъ Господь!»**

Минуя Царскую Ставку (Могилевъ), сотня по желѣзной дорогѣ прибыла въ городъ Черновицы, откуда черезъ Новоселицу, гдѣ офицеры сотни посѣтили могилу Флигель-Адъютанта полковника Жукова, отправилась походнымъ порядкомъ въ городъ Кымполунгъ, въ которомъ былъ расположенъ штабъ Волгскаго полка. Полкомъ командовалъ родной братъ одного изъ офицеровъ сотни Конвоя полковникъ Н. В. Скляровъ, что еще больше способствовало той радостной встрѣчѣ, съ которой полкъ встрѣтилъ конвойцевъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія сотни въ Кымполунгъ, по приказанію командира полка сотня выступила на позицію подъ Дорна Ватра, занимаемую Волгскимъ полкомъ, гдѣ на высотѣ, именуемой «Сапунъ Гора» смѣнила спѣшенныя части полка. Здѣсь на передовыхъ позиціяхъ, находясь въ окопахъ на этой командующей высотѣ, сотня подъ сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ противника получила свое первое «огневое крещеніе». 15-го августа Л.-Гв. 4-я Терская сотня была снята съ позиціи и получила приказаніе прибыть въ Кымполунгъ на смотръ Походнаго Атамана Великаго Князя Бориса Владиміровича.

На смотру Терской Казачьей Дивизіи Великій Князь Борисъ Владиміровичъ объявилъ о вступленіи Румыніи въ войну на сторонѣ Россіи и ея союзниковъ. Вступленіе Румыніи въ войну увеличивало длину фронта Русской Арміи и, въ связи съ этимъ, Терская Казачья Дивизія была передвинута на правый флангъ румынской арміи, къ верховью рѣки Быстрицы.

Сразу же послѣ смотра Походнаго Атамана, сотня Конвоя выступила головной сотней Волгскаго полка къ румынской границѣ.

Утромъ 16-го августа спѣшенная сотня Конвоя (коноводы въ виду трудной проходимости горъ были отправлены обходными лощинами) скатилась въ долину рѣки Быстрицы, пограничной между Австріей и Румыніей. Занимая одно селеніе за другимъ, сотня двигалась внизъ по теченію рѣки. Противникъ нигдѣ не встрѣчался. Со вступленіемъ Румыніи въ войну, части австрійской арміи осадили свой правый флангъ, и сотня только черезъ день вошла съ ними въ соприкосновеніе.

Въ теченіи дня (16-го) подходили сотни Волгскаго полка. Къ вечеру прибыли коноводы сотни Конвоя.

Командиръ Волгскаго полка полковникъ Скляровъ приказалъ Л.-Гв. 4-й Терской сотнѣ остановиться въ дер. Руска, куда прибылъ и самъ со Штабомъ полка.

Для отысканія праваго фланга румынской арміи и установленія связи съ нею, на разсвѣтѣ 17-го августа отъ сотни Конвоя были высланы въ двухъ параллельныхъ направленіяхъ офицерскіе разъѣзды. Разъѣздъ сотника К. Зерщикова по исполненіи своей задачи вернулся ночью въ тотъ же день. Второй разъѣздъ, подъ командой подъесаула А. Федюшкина, прибылъ на другой день 18-го августа. Съ нимъ въ штабъ Волгскаго полка для связи прибылъ взводъ румынской арміи.

18-го командиръ сотни есаулъ Татоновъ получилъ распоряженіе выслать въ штабъ полка одинъ спѣшенный взводъ. Былъ назначенъ очередной (второй) взводъ сотника Н. Золотарева. Одновременно было приказано для поддержанія связи съ румынской арміей выслать еще одинъ офицерскій разъѣздъ. Для исполненія этой задачи отбылъ сотникъ В. Скляровъ съ казаками своего взвода.

Въ штабѣ полка сотнику Золотареву было приказано: «выдвинуться на отрогъ горъ, тянувшійся передъ дер. Руска примѣрно въ полутора верстахъ, и занять на немъ старые австрійскіе окопы. Если бы они оказались занятыми противникомъ — выбить!»

Отрогъ горъ, на который долженъ былъ выдвинуться сотникъ Золотаревъ, отдѣляясь отъ гряды горъ, по скатамъ покрытымъ лѣсомъ и съ лысиной на гребнѣ, тянулся съ запада на востокъ, постепенно понижаясь къ р. Быстрицѣ. По гребню, на протяженіи до полутора верстъ, ярусами одинъ по отношенію къ другому, тремя группами располагались старые австрійскіе окопы. Верхній изъ нихъ — кольцевой на полуроту. Средній вида замкнутого четыреугольника на полторы-двѣ роты, и нижняя группа — рядъ отдѣльныхъ окоповъ на взводы и отдѣленія.

Расположеніе этихъ окоповъ стало извѣстнымъ послѣ ихъ занятія. Сотникъ Золотаревъ двигался ощупью со всѣми мѣрами предосторожности. Взводъ, въ составѣ 18 казаковъ (остальные остались при лошадяхъ), выславъ головныхъ и боковыхъ дозорныхъ, лѣсомъ сталъ подниматься въ гору. Черезъ часъ хода, головной дозоръ далъ знакъ — «непріятель!»

Сотникъ Золотаревъ подошелъ къ дозорнымъ. Передъ нимъ была нижняя группа окоповъ, правѣе возвышался большой средній окопъ, еще дальше и выше, сливаясь съ фономъ лѣса, едва намѣчался третій. Передъ среднимъ окопомъ тянулось проволочное загражденіе. Огибая окопъ, проволока терялась въ опушкѣ лѣса.

За брустверомъ этого окопа мелькали австрійскіе «кэпи». Дозорныхъ австрійцы не замѣчали.

Сотникъ Золотаревъ рѣшилъ атаковать окопъ. Вернулся къ взводу и, объяснивъ казакамъ обстановку и задачу, двинулся къ окопу противника лѣсомъ, стараясь возможно ближе подойти незамѣченнымъ.

Двигаясь опушкой лѣса, взводъ услышалъ выстрѣлы и замѣтилъ отдѣльныхъ австрійскихъ солдатъ, которые бѣжали черезъ поляну, пріостанавливались и стрѣляли назадъ. Стало яснымъ, что эти австрійскіе солдаты примѣтили правый боковой дозоръ.

Учтя обстановку и не желая терять времени, сотникъ Золотаревъ со взводомъ бросился впередъ. Противникъ изъ своихъ окоповъ открылъ безпорядочную стрѣльбу. Разсыпавшись въ цѣпь, взводъ быстро двигался къ окопу противника, и своимъ лѣвымъ флангомъ занялъ канаву, расположенную параллельно окопу австрійцевъ.

Направленный сотникомъ Золотаревымъ въ охватъ окопа противника справа, урядникъ Петренко съ тремя казаками пробирался къ австрійской позиціи лѣсомъ по скату горы.

Приблизившись къ окопамъ противника, взводъ сотника Золотарева открылъ огонь. Окопъ отвѣчалъ стрѣльбою не менѣе тридцати винтовокъ. Среди винтовочныхъ выстрѣловъ выдѣлялись короткія очереди пулемета. (По опыту войны, сотня Конвоя для пѣшаго боя была вооружена штыками, примыкавшимися при спѣшиваніи къ винтовкамъ и имѣла ножницы для рѣзки проволоки. Кромѣ того, сотня была обучена метанію ручныхъ гранатъ.)

Въ австрійскомъ окопѣ, за брустверомъ его, было замѣтно, какъ мелькали головы австрійцевъ — они перебѣгали на атаковываемую казаками сторону.

Сотникъ Золотаревъ, давъ знакъ казакамъ своего взвода, занимавшимъ канаву лѣвѣе его, усилить огонь, и вынувъ револьверъ, крикнулъ вправо: «за мной! Ура! . . . »

За это время, младшій урядникъ Петренко, считая, что зашелъ достаточно, повернулъ налѣво къ окопу противника. Увидѣвъ впереди просвѣтъ поляны, Петренко со своими казаками поползъ отъ куста къ кусту къ опушкѣ лѣса. Стрѣльба слѣва не умолкала. Передъ нимъ вверху въ 20 шагахъ окопъ. По деревьямъ вьется переплетъ колючей проволоки.

Замѣтивъ, что австрійцы по окопу начали перебѣгать въ сторону взвода, урядникъ Петренко вскочилъ и началъ рвать проволоку ножницами на винтовкѣ. Австрійцы, не замѣчая его внизу, продолжали перебѣгать. Неожиданно слѣва стрѣльба прекратилась и, послѣ отдѣльныхъ нѣсколькихъ выстрѣловъ, послышалось заглушенное «ура-а-а!» и разрывы ручныхъ гранатъ.

Немедленно урядникъ Петренко со своими казаками бросился въ окопы противника. На брустверѣ окопа, шагахъ въ 150 отъ нихъ стоялъ сотникъ Золотаревъ, казаки спрыгивали въ ровъ окопа. Австрійцы разбѣгались, сталкивались и закупоривались во рву, выскакивали изъ него и неслись, пересѣкая площадь окопа, къ лѣсу другого ската.

Подъ козырькомъ окопа притаилось нѣсколько австрійскихъ солдатъ. Урядникъ Петренко бросился къ нимъ, зажигая по пути англійскую ручную гранату. Граната не загоралась. Петренко развернулся, бросилъ ее незажженную въ кучу солдатъ, и со штыкомъ

винтовки кинулся на нихъ. Отъ брошенной въ нихъ гранаты австрійцы въ паникѣ разбѣжались, оставивъ свое оружіе, но одинъ, не поднимая винтовки, выстрѣлилъ въ упоръ. Урядникъ Петренко свалился въ окопъ . . .

Другой казакъ, уже замахнувшійся загорѣвшейся ручной гранатой, замѣтилъ подъ ногами во рву окопа притаившагося австрійца; казакъ присѣлъ, стукнулъ гранатой по головѣ солдата, и бросилъ ее вдоль окопа вслѣдъ убѣгавшимъ австрійцамъ. Ошалѣвшій австріецъ выронилъ винтовку и, поднявъ руки, бросился бѣжать.

Черезъ нѣсколько минутъ весь окопъ былъ свободенъ отъ противника. Взводъ, занявъ окопъ, стрѣлялъ по убѣгавшимъ въ лѣсъ австрійцамъ. Въ отвѣтъ изъ лѣса раздавались отдѣльные выстрѣлы.

Изъ верхняго, слившагося съ лѣсомъ, окопа противникъ открылъ огонь. Длинная сторона занятаго взводомъ окопа прострѣливалась насквозь. Казаки передвинулись на короткую сторону, но и она прикрывала слабо, т. к. брустверъ окопа находился теперь у казаковъ за спиной. Командиръ взвода сотникъ Золотаревъ приказалъ казакамъ по одному выскакивать изъ окопа и стрѣлять со ската бруствера. Черезъ короткое время замолчалъ и верхній австрійскій окопъ.

Атака окопа австрійцевъ взводомъ сотника Золотарева была произведена настолько стремительно, что, при болѣе чѣмъ сильнѣйшемъ противникѣ, взводъ потерялъ только пять раненыхъ, изъ коихъ двое очень тяжело. Выславъ дозоры въ лѣсъ по скатамъ, командиръ взвода сталъ писать донесеніе, но ему не суждено было закончить его.

Отъ взвода сотника Золотарева прибылъ къ командиру Волгскаго полка полковнику Склярову казакъ и доложилъ: «взводъ выбилъ австрійцевъ изъ окопа, занялъ его, но непріятеля очень много и онъ «лезетъ опять». Къ штабу полка была вызвана вся сотня Конвоя. Безъ 2-го взвода сотника Золотарева, 1-го подъесаула Федюшкина и половины 3-го сотника Склярова, бывшихъ въ разъѣздахъ для связи съ румынской арміей, сотня прибыла въ составѣ полнаго 4-го взвода, половины 3-го и нѣсколькихъ казаковъ 1-го, что по спѣшенному расчету равнялось одной неполной полусотнѣ.

Командиръ сотни есаулъ Татоновъ получилъ приказаніе немедленно выступить на позицію второго взвода и удержать взятые взводомъ австрійскіе окопы. Казакъ, прибывшій съ донесеніемъ, служилъ проводникомъ.

Передъ подъемомъ въ гору показались казаки, несущіе тяжело раненыхъ, а за ними опираясь на винтовку и поддерживаемый другимъ, тоже раненымъ казакомъ, едва плелся урядникъ Петренко. Изъ доклада его и другихъ раненыхъ встрѣчныхъ казаковъ выяснилось, что противникъ возобновилъ и усилилъ свой огонь, отъ котораго взводъ несетъ потери.

При дальнѣйшемъ движеніи сотни была ясно слышна ружейная и пулеметная стрѣльба, которая все усиливалась. Сотня, преодолѣвъ

подъемъ горы, вышла на поляну. По ней тянулась группа малыхъ окоповъ. Проводникъ велъ сотню слѣдомъ 2-го взвода, до него оставалось около 800 шаговъ. Со стороны 2-го взвода стрѣльба все усиливалась и сотня ускорила шагъ.

Навстрѣчу ей, перебѣгая изъ канавы въ канаву, показался раненый въ ротъ казакъ Захарченко. Приблизившись къ есаулу Татонову, онъ вытянулся, прикрывая лѣвой рукой ротъ. Сквозь пальцы струилась кровь. Сплевывая и вытирая ротъ рукою, Захарченко полумыча доложилъ, что: «Командиръ взвода сотникъ Золотаревъ убитъ, что убиты казаки Василихинъ и Пауковъ, что окопъ держится четырьмя казаками — остальные переранены — и нѣсколькими «партизанами», что командуетъ ими взводный урядникъ Василенко, тоже раненый . . .» Къ своему докладу Захарченко добавилъ, что сотню изъ окоповъ видно, а потому взводный урядникъ послалъ его съ донесеніемъ.

Австрійцы, убѣдившись въ томъ, что ихъ изъ окоповъ выбила небольшая воинская часть, перешли въ наступленіе. Они стали перебѣгать вдоль опушки лѣса, прикрываясь деревьями и приближаться къ окопу. Одновременно со стороны всего верхняго окопа противникомъ былъ открытъ сильный ружейный и пулеметный огонь.

Сотникъ Золотаревъ, не успѣвъ написать письменное донесеніе приказалъ подползшему къ нему посыльному передать въ штабъ полка его словесное донесеніе, на основаніи котораго и была направлена вся сотня на его позицію.

Во время боя въ тылу взвода сотника Золотарева оказались солдаты «партизанской роты», которыми онъ усилилъ свой взводъ. Второй взводъ сотни Конвоя сразу открылъ интенсивный огонь. Отъ этого огня нѣсколько австрійскихъ солдатъ скатилось въ ровъ пустого окопа. Казакъ Василихинъ съ крикомъ: «бери ихъ! ура!» бросился къ засѣвшимъ во рву австрійцамъ. За Василихинымъ выскочили еще четыре казака, но не успѣли они пробѣжать и сотни шаговъ, какъ изъ верхняго окопа затрещалъ пулеметъ. Бѣжавшій впереди другихъ Василихинъ съ разбѣга упалъ на грудь и остался безъ движенія. Остальные казаки круто повернули назадъ и прыгнули за брустверъ своего окопа. (Всё происходило внутри большого замкнутого окопа на участкѣ въ 200 шаговъ).

Противникъ все усиливалъ свой пулеметный огонь. Былъ раненъ взводный урядникъ Василенко, который доложилъ сотнику Золотареву, что есть раненые казаки и раненые и убитые солдаты-партизаны, что особенно мѣтко бьетъ, видимо пристрѣленный, пулеметъ.

Со словъ оставшагося послѣ своего раненія при командирѣ взвода ст. урядника Василенко, сотникъ Золотаревъ поднялся во весь ростъ и, прислонившись къ брустверу, открытый противнику до колѣнъ, сталъ въ бинокль внимательно разсматривать верхній ярусъ австрійскихъ окоповъ, ища мѣстонахожденіе ихъ пулеметовъ.

Сидѣвшій рядомъ съ сотникомъ Золотаревымъ казакъ Пауковъ крикнулъ: «Ваше Высокоблагородіе, сядьте, стрѣляютъ по васъ!» И дѣйствительно пули шлепали въ насыпь вокругъ командира взвода. — «Ничего, пусть . . .», отвѣтилъ сотникъ Золотаревъ и вдругъ, выпустивъ бинокль, скользнулъ по брустверу внизъ . . . «Ваше Высокоблагородіе, Ваше Высокоблагородіе», кричали казакъ Пауковъ и урядникъ Василенко и звали командира взвода, но онъ не отвѣчалъ и лежалъ безмолвно на днѣ рва.

Казакъ Пауковъ подползъ къ сотнику и повернулъ его голову. Папаха упала и на лбу, выше правой брови, обозначилась темноалая **точка, а изъ нея** струйкой текла кровь. Казаки сняли папахи и перекрестились . . . **Затѣмъ Пауковъ обхватилъ тѣло убитаго командира взвода, поднялся и, не обращая вниманія на продолжавшійся сильный обстрѣлъ, понесъ его къ расширенной части окопа съ козырькомъ, дабы положить тѣло убитаго офицера на выступъ для сидѣнія. Пауковъ пригнулся и прошелъ подъ укрытіе, опустился на корточки и . . . пуля, пронизавшая крышу козырька, ударила ему въ голову. Пауковъ осунулся и замеръ вмѣстѣ съ тѣломъ своего командира.**

Будучи самъ раненымъ, взводный урядникъ принялъ командованіе 2 взводомъ Л.-Гв. 4-й Терской сотни.

Вѣсть о гибели офицера пронеслась по окопу, и партизаны стали покидать окопъ. На приказаніе взводнаго урядника остановиться, вернулось только шесть солдатъ. Размѣстивъ ихъ между казаками, урядникъ Василенко продолжалъ защищать окопъ. О томъ, что покойнымъ сотникомъ Золотаревымъ было послано донесеніе онъ зналъ, и ждалъ помощь, не считая возможнымъ оставить окопъ съ невынесенными тѣлами убитаго командира и казаковъ своего взвода.

Доблестный взводный урядникъ Василенко со всѣми оставшимися храбрыми защитниками окопа, честно исполнилъ свой воинскій долгъ, сдавъ окопъ не противнику, а пришедшей къ нему на помощь сотнѣ. По приказанію есаула Татонова, ему и другимъ раненымъ была оказана срочная медицинская помощь, и они были отправлены въ тылъ. Сотня подоспѣла въ послѣдній моментъ! Австрійцы перешли въ контръ атаку . . .

Офицеръ, участникъ боя Л.-Гв. 4-й Терской сотни 18-го августа 1916 года, командовавшій 4 взводомъ, нынѣ покойный К. Ф. Зерщиковъ описаніе этого боя заканчиваетъ слѣдующими словами:

«Завизжала шрапнель. За нею, давши перелетъ, въ лѣсу разорвалась очередь. Въ дальней части окопа взметнувъ къ небу черный фонтанъ, взорвалась граната. За ней — другая. Черная завѣса закрыла отъ сотни верхній окопъ противника. Началась жестокая бомбардировка! Стрѣляли двѣ батареи съ высотъ у Дорна Ватра.

Къ командиру 4-го взвода по рву на корточкахъ подобрался взводный урядникъ Бегіевъ и доложилъ: **«Былъ подъ блиндажемъ. Пауковъ сидитъ, какъ живой, обнялъ сотника и держитъ, за пазухой у Паукова двѣ папахи. Вынести нельзя, чуть покажешься — стрѣля-**

ютъ». Нельзя было вынести и тѣло казака Василихина. Онъ продолжалъ лежать на открытомъ мѣстѣ, раскинувъ руки, лицомъ внизъ.

Изъ лѣса прибѣжалъ казакъ и доложилъ, что по лѣсу издалека доносится подозрительный шумъ. Сотня приготовилась къ контръ-атакѣ. Къ вечеру австрійцы перешли въ наступленіе, при поддержкѣ сильнаго артиллерійскаго огня. На поляну передъ окопомъ, занимаемымъ сотней, пригибаясь къ землѣ, стали выбѣгать австрійцы и залегать цѣпью.

Цѣпи противника перепоясали весь хребетъ отъ опушки до опушки лѣса. Изъ передней цѣпи одиночные солдаты ползутъ впередъ. Цѣпь австрійцевъ поддерживаетъ ихъ своимъ огнемъ. Пуль не слышно, ихъ заглушаютъ постоянные артиллерійскіе разрывы австрійскихъ батарей.

По окопу передается приказаніе командира сотни: «Постоянный! Провѣрить прицѣлы!» Черезъ нѣсколько минутъ раздается рѣзкій свистокъ командира сотни есаула Татонова и, вслѣдъ за свисткомъ, передается команда: «Часто начинай». Сотня открыла огонь...

Сперва цѣпи противника «приросли» къ землѣ, затѣмъ фланги ихъ свалились въ лѣсъ, много отдѣльныхъ фигуръ застыло неподвижно, и постепенно вся поляна опустѣла. Въ нашихъ окопахъ громкое «ура!» Батареи противника открыли бѣглый огонь, продолжавшійся періодически до темноты. Отбитая австрійская атака больше не повторялась.

Старшій урядникъ Бегіевъ докладываетъ, что тѣла сотника Золотарева и убитыхъ казаковъ вынесены. Вынесено тѣло и казака Василихина. Иногда весь окопъ заполнялся кисло-вонючимъ дымомъ. Руки тянулись къ противогазамъ, но это не были отравляющіе газы.

Наступила ночь и передвигаться уже можно было безпрепятственно. По приказанію командира сотни тѣло сотника Золотарева и тѣла убитыхъ казаковъ отправлены въ дер. Руска, вмѣстѣ съ донесеніемъ полковнику Склярову о томъ, что контръ-атака противника сотней отбита. Сотня выставила боевое охраненіе. Къ полуночи прибыла смѣна отъ Волгскаго полка — сотня подъесаула Конокова. Л.-Гв. 4-я Терская сотня отошла къ коноводамъ въ дер. Руска.»

Въ приказѣ по Волгскому полку и въ донесеніи въ штабъ дивизіи полковникъ Скляровъ указалъ на примѣрную доблесть чиновъ сотни Конвоя, во главѣ съ ихъ командиромъ есауломъ Татоновымъ, особенно отмѣтивъ геройскій подвигъ сотника Золотарева, его урядника Василенко и храбрость казаковъ 2-го взвода.

За бой у дер. Руска всѣ казаки 2-го взвода и 10 казаковъ другихъ взводовъ были награждены Георгіевскими крестами. Въ этомъ бою сотня Конвоя потеряла командира второго взвода сотника Николая Ивановича Золотарева и 19 раненыхъ и убитыхъ казаковъ.

Убитые въ бою казаки съ воинскими почестями были похоронены въ городѣ Кымполунгѣ. Раненые — отправлены въ тылъ и эвакуированы въ Царское Село. За тѣломъ погибшаго сотника Золотарева изъ

Царскаго Села былъ командированъ его двоюродный братъ, хорунжій Н. Федюшкинъ съ однимъ урядникомъ и двумя казаками.

Гробъ съ тѣломъ сотника Золотарева былъ доставленъ въ Царское Село и помѣщенъ въ Ѳеодоровскомъ Государевомъ Соборѣ. Похороны состоялись 7-го сентября.

Панихида, отпѣваніе и похороны были совершены въ присутствіи ближайшихъ родственниковъ покойнаго, всѣхъ свободныхъ отъ службы офицеровъ и казаковъ Конвоя и представителей гарнизона Царскаго Села. На крышкѣ гроба лежалъ большой крестъ изъ живыхъ цвѣтовъ отъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

Среди многихъ другихъ вѣнковъ выдѣлялись серебряные вѣнки отъ офицеровъ Конвоя и Л.-Гв. отъ 4-й сотни.[16])

У гроба стояли раненые, нѣкоторые опираясь на костыли, казаки 2-го взвода. Къ началу отпѣванія въ Ѳеодоровскій Государевъ Соборъ прибыла Государыня Императрица и Великія Княжны.

По выносѣ гроба изъ Собора, Государыня и Великія Княжны слѣдовали непосредственно за гробомъ съ тѣломъ сотника Золотарева. **«Бѣдный мальчикъ . . . », сказала Государыня, прощаясь съ гробомъ.**

Гробъ убитаго офицера сопровождала, въ конномъ строю, прибывшая съ фронта Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня. Тѣло сотника Золотарева было предано землѣ, со всѣми воинскими почестями, на Царскосельскомъ кладбищѣ.

Въ тотъ же день (7-го сентября) ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО писала Государю Императору въ Могилевъ: « . . . Всегда приходится торопиться. Изъ лазарета на отпѣваніе бѣднаго маленькаго Золотарева. Его сестры такъ похожи на него. Его конь слѣдовалъ въ процессіи, а казаки его взвода стояли на часахъ, опираясь на костыли. Такъ умилительно!»[17])

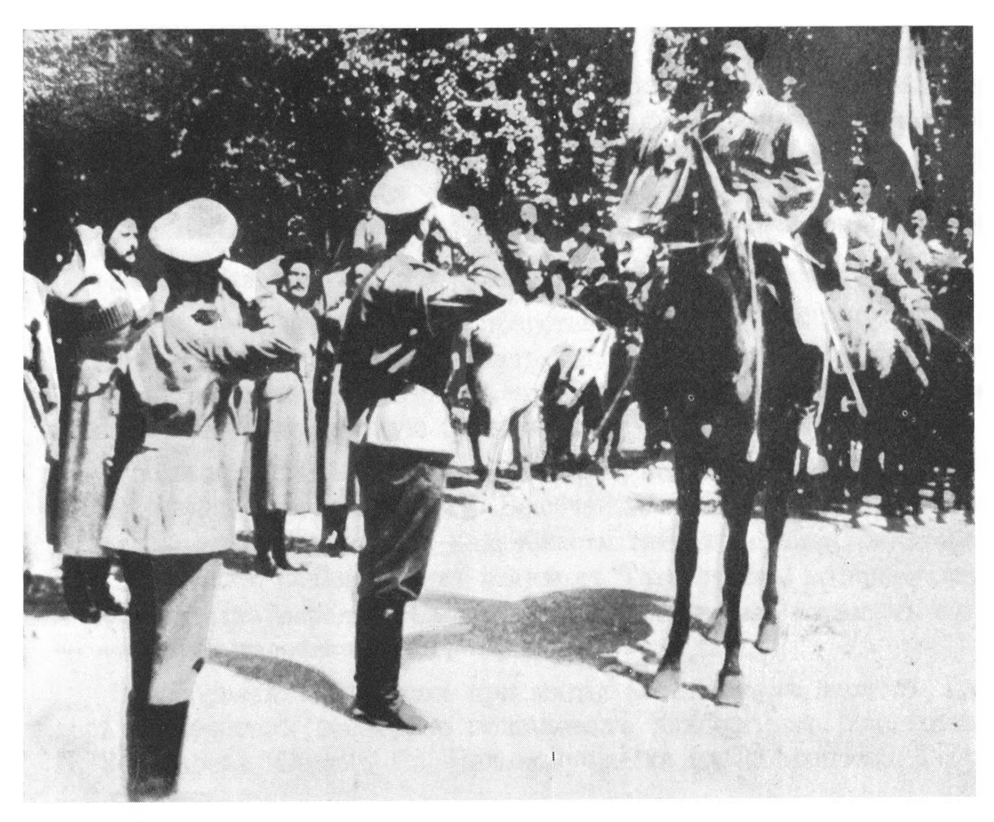
Дальнѣйшая боевая служба Л.-Гв. 4-й Терской сотни прошла въ окопахъ на Карпатскихъ горахъ. Сотня прибыла на фронтъ въ одинъ изъ періодовъ особо напряженной, изнурительной и тяжелой службы конницы, когда она должна была дѣйствовать въ пѣшемъ строю, занимая и обороняя порученный ей участокъ общаго фронта.

Позиція, которую занималъ Волгскій полкъ, куда прибыла сотня Конвоя, какъ и позиціи другихъ полковъ Терской Казачьей Дивизіи, была для конницы, а въ особенности для артиллеріи, очень трудной по своему расположенію. Главное неудобство заключалось въ томъ, что какъ сама позиція, такъ и подходъ къ ней проходилъ по высокимъ горамъ, покрытымъ густымъ лѣсомъ. Для подхода полковъ на позицію, надо было рубить лѣсъ и устраивать просѣки. Для артиллеріи же дѣлались особые настилы и мосты «изъ подручнаго матеріала». Часто не только орудія, но и кони застрѣвали на этихъ настилахъ,

---

[16]) Въ 1917 году, по желанію семьи погибшаго въ бою сотника Золотарева, эти вѣнки были доставлены въ Конвой. Сохранены они и до настоящаго времени.

[17]) Изъ книги — «Письма Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ».



Прибытіе съ фронта Л.-Гв. 4-й Терской сотни въ Царскую Ставку. 1916 годъ. Государь Императоръ въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича принимаетъ рапортъ командира сотни есаула Татонова.

сооруженныхъ наспѣхъ самими же казаками. Коноводовъ съ лошадьми надо было оставлять за много верстъ отъ позицій.

Четыре мѣсяца Л.-Гв. 4-я Терская сотня, совмѣстно со славнымъ Волгскимъ полкомъ, несла эту трудную боевую службу конницы на позиціяхъ въ горахъ, примѣрно и честно выполняя всѣ данныя ей приказанія. За время пребыванія на фронтѣ въ составѣ Волгскаго полка, сотня Конвоя потеряла убитымъ одного офицера и 28 казаковъ ранеными, убитыми и эвакуированными по болѣзни. Былъ убитъ и бывшій офицеръ Конвоя полковникъ Тускаевъ, командовавшій въ Терской Казачьей Дивизіи Сунженско-Владикавказскимъ полкомъ.

Возвращаясь съ фронта, сотня прибыла въ Царскую Ставку.

Л.-Гв. 4-я Терская сотня представилась ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ въ конномъ строю. Государь, принявъ рапортъ командира сотни есаула Татонова, поздравилъ сотню съ прибытіемъ и выразилъ всѣмъ чинамъ сотни Свою Царскую благодарность за ихъ боевую службу.

Послѣ представленія сотни Государю, командиръ и офицеры сотни получили приглашеніе къ Высочайшему столу. **За завтракомъ Государь, желая знать всѣ подробности гибели сотника Золотарева, изволилъ долго бесѣдовать съ есауломъ Татоновымъ, которому поручилъ еще разъ передать Свою благодарность всѣмъ казакамъ сотни, — «особенно геройскому второму взводу!»**

За проявленный подвигъ при взятіи австрійскихъ окоповъ, Государь Императоръ посмертно пожаловалъ павшему въ бою сотнику Н. Золотареву Орденъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 4-й степени.

Этотъ Орденъ, съ письмомъ отъ командира Конвоя, былъ доставленъ и врученъ отцу убитаго офицера генералу Золотареву подъесауломъ А. Федюшкинымъ. Такъ же посмертно былъ награжденъ Георгіевскимъ Крестомъ казакъ Пауковъ, до смерти подъ огнемъ противника оберегавшій тѣло своего командира.

Офицеры Л.-Гв. 4-й Терской сотни были награждены слѣдующими боевыми наградами: Георгіевскимъ оружіемъ — командиръ сотни есаулъ Г. Татоновъ. Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и бантомъ — подъесаулъ А. Федюшкинъ, сотникъ К. Зерщиковъ и сотникъ В. Скляровъ.

42 урядника и казака сотни вернулись съ фронта, награжденные Георгіевскими крестами. Нѣсколько человѣкъ, во главѣ со взводнымъ урядникомъ второго взвода Василенко, имѣли кресты 4-й и 3-й степени.[18])

---

[18]) Изъ воспоминаній полковника А. Федюшкина и полковника К. Зерщикова.

ПАСХА 1916-го ГОДА

Въ самый большой русскій праздникъ, Свѣтлое Христово Воскресенье, Государь Императоръ пожелалъ быть въ Царской Ставкѣ.

На Страстной недѣлѣ Онъ неизмѣнно посѣщалъ всѣ Богослуженія въ Могилевскомъ Соборѣ. Въ Великую Пятницу Государь Лично принялъ участіе, совмѣстно съ высшими чинами Ставки, въ выносѣ Плащаницы. Въ этотъ день, какъ и въ другіе дни Страстной недѣли, офицеры и казаки Конвоя прибывали въ Соборъ къ началу Богослуженій.*)

По окончаніи пасхальной Заутрени и послѣдовавшей за ней Св. Литургіи, которую Государь прослушалъ до конца, къ Высочайшему столу отъ Конвоя, помимо командира Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора графа Граббе, былъ приглашенъ помощникъ командира полковникъ Ф. Кирѣевъ. Офицеры Конвоя разговлялись въ Штабной столовой, казаки въ своихъ казармахъ.

На первый день Св. Пасхи, 10-го апрѣля 1916 года, офицеры и казаки Конвоя имѣли честь христосоваться съ Государемъ Императоромъ, по старому русскому православному обычаю.**)

Офицеры по старшинству подходили къ Государю и кланялись Ему. Государь, подавая Свою руку, привѣтствовалъ: «Христосъ Воскресе!». Офицеры отвѣчали: «Воистину Воскресе!» и христосовались съ Государемъ.

Для христованія съ казаками Конвоя, Государь обходилъ ихъ строй и христосовался съ каждымъ конвойцемъ. При христосованіи Государь Лично вручалъ чинамъ Своего Конвоя пасхальный подарокъ, фарфоровое яйцо съ вензелемъ Имени ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Л.-Гв. 1-й Кубанской сотнѣ, находившейся на Юго-Западномъ фронтѣ, Царскіе пасхальные подарки были высланы на фронтъ. Отъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, каждому офицеру этой сотни были посланы личныя письменныя Высочайшія поздравленія за подписью Государыни и Великихъ Княженъ.

Какъ Государь Императоръ въ Царской Ставкѣ, такъ и Его Августѣйшая Семья въ Царскомъ Селѣ, на Страстной недѣлѣ посѣщала всѣ Богослуженія въ Государевомъ Ѳеодоровскомъ Соборѣ.

Въ Соборѣ во время этихъ службъ, кромѣ чиновъ Конвоя и Своднаго полка, присутствовали раненые офицеры и солдаты, находившіеся на излѣченіи въ Собственныхъ Государыни и Великихъ Княженъ лазаретахъ.

---

*) На Страстной недѣлѣ, при всѣхъ Богослуженіяхъ въ Могилевскомъ Соборѣ пѣлъ хоръ казаковъ Конвоя, подъ управленіемъ своего талантливаго регента старшего урядника Ромащенко.

**) Въ приказахъ по Конвою сохранялась старая форма приказанія: «Для предстоящаго христосованія съ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ усовъ и бородъ не фабрить.»

Къ началу пасхальной Заутрени въ Соборъ прибыла Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны. Прибытіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Соборъ у Царскаго входа ожидалъ обычный нарядъ отъ Конвоя. По окончаніи Полунощницы, духовенство и пѣвчіе придворной капеллы, съ пѣніемъ «Воскресеніе Твое Христе Спасе...», вышли изъ Собора крестнымъ ходомъ. Государыня, Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны слѣдовали за ними.

Большая площадь передъ Соборомъ была освѣщена лампіонами, окружающими весь Государевъ Ѳеодоровскій Соборъ. Съ правой стороны Собора со свѣчами въ рукахъ стояли казаки Конвоя, съ лѣвой солдаты Своднаго полка.

Во время крестнаго хода Государыня сидѣла въ креслѣ передъ папертью главнаго входа въ Соборъ. Въ рукахъ у Нея была большая свѣча. Около Нея стоялъ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ. Великія Княжны принимали участіе въ крестномъ ходѣ вокругъ Собора. Съ одной и другой стороны кресла, на которомъ сидѣла Государыня Императрица, стояли конвойцы (1 офицеръ, 1 урядникъ и 3 казака.)

Когда духовникъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ о. А. Васильевъ огласилъ радостную вѣсть: «Христосъ Воскресе!», красивымъ заревомъ вспыхнули бенгальскіе огни, и Крестъ Собора освѣтилъ прожекторъ.

Офицеръ Конвоя, стоявшій справа отъ Государыни, замѣтилъ Ея тревожно-удивленный взглядъ. Обернувшись, офицеръ увидѣлъ неизвѣстнаго господина, пристально смотрѣвшаго на Государыню. Казаками Конвоя этотъ господинъ былъ задержанъ, немедленно отведенъ въ сторону и переданъ чинамъ Дворцовой полиціи.

Оказалось, что это былъ художникъ, хотѣвшій запечатлѣть и написать величественную картину пасхальнаго крестнаго хода вокругъ Ѳеодоровскаго Государева Собора въ присутствіи Государыни Императрицы.

Когда пасхальная заутреня была закончена, Государыня и Великія Княжны подошли къ протопресвитеру о. А. Васильеву, поздравили его съ Великимъ Праздникомъ и приложились къ Св. Кресту.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, а за Нимъ офицеры, казаки и солдаты, послѣ цѣлованія Креста, христосовались съ о. А. Васильевымъ и со служившимъ съ нимъ протодіакономъ Зимняго Дворца о. Гонестовымъ.

Въ концѣ Св. Литургіи, протопресвитеръ, привѣтствуя всѣхъ молящихся въ Соборѣ съ Праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенья, въ своемъ словѣ отмѣтилъ, что въ такой Великій Праздникъ Государь Императоръ находится не со Своей Царской Семьей, а со Своей Царской Арміей, желая этотъ день Праздника изъ Праздниковъ раздѣлить съ горячо Имъ любимыми войсками. Хоръ и съ нимъ всѣ находившіеся въ Соборѣ запѣли: «Спаси Господи люди Твоя..!»

Въ первый день Св. Пасхи офицеры и казаки Конвоя, бывшіе на службѣ въ Царскомъ Селѣ, прибыли въ Александровскій Дворецъ,

гдѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО принимала поздравленія съ Праздникомъ Христова Воскресенья, во время котораго всѣмъ Её поздравлявшимъ вручала Свой пасхальный подарокъ. Получая отъ Государыни Императрицы пасхальную «писанку», офицеры и казаки Конвоя цѣловали Ея руку.

На столахъ стояли большія корзины съ пасхальными фарфоровыми яйцами, на которыхъ былъ изображенъ вензель съ Именемъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны брали изъ корзинъ эти пасхальныя яйца и передавали ихъ Государынѣ. Такимъ образомъ въ жалованіи пасхальнаго подарка принимала участіе вся Царская Семья.

ПОСѢЩЕНІЕ ГОСУДАРЕМЪ ИМПЕРАТОРОМЪ СОТЕНЪ ВЪ СТАВКѢ.

11-го іюля 1916, въ день Ангела Великой Княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ, Государь съ Августѣйшей Имянинницей, Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Княжнами, въ сопровожденіи командира Конвоя и Своего ординарца, неожиданно прибылъ къ лѣтнимъ лагернымъ баракамъ, находившимся за Днѣпромъ.

Сотня Конвоя, закончивъ строевыя занятія, послѣ обѣда отдыхала, и казаки были безъ черкесокъ въ однихъ бешметахъ. Государь приказалъ казакамъ оставаться въ бешметахъ.

Отъ гофмаршальской части Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ лѣсу былъ накрытъ столъ, и офицеры получили приглашеніе къ чаю. По желанію Государя былъ вызванъ хоръ пѣсенниковъ Конвоя.

Государь всегда любилъ слушать хоръ казаковъ Своего Конвоя, но въ этотъ день Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ старинныя былинныя казачьи пѣсни. Подойдя къ хору и обратившись непосредственно къ регенту, старшему урядннку Ромащенко, Государь выразилъ желаніе прослушать старую пѣсню, которая Ему очень нравилась.

Кромѣ урядника Ромащенко и казаковъ хора Конвоя, мало кто зналъ о томъ, что одной изъ любимыхъ пѣсенъ Государя, была старая казачья пѣсня:

«Ой да нѣту, нѣту да такой въ полѣ травушки,
Чтобы травка безъ цвѣтовъ росла.

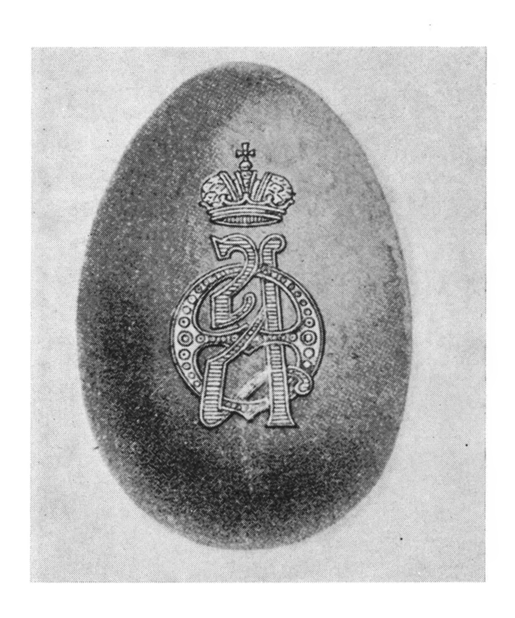
Ой да нѣту, нѣту да такой матушки,
Чтобы матерь по сыну всё не плакала:

Ой да ты родимое мое дитятко,
Не гонися за большимъ чиномъ!

Какъ въ большемъ чинѣ быть переднему,
Быть переднему, быть убитому...»

Затѣмъ послѣ пѣсенъ казаки танцевали подъ зурну и тулумбасъ лезгинку, которую особенно любили Великія Княжны.

Христосованіе Государя Императора съ Казаками Своего Конвоя.
Царская Ставка.



Вензель Государыни Императрицы
на пасхальномъ яйцѣ.

Высочайшее поздравленіе офицерамъ Конвоя, бывшимъ на фронтѣ.
Письмо подъесаулу М. А. Скворцову. 1916 г.

17. Січня
1916.

Рідний Друже.

[illegible]

которых никогда. —
Такие у меня были
воспоминания. [illegible]
[illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] а меня на
[illegible] [illegible]
и наслаждения. —
[illegible] [illegible] у [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible],
[illegible]-[illegible] [illegible] [illegible]
т. е. [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
а [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible], [illegible]
[illegible] на [illegible]-
[illegible] [illegible]
[illegible] по [illegible].—
[illegible] [illegible].
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
и [illegible].—
когда мы [illegible]-
[illegible]- [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]-
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] и [illegible]

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

21.

[illegible]

Драгоценному [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible]
и [illegible] тебя
любит.
Папа.

Николай

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ пошелъ къ казакамъ, затѣявшимъ для Него разныя игры. Игра «трещетка и жгутъ» особенно понравилась Наслѣднику Цесаревичу.

Онъ вмѣстѣ съ казаками искренно смѣялся, веселился и былъ въ восторгѣ отъ этой игры, когда одинъ казакъ съ трещеткой, а другой со жгутомъ, оба съ завязанными глазами, часто сталкивались, и «трещетка», получивъ хорошаго «жгута», удирала на четверенькахъ.

Закончили казаки свои игры перетягиваніемъ каната. Казаки сотни, раздѣлившись поровну, стали тянуть канатъ въ разныя стороны. Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ, замѣтивъ, что одна сторона стала одолѣвать, бросился въ другую сторону на помощь. Увидя это, казаки сразу же сдѣлали такъ, что обѣ стороны стали какъ бы равны, а затѣмъ сторона, которой съ большимъ усиліемъ помогалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, «одержала побѣду».

Государь ласково смотрѣлъ на Своего Сына, принимавшего такое живое участіе въ перетягиваніи казаками каната. Великія Княжны, окруживъ горячо любимаго Брата, радовались вмѣстѣ съ Нимъ.

Въ Могилевѣ свободная отъ службы сотня Конвоя выѣзжала за Днѣпръ для военныхъ проѣздокъ и производства конныхъ ученій. Во время этихъ строевыхъ занятій особенное вниманіе обращалось на крѣпость посадки, на смѣлость ѣзды и управленіе конемъ, скачки черезъ природныя препятствія и ѣзду по неровной мѣстности, рубку лозы и глиняныхъ пирамидъ, и быстрое перестроеніе при конномъ сотенномъ ученіи. Каждое сотенное ученіе заканчивалось джигитовкой всѣхъ чиновъ сотни — офицеровъ и казаковъ. При соотвѣтствующей погодѣ казаки купали въ Днѣпрѣ лошадей и купались сами.

Л.-Гв. во 2-й Кубанской сотнѣ былъ случай, когда нѣсколько казаковъ, а съ ними два офицера — Е. Шкуропатскій и А. Грамотинъ переплыли Днѣпръ. Когда, послѣ небольшаго отдыха, всѣ стали плыть обратно и были примѣрно на серединѣ Днѣпра, сотника Е. Шкуропатскаго схватила судорога, и онъ сталъ быстро тонуть. Стоявшій на берегу рѣки казакъ Омельченко немедленно бросился въ воду, и спасъ своего взводнаго командира.

Омельченко получилъ отъ офицера денежную награду, а командиръ сотни есаулъ М. Свидинъ представилъ его къ серебряной медали: «за спасеніе погибавшихъ», каковою казакъ Омельченко и былъ награжденъ. — Его смѣлый поступокъ былъ отмѣченъ приказомъ по Конвою.

Совершая свои ежедневныя прогулки, Государь Императоръ иногда прибывалъ къ мѣсту строевыхъ занятій Конвоя. Одно изъ этихъ Высочайшихъ посѣщеній Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА описываетъ слѣдующими словами:

Ц. Ставка — 1916.

«...Вчера мы опять пошли вверхъ по Днѣпру. Туда же съ пѣснями пришла наша сотня Конвоя. — Тамъ у насъ они спѣшились. Пѣли пѣсни, въ игры играли, а мы на травѣ лежали и наслаждались. — Когда они ушли Папа

сказалъ имъ, чтобы они шли, т. е. ѣхали по самому берегу рѣки, а мы еще тамъ остались, потомъ пошли на быстроходномъ моторѣ внизъ по рѣкѣ. — Нагнали сотню, которая ѣхала шагомъ съ зурной и пѣснями. —

Когда мы поравнялись — то они пустили лошадей полнымъ ходомъ за нами и такъ неслись. — Тамъ дальше былъ крутой оврагъ и поворотъ рѣки. Имъ пришлось шагомъ его проѣхать, т. к. грунтъ былъ мягкій. — Они уже отъ насъ отстали, но какъ только выѣхали изъ этого оврага, то карьеромъ пустились насъ догонять. Красиво было страшно. Они еще на этомъ ходу джигитовали.

Вы себѣ представить не можете, какъ это чудно было. Они съ гикомъ и крикомъ неслись. Если они такъ въ атаку ходятъ, да еще цѣлыми полками я понимаю что нѣмцы дерутъ, это такой страхъ нагоняетъ и вмѣстѣ такъ чудно!! . . . »[19])

ПРАЗДНИКЪ КОНВОЯ ВЪ ЦАРСКОЙ СТАВКѢ ВЪ 1916 ГОДУ.

Высочайше установленный въ 1861 г. праздникъ Императорскаго Конвоя, въ память битвы подъ Лейпцигомъ, всегда торжественно отмѣчался 4-го октября. Въ 1916 году, къ этому дню въ Царскую Ставку прибылъ изъ штаба Конвоя адъютантъ подъесаулъ И. Вѣтеръ, съ двумя прикомандированными офицерами.[20])

На основаніи постановленія Общества г. г. офицеровъ, предстоялъ переводъ въ Конвой прикомандированныхъ «на предметъ испытанія и перевода впослѣдствіи» офицеровъ. Отбывъ положенный шестимѣсячный срокъ «испытанія», прикомандированные сотники переводились въ Конвой въ чинѣ хорунжаго и становились младшими въ отношеніи тѣхъ офицеровъ, которые были раньше ихъ переведены въ Конвой, независимо отъ старшинства по выпуску изъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища.

Въ день праздника къ 12-ти часамъ дня на площадкѣ передъ губернаторскимъ домомъ, въ которомъ имѣлъ Свою Резиденцію въ Царской Ставкѣ Государь Императоръ, выстроились въ пѣшемъ строю Л.-Гв. 1-я и 2-я Кубанскія сотни, несшія въ то время службу въ Могилевѣ, имѣя на своемъ правомъ флангѣ оркестръ Георгіевскаго батальона.

(Л.-Гв. 2-ю Кубанскую сотню должна была смѣнить Л.-Гв. 4-я Терская сотня, находившаяся въ Царскомъ Селѣ. Смѣна произошла вскорѣ послѣ праздника.)

По командѣ помощника командира по строевой части, полковника Ф. Кирѣева, дивизіонъ Конвоя встрѣтилъ своего командира Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора графа Граббе. Поздоровавшись съ сотнями и поздравивъ ихъ съ праздникомъ, командиръ принялъ командованіе парадомъ.

---

[19]) Письмо ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА Великой Княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ на имя покойной фрейлины Двора ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ Маргариты Сергѣевны Хитрово. 1916 годъ.

[20]) Сотниками С. Лавровымъ и П. Ергушевымъ. Сотники Н. Галушкинъ и А. Грамотинъ находились на службѣ въ Царской Ставкѣ.

Изъ главнаго входа губернаторскаго дома вышелъ Государь Императоръ въ походной формѣ Своего Конвоя, въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Цесаревича, такъ же имѣвшаго на Себѣ офицерскую форму Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ чинѣ хорунжаго.

За Наслѣдникомъ Цесаревичемъ слѣдовали Великія Княжны, Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ, Комендантъ Дворца Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ Воейковъ и Дежурный флигель-адъютантъ Великій Князь Димитрій Павловичъ.

Принявъ строевой рапортъ командира, Государь направился къ правому флангу строя и поздоровался съ солдатами оркестра Георгіевскаго батальона.

Затѣмъ, сопровождаемый Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, командиромъ и Своей Свитой, обошелъ строй сотенъ Конвоя, здороваясь съ каждой сотней отдѣльно. Поздравивъ конвойцевъ съ праздникомъ, Государь подошелъ къ аналою, поставленному передъ серединою строя.

У аналоя находились Великія Княжны и ожидавшее начала молебна духовенство. Государыня Императрица, прибывшая съ Великими Княжнами въ Царскую Ставку наканунѣ праздника Конвоя, плохо себя чувствовала и на праздникѣ быть не могла.

Во время молебна Небесному Покровителю Конвоя Священномученику Іерофею пѣлъ хоръ казаковъ Конвоя. По окончаніи молебна Государь приказалъ вызвать къ Себѣ прикомандированныхъ офицеровъ.

«Благодарю васъ за службу и поздравляю съ переводомъ въ Мой Конвой», обратился къ нимъ Государь Императоръ, и одному изъ нихъ изволилъ пожаловать Георгіевское оружіе.[21])

Перестроившись во взводную колонну, сотни Конвоя прошли «по взводно» церемоніальнымъ маршемъ передъ Государемъ, стоявшемъ вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, Великими Княжнами и Свитою у входа въ губернаторскій домъ. При прохожденіи сотенъ Конвоя церемоніальнымъ маршемъ, на правомъ флангѣ перваго взвода находился Министръ Императорскаго Двора генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ.

На парадѣ, по случаю праздника Конвоя, кромѣ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, присутствовали: Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, высшіе чины Царской Ставки и всѣ представители Союзныхъ Военныхъ Миссій.

По окончаніи парада Государь благодарилъ командира, г. г. офицеровъ и казаковъ Своего Конвоя. По желанію Государя, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великія Княжны были

---

21) По представленію командира 125 пѣх. Курскаго полка, (сотн. Н. В. Галушкину).

сняты въ общей группѣ со всѣми бывшими на парадѣ офицерами Конвоя.

Кромѣ обычныхъ фотографическихъ снимковъ, праздникъ Конвоя былъ снятъ придворными фотографами и на кинематографическую ленту.[22]) Сотни Конвоя были отведены въ свои казармы, гдѣ имъ былъ выданъ праздничный обѣдъ.

Послѣ парада послѣдовалъ Высочайшій завтракъ. Въ день праздника Конвоя, помимо Свиты Государя, были приглашены: Начальникъ Штаба, его ближайшіе помощники, всѣ представители Союзныхъ Военныхъ Миссій и всѣ бывшіе въ Царской Ставкѣ офицеры Конвоя: командиръ генералъ А. Н. графъ Граббе, помощникъ командира полковникъ Ф. М. Кирѣевъ, адъютантъ И. А. Вѣтеръ, командиры сотенъ есаулъ Г. А. Рашпиль и есаулъ М. И. Свидинъ, подъесаулъ М. А. Скворцовъ, сотникъ В. Э. Зборовскій, сотникъ Е. Д. Шкуропатскій, сотникъ А. К. Шведовъ, хорунжій Н. В. Галушкинъ, хорунжій А. А. Грамотинъ, хорунжій С. Г. Лавровъ и хорунжій П. Г. Ергушевъ.

Въ концѣ завтрака Государь провозгласилъ здравицу: — **«За всѣ сотни Моего Конвоя!..»** — Въ этотъ моментъ открылись двери въ залъ и, неожиданно для всѣхъ, хоръ казаковъ Конвоя (введенный въ залъ во время завтрака) грянулъ маршъ: «Дружно, стройно, громко грянемъ мы, казачье ура!»

Государь, Наслѣдникъ Цесаревичъ, Великія Княжны и за Ними всѣ, присутствовавшіе на Высочайшемъ завтракѣ, перешли въ залъ.

Представители Союзныхъ Военныхъ Миссій, бывая иногда на нѣкоторыхъ Богослуженіяхъ въ Ставкѣ, слышали прекрасное исполненіе казаками церковныхъ пѣснопѣній, но исполненная хоромъ Конвоя могучая казачья пѣснь произвела на нихъ огромное впечатлѣніе, которое еще болѣе усилилось, когда хоръ послѣ своего марша сталъ пѣть гимны союзныхъ Россіи государствъ, стараясь произносить непонятные имъ слова. Это было настолько неожиданно, что удивило всѣхъ!

По своему реагировали иностранные военные представители. Англійскій генералъ, во время исполненія гимна его страны, стоялъ смирно. Представитель Италіи быстро подошелъ къ хору и сталъ пѣть свой гимнъ вмѣстѣ съ казаками, Французской и Бельгійской арміи генералы и сербскій полковникъ улыбались и благодарили казаковъ. Представитель Японіи подошелъ къ Государю и глубоко поклонился Ему.

Но произошло общее смущеніе: присутствовалъ представитель Румыніи, а казаки Конвоя румынскій гимнъ не пропѣли!

Тогда Государь обратился къ казакамъ и сказалъ имъ, чтобы они не смущались, т. к. «виновата сама Румынія, такъ поздно вступивъ

---

[22]) Въ настоящее время, отдѣльные снимки изъ этой ленты довольно часто показываются по телевизіи, въ такъ называемыхъ «историческихъ фильмахъ», гдѣ фактическіе снимки, снятые въ Императорской Россіи, къ сожалѣнію, чередуются съ небылицей изъ... «русской жизни».



Праздникъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя Царская Ставка. 4-го октября 1916 года.

Государь Императоръ поздравляетъ съ переводомъ въ Свой Конвой. вызванныхъ изъ строя, прикомандированныхъ офицеровъ. При Государѣ Императорѣ Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и командиръ Конвоя Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маiоръ графъ Граббе. Офицеры (слѣва направо): сотникъ Н. Галушкинъ, сотникъ А. Грамотинъ и сотникъ П. Ергушевъ.



Праздникъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя
Царская Ставка. 4-го октября 1916 года.

Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ,
Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

и Великія Княжны (слѣва направо)
Великая Княжна АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА,
Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА,
Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА
и Великая Княжна МАРІЯ НИКОЛАЕВНА,
мученически убіенныя въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 года
въ Екатеринбургѣ.

Офицеры Конвоя (слѣва направо): Е. Д. Шкуропатскій — убитъ, Ф. М. Кирѣевъ — умеръ въ походѣ, М. И. Свидинъ — выданъ большевикамъ, М. А. Скворцовъ, А. Н. графъ Граббе — умеръ, И. А. Вѣтеръ — умеръ, Г. А. Рашпиль — убитъ, А. К. Шведовъ — умеръ въ тюрьмѣ, С. Г. Лавровъ — умеръ въ тюрьмѣ, В. Э. Зборовскій — смертельно раненъ, Н. В. Галушкинъ, А. А. Грамотинъ, П. Г. Ергушевъ (выданъ большевикамъ).

въ войну, что у хора не было времени выучить румынскій гимнъ». Представителю же Румыніи Государь оказалъ особое Свое вниманіе, довольно долго съ нимъ разговаривая на французскомъ языкѣ.[23])

Послѣ гимновъ хоръ пропѣлъ нѣсколько казачьихъ пѣсень, а затѣмъ слѣдовала групповая лезгинка конвойцевъ, приведшая въ восторгъ всѣхъ иностранцевъ.

Въ тотъ же день вечеромъ въ штабной столовой офицеры Конвоя привѣтствовали своихъ многочисленныхъ гостей.

На другой день, 5-го октября, въ день Тезоименитства Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА, офицеры и нарядъ казаковъ Конвоя прибыли въ Могилевскій Соборъ къ началу Богослуженія. Во время Св. Литургіи и молебна въ Соборѣ присутствовала вся Царская Семья и всѣ высшіе чины Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, во главѣ съ Начальникомъ Штаба.

Командиръ, его помощникъ и адъютантъ Конвоя, имѣли честь принести Августѣйшему Атаману поздравленіе отъ имени всѣхъ чиновъ Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя и отъ Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ.

Въ 1916 году сильно осложнилось положеніе Союзныхъ Державъ:

1. Борьба англо-французовъ съ турками въ проливахъ, на Балканахъ и въ Малой Азіи была неудачна.

2. Подъ Верденомъ возобновилась изнурительная война.

3. На итальянскомъ фронтѣ произошла катастрофа. Австрійская армія перешла въ наступленіе съ цѣлью отрѣзать отъ базы всѣ главныя итальянскія силы, боровшіяся на путяхъ къ Тріесту.

Въ связи съ создавшейся обстановкою, всѣ Союзники снова требовали отъ Россіи экстренной помощи. Эта помощь была оказана!

Арміи Юго-Западнаго фронта принуждены были начать свои атаки, которыя привели къ Величайшей Галиційской Битвѣ 1916 года, продолжавшейся 4 мѣсяца. Австро-Венгерской арміи было нанесено рѣшительное пораженіе. Русская Императорская Армія одержала величайшую изъ побѣдъ, равной которой не было одержано за три года ни однимъ изъ Союзниковъ. Въ результатѣ доблести и жертвенности русскихъ войскъ, Австро-Венгрія должна была прекратить свое наступленіе на Италію и перебросить свои войска противъ Россіи.

На Западномъ фронтѣ положеніе французской арміи, какъ и положеніе Союзниковъ на Салоникскомъ фронтѣ, были значительно облегчены. Германское командованіе спѣшно снимало съ этихъ фронтовъ свои войска и перебрасывало ихъ на русскій фронтъ.

---

[23]) Государь Императоръ въ разговорѣ съ представителями союзныхъ державъ съ особой легкостью переходилъ съ одного языка на другой.

Русская Императорская Армія, а прежде всего ея Верховный Вождь Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, прилагали всѣ свои силы и волю къ продолженію войны до конца, достойнаго чести и величія Россіи.

«Мало эпизодовъ Великой Войны, болѣе поразительныхъ, нежели воскрешеніе, перевооруженіе и возобновленное гигантское усиліе Россіи въ 1916 году. Это былъ послѣдній славный вкладъ Царя и русскаго народа въ дѣло побѣды». (В. Черчилль).

Къ этой вѣрной побѣдѣ Россія и шла до тѣхъ поръ, пока она была ИМПЕРАТОРСКОЙ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

РОКОВЫЕ ДНИ ФЕВРАЛЯ И МАРТА 1917 ГОДА

Въ годы войны со стороны членовъ Государственной Думы, принадлежащихъ къ оппозиціоннымъ Царскому Правительству политическимъ партіямъ, велась замаскированная «святыми патріотическими» словами, искусная пропаганда противъ Правительства, — «которое начало войну и не можетъ ее кончить».

Русскому народу стали прививать и внушать, что для веденія успѣшной войны и достиженія побѣды необходимо новое Правительство, отвѣтственное не передъ Царемъ, а передъ «избранниками народа», что въ дѣйствительности означало не перемѣну, а замѣну всего Правительства. Фактически же шла борьба не только съ Царскимъ Правительствомъ, но и съ Самодержавіемъ.

Въ этой борьбѣ «главную роль играла не пропаганда революціонныхъ партій, а постоянная оппозиціонная критика Царскаго Правительства Государственной Думы.» (С. Мельгуновъ: «Мартовскіе дни 17 года». Журналъ «Возрожденіе». Стр. 150).

Съ этими «представителями» русскаго народа было солидарно и большинство представителей западной демократіи. **Господинъ Ллойдъ Джоржъ (занимавшій во время войны постъ англійскаго министра снабженія), несмотря на то, что Англія была союзницей Императорской Россіи, «открыто выражалъ свою радость, что отъ грома германскихъ пушекъ рушатся тысячелѣтнія оковы русскаго народа!» . . .**

Съ нимъ и ему подобными «союзниками» были единодушны члены Русской Государственной Думы, съ трибуны которой хотя и говорилось о войнѣ, но причины этой войны, историческіе завѣты и національные интересы Россіи были забыты. «Русскій народъ призывался къ другой войнѣ и къ другой побѣдѣ — войнѣ съ Царскимъ Правительствомъ и къ побѣдѣ надъ Самодержавіемъ». (Мельгуновъ: «Паденіе Царскаго режима». Т. III, стр. 97).

Самъ же Государь твердо вѣрилъ въ то, что Россіи нужна сильная Царская власть. Онъ зналъ и былъ убѣжденъ въ томъ, что только такая власть можетъ вывести Россію на путь побѣды, и не считалъ возможнымъ въ военное время снять съ Себя отвѣтственность за судьбу Россіи.

«Императоръ НИКОЛАЙ II, въ глубокой скорби, оставался непоколебимъ! Онъ видѣлъ такъ же ясно, какъ и другіе, возрастающую опасность. Онъ не зналъ способа ее избѣжать. По Его убѣжденію, только Самодержавіе, созданіе вѣковъ, дало Россіи силу продержаться такъ долго наперекоръ всѣмъ бѣдствіямъ.

«Ни одно государство, ни одна нація не выдерживали доселѣ подобныхъ испытаній въ такомъ масштабѣ, сохраняя при этомъ свое строеніе. Гигантская машина скрипѣла и стонала, но она продолжала работать. Еще одно усиліе и побѣда должна придти! Измѣнить строй, отворить ворота нападающимъ, отказаться хотя бы отъ доли своей Самодержавной власти — въ глазахъ Царя это значило вызвать немедленный развалъ.

«Досужимъ критикамъ, никогда не стоявшимъ передъ такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенныя возможности. Они говорятъ, какъ о чемъ то легкомъ и простомъ, о перемѣнѣ основъ русской государственности въ разгаръ войны, о переходѣ отъ Самодержавной Монархіи къ англійскому или французскому парламентскому строю.

«Самая негибкость строя придавала ему мощь! Самодержавный Царь, какія бы ни были прискорбныя упущенія, повелѣвалъ Россіей! Никто не можетъ доказать, что власть на три четверти или на половину Царская, а на остальную долю парламентарская могла бы чѣмъ либо вообще повелѣвать въ подобныя времена». (Изъ книги В. Черчилля: «Война на Восточномъ фронтѣ».)

О томъ какъ Государь Императоръ прилагалъ всѣ свои силы на служеніе Россіи, къ словамъ извѣстнаго англійскаго министра В. Черчилля, не менѣе извѣстный французскій политическій дѣятель господинъ Эрріо, добавляетъ: «Во всѣ моменты Онъ воплощалъ народный духъ и, какъ во внѣ, такъ и внутри, Онъ защищалъ его съ непоколебимой вѣрностью, которая вызываетъ восхищеніе и внушаетъ уваженіе!»

Благодаря неустаннымъ заботамъ Государя Императора, мощь Русской Арміи возросла настолько, что германское командованіе стало понимать свое необычайно тяжелое положеніе.

Генералъ Людендорфъ, въ своихъ воспоминаніяхъ (Т. I, стр. 292) пишетъ: «...Россія къ концу 1916 года создала большой приростъ военныхъ силъ. Бои показали также очень значительное усиленіе военнаго снаряженія. Верховному командованію придется считаться съ тѣмъ, что непріятель въ началѣ 1917 года будетъ подавляюще сильнѣе насъ. Наше положеніе необычайно тяжелое, и выхода изъ него почти нѣтъ!»...

Враги Императорской Россіи сознавали, что пока во главѣ Россіи стоитъ Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, пока русскій народъ хранитъ вѣрность своему Государю, они не добьются желательныхъ имъ перемѣнъ въ управленіи Россійскаго Государства.

Зная, что Россія, волею Государя Императора, вѣрными путями идетъ къ побѣдѣ, они стремились, именно во время войны, отстранить Государя и, забывъ свою національную честь, были единодушны съ внѣшними врагами Россіи. Какъ у однихъ, такъ и у другихъ была общая цѣль — лишить Россію Того, Кто являлся Символомъ единства и мощи Россійской Имперіи.

Для достиженія этой цѣли имъ надо было дискредитировать Царскую Власть и, использовавъ тяжесть войны, создать атмосферу недовѣрія и неуваженія не только къ Царскому Правительству, но и къ Самому Носителю Верховной ея Власти.

Со стороны «руководящихъ круговъ» Государственной Думы, поддержанныхъ агентами противника, началась гнусная и постыдная травля всего того, что было свято русскому народу, и что составляло его гордость и славу — лилась отвратительная клевета на Членовъ Династіи...

Въ разгаръ войны клевета эта была особенно преступна, ибо она была выгодна противнику, вносила извѣстное сомнѣніе въ ряды Русской Арміи и вела къ пониженію ея морали и боеспособности.

Убитый на своемъ посту, вѣрный слуга Государю и Родинѣ П. А. Столыпинъ этимъ же членамъ Государственной Думы еще въ 1909 году сдѣлалъ пророческое заявленіе: «Армія прійдетъ въ разстройство, когда она перестанетъ быть единой — единой въ повиновеніи одной безапеляціонной Священной Волѣ!

Введите въ этотъ принципъ ядъ сомнѣнія, внушите нашей арміи хотя бы обрывокъ мысли о томъ, что она зависитъ отъ коллективной воли, и мощь ея перестанетъ покоиться на единственно неизмѣнной, соединяющей нашу армію силѣ — на Власти Верховной!»

Поколебать мощь Русской Арміи, устранить въ Россіи Царскую Власть и лишить Русскую Императорскую Армію ея Верховнаго Вождя, для Германіи также было необходимо, какъ и для тѣхъ, кто въ самой Россіи своей главной задачей во время войны считалъ не пораженіе противника, а достиженіе своихъ революціонныхъ стремленій.

Германіи важно было, всѣми средствами, вывести Россію изъ строя воюющихъ Державъ. Этого можно было достигнуть лишь въ томъ случаѣ, если бы Россія лишилась своего Государя, неоднократно заявлявшаго о томъ, что Онъ не прекратитъ войны, пока не будетъ достигнута окончательная побѣда, и заключитъ миръ только въ полномъ согласіи со всѣми Союзными Державами. А потому Германія, дабы спасти себя, сочла необходимымъ принять участіе въ содѣйствіи и помощи русскимъ революціоннымъ кругамъ.

Въ такой обстановкѣ наступилъ роковой, по своимъ трагическимъ послѣдствіямъ, не только для русскаго народа, но и для народовъ всего міра, 1917 годъ! — Годъ начала русскаго лихолѣтія...

Въ эту мрачную годину русской исторіи, Государь, самоотверженно выполняя Свой великій подвигъ, непреклонною Своею волею, довелъ безпредѣльно любимую Имъ Россію «до порога побѣды»!

Соединенные общей цѣлью, внѣшніе и внутренніе ЕГО враги «революціоннымъ взрывомъ» не дали Россіи «переступить этотъ порогъ»... «Мы знали, что весной предстояло наступленіе Русской Арміи и ея побѣды. Въ такомъ случаѣ, престижъ и обаяніе Царя сдѣлались бы настолько крѣпкими, что всѣ наши усилія расшатать и свалить Самодержца были бы тщетны. Вотъ почему и пришлось прибѣгнуть къ скорѣйшему революціонному взрыву, чтобы предотвратить эту опасность». (Открытое признаніе господина Милюкова. «Знамя Россіи». № 217. П. Маръ.)

Этотъ же «революціонный взрывъ» спасъ въ 1917 году и внѣшняго врага Россіи, о чемъ свидѣтельствуетъ генералъ Людендорфъ:

«...Революція неизбѣжно влекла за собою уменьшеніе боеспособности русскихъ, ослабляла державы Согласія и значительно облегчала нашу тяжелую задачу. Главное командованіе получило возможность тотчасъ же выгадать существенную экономію въ войскахъ и въ боевыхъ запасахъ, а также предпринять смѣну дивизій въ большемъ масштабѣ.

Въ апрѣлѣ и въ маѣ 1917 года насъ спасли не побѣды на рѣкѣ Энъ и въ Шампаніи, а русская революція!..»
(Генералъ Н. Н. Головинъ «Военныя усилія Россіи въ Міровой Войнѣ»).

РУССКОЕ ЛИХОЛѢТІЕ. НАЧАЛО ТРАГЕДІИ РОССІИ

Подробное описаніе начала русскаго лихолѣтія или такъ называемой «великой и безкровной», не является цѣлью этой книги, но для того, чтобы хронологически точно и подробно изложить, при какой обстановкѣ, въ дни февраля и марта 1917 года, несъ свою службу Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой, необходимо краткое описаніе тѣхъ событій, при которыхъ произошелъ насильственный отходъ Россіи отъ своего историческаго пути.

Февраль 1917 г.

23-го. Появились первые признаки рабочихъ безпорядковъ въ Петроградѣ. Въ толпѣ — красные флаги и плакаты: «долой самодержавіе» — «долой войну».

24-го. Началось вооруженное столкновеніе полиціи съ митингующими толпами.

25-го. Число бастующихъ рабочихъ возросло до 250 тысячъ. Занятія въ учебныхъ заведеніяхъ прекратились.

26-го. Государь Императоръ объявилъ Указъ объ отстрочкѣ сессій Государственной Думы, которая должна была открыться на слѣдующій день. Событія приняли болѣе грозный характеръ. Войска (въ особенности на Невскомъ проспектѣ) дѣйствовали

активнѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе дни. Въ руководящихъ революціонныхъ кругахъ началось колебаніе, **но уличное движеніе перебросилось въ запасные батальоны...**

Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко посылаетъ въ Ставку Государю Императору телеграмму, характеризующую «угрожающіе размѣры» петроградскихъ событій, и проситъ «безотлагательно призвать лицо, которому можетъ вѣрить вся страна и поручить этому лицу составить правительство, которому можетъ довѣрить все населеніе». Одновременно съ телеграммой Государю, Родзянко телеграфировалъ Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-адъютанту Алексѣеву, почти дословно передавая содержаніе телеграммы, адресованной Государю, закончивъ ее словами: «въ Вашихъ рукахъ — судьба, слава и побѣда Россіи...» Копіи этой телеграммы были посланы и Главнокомандующимъ фронтами. Отвѣты генераловъ Рузскаго и Брусилова сводились къ тому, что они другого выхода не видѣли, какъ «послѣдовать совѣту Родзянко». Генералъ Эвертъ отвѣтилъ, что «насколько справедливо все изложенное въ телеграммѣ по отношенію внутренняго положенія страны, судить не могу».

27-го. **Вспыхнулъ солдатскій бунтъ въ нѣкоторыхъ запасныхъ батальонахъ Петроградскаго гарнизона. Запасные батальоны состояли изъ недавно призванныхъ и представляли собою крайне благопріятную среду для пораженческой и революціонной пропаганды. Эти «солдаты», хотя и именовались «Запасными батальонами» историческихъ Гвардейскихъ полковъ, доблестно исполнявшихъ свой воинскій долгъ на фронтѣ, но кромѣ формы, ничего общаго съ этими полками не имѣли.**

Родзянко присылаетъ новую телеграмму Государю Императору, «призывавшую въ рѣшительныхъ тонахъ безотлагательно вновь созвать законодательныя палаты и призвать новую власть на началахъ, изложенныхъ въ предшествовавшей телеграммѣ». Въ этой же телеграммѣ Родзянко сообщаетъ о томъ, что **«на войска гарнизона надежды нѣтъ, ибо они охвачены бунтомъ, убиваютъ офицеровъ и присоединяются къ толпѣ».**

Одновременно съ Родзянко, военный министръ генералъ Бѣляевъ посылаетъ Главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ, какъ ближайшему къ Петрограду, телеграмму: **«Положеніе въ Петроградѣ становится весьма серьезнымъ. Военный мятежъ немногими оставшимися вѣрными долгу частями погасить пока не удается, напротивъ того, многія части постепенно присоединяются къ мятежникамъ. Начались пожары, бороться съ ними нѣтъ средствъ. Необходимо спѣшное прибытіе дѣйствительно надежныхъ частей, при томъ, въ достаточномъ количествѣ, для одновременнаго дѣйствія въ различныхъ ча-**

стяхъ города». — Государь Императоръ повелѣваетъ генералу Хабалову, «прекратить во время войны недопустимые безпорядки».

Въ непосредственномъ распоряженіи Командующаго Войсками Петроградскаго Военнаго Округа генерала Хабалова оставалось до 2.000 солдатъ, сохранившихъ воинскую дисциплину.

Принимаемыя мѣры для прекращенія «солдатскаго» мятежа въ столицѣ Имперіи проводились вяло, а затѣмъ были вообще прекращены!..

Рѣшено было занять этими войсками Зимній Дворецъ. Въ Дворцовыхъ зданіяхъ войска расположились въ коридорахъ нижняго этажа и во дворѣ Дворца. Управляющій Дворцомъ генералъ Комаровъ, опасаясь, что зданіе Дворца и обстановка въ немъ могутъ пострадать въ случаѣ боя, просилъ генерала Хабалова вывести войска. Войска были переведены въ зданіе Адмиралтейства. Выводъ войсковыхъ частей изъ Зимняго Дворца, произвелъ на нихъ сильное моральное впечатлѣніе! — По требованію Морского Министра, также желавшаго сохранить Адмиралтейство, не примкнувшія къ бунту войска, принуждены были оставить и это зданіе и ... разойтись.

Съ общаго согласія всѣхъ министровъ, **Предсѣдатель Совѣта Министровъ кн. Голицынъ послалъ Государю въ Ставку телеграмму, въ которой доносилъ, что Совѣтъ Министровъ не можетъ справиться съ вспыхнувшимъ бунтомъ и просилъ о своемъ увольненіи. Отвѣтъ Государя Императора Предсѣдателю Совѣта Министровъ: «О главномъ военномъ начальникѣ въ Петроградѣ, Мною дано повелѣніе Начальнику Моего Штаба, съ указаніемъ немедленно прибыть въ столицу. То же и относительно войскъ. Лично вамъ предоставляю всѣ необходимыя права по гражданскому управленію. Относительно перемѣнъ въ личномъ составѣ, при данныхъ обстоятельствахъ, считаю недопустимымъ!»[24])**

По повелѣнію Государя, генералъ-адъютантъ Ивановъ назначается Главнокомандующимъ Петроградскаго Военнаго Округа. Генералъ Алексѣевъ предупреждаетъ Начальника Штаба Сѣвернаго фронта: **«Минута грозная, и нужно сдѣлать все для ускоренія прибытія прочныхъ войскъ. Въ этомъ заключается вопросъ нашего дальнѣйшаго будущаго».**

27-го. **Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко, по настоянію собравшихся около него членовъ этой Думы, образуетъ «Временный Комитетъ Государственной Думы», который объявляетъ себя «государственной властью» и ... присоединяется къ возставшимъ «солдатамъ» запасныхъ батальоновъ.**

---

[24]) Изъ опубликованныхъ документовъ въ «Красномъ Архивѣ».

28-го. **Въ ночь на 28 февраля, этотъ «комитетъ» выпускаетъ — «воззваніе къ народу» и посылаетъ телеграммы Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, Главнокомандующимъ фронтами и Командующимъ Флотами — Балтійскимъ и Черноморскимъ.**

«Возваніе къ народу»:

«Временный Комитетъ Государственной Думы, при тяжелыхъ условіяхъ внутренней разрухи, вызванной мѣрами стараго правительства, нашелъ себя вынужденнымъ взять въ свои руки возстановленіе государственнаго и общественнаго порядка. Сознавая всю отвѣтственность принятаго имъ рѣшенія, комитетъ выражаетъ увѣренность, что населеніе и армія помогутъ ему въ трудной задачѣ созданія новаго правительства, соотвѣтствующаго желаніямъ населенія и могущаго пользоваться довѣріемъ его. Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко».

Телеграммы Начальнику Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, Главнокомандующимъ фронтами и Командующимъ флотами:

«1. Временный Комитетъ Государственной Думы сообщаетъ Вашему Превосходительству, что въ виду устраненія отъ управленія всего состава бывшаго Совѣта Министровъ, правительственная власть перешла, въ настоящее время, Временному Комитету Государственной Думы.

2. Временный Комитетъ Государственной Думы, взявши въ свои руки созданіе нормальныхъ условій жизни и управленія въ столицѣ, приглашаетъ Дѣйствующую Армію и Флотъ сохранить полное спокойствіе и питаетъ полную увѣренность, что общее дѣло борьбы противъ внѣшняго врага ни на минуту не будетъ прервано или ослаблено. Такъ же стойко и мужественно, какъ и доселѣ, Армія и Флотъ должны продолжать защиту своей Родины. Временный Комитетъ, при содѣйствіи столичныхъ войскъ и частей, при сочувствіи населенія, въ ближайшее время, водворитъ спокойствіе въ тылу и возстановитъ правильную дѣятельность правительственныхъ учрежденій. Пусть и съ своей стороны, каждый офицеръ, солдатъ и матросъ исполнитъ свой долгъ!

Предсѣдатель Государственной Думы М. Родзянко».

Великій Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ 27 февраля, около 11 часовъ вечера (по прямому проводу изъ Петрограда) просилъ генерала Алексѣева доложить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, что для немедленнаго успокоенія принявшаго крупные размѣры движенія необходимо увольненіе всего состава Совѣта Министровъ и назначеніе предсѣдателемъ Совѣта Министровъ лица, заслуживающаго довѣрія Государя и пользующагося уваженіемъ въ широкихъ слояхъ. — «Въ виду чрезвы-

чайно серьезнаго положенія не угодно ли будетъ Государю уполномочить меня безотлагательно объявить объ этомъ отъ Высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Имени, причемъ полагаю, что такимъ лицомъ въ настоящій моментъ могъ бы быть кн. Львовъ».

Генералъ Алексѣевъ исполнилъ просьбу Великаго Князя и отвѣтилъ ему, что **Государь Императоръ рѣшилъ слѣдовать въ Царское Село и что всѣ мѣропріятія, касающіяся личнаго состава Правительства, Государь отлагаетъ до Своего прибытія въ Царское Село.**

Въ то же время, когда Предсѣдатель Государственной Думы «отъ имени Временнаго Комитета» выпускалъ «воззваніе къ народу», т. е. въ ночь съ 27-го на 28, Государь Императоръ къ 1 часу ночи переѣхалъ въ Свой поѣздъ. Передъ своимъ отбытіемъ въ Царское Село, Государь уже въ поѣздѣ, еще разъ, принялъ генералъ-адъютанта Иванова. Къ этому времени была получена въ Ставкѣ телеграмма генерала Хабалова, сообщавшаго, что — **«исполнить повелѣніе о возстановленіи въ столицѣ порядка, не могъ».**

Мартъ . . .

Въ связи со сложившейся въ пути обстановкой, Императорскіе поѣзда (Литера «А» и Литера «Б») не могли продвинуться къ Царскому Селу, и къ вечеру 1-го марта прибыли въ мѣсто расположенія штаба Сѣвернаго фронта, въ городъ Псковъ. О движеніи Литерныхъ поѣздовъ на Псковъ, изъ Старой Руссы была послана телеграмма генералъ-адъютанту Рузскому.

1-го. Генералъ Ивановъ, отбывъ изъ Могилева, благополучно прибываетъ въ Царское Село 1-го марта, но . . . **отправка войскъ для подкрѣпленія генерала Иванова была остановлена! — Было ли это сдѣлано по Личному повелѣнію Государя Императора, или — «Именемъ Государя, но помимо (если не противъ) Его воли»** — (С. Ольденбургъ «Царствованіе Императора НИКОЛАЯ II» Т. II, стр. 255.), **не исключаетъ того факта, что нѣкоторыя войска, назначенныя для возстановленія порядка въ Петроградѣ, по приказу Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ, были возвращены обратно, другіе — распоряженіемъ Ставки задержаны на большихъ станціяхъ и получили приказаніе «не производить отправленія до особаго увѣдомленія». —** Георгіевскій батальонъ, съ генераломъ Ивановымъ, лично посѣтившимъ въ Александровскомъ Дворцѣ Государыню Императрицу, вернулся обратно въ Могилевъ.

Возстановленіе порядка въ Петроградѣ возможно было только однимъ путемъ — путемъ энергичной борьбы, т. е. примѣненія силъ со стороны Дѣйствующей Арміи. Этого сдѣлано не было!

«...Пассивное отношеніе къ совершавшимся въ столицѣ событіямъ особенно было проявлено со стороны Главного командованія Сѣвернаго фронта, которому надлежало первому принять мѣры для прекращенія безпорядковъ въ столицѣ». (Генералъ Головинъ. «Россійская контръ-революція 1917—1918 г. г.»)

По мнѣнію этого командованія, въ вѣдѣніе котораго входилъ Петроградъ, «примѣненіе оружія могло вызвать лишь ужасныя послѣдствія, учесть кои впередъ нельзя». (Запись Великаго Князя Андрея Владиміровича). Ложныя свѣдѣнія, полученныя въ Псковѣ о томъ, что «въ Петроградѣ наступило полное спокойствіе» и сама война, парализовали волю Главного командованія для противодѣйствія петроградскому бунту. Въ результатѣ — уличные безпорядки превратились въ тотъ «революціонный взрывъ», къ которому, во время войны такъ стремились враги Императорской Россіи, оппозиціонные круги изъ Государственной Думы и всѣ ихъ единомышленники.

Въ Псковѣ Главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ генералъ-адъютантъ Рузскій былъ принятъ Государемъ Императоромъ и представилъ Государю телеграмму Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-адъютанта Алексѣева (1865 — 1 марта 1917).

«Телеграмма ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ. Псковъ. — Ежеминутно растущая опасность распространенія анархіи во всей странѣ, дальнѣйшее разложеніе арміи и невозможность продолженія войны, при создавшейся обстановкѣ — настойчиво требуютъ изданія Высочайшаго акта, могущаго еще успокоить умы, что возможно только путемъ признанія отвѣтственнаго министерства и порученія составленія его предсѣдателю Государственной Думы. Поступающія свѣдѣнія даютъ основаніе надѣяться на то, что думскіе дѣятели, руководимые Родзянко, еще могутъ остановить всеобщій развалъ, и что работа съ ними можетъ пойти, но утрата всякаго часа уменьшаетъ послѣдніе шансы на сохраненіе и возстановленіе порядка и способствуетъ захвату власти крайними лѣвыми элементами. Въ виду этого, усердно умоляю ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО на немедленное опубликованіе изъ Ставки нижеслѣдующаго Манифеста:» — Далѣе въ телеграммѣ генерала Алексѣева слѣдуетъ содержаніе этого Манифеста, въ которомъ сказано: **«...Стремясь сильнѣе сплотить всѣ силы народныя для скорѣйшаго достиженія побѣды, Я призналъ необходимымъ призвать отвѣтственное передъ представителями народа министерство, возложивъ образованіе его на предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ всей Россіи».**

Телеграмма, составленная Государемъ Императоромъ на имя Родзянко, въ которой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО объявилъ Свою волю дать отвѣтственное министерство, была Министромъ Императорскаго Двора передана Главнокомандующему Сѣвернымъ фронтомъ.

2-го. Въ теченіи ночи съ 1-го на 2-е марта, Председатель Государственной Думы М. Родзянко ведетъ телеграфный разговоръ съ Главнокомандующимъ Сѣвернаго фронта, въ которомъ заявляетъ: ... «Я долженъ сообщить вамъ, что въ самомъ началѣ движенія, власти въ лицѣ министровъ стушевались и не принимали рѣшительныхъ мѣръ предупрежденія; немедленно же началось братаніе войскъ съ народными толпами, войска не стрѣляли, а ходили по улицамъ и толпа имъ кричала «ура».[25])

«Перерывъ занятій законодательныхъ учрежденій подлилъ масла въ огонь и, мало по малу, наступила такая анархія, что Государственной Думѣ вообще, а мнѣ въ частности оставалось только попытаться взять движеніе въ свои руки и стать во главѣ для того, чтобы избѣжать такой анархіи, при такомъ разслоеніи, которое грозило бы гибелью Государству. Къ сожалѣнію, мнѣ это не удалось, народныя страсти такъ разгорѣлись, что сдержать ихъ врядъ ли будетъ возможно; войска окончательно деморализованы: не только не слушаются, но убиваютъ своихъ офицеровъ».

«Вынужденъ былъ во избѣжаніе кровопролитія, всѣхъ министровъ, кромѣ военнаго и морского, заключить въ Петропавловскую крѣпость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнетъ и меня, т. к. агитація направлена на все, что болѣе умѣренно и ограничено въ своихъ требованіяхъ ...» **Въ дальнѣйшей части своего заявленія Родзянко передаетъ «требованіе» объ отреченіи Государя Императора въ пользу Наслѣдника Цесаревича, при Регентствѣ Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА,** заканчивая словами: **«одно могу сказать: ни кровопролитія, ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я этого не допущу! ... »**

Въ этомъ разговорѣ съ генераломъ Рузскимъ, М. Родзянко говоритъ ни о чемъ иномъ, какъ объ актѣ, долженствующемъ потрясти въ самомъ основаніи міровоззрѣніе всего русскаго народа.

«Содержаніе этого перваго революціоннаго заявленія Родзянко утверждаетъ тотъ фактъ, что въ Петроградѣ былъ просто бунтъ, въ которомъ не было ничего «великаго», а тѣмъ болѣе «безкровнаго». И въ этомъ бунтѣ дѣятельность нашихъ

---

[25]) С. Мельгуновъ въ своей статьѣ: «Кровавое» подавленіе «революціи» (журналъ «Возрожденіе» сент.-окт. 1950 г., стр. 126) указываетъ: «Хабаловъ съ перваго дня не хотѣлъ прибѣгать къ стрѣльбѣ — это не совѣтовалъ ему еще за три недѣли до переворота Рузскій».

«революціонеровъ» («долой Самодержавіе!»), тѣсно переплеталась съ работою нѣмецкихъ агентовъ («долой войну!»), преслѣдовавшихъ цѣль вывести Россію изъ рядовъ воюющихъ Державъ, путемъ сѣянія смуты въ тылу Русской Арміи.

Напрасно большевики въ С. С. С. Р. и «вожди революціи» въ эмиграціи стараются доказать свои «заслуги»! — Мартовскія событія застали всѣхъ врасплохъ, когда не было ни «героевъ», ни «вождей», а была анархія. Доказательствомъ чего служатъ слова самого Родзянко: «мнѣ оставалось только попытаться взять движеніе въ свои руки и стать во главѣ, чтобы избѣжать анархіи» . . . «къ сожалѣнію, мнѣ это не удалось» . . . Но самымъ главнымъ доказательствомъ того, что у Предсѣдателя Государственной Думы власти, о которой онъ торжественно заявилъ, что принялъ на себя, не было — это его сообщеніе генералу Рузскому о томъ, что: «войска не только не слушаютъ, но убиваютъ своихъ офицеровъ», а сообщая объ арестѣ министровъ добавляетъ, «очень опасаюсь, что такая же участь постигнетъ и меня».

И, наконецъ, совсѣмъ уже ироніей звучатъ его заключительныя слова: «ни кровопролитія, ни ненужныхъ жертвъ не будетъ. Я этого не допущу! . . . » (Генералъ Головинъ. «Россійская контръ-революція 1917—1918 г. г.»)

Заявленіе Родзянко о томъ, что онъ «взялъ движеніе въ свои руки и сталъ во главѣ его», не отвѣчали дѣйствительности, ибо лично онъ, какъ и весь «Временный Комитетъ Государственной Думы», былъ подъ постояннымъ контролемъ представителей «Совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ».

«Совѣтъ рабочихъ депутатовъ» возникъ самочинно 27-го февраля. Иниціаторами его явились освобожденные толпой изъ предварительнаго заключенія лидеры «рабочей группы». Этотъ самочинный Совѣтъ, совмѣстно съ нѣкоторыми представителями крайнихъ лѣвыхъ партій той же Государственной Думы, образовалъ «Исполнительный Комитетъ Совѣта Рабочихъ Депутатовъ». Впослѣдствіи въ названіе «Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» было вставлено — «и Солдатскихъ».

Между тѣмъ, отъ имени «Временнаго Комитета Государственной Думы» по всей странѣ разсылались телеграммы, изображавшія положеніе въ Петроградѣ въ совершенно искаженномъ видѣ.

«Генералы Алексѣевъ и Рузскій имѣли ложное представленіе о томъ, что фактически произошло въ Петроградѣ. Они вѣрили, что въ Петроградѣ Правительство Государственной Думы, опирающееся на дисциплинированныя части, ради возможности продолжать войну, прежде всего хотѣли избѣжать междоусобія». (С. Ольденбургъ. «Царствованіе Императора НИКОЛАЯ II». Т. II, стр. 251).

На основанiи разговора (въ ночь съ 1-го на 2-е марта) Родзянко съ генераломъ Рузскимъ, Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго разсылаетъ телеграммы всѣмъ Главнокомандующимъ фронтами. Текстъ телеграммы Главнокомандующимъ:

«ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО находится въ Псковѣ, гдѣ изъявилъ Свое согласiе объявить Манифестъ, итти навстрѣчу народному желанiю учредить отвѣтственное передъ палатами министерство, поручивъ предсѣдателю Государственной Думы образовать Кабинетъ. По сообщенiю этого рѣшенiя Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта предсѣдателю Государственной Думы, послѣднiй, въ разговорѣ по аппарату, въ три съ половиной часа второго сего марта отвѣтилъ, что появленiе такого Манифеста было бы своевременно 27-го февраля; въ настоящее же время этотъ актъ является запоздалымъ, что нынѣ наступила одна изъ страшныхъ революцiй; сдержать народныя страсти трудно; войска деморализованы. Предсѣдатель Государственной Думы, хотя пока и вѣритъ, но онъ опасается, что сдерживать народныя страсти будетъ невозможно. **Что теперь Династическiй вопросъ поставленъ ребромъ и войну можно продолжать до побѣднаго конца, лишь при исполненiи предъявленныхъ требованiй относительно отреченiя отъ Престола въ пользу Сына, при Регентствѣ Михаила Александровича.**

Обстановка, повидимому, не допускаетъ иного рѣшенiя и каждая минута дальнѣйшихъ колебанiй повыситъ только претензiи, основанныя на томъ, что существованiе армiи и работа желѣзныхъ дорогъ находится фактически въ рукахъ петроградскаго временнаго правительства.

Необходимо спасти Дѣйствующую Армiю отъ развала; продолжать до конца борьбу съ внѣшнимъ врагомъ; спасти независимость Россiи и судьбу Династiи. Это нужно поставить на первомъ планѣ, хотя бы цѣной дорогихъ уступокъ. Если вы раздѣляете этотъ взглядъ, то не благоволите ли телеграфировать весьма спѣшно свою вѣрноподданическую просьбу ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ черезъ Главнокомандующаго Сѣвернаго фронта, извѣстивъ меня. Повторяю, что потеря каждой минуты можетъ стать роковой для существованiя Россiи, и что между высшими начальниками Дѣйствующей Армiи нужно установить единство мысли и цѣлей, и спасти армiю отъ колебанiй и возможныхъ случаевъ измѣны долгу.

Армiя должна всѣми силами бороться съ внѣшнимъ врагомъ, а рѣшенiе относительно внутреннихъ дѣлъ должно избавить ее отъ искушенiя принять участiе въ переворотѣ, который болѣе безболѣзненно совершится при рѣшенiи сверху.

2-го марта 1917 года. 10 часовъ 15 минутъ. 1872. Алексѣевъ».

Въ своихъ отвѣтахъ Главнокомадующіе фронтами, а въ томъ числѣ и Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ Главнокомандующій Кавказскимъ фронтомъ, были согласны съ «мнѣніемъ» Предсѣдателя Государственной Думы.

Передавая въ Псковъ отвѣтныя телеграммы Главнокомандующихъ фронтами, Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго сопроводилъ ихъ своимъ заключеніемъ:

«Всеподданнѣйше докладывая эти телеграммы ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, умоляю безотлагательно принять рѣшеніе, которое Господь внушитъ ВАМЪ; промедленіе грозитъ гибелью Россіи. Пока армію удается спасти отъ проникновенія болѣзни, охватившей Петроградъ, Москву, Кронштадтъ и другіе города, но ручаться за дальнѣйшее сохраненіе воинской дисциплины нельзя. Прикосновеніе же арміи къ дѣлу внутренней политики будетъ знаменовать неизбѣжный конецъ войны, позоръ Россіи и развалъ ея. ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО горячо любите Родину и ради ея цѣлости, независимости, ради достиженія побѣды соизволите принять рѣшеніе, которое можетъ дать мирный и благополучный исходъ изъ создавшагося болѣе чѣмъ тяжелаго положенія. Ожидаю повелѣній!»[26])

«Телеграммы Главнокомандующихъ явились рѣшающимъ моментомъ въ отреченіи отъ Престола Государя Императора». (Ген. Головинъ. «Россійская контръ-революція 1917—1918 г. г.» Стр. 35, 36.)

Вручая Государю эти телеграммы, генералъ Рузскій «отчеканивая каждое слово, сталъ излагать свое собственное мнѣніе, клонившееся къ выводу о невозможности для Государя принять какое либо иное рѣшеніе, кромѣ того, которое подсказывалось совѣтами запрошенныхъ лицъ». (Ген. Даниловъ. «Великій Князь Николай Николаевичъ». Стр. 307.)

Ближайшіе сотрудники генерала Рузскаго, Начальникъ Штаба Сѣвернаго фронта ген. Даниловъ и главный начальникъ снабженія и тыла фронта ген. Саввичъ присутствовали при докладѣ телеграммъ Государю и «подтвердили мнѣніе, намѣченное предсѣдателемъ Государственной Думы и поддержанное старшими начальниками Дѣйствующей Арміи».

Текстъ Высочайшихъ телеграммъ, написанныхъ собственноручно Государемъ Императоромъ НИКОЛАЕМЪ II АЛЕКСАНДРОВИЧЕМЪ:

---

[26]) Генералъ Головинъ. «Россійская контръ-революція 1917—1918 г.» С. Мельгуновъ. «Мартовскіе дни 17-го года».

1. **«Предсѣдателю Государственной Думы. Петроградъ.
Нѣтъ той жертвы, которую Я не принесъ бы во имя дѣйствительнаго блага и для спасенія родной матушки Россіи. Посему Я готовъ отречься отъ Престола въ пользу Моего Сына, съ тѣмъ чтобы Онъ оставался при Мнѣ до совершеннолѣтія, при регентствѣ Брата Моего Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА. НИКОЛАЙ».**
2. **«Наштаверхъ. Ставка.
Во имя блага, спокойствія и спасенія горячо любимой Россіи, Я готовъ отречься отъ Престола въ пользу Моего Сына. Прошу всѣхъ служить Ему вѣрно и нелицемѣрно. НИКОЛАЙ».**

Эти телеграммы не успѣли послать, какъ было получено извѣщеніе о выѣздѣ «для переговоровъ» съ Государемъ Императоромъ делегатовъ отъ «Временнаго Комитета Государственной Думы» — Гучкова и Шульгина. «Не зная, какія условія будутъ поставлены Думскимъ Комитетомъ, Государь потребовалъ составленныя Имъ телеграммы обратно. Генералъ Рузскій отказался ихъ вернуть, и лишь задержалъ ихъ отправленіе». (Генералъ Головинъ. «Россійская контръ-революція 1917—1918 г. г.» стр. 36.)

Позже Государь Императоръ измѣнилъ Свое рѣшеніе передать Престолъ Своему Сыну.[27]) Прибывшимъ въ Псковъ делегатамъ «Временнаго Комитета Государственной Думы», Государь Императоръ передалъ актъ отреченія за Себя и за Сына Своего Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА, въ пользу Брата — Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА.

Актъ объ отреченіи Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА отъ Престола Государства Россійскаго и о сложеніи съ Себя Верховной Власти гласитъ:

«Ставка. Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжелое испытаніе.

Начавшіяся народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны. Судьба Россіи, честь геройской нашей арміи, блага народа, все будущее дорогого нашего отечества, требуютъ доведеніе войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ направляетъ послѣднія силы, и уже близокъ часъ, когда доблестная армія наша, совмѣстно съ славными нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага.

---

[27]) Г. Жильяръ въ своей книгѣ: «Императоръ НИКОЛАЙ II и Его Семья», на стр. 148 указываетъ, что Государь принялъ это рѣшеніе, послѣ разговора съ профессоромъ Ѳеодоровымъ.

Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли МЫ долгомъ совѣсти облегчить народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ, для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго, и сложить съ Себя Верховную Власть.

Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ Нашимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше Брату Нашему Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ, и благословляемъ его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго.

Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ, на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены, принеся въ этомъ ненарушимую присягу.

Во имя горячо любимой родины, призываю всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь Ему, вмѣстѣ съ представителями народа, вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи!

НИКОЛАЙ.

г. Псковъ. 2-го марта 15 ч. 3 мин. 1917 годъ.

Министръ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантъ гр. Фредериксъ».

Тамъ же въ Псковѣ, Государь Императоръ подписалъ два Указа Правительствующему Сенату о бытіи Верховнымъ Главнокомандующимъ Великому Князю Николаю Николаевичу, и другой, о назначеніи кн. Львова Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ.

3-го. Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ Государь Императоръ отправилъ телеграмму, посланную (въ 2 часа 56 минутъ) 3-го марта въ пути слѣдованія изъ Пскова въ Могилевъ, со станціи «Сусанино».

Телеграмма была адресована «ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ» и гласила: «... Событія послѣднихъ дней вынудили меня рѣшиться безповоротно на этотъ крайній шагъ. Прости меня, если имъ огорчилъ Тебя и что не успѣлъ предупредить. Горячо молю Бога помочь Тебѣ и нашей Родинѣ».

Первымъ рѣшеніемъ думскаго комитета и новаго правительства — было остановить распубликованіе Высочайшаго Манифеста. Родзянко, соединившись по прямому проводу съ генералами Рузскимъ и Алексѣевымъ, просилъ ихъ не пускать

въ обращеніе никакого Манифеста, и въ цѣляхъ болѣе сильнаго на нихъ воздѣйствія, чрезмѣрно сгущая краски, сообщилъ имъ, что: «весьма возможна гражданская война». — «Съ регентствомъ Великаго Князя и воцареніемъ Наслѣдника Цесаревича помирились бы, можетъ быть, но воцареніе его какъ Императора абсолютно непріемлемо». «Въ результатѣ переговоровъ съ депутатами отъ рабочихъ, удалось придти къ нѣкоторому соглашенію, которое заключалось въ томъ, чтобы было создано Учредительное Собраніе, для того, чтобы народъ могъ высказать свой взглядъ на форму правленія». — «При предложенной формѣ, возвращеніе Династіи не исключено . . . »

Фактически же до этого «соглашенія», члены новаго правительства договорились между собою, «мнѣніе Керенскаго о необходимости убѣдить Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА отречься, возымѣло рѣшающее значеніе.»[28])

Желаніе этого правительства закрѣпить власть только за собою, привело къ тому, что была упущена послѣдняя возможность предотвратить катастрофу Россійскаго Государства.

На другой же день послѣ отреченія Государя Императора, Великій Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ, по настоянію почти всѣхъ членовъ правительства (кромѣ Гучкова и Милюкова), отрекся въ свою очередь отъ Престола, и предоставилъ Учредительному Собранію разрѣшить вопросъ о будущемъ образѣ правленія въ Россіи.[29])

4-го. Временное Правительство объявляетъ, за подписью своего предсѣдателя кн. Львова, по телеграфу всей Россіи: «2-го сего марта послѣдовало отреченье отъ Престола Государя Императора НИКОЛАЯ II за Себя и за Своего Сына, въ пользу Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА. 3-го марта, МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ отказался воспріять верховную власть впредь до опредѣленія Учредительнымъ Собраніемъ формы правленія, и призвалъ населеніе подчиниться временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до созыва

---

[28]) С. Мельгуновъ. «Опыты историческаго анализа». — «Возрожденіе». т. 10 стр. 129. 1950 годъ.

[29]) Въ текстѣ воспоминаній самого Керенскаго сказано, что онъ, послѣ рѣшенія Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, заявилъ о томъ, что *«беретъ обязательство»* защищать Великаго Князя отъ всѣхъ. — «Мы пожали другъ другу руку. *И, съ этого момента, мы остались въ добрыхъ отношеніяхъ*. Правда, мы встрѣтились только разъ въ ночь отъѣзда Царя въ Тобольскъ, но... я имѣлъ нѣсколько разъ случай оказать услугу Великому Князю, облегчая ему немного жизнь въ новой обстановкѣ, въ которой онъ находился . . » — *«Въ историческихъ изданіяхъ»*, отмѣчаетъ С. Мельгуновъ, *«Керенскій не упомянулъ, что Великій Князь МИХАИЛЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ — былъ арестованъ, по личному распоряженію тогдашняго главы правительства».*

(С. Мельгуновъ — «МИХАИЛЪ II». стр. 137. «Тетрадь двадцать четвертая. — Литературно-политическія тетради». Ноябрь-Декабрь 1952 г.)

Учредительнаго Собранія, которое своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа.

Предсѣдатель Совѣта кн. Львовъ»

«Отказъ Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА отъ воспріятія Верховной Власти впредь до установленія въ Учредительномъ Собраніи образа Правленія и новыхъ Основныхъ законовъ Государства Россійскаго».

«Тяжелое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшаго Мнѣ Императорскій Всероссійскій Престолъ въ годину безпримѣрной войны и волненій народныхъ.

Одушевленный единою со всѣмъ народомъ мыслію, что выше всего благо Родины нашей, принялъ Я твердое рѣшеніе, въ томъ лишь случаѣ воспріять Верховную Власть, если таковая будетъ воля великаго народа нашего, которому надлежитъ всенароднымъ голосованіемъ, черезъ представителей своихъ въ Учредительномъ Собраніи, установить образъ правленія и новые Основные Законы Государства Россійскаго.

Посему призывая благословеніе Бога, прошу всѣхъ гражданъ Державы Россійской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всею полнотою власти, впредь до того, какъ созванное въ возможно кратчайшій срокъ, на основѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія, Учредительное Собраніе своимъ рѣшеніемъ объ образѣ правленія выразитъ волю народа».

Петроградъ. 3. III. 1917. МИХАИЛЪ»

Сама Армія (какъ и народъ, «отъ имени» котораго выступали всѣ дѣлатели «великой и безкровной») не принимала никакого участія въ разыгравшихся въ ея тылу грандіозныхъ событіяхъ, приведшихъ въ конечномъ результатѣ къ порабощенію Россіи безбожнымъ коммунизмомъ.

«Войска были ошеломлены, трудно опредѣлить другими словами первое впечатлѣніе, которое произвело опубликованіе Манифестовъ объ отреченіи ...» — «Но сдерживающимъ началомъ для всѣхъ являлись два обстоятельства: — видимая легальность обоихъ актовъ отреченія, причемъ второй изъ нихъ, призывая подчиниться Временному Правительству, облеченному всей полнотой власти, выбивалъ изъ рукъ монархистовъ всякое оружіе; и второе — боязнь междоусобной войной открыть фронтъ.

Армія тогда была послушна своимъ вождямъ! А они — всѣ Главнокомандующіе — признавали новую власть ...» (Генералъ Деникинъ: — «Очерки Русской Смуты». Т. I. Восп. I. Стр. 60. Въ дни начала русскаго лихолѣтія и отреченія отъ Престола

Государя Императора, генералъ Деникинъ занималъ должность командира 17-го армейскаго корпуса).

СЛУЖБА СОТЕНЪ КОНВОЯ ВЪ ДНИ ФЕВРАЛЯ И МАРТА 1917. г.

Въ роковые дни февраля и марта 1917 года, дни начала трагедіи Россіи и, неразрывно съ ней связанной, судьбой Царственной Династіи, **сотни Конвоя** Л.-Гв. 1-я и 2-я Кубанскія, Л.-Гв. 3-я и 4-я Терскія и Л.-Гв. 5-я Сводная **несли службу въ Царскомъ Селѣ, въ Могилевѣ и въ Кіевѣ.** Л.-Гв. 5-я сотня, къ формированію которой было приступлено во время войны, не закончила свое формированіе, и въ своемъ составѣ не имѣла положеннаго ей по штату числа чиновъ. Она состояла изъ казаковъ, частично выбранныхъ изъ всѣхъ 4-хъ сотенъ постояннаго состава Конвоя, частично изъ казаковъ Георгіевскихъ кавалеровъ дѣйствующихъ полковъ Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ, переведенныхъ въ Конвой за боевыя отличія.

Въ Царскомъ Селѣ, гдѣ въ то время проживала ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА со Своими Августѣйшими Дѣтьми, несли службу Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня — командиръ есаулъ М. Свидинъ и Л.-Гв. 3-я Терская — командиръ есаулъ К. Панкратовъ.

Служба состояла въ охранѣ Царскосельскаго Императорскаго Дворца: внутренними постами, конными постами вокругъ рѣшетки парка Дворца и конными же постами Бабаловскаго, Нижне-Царскосельскаго и Павловскаго парковъ. Кромѣ службы этихъ внутреннихъ и наружныхъ постовъ, ежедневно назначался соотвѣтствующій нарядъ офицеровъ и казаковъ для всѣхъ «Встрѣчъ» и сопровожденій въ поѣздкахъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы.

Въ Могилевѣ-Царская Ставка службу несли Л.-Гв. 1-я Кубанская сотня — командиръ сотни есаулъ Г. Рашпиль и Л.-Гв. 4-я Терская — командиръ есаулъ Г. Татоновъ. Служба этихъ сотенъ: 1) охрана внутренними постами Губернаторскаго дома, служившаго Резиденціей ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА, во время Его пребыванія въ Могилевѣ. 2) Охрана самой Царской Ставки, отдѣльными конными постами вокругъ города Могилева, на всѣхъ дорогахъ и главныхъ путяхъ, ведущихъ къ Могилеву.

Для сопровожденія Государя Императора въ Его поѣздкахъ всегда былъ готовъ къ вызову нарядъ въ составѣ 1-го офицера и 14 казаковъ.

Въ Кіевѣ при ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВѢ Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ — пѣшая полусотня Л.-Гв. 5-й Сводной сотни, въ составѣ 2-хъ офицеровъ, 48-ми урядниковъ и казаковъ, подъ командованіемъ хорунжаго А. Рогожина. Служба полусотни — внутренніе посты въ Кіевскомъ Императорскомъ Дворцѣ и сопровожденіе Государыни Императрицы при Ея выѣздахъ и поѣздкахъ. Офицеры полу-

сотни: хорунжій А. Рогожинъ и хорунжій Е. Ногаецъ помѣщались въ самомъ Дворцѣ, казаки — въ казармахъ понтоннаго батальона, отдѣленныхъ отъ Кіевскаго Дворца Маріинскимъ паркомъ.

Служба всѣхъ сотенъ Конвоя по охранѣ Императорскихъ Дворцовъ внутренними и внѣшними постами неслась совмѣстно съ Собственнымъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Своднымъ Пѣхотнымъ полкомъ.

Въ Петроградѣ, гдѣ находилась канцелярія Конвоя, была команда продолжавшей свое формированіе Л.-Гв. 5-й Сводной сотни и нестроевая команда Конвоя. Команда 5-й сотни имѣла въ своемъ составѣ 35 урядниковъ и казаковъ. Команда эта несла службу по охранѣ денежнаго ящика, всего казеннаго имущества Конвоя, а также частнаго имущества казаковъ (большой складъ необходимаго матеріала для «постройки» обмундированія чинамъ Конвоя, обозъ, мастерскія и складъ казачьихъ сундуковъ съ ихъ собственными вещами) и обслуживала лошадей всѣхъ чиновъ сотни. Лошади полусотни, командированной въ Кіевъ, оставались въ Петроградѣ. Л.-Гв. 5-й Сводной сотней командовалъ есаулъ В. Савицкій. Въ Петроградѣ же находились квартиры всѣхъ семейныхъ офицеровъ Конвоя и нѣсколько другихъ офицерскихъ квартиръ. Канцелярія и казармы выходили на Шпалерную улицу, офицерскія квартиры и на Воскресенскую набережную.

ЦАРСКОЕ СЕЛО.

(По личнымъ записямъ офицеровъ сотенъ Конвоя, служившихъ въ Царскомъ Селѣ и по воспоминаніямъ казаковъ-конвойцевъ.)

27-го февраля. Жизнь раіона Александровскаго Дворца, какъ и всего Царскаго Села, течетъ спокойно. Служба охраны Дворца чинами Конвоя и Своднаго полка несется обычнымъ порядкомъ. Изъ Петрограда доносятся тревожные слухи о все усиливающихся въ столицѣ безпорядкахъ, что не соотвѣтствовало успокоительнымъ докладамъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ Протопопова.

28-го февраля. Утромъ первыми вѣстниками изъ Петрограда были пріѣхавшіе оттуда «обкаткой» (поѣздъ обслуживающій желѣзнодорожную Царскую вѣтку: Петроградъ — Царское Село) есаулъ К. Панкратовъ, хорунжій Н. Федюшкинъ и хорунжій С. Колесниковъ. Всѣ офицеры, прибывшіе изъ Петрограда, поверхъ своей офицерской формы были одѣты въ казачьи шубы. Спеціально сшитыя для казаковъ Конвоя легкія шубы надѣвались казаками подъ бешметъ черкески (мундиръ Конвоя) и потому внѣшнихъ воинскихъ отличій не имѣли. Въ офицерской формѣ, безъ «революціонныхъ» знаковъ (красныхъ бантовъ, розетокъ и пр. «украшеній») пробраться изъ Петрограда въ Царское Село уже было невозможно, что и заставило офицеровъ, поверхъ своей формы, надѣть казачьи шубы.

Отъ прибывшихъ офицеровъ узнали, что петроградскій хаосъ и «солдатскій» бунтъ не слухи, а совершившійся фактъ. Въ сравненіи съ охваченнымъ бунтомъ Петроградомъ, въ Царскомъ Селѣ все было внѣшне спокойно. Въ расположеніи Конвоя на коновязяхъ кончалась утренняя уборка лошадей. Казаки, на морозѣ играли въ чехарду и на привѣтствіе прибывшихъ офицеровъ отвѣчали, какъ всегда, весело и отчетливо. Обычный миръ и тишину Царскаго Села нарушали лишь отдѣльные выстрѣлы со стороны стрѣлковыхъ казармъ.

Командиръ Л.-Гв. 2-й Кубанской сотни есаулъ М. Свидинъ, какъ старшій изъ офицеровъ Конвоя, находившихся въ Царскомъ Селѣ, счелъ необходимымъ явиться въ Александровскій Дворецъ съ докладомъ о положеніи въ Петроградѣ и за полученіемъ возможныхъ распоряженій отъ помощника Коменданта Дворца генерала фонъ Гротена, за отсутствіемъ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіора Воейкова, исполнявшаго въ Царскомъ Селѣ его обязанности.

Отъ генерала фонъ Гротена есаулъ М. Свидинъ узналъ, что во Дворцѣ о событіяхъ въ Петроградѣ всѣмъ извѣстно, и что — «завтра въ 4 часа прибываетъ Государь Императоръ и что всѣ дальнѣйшія распоряженія послѣдуютъ согласно Его волѣ.»

По приказанію есаула М. Свидина сотнямъ Конвоя были отданы всѣ распоряженія, на случай вызова сотенъ по тревогѣ.

День протекалъ спокойно.

Въ 19 часовъ въ Государевомъ Ѳеодоровскомъ Соборѣ служился молебенъ о здравіи больного Государя Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА, находившагося въ то время въ Царскомъ Селѣ. На молебнѣ присутствовала ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА съ Великой Княжной МАРІЕЙ НИКОЛАЕВНОЙ. Остальныя Великія Княжны были больны корью. Въ Соборѣ на молебнѣ были всѣ наличные чины Собственныхъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя и Своднаго Пѣхотнаго полка. Послѣ молебна узнали, что въ Петроградъ отъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА съ какими то порученіями къ предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, предположено командировать флигель-адъютанта полковника Линевича.

Въ 21-мъ часу, когда офицеры въ собраніи Конвоя заканчивали запоздавшій обѣдъ, изъ Александровскаго Дворца послѣдовалъ вызовъ сотенъ. Въ казармахъ Конвоя раздался сигналъ трубачей — «тревога!» . . .

Черезъ 8—10 минутъ Л.-Гв. 2-я Кубанская и Л.-Гв. 3-я Терская сотни скакали къ Александровскому Дворцу и, прибывъ туда, выстроились развернутымъ фронтомъ внутри парка Дворца, передъ главнымъ его подъѣздомъ. Ко Дворцу прибыли

роты Своднаго Пѣхотнаго полка и подтягивались остальныя части тогдашняго Дворцоваго гарнизона. Въ то время онъ состоялъ изъ Собственныхъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА двухъ сотенъ Конвоя, батальона (2—3 роты) Своднаго Пѣхотнаго полка, и роты Желѣзнодорожнаго полка, квартировавшей въ Царскомъ Селѣ. Въ составъ Дворцоваго гарнизона также входили Гвардейскаго Экипажа батальонъ, расположенный, въ смежномъ съ Царскимъ Селомъ, селѣ Кузьминскомъ и одна зенитная батарея (два орудія на автомобильныхъ платформахъ).

Всѣ части выстроились передъ Александровскимъ Дворцомъ.

Царскосельскій гарнизонъ (т. е. исключая гарнизонъ Дворца) по свѣдѣніямъ Коменданта Дворца къ тому времени состоялъ изъ многихъ тысячъ (называли до 40) солдатъ запасныхъ батальоновъ, въ томъ числѣ броневыхъ и артиллеріи.

Съ другой стороны Царскаго Села, со стороны казармъ Гвардейскихъ стрѣлковыхъ полковъ (сами полки были на фронтѣ) слышалась стрѣльба. Распоряженій никакихъ не поступало.

Командиръ Л.-Гв. 2-й Кубанской сотни есаулъ М. Свидинъ, по собственной инціативѣ усиливъ постоянные конные посты вокругъ рѣшетки Александровскаго Дворца, выслалъ въ сторону стрѣлковыхъ казармъ три офицерскихъ разъѣзда. Начальники разъѣздовъ — сотникъ В. Зборовскій, хорунжій А. Грамотинъ и хорунжій С. Колесниковъ получили задачу выяснить обстановку и причину стрѣльбы. Отъ одного изъ разъѣздовъ вскорѣ было получено донесеніе, что въ раіонѣ казармъ бродитъ толпа пьяныхъ, стрѣлявшихъ въ воздухъ, солдатъ. Другой разъѣздъ доносилъ, что одинъ запасный батальонъ разбираетъ винтовки и собирается куда то выступать. Послѣдущія донесенія сообщали о томъ, что запасные батальоны стрѣлковыхъ полковъ, съ оркестромъ музыки, игравшимъ «марсельезу», двигаются въ направленіи казармъ 4-го Стрѣлковаго ИМПЕРАТОРСКОЙ ФАМИЛІИ полка. Вернувшись съ развѣдки, начальники разъѣздовъ сообщили, что весь гарнизонъ взбунтовался, безпрестанно слышна «марсельеза» и крики «ура». Весь раіонъ Софіи кишитъ вооруженными толпами солдатъ запасныхъ батальоновъ.[30])

Пронесся неизвѣстно откуда появившійся слухъ, что въ казармахъ запасныхъ батальоновъ произошла вооруженная

---

[30]) Какъ въ Петроградѣ, такъ и въ Царскомъ Селѣ, выступленіе солдатъ запасныхъ батальоновъ нельзя связывать съ именемъ и честью доблестныхъ Гвардейскихъ частей. Всѣ эти полки были въ Дѣйствующей Арміи и они не отвѣтственны за революціонное выступленіе запасныхъ солдатъ, фактически никогда не служившихъ подъ сѣнью боевыхъ Знаменъ тѣхъ славныхъ полковъ, наименованіе коихъ имъ было присвоено въ запасныхъ батальонахъ.

схватка съ одной изъ учебныхъ командъ, не примкнувшей къ бунту. Другой слухъ — «Императорскій Дворецъ находится подъ прицѣломъ артиллеріи, стоявшей въ сел. Александровскомъ. Что если изъ Дворца раздастся хотя бы одинъ выстрѣлъ, то Дворецъ будетъ тотчасъ же разнесенъ».

Есаулъ М. Свидинъ доложилъ генералу Гротену результатъ развѣдки офицерскихъ разъѣздовъ Конвоя въ раіонѣ казармъ Царскосельскаго гарнизона. Генералъ Гротенъ, въ предупрежденіе движенія взбунтовавшихся запасныхъ батальоновъ къ Александровскому Дворцу приказалъ:

1. Отъ сотенъ Конвоя имѣть постоянные наблюдательные разъѣзды на линіи вокзалъ — стрѣлковыя казармы.
2. Зенитной батареѣ и пулеметамъ Гвардейскаго Экипажа занять позицію, удобную для открытія огня вдоль улицъ, ведущихъ ко Дворцу.
3. Батальону Своднаго полка выставить заставы въ отдаленныхъ углахъ Александровскаго Дворца.

Рѣшетка парка Александровскаго Дворца охранялась обычнымъ нарядомъ Конвоя (подвижные конные посты), Своднаго Пѣхотнаго полка, чинами Дворцовой полиціи и агентуры. Баболовскій паркъ наблюдался конными дозорами Конвоя.

Въ 23-мъ часу частямъ Дворцоваго гарнизона передается сообщеніе о выходѣ изъ Дворца Государыни Императрицы. Всѣ быстро становятся въ строй на положенныя имъ мѣста. Раздается команда: «Смирно! Г. г. Офицеры!» — ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, въ сопровожденіи Великой Княжны МАРІИ НИКОЛАЕВНЫ, выходитъ изъ главнаго подъѣзда Дворца и, по глубокому снѣгу, обходитъ выстроившіяся воинскія части, здороваясь съ каждой ротой и сотней. Въ отвѣтъ на привѣтствіе Государыни, громко раздается съ праваго фланга конвойцевъ: «Здравія желаемъ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!»...

По внѣшности Государыня Императрица была совершенно спокойна. Обойдя всѣ части Дворцоваго гарнизона, Государыня вернулась къ подъѣзду. Государыню окружила группа офицеровъ Конвоя и Своднаго полка. Бесѣдуя съ ними, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО высказывала опасеніе за здоровіе Государя Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ, и Свое удивленіе и сожалѣніе по поводу событій въ Петроградѣ. Къ развивающимся событіямъ въ Царскомъ Селѣ, Государыня Императрица отнеслась съ меньшимъ спокойствіемъ. Разговоръ съ офицерами ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО закончила просьбою: «Ради Бога, прошу васъ всѣхъ, только бы не было изъ за Насъ крови!...»

Государыня и Великая Княжна МАРІЯ НИКОЛАЕВНА вернулись во Дворецъ. Морозъ крѣпчалъ. Послѣдовало распоряженіе солдатамъ и казакамъ группами заходить въ подвальный этажъ Дворца грѣться.

Поздно вечеромъ прибылъ адъютантъ Конвоя есаулъ И. Вѣтеръ, сопровождавшій Великаго Князя Георгія Михайловича въ поѣздкѣ на фронтъ, будучи по возвращеніи застигнутъ событіями, онъ не могъ пробраться въ Петроградъ. Около 3 часовъ ночи прибылъ сотникъ К. Зерщиковъ. Онъ случайно застрялъ въ Петроградѣ и за невозможностью легально выѣхать оттуда, продѣлалъ путь до Царскаго Села пѣшкомъ. 28-го февраля Дворецъ посѣтилъ Великій Князь Павелъ Александровичъ и былъ принятъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ. Ночь на 1-е марта прошла безъ сна.

1-го марта. Утромъ 1-го марта удивила всѣхъ вѣсть о томъ, что батальонъ Гвардейскаго Экипажа ушелъ изъ Дворца. Какъ потомъ выяснилось, батальонъ былъ отпущенъ изъ Дворца въ сел. Кузьминское. Позже оказалось, что батальонъ, согласно полученнаго приказанія изъ Петрограда, не задерживаясь въ Кузьминскомъ, прослѣдовалъ въ Петроградъ.

По приказанію генерала Гротена, была отпущена въ свои казармы входившая въ составъ Дворцоваго гарнизона рота Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Желѣзнодорожнаго полка, и больше во Дворецъ не возвращалась. Вскорѣ во Дворецъ прибылъ одинъ офицеръ этого полка. О его прибытіи казакъ Конвоя, несшій службу у рѣшетки Дворца, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: ... «Вдругъ вспыхнула проклятая Богомъ и людьми революція ... Мы занимали Дворецъ и рѣшетку, все какъ и было. Я служилъ на 5 посту у рѣшетки. Постъ этотъ былъ самый худшій, не защищенъ деревьями — открытый, а другіе помежду деревьями. Служилъ я съ 4 часовъ до 8 часовъ. Вдругъ бѣжитъ офицеръ часовъ въ 7 съ казармъ Желѣзнодорожнаго полка. Полкъ былъ расположенъ по всей Царской вѣткѣ до Петрограда. Двѣ роты помѣщались полкилометра отъ нашихъ казармъ. Офицеръ прибѣжалъ ко мнѣ и говоритъ — «Спасите меня, я хочу перелѣзть черезъ рѣшетку во Дворецъ». — Я ему отвѣчаю — «Никакъ нѣтъ, я васъ не пущу. Черезъ рѣшетку я не имѣю права никого пускать, а передамъ васъ на постъ № 4, а потомъ на 3-й и на 1-й. А первый на главныя ворота Дворца. Я такъ и сдѣлалъ, а дальше о судьбѣ его не знаю ... » (изъ писемъ стараго конвойца М. В. Лашука, въ данное время находящагося въ Аргентинѣ).

Этотъ же конвоецъ о службѣ въ Царскомъ Селѣ сотенъ Конвоя въ дни февраля и марта 1917 года вспоминаетъ: «По тревогѣ прискакали во Дворецъ двѣ наши сотни. Лошади стояли передъ Дворцомъ, а казаки были въ тунели, гдѣ ходили во Дворецъ. Тамъ было постлано сѣно, тамъ мы отдыхали. Не помню, сколько сутокъ мы служили, знаю, что больше недѣли. Государыня выходила изъ Дворца и сказала, чтобы не было ни

одного выстрѣла. Я своими ушами не слыхалъ, а такъ было передано намъ. Съ нами вѣрно служили солдаты Своднаго полка...» И дѣйствительно, коноводы съ лошадьми офицеровъ и казаковъ Конвоя, неизмѣнно несшихъ службу въ Александровскомъ Дворцѣ, стояли передъ его лѣвымъ крыломъ. Казаки грѣлись въ подвальномъ помѣщенiи Дворца.

Стало извѣстнымъ, что ѣздившiй по порученiю ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Петроградъ флигель-адъютантъ полковникъ Линевичъ, привезъ завѣренiе предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, что «Временнымъ комитетомъ Государственной Думы будутъ приняты всѣ мѣры къ безопасности Александровскаго Дворца и лицъ, въ немъ находящихся».

Генералъ Гротенъ отправился въ городскую ратушу, гдѣ помѣщалась «революцiонная комендатура». Говорили, что онъ былъ вызванъ туда «для какихъ то переговоровъ» съ двумя членами Государственной Думы, прибывшими изъ Петрограда. Есаулъ Свидинъ сообщилъ офицерамъ, что генералъ Гротенъ отправился въ ратушу предупредить членовъ Думы о томъ, что въ случаѣ нападенiя на Дворецъ, гарнизонъ Дворца будетъ принужденъ открыть огонь. Поведенiе генерала Гротена у всѣхъ офицеровъ Конвоя и Своднаго полка вызывало къ нему глубокое уваженнiе.

Однако, ни въ этотъ день, ни во всѣ послѣдующiе, ни одной попытки проникнуть силою даже за линiю разъѣздовъ Конвоя, ни съ чьей стороны не было, и не то чтобы массы, но и одиночныя вооруженныя группы не появлялись въ полѣ зрѣнiя Дворца.

Одну изъ сотенъ Конвоя было разрѣшено отвести въ казарму покормить лошадей. Едва успѣли задать конямъ кормъ, сотня вновь была вызвана во Дворецъ. Изъ Императорскаго Павильона звонили, что изъ Петрограда въ Царское Село движется эшелонъ революцiонныхъ солдатъ. Это было началомъ различныхъ, порою самыхъ фантастичныхъ, слуховъ. Положенiе продолжало оставаться самымъ неопредѣленнымъ, не было ничего точнаго — были лишь слухи! **Гарнизону Дворца не предъявлялось никакихъ требованiй. Ждали съ часу на часъ прiѣзда Государя Императора.**

Связь съ Царской Ставкой была прервана. Всѣ попытки установить эту связь не увѣнчались успѣхомъ. По повелѣнiю Государыни Императрицы, были командированы съ письмомъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА къ Государю Императору два офицера изъ гарнизона Дворца.

Письмо Государыни было написано въ двухъ экземплярахъ и передано офицеру Конвоя хорунжему А. Грамотину и офицеру Своднаго Пѣхотнаго полка поручику Соловьеву, (коренному офицеру Л.-Гв. Московскаго полка.)

Командированные Государыней офицеры должны были, въ зависимости отъ обстановки въ пути, сами выбирать маршрутъ, разъединяясь въ случаѣ нужды. Письма представляли собою маленькіе пакетики, не болѣе полутора вершка. Содержанія писемъ никто не зналъ.

«Вечеромъ 1-го марта сотникъ В. Зборовскій передалъ мнѣ письмо ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА съ приказаніемъ доставить его Государю Императору. Письмо было въ видѣ маленькаго квадратика. Я зашилъ его подъ галунный лампасъ моихъ брюкъ». (Изъ воспоминаній есаула А. Грамотина.)[31])

Къ вечеру 1-го марта гарнизонъ Дворца состоялъ изъ 2 1/2 (можетъ быть 3-хъ) ротъ Своднаго Пѣхотнаго полка, 2-хъ сотенъ Конвоя и взвода зенитной батареи (Гв. Штабсъ-капитанъ Бѣлый).

Около 23-хъ часовъ пришло извѣстіе, что банда неизвѣстныхъ солдатъ собирается занять зданіе Лицея, дабы тамъ установить пулеметы для обстрѣла Дворца. Лицей былъ въ непосредственной близости къ Дворцу и входилъ въ сферу охраны частей Дворцоваго гарнизона, а потому этотъ слухъ казался неправдоподобнымъ. По приказанію есаула Свидина, сотникъ Зерщиковъ съ казаками Конвоя занялъ зданіе Лицея.

Въ 24-мъ часу Государыня Императрица, предшествуемая образами, обходила подвальное помѣщеніе Дворца, гдѣ отдыхали и грѣлись смѣнившіеся съ постовъ чины Дворцоваго гарнизона. Казаки и солдаты вскакивали съ соломы и крестились.

Въ ночь съ 1-го на 2-е марта лично явился въ Александровскій Дворецъ и былъ принятъ Государыней Императрицей, прибывшій съ Георгіевскимъ батальономъ изъ Царской Ставки въ Царское Село генералъ-адъютантъ Ивановъ. Генералъ Ивановъ покинулъ Дворецъ около 3-хъ часовъ утра и вернулся къ своимъ эшелонамъ. На другой день говорили, что «представители» города и Царскосельскаго гарнизона вели усиленную пропаганду среди солдатъ батальона георгіевцевъ, въ результатѣ чего эшелоны его были продвинуты въ направленіи станціи Вырица. Предполагали также, что батальонъ исполняетъ другую «особую» задачу. Что произошло съ Георгіевскимъ батальономъ, толкомъ никто не зналъ.

Въ эту же ночь къ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ былъ позванъ сотникъ В. Зборовскій, которому Государыня поручила отправиться къ Великому Князю Павлу Александровичу и просить Великаго Князя переговорить съ комендантомъ Царскаго Села и

---

[31]) Въ «Красномъ Архивѣ», упоминаются эти письма Государыни. Тамъ напечатано: «Эти конспиративныя «крохотныя письма», которыя «можно легко сжечь или спрятать», отправлены были съ двумя офицерами («юнцами») Грамотинымъ и Соловьевымъ. («Красный Архивъ» за 1923 годъ.)

выяснить, какой «Манифестъ», какъ о томъ дошли до Государыни слухи, распространяется по городу.

Сотникъ Зборовскій верхомъ, въ сопровожденіи своего вѣстового, отправился во дворецъ Великаго Князя. Не получивъ отвѣта на звонокъ у воротъ парка сотникъ Зборовскій, передавъ коня вѣстовому, перелѣзъ черезъ рѣшетку и вошелъ въ незапертый подъѣздъ дворца. Въ поискахъ кого либо, блуждая по полуосвѣщенному корридору и комнатамъ, наткнулся въ одной изъ нихъ на спящаго въ креслѣ старика лакея, затрясшагося при видѣ незнакомаго офицера. Зборовскій, успокоивъ его, попросилъ разбудить Великаго Князя, коему и доложилъ о полученномъ имъ приказаніи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА.

Великій Князь Павелъ Александровичъ позвонилъ въ комендатуру Царскаго Села и, черезъ короткое время, самъ комендантъ явился къ Великому Князю. Сотникъ Зборовскій, сидя въ сосѣдней комнатѣ и смертельно уставшій (эти дни и ночи всѣми проводились безъ сна), задремалъ. Онъ пришелъ въ себя, отъ возбужденнаго голоса, ясно доносящагося черезъ открытыя двери ... **«я считаю, что призванъ выполнить великій долгъ. Я всѣ свои силы употреблю, чтобы спасти Царскую Семью. Если мнѣ это удастся, я умру спокойно ...»**

Съ отвѣтомъ (письмомъ) Великаго Князя сотникъ Зборовскій вернулся въ Александровскій Дворецъ къ 4-мъ часамъ утра. Остатокъ ночи на 2-е марта протекалъ безъ особыхъ событій.[32])

2-го марта. Дабы дать людямъ и лошадямъ необходимый большій отдыхъ, было разрѣшено одной сотнѣ Конвоя по очереди временно по нѣсколько часовъ быть въ своихъ казармахъ. Внутренній нарядъ во Дворцѣ былъ сокращенъ въ пользу внѣшняго. Рѣшетка парка Дворца по прежнему охранялась усиленными конными постами. Разъѣзды Конвоя продолжали нести службу дальняго наблюденія.

Около 10 часовъ неизвѣстно откуда получили извѣстіе, что поѣзда съ солдатами, вооруженными пулеметами и съ вооруженными рабочими слѣдуютъ изъ Петрограда въ Царское Село.

Совершенно тѣ же свѣдѣнія и почти одновременно были получены и отъ коменданта города съ сообщеніемъ, что имъ высланъ броневой автомобиль къ вокзалу, а другой направляется въ расположеніе Коменданта Александровскаго Дворца. Дѣйствительно, вскорѣ ко Дворцу подошелъ броневикъ и къ Коменданту Дворца явился прапорщикъ съ докладомъ, что прибылъ въ его распоряженіе. Черезъ полчаса этотъ же прапорщикъ своимъ начальствомъ былъ отозванъ со своимъ бро-

---

[32]) Великій Князь Павелъ Александровичъ единственный изъ Великихъ Князей посѣщалъ Александровскій Дворецъ. Кромѣ 28-го февраля, онъ былъ принятъ Государыней 1-го и 3-го марта.

невымъ автомобилемъ къ какимъ то виннымъ погребамъ, которые начали громить солдаты, и больше не возвращался. Разъѣзды Конвоя, высланные въ направленіи на Петроградъ и Гатчино, донесли, что никакого подозрительнаго движенія къ Царскому Селу не наблюдаютъ. Свѣдѣнія о «наступленіи» оказались вздорными.

Но самое «сенсаціонное извѣстіе» было получено во время завтрака. Кто то въ дежурной комнатѣ Своднаго полка сказалъ, что изъ Петрограда пришла «революціонная новость!» — Сообщеніе «о явкѣ Собственнаго Конвоя въ полномъ своемъ составѣ въ Государственную Думу съ выраженіемъ своей покорности . . .» Какъ ни тяжело было душевное состояніе всѣхъ офицеровъ Дворцоваго гарнизона, это провокаціонное измышленіе дѣлателей революціи вызвало у присутствующихъ на завтракѣ во Дворцѣ офицеровъ Конвоя и Своднаго полка общій смѣхъ, ибо всѣмъ было извѣстно, гдѣ находятся сотни Конвоя!

Вскорѣ сотникъ В. Зборовскій былъ вызванъ къ Государынѣ Императрицѣ. ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО передала Зборовскому печатный листокъ: «Извѣстій рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ». Въ этомъ наскоро, косокриво набранномъ листкѣ на первой страницѣ крупнымъ шрифтомъ была напечатана клевета на Конвой. Съ большимъ возмущеніемъ оцѣнивая эту провокацію, Государыня Императрица изволила сказать: «Государя хотятъ убѣдить, что вѣрныхъ Ему войскъ нѣтъ, что даже Его казаки измѣнили . . . Это мышеловка!» . . . ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО считала очень важнымъ скорѣе сообщить Государю Императору лживость этого революціоннаго сообщенія.

Листокъ «Извѣстія» съ сообщеніемъ о «явкѣ всего Конвоя въ Думу», помимо его общепровокаціоннаго значенія, былъ опасенъ еще и тѣмъ, что дойдя **своими** путями до отрѣзанной отъ Петрограда и Царскаго Села Ставки, могъ поставить служившія тамъ двѣ сотни Конвоя, хоть и на краткое время, все же въ очень тяжелое положеніе.

Согласно указанія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, надо было какъ можно скорѣе информировать Ставку о фактическомъ положеніи всѣхъ событій. Было составлено подробное письмо съ описаніемъ событій въ Петроградѣ и въ Царскомъ Селѣ, которое должно было быть отправлено съ особымъ курьеромъ въ Царскую Ставку. Но въ этотъ же день въ Царское Село явился казакъ Конвоя, посланный изъ Могилева помощникомъ командира полковникомъ Ф. Кирѣевымъ, командовавшимъ дивизіономъ Конвоя въ Царской Ставкѣ.

Посланный полковникомъ Кирѣевымъ казакъ пробрался Богъ вѣсть какими путями и доложилъ, что Могилевъ полонъ тревожныхъ слуховъ, что ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Ставкѣ нѣтъ, что по дорогѣ «не поймешь что дѣлается». Немедленно этотъ

же казакъ, совмѣстно съ другимъ изъ гарнизона Дворца, былъ командированъ обратно въ Царскую Ставку съ заготовленнымъ письмомъ и другими донесеніями. Посланное есауломъ Свидинымъ полковнику Кирѣеву донесеніе было въ Ставкѣ первымъ вѣрнымъ свѣдѣніемъ о событіяхъ въ Царскомъ Селѣ.

Поздно вечеромъ былъ вызванъ въ городскую ратушу, гдѣ помѣщалась «революціонная комендатура», генералъ фонъ Гротенъ и... обратно во Дворецъ не вернулся. Арестъ генерала Гротена былъ большой потерей для гарнизона Дворца.

Наступила ночь на 3-е марта.

3-го марта. День съ утра протекалъ спокойно. Обязанности арестованнаго генерала Гротена принялъ слѣдующій по старшинству офицеровъ гарнизона Дворца, командиръ Своднаго Пѣхотнаго полка Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ-маіоръ Ресинъ. Генералъ Ресинъ вошелъ въ связь съ царскосельской комендатурой. Передавали, что это было сдѣлано по указанію Государыни Императрицы. Совмѣстно съ этой комендатурой вырабатывались мѣры въ цѣляхъ безопасности Дворца. **Въ результатѣ переговоровъ и совмѣстно принятыхъ условій, между обѣими сторонами** (т. е. между гарнизономъ Дворца и гарнизономъ города) **была установлена «нейтральная зона». Внѣ этой зоны охрану Александровскаго Дворца и порядка въ раіонѣ его продолжаютъ нести чины Дворцоваго гарнизона.** Охрану порядка въ остальной части города и на вокзалахъ беретъ на себя царскосельскій гарнизонъ.

Дѣлясь своими впечатлѣніями о настроеніи гарнизона Царскаго Села, генералъ Ресинъ указалъ на то, что несмотря на принятыя условія комендантомъ города, солдаты запасныхъ батальоновъ все же не довѣряютъ гарнизону Дворца, и что ихъ активныя выступленія возможны.

Въ цѣляхъ безопасности Дворца, круги, руководившіе его охраной, считали необходимымъ устранить это возбужденіе и опасное настроеніе солдатъ городского гарнизона. Было получено распоряженіе отъ каждой части Дворцоваго гарнизона выслать представителей для связи съ гарнизономъ Царскаго Села.

Это распоряженіе офицерамъ Конвоя было не только не понятно, но и принято съ большимъ сомнѣніемъ, вызвавшимъ извѣстную настороженность и недовѣріе къ полученному приказанію.

Изъ за отсутствія штабъ-офицеровъ Конвоя во Дворцѣ (помощникъ командира Конвоя по строевой части полковникъ Ф. Кирѣевъ находился въ Царской Ставкѣ, а помощникъ по хозяйственной части полковникъ баронъ М. Унгернъ-Штернбергъ въ Петроградѣ), непосредственная связь съ верхами службы охраны Дворца была не всегда возможна.

Въ эти историческіе и отвѣтственные дни офицерамъ Конвоя было ясно, что исполняя получаемыя приказанія и принимая то или иное рѣшеніе (б. м. и самостоятельное), прежде всего необходимо было знать мнѣніе и пожеланіе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы.

Офицеры просили старшаго изъ командировъ сотенъ, есаула М. Свидина разъяснить создавшуюся обстановку. (Старшимъ изъ находившихся офицеровъ Конвоя въ Александровскомъ Дворцѣ былъ есаулъ принцъ Риза-Кули-Мирза. Но онъ, какъ сверхштатный офицеръ, никакой строевой должности не занималъ, да и по складу своего характера не былъ подходящимъ для возглавленія сотенъ Конвоя. Это понималъ самъ принцъ, и ни на какія командныя должности не претендовалъ.)

Деликатную миссію узнать мнѣніе самой Государыни Императрицы въ связи съ полученнымъ приказаніемъ, есаулъ Свидинъ возложилъ на сотника Зборовскаго. Объясненіе тому слѣдующее. Семья ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ съ исключительнымъ вниманіемъ и сердечностью относились къ офицерамъ Конвоя, но особеннымъ вниманіемъ Царской Семьи пользовались сотникъ А. Шведовъ, въ то время бывшій въ Могилевѣ, и сотникъ В. Зборовскій.

Сотникъ Зборовскій отправился «наверхъ» — такое названіе установилось за Собственными покоями Царской Семьи. О немъ доложили. Государыня приняла его на «Дѣтской половинѣ», въ комнатѣ, смежной съ комнатой больныхъ старшихъ Великихъ Княженъ.

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО благодарила Зборовскаго за приходъ и, на его докладъ о сомнѣніяхъ офицеровъ въ полученномъ приказаніи, съ живостью отвѣтила: «Да, да — пошлите (представителей) непремѣнно! Надо постараться бунтующихъ солдатъ словами успокоить. Не надо ни одной капли крови, прошу васъ! — Затѣмъ Государыня просила Зборовскаго чаще приходить къ Ней и непосредственно докладывать о текущихъ событіяхъ, которые неслись съ невѣроятной быстротой — «Мнѣ часто непонятно, что Мнѣ передаютъ», добавила Государыня.

Вмѣстѣ съ депутаціей Своднаго Пѣхотнаго полка, былъ посланъ отъ Конвоя одинъ взводный урядникъ и два казака. Эта депутація на грузовомъ автомобилѣ направилась къ казармамъ стрѣлковыхъ полковъ, откуда раздавалась безпорядочная ружейная стрѣльба.

Депутаціи Дворцоваго гарнизона («парламентеры» — какъ таковые они имѣли на рукавахъ бѣлую повязку) была дана инструкція:

1. Призвать солдатъ царскосельскаго гарнизона къ хладнокровію, стараясь ихъ завѣрить въ томъ, что въ обязанность

Дворцоваго гарнизона входитъ только защита Дворца и лицъ, въ немъ находящихся.

2. Завѣрить ихъ въ томъ, что Дворцовый гарнизонъ вступитъ въ вооруженную борьбу съ солдатами запасныхъ батальоновъ только лишь въ томъ случаѣ, если они сами эту борьбу вызовутъ.

Вернувшаяся депутація доложила, что солдаты запасныхъ батальоновъ встрѣтили ее съ явнымъ недовѣріемъ. Это недовѣріе подтвердилъ слѣдующій случай. Изъ села Кузьминскаго, примыкавшаго почти непосредственно къ тыламъ казармъ Конвоя, въ строю съ оркестромъ музыки шелъ квартировавшій тамъ запасный полкъ. Команда казаковъ Конвоя, кормившая и убиравшая лошадей внутренняго наряда Дворца, изъ любопытства, бросивъ уборку, поспѣшила къ воротамъ своихъ казармъ. Замѣтивъ это быстрое движеніе казаковъ, музыканты смѣшались, смолкли, и полкъ замедлилъ свое движеніе.

Во всѣ дни пребыванія сотенъ Конвоя и ротъ Своднаго полка въ Александровскомъ Дворцѣ, офицеры главнымъ образомъ собирались въ дежурной комнатѣ Своднаго полка. Въ ней же ежедневно и «централизовались» всѣ слухи. Въ сущности, подвальный этажъ Дворца, да и самъ, отрѣзанный отъ всего внѣшняго міра, Александровскій Дворецъ, не имѣлъ ни о чемъ точныхъ свѣдѣній. Кое кто, съ видомъ посвященнаго, говорилъ что-то, недоговаривая, кое кто таинственно перешептывался. Всякіе слухи естественно находили благопріятную почву для быстраго выростанія. Вслѣдствіи этого: объ эшелонахъ генералъ-адъютанта Иванова говорили, что они «заняли позицію у Пулково». Въ то же время, другіе «по секрету» сообщали, что «они ушли совсѣмъ». Увеличивали всякіе слухи свѣдѣнія «вѣрныхъ» людей, «спасавшихъ» Дворецъ, и сообщавшихъ «о предстоящихъ штурмахъ Дворца».

Особую нервность проявляла сама «революціонная» комендатура Царскаго Села. Такъ напримѣръ, она сообщала, что изъ Петрограда походнымъ порядкомъ и поѣздами къ Царскому Селу двигаются 10 тысячъ взбунтовавшихся солдатъ. Такъ же и изъ Императорскаго Павильона передавали о движеніи какихъ то поѣздовъ, добавляя — «въ предупрежденіе наступленія, офицеры Желѣзнодорожнаго полка разобрали путь въ 4-хъ верстахъ отъ Царскаго Села». — Изъ Императорскаго Павильона вообще поступали часто слишкомъ тревожныя извѣстія, нервировавшія Дворецъ. Въ Павильонъ, съ задачей контролировать донесенія и, при возможности, провѣрять слухи было приказано командировать офицера Конвоя. Есауломъ Свидинымъ эта задача была возложена на хорунжаго С. Колесникова. Тревожные звонки изъ Царскаго Павильона прекратились.

«Вѣрное» свѣдѣніе, что «изъ Колпино въ Царское Село движется толпа вооруженныхъ рабочихъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ», также оказалось невѣрнымъ, ибо высланный на станцію Александровскую офицерскій разъѣздъ Конвоя подъ командою хорунжаго Н. Федюшкина прошелъ значительно глубже въ направленіе Колпино, и находясь въ развѣдкѣ въ теченіи цѣлаго дня не прислалъ ни одного тревожнаго донесенія.

Въ одинъ изъ дней комендантъ города Царскаго Села, извѣстивъ, что имъ получено приказаніе изъ Петрограда: «Войскамъ гарнизона оказать помощь Дворцу, если бы въ этомъ была необходимость», сейчасъ же сообщилъ, что онъ этого сдѣлать не можетъ, т. к. имѣетъ свѣдѣнія о новомъ движеніи изъ Петрограда неизвѣстныхъ ему войскъ.

Кромѣ того, что «революціонное правительство» не обладало авторитетомъ и силой воздѣйствія, это извѣщеніе коменданта города не говорило ничего новаго.

Офицеры Конвоя пришли къ заключенію, что городская комендатура своими свѣдѣніями умышленно создавала тревожное настроеніе, дабы повліять на мораль Дворцоваго гарнизона, а потому несмотря на то, что попрежнему продолжали приходить вѣсти объ угрозахъ, къ нимъ уже стали относиться спокойнѣе.

Однако, всѣ эти угрозы и тревожные слухи создавали сильное нервное напряженіе, постоянную бдительность и чрезмѣрно утомляли всѣхъ, ибо кромѣ охраны самаго Дворца, офицеры и казаки Конвоя днемъ и ночью непрерывно находились въ разъѣздахъ.

Среди постоянныхъ угрозъ былъ и отрадный слухъ. Говорили о томъ, что въ Царское Село прибыли учебныя команды нѣкоторыхъ пѣхотныхъ и конныхъ частей, расположенныхъ въ окрестностяхъ Царскаго Села и на окраинахъ Петрограда. Команды эти, не получая на мѣстахъ никакихъ распоряженій, рѣшили прибыть въ Царское Село и предоставить себя въ распоряженіе Коменданта Дворца. Предложеніе ихъ якобы было отклонено лицами, вѣдающими охраной Дворца, изъ за неувѣренности въ устойчивости прибывшихъ командъ. Одна изъ такихъ командъ (кажется Л.-Гв. Петроградскаго полка) дѣйствительно находилась въ казармахъ Своднаго Пѣхотнаго полка.

Въ эти тревожные дни Государыня Императрица проявляла исключительную выдержку и мужество. Она нѣсколько разъ, иногда глубокой ночью спускалась въ подвальный этажъ Александровскаго Дворца и обходила находившихся тамъ чиновъ Дворцоваго гарнизона — солдатъ Своднаго полка и казаковъ Конвоя. Отъ спускавшихся часто «сверху» (покои Царской Семьи) Личнаго секретаря ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА графа П. Апраксина и флигель-адъютанта графа Замойскаго было извѣстно, что Государыня внѣшне была спокойна и все время проводила на «Дѣтской половинѣ», ухаживая за больными Дѣтьми. Офицеры Конвоя знали это и отъ сотника Зборовскаго.

Въ одно изъ своихъ посѣщеній Собственныхъ покоевъ Царской Семьи, Зборовскій былъ задержанъ Великой Княжной МАРІЕЙ НИКОЛАЕВНОЙ, и въ бесѣдѣ съ Нею провелъ около часа.

Сотникъ Зборовскій, какъ онъ дѣлился съ офицерами Конвоя позже, былъ пораженъ перемѣной, происшедшей въ Великой Княжнѣ за эти дни. Отъ вчерашней еще дѣвочки, казалось, не осталось ничего: передъ нимъ была женщина, глубоко и вдумчиво относившаяся къ событіямъ, серьезная и разсудительная.

Объ ожидающемся прибытіи Государя Императора все еще не было никакихъ свѣдѣній. Связаться по телефону или телеграфу съ Царской Ставкой было совершенно невозможно. Не было никакихъ свѣдѣній и отъ хорунжаго Грамотина и поручика Соловьева.

Днемъ была получена просьба коменданта города выслать въ городскую ратушу одного изъ офицеровъ Дворцоваго гарнизона. Прибывшій изъ ратуши офицеръ доложилъ генералу Ресину, что комендантъ города еще разъ просилъ подтвердить во Дворцѣ, что «господинъ Родзянко отъ лица Временнаго Правительства гарантируетъ полную неприкосновенность Дворца». Видимо въ связи съ этимъ къ вечеру было получено приказаніе отъ частей Дворцоваго гарнизона выслать по одному офицеру въ Государственную Думу. Офицеры Конвоя просили есаула Свидина доложить генералу Ресину общую просьбу — освободить ихъ отъ подобной командировки. Отъ генерала Ресина послѣдовало повторное и категорическое приказаніе. Есаулъ Свидинъ назначилъ младшаго изъ офицеровъ хорунжаго Колесникова. Хорунжій Колесниковъ къ поѣзду умышленно «опоздалъ», а ѣхавшіе съ нимъ два казака, не имѣя отъ своего офицера опредѣленныхъ указаній, по пріѣздѣ въ Петроградъ ограничились явкой въ канцелярію Конвоя, и утромъ другого дня вернулись въ Царское Село.

Вечеромъ во Дворецъ прибылъ Великій Князь Павелъ Александровичъ и былъ принятъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ.

3-го марта. Поздно вечеромъ во Дворцѣ пронеслись слухи «о какомъ то неблагополучіи» съ Государемъ Императоромъ...

Къ этимъ грознымъ и жуткимъ слухамъ прибавилась еще новая вѣсть о какихъ то «летучкахъ», выпущенныхъ «совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ». Толкомъ однако никто ничего не зналъ. Въ эту ночь никто не сомкнулъ глазъ. Нервы напряжены до предѣла!

4-е марта. Страшная вѣсть!.. Раннимъ утромъ слухъ объ отреченіи Государя Императора ошеломилъ всѣхъ! Никто изъ офицеровъ Конвоя не могъ этого понять и этому повѣрить.

Днемъ откуда то занесли во Дворецъ нѣсколько экземпляровъ Манифеста Государя Императора объ отреченіи отъ Всероссійскаго Престола за Себя и за Государя Наслѣдника Цесаревича и одновременно «Отказъ» Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, «отъ воспріятія Верховной Власти»...

Вѣсть эта гарнизономъ Дворца переживалась съ неизъяснимою болью. Этимъ ужасомъ всѣ были прибиты и придавлены. Какъ за-

писалъ въ своемъ дневникѣ сотникъ В. Зборовскій — «Случилось что то непонятное, дикое, неестественное, никакъ не укладывающееся въ мозгу. Земля уходила изъ подъ ногъ... Было... и нѣтъ ничего! Пусто, темно... Будто душа вылетѣла изъ живого еще тѣла...»

Сотникъ Зборовскій, черезъ Личнаго Секретаря Государыни Императрицы графа П. Апраксина, былъ вызванъ наверхъ. Несмотря на убійственную вѣсть Высочайшаго Манифеста, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО была столь милостива, что изволила сказать Зборовскому: — «Меня наконецъ то соединили съ Государемъ и Мнѣ удалось Ему передать, что газетная замѣтка о Конвоѣ лжива. Государь отвѣтилъ, что Онъ въ этомъ и не сомнѣвался, и Мы были правы, считая казаковъ Нашими истинными друзьями. Передайте это казакамъ и успокойте офицеровъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ Государыня поручила сотнику Зборовскому передать офицерамъ и казакамъ Ея просьбу снять вензеля ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. — «Сдѣлайте это для Меня», сказала Государыня, — «иначе Меня опять будутъ винить во всемъ, и отъ того могутъ пострадать Дѣти».

До Государыни дошли свѣдѣнія, что въ Петроградѣ были случаи кровавой расправы съ офицерами: придирались къ Царскимъ вензелямъ на погонахъ и просто къ погонамъ, если при нихъ отсутствовали «красные» признаки. Тамъ въ это время дѣйствовалъ во всю пресловутый «приказъ № 1-й».

Сердце холодѣло, когда сотникъ Зборовскій передавалъ слова ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Вниманіе и заботливость Государыни ко всему, что Ее окружало, даже въ столь трагическій моментъ, когда Она узнала объ отреченіи Государя Императора, трогало до спазмъ въ горлѣ. Съ глубочайшей раной въ сердцѣ переживалось разставаніе съ дорогой эмблемой... Царя въ Россіи нѣтъ... все перевернулось, пропало... Ударъ шелъ за ударомъ...

Еще тяжелѣе было передавать приказаніе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА казакамъ. Нѣкоторые сверхсрочнослужащіе урядники рыдали, другіе просто не хотѣли снимать. Стояло стономъ: «Ваше Высокоблагородіе, да что же это! Какая же Россія безъ Царя!?...» Пришлось увѣщевать, утѣшать, указывать на глубокую боль переживаній самой Государыни Императрицы, но отъ этихъ словъ «утѣшители» страдали еще больше — безутѣшны были они сами...

«Мы исполнили просьбу Государыни, но снявъ Царскіе вензеля съ нашихъ плечь, мы положили ихъ на наши сердца». (Изъ воспоминаній бывшаго урядника Л.-Гв. 2-й Кубанской сотни Исидора Полупанова, въ данное время проживающаго въ С. Ш. А.)[33])

Служба охраны Дворца продолжала нестись установленнымъ порядкомъ. Къ 10-ти часамъ утра есаулъ Свидинъ былъ экстренно

---

33) У старыхъ конвойцевъ былъ двойной вензель. Они имѣли вензелевое изображеніе Имени Государя Императора АЛЕКСАНДРА III и Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА.

вызванъ къ генералу Ресину. — «У васъ въ сотняхъ рѣзня, а вы ничего не докладываете!» — встрѣтилъ генералъ есаула Свидина. Есаулъ Свидинъ, прибывшій прямо изъ казармъ Конвоя, доложилъ, что «въ Собственномъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоѣ обстоитъ все благополучно» и что о какой то «рѣзнѣ» ему ничего не извѣстно. Свѣдѣнія «о рѣзнѣ» въ казармахъ Конвоя были получены отъ коменданта города. Есаулъ Свидинъ отправился въ ратушу. Тамъ ему сообщили, что для умиротворенія казаковъ-конвойцевъ немедленно высылается депутація солдатъ съ броневиками. Комендантъ, лично услышавъ отъ есаула Свидина, что ему, какъ старшему офицеру Конвоя извѣстно, что въ казармахъ все въ порядкѣ и что тамъ почти нѣтъ людей, т. к. конвойцы продолжаютъ служить, отмѣнилъ свое распоряженіе. Какъ впослѣдствіи выяснилось, слухи о «рѣзнѣ» распространила по городу прибывшая въ казармы Конвоя депутація солдатъ, требовавшая 20 представителей казаковъ-конвойцевъ въ организуемый «гарнизонный комитетъ». Въ этомъ требованіи депутаціи было отказано въ очень рѣзкой формѣ. Вообще, послѣ извѣстія объ отреченіи Государя Императора въ раіонъ расположенія Конвоя стали появляться солдаты запасныхъ батальоновъ. Заходя во дворы, они пытались проникать и въ казармы. Казаки избѣгали вступать съ ними въ разговоръ, а пытавшихся «ораторствовать» — просто удаляли, заявляя, что нѣтъ времени съ ними разговаривать.

И дѣйствительно у казаковъ Конвоя совершенно не было времени. Въ казармахъ они имѣли только очень короткій отдыхъ отъ усиленной и напряженной службы, начавшейся 28-го февраля съ момента сигнала — «Тревога!»

О появленіи солдатъ въ казармахъ Конвоя немедленно докладывалось дежурному офицеру. Столкнувшись съ офицеромъ, доморощенные агитаторы убирались. Особо рьяныхъ между ними не было. Возможно, что на нихъ дѣйствовала обстановка дисциплинированной и явно недружелюбно къ нимъ настроенной казачьей среды.

Кромѣ желанія проникнуть въ Казармы Конвоя, бродившіе по городу солдаты пытались заговаривать и съ казаками, стоявшими на постахъ у рѣшетки Дворца. Встрѣченные угрюмымъ молчаніемъ или короткимъ — «удалиться!», отходили въ сторону. Казаки Конвоя, какъ и всѣ вообще казаки, никогда не чувствовали особую близость къ солдатамъ (исключеніе — дружеское отношеніе казаковъ Конвоя къ солдатамъ Своднаго Пѣхотнаго полка.) Среди же бушующаго въ эти дни моря «товарищей», конвойцы чувствовали себя малымъ островкомъ въ этомъ морѣ, и невольно жались другъ къ другу и, всѣ вмѣстѣ, къ своимъ офицерамъ. Обычная взаимная близость офицеровъ и казаковъ Конвоя въ роковые дни 1917 года была особенно сильна.

Вечеромъ 4-го марта по приказанію генерала Ресина, въ отвѣтъ на требованіе изъ Петрограда, въ «военную комиссію» Временнаго Правительства, находившуюся въ Государственной Думѣ, для полученія какихъ то инструкцій новаго правительства, командированы



Великая Княжна МАРІЯ НИКОЛАЕВНА послѣ болѣзни. 1917 годъ.
Слѣва отъ Нея Великая Княжна АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА
и справа Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА.



Ихъ Императорскія Высочества Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА
и Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА.

На правой рукѣ Великой Княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ виденъ браслетъ
съ нагруднымъ знакомъ Конвоя. Государынѣ и Великимъ Княжнамъ
эти браслеты были поднесены офицерами Конвоя въ 1911 году.

Снимокъ съ фотографіи, пожалованной одному изъ офицеровъ Конвоя.

отъ Конвоя и Своднаго полка по одному офицеру. Были назначены сотникъ К. Зерщиковъ отъ Конвоя и штабсъ-капитанъ Кашерининовъ отъ Своднаго полка (коренной офицеръ Л.-Гв. Павловскаго полка). Посланные за этими инструкціями офицеры ни отъ кого толку добиться не могли.

Да и трудно это было въ томъ полусумасшедшемъ тогда домѣ. Зашарпанные и заплеванные корридоры Думы кишѣли всякимъ сбродомъ. Всё галдѣло, кричало, суетилось, бѣгало. Растрепанныя барышни собирали папиросы «товарищамъ часовымъ». Эти «часовые» торчали передъ каждой дверью. Взлохмоченный молодой человѣкъ крикнулъ присланнымъ въ «военную комиссію» офицерамъ — «сюда, сюда» и исчезъ безслѣдно. Комната военной комиссіи оказалась недоступнымъ для постороннихъ лицъ, помѣщеніемъ — «офицеровъ — участниковъ переворота». Сотникъ Зерщиковъ и штабсъ-капитанъ Кашерининовъ, съ бывшими при нихъ 4-мя солдатами и казаками, воспользовавшись творившимся хаосомъ въ зданіи Думы, вернулись въ Царское Село.

Событія послѣдующихъ до 8-го марта дней протекли безъ особыхъ потрясеній. **Въ это мрачное время, офицеры и казаки Конвоя стояли въ сторонѣ отъ наступившей всюду анархіи, и со своими вѣрными кунаками — чинами Своднаго Пѣхотнаго полка, продолжали охранять Александровскій Дворецъ усиленнымъ нарядомъ.**

Въ одинъ изъ этихъ дней заболѣла и послѣдняя изъ Августѣйшихъ Дѣтей, остававшаяся еще здоровой, Великая Княжна МАРІЯ НИКОЛАЕВНА.

Новыя власти требовали въ каждой воинской части выбрать «комитеты». Должны были быть произведены выборы и въ сотняхъ Конвоя. Они были произведены безъ какого либо участія офицеровъ. Выбранные самими же казаками оказались сверхсрочные урядники — ихъ непосредственные начальники, старые почтенные казаки, служившие въ Конвоѣ по 10—15 лѣтъ. Какой либо дѣятельности этимъ комитетамъ, конечно, проявлять не приходилось, ибо вся служба и внутренній порядокъ въ Конвоѣ продолжалъ течь нормальнымъ уставнымъ порядкомъ. Выборные были лишь готовыми «делегатами», если къ тому являлась необходимость.

Вскорѣ они были вызваны присутствовать на собраніи по поводу формированія новаго гарнизоннаго комитета. Это собраніе произвело на старыхъ урядниковъ Конвоя удручающее впечатлѣніе и они оставили собраніе. Прибывъ въ казарму, доложили дежурному офицеру сотнику Зерщикову — «Тамъ, Ваше Высокоблагородіе, всѣ съ ума посходили. Намъ тамъ дѣлать нечего».

Распоряженіемъ Временнаго Правительства въ Александровскій Дворецъ прибылъ нѣкій штабсъ-ротмистръ Коцебу. Какъ говорили, онъ былъ командированъ въ качествѣ «ока» новой власти.

Къ вечеру 7-го марта въ городскую ратушу были вызваны командиры частей Дворцоваго гарнизона. Къ тому времени ихъ было

два. — Есаулъ Свидинъ, старшій изъ командировъ сотенъ Конвоя и полковникъ Лазаревъ (офицеръ Л.-Гв. Кегсгольмскаго полка) замѣнившій генерала Ресина и вр. командовавшій Своднымъ Пѣхотнымъ полкомъ.

Вернувшись изъ городской ратуши, они принесли печальную вѣсть. — «По распоряженію Временнаго Правительства, завтра 8-го марта предстоитъ сдача постовъ частямъ гарнизона Царскаго Села». Къ этому есаулъ Свидинъ добавилъ, что очевидно въ связи съ неожиданнымъ распоряженіемъ правительства, удалявшимъ части Конвоя и Своднаго полка изъ Дворца, завтра же ожидается пріѣздъ командующаго войсками Петроградскаго округа генерала Корнилова.

Послѣдній день пребыванія чиновъ Конвоя и Своднаго Пѣхотнаго полка въ Александровскомъ Дворцѣ ... Послѣ страшной вѣсти объ отреченіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ Престола Государства Россійскаго, день 8-го марта, для офицеровъ и казаковъ Конвоя, преданно несшихъ службу при Государынѣ Императрицѣ, самый роковой и трагическій день марта 1917 года! — Всѣ офицеры Л.-Гв. 2-й Кубанской и Л.-Гв. 3-й Терской сотенъ, не сговариваясь между собою, послѣ безсонной ночи, полной самыхъ мрачныхъ мыслей, рано утромъ собрались въ своей дежурной комнатѣ во Дворцѣ. Душевныя муки сказались и внѣшне. У всѣхъ былъ болѣзненный и измученный видъ. — Офицеры все еще не могли понять и повѣрить, что положеніе безнадежно ... До послѣдняго дня своей службы во Дворцѣ, всѣ офицеры въ душѣ своей не теряли надежду, что съ Божьей помощью, во Дворецъ прибудетъ Государь Императоръ и все же сразу изменится. — Новый ударъ — удаленіе изъ Дворца, убилъ и эту послѣднюю надежду ...

Во Дворецъ прибылъ генералъ Корниловъ. Подъѣхавъ къ главнымъ воротамъ рѣшетки Дворца, генералъ покинулъ автомобиль и пѣшкомъ прошелъ къ зданію Александровскаго Дворца. Въ Собственномъ корридорѣ генерала встрѣтилъ графъ П. Апраксинъ и провелъ его къ Государынѣ Императрицѣ. Впослѣдствіи стало извѣстнымъ, что генералъ Корниловъ объявилъ Государынѣ «постановленіе Временнаго Правительства объ арестѣ Царской Семьи».

Послѣ отъѣзда генерала Корнилова, сотникъ Зборовскій былъ принятъ Государыней, передавшей ему Свое повелѣніе о неизбѣжности подчиненія требованію объ уходѣ изъ Дворца. — «Прошу васъ всѣхъ воздержаться отъ какихъ либо самостоятельныхъ дѣйствій, могущихъ только задержать прибытіе Государя и отразиться на судьбѣ Дѣтей».

«Начиная съ Меня, мы всѣ должны подчиниться судьбѣ» ... «Генерала Корнилова Я знала раньше, онъ рыцарь и Я спокойна за Дѣтей» ...

Сдача постовъ и выводъ изъ Александровскаго Дворца чиновъ Конвоя и Своднаго полка назначенъ въ 16 часовъ. Офицеры Конвоя

просили сотника Зборовскаго пройти къ Государынѣ Императрицѣ и доложить ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ ихъ вѣрноподданническія чувства.

Зборовскій отправился исполнить просьбу всѣхъ офицеровъ. Въ ожиданіи его возвращенія между офицерами царила полная тишина. Всѣ сидѣли съ помертвѣвшими лицами и молчали... Каждый изъ офицеровъ былъ углубленъ въ свои мрачныя мысли, сознавая, что наступили послѣднія минуты пребыванія ихъ въ Императорскомъ Дворцѣ, и послѣдній моментъ той почетной службы, которой они были преданы всѣмъ сердцемъ и душою.

Сотникъ Зборовскій былъ принятъ Государыней въ одной изъ комнатъ «Дѣтской половины». ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО замѣтно похудѣла, осунулась, на Ея лицѣ лежала печать горечи безысходной.

Зборовскій едва выжималъ слова, докладывая Государынѣ Императрицѣ просьбу офицеровъ Конвоя. — У государыни на глазахъ показались слезы...

Подавляя волненіе, Государыня просила Зборовскаго передать всѣмъ офицерамъ и казакамъ Конвоя благодарность за вѣрную службу, изволивъ сказать: «отъ Меня и Дѣтей!» — Затѣмъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО вручила сотнику Зборовскому маленькіе образки — Свое благословеніе офицерамъ.

Принимая это благословеніе, Зборовскій опустился на колѣно. Государыня подняла его и поцѣловала. — «Пройдемте къ Дѣтямъ», сказала Государыня и провела Зборовскаго въ комнату двухъ старшихъ Великихъ Княженъ. Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА и Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, изъ постелей, молча и съ недоумѣніемъ смотрѣли на Зборовскаго и на Свою Августѣйшую Мать. Зборовскій напрягалъ всѣ свои силы, чтобы не разрыдаться тутъ же передъ больными Великими Княжнами... Онъ молча глубоко поклонился Великимъ Княжнамъ, смотрѣвшимъ на него широко открытыми глазами, поклонился самой Государынѣ, съ волненіемъ, никакими словами непередаваемымъ, поцѣловалъ поданую Царскую руку и... «не помню какъ вышелъ», записано въ его дневникѣ. — «...Я шелъ не оборачиваясь. Рука сжимала образки, въ груди тѣснило, къ горлу подкатывалось что-то тяжелое, готовое вырваться стономъ...» (Изъ дневника сотника В. Э. Зборовскаго).

Въ 16 часовъ произошла смѣна. Чины Конвоя и Своднаго полка сняты со своихъ постовъ. — Послѣдній взглядъ на Дворецъ и... потеря его навсегда!

«Въ 4 часа двери Дворца запираются. Мы въ заключеніи!... и солдаты стоятъ на часахъ уже не для того, чтобы насъ охранять, а съ тѣмъ, чтобы насъ караулить...» (П. Жиляръ. — «Императоръ НИКОЛАЙ II и ЕГО Семья». Стр. 165.)

Съ утра 9-го марта шла уборка лошадей и чистка, запущенныхъ за всѣ дни безпрерывной службы, винтовокъ и амуниціи.

Около 11 часовъ, по дорогѣ къ Императорскому Павильону, прошло нѣсколько автомобилей придворнаго гаража. Ожидался пріѣздъ Государя Императора.

Нѣсколько времени спустя, эти автомобили прошли обратно. **Въ переднемъ находился Государь Императоръ и гофмаршалъ Высочайшаго Двора генералъ князь Долгоруковъ. Рядомъ съ шоферомъ сидѣлъ ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — вахмистръ Конвоя Пилипенко.**

У крайней казармы выстроились конвойцы, отдавая честь Государю Императору. — Шоферъ Царскаго автомобиля замедлилъ ходъ.

Послышался такой знакомый ласковый голосъ Государя, привѣтствовавшего конвойцевъ. Въ отвѣтъ на Царское привѣтствіе, раздалось отчетливое и громкое — «Здравія желаемъ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!»

Это было послѣднимъ Личнымъ привѣтствіемъ Государя Императора НИКОЛАЯ II АЛЕКСАНДРОВИЧА Своему Конвою.

При Государѣ въ Александровскомъ Дворцѣ продолжалъ нести свою вѣрную службу, прибывшій съ Нимъ изъ Могилева, послѣдній Его ординарецъ вахмистръ Пилипенко. Новыя власти во Дворцѣ перестали его допускать къ Государю Императору. Въ результатѣ, вахмистръ Пилипенко — «за ненадобностью» былъ выдворенъ изъ Дворца, а за службу при Государѣ въ 1920 году разстрѣлянъ.

ЦАРСКАЯ СТАВКА

26-го февраля.

Въ концѣ февраля въ Могилевъ — Царская Ставка, гдѣ въ то время пребывалъ Государь Императоръ, стали доходить неясные слухи о уличныхъ безпорядкахъ въ Петроградѣ, связанныхъ съ «какими то продовольственными затрудненіями».

Офицеры двухъ сотенъ Конвоя, несшихъ службу въ Ставкѣ (Л.-Гв. 1-я Кубанская и Л.-Гв. 4-я Терская), не имѣя непосредственной связи съ Штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго, были мало освѣдомлены о всемъ, что происходило въ столицѣ. Да и самъ Штабъ получалъ свѣдѣнія о событіяхъ, быстро развивающихся въ Петроградѣ, съ большимъ опозданіемъ. Комендантъ Дворца, отъ котораго сотни Конвоя получали всѣ распоряженія, касающіяся ихъ службы, считалъ, что «въ Петроградѣ только небольшіе безпорядки».

27-го февраля.

Жизнь и служба сотенъ Конвоя шла по утвержденному порядку, какъ и въ предшествовавшіе дни. Несмотря на то, что стали доходить слухи уже не о безпорядкахъ, а о все усиливающемся бунтѣ, въ самой Ставкѣ, по внѣшности, все было спокойно. Въ этомъ петроградскомъ бунтѣ никто не предчувствовалъ вѣяніе грядущаго революціоннаго взрыва. Однако слухи изъ Петрограда становились все тревожнѣе.

Стало извѣстнымъ о предполагаемой командировкѣ въ Петроградъ Георгіевскаго батальона съ генералъ-адъютантомъ Ивановымъ, который назначался командующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ.

Полковникъ Ф. Кирѣевъ объявилъ офицерамъ, что имъ отъ командира Конвоя получено сообщеніе о предстоящемъ выѣздѣ Государя Императора въ Царское Село. Отбытіе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА назначено на слѣдующій день въ 14 часовъ 30 минутъ. Полковникъ Кирѣевъ отдалъ приказаніе командиру Л.-Гв. 4-й Терской сотни — есаулу Г. Татонову (сотня вступала на службу 28-го февраля) назначить одного офицера и соотвѣтствующій нарядъ казаковъ для сопровожденія Государя Императора. Были назначены хорунжій С. Лавровъ и 14 урядниковъ и казаковъ.

Поздно вечеромъ, примѣрно около 23 часовъ, казакъ-дежурный у телефона гостиницы «Парижъ», часть комнатъ которой были отведены для офицеровъ Конвоя, служившихъ въ Царской Ставкѣ, доложилъ дежурному офицеру, что командиръ срочно требуетъ къ телефону полковника Кирѣева.

Отъ командира было получено приказаніе: «немедленно же выслать на военную платформу станціи Могилевъ офицера и положенный нарядъ казаковъ, т. к. по повелѣнію ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, отбытіе Государя Императора въ Царское Село ускоряется, въ связи съ чѣмъ Литерные поѣзда должны отойти со станціи Могилевъ не завтра 28-го, какъ было назначено, а этой же ночью, т. е. въ ночь на 28-е февраля».

Хорунжій Лавровъ съ казаками Л.-Гв. отъ 4-й Терской сотни, назначенными для сопровожденія Государя Императора, срочно отбылъ на станцію и, какъ при всѣхъ поѣздкахъ Государя, занялъ мѣста, отведенныя для чиновъ Конвоя въ Свитскомъ поѣздѣ (поѣздъ Литера «Б»).

Къ Собственному поѣзду (Литера «А») для Встрѣчи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА былъ назначенъ сотникъ А. Шведовъ, 1 урядникъ и 3 казака Л.-Гв. отъ 1-й Кубанской сотни.

28-го февраля.

Прибывшій рано утромъ съ вокзала сотникъ Шведовъ сообщилъ о томъ, что Государь изволилъ прибыть въ Свой поѣздъ къ 1 часу (ночи). По неизвѣстной (сотнику Шведову) причинѣ отбытіе Императорскаго поѣзда задержалось до разсвѣта. Послѣ 2-хъ часовъ къ поѣзду прибылъ генералъ-адъютантъ Ивановъ и былъ принятъ Государемъ. За часъ до отхода Императорскаго поѣзда отошелъ Свитскій. Въ Собственномъ поѣздѣ, какъ всегда, отъ Конвоя находились: командиръ, ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и два казака.

1-го марта.

Съ отъѣздомъ Государя Императора въ Могилевѣ сразу же создалась тревожная атмосфера. По городу стали распространяться самые мрачные слухи о возстаніи въ Петроградѣ солдатъ запасныхъ

батальоновъ. На улицахъ стали собираться группы мѣстнаго населенія. Появились какіе то «информаторы», вокругъ нихъ толпились прохожіе.

Въ виду этой нездоровой обстановки въ городѣ, командиръ Дивизіона Конвоя въ Ставкѣ полковникъ Кирѣевъ приказалъ на время отсутствія Государя сотни изъ казармъ въ городѣ перевести въ лагерные бараки за городомъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, гдѣ сотни стояли лѣтомъ. Сотнямъ приказано быть готовыми къ вызову по тревогѣ. При полковникѣ Кирѣевѣ оставался дежурный взводъ съ однимъ офицеромъ. Взводъ находился во дворѣ гостиницы «Парижъ». Всѣ остальные офицеры были при своихъ сотняхъ.

Съ Петроградомъ и Царскимъ Селомъ связь сотенъ Конвоя, бывшихъ въ Ставкѣ, была прервана. Всѣ свѣдѣнія, проникавшія изъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго о положеніи въ столицѣ, были крайне тревожны. Эта тревога еще болѣе усилилась, когда дошли слухи о неблагополучіи въ запасныхъ батальонахъ царскосельскаго гарнизона.

По приказанію полковника Кирѣева, для связи съ сотнями Конвоя, находившимися въ Царскомъ Селѣ, былъ командированъ одинъ казакъ, коему поручалось во что бы то ни стало добраться до Царскаго Села.

2-го марта.

Положеніе оставалось самое неопредѣленное. Изъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго получено свѣдѣніе, что Государь Императоръ находится въ Псковѣ. Это неожиданное сообщеніе объ измѣненіи маршрута Литерныхъ поѣздовъ офицерами Конвоя было принято болѣе чѣмъ тревожно, ибо всѣмъ было извѣстно, что Государь ускорилъ Свой отъѣздъ изъ Могилева, желая скорѣе прибыть въ Царское Село. Въ передаваемомъ сообщеніи, что прибытіе ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ Псковъ объясняется «неожиданными неисправностями на желѣзнодорожной линіи», чувствовалась уже какая то угроза, ибо невозможно было понять, что желѣзнодорожный путь для Царскаго поѣзда могъ быть неисправенъ!

Для выясненія обстановки по линіи желѣзныхъ дорогъ, распоряженіемъ полковника Кирѣева, на станцію Могилевъ былъ высланъ офицерскій разъѣздъ. Начальнику разъѣзда вмѣнялась въ обязанность имѣть непосредственную связь съ желѣзнодорожнымъ телеграфомъ. Офицеръ и казаки, служившіе на станціи, смѣнялись каждые четыре часа.

3-е марта.

Офицеры переживали исключительное нервное напряженіе. Никто точно не зналъ, почему Государь Императоръ находится не въ Царскомъ Селѣ, а въ Псковѣ?!...

И вдругъ, эта неопредѣленность разразилась неожиданнымъ громовымъ ударомъ! Всѣ офицеры и казаки потрясены жуткимъ и грознымъ слухомъ: «Государь отрекся отъ Престола!»...

Эта несравнимая ни съ какими потрясеніями вѣсть, равносильна могла бы быть только лишь вѣсти «о скоропостижной смерти Государя». Никто изъ офицеровъ Конвоя не могъ понять, что же въ дѣйствительности произошло въ Псковѣ. Невозможно, нельзя было повѣрить тому, что въ Россіи больше нѣтъ Государя, всего три дня тому назадъ бывшаго здѣсь въ Ставкѣ ...

Къ лагернымъ баракамъ прибылъ полковникъ Кирѣевъ. Передъ строемъ командуемаго имъ дивизіона, онъ обратился къ казакамъ съ призывомъ твердо помнить свою присягу, указывая на то, что чтобы ни случилось, священный долгъ чиновъ Конвоя исполнять только лишь волю и повелѣніе самого Государя Императора.

Около 15-ти часовъ стало извѣстнымъ, что прибытіе Государя Императора въ Ставку ожидается къ вечеру. По приказанію полковника Кирѣева, сотни Конвоя вернулись въ свои городскія казармы, и Резиденція ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА — губернаторскій домъ, была занята усиленнымъ офицерскимъ карауломъ. На станціи Могилевъ и на линіи желѣзныхъ дорогъ разъѣзды продолжали нести свою службу. Для встрѣчи Государя Императора былъ назначенъ обычный нарядъ Л.-Гв. отъ 1-й Кубанской сотни.

Къ вечеру изъ Царскаго Села благополучно прибылъ посланный туда казакъ, въ сопровожденіи другого изъ сотенъ гарнизона Александровскаго Дворца, съ донесеніемъ отъ есаула Свидина.

Присланное есауломъ Свидинымъ донесеніе, подробное сообщеніе о вѣрной службѣ сотенъ Конвоя, находившихся въ Царскомъ Селѣ было омрачено свѣдѣніемъ о нагломъ пасквилѣ и клеветѣ на Конвой.

Съ глубокимъ возмущеніемъ и негодованіемъ офицеры и казаки дивизіона Конвоя, бывшаго въ Ставкѣ, узнали объявленную въ «Извѣстіяхъ» рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ провокаціонную ложь «о прибытіи всего Конвоя, въ полномъ своемъ составѣ, въ Государственную Думу», — что означало «прибытіе въ Думу» ихъ же самихъ — бывшихъ въ Ставкѣ(!), совмѣстно съ другимъ дивизіономъ Конвоя, находившимся въ Александровскомъ Дворцѣ, а не ... въ Петроградѣ.

Въ эти дни Литерные поѣзда, отбывъ изъ Могилева на разсвѣтѣ 28-го февраля (по воспоминаніямъ есаула С. Лаврова) слѣдовали по маршруту — Орша, Вязьма, Лихославль до Тосно, откуда должны были быть направлены по передаточной линіи на Царское Село.

Этотъ длинный путь объяснялся тѣмъ, что Виндавская линія, черезъ станцію Дно, была предоставлена эшелонамъ генералъ-адъютанта Иванова. Движеніе поѣздовъ происходило въ нормальной обстановкѣ. Императорскій поѣздъ встрѣчался мѣстными властями и сопровождался въ пути, по своимъ участкамъ, инженерами.

Шедшій впереди Свитскій поѣздъ, пройдя Вязьму (примѣрно въ 14 часовъ) и слѣдуя далѣе ночью, черезъ Лихославль, къ 2 часамъ подошелъ къ станціи Малая Вишера. На станціи Малая Вишера были

получены тревожныя свѣдѣнія, что слѣдующая большая станція Любань, находившаяся между Малой Вишерой и Тосно, занята «революціонными войсками», разгромившими станцію. Телеграфъ станціи Малая Вишера на Любань не работалъ.

Хорунжій Лавровъ, приказавъ взводному урядинку Цыбину выставить впередъ, по линіи желѣзнодорожнаго пути, наблюденіе въ направленіи станціи Любань, какъ только подошелъ Императорскій поѣздъ, явился къ командиру Конвоя и сообщилъ ему обстановку. Командиръ отправился къ генералу Воейкову. Причина остановки Свитскаго поѣзда была доложена Государю Императору.

Примѣрно въ 4 часа послѣдовало распоряженіе Литернымъ поѣздамъ слѣдовать въ обратномъ направленіи на Бологое-Дно.

Послѣ остановки на станціи Старая Русса (около 13 часовъ), поѣзда продолжали путь, черезъ станцію Дно на Псковъ, гдѣ находился штабъ Главнокомандующаго Сѣвернымъ фронтомъ генералъ-адъютанта Рузскаго.[34]) Въ Свитскомъ поѣздѣ никто точно не зналъ причины направленія Литерныхъ поѣздовъ на Псковъ. Нѣкоторые предполагали, что поѣзда вернулись для того, чтобы проѣхать въ Царское Село по Виндавской дорогѣ черезъ Дно и Вырицу, т. е. по линіи, предназначенной для эшелоновъ генерала Иванова. Другіе говорили, что мостъ на Виндавской дорогѣ ненадеженъ, а потому рѣшено двигаться на Псковъ, а оттуда по Варшавской дорогѣ, черезъ Лугу, на Царское Село.

Впослѣдствіи командиръ Конвоя разъяснилъ (уже въ Могилевѣ), что рѣшеніе слѣдовать на Псковъ было вызвано тѣмъ, что въ Псковѣ былъ ближайжій аппаратъ Юза, по которому надо было установить связь со Штабомъ Верховнаго Главнокомандующаго и съ Царскимъ Селомъ.

1-го марта въ 20 часовъ, уже въ полной темнотѣ, Императорскій поѣздъ подошелъ къ станціи Псковъ. Вокзалъ станціи Псковъ былъ пустъ. Никто не вышелъ навстрѣчу Царскому поѣзду. Позже прибыли главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ генералъ-адъютантъ Рузскій и его начальникъ штаба генералъ Даниловъ, и были приняты Государемъ Императоромъ. Генералъ Рузскій оставался у Государя до позднихъ часовъ вечера.[35])

Весь день 2-го марта Государь провелъ въ Псковѣ. Въ 10 часовъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ былъ принятъ главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ. Съ утра этого дня, хорунжій Лавровъ усилилъ посты у Собственнаго поѣзда. Государь, замѣтивъ это, выразилъ командиру Конвоя Свое неудовольствіе, на основаніи чего послѣдовало приказа-

---

[34]) Офицеръ Конвоя С. Лавровъ вспоминаетъ о томъ, что со станціи «Дно» первымъ шелъ поѣздъ Литера «Б», въ которомъ онъ находился.

[35]) «Этотъ долгій разговоръ Государя съ ген. Рузскимъ въ Псковѣ вечеромъ 1-го марта, во всякомъ случаѣ явился переломомъ». — «Ген. Рузскій страдалъ нравственно до конца дней своей жизни и не могъ безъ волненія говорить о трагическихъ дняхъ 1—2 марта». (С. Ольденбургъ. «Царствованіе Императора НИКОЛАЯ II» Т. II, стр. 254—255.)

ніе всѣмъ казакамъ, за исключеніемъ обычнаго поста у входа въ Царскій вагонъ, войти въ вагоны.

Днемъ Государь Императоръ вновь принялъ генерала Рузскаго. Съ нимъ были генералы Даниловъ и Савичъ. **Со словъ командира Конвоя, сообщавшаго офицерамъ, остававшимся въ Ставкѣ, подробности роковыхъ дней 1-го и 2-го марта, Государь Императоръ принялъ рѣшеніе объ отреченіи отъ Престола уже днемъ, послѣ пріема генерала Рузскаго и его помощниковъ.**

Къ 22-мъ часамъ прибыли въ Псковъ делегаты Государственной Думы Гучковъ и Шульгинъ, которыхъ встрѣтилъ флигель-адъютантъ полковникъ Мордвиновъ, и провелъ ихъ прямо въ салонъ-вагонъ Государя.

Во время разговора Государя Императора съ членами Думы командиръ Конвоя не присутствовалъ. Кромѣ Государя, въ салонъ-вагонѣ изъ Свиты. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА находились только генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ и генералъ Нарышкинъ. Немного позже прибыли генералы Рузскій и Даниловъ. Выслушавъ депутатовъ Государственной Думы, Государь спросилъ ихъ, считаютъ ли они, что Его отреченіе внесетъ успокоеніе, и получилъ утвердительный отвѣтъ.

Послѣ этого, Государь Императоръ повелѣлъ генералу Нарышкину дать текстъ уже составленнаго Манифеста, съ поправкою о передачѣ Престола Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ.

Лично принимавшій участіе въ отреченіи Государя отъ Престола генералъ Даниловъ, въ своей книгѣ — «Великій Князь Николай Николаевичъ» (стр. 305—307.) пишетъ: «Въ 10 часовъ утра 15-го марта (новый стиль. Н. Г) главнокомандующій вторично посѣтилъ Государя. и передалъ ему содержаніе своей ночной бесѣды съ Родзянко. Во время этой бесѣды генералу Рузскому была передана присланная ему циркулярная телеграмма изъ Ставки отъ генерала Алексѣева ко всѣмъ главнокомандующимъ, не исключая и Великаго Князя Николая Николаевича, въ которой начальникъ штаба Государя высказывался, подобно Родзянко, въ пользу отреченія. — Вскорѣ отъ генерала Алексѣева поступила новая телеграмма на Высочайшее имя, въ которой дословно передавались отвѣты отъ главнокомандующихъ Кавказскаго, Юго-Западнаго и Западнаго фронтовъ, являвшіеся въ сущности ходатайствами объ отреченіи. — (Далѣе слѣдуетъ содержаніе телеграммъ).

«Генералъ Рузскій, собираясь съ этими телеграммами къ Царю, и, намѣреваясь присоединиться къ ихъ содержанію, просилъ также своихъ ближайшихъ сотрудниковъ — меня, какъ начальника штаба, и генерала Савича — главнаго начальника снабженій армій и тыла фронта, не видѣвшихъ также иного исхода для успокоенія страны и возможности доведенія войны до конца, присутствовать при докладѣ, для подкрѣпленія нашимъ мнѣніемъ его доводовъ. — «Государь уже

освѣдомленъ о томъ, что я пріѣду съ вами», сказалъ Н. В. Рузскій. — «Императоръ Николай встрѣтилъ насъ въ томъ же зеленомъ салонѣ своего вагона-столовой. Онъ казался спокойнымъ, но былъ нѣсколько блѣднѣе обыкновеннаго: видно было, что Онъ провелъ большую часть ночи безъ сна. Онъ былъ въ той же темно-сѣрой черкескѣ, съ кинжаломъ въ серебряныхъ ножнахъ на поясѣ. Усѣвшись у небольшого четырехугольнаго стола, Государь сталъ внимательно слушать Н. В. Рузскаго.

«Послѣдній, сидя противъ Императора, медленнымъ голосомъ, сталъ докладывать о всемъ происшедшемъ за истекшіе часы, и дойдя до телеграммы генерала Алексѣева съ отвѣтными ходатайствами старшихъ войсковыхъ начальниковъ, просилъ Государя лично ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. — Затѣмъ Н. В. Рузскій, отчеканивая каждое слово, сталъ излагать свое собственное мнѣніе, клонившееся къ выводу о невозможности для Государя принять какое либо иное рѣшеніе, кромѣ того, которое подсказывалось совѣтами запрошенныхъ лицъ.

«Въ концѣ своего доклада главнокомандующій просилъ выслушать и наше мнѣніе. Мы съ генераломъ Савичемъ, остававшіеся во все время этой сцены стоя, подтвердили въ общемъ мнѣніе, намѣченное предсѣдателемъ Государственной Думы, и поддержанное старшими начальниками Дѣйствующей Арміи

«Наступило гробовое молчаніе. Государь видимо волновался. Нѣсколько разъ онъ безсознательно взглядывалъ въ плотно завѣшанное окно вагона. Затѣмъ вставъ и быстро повернувшись въ нашу сторону, перекрестился широкимъ крестомъ и произнесъ: «Я рѣшился . . . Я рѣшился отказаться отъ Престола въ пользу Своего Сына Алексѣя . . . »

Исполнивъ просьбу всѣхъ Главнокомандующихъ фронтами, указывающихъ — «необходимость» принятія «сверхмѣры»! . . . «для блага и будущности Россіи и . . . Династіи», Государь Императоръ принесъ Себя въ жертву! . .

«Минута была глубоко торжественная». — «Точно камень, давившій насъ, свалился съ плечъ . . . » отмѣчаетъ въ своей книгѣ генералъ Даниловъ.

О пріемѣ Государемъ Императоромъ членовъ Государственной Думы Гучкова и Шульгина, генералъ Даниловъ пишетъ слѣдующее: «Мы (ген. Рузскій и Даниловъ) подошли къ концу разговора Государя съ членами Думы. Кончалъ говорить Гучковъ. — Императоръ Николай II, въ отвѣтъ на его рѣчь, содержаніе которой, повидимому клонилось къ убѣжденію Царя въ неизбѣжности отреченія, коротко отвѣтилъ, что имъ уже принято соотвѣтствующее рѣшеніе. — «Вначалѣ Я полагалъ», сказалъ Царь, — «передать Престолъ Моему Сыну, но затѣмъ, обдумавъ положеніе, перемѣнилъ Свое рѣшеніе и нынѣ отрекаюсь за Себя и за Сына, въ пользу Моего Брата Михаила».

«Слова эти были для генерала Рузскаго и меня полною неожиданностью и я ожидалъ возраженія на нихъ со стороны присланныхъ делегатовъ. — Но, они молчали. Государь всталъ и прошелъ въ свой вагонъ, чтобы принести текстъ измѣненнаго Манифеста. — На мое сомнѣніе, высказанное депутатамъ въ правильности намѣчавшагося измѣненія порядка престолонаслѣдія, съ точки зрѣнія закона, я получилъ ихъ успокоительное завѣреніе. Считая свою роль этимъ законченной, я отошелъ въ сторону . . .»

Въ ночь на 3-е марта (въ 1 часъ) Литерные поѣзда направились черезъ Двинскъ въ Могилевъ. Переѣздъ проходилъ безпрепятственно. Желѣзнодорожная администрація, какъ всегда, при встрѣчѣ Императорскаго поѣзда, исправно исполняла свои служебныя обязанности. На станціяхъ публики почти не было. На нѣкоторыхъ остановкахъ Государь выходилъ изъ вагона и, въ сопровожденіи Своего ординарца-конвойца, гулялъ по перрону.

Черезъ нѣсколько часовъ, 3-го же марта, послѣ отбытія Государя Императора изъ Пскова, на разсвѣтѣ въ Псковъ прибыли хорунжій Грамотинъ и поручикъ Соловьевъ.

Выѣхавъ изъ Царскаго Села поздно вечеромъ 1-го марта, посланные Государыней Императрицей офицеры первоначально взяли направленіе прямо на Могилевъ. По дорогѣ выяснилось, что Императорскіе поѣзда были на пути въ Царское Село, но повернули обратно. Дальнѣйшій слѣдъ поѣздовъ терялся, и всѣ свѣдѣнія о движеніи Литерныхъ поѣздовъ были смутны и неопредѣленны. Желѣзнодорожное начальство на разспросы подозрительно косилось и давало самые разнорѣчивыя показанія.

Открывать цѣль своей поѣздки офицеры никому не рѣшались — слишкомъ отвѣтственной была ихъ задача. Въ поискахъ правильнаго направленія хорунжій Грамотинъ и поручикъ Соловьевъ, нѣсколько разъ перескакивали съ поѣзда на поѣздъ, иногда на ходу. Два раза они разставались, принимая, согласно разнорѣчивымъ указаніямъ, разные маршруты, но вновь встрѣчались, нападая на вѣрный слѣдъ.

Съ дороги на Лугу (гдѣ произошло извѣстное событіе) имъ пришлось измѣнить направленіе и ѣхать на Нарву.

Въ Нарвѣ ихъ хотѣли арестовать и уже выводили изъ вагоновъ. Спасло ихъ заявленіе, что они «делегаты» какой то «революціонной» части и что они «ѣдутъ въ штабъ Сѣвернаго фронта, по вызову самого штаба». Выйдя изъ вагоновъ они разъединились и, смѣшавшись съ толпою какихъ то солдатъ, съ большимъ рискомъ вновь быть задержанными, выѣхали на Псковъ, по новой дорогѣ, построенной во время войны.

Всѣ эти приключенія привели къ тому, что Грамотинъ и Соловьевъ прибыли въ Псковъ 3-го марта въ 5-мъ часу (утра), т. е. нѣсколькими часами позже отбытія изъ Пскова Государя Императора.

Въ Псковѣ они узнали, что Государь Императоръ дѣйствительно былъ тамъ и отбылъ обратно въ Могилевъ. Болѣе точныя указанія и оріентировку офицеры, посланные ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, надѣялись получить въ штабѣ генерала Рузскаго.

Въ штабъ прибыли около 5-и часовъ, гдѣ встрѣтили неизвѣстнаго имъ генерала[36]), котораго просили доложить главнокомандующему Сѣвернаго фронта, что они прибыли съ очень срочнымъ донесеніемъ изъ Царскаго Села. «Очевидно, (какъ вспоминаетъ есаулъ А. Грамотинъ) генерала Рузскаго разбудили. Онъ принялъ насъ въ полутемномъ помѣщеніи, хмурый и злой, закутанный въ какой то теплый халатъ, съ шарфомъ на шеѣ и въ валенкахъ. Узнавъ о томъ, что мы командированы Государыней Императрицей къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, главнокомандующій Сѣвернымъ фронтомъ отозвался очень неодобрительно о цѣли нашей миссіи, добавивъ — «поздненько, господа, поздненько» и еще что-то очень непріятное для насъ».

Послѣ долгаго ожиданія въ штабѣ генерала Рузскаго, хорунжій Грамотинъ и поручикъ Соловьевъ получили удостовѣреніе изъ штаба фронта о безпрепятственномъ проѣздѣ въ Могилевъ, черезъ Двинскъ.

Выѣхавъ вечеромъ изъ Двинска 3-го марта, прибыли въ Могилевъ 4-го и вручили письма Государыни Императрицы командиру Конвоя, для доклада ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ.

Прибытіе въ Псковъ къ генералу Рузскому изъ гарнизона Царскосельскаго Александровскаго Дворца офицера Конвоя и офицера Своднаго Пѣхотнаго полка, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ генералъ-квартирмейстеръ штаба Сѣвернаго фронта генералъ Болдыревъ: «Молодые офицеры, отправившіеся изъ Царскаго Села прибыли въ Псковъ. Оба приверженцы порядка стараго и въ частности — «ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА» — Я спросилъ ихъ, кого имъ надо. — «Мы ѣдемъ къ Государю, думали застать Его здѣсь; не откажите сказать, гдѣ теперь ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО». — Я имъ сказалъ: «Въ Ставкѣ» — «Отъ кого же вы имѣете порученіе и къ кому?» — Замялись сначала, а потомъ сообщили, что къ Государю — «хотимъ освѣтить правдивое положеніе дѣлъ».

Когда ихъ принялъ Рузскій, они сознались, что везутъ по письму, кажется дубликаты, Государю отъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА . . . »[37])

3-го марта

Литерные поѣзда подходили къ Могилеву. — «Въ нашемъ Свитскомъ поѣздѣ (какъ вспоминаетъ есаулъ С. Лавровъ), въ пути почти никто не разговаривалъ. Каждый изъ насъ, въ подавленномъ душевномъ состояніи, искалъ одиночества въ своемъ купэ».

Для встрѣчи Государя Императора на военную платформу станціи Могилевъ, къ 19-ти часамъ прибыли находившіеся въ Ставкѣ Великія Князья и въ большомъ количествѣ офицеры Штаба Верхов-

---

[36]) Генералъ Болдыревъ.

[37]) С. Мельгуновъ. «Опытъ историческаго анализа». Тетрадь десятая. Стр. 135.



Государь Императоръ въ пластунской черкескѣ, которую Онъ имѣлъ на Себѣ въ Псковѣ — въ роковые дни 1-го и 2-го марта 1917 года и въ послѣдніе дни пребыванія въ Могилевѣ.

Личный снимокъ Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ.

наго Главнокомандующаго, во главѣ съ Начальникомъ Штаба генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ.

Какъ всегда, у мѣста остановки Царскаго вагона, выстроился, по правиламъ службы Конвоя, соотвѣтствующій нарядъ — Встрѣча ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ составѣ: хорунжаго Н. Галушкина, одного урядника и трехъ казаковъ.

Желѣзнодорожная администрація сообщила о подходѣ Литерныхъ поѣздовъ. Присутствующіе на платформѣ офицеры выстроились въ одну шеренгу, на правомъ флангѣ которой находились Великій Князь Сергѣй Михайловичъ и Великій Князь Борисъ Владиміровичъ.

Въ темнотѣ показались ярко свѣтившіеся огни паровоза подходившаго Литернаго поѣзда. Это былъ поѣздъ Литера «А» — «Собственный» поѣздъ, шедшій первымъ. Его ходъ былъ особенно медленнымъ и остановка почти непримѣтной. Было 20 часовъ и 20 минутъ.

Первымъ изъ поѣзда вышелъ командиръ генералъ графъ Граббе и, поздоровавшись съ офицеромъ Конвоя, спросилъ, извѣстно ли объ отреченіи Государя Императора. Офицеръ отвѣтилъ, что никто этому слуху не вѣритъ. — «Къ несчастью Россіи это такъ», сказалъ командиръ и удалился обратно въ вагонъ поѣзда.

Черезъ двѣ-три минуты, на площадку Царскаго вагона вышелъ конвоецъ-ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и далъ знакъ офицеру о выходѣ Государя Императора.

Встрѣча Конвоя воински привѣтствовала Государя Императора, выходившаго изъ Своего вагона. Государь имѣлъ на Себѣ форму 6-го Кубанскаго казачьяго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА пластунскаго батальона. За Государемъ слѣдовалъ Его ординарецъ.

Государь Императоръ изволилъ дать руку офицеру Конвоя и обратился къ казакамъ съ обычнымъ Своимъ ласковымъ привѣтомъ. — «Здравія желаемъ ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО!», громко отвѣтили казаки конвойцы. — Государь остановился и, приложивъ руку къ головному убору, произнесъ: «Спасибо за службу, казаки!» — Затѣмъ вторично подалъ руку офицеру, тихо добавивъ: «Благодарю и васъ!»

Впереди всѣхъ встрѣчавшихъ Государя Императора стоялъ генералъ Алексѣевъ. Государь поздоровался съ нимъ и, принявъ от него рапортъ, прямо направился къ Великимъ Князьямъ и обнявъ и поцѣловавъ ихъ, сталъ обходить строй г. г. офицеровъ, здороваясь съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Обойдя всѣхъ, Государь принялъ въ Своемъ вагонѣ генерала Алексѣева. Послѣ бесѣды съ нимъ, въ сопровожденіи генералъ-адъютанта гр. Фредерикса и Своего ординарца, отбылъ въ Свою Резиденцію, куда и прибылъ въ 21 часъ 30 минутъ.

При входѣ Государя Императора въ губернаторскій домъ, Его встрѣтилъ помощникъ командира и командиръ дивизіона Конвоя, находившагося въ Ставкѣ, полковникъ Кирѣевъ и, отъ имени всѣхъ

офицеровъ и казаковъ Конвоя, просилъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО принять ихъ вѣрноподданическія чувства.

Въ губернаторскомъ домѣ находился усиленный внутренній караулъ Конвоя. Въ 22 часа въ губернаторскій домъ прибылъ Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и былъ принятъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ.

Офицеры дивизіона Конвоя, собравшись въ одной изъ своихъ комнатъ гостиницы «Парижъ», съ тревожнымъ волненіемъ ожидали возвращенія полковника Кирѣева и хорунжаго Галушкина. Оба прибыли одновременно. Впереди шелъ полковникъ Кирѣевъ. Онъ шелъ какъ въ бреду, какъ то странно размахивая правой рукой и, казалось, какъ бы разговаривалъ самъ съ собою.

Подойдя къ офицерамъ, онъ неожиданно зашатался и, подхваченный ими, упалъ на кровать и зарыдалъ... **«Итакъ, свершилось! — Россія потеряла Благочестивѣйшаго своего Государя Императора, и милость Божія отошла отъ нея...»**

4-го марта.

Стало извѣстнымъ о прибытіи въ Могилевъ изъ Кіева Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. На военную платформу станціи Могилевъ къ 11 часамъ прибыли Великіе Князья Сергѣй Михайловичъ и Борисъ Владиміровичъ. Къ этому же времени для встрѣчи ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ былъ высланъ нарядъ Конвоя: хорунжій П. Ергушевъ съ однимъ урядникомъ и тремя казаками Л.-Гв. отъ 4-й Терской сотни. Послѣ 12-ти часовъ прибылъ на станцію Государь. Его отъ Конвоя сопровождали командиръ и ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА вахмистръ Пилипенко.

Поѣздъ изъ Кіева со Вдовствующей Императрицей запаздывалъ. Сильно морозило. Государь Императоръ отошелъ отъ всѣхъ въ сторону и одинъ гулялъ по платформѣ. Наконецъ, вдали показался поѣздъ Государыни Императрицы. Государь скорымъ шагомъ направился къ мѣсту остановки поѣзда и вошелъ въ вагонъ Своей Августѣйшей Матери, едва поѣздъ остановился. — Вскорѣ затѣмъ изъ вагона вышли Государыня Императрица, Государь Императоръ и прибывшій изъ Кіева Великій Князь Александръ Михайловичъ. — Государыня изволила поздороваться съ офицеромъ и казаками Конвоя, стоявшими у Ея вагона и сейчасъ же сказала Государю: «Я надѣюсь, что они не будутъ здѣсь стоять на морозѣ». — Государь повелѣлъ офицеру снять «Встрѣчу», и казакамъ войти въ вагонъ, въ которомъ находились конвойцы, сопровождавшіе Государыню изъ Кіева.

Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА обошла встрѣчавшихъ Ее Великихъ Князей, лицъ Государевой Свиты и чиновъ Ставки. Никакой (вспоминаетъ П. Ергушевъ) перемѣны не было замѣтно на Ея лицѣ. Царственно-спокойный видъ, привѣтливая улыбка. По обыкновенію, для каждаго у нея нашлось ласковое слово. Поздоровавшись со всѣми, Государыня Императрица, вмѣстѣ съ Госуда-

ремъ Императоромъ удалилась въ находившійся на военной платформѣ деревянный сарай, гдѣ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВА оставались довольно долгое время наединѣ.

Вечеромъ къ обѣду Государь прибылъ на станцію въ поѣздъ Государыни Императрицы, оставшейся въ Могилевѣ до отбытія Государя въ Царское Село. За все время пребыванія Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ въ Могилевѣ, къ Ея поѣзду высылался караулъ отъ сотенъ Конвоя, находившихся въ Ставкѣ.

5-е марта.

Воскресенье. Къ началу Богослуженія въ Могилевскій соборъ прибыли и стали на свои мѣста конвойцы и солдаты ротъ Своднаго Пѣхотнаго полка. Задолго до начала службы, масса народа, главнымъ образомъ крестьянъ изъ ближайшихъ къ Могилеву селъ, заполнили храмъ и прилегающую къ нему площадь. Всѣ ждали прибытія Государя Императора. Вдовствующая Императрица прибыла въ соборъ послѣ Государя.

Какъ только показался Государь, народъ, привѣтствуя Его, окружилъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО настолько, что Онъ принужденъ былъ двигаться очень медленно, временами останавливаясь. Крестьяне, снявъ шапки, низко кланялись Государю. Многіе крестились. Женщины плакали.

Дѣти изъ города Могилева, бывавшіе со своими родителями и раньше въ соборѣ, въ дни посѣщенія его Государемъ и зная, что Государь всегда кому нибудь изъ нихъ отдавалъ Свою просфору, по окончаніи службы, сами подошли къ Государю, но на этотъ разъ Государь отдалъ просфору маленькой крестьянской дѣвочкѣ, которую на рукахъ держала ея мать. Это было послѣднее непосредственное общеніе Государя Императора съ русскимъ народомъ.

Первые дни по возвращеніи Государя въ Ставку жизнь ея, внѣшне, почти не измѣнилась. Такъ же продолжали видѣть Государя, по утрамъ проходящаго въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, въ сопровожденіи конвойца — Своего ординарца. Такъ же ежедневно послѣ завтрака Государь съ лицами Своей ближайшей Свиты совершалъ загородныя прогулки. Такъ же въ опредѣленные часы (въ двѣ смѣны) чины Штаба и офицеры воинскихъ частей, находившихся въ Ставкѣ, большими группами тянулись на завтраки и обѣды въ Собраніе, въ столовой котораго лишь смолкала обычная ея шумливость. Было тихо и никто не нарушалъ эту траурную тишину. Временами казалось, что все случившееся въ Псковѣ лишь кошмарный сонъ! Но... дѣйствительность была другая, и послѣдовалъ новый ударъ — неизбѣжность подчиненія приказу о снятіи съ погонъ дорогой Эмблемы — Вензелеваго изображенія Имени отрекшагося отъ Престола Государя Императора. **Только тотъ, кто служа въ Шефскихъ частяхъ, лично самъ пережилъ эту трагедію, можетъ понять всю глубину душевныхъ страданій при исполненіи этого приказа.**

Съ каждымъ днемъ въ Ставкѣ чувствовались послѣдствія совершившагося «добровольнаго» отреченія отъ Престола Главы Россійскаго Государства и наступившей — «великой и безкровной». — Толпы на улицахъ города стали обычнымъ явленіемъ. Нерѣдко въ нихъ были замѣтны и одиночные солдаты. Нѣкоторыя зданія правительственныхъ учрежденій «украсились» красными флагами, а на стѣнахъ ихъ появились расклеенные экземпляры всевозможныхъ воззваній новой власти и, среди нихъ, преступный «приказъ № 1-й», призывавшій армію къ развалу ея дисциплины. На площадяхъ учинялись митинги. Распинались мѣстные и пріѣзжіе «ораторы», призывавшіе къ «углубленію революціи».

Дивизіонъ Конвоя и роты Своднаго полка, бывшіе въ Ставкѣ, полностью стояли въ сторонѣ отъ этихъ событій и продолжали нести свою службу. Охрана губернаторскаго дома неслась прежнимъ порядкомъ, но караулы Конвоя и Своднаго Пѣхотнаго полка были усилены и, по приказанію полковника Кирѣева, во дворѣ гостиницы «Парижъ» находилась очередная дежурная пѣшая сотня Конвоя, въ полной готовности къ вызову. Другая сотня оставалась въ казармѣ, также въ полной готовности къ вызову конной.

Въ одинъ изъ этихъ дней изъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго было получено свѣдѣніе, что неизвѣстная банда солдатъ, проѣзжавшихъ черезъ могилевскую станцію, самочинно пыталась произвести обыскъ въ поѣздѣ Великаго Князя Бориса Владиміровича.

Въ распоряженіе Великаго Князя былъ посланъ хорунжій Галушкинъ со взводомъ казаковъ Л.-Гв. отъ 1-й Кубанской сотни. Великаго Князя больше никто не безпокоилъ, но отъ коменданта станціи Могилевъ было получено странное сообщеніе, что на одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій между Могилевомъ и Оршей — «находится эшелонъ Конвоя».

Офицеръ Конвоя, поспѣшившій къ телефону, попросилъ соединить его съ начальникомъ этого эшелона. На вопросъ: «кто у телефона?» — послѣдовалъ отвѣтъ: «Начальникъ эшелона Царскаго Конвоя, иду въ Могилевъ съ особой задачей». — Слыша незнакомый голосъ, офицеръ попросилъ «конвойца» назвать свою фамилію. — Отвѣтъ: — «Штабсъ капитанъ Ивановъ».

Наименованіе «Царскій» Конвой, пѣхотный чинъ и сама фамилія отвѣчавшаго (Ивановыхъ въ Конвоѣ не было), свидѣтельствовали о самозванствѣ.

По тревогѣ прибылъ на вокзалъ командиръ Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни есаулъ Г. Рашпиль, съ остальными тремя взводами сотни.

Эшелонъ «штабсъ капитана Иванова» такъ въ Могилевъ и не прибылъ. Позже было установлено, что у телефона былъ предводитель одной изъ революціонныхъ бандъ, разъѣзжавшей по желѣзной дорогѣ и обезоруживавшій на станціяхъ жандармовъ.

На другой день Великій Князь Борисъ Владиміровичъ, поблагодаривъ офицера и казаковъ, отпустилъ ихъ, задержавъ при себѣ од-

ного урядника и трехъ казаковъ для своей личной охраны. (Великій Князь былъ тогда походнымъ Атаманомъ Казачьихъ Войскъ.)

Революціонныя настроенія захватили и солдатъ Георгіевскаго батальона (батальонъ прибылъ обратно въ Ставку). Стали говорить о предполагавшемся какомъ то выступленіи этой части. Однако это выступленіе не было неожиданнымъ. По свѣдѣніямъ офицеровъ этого же батальона, демонстрація была разрѣшена командиромъ батальона и, во избѣжаніе накихъ либо эксцессовъ со стороны солдатъ, офицерамъ батальона было приказано присутствовать.

Какъ только (отъ тѣхъ же офицеровъ батальона) опредѣлилось время выступленія георгіевцевъ, полковникъ Кирѣевъ приказалъ дежурной сотнѣ, находившейся во дворѣ гостиницы «Парижъ», съ утра этого же дня начать незамѣтное сосредотачиваніе къ губернаторскому дому.

Это надо было провести незамѣтно и отъ самого Государя, т. к. всякое видимое усиленіе охраны производило на Него непріятное впечатлѣніе, что особенно сказалось въ Псковѣ, когда Государь открыто выразилъ неудовольствіе иниціативой, проявленной хорунжимъ Лавровымъ.

Прибытіе дежурной сотни изъ гостиницы «Парижъ» въ губернаторскій домъ и усиленіе ею внутренняго караула было произведено черезъ различные промежутки времени отдѣльными небольшими командами, по внѣшности похожими на обычныя смѣны карауловъ и отдѣльныхъ постовъ.

Со стороны казармъ, занимаемыхъ Георгіевскимъ батальономъ, послышалась музыка. Полковникъ Кирѣевъ, занявъ сотней садъ передъ губернаторскимъ домомъ, выслалъ впередъ на улицу наблюдательные посты подъ командою сотника Шведова. Вскорѣ показался и самъ батальонъ.

Батальонъ шелъ стройно, со своимъ оркестромъ музыки, имѣя въ головѣ колонны красный флагъ. Несчастные офицеры, находясь въ подобномъ строю, выглядѣли мучениками.

Не доходя до губернаторскаго дома, батальонъ, измѣнивъ направленіе, вышелъ къ Днѣпровскому проспекту. За все время пребыванія въ Ставкѣ отрекшагося отъ Престола Государя, это было единственнымъ выступленіемъ воинской части.[38])

Ожидался пріѣздъ въ Ставку Великаго Князя Николая Николаевича, назначеннаго Государемъ Императоромъ Верховнымъ Главнокомандующимъ. Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА былъ переименованъ въ Конвой Верховнаго Главнокомандующаго. Для офицеровъ Конвоя это было полной неожиданностью!

Какъ могло произойти это переименованіе, никто не могъ себѣ представить! Въ Ставкѣ усиленно говорили о томъ, что это была

---

[38]) Генералъ Алексѣевъ потребовалъ отъ офицеровъ Георгіевскаго батальона, ихъ жертвеннаго присутствія, чтобы избѣжать нѣчто худшее, чѣмъ маршировка солдатъ съ краснымъ флагомъ по улицамъ города Могилева.

личная просьба графа Граббе. Офицеры Конвоя въ этомъ сомнѣвались, ибо эту безтактную поспѣшность съ переименованіемъ трудно было связать съ его именемъ.

Отъ имени всѣхъ офицеровъ полковникъ Кирѣевъ обратился къ графу Граббе съ просьбою пояснить, какъ могло это случиться, и дѣйствительно ли вѣрно, что самъ графъ въ этомъ переименованіи принималъ какое то участіе.

Графъ Граббе лично прибылъ къ офицерамъ и сообщилъ, что онъ руководствовался въ создавшемся положеніи своимъ убѣжденіемъ, что послѣ отреченія отъ Престола Государя Императора за Себя и за Наслѣдника Престола и послѣдовавшаго затѣмъ отреченія Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА, единственнымъ представителемъ Династіи является, ожидавшійся въ Ставкѣ, Великій Князь Николай Николаевичъ, однимъ изъ послѣднихъ повелѣній Государя Императора назначенный на постъ Верховнаго Главнокомандующаго, а потому Конвой, состоя при немъ, сохранитъ преемственность службы Династіи.

При всемъ глубокомъ уваженіи къ своему командиру, это его поспѣшное и личное рѣшеніе всѣми офицерами Конвоя было осуждено, что и было ему честно, открыто и немедленно же доложено старшимъ офицеромъ полковникомъ Кирѣевымъ.

8-го марта.

Послѣдній день пребыванія Государя въ Ставкѣ. Полковникъ Кирѣевъ объявилъ офицерамъ, что въ 10 часовъ 30 минутъ въ залѣ управленія дежурнаго генерала Государь Императоръ будетъ прощаться со всѣми чинами Ставки. Одновременно имъ же было отдано приказаніе вахмистрамъ и взводнымъ урядникамъ прибыть къ назначенному времени въ залъ управленія.

Офицеры Конвоя нѣсколько запоздали. Большой залъ былъ переполненъ чинами Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и другихъ учрежденій Ставки. Всѣмъ распоряжался Начальникъ Штаба генералъ Алексѣевъ. По его распоряженію офицерамъ Конвоя было указано мѣсто на лѣвомъ флангѣ всѣхъ выстраивающихся офицеровъ, а казакамъ Конвоя (также и солдатамъ-представителямъ ротъ Своднаго полка) вдоль лѣстницы, ведущей въ залъ.

Гулъ тихихъ разговоровъ въ залѣ прекратился командою генерала Алексѣева: «Смирно! Г. г. Офицеры!» — Послышался громкій отвѣтъ казаковъ и солдатъ на привѣтствіе ихъ Государемъ Императоромъ.

Въ залъ вошелъ Государь. Остановившись посрединѣ зала, Государь обратился къ присутствующимъ въ залѣ съ рѣчью. Государь говорилъ отчетливо. При мертвой тишинѣ особенно ясно были слышны слова Государя, но... изъ офицеровъ Конвоя никто не могъ точно воспроизвести и удержать въ памяти того, что говорилъ Государь.

Общее ихъ волненіе было таково, что воспринимались ни слова, а только лишь звуки. Отъ сознанія, что Государь прощается, холодѣло сердце... Слова Государя Императора — «Сегодня Я вижу васъ въ послѣдній разъ...» — терзали душу и, съ каждымъ новымъ словомъ Государя, наростало такое небывалое волненіе, что его сдержать не было силъ... и съ разныхъ сторонъ послышались стоны и сдавленное рыданіе.

Государь, начавшій говорить наружно спокойно, самъ замѣтно сталъ сильно волноваться, голосъ Его дрогнулъ и Онъ смолкъ.

Прервавъ Свою рѣчь, глубоко взволнованный Государь, началъ обходить строй офицеровъ и прощаться съ ними. Началось общее, уже ничѣмъ несдерживаемое, такое волненіе, котораго Государь не смогъ выдержать и, пріостановивъ Свой обходъ, быстро направился къ выходу.

Но выходя изъ зала и увидивъ на лѣвомъ флангѣ офицеровъ Конвоя, Государь направился къ нимъ. Подойдя къ офицерамъ, Государь окинулъ ихъ внимательнымъ взглядомъ и обнялъ стоявшаго правѣе всѣхъ, разрыдавшагося полковника Кирѣева, и поцѣловалъ его.

Въ этотъ же моментъ бывшій въ общей шеренгѣ офицеровъ Конвоя хорунжій С. Лавровъ, потерялъ сознаніе и, во весь свой большой ростъ, упалъ прямо головою къ ногамъ Государя Императора...

Государь вздрогнулъ, что то быстро проговорилъ, разобрали лишь слова: «Съ вами, дорогіе, еще увидимся...» — и, не обходя остальныхъ, вновь пошелъ къ выходу. Къ Государю Императору быстрымъ шагомъ подошелъ генералъ Алексѣевъ и, обнявъ Его, пожелалъ Государю — «счастья въ новой жизни!»...

Вскорѣ командиромъ было передано Личное пожеланіе Государя еще разъ, передъ отбытіемъ изъ Ставки, видѣть офицеровъ Конвоя и Сводного полка. — Офицеры прибыли въ залъ губернаторскаго дома, гдѣ обычно собирались всѣ приглашенные къ Высочайшему столу, и ожидали выхода ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА передъ завтракомъ и обѣдомъ.

Вдоль стѣнъ зала, на одной сторонѣ его, выстроились офицеры Конвоя, на другой — Своднаго полка. — Въ залѣ было полное молчаніе и тихо, какъ въ храмѣ передъ выносомъ Святыхъ Даровъ. — Прошло нѣсколько минутъ. Взоры всѣхъ были устремлены на двери Государева кабинета.

Какъ то сразу двери открылись, и показался Государь! Онъ сначала остановился въ дверяхъ, а затѣмъ медленно сталъ входить въ залъ. Государь былъ въ той же сѣрой черкескѣ, при черномъ бешметѣ, въ которой Онъ и отбылъ изъ Ставки въ ночь съ 27-го на 28-е февраля.

Казалось, что Государь не шелъ, а какъ то парилъ въ воздухѣ. Его глаза свѣтились исключительной ласкою и любовью... — Остановившись среди зала, Государь не произнесъ ни одного слова и, наклонивъ голову, молчалъ...

Это Его безмолвное прощаніе со Своими офицерами никто не въ силахъ описать и передать! — Всѣхъ охватилъ трепетъ и безпредѣльное волненіе. Сознаніе, что наступилъ такой ужасный конецъ службы при ЕГО ВЕЛИЧЕСТВѢ, терзало душу, а судорога тѣло. Нельзя было удержать нахлынувшихъ и душившихъ слезъ...

Государь сталъ прощаться съ офицерами. Со стороны показалось бы, что это была обычная бесѣда ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА съ офицерами, часто бывавшая по праздникамъ, послѣ Высочайшаго завтрака.

Государь подходилъ совсѣмъ близко къ каждому офицеру, и каждому изъ нихъ жалъ руку и говорилъ, своимъ мягкимъ задушевнымъ голосомъ, слова Своей благодарности за службу при Немъ. Его голосъ былъ тихъ. Онъ старался сдерживать Свое собственное волненіе и быть, какъ всегда, царственно-спокойнымъ, но Его чудные, ласковые и добрые Царскіе глаза выражали другое — безпредѣльную скорбь и страданіе...

Попрощавшись со всѣми офицерами, Государь удалился въ Свой кабинетъ и сразу же вернулся оттуда, пожаловавъ офицерамъ Конвоя статуэтку конвойца. — Передавая офицерамъ Свой прощальный подарокъ, Государь замѣтилъ: «У меня такихъ двѣ, одну Я сохраню на память о васъ.»[39])

Затѣмъ Государь еще разъ обошелъ всѣхъ, и направляясь къ выходу изъ зала, остановился, сдѣлалъ общій поклонъ и произнесъ:

«БЛАГОДАРЮ ВАСЪ ВСѢХЪ ЕЩЕ РАЗЪ! СЛУЖИТЕ РОДИНѢ ТАКЪ ЖЕ ВѢРНО, КАКЪ СЛУЖИЛИ МНѢ!»

Офицеры направились къ выходу и стали по ступенькамъ лѣстницы, ведущей въ вестибюль губернаторскаго дома.

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО Государь Императоръ НИКОЛАЙ II АЛЕКСАНДРОВИЧЪ медленно сходилъ по лѣстницѣ и, отдавая честь, внимательно, какъ бы желая запомнить лица офицеровъ, ласково каждому смотрѣлъ въ глаза. За Государемъ слѣдовали офицеры и окружили Его въ вестибюлѣ.

Здѣсь, увидѣвъ Своихъ трубачей и вахмистровъ сотенъ Конвоя, павшихъ на колѣни и рыдавшихъ, Государь больше не могъ владѣть Собою, Онъ сильно поблѣднѣлъ, и у Него отъ слезъ заблестѣли глаза.

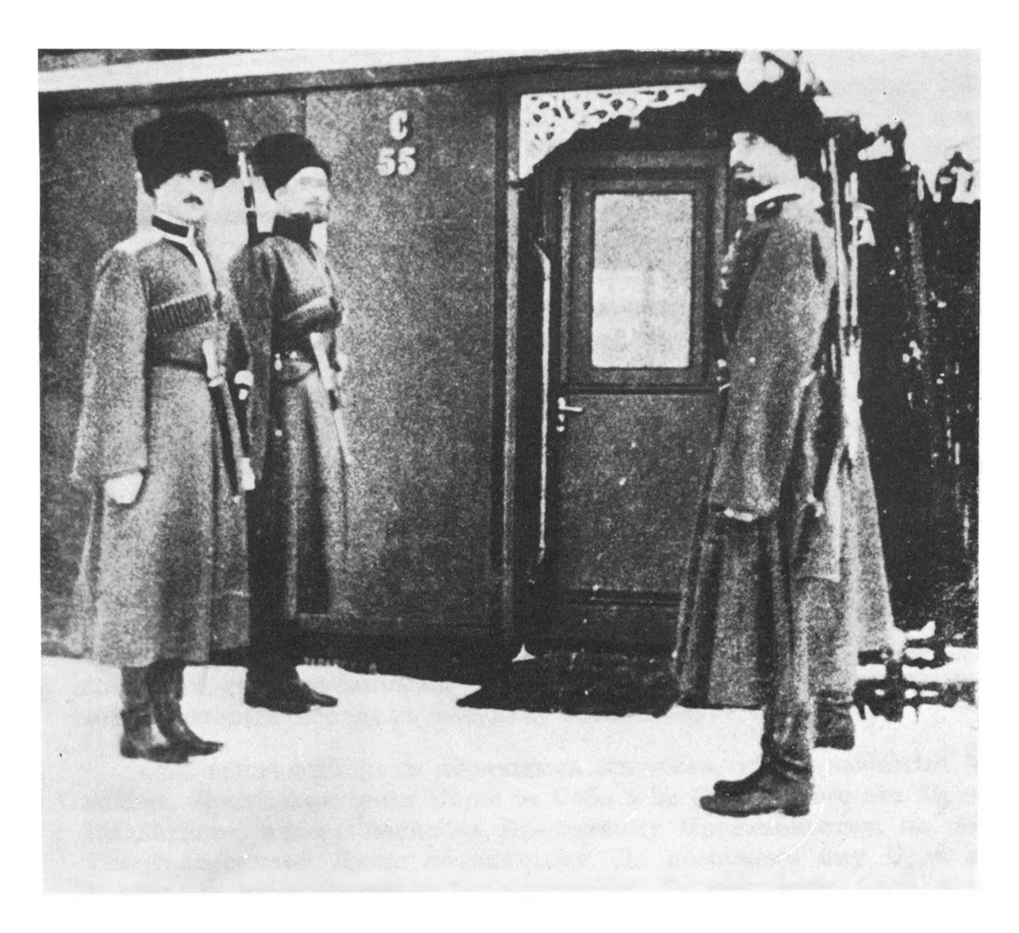
Расцѣловавшись съ трубачами и вахмистрами, Государь поручилъ имъ передать всѣмъ казакамъ Конвоя Его прощальный привѣтъ и благодарность за службу. Обратившись къ офицерамъ, Государь произнесъ: «Прошу васъ, остаться здѣсь!»

Около 12 часовъ отъ губернаторскаго дома тихо отошелъ Царскій автомобиль. Съ опустошенными душами смотрѣли офицеры вслѣдъ удалявшемуся отъ нихъ Государю Императору.

Отбывшаго Государя сопровождалъ конвоецъ-ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА вахмистръ Пилипенко.

---

[39]) Статуэтка была слѣплена съ урядника Солнышкина, казака станицы Калиновской.



Въ послѣднiй день пребыванiя Государя Императора въ Ставкѣ. Хорунжiй Е. Ногаецъ, урядникъ и казаки Конвоя ожидаютъ прибытiя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА у вагона Государыни Императрицы МАРIИ ѲЕОДОРОВНЫ, передъ прощанiемъ Государя со Своей Августѣйшей Матерью и отбытiемъ въ Царское Село.

Могилевъ, 8-го марта 1917 года.

Это послѣднее прощаніе Государь отмѣтилъ въ Своемъ дневникѣ такими словами: «Дома Я прощался съ офицерами и казаками Конвоя и Своднаго полка. Мое сердце разрывалось...» (Дневникъ Государя Императора. Стр. 314. Нѣмецкое изданіе. 1923 годъ).

Прибывъ на вокзалъ, Государь прослѣдовалъ къ поѣзду Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, стоявшему на военной платформѣ. У входа въ вагонъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государя ожидала Встрѣча Конвоя — хорунжій Е. Ногаецъ съ казаками, сопровождавшими Вдовствующую Императрицу изъ Кіева.

Въ 16 часовъ 30 минутъ Государь Императоръ вышелъ изъ вагона Своей Августѣйшей Матери, попрощался съ лицами Своей ближайшей Свиты и, сопровождаемый гофмаршаломъ генераломъ княземъ Долгоруковымъ, перешелъ въ Свой вагонъ. На вокзалѣ Государя провожала масса взволнованныхъ людей, сердечно Его привѣтствовавшихъ.

Безъ четверти 17 часовъ, тронулся поѣздъ, увозившій Государя Императора. Отъ чиновъ Конвоя при Государѣ находился ординарецъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Больше къ Государю никто не былъ допущенъ.[40])

Вскорѣ отошелъ въ Кіевъ поѣздъ Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

Передъ Своимъ отбытіемъ изъ Могилева Государь обратился къ войскамъ съ написаннымъ Имъ послѣднимъ прощальнымъ приказомъ, который передалъ генералу Алексѣеву.

«Въ послѣдній разъ обращаюсь къ вамъ, горячолюбимыя Мною войска. Послѣ отреченія Мною за Себя и за Сына Моего отъ Престола Россійскаго, власть передана Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможетъ ему Богъ вести Россію по пути Славы и благоденствія. Да поможетъ Богъ и вамъ, доблестныя войска, отстоять нашу Родину отъ злого врага.

Въ продолженіи двухъ съ половиною лѣтъ вы несли ежечасно тяжелую боевую службу; много пролито крови, много сдѣлано усилій и уже близокъ часъ, когда Россія, связанная со своими доблестными союзниками однимъ общимъ стремленіемъ къ побѣдѣ, сломитъ послѣднее усиліе противника.

Эта небывалая война должна быть доведена до полной побѣды. Кто думаетъ теперь о мирѣ, кто желаетъ его, тотъ измѣнникъ Отечества, его предатель!

Исполняйте же вашъ долгъ, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайтесь вашихъ начальниковъ, помните, что всякое ослабленіе порядка службы толь-

---

40) Къ Императорскому поѣзду, по распоряженію Временнаго Правительства, былъ включенъ вагонъ съ четырьмя членами Государственной Думы. (Бубликовъ, Вершининъ, Калининъ и Грибунинъ.)

ко на руку врагу. Твердо вѣрю, что не угасла въ вашихъ сердцахъ безпредѣльная любовь къ нашей Великой Родинѣ.

Да благословитъ васъ Господь Богъ и да ведетъ васъ къ побѣдѣ Святой Великомученикъ и Побѣдоносецъ Георгій!

8-го марта 1917. Ставка. **НИКОЛАЙ».**

Этотъ историческій приказъ добрѣйшаго и благочестивѣйшаго нашего Государя Императора, призывавшаго армію къ защитѣ Родины, никогда войскамъ не былъ объявленъ. Армія узнала о его существованіи и содержаніи по ходившимъ рукописныхъ спискамъ.

Временное Правительство запретило обнародованіе этого послѣдняго обращенія Государя Императора къ русскимъ воинамъ, въ которомъ Государь призывалъ войска къ повиновенію этому же правительству.

Кромѣ этого, ничѣмъ не оправдываемаго поступка, Временное Правительство, принявъ на себя исполненіе предъявленныхъ къ нему Государемъ условій, коварно нарушило свое обѣщаніе.

4-го марта Государь передалъ генералу Алексѣеву записку, въ которой Онъ требовалъ отъ Временнаго Правительства исполненія извѣстныхъ гарантій, въ отношеніи Себя и Своей Семьи.

«Въ карандашной записи, написанной Собственноручно Императоромъ НИКОЛАЕМЪ II и послужившей опросникомъ для генерала Алексѣева, было сказано: «Потребовать отъ В. П. слѣд (ующіе) гарантіи»: Ихъ было четыре:

«1. О безпрепятственномъ проѣздѣ Моемъ съ лицами Меня сопровождающими въ Царское Село.

2. О безопасномъ пребываніи въ Царскомъ Селѣ до выздоровленія дѣтей, съ тѣми же лицами.

3. О безпрепятственномъ проѣздѣ до Романова на Мурманѣ, съ тѣми же лицами.

4. О пріѣздѣ, по окончаніи войны, въ Россію, для постояннаго жительства въ Крыму — въ Ливадіи.»[41])

«Записка эта 4-го же марта за № 54 генераломъ Алексѣевымъ была препровождена предсѣдателю Правительства князю Львову, кромѣ послѣдняго пункта». — «Алексѣевъ четвертаго пункта Львову не передалъ, считая въ данный моментъ его неразрѣшимымъ.» (С. Мельгуновъ: «Судьба Императора НИКОЛАЯ II». Стр. 24).

Утромъ 6-го марта пришелъ отвѣтъ изъ Петрограда. Генералъ Алексѣевъ получилъ телеграмму: — «Временное Правительство разрѣшаетъ всѣ три вопроса утвердительно; приметъ всѣ мѣры, имѣющіяся въ его распоряженіи: обезпечитъ безпрепятственный проѣздъ въ Царское Село, пребываніе въ Царскомъ Селѣ и проѣздъ до Романова на Мурманѣ. Министръ-предсѣдатель князь Львовъ».

---

[41]) С. Мельгуновъ въ своей книгѣ: «Судьба Императора НИКОЛАЯ II», на стр. 22-й, отмѣчаетъ, что — «Въ газетахъ было сообщено 5-го марта, — Царь выѣхалъ въ Ливадію ...»

На телеграммѣ помѣтка: «Переводъ сообщить Вильямсу. 7 марта 1917. г. Послано 6 марта 1917 г. 12 ч. дня. 1) ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, 2) Адмиралу Нилову и о томъ же сообщено на Кавказъ.»

(«Красный Архивъ». Стр. 53—55. Томъ II - Н. Тальбергъ - «Прологъ Екатеринбургской трагедіи».)

Но Временное Правительство, «разрѣшивъ всѣ три вопроса утвердительно» и офиціально сообщивъ генералу Алексѣеву, что «приметъ всѣ мѣры, имѣющіяся въ его распоряженіи», для выполненія предъявленныхъ и принятыхъ имъ условій Государя Императора, на другой же день — 7-го марта, вѣроломно нарушило взятое на себя обязательство своимъ-же постановленіемъ: — «Признать отрекшагося Императора и Его Супругу лишенными свободы» . . .

Это незаконное и коварное постановленіе Временнаго Правительства было сообщено Государю Императору членами Государственной Думы 8-го марта, при отбытіи ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ Могилева въ Царское Село.

КІЕВЪ [42])

Въ Кіевѣ, во время войны, съ 1916 года изволила пребывать Вдовствующая Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА. Резиденціей ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА былъ Удѣльнаго Вѣдомства Кіевскій Императорскій Дворецъ.

Отъ Конвоя при Государынѣ Императрицѣ находилась и несла службу охраны Дворца полусотня Л.-Гв. 5-й Сводной сотни. Съ полусотней изъ офицеровъ Конвоя въ Кіевѣ были подъесаулъ А. Федюшкинъ (командиръ полусотни) и хорунжій Е. Ногаецъ. Впослѣдствіи, при выступленіи Л.-Гв. 4-й Терской сотни на фронтъ и отбытія съ нею подъесаула Федюшкина, въ командованіе полусотней вступилъ хорунжій А. Рогожинъ.

Пребывая въ Кіевѣ, Государыня Императрица ежедневно выѣзжала въ городъ. При всѣхъ этихъ выѣздахъ, ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО неизмѣнно посѣщала госпиталя, въ которыхъ находились на излѣченіи раненые офицеры, солдаты и казаки. Въ Кіевѣ, кромѣ другихъ военныхъ госпиталей, былъ госпиталь Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.

Государыня часто совершала и загородные выѣзды, на автомобилѣ по шоссе за Днѣпръ, или на пароходѣ вверхъ по Днѣпру. Иногда Государыня Императрица отбывала въ дальнія поѣздки, посѣщая Бѣлую Церковь, Корсунь и другіе мѣста. Когда Государыня выѣзжала только въ городъ, то Ее всегда сопровождали фрейлина Государыни графиня З. Г. Менгденъ и камеръ-казакъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, старшій урядникъ Конвоя Тимофей Ящикъ. При выѣздахъ же Госу-

---

[42]) По запискамъ офицеровъ Конвоя А. И. Рогожина и Е. М. Ногаецъ.

дарыни за городъ, кромѣ лицъ Ея Свиты, Государыню сопровождали офицеры Конвоя.

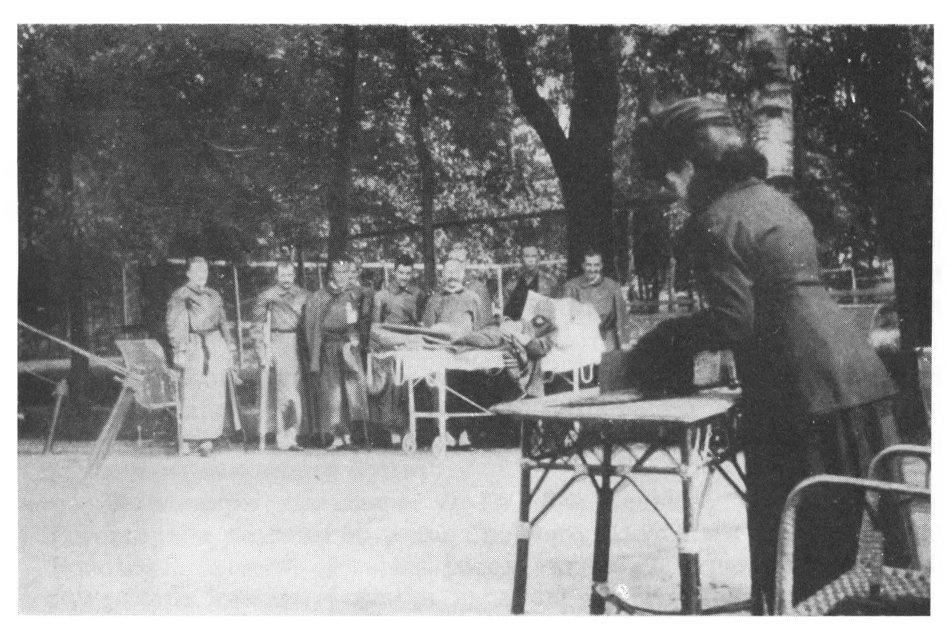
Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, какъ и вся Царская Семья была искренне рада, когда Она имѣла возможность быть въ непосредственномъ общеніи съ народомъ. Въ одну изъ поѣздокъ на пароходѣ по Днѣпру, Государыня сошла съ парохода и, замѣтивъ работающихъ въ полѣ крестьянъ, направилась къ нимъ. Государыня подошла къ группѣ крестьянъ и поздоровалась съ ними. Крестьяне, совершенно не представляя, кто съ ними говоритъ, (Государыня, какъ всегда, была въ длинномъ черномъ платьѣ, не имѣя на Себѣ никакихъ драгоцѣнностей) — на привѣтствіе Государыни отвѣтили: — «Здравствуйте барыня!» . . . Съ любопытствомъ окруживъ Государыню, крестьяне и работавшіе съ ними ихъ жены, охотно отвѣчали на всѣ задаваемые Государыней имъ вопросы. Затѣмъ сами спокойно и просто стали разсказывать Государынѣ о своей жизни, указывая на свои нужды и на то, какъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ сильно пострадало хозяйство изъ за разлива Днѣпра, когда погибъ почти весь ихъ скотъ. — Государыня, желая знать подробности постигшаго ихъ несчастья, внимательно ихъ слушала.

Всѣ эти крестьяне и ихъ семьи не вѣрили своему счастью, когда узнали о томъ, что о ихъ нуждахъ интересовалась и такъ просто и свободно съ ними разговаривала **Сама Царица-Мать Императора Всероссійскаго, на другой же день приславшая пострадавшимъ крестьянамъ щедрую денежную помощь!**

Эта прирожденная Царская доброта, привѣтливость и простота особенно проявлялась у Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ къ раненымъ воинамъ, находившимся на излѣченіи въ Ея госпиталѣ.

Великая Княгиня, какъ только имѣла къ тому возможность, сама выводила изъ своего госпиталя группу раненыхъ солдатъ и, усадивъ ихъ въ одинъ изъ вагоновъ городского трамвая, вывозила раненыхъ на прогулку на Подолъ и окраину города. Былъ случай, когда въ такой вагонъ, занятый солдатами, неожиданно вошелъ генералъ. Кто могъ изъ раненыхъ быстро всталъ, отдавая честь генералу, а болѣе слабымъ Великая Княгиня не позволила вставать и усадила ихъ обратно на скамьи.

Генералу такое поведеніе «сестры милосердія» не понравилось, и онъ, (не узнавъ Великую Княгиню) строго произнесъ: «Сестра! — явитесь въ Комендантское Управленіе» . . . Во Дворцѣ узнали отъ князя Шервашидзе, что Великая Княгиня, вызвавъ его къ телефону, сказала . . . «Князь, передайте Мамѣ, что я не могу у Нея быть сегодня. — Я сижу въ Комендантскомъ по приказанію неизвѣстнаго мнѣ генерала. Когда я пришла сюда, то дежурный адъютантъ сказалъ — «обождите!» — И вотъ я сижу здѣсь почти часъ, а мнѣ надо быть на работѣ въ госпиталѣ . . . Попросите, чтобы меня отпустили! . . »



Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА фотографируетъ группу раненыхъ, при посѣщеніи одного изъ Кіевскихъ госпиталей.

Кіевъ, 1916 годъ.



Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА при закладкѣ желѣзнодорожнаго моста черезъ Днѣпръ.

Дежурный офицеръ Конвоя хорунжій Е. Ногаецъ.

Такъ, работая въ госпиталѣ и заботясь о своихъ раненыхъ, была проста, добра и скромна Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА!

25 Февраля.

Первыя вѣсти о безпорядкахъ, начавшихся въ Петроградѣ, были получены на Дворцовомъ телеграфѣ 24-го февраля около 22-хъ часовъ. (Контора телеграфа помѣщалась въ самомъ Дворцѣ). Свѣдѣнія эти были кратки и не ясны. Первоначально имъ никто не придавалъ особаго значенія. Жизнь во Дворцѣ продолжала течь нормально.

26 Февраля.

Въ теченіи дня стали получаться уже болѣе опредѣленныя и тревожныя свѣдѣнія о томъ, что безпорядки въ столицѣ Имперіи расширяются и что уличныя демонстраціи начинаютъ принимать характеръ открытаго бунта...

Командиръ полусотни Л.-Гв. 5-й Сводной сотни хорунжій А. Рогожинъ и командиръ роты Своднаго Пѣхотнаго полка капитанъ В. Богенскій, бывшій со своею ротою также въ охранѣ Кіевскаго Императорскаго Дворца, усилили караулы отъ Конвоя и Своднаго полка, доведя ихъ до половины состава всѣхъ своихъ людей. Во Дворецъ былъ перенесенъ запасъ всѣхъ имѣвшихся при полусотнѣ патроновъ.

Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА попрежнему совершала свои ежедневныя прогулки въ большомъ паркѣ Дворца, выходившимъ на Днѣпръ, и поѣздки въ автомобилѣ по городу, продолжая посѣщать военные госпиталя. Прекратились лишь, въ связи съ событіями въ Петроградѣ, загородные выѣзды ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, которые Государыня особенно любила. — Подробности развивающагося въ столицѣ бунта мало кому были извѣстны. Изъ мѣстныхъ газетъ ихъ нельзя было узнать, ибо они выходили съ большими пробѣлами въ текстахъ.

27 Февраля.

Съ утра стали поступать вѣсти одна хуже другой, а къ вечеру были получены свѣдѣнія, что весь Петроградъ охваченъ бунтомъ! Дворцовый телеграфъ пересталъ работать, и связь съ Петроградомъ была прервана. Въ связи съ этимъ, во Дворцѣ хотя внѣшне были всѣ спокойны, общее тревожное настроеніе замѣтно увеличилось. — Хорунжій А. Рогожинъ, разъясняя обстановку казакамъ и дѣлясь съ ними имѣющимися у него свѣдѣніями о положеніи въ Петроградѣ, напомнилъ имъ о томъ, что они должны быть особенно бдительными, твердыми и стойкими въ исполненіи общаго долга — охраны Священной Особы Августѣйшей Матери Государя Императора. — Въ отвѣтъ на это казаки полусотни просили своего командира быть за нихъ спокойнымъ, т. к. «мы хорошо помнимъ присягу!» — И дѣйствительно, во всѣ послѣдующіе дни, казаки Конвоя къ своей службѣ относились съ исключительнымъ вниманіемъ, проявляя выдержку и полное спокойствіе.

28 Февраля.

Отъ бывшихъ въ городѣ чиновъ охраны Дворца стало извѣстнымъ, что на улицахъ города прежнія небольшія собранія случайныхъ людей и собираемые ими летучіе митинги превратились въ громадныя толпы народа, запрудившія всѣ улицы и почти прекратившія всякое на нихъ движеніе. Въ городѣ чувствовалась полная растерянность военныхъ и гражданскихъ властей.

1 Марта.

Во Дворцѣ особо тревожное положеніе. Въ городѣ начались массовыя демонстраціи. Хорунжій Рогожинъ приказалъ взводу, остававшемуся въ казармахъ, каждую минуту быть готовымъ къ вызову.

Толпы народа съ красными флагами и оркестрами военной музыки, непрерывнымъ потокомъ двигались по Александровской улицѣ мимо Дворца. Пѣніе революціонныхъ пѣсенъ и звуки марсельезы совершенно ясно были слышны внутри Дворца, а безконечные крики «ура», временами переходившіе въ ревъ, создавали впечатлѣніе, что толпа ринулась на Дворецъ.

Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА ни на минуту не теряла присутствіе духа. Совершенно спокойное отношеніе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА къ происходившимъ демонстраціямъ ободряюще дѣйствовало на всѣхъ Ее окружающихъ. **Бесѣдуя съ офицерами, Государыня Императрица изволила заявить, что если бы толпа попыталась проникнуть во Дворецъ, Она не допуститъ кровопролитія и выйдетъ къ ней Сама... — Однако, во время даже самыхъ бурныхъ демонстрацій не было сдѣлано попытки проникнуть не только во Дворецъ, но и на задній его дворъ, непосредственно выходившій на улицу съ воротами, остававшимися все время открытыми.**

2 Марта.

Распространился слухъ объ образованіи въ городѣ новой власти — «революціонной»! Она именовалась «Исполнительный комитетъ совѣта общественныхъ организацій». Центромъ этой новой власти была кіевская городская дума. Въ сущности, не было никакой власти!

Отъ командующаго войсками Кіевскаго военнаго округа генерала Ходоровича и коменданта города генерала Медера не было никакихъ указаній и информацій обо всемъ, что происходило въ городѣ. Однако, наружная охрана Дворца, назначаемая комендантомъ города отъ частей гарнизона, продолжала нести свою службу.

Мѣстныя газеты, вышедшія въ этотъ день, появились съ несдерживаемыми уже цензурой описаніями всѣхъ подробностей петроградскихъ событій. Газеты сообщали о возстаніи запасныхъ батальоновъ, объ образованіи «Временнаго комитета Государственной Думы», и были полны всевозможными «революціонными воззваніями» и призывами къ арміи и народу.

Въ этихъ же газетахъ особо крупнымъ шрифтомъ былъ помѣщенъ созданный въ Петроградѣ фантастическій мифъ о томъ, что

«Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой въ полномъ своемъ составѣ прибылъ въ Государственную Думу»...

Офицеры и казаки Л.-Гв. 5-й Сводной сотни, находившіеся въ Кіевѣ при Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, возмущенные этой наглой ложью и клеветою на родную Часть, знали о томъ, что въ Петроградѣ не было ни одной сотни Конвоя и что тамъ была только лишь нестроевая команда и команда ихъ сотни, обслуживающая ими же оставленныхъ въ Петроградѣ лошадей.

И въ самомъ Дворцѣ въ это явно провокаціонное сообщеніе никто вообще не вѣрилъ, но оно все же тяжело переживалось казаками и въ особенности офицерами Конвоя. — Объ этомъ стало извѣстно Государынѣ Императрицѣ и Она поручила оберъ-гофмейстеру князю Г. Шервашидзе успокоить офицеровъ.

Въ комнату, гдѣ помѣщались офицеры Конвоя, пришелъ князь и сообщилъ имъ: «ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО поручила мнѣ передать вамъ, что Она ни на секунду не сомнѣвается въ лживости газетнаго сообщенія, цѣль котораго ясна!»

Такое особо исключительное вниманіе самой Государыни Императрицы глубоко тронуло не только офицеровъ Конвоя, но и всѣхъ находившихся во Дворцѣ. Офицеры Конвоя просили князя Шервашидзе донести ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВУ о ихъ вѣрноподданической преданности и немедленно же поставили въ извѣстность казаковъ, какъ Государыня отнеслась къ той лжи, которая была помѣщена въ газетахъ.

3 Марта.

Изъ города донеслись страшные слухи, поразившіе всѣхъ своимъ ужасомъ! — Передавалось о томъ, что якобы Государь Императоръ отрекся отъ Престола...

При этой кошмарной вѣсти, доносившіеся звуки музыки и крики непрекращавшихся демонстрацій обезумѣвшаго народа, воспринимались съ невыносимою болью въ сердцѣ. — Послѣдовало распоряженіе о рѣшеніи Государыни Императрицы немедленно же выѣхать въ Могилевъ на встрѣчу съ Государемъ Императоромъ.

Отъ Конвоя Государыню сопровождали хорунжій Е. Ногаецъ, одинъ урядникъ, два казака и камеръ-казакъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА урядникъ Т. Ящикъ.

5 Марта.

Во время отсутствія Государыни во Дворецъ явилась комиссія отъ городского революціоннаго комитета. Комиссія эта имѣла «особо важное заданіе», какъ торжественно заявили ея члены, заключавшееся въ томъ, что комиссія должна была «обнаружить во Дворцѣ безпроволочный телеграфъ», по которому якобы... «Государыня сносилась съ нѣмцами»!... При этихъ глупыхъ поискахъ, одинъ изъ «милиціонеровъ» (охранявшихъ членовъ комиссіи), особо рьяно предававшійся поискамъ, свалился съ чердачной балки и основательно рас-

шибся, что и послужило концомъ исполненія этой комиссіей своей «особо важной» задачи.

О томъ, что дикая мысль о существованіи во Дворцѣ безпроволочнаго телеграфа дѣйствительно могла придти въ голову представителямъ революціонной власти, можно судить по воспоминаніямъ самого бывшаго «военнаго комиссара» города Кіева К. Оберучева.

Этотъ «участникъ великой русской революціи» (какъ самъ себя называетъ К. Оберучевъ), въ своей книгѣ пишетъ: — «какой то испугъ, боязнь контръ-революціи, какъ бы овладѣлъ многими ...» («Въ дни революціи». К. Оберучевъ. Страница 44.)

Что представляла т. н. «милиція», созданная вмѣсто «ликвидированной» государственной полиціи, и какъ у этихъ милиціонеровъ «развился вкусъ» къ обыскамъ и арестамъ, б. комиссаръ Оберучевъ (на той же страницѣ своей книги) даетъ слѣдующее описаніе: — «На помощь пришла учащаяся молодежь, студенты, курсистки, а также и рабочіе, которые добровольно взяли на себя обязанности полиціи, получившей названіе милиціи. Функціи у нея остались тѣ же: ловить воровъ, грабителей и прочее жулье, котораго оказалось достаточно. А рядомъ съ арестомъ воровъ у многихъ развился вкусъ и къ предварительнымъ арестамъ — «въ порядкѣ цѣлесообразномъ» — «какъ покусителей на новый строй». И сколько было попытокъ арестовать инако-мыслящихъ! Какой то испугъ, боязнь контръ-революціи, какъ бы овладѣлъ многими ...»

8 Марта.

До этого дня особыхъ событій не происходило. Никакихъ другихъ посѣщеній Дворца представителями новой власти не было. Хорунжій Рогожинъ и капитанъ Богенскій получили отъ «исполнительнаго комитета общественныхъ организацій» и изъ штаба командующаго войсками округа сообщеніе, что на слѣдующій день 9-го марта назначено войскамъ «шествіе передъ исполнительнымъ комитетомъ и командующимъ войсками». Казакамъ Конвоя и солдатамъ Сводного полка предлагалось принять участіе въ этомъ «шествіи». — Командиръ полусотни Конвоя и командиръ роты Сводного Пѣхотнаго полка на это предложеніе отвѣтили категорическимъ отказомъ.

10 Марта.

Государыня Императрица, Великій Князь Александръ Михайловичъ и всѣ сопровождавшіе Государыню вернулись изъ Могилева. Послѣ встрѣчи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, офицеры Сводного Пѣхотнаго полка и другіе лица, находившіяся во Дворцѣ, собрались въ комнатѣ офицеровъ Конвоя, дабы присутствовать при сообщеніи сопровождавшаго Государыню Императрицу, хорунжаго Ногайца слѣдующихъ подробностей:

Поѣздъ Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ состоялъ изъ пяти вагоновъ: салонъ-столовая, вагонъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, въ которомъ при Государынѣ были Ея фрейлина графиня З. Г. Мен-



Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, Великій Князь Александръ Михайловичъ (третій слѣва) и лица, состоявшія при Государынѣ: Фрейлина Государыни графиня З. Г. Менгдель, Командиръ роты Своднаго полка капитанъ В. Богенскій, генералъ кн. С. Долгорукій, Инспекторъ Императорскихъ поѣздовъ Д. Ст. Сов. Ежовъ, Оберъ-гофмейстеръ кн. Г. Шервашидзе, Завѣд. Дворцомъ Д. Ст. Сов. Псіолъ, гофмаршалъ пол. бар. Боде, Командиръ полусотни Конвоя подъесаулъ А. Федюшкинъ, Своднаго полка Шт. Кап. Н. Завалишинъ, офицеръ Конвоя хорунжій Е. Ногаецъ и Своднаго полка поручикъ Ф. Озаровскій. Кіевъ, 1916 годъ.



Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, Великая Княгиня Ксенія Александровна, Великій Князь Александръ Михайловичъ, Князь Ѳеодоръ Александровичъ и (слѣва направо) пор. Ф. Озаровскій, шт. кап. Н. Завалишинъ, Д. Ст. Сов. Псіолъ, пол. бар. Боде, офицеръ Конвоя хорунжій А. Рогожинъ, кн. Шервашидзе, ген. кн. Долгорукій, оф. Конвоя хор. Е. Ногаецъ и инж. Ежовъ.



Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА и Великая Княгиня Ксенія Александровна въ Кіевскомъ Дворцѣ, 1916 годъ.
На полу у ногъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА К-ръ полусотни Конвоя хор. А. Рогожинъ и К-ръ роты Своднаго полка кап. В. Богенскій. Вправо отъ Великой Княгини — офицеръ Конвоя хор. Е. Ногаецъ.

гденъ и камерфрау. Въ третьемъ вагонѣ находились: Великій Князь Александръ Михайловичъ, оберъ-гофмейстеръ князь Г. Шервашидзе, состоящій при Государынѣ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ князь С. Долгорукій и офицеръ Конвоя хорунжій Е. Ногаецъ. Въ четвертомъ вагонѣ — казаки Конвоя, ограниченное число прислуги и служащіе желѣзнодорожной администраціи. Пятый вагонъ-кухня и необходимый при ней штатъ служащихъ.

Великій Князь Александръ Михайловичъ въ пути неофиціально взялъ на себя должность коменданта поѣзда, и отдавалъ соотвѣтствующія распоряженія. Поѣздъ Государыни Императрицы шелъ «внѣ расписанія», и на каждой станціи его задерживали. Несмотря на то, что на всѣхъ остановкахъ Императорскій поѣздъ, со стоящими у вагона Государыни казаками Конвоя, привлекалъ всеобщее вниманіе толпившагося на станціяхъ народа, во все время пути слѣдованія поѣзда изъ Кіева въ Могилевъ и обратно, никто не позволилъ себѣ какихъ либо демонстрацій и революціонныхъ выступленій. — Едва поѣздъ остановился на станціи Могилевъ, Государь Императоръ сразу же вошелъ въ вагонъ Своей Августѣйшей Матери.

Вскорѣ Государь, Государыня и Великій Князь Александръ Михайловичъ вышли изъ вагона. Государыня, поздоровавшись со всѣми Ее встрѣчавшими, довольно долго оставалась наединѣ съ Государемъ на станціи Могилевъ, послѣ чего Государь отбылъ въ Свою Резиденцію — губернаторскій домъ.

Вечеромъ того же дня (4-го марта), послѣ 20-ти часовъ, Государь изволилъ прибыть къ обѣду въ поѣздъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА. Кромѣ лицъ, сопровождавшихъ Государыню Императрицу, т. е. Великаго Князя Александра Михайловича, князя Г. Шервашидзе, генерала князя С. Долгорукова, графини З. Менгденъ и офицера Конвоя Е. Ногайца, къ Высочайшему обѣду былъ приглашенъ Великій Князь Борисъ Владиміровичъ. Поѣздъ Великаго Князя съ его штабомъ (Штабъ Походнаго Атамана Казачьихъ Войскъ) стоялъ недалеко отъ поѣзда Государыни Императрицы.

Во время этого обѣда самъ Государь и Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА внѣшне были Царственно-спокойны и, какъ обычно, ласковы и привѣтливы, но всѣ остальные были подавлены совершившимся въ Псковѣ страшнымъ событіемъ.

Сама Государыня почти не принимала никакого участія въ разговорѣ. Глядя на Государя, Она старалась улыбаться, но эта улыбка не соотвѣтствовала тому, что выражали Ея печальные и грустные глаза.

Во время всего обѣда Великій Князь Александръ Михайловичъ старался вести и поддерживать разговоръ съ Государемъ Императоромъ. — Разговоръ шелъ или на отвлеченныя темы, или Великій Князь докладывалъ Государю о своей поѣздкѣ на фронтъ, изъ которой онъ только что вернулся. Государь внимательно и съ большимъ интересомъ слушалъ докладъ Великаго Князя.

По тѣмъ вопросамъ, которые Государь ему задавалъ, было видно, насколько самъ Государь былъ въ курсѣ всѣхъ событій, происходившихъ на фронтѣ. Государь зналъ не только наименованіе и расположеніе частей по всему фронту, но, благодаря своей исключительной памяти, Онъ называлъ фамиліи тѣхъ командировъ, которые стояли во главѣ этихъ воинскихъ частей. — Послѣ обѣда Государь оставался съ Государыней Императрицей въ Ея вагонѣ до 23-хъ часовъ.

На другой день (5-го марта) Государыня посѣтила службу въ Могилевскомъ Соборѣ и присутствовала на завтракѣ у Государя въ губернаторскомъ домѣ. Послѣ 16-ти часовъ Государыня въ сопровожденіи графини З. Г. Менгденъ и Своего камеръ-казака вернулась на станцію Могилевъ, въ Свой поѣздъ.

Во всѣ послѣдующіе дни пребыванія Государыни Императрицы въ Могилевѣ, Государь къ вечеру пріѣзжалъ на станцію и оставался въ вагонѣ Своей Августѣйшей Матери до полуночи.

8-го марта, когда Государь, передъ отбытіемъ въ Царское Село, завтракалъ въ поѣздѣ Государыни Императрицы, очень много жителей города Могилева прибыло на станцію. Многіе изъ нихъ приблизились непосредственно къ поѣзду и открыто выражали Государю свои добрыя пожеланія. Эта манифестація народа, въ которой принимали участіе не только мужчины но и женщины, была исключительно трогательной. Всѣ были глубоко взволнованы.

Это волненіе среди собравшагося народа было особенно велико, когда къ окну вагона подошли Государь и Государыня, и привѣтливо поклонились народу. — Всѣ сразу же сняли шапки и фуражки, многія женщины плакали и крестили Государя и Его Августѣйшую Мать — Государыню Императрицу. Государь, описывая въ Своемъ дневникѣ послѣдній день въ Могилевѣ, отмѣчаетъ: «Глубоко взволнованная толпа провожала Меня» . . .

(Дневникъ Государя Императора. Стр. 314.)

Группа манифестантовъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ учащейся молодежи, подошла совсѣмъ близко къ Царскому вагону, у котораго стояли конвойцы. Замѣтивъ это, Государь изволилъ поручить офицеру Конвоя (хорунжему Е. Ногайцу) раздать этой группѣ молодежи разрѣзанное самимъ Государемъ кинжаломъ на нѣсколько мелкихъ частей, одно изъ расписаній движенія поѣзда. — **На обратной сторонѣ каждой части разрѣзаннаго расписанія была подпись Государя Императора: « . . . НА ПАМЯТЬ! — Н».** Со слезами на глазахъ принимали эту драгоцѣнную память тѣ, кто имѣлъ счастье ее получить.

Въ 16 часовъ 30 минутъ Государь вышелъ изъ вагона Государыни Императрицы и, изволивъ поблагодарить за службу и попрощаться со стоявшими у вагона и ожидавшими выходъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА конвойцами (хорунжій Е. Ногаецъ, одинъ урядникъ и два казака Л.-Гв. 5-й Сводной сотни), въ сопровожденіи Великихъ Князей Александра Михайловича, Сергѣя Михайловича и Бориса Владиміровича, направился къ Своему поѣзду.

Поѣздъ, увозившій въ Царское Село Государя Императора, отошелъ со станціи Могилевъ въ 17 часовъ безъ четверти...

12 Марта.

Новая власть не посягала на перемѣну установленнаго порядка во Дворцѣ, и вся жизнь въ самомъ Дворцѣ продолжала течь ничѣмъ не нарушаемая, но всѣ были подавлены тяжелыми душевными переживаніями, и въ сердцѣ каждаго царило негодованіе на тѣхъ, кто преступно содѣйствовалъ тому, что Россія потеряла своего Благочестивѣйшаго Государя Императора.

По воскреснымъ днямъ офицеры Конвоя и Своднаго Пѣхотнаго полка такъ же приглашались на Богослуженіе въ церковь Дворца, къ Высочайшему Выходу и къ завтраку ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА.

Государыня Императрица въ разговорахъ съ офицерами, попрежнему была неизмѣнно ласкова и привѣтлива, и только новое — скорбное выраженіе Ея глазъ, временами со слѣдами слезъ, выдавало Ея переживанія.

15 Марта.

Когда первый революціонный угаръ сталъ ослабѣвать и движеніе на улицахъ вошло въ почти нормальный порядокъ, Государыня Императрица вновь стала выѣзжать въ городъ въ сопровожденіи фрейлины графини З. Г. Менгденъ и Своего камеръ-казака, урядника Конвоя Т. Ящика. — Внѣ Дворца было неспокойно! Солдаты понтоннаго батальона, въ казармахъ котораго помѣщались казаки Конвоя, полностью «воспріяли революцію». Понтонеры, съ которыми и раньше казаки не были близки, стали держать себя настолько вызывающе, что совмѣстная жизнь съ ними въ одной казармѣ становилась трудно выносимой. Не исключалось и столкновеніе! Во избѣжаніе этого, командиръ понтоннаго батальона просилъ хорунжаго Рогожина вывести казаковъ Конвоя изъ казармъ его батальона, или внушить имъ, чтобы они... «хотя бы для видимости были революціонными»... Командиръ полусотни Конвоя приказалъ казакамъ прекратить всякое общеніе съ солдатами, и ни одного изъ солдатъ понтоннаго батальона не пускать въ свое помѣщеніе. Не легче было казакамъ и на улицахъ города — вслѣдъ имъ неслись оскорбительныя выраженія, въ особенности, когда казаки отчетливо отдавали честь встрѣчнымъ офицерамъ.

Въ результатѣ такого отношенія солдатъ гарнизона города къ казакамъ Конвоя, самъ командующій войсками Кіевскаго военнаго округа, генералъ Х. вызвалъ къ себѣ хорунжаго Рогожина.

Генералъ былъ извѣстенъ во Дворцѣ, такъ какъ въ особо торжественные дни приглашался туда, да и помимо того, часто самъ заѣзжалъ во Дворецъ, узнавая все ли благополучно и не нужна ли его помощь.

Теперь онъ раздраженно сталъ упрекать хорошо извѣстнаго ему командира полусотни Конвоя въ томъ, что — «конвойцы своею контръ-революціонностью доставляютъ ему много хлопотъ»!... Командующій войсками закончилъ свою рѣчь восклицаніемъ: «да уѣз-

жайте отсюда поскорѣе, куда хотите!» ... Хорунжій Рогожинъ доложилъ генералу, что пока ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО здѣсь въ Кіевѣ, онъ съ ввѣренной ему полусотней будетъ продолжать нести службу при Государынѣ Императрицѣ, а въ дальнѣйшемъ поступитъ по приказанію командира Конвоя.

20 Марта.

По желанію Государыни 19-го марта состоялся прощальный Высочайшій завтракъ. На этомъ завтракѣ въ Кіевскомъ Дворцѣ присутствовали: Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, Великая Княгиня КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ, супругъ Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ — полковникъ Н. А. Куликовскій, оберъ-гофмейстеръ князь Г. Шервашидзе, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ князь С. Долгорукій, фрейлина Государыни Императрицы графиня З. Г. Менгденъ, гофмаршалъ Двора ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полковникъ баронъ Н. Боде, и находившіеся въ Кіевѣ офицеры Конвоя: хорунжій А. Рогожинъ и хорунжій Е. Ногаецъ. Офицеры Своднаго Пѣхотнаго полка: капитанъ В. Богенскій, штабсъ-капитанъ Н. Завалишинъ, поручикъ В. Мартыновъ и поручикъ Ф. Озаровскій.

Государыня Императрица выразила пожеланіе, чтобы всѣ, кто имѣлъ честь быть на Ея прощальномъ завтракѣ, на память объ этомъ днѣ расписались бы на меню завтрака. Сама Государыня изволила на каждомъ меню (оно было дано всѣмъ) написать:

«МАРІЯ. 1916 КІЕВЪ 1917»

22 Марта.

Получено офиціальное сообщеніе объ отбытіи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Крымъ. — Государыня изволила выразить Свое пожеланіе имѣть фотографіи состоящихъ при Ней въ Кіевѣ офицеровъ Конвоя и Своднаго Пѣхотнаго полка, каждаго въ отдѣльности. (На своихъ фотографіяхъ офицеры подписали чинъ и фамилію)

Послѣ отреченія Государя Императора отъ Престола, казаки Конвоя и солдаты Своднаго Пѣхотнаго полка, такъ же преданно исполняли свой долгъ и продолжали нести службу охраны Дворца Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, до послѣдняго дня пребыванія Ея въ Кіевѣ. Конвойцы несли во Дворцѣ внутренній караулъ, солдаты Своднаго полка стояли на своихъ постахъ внутри парка Дворца.

Согласно рѣшенію Государыни, отъѣздъ назначенъ на 23-е марта. — Сопровождать Государыню Императрицу разрѣшено лишь нѣсколькимъ лицамъ изъ Ея ближайшей Свиты и самому ограниченному числу прислуги. Новыя власти не разрѣшили съ Государыней ѣхать всѣмъ, кто всегда при Ней состоялъ.

Отъ командира Конвоя получено приказаніе — полусотнѣ Л.-Гв. 5-й Сводной сотни, по отбытіи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Крымъ, слѣдовать въ Петроградъ.



Портретъ Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ съ Собственноручной подписью, пожалованный ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ офицерамъ Конвоя А. Рогожину и Е. Ногайцу, при прощаніи съ ними 23-го марта 1917 года.

23 Марта.

Послѣдній день службы чиновъ Конвоя въ Кіевѣ, при Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ. — Въ этотъ день офицеры Конвоя получили приглашеніе къ Высочайшему завтраку. — Послѣ завтрака, какъ всегда обходя всѣхъ приглашенныхъ, Государыня изволила пожаловать офицерамъ Конвоя Свои фотографіи съ Собственноручной надписью:

«МАРІЯ». «Кіевъ 1916—1917»[43])

Милостиво бесѣдуя съ офицерами, Государыня Императрица благодарила ихъ за службу при Ней, и повелѣла передать казакамъ Ея «горячую благодарность!» — Послѣ 22-хъ часовъ всѣ лица, состоявшія при Государынѣ въ Кіевѣ, собрались въ вестибюлѣ Дворца.

Оставляя Дворецъ, Государыня еще разъ обошла всѣхъ, ласково прощаясь съ офицерами и лицами Ея Свиты, остающимися въ Кіевѣ.

Затѣмъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО, попрощавшись со стоявшими на посту парными часовыми-конвойцами и поблагодаривъ за службу всѣхъ чиновъ караула, поручила хорунжему А. Рогожину передать командиру, всѣмъ офицерамъ и казакамъ Конвоя — «прощальный привѣтъ!»

Составъ поѣзда, въ которомъ Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА слѣдовала въ Крымъ, изъ предосторожности былъ поданъ на ближайшій къ Кіеву желѣзнодорожный разъѣздъ, до котораго Государыня и сопровождавшія Ее лица, должны были проѣхать на автомобиляхъ.

Два представителя революціонной власти прибыли проводить Государыню Императрицу до Ея поѣзда. Прибывшія лица держались въ высшей степени корректно. — Отъ чиновъ Конвоя, Государыню сопровождалъ камеръ-казакъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, старшій урядникъ Тимофей Ящикъ.

28 Марта.

Согласно приказанія командира Конвоя, полусотня Л.-Гв. 5-й Сводной сотни отбыла въ Петроградъ. Для лицъ Свиты Государыни Императрицы, для офицеровъ и казаковъ Конвоя и чиновъ роты Своднаго Пѣхотнаго полка, а также и для другихъ лицъ, служившихъ въ Кіевѣ при Императорскомъ Дворцѣ, былъ поданъ составъ классныхъ вагоновъ.

6 Апрѣля.

Путь былъ дологъ и безпокоенъ. Составъ поѣзда почему то попалъ въ прифронтовую полосу. На всѣхъ станціяхъ долго стоялъ. Бродившіе на станціяхъ солдаты по отношенію къ казакамъ держали себя вызывающе. Грубая брань, свистъ и угрозы конвойцамъ —

---

[43]) Въ періодъ гражданской войны у А. И. Рогожина погибло имущество, а съ нимъ и Высочайше пожалованный портретъ Государыни. Въ годы эмиграціи, въ одномъ изъ писемъ къ Великой Княгинѣ ОЛЬГѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ, А. И. Рогожинъ съ горечью сообщилъ ЕЙ о потерѣ портрета Императрицы. Вскорѣ онъ получилъ точный дубликатъ пожалованнаго въ Кіевѣ портрета, съ сообщеніемъ, что Государыня, узнавъ о пропажѣ, посылаетъ такой же и съ тою же Ея подписью.

«опричникамъ», были почти на всѣхъ станціяхъ. На одной изъ нихъ командиръ полусотни былъ окруженъ враждебно и угрожающе настроенной толпой солдатъ. — Нарастающій инцидентъ былъ прекращенъ подоспѣвшими вооруженными казаками полусотни. На станціи Рогачевъ офицеры и казаки Конвоя разстались со своими вѣрными друзьями — чинами Сводныго Пѣхотнаго полка. Рота капитана Богенскаго получила приказаніе остаться въ Рогачевѣ.

5-го апрѣля полусотня прибыла въ Петроградъ. Въ это время сотенъ Конвоя въ Царскомъ Селѣ (Л.-Гв. 2-я Кубанская и Л.-Гв. 3-я Терская) уже не было. 30-го марта онѣ отбыли на Кавказъ. Съ ними же отбыла и петроградская команда казаковъ, оставивъ при лошадяхъ полусотни, служившей въ Кіевѣ, необходимый нарядъ.

ВЪ ПЕТРОГРАДѢ

Тамъ находились: канцелярія Конвоя, команда казаковъ Л.-Гв. 5-й сотни — 35 человѣкъ, нестроевая команда и, при штабѣ Конвоя, три офицера — помощникъ командира по хозяйственной части, полковникъ баронъ Б. Унгернъ-Штернбергъ, казначей (онъ же и квартирмейстеръ) есаулъ Б. Макухо и командиръ формирующейся сотни (Л.-Гв. 5-й) есаулъ В. Савицкій.

Адъютантъ Конвоя, подъесаулъ И. Вѣтеръ отсутствовалъ. Онъ сопровождалъ Великаго Князя Георгія Михайловича, по повелѣнію Государя Императора объѣзжавшаго фронтъ Дѣйствующей Арміи.

25 Февраля.

Есаулъ Макухо, по дѣламъ службы находившійся въ городѣ, былъ случайнымъ свидѣтелемъ столкновенія на Невскомъ проспектѣ полиціи съ митингующими толпами. Стрѣльба велась полиціей поверхъ толпы, и у демонстрантовъ потерь не было.

Въ другихъ частяхъ города демонстраціи происходили сравнительно мирно. Къ проходившимъ войскамъ демонстранты какой либо враждебности не проявляли. Наоборотъ, толпа всюду шумно привѣтствовала воинскія части. Бывшій въ этотъ день также въ городѣ есаулъ Савицкій былъ свидѣтелемъ дружелюбнаго отношенія толпы къ офицерамъ. Онъ видѣлъ, какъ офицера, вышедшаго изъ остановившагося автомобиля, подхватила толпа и стала его качать.

Самъ есаулъ Савицкій, сворачивая отъ толпы на Литейной въ боковую улицу и, попавъ полозомъ санокъ въ трамвайную рельсу, былъ сразу же окруженъ толпой, участливо освободившей санки и проводившей его криками «ура!»

26 Февраля.

Событія начали принимать уже грозный характеръ. Происходившія въ предшествовавшіе дни демонстраціи превратились въ открытый бунтъ, при которомъ отношеніе къ войскамъ, а въ особенности къ офицерамъ, рѣзко измѣнилось. Въ разныхъ частяхъ города начались пожары. Доносилась сильная ружейная стрѣльба.

Въ командахъ Конвоя было спокойно, но офицерскія семьи переживали большое волненіе.[44])

27 Февраля.

По тротуарамъ Шпалерной улицы, мимо казармы и канцеляріи Конвоя, началось сильное движеніе въ направленіи Таврическаго дворца. Днемъ было получено извѣстіе, что нѣкоторые запасные батальоны взбунтовались и смѣшались съ толпами демонстрантовъ. Въ подтвержденіе этого слуха, среди толпы, запрудившей уже всю Шпалерную улицу и направлявшейся въ Государственную Думу, было видно много вооруженныхъ солдатъ.

Въ городѣ пожары не прекращались. Отъ горѣвшаго Окружного суда по Шпалерной шелъ густой дымъ.

Среди солдатъ нестроевой команды было замѣтно сильное возбужденіе. Солдаты команды смѣшивались съ толпами народа и возвращались оттуда со всякими паническими свѣдѣніями. — **Нестроевая команда Конвоя (кромѣ урядниковъ-завѣдывающихъ мастерскими) состояла изъ солдатъ — мастеровые, монтеры, дворники, сапожники и пр. нестроевыхъ чиновъ.**

Полковникъ Унгернъ-Штернбергъ приказалъ: 1) забаррикадировать ворота двора казармъ, входъ въ канцелярію и въ офицерскія квартиры. — 2) Командѣ казаковъ выдать полный комплектъ боевыхъ патроновъ. Находившіяся въ оружейной мастерской винтовки перенести въ казарму. — 3) Внутри, въ воротахъ и въ подъѣздахъ выставить часовыхъ.

28 Февраля.

По Шпалерной, къ Государственной Думѣ, двигались уже непрерывныя густыя толпы людей. **Многихъ изъ толпы привлекали закрытыя ворота казармъ и другихъ зданій Конвоя, и ихъ пытались силою открыть. Особо тревожное положеніе было, когда толпа начала громить «Домъ предварительнаго заключенія».**

Зданіе этого учрежденія было смежнымъ съ казармами Конвоя. Долго были слышны глухіе удары по закрытымъ воротамъ такъ называемой «предварилки». — Въ результатѣ ворота были выбиты пущеннымъ въ видѣ тарана грузовикомъ.

Разъяренная толпа требовала открыть ворота казарменнаго двора Конвоя.

При создавшемся положеніи и при наличіи въ казармѣ всего лишь одной небольшой команды казаковъ, (на солдатъ нестроевой команды нельзя было разсчитывать), все могло закончиться не только разгромомъ воротъ, но самой казармы, охраняемаго командой имущества и

---

[44]) Въ Конвоѣ изъ 28 офицеровъ, было 10 семейныхъ офицеровъ. Въ Петроградѣ находились семьи: графа А. Н. Граббе, барона М. Л. Унгернъ-Штернберга (сестра), М. И. Свидина, принца А. П. Риза-Кули-Мирзы, Б. Д. Макухо, В. Д. Савицкаго, К. И. Панкратова и И. А. Вѣтра.

Въ Царскомъ Селѣ была семья В. Э. Зборовскаго (его мать и сестры). Въ Москвѣ находилась семья Ф. М. Кирѣева.

офицерскихъ квартиръ, въ которыхъ находились семьи офицеровъ, бывшихъ на службѣ въ Царскомъ Селѣ.

Дабы избѣжать этого неминуемаго разгрома, командѣ казаковъ было отдано распоряженіе самимъ открыть ворота, часовыхъ снять, и вмѣсто ихъ выставить обычныхъ дневальныхъ, вооруженныхъ одними револьверами. — Дворъ казармы сразу же былъ заполненъ вооруженною толпою рабочихъ и солдатъ, съ которыми быстро входило въ контактъ большинство солдатъ нестроевой команды, довольно скоро набравшихся революціоннаго задора.

Вскорѣ вся эта вооруженная толпа рабочихъ и солдатъ, влекомая общимъ движеніемъ къ Государственной Думѣ, покинула дворъ казармы, захвативъ съ собою изъ гаража автомобиль командира Конвоя.

Желая спасти автомобиль, съ нимъ отправился шоферъ и, успѣвшій вскочить на ходу, одинъ казакъ. Вернувшись изъ города они сообщили, что всюду по городу шла безпорядочная стрѣльба. Стрѣляли по домамъ, гдѣ, какъ говорили, на крышахъ скрывались полицейскіе. Много зданій было въ огнѣ. Горѣли полицейскіе участки. — Они сами видѣли на Невскомъ трупъ убитаго офицера-безногого инвалида и слышали о творимыхъ самосудахъ.

Бывшій въ этотъ же день въ городѣ старшій писарь штаба Конвоя вахмистръ Почекай сообщилъ, что на Литейномъ толпа жгла бумаги разграбленнаго Окружного Суда, что взятъ Арсеналъ и толпою разграблено оружіе, и что возставшими солдатами занята Петропавловская крѣпость.

Телефонъ не работалъ, и связь съ Царскимъ Селомъ нельзя было установить. — По Шпалерной улицѣ, разрѣзая толпу, носились грузовые автомобили, переполненные солдатами и вооруженными рабочими. Къ Государственной Думѣ, мѣшаясь съ толпою, проходили въ относительномъ порядкѣ отдѣльные взводы и роты солдатъ запасныхъ батальоновъ, съ красными флажками на штыкахъ.

Шнырявшіе въ проходившую толпу солдаты нестроевой команды въ большомъ возбужденіи распространяли среди казаковъ свѣдѣнія о томъ, что «на сторону возставшихъ перешелъ весь петроградскій гарнизонъ».

Къ Государственной Думѣ дефилировали уже цѣлыя воинскія части съ красными флагами.

1 Марта.

Потокъ массы солдатъ и вооруженныхъ рабочихъ мимо казармъ Конвоя начался уже съ ранняго утра. О Царскомъ Селѣ вѣстей попрежнему нѣтъ. Въ теченіи всей ночи съ 28-го на 1-е, во дворѣ, въ конюшняхъ и даже въ казармѣ, появлялись группы вооруженныхъ солдатъ, въ сопровожденіи какихъ то штатскихъ.

Разспрашивали чиновъ нестроевой команды, гдѣ скрыто у казаковъ оружіе. Несмотря на явное сочувствіе нестроевыхъ къ происхо-

дившимъ событіямъ, солдаты этой команды не указали на то, что запасъ винтовокъ и патроновъ перенесенъ казаками въ свою казарму.

Дежурные и дневальные казаки докладывали, что имъ пришлось всю ночь «выпроваживать товарищей», при чемъ казаки, бывшіе въ нарядѣ слышали, какъ какія то подозрительныя личности разспрашивали солдатъ нестроевой команды о «нѣмецкомъ баронѣ», и совѣтовали имъ уговорить казаковъ арестовать и перебить своихъ офицеровъ.

Почти одновременно донеслись слухи объ истязаніи толпой старушки графини Фредериксъ, о разгромѣ ея дома, и объ арестѣ графини Клейнмихель за ихъ иностранныя фамиліи.

«Стало очевиднымъ, что надо было принимать мѣры и для защиты помощника командира», отмѣтилъ въ своихъ записяхъ есаулъ Макухо.

Доложили также, что поздно ночью прибылъ казакъ, захваченный вчера толпой въ то время, когда онъ, будучи дневальнымъ, стоялъ у воротъ. Вернувшійся сообщилъ, что его подвезли къ перекрестку Невскаго и Владимірскаго и заставили произнести рѣчь. — «Я, что было дѣлать, Ваше Высокоблагородіе, поднялся и закричалъ — «Да здравствуетъ Кубанское и Терское Войско!» — Всѣ на улицѣ закричали «ура» и замахали шапками, автомобиль тронулся, а мнѣ удалось убѣжать».

Около 11 часовъ была сильная тревога! — Банда вооруженныхъ солдатъ ворвалась въ офицерскія квартиры, выходившія на Воскресенскую набережную. Въ квартирахъ были только, на смерть перепуганныя, дамы и дѣти. Солдаты подъ предлогомъ того, что съ крыши офицерскаго флигеля стрѣлялъ пулеметъ, занялись поисками оружія въ квартирахъ.

Есаулу Макухо съ большимъ трудомъ удалось убѣдить производившихъ обыскъ солдатъ, что онъ, какъ квартирмейстеръ, беретъ на себя полную отвѣтственность, ручаясь, что изъ дома, въ которомъ живутъ только семьи, никакой стрѣльбы не могло быть.

Стараніями есаула Макухо офицерскія семьи были спасены отъ грубаго солдатскаго обыска, но въ нѣкоторыхъ квартирахъ цѣнное офицерское оружіе (шашки и кинжалы), а также и охотничьи ружья спасти не удалось. Это оружіе было украдено солдатами, производившими обыскъ.

Въ канцелярію Конвоя писаря занесли листовки. Ихъ разбрасывали изъ автомобилей, проѣзжавшихъ мимо канцеляріи. Въ листовкахъ были объявлены всякія воззванія образовавшегося «Временнаго комитета Государственной Думы». Среди другихъ лицъ этого комитета было указано имя и депутата отъ Терскаго Казачьяго Войска, есаула Караулова.

Карауловъ былъ старымъ сослуживцемъ по Войску, знакомъ нѣкоторымъ офицерамъ Конвоя. Зналъ его и былъ лично съ нимъ знакомъ и есаулъ Макухо.

Есаулъ Макухо, не имѣя возможности установить прерванную телефонную связь съ Царскимъ Селомъ и съ Царской Ставкой, гдѣ находились на службѣ сотни Конвоя, рѣшилъ воспользоваться своимъ знакомствомъ съ членомъ комитета Думы Карауловымъ и отъ него узнать создавшуюся тамъ обстановку, въ связи съ событіями въ Петроградѣ.

Надѣвъ обычную черкеску и бурку, есаулъ Макухо отправился въ Думу къ Караулову. — Точныя свѣденія о всемъ, что происходило въ Царскомъ Селѣ, Караулову не были извѣстны, но онъ сообщилъ о томъ, что Александровскій Дворецъ находится подъ охраной его гарнизона, и что для выясненія положенія въ Царскомъ Селѣ 28-го февраля комитетъ рѣшилъ туда послать двухъ членовъ Государственной Думы, какъ своихъ представителей.[45]) О Ставкѣ Карауловъ ничего не зналъ, кромѣ того, что Государь Императоръ, выѣхавъ изъ Могилева, въ Царское Село не прибылъ, и гдѣ находился Императорскій поѣздъ — неизвѣстно!

Членъ комитета Думы Карауловъ былъ сильно обезпокоенъ самочиннымъ обыскомъ, которому подверглись семьи знакомыхъ ему офицеровъ, и предложилъ есаулу Макухо выдать ему, (какъ выразился Карауловъ) «охранную бумагу», за своею личною подписью.

Въ ней значилось, что «всѣ лица, живущія въ офицерскомъ флигелѣ числятся за нимъ — членомъ Временнаго Комитета, и находятся подъ домашнимъ арестомъ, и что никто безъ разрѣшенія его (Караулова) посѣщать офицерскій флигель не имѣетъ права.»

Въ виду того, что въ городѣ всѣ лица съ нѣмецкими фамиліями подвергались сильному преслѣдованію, Карауловъ совѣтовалъ полковнику барону Унгернъ-Штернбергу принять его предложеніе прибыть въ Думу лично къ нему, и оставаться у него до «водворенія порядка», во что самъ Карауловъ, казалось, вѣрилъ. — Предложеніе есаула Караулова полковникъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ принялъ.[46])

Въ то время, когда есаулъ Макухо былъ у члена временнаго комитета Думы Караулова, казарма Конвоя подверглась вторичному нападенію. — Заполнившіе казарменный дворъ солдаты требовали отъ команды казаковъ немедленной выдачи — «скрытыхъ пулеметовъ», спрятаннаго оружія, а также и всего имущества Конвоя.

Солдаты кричали, заставляя казаковъ исполнить ихъ требованіе, и угрожали расправиться съ «Царскими опричниками» . . .

Положеніе небольшой команды казаковъ было критическое! — Спасъ это положеніе урядникъ Сторчакъ. — Онъ громко заявилъ, что Конвой никогда не былъ вооруженъ пулеметами, что въ складѣ хранится не оружіе, а собственное казачье имущество, что въ конюшняхъ стоятъ собственныя казачьи лошади. (Полусотни, находившейся въ Кіевѣ и др. казаковъ)

---

[45]) Демидовъ и Степановъ. Они прибыли въ Царское Село 1-го марта.
[46]) Есаулъ Карауловъ былъ убитъ на станціи «Прохладной» въ 1917 г.

Для многихъ солдатъ запасныхъ батальоновъ то, что у казаковъ лошади собственныя, а не казенныя, была новость, и это на нихъ произвело впечатлѣніе. — Солдаты стали требовать выдачи казеннаго имущества! — Въ этомъ требованіи Сторчакъ не отказалъ, но съ условіемъ, что сдастъ имущество только «выбраннымъ самими же солдатами делегатамъ», подъ ихъ отвѣтственность.

Желающихъ принять эту отвѣтственность не оказалось, и среди солдатъ начались ссоры и споры. — Нѣкоторые изъ нихъ, угрожая примѣнить оружіе, настаивали на выполненіи всѣхъ своихъ требованій безъ всякихъ условій. — Другіе были готовы принять предложеніе урядника Сторчака.

Эта солдатская ругань зашла такъ далеко, что готова была превратиться въ столкновеніе.

Со словъ урядника Сторчака, — «появилось ихъ начальство» — какіе то штатскіе, но вооруженные люди и, прекративъ солдатскій споръ, удалили всѣхъ со двора, назначивъ изъ солдатъ «комиссію», которая должна была провѣрить все имущество, находившееся въ складахъ.

Уряднику Сторчаку удалось убѣдить оставшихся солдатъ («комиссію», какъ онъ называлъ) **не открывать склада, т. к. не было увѣренности въ томъ, что во дворъ вновь не ворвется другая толпа, среди которой есть грабители и воры.**

И дѣйствительно, въ казарменный дворъ стали опять входить группы солдатъ, и «комиссіи» пришлось заниматься не провѣркою имущества, а вмѣстѣ съ казаками выдворять входившихъ во дворъ солдатъ.

Покидая казармы Конвоя, солдаты «комиссіи» заявили уряднику Сторчаку, что они придутъ въ другой разъ, и если въ складахъ обнаружатъ не собственныя казачьи вещи, а «скрытые пулеметы», то онъ первый будетъ преданъ — «революціонному суду»!

Насколько поведеніе Сторчака было достойно, когда онъ съ рѣдкимъ мужествомъ единолично выступилъ противъ всей толпы, ворвавшейся въ казарменный дворъ, настолько дальнѣйшее его поведеніе свидѣтельствовало о томъ, что все пережитое подѣйствовало на него настолько, что онъ окончательно потерялъ голову и растерялся.

Боясь наплыва новой толпы, «революціоннаго суда» и разгрома не только казеннаго имущества, а главнымъ образомъ собственныхъ казачьихъ сундуковъ, урядникъ Сторчакъ совершилъ поступокъ, имѣвшій роковыя послѣдствія и давшій поводъ творцамъ революціи СОЗДАТЬ ЛЕГЕНДУ, ОКЛЕВЕТАВШУЮ НЕ БЫВШІЙ ВЪ ПЕТРОГРАДѢ КОНВОЙ!

Этой клеветѣ на Конвой посвящена вся слѣдующая глава настоящаго «Очерка».

У казака-конвойца его собственный сундукъ — все его сбереженіе и достояніе, пріобрѣтенное имъ за четыре года службы въ Конвоѣ.

Въ этомъ огромномъ, окованномъ желѣзомъ сундукѣ казаки складывали и хранили все получаемое обмундированіе, переходившее въ ихъ собственность.

У каждаго казака собиралось по нѣсколько алыхъ и синихъ мундировъ, бѣлыхъ и алыхъ бешметовъ и шароваръ. Кромѣ того, въ сундукѣ хранилось офицерское пальто (сшитое казаками для себя) и алая офицерская фуражка, что по традиціи надѣвалось конвойцами въ своихъ станицахъ. Хранились въ сундукахъ Царскіе подарки, получаемые казаками Конвоя въ дни праздника Рождества Христова, и подарки, купленные самими казаками для своихъ семействъ, и вообще все, что было для казака цѣнно и дорого.

Сторчакъ — такой же «собственникъ», какъ и всѣ вообще казаки, дрожалъ прежде всего за собственныя казачьи вещи, и хорошо зналъ, что гибель своихъ сундуковъ казаки ему никогда не простятъ.

Перепуганный Сторчакъ рѣшилъ самъ искать защиту у тѣхъ, «кого солдаты, грозившіе ему судомъ, только и признавали» — (такъ оправдывался урядникъ). **Трудно было установить, подъ давленіемъ ли солдатъ нестроевой команды, окончательно почувствовавшихъ свое «превосходство» передъ казачьей командою, или по собственной иниціативѣ, но Сторчакъ съ небольшой группою казаковъ и солдатъ явился въ Государственную Думу.**

Сторчакъ не взялъ съ собою всѣхъ свободныхъ отъ службы казаковъ, но если даже и предположить, что съ нимъ были всѣ, то и тогда его группа не могла быть больше 18-ти человѣкъ.[47])

Есаулъ Макухо заканчивалъ свой разговоръ съ членомъ комитета Карауловымъ, когда узналъ о прибытіи урядника Сторчака. Вмѣстѣ съ Карауловымъ онъ вышелъ къ нему, и былъ свидѣтелемъ слѣдующаго:

Урядникъ Сторчакъ сообщилъ Караулову о томъ, что онъ и пришедшіе съ нимъ казаки просятъ защиты и помощи, что онъ больше не можетъ нести отвѣтственности за сохраненіе имущества отъ разгрома толпою, т. к. онъ самъ — Сторчакъ, ожидаетъ ареста и преданія его суду — «за скрытіе пулеметовъ» . . .

Карауловъ, удостовѣрившись въ томъ, что въ складахъ Конвоя дѣйствительно нѣтъ пулеметовъ, и что въ нихъ лишь хранится матеріалъ для постройки обмундированія и сундуки съ собственными казачьими вещами, постарался успокоить казаковъ.

Онъ заявилъ, что приметъ всѣ мѣры, дабы въ будущемъ никакихъ обысковъ въ казармѣ Конвоя не производилось. Затѣмъ, обратившись къ уряднику Сторчаку спросилъ, онъ ли старшій, и полу-

---

[47]) Изъ общаго состава команды въ 35 казаковъ было въ нарядѣ 17 чел.:

1) Караулъ у денежнаго ящика . . .	4 человѣка
2) Дневальные по конюшнѣ	3 человѣка
3) Дневальные въ казармѣ	3 человѣка
4) Дневальные у воротъ (2-хъ) . . .	6 человѣкъ
5) Дежурный по командѣ	1 человѣкъ

чивъ утвердительный отвѣтъ, добавилъ: ...«Въ такомъ случаѣ и я тебя назначаю старшимъ. Отъ моего имени къ складу никого не подпускать!»

Въ тотъ же день въ очередныхъ листовкахъ «совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ» особо жирнымъ шрифтомъ была сообщена провокаціонная ложь о «прибытіи въ Государственную Думу, въ полномъ своемъ составѣ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя».

Самъ Карауловъ отлично понималъ, чѣмъ именно руководствовался урядникъ Сторчакъ, рѣшивъ съ группою казаковъ и солдатъ придти къ нему. Ему было ясно, что Сторчакъ шелъ къ нему только за помощью, не преслѣдуя никакой политической цѣли.

Однако, когда есаулъ Макухо, возмущенный содержаніемъ листовокъ, клеветавшихъ на Конвой, потребовалъ отъ Караулова объясненій, тотъ цинично заявилъ: «Понимаю васъ и самъ знаю, что Конвоя въ Петроградѣ нѣтъ, но неужели вы думаете, что я — членъ Временнаго Комитета Государственной Думы, буду опровергать то сообщеніе въ печати, которое намъ такъ выгодно, и приноситъ лишь неоцѣнимую пользу!!?...»[48])

Во всѣ послѣдующіе дни по Шпалерной улицѣ, мимо казармъ Конвоя, къ Государственной Думѣ безпрерывно тянулись войсковыя части, съ оркестрами музыки, съ красными флагами, съ пристраивающимися къ войскамъ штатскими, съ офицерами и безъ офицеровъ. Офицеры имѣли видъ ведомыхъ на казнь.

Къ вечеру 3-го марта явились изъ Царскаго Села два казака. Отъ нихъ были получены первыя вѣсти о положеніи въ Императорскомъ Александровскомъ Дворцѣ и о сотняхъ Конвоя, несшихъ тамъ службу.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПРЕБЫВАНІЯ КОНВОЯ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ И ВЪ СТАВКѢ

Въ Царскомъ Селѣ сотни Конвоя никакой гарнизонной службы не несли. Сотни изрѣдка занимались строевыми ученіями и черезъ день выводились на проѣздки.

Въ Ставкѣ, съ отбытіемъ Государя Императора, полковникъ Кирѣевъ приказалъ сотнямъ Конвоя вновь перейти въ лагерные бараки за Днѣпромъ. — Дивизіонъ Конвоя, бывшій въ Ставкѣ, также какъ и другой Царскосельскій дивизіонъ, въ гарнизонный нарядъ города Могилева не входилъ.

Ожидался пріѣздъ съ Кавказа Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича. — Великій Князь прибылъ въ Ставку 11-го марта и, съ лицами его сопровождавшими, оставался въ своемъ поѣздѣ на станціи Могилевъ.

---

48) Изъ воспоминаній Б. Д. Макухо.

О своемъ вступленіи въ Верховное Командованіе Дѣйствующей Арміей Великій Князь Николай Николаевичъ поставилъ въ извѣстность Временное Правительство. Но, находясь уже въ Могилевѣ, Великій Князь получилъ догнавшее его только тамъ письмо Временнаго Правительства, за подписью его предсѣдателя князя Львова, съ просьбою о сложеніи съ себя званія Верховнаго Главнокомандующаго.

Временное Правительство было противъ того, чтобы во главѣ всей Русской Арміи сталъ Великій Князь. Шестого марта предсѣдатель Правительства, въ бесѣдѣ (по прямому проводу) съ генераломъ Алексѣевымъ сообщилъ ему о томъ, что «вопросъ главнокомандованія становится столь же острымъ, какъ въ свое время было положеніе Великаго Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА», добавивъ къ тому, что — «теперь событія несутъ ихъ министровъ, а не они событіями управляютъ».

(Генералъ Даниловъ: «Великій Князь Николай Николаевичъ». Стр. 324).

Въ «Красномъ Архивѣ». Т. XXII, указано о томъ, что по случаю пріѣзда Великаго Князя Николая Николаевича въ Ставку, между княземъ Львовымъ и генераломъ Алексѣевымъ состоялся по прямому проводу разговоръ.

Въ этомъ разговорѣ князь Львовъ сообщилъ генералу Алексѣеву, что навстрѣчу Великому Князю былъ посланъ офицеръ съ письмомъ, «съ указаніемъ на невозможность его Верховнаго Главнокомандованія». — «Очевидно посланный не успѣлъ встрѣтить Великаго Князя въ пути, и полученная, вслѣдствіе этого телеграмма Великаго Князя о его вступленіи въ должность, стала извѣстна Петрограду и вызвала большое смущеніе». — «Временное Правительство обязано немедленно объявить населенію, что Великій Князь не состоитъ Верховнымъ Главнокомандующимъ.»

«Прошу помочь нашему общему дѣлу и васъ и Великаго Князя». — «Рѣшеніе Временнаго Правительства не можетъ быть отмѣнено по существу, весь вопросъ въ формѣ его осуществленія: мы хотѣли бы, чтобы онъ самъ сложилъ съ себя званіе Верховнаго Главнокомандующаго, но къ сожалѣнію, по случайному разъѣзду нашего посланнаго съ Великимъ Княземъ, это не удалось . . . »

Генералъ Алексѣевъ: — «Вопросъ можно считать благополучно исчерпаннымъ. Ваше письмо получено Великимъ Княземъ сегодня утромъ. Сегодня же послано двѣ телеграммы: одна вамъ, что Великій Князь, подчиняясь выраженному пожеланію Временнаго Правительства, слагаетъ съ себя званіе. — Вторая телеграмма — военному министру съ просьбою уволить Великаго Князя въ отставку.» — Полагаю, нѣтъ препятствій объявить это во всеобщее свѣдѣніе и положить предѣлъ смущенію умовъ» . . .

Въ тотъ же день 11-го марта Временное Правительство объявило о состоявшемся отстраненіи отъ должности Верховнаго Главнокомандующаго Русскими Арміями Великаго Князя Николая Николаевича,

отдавшаго, какъ Верховный Главнокомандующій, слѣдующій приказъ:

«Установлена власть въ лицѣ новаго правительства. Для пользы Родины, Я, Верховный Главнокомандующій призналъ ее, показавъ тѣмъ примѣръ исполненія нашего воинскаго долга. — Повелѣваю всѣмъ чинамъ Славной нашей Арміи и Флота неуклонно повиноваться установленному Правительству. черезъ своихъ прямыхъ начальниковъ. — Только тогда Богъ намъ дастъ побѣду!» . . . (Генералъ Н. Н. Головинъ — «Россійская контръ-революція 1917—1918 г. г.»)

Съ отреченіемъ Государя Императора отъ Престола, положеніе Конвоя, на протяженіи 106-ти лѣтъ служившаго непосредственно при Особахъ Русскихъ Императоровъ, стало еще болѣе неопредѣленнымъ съ оставленіемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ должности Верховнаго Главнокомандующаго, на каковую онъ былъ назначенъ Государемъ однимъ изъ Его послѣднихъ повелѣній.

Появились тревожные слухи о предполагаемомъ рѣшеніи Временнаго Правительства расформировать Конвой, офицеровъ же и казаковъ, служившихъ въ Конвоѣ, отправить въ отдѣльные полки Кавказскихъ Казачьихъ Войскъ. — Офицеры Конвоя стали принимать всѣ мѣры къ сохраненію родной Части, къ соединенію ея дивизіоновъ и отправленію всѣхъ чиновъ Конвоя на фронтъ отдѣльной воинской частью.

Старые историческіе соратники Лейбъ-Казаки писали съ фронта, что Конвой ждутъ, что съ прибытіемъ его предполагалось формированіе своей дивизіи изъ всѣхъ Гвардейскихъ казачьихъ частей.

Командиръ Конвоя самостоятельно велъ переговоры съ «Военнымъ Совѣтомъ», въ результатѣ чего сообщилъ офицерамъ, что предоставлялось право всѣмъ лицамъ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА по желанію подать въ отставку, и командиръ это право выхлопоталъ для всѣхъ офицеровъ Конвоя. **Но офицеры Конвоя этимъ правомъ не воспользовались и, во исполненіе воли Государя Императора — «служите такъ же вѣрно Родинѣ, какъ служили Мнѣ», считали своимъ долгомъ, во что бы то ни стало сохранить свою родную Часть, и съ нею выступить на фронтъ.**

Стало извѣстнымъ, что между «Военнымъ Совѣтомъ» и Начальниками Войсковыхъ Штабовъ Кубанскаго и Терскаго Казачьихъ Войскъ возникла переписка по поводу Конвоя. Начальники Войсковыхъ Штабовъ просили о скорѣйшемъ прибытіи сотенъ Конвоя въ расположеніе ихъ Войскъ.

Эти вѣсти офицерами Конвоя были приняты какъ первый этапъ къ выступленію, если не на Западный фронтъ, то ближайшій къ своимъ Войскамъ фронтъ — Кавказскій.

Въ то же время генералъ Алексѣевъ, желая имѣть при себѣ дисциплинированную и стойкую воинскую часть, въ особенности послѣ усмиренія сотнями Конвоя солдатскаго бунта въ Рогачевѣ, принималъ мѣры къ оставленію дивизіона Конвоя въ Ставкѣ.

Въ самой Ставкѣ было сравнительно спокойно, но въ окрестностяхъ города Могилева нѣкоторыя воинскія части, подъ вліяніемъ «приказа № 1-й», взбунтовались и отказались идти на фронтъ, заявивъ о томъ, что они обязаны — «углублять революцію».

Особенно буйствовалъ гарнизонъ города Рогачева, одинъ изъ полковъ котораго категорически отказался исполнить приказъ о выступленіи на фронтъ. Для усмиренія этого полка, по распоряженію Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, сотни Конвоя изъ Могилева были командированы въ городъ Рогачевъ.

Рогачевъ былъ полонъ распущенныхъ солдатъ, потерявшихъ совершенно воинскую дисциплину. Солдаты толпами бродили по улицамъ города, всюду устраивая свои митинги.

Неожиданное для нихъ появленіе сотенъ Конвоя въ Рогачевѣ, взволновало «углубителей революціи» настолько, что они на одной изъ площадей города устроили общій митингъ всего гарнизона, требуя удаленія изъ Рогачева — «Царскихъ опричниковъ» — «приспѣшниковъ стараго режима».

По приказанію командовавшаго дивизіономъ, есаула Рашпиля, митингъ этотъ сотнями Конвоя былъ разогнанъ, а самъ есаулъ Рашпиль, въ сопровожденіи нѣсколькихъ казаковъ прибылъ къ председателю мѣстнаго гарнизоннаго комитета и потребовалъ исполненія приказа о выступленіи на фронтъ назначенному пѣхотному полку.

Послѣ нѣсколькихъ бурныхъ солдатскихъ митинговъ, но происходившихъ уже въ раіонѣ своихъ казармъ, большинство солдатъ рѣшило подчиниться приказу, чему содѣйствовалъ и самъ предсѣдатель гарнизоннаго комитета.

Въ назначенный день погрузки одна сотня прибыла на вокзалъ и оставалась тамъ до отбытія солдатъ на фронтъ. Отъ другой сотни по всему городу были высланы патрули. Патрули на улицахъ задерживали всѣхъ встрѣчныхъ солдатъ, и командами, въ сопровожденіи 2—3 казаковъ, отправляли ихъ непосредственно на вокзалъ. На вокзалѣ солдаты, назначенные къ отбытію на фронтъ, принимались офицерами ихъ полка, приводились въ порядокъ и немедленно грузились.

Съ отъѣздомъ изъ города солдатъ, не желавшихъ выполнить приказъ о выступленіи на фронтъ, обстановка въ городѣ измѣнилась. Оставшіеся въ городѣ солдаты замѣтно подтянулись, и нѣкоторые изъ нихъ даже стали отдавать честь встрѣчнымъ офицерамъ. — Послѣ недѣльнаго пребыванія въ городѣ Рогачевѣ дивизіонъ Конвоя вернулся въ Ставку.

Въ Ставкѣ изъ Царскаго Села была получена тревожная вѣсть, касающаяся Святынь Конвоя. Изъ Царскаго Села офицеры сообщали о томъ, что они узнали о существованіи приказа военнаго министра Временнаго Правительства: — «Штандарты и Знамена войсковыхъ частей должны быть доставлены въ Петроградъ, для снятія съ нихъ Императорскихъ эмблемъ».

Дабы спасти свои Святыни и избѣжать какихъ бы то ни было возможныхъ посягательствъ на нихъ со стороны Временнаго Правительства, было рѣшено Штандарты Конвоя изъять изъ Дворца, и срочно отправить къ сотнямъ Конвоя, находившимся въ Ставкѣ.

Въ Царское Село изъ Могилева прибылъ взводъ казаковъ Л.-Гв. отъ 4-й Терской сотни, подъ командою командира сотни есаула Татонова.

Всѣ три Георгіевскихъ Штандарта Конвоя хранились въ Екатерининскомъ Дворцѣ. Дворецъ этотъ охранялся карауломъ отъ частей Царскосельскаго гарнизона.

Три офицера Конвоя — есаулъ Татоновъ, сотникъ Зборовскій и сотникъ Зерщиковъ, съ шестью казаками — по два на каждый Штандартъ, минуя часовыхъ, вошли во Дворецъ и взяли Штандарты изъ ихъ стоекъ. Все это произошло настолько быстро, рѣшительно, и для охраны Дворца неожиданно, что солдаты, находившіеся въ караулѣ, и не пытались оказывать какого либо сопротивленія.

Ожидавшій у Офицерскаго Собранія, прибывшій изъ Могилева, взводъ принялъ Штандарты и, во главѣ съ есауломъ Татоновымъ, въ пѣшемъ строю прослѣдовалъ съ ними на Царскосельскій вокзалъ.

Есаулъ Татоновъ, занявъ со взводомъ казаковъ своей сотни одинъ классный вагонъ, и выставивъ часовыхъ у входа его, благополучно доставилъ въ Ставку всѣ три Штандарта Конвоя. Въ пути, по приказанію есаула Татонова, желѣзнодорожной администраціи и вообще всѣмъ любопытствующимъ казаки отвѣчали, что «въ этомъ спеціальномъ вагонѣ везутся въ Ставку важныя арестованныя лица».

Слухъ — «о важныхъ арестованныхъ лицахъ, которыхъ везутъ казаки Конвоя», вызвалъ въ Ставкѣ большую сенсацію, а среди чиновъ дивизіона Конвоя, тамъ находившихся, радостную вѣсть о прибытіи своихъ Святынь.

На станціи Могилевъ, Штандарты Конвоя были встрѣчены коннымъ взводомъ Л.-Гв. отъ 1-й Кубанской сотни подъ командою сотника Шведова. При взводѣ находились командиръ сотни есаулъ Рашпиль и хорунжій Галушкинъ. Штандарты Конвоя, со всѣми подобающими имъ воинскими почестями, были доставлены въ гостиницу «Парижъ», гдѣ былъ штабъ дивизіона и офицерскія квартиры.

Въ первые дни послѣ удаленія чиновъ Конвоя изъ Александровскаго Дворца связь съ Царской Семьей была прервана, но вскорѣ она была возстановлена.

Двѣ сестры милосердія изъ лазарета ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА и Ѳеодоровскаго Великихъ Княженъ лазарета получили пропускъ къ Государынѣ Императрицѣ. Одна изъ этихъ сестеръ была родная сестра сотника Зборовскаго. Послѣ каждаго своего возвращенія изъ Дворца, она передавала привѣтъ отъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА и Великихъ Княженъ. Государыня Императрица съ трогательной заботливостью справлялась о каждомъ изъ офицеровъ въ отдѣльности, и общей

ожидавшей ихъ судьбѣ. Великія Княжны передавали свои привѣты коротенькими записочками.

Приближалось время выступленія сотенъ Конвоя изъ Царскаго Села на Кавказъ. За нѣсколько дней до него изъ Александровскаго Дворца отъ Государыни Императрицы и Великихъ Княженъ всѣмъ офицерамъ Конвоя были присланы прощальные подарки и шейные образки. ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО и Великія Княжны въ приложенномъ къ подаркамъ письмѣ очень сожалѣли, что ничего другого Онѣ не могли послать, кромѣ оставшихся Ихъ рукодѣлій. Это были, въ большинствѣ, теплыя вещи, которыя Государыня Императрица и Великія Княжны собственноручно вязали для отправки на фронтъ.

Къ каждой вещи была приколота записочка съ именемъ и отчествомъ офицера и подписью одной изъ Великихъ Княженъ.

Вмѣстѣ съ подарками Государыня Императрица, приславъ сдѣланный Лично Ею фотографическій снимокъ съ послѣдняго парада Конвоя, изволила выразить пожеланіе, чтобы всѣ офицеры подписались на обратной сторонѣ этого снимка.

На Страстной недѣлѣ 1917 года сотни Конвоя, несшія службу въ Царскомъ Селѣ: Л.-Гв. 2-я Кубанская и Л.-Гв. 3-я Терская, а также бывшая въ Петроградѣ команда казаковъ Л.-Гв. 5-й Сводной сотни, отбыли въ свои Войска.

Канцелярія Конвоя, имущество Петроградскаго Офицерскаго Собранія, имущество Конвоя (матеріалъ и сукно для обмундированія) и всѣ собственные казачьи сундуки, были погружены въ Петроградѣ находившейся тамъ командою казаковъ.

По окончаніи погрузки въ Петроградѣ, петроградскій эшелонъ былъ поданъ на станцію Александровскую близъ Царскаго Села.

Въ это же время на станціи Александровской происходила погрузка сотенъ Конвоя, бывшихъ въ Царскомъ Селѣ, и имущества Царскосельскаго Офицерскаго Собранія.

На станціи Александровской всѣ вагоны были соединены въ одинъ эшелонъ, отбывшій на Кавказъ 30-го марта, въ Великій Четвергъ.

Дивизіонъ Конвоя, находившійся въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, распоряженіемъ Временнаго Правительства не былъ допущенъ въ Царское Село, и долженъ былъ отбыть на Кавказъ непосредственно изъ Могилева. — Не допуская дѣйствительного соединенія всего состава Конвоя въ Царскомъ Селѣ даже черезъ 28 дней послѣ отреченія Государя Императора отъ Престола, Временное Правительство фактически само подтвердило то, что свѣдѣнія «о прибытіи полнаго состава всего Конвоя въ Государственную Думу», были ложны, и созданы съ провокаціонной цѣлью.

Наканунѣ отбытія на Кавказъ, 29-го марта 1917 года, всѣ офицеры Конвоя, бывшіе въ Царскомъ Селѣ, послѣдній разъ посѣтили свое Собраніе. На этомъ прощальномъ обѣдѣ сервировка была необычной! — На столѣ отсутствовало все серебро, обычно подаваемое

къ обѣдамъ и завтракамъ офицерамъ. Все оно, съ остальнымъ имуществомъ Царскосельскаго Офицерскаго Собранія, было упаковано въ отдѣльные большіе ящики.

Вмѣсто конвойнаго серебра, передъ приборомъ каждаго офицера стоялъ «прощальный бокалъ»!

Небольшіе серебряные бокалы, съ выгравированными на нихъ подписями всѣхъ офицеровъ Конвоя, не были имуществомъ Офицерскаго Собранія, а личной собственностью каждаго офицера.

По общему желанію всѣхъ офицеровъ, бокалы эти были заказаны къ дню отбытія сотенъ на Кавказъ.[49])

На этомъ послѣднемъ офицерскомъ обѣдѣ, никакихъ рѣчей не произносилось, да онѣ и не были нужны! — Каждый изъ офицеровъ, безъ словъ, понималъ другого. — Полковникъ Кирѣевъ (къ тому времени прибывшій изъ Могилева), какъ старшій изъ присутствующихъ офицеровъ, всталъ и молча поднялъ свой бокалъ.

Молчаливый тостъ полковника Кирѣева былъ принятъ офицерами съ такимъ же душевнымъ волненіемъ, какое переживалъ и старшій изъ нихъ. — Больше къ столу вино не подавалось!..

Въ настоящее время нѣсколько сохранившихся прощальныхъ бокаловъ Конвоя берегутся какъ реликвія, и ставятся къ приборамъ старшихъ офицеровъ только лишь одинъ разъ въ году — въ день Праздника Конвоя 4/17-го октября.

---

[49]) Офицерамъ, бывшимъ въ Могилевѣ и въ Кіевѣ, прощальные бокалы были вручены уже на Кавказѣ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КЛЕВЕТА НА КОНВОЙ

«... Вотъ нечестивый началъ неправду, былъ чреватъ злобою и родилъ ложъ!..»
(Псаломъ 7, 15.)

Клевета на Собственный ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой была рождена въ тѣ преступные дни февраля и марта 1917 года, когда обезумѣвшіе «представители» русскаго народа — нѣкоторые члены Государственной Думы и ихъ нечестивые союзники — враги Императорской Россіи, были дѣйствительно «чреваты злобою» на все, что было связано съ Именемъ Того, Кто олицетворялъ Собою единство, могущество и честь Россійской Имперіи.

Дѣлатели «великой и безкровной», преслѣдуя свою дьявольскую цѣль, цинично искажали историческія событія, прибѣгая къ провокаціи и лжи. — Стремясь произвести необходимое имъ впечатлѣніе и повліять на психологію не только бунтующей въ Петроградѣ массы, а главнымъ образомъ тѣхъ, кто остался вѣренъ своему воинскому долгу, они въ своихъ очередныхъ листовкахъ объявили «революціонную сенсацію» — «о прибытіи въ Государственную Думу Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, въ полномъ своемъ составѣ!»...

Такъ «искра» — прибытіе въ Государственную Думу къ есаулу Караулову урядника Сторчака съ нѣсколькими казаками и солдатами нестроевой команды Конвоя, была искусственно раздута въ такое громадное пламя огня, что поднявшійся дымъ этого пламени настолько затуманилъ головы и заглушилъ совѣсть тѣхъ «свидѣтелей» и подобныхъ имъ «мемуаристовъ», что они превратили одного урядника съ его немногими людьми въ... 28 офицеровъ и 670 урядниковъ и казаковъ!

Такъ въ то подлое время революціонная легенда оклеветала Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой, не бывшій въ Петроградѣ не только въ роковые дни начала трагедіи Россіи, а вообще ни одного дня, съ самаго начала войны!

Всѣмъ, кто хотя немного представлялъ себѣ службу Конвоя, сообщеніе «о прибытіи полнаго состава его въ Государственную Думу», должно было быть, по меньшей мѣрѣ, страннымъ, ибо они знали, что сотни Конвоя несутъ службу только въ мѣстахъ пребыванія

Государя Императора и Государынь Императрицъ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ и МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. — Слѣдовательно въ Петроградѣ онѣ быть не могли!

Для того, чтобы представить «полный составъ» Конвоя передъ Государственной Думою, нужно было быть великимъ престижитаторомъ, дабы всѣ сотни Конвоя изъ Царскаго Села, Могилева и Кіева, гдѣ онѣ фактически находились, собрать вмѣстѣ въ Петроградъ къ Таврическому Дворцу! — Таковыхъ не нашлось! Провокаторовъ же и мошенниковъ было много. Имъ создать нужную для нихъ клевету было необходимо, и... она была создана!

Клевета эта была помѣщена почти во всѣхъ газетахъ. Революціонные «лѣтописцы», безцеремонно по своему воспринимали всѣ свѣдѣнія о происходившихъ событіяхъ и, съ присущей имъ ловкостью, преувеличивая всякій слухъ, шли впереди всѣхъ по пути клеветы и инсинуацій.

Полностью указывая наименованіе воинской части, они клеветали на славные Гвардейскіе полки, никакого участія не принимавшіе въ бунтѣ своихъ запасныхъ батальоновъ.

Могли ли быть отвѣтственными всѣ чины четырехъ батальоновъ одного полка, бывшіе на фронтѣ и доблестно исполнявшіе свой воинскій долгъ, за поведеніе запасныхъ солдатъ одного батальона, находившагося въ тылу и предназначеннаго для пополненія боевыхъ батальоновъ?!

Какъ было бы несправедливо и недопустимо обвинять какую либо воинскую часть, получившую на фронтѣ задачу защищать порученный ей боевой участокъ и до особаго приказанія не отходить, и притомъ **всю обвинить въ дезертирствѣ на основаніи того, что изъ общаго состава въ нѣсколько сотъ чиновъ, группа солдатъ (до 20-ти человѣкъ) не исполнила приказанія и самовольно ушла съ позиціи.**

(До сихъ поръ не было случая въ исторіи, чтобы проступокъ отдѣльныхъ солдатъ приписывался бы всему составу воинской части!)

Точно такъ же несправедливо и недопустимо обвинять всѣ сотни Конвоя въ поступкѣ, ими не совершенномъ! — Двадцать восемь офицеровъ и шестьсотъ семьдесятъ урядниковъ и казаковъ не несутъ отвѣтственность за поведеніе одного урядника и нѣсколькихъ казаковъ и солдатъ нестроевой команды! — Тотъ, кто этого не хочетъ понять, тотъ сознательно повторяетъ клевету на Конвой, умышленно и злонамѣренно созданную.

Главную моральную отвѣтственность за созданіе клеветы на Конвой, прежде всего, несетъ членъ Временнаго Комитета Государственной Думы есаулъ Карауловъ! — Использовавъ прибытіе къ нему въ Думу урядника Сторчака и его малой группы людей, Карауловъ лично принялъ самое дѣятельное участіе въ распространеніи провокаціонной легенды, умышленно созданной для опорочиванія всѣхъ чиновъ Государева Конвоя. — Внутренній смыслъ самой легенды — «о прибытіи въ Государственную Думу Собственнаго ЕГО

ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя въ полномъ своемъ составѣ» — самъ по себѣ ясенъ и понятенъ!

Эта клевета на Конвой дошла до Ставки и, нѣкоторыми высшими чинами Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, безъ провѣрки и какого бы то ни было разсужденія о томъ, гдѣ фактически находится Конвой, была съ вѣрою принята! — Одинъ изъ чиновъ Ставки въ своей книгѣ пишетъ: — «Ставка капитулировала передъ революціей и воля ея была парализована. Это было отчасти слѣдствіемъ идеологіи и умонастроенія того личнаго состава Ставки, при которомъ началась революція». (А. Бубновъ: «Въ Царской Ставкѣ». Стр. 331.)

Помощникъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Клембовскій нашелъ возможнымъ, только на основаніи дошедшихъ до него слуховъ изъ Петрограда, сообщить въ Штабъ Сѣвернаго фронта такую информацію о Конвоѣ, что она, по своему содержанію, была просто чудовищной!

Лента его разговора, по прямому проводу, (утромъ 2-го марта, часъ не указанъ) съ Генералъ-Квартирмейстеромъ Штаба Сѣвернаго фронта генераломъ Болдыревымъ гласитъ: «... Извѣстно ли вамъ о прибытіи Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ полномъ составѣ въ Государственную Думу съ разрѣшенія своихъ офицеровъ, и о просьбѣ депутатовъ Конвоя арестовать тѣхъ офицеровъ, которые отказались принять участіе въ возстаніи ...» — Казалось бы, что генералъ Клембовскій, получивъ изъ Петрограда такія сенсаціонныя свѣдѣнія, долженъ былъ бы къ нимъ отнестись съ большой осторожностью, и передать эти свѣдѣнія въ Штабъ Сѣвернаго фронта только лишь послѣ самой тщательной провѣрки, убѣдившись въ ихъ достовѣрности. — Онъ этого не сдѣлалъ!

Несмотря на очевидную нелѣпость революціонныхъ слуховъ о «прибытіи въ полномъ составѣ Конвоя въ Государственную Думу», «о возстаніи» его и объ «арестѣ казаками Конвоя своихъ офицеровъ», — всѣ эти слухи были переданы генераломъ Клембовскимъ въ Штабъ Сѣвернаго фронта.

Что побудило генерала Клембовскаго такъ поступить, зналъ ли онъ самъ, что сообщаетъ неправду о Конвоѣ, или онъ былъ введенъ въ заблужденіе другими — неизвѣстно!

Но самъ фактъ, что клевета на Конвой была передана изъ Ставки въ Штабъ Сѣвернаго фронта, подтверждаетъ содержаніе ленты разговора по прямому проводу генерала Клембовскаго съ генераломъ Болдыревымъ. — Было ли это сдѣлано умышленно или по ошибкѣ, изъ за отсутствія правдивой информаціи — также неизвѣстно.

Извѣстны лишь слѣдующіе историческіе факты:

1. Въ дни, когда была создана клевета «о прибытіи Конвоя въ полномъ своемъ составѣ въ Государственную Думу», всѣ чины Государева Конвоя безупречно несли свою службу: въ Царскомъ Селѣ, въ Могилевѣ, въ Кіевѣ и при Государѣ Императорѣ, сопровождая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО.

2. Въ Петроградѣ не было ни одной сотни Конвоя! — Тамъ находилась только команда формировавшейся новой (5-й) сотни и нестроевая команда, состоявшая не изъ казаковъ, а изъ солдатъ.

3. Сформированная же полусотня новой Л.-Гв. 5-й Сводной сотни находилась не въ Петроградѣ, а въ Кіевѣ, гдѣ несла службу при Государынѣ Императрицѣ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ, включительно до послѣдняго дня пребыванія ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА въ Кіевѣ. Государыня Императрица отбыла въ Крымъ 23-го марта!

4. Изъ двухъ дивизіоновъ постояннаго состава Конвоя, одинъ дивизіонъ, Л.-Гв. 2-я Кубанская сотня и Л.-Гв. 3-я Терская, находились въ Царскомъ Селѣ. Прибывъ по тревогѣ 28-го февраля въ Императорскій Александровскій Дворецъ, дивизіонъ этотъ, совмѣстно съ батальономъ Своднаго Пѣхотнаго полка, несъ службу охраны Дворца включительно до 16 часовъ 8-го марта, о чемъ свидѣтельствуютъ находившіеся во Дворцѣ, Личный секретарь Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ графъ П. Апраксинъ и наставникъ Государя Наслѣдника Цесаревича господинъ П. Жильяръ. — Дивизіонъ Конвоя, служившій въ Царскомъ Селѣ, ни одного дня не былъ въ Петроградѣ, и 30-го марта отбылъ на Кавказъ (съ командою, прибывшей изъ Петрограда) изъ Царскаго Села, со станціи Александровской.

5. Всѣ чины другого дивизіона Конвоя, Л.-Гв. 1-я Кубанская и Л.-Гв. 4-я Терская сотни, все время находились въ Ставкѣ, за исключеніемъ положеннаго наряда, сопровождавшаго Государя Императора, отбывшаго изъ Могилева въ ночь на 28-е февраля, и командировки въ Рогачевъ, для усмиренія взбунтовавшихся солдатъ, не желавшихъ выступить на фронтъ. О томъ, что въ Ставкѣ находились сотни Конвоя, свидѣтельствуетъ запись Государя Императора въ Своемъ Личномъ дневникѣ. — Находившійся въ Ставкѣ дивизіонъ Конвоя, былъ отправленъ на Кавказъ, непосредственно изъ Могилева въ первыхъ числахъ апрѣля.

6. Когда генералъ Клембовскій сообщалъ изъ Могилева въ Псковъ (2-го марта), что «полный составъ Конвоя прибылъ въ Государственную Думу», то въ то же самое время и въ томъ же самомъ Могилевѣ, гдѣ былъ генералъ Клембовскій, находились: помощникъ командира Конвоя, восемь офицеровъ и всѣ урядники и казаки Л.-Гв. 1-й Кубанской и Л.-Гв. 4-й Терской сотенъ, т. е. половина казаковъ постояннаго состава Конвоя.

7. Въ то время, когда Помощнику Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералу Клембовскому было «извѣстно», что «полный составъ Конвоя», якобы — «прибылъ въ Государственную Думу» и то — «съ разрѣшенія своихъ офицеровъ» и что «депутаты Конвоя просили разрѣшенія арестовать офицеровъ, отказавшихся принять участіе» въ миѳическомъ «возстаніи» Конвоя, изъ всѣхъ 28-ми офицеровъ Конвоя, въ Петроградѣ было только 3 офицера!

Никто изъ казаковъ петроградской команды ихъ и не думалъ арестовывать. Къ нимъ, какъ и вообще ко всѣмъ своимъ офицерамъ, казаки Конвоя относились съ должнымъ уваженіемъ и вниманіемъ и какъ всегда, а въ особенности въ дни начала трагедіи Россіи, вели себя безукоризненно!

Въ эти дни офицеры Конвоя находились:

1. Командиръ, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА генералъ маіоръ графъ Граббе-Никитинъ, сопровождая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО	въ Псковѣ.
2. Помощникъ командира по хозяйственной части полковникъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ	въ Петроградѣ.
3. Помощникъ командира по строевой части полковникъ Кирѣевъ	въ Ставкѣ.
4. Адъютантъ Конвоя подъесаулъ Вѣтеръ	въ Цар. Селѣ.
5. Командиръ Л.-Гв. 1-й Кубанской сотни есаулъ Рашпиль	въ Ставкѣ.
6. Командиръ Л.-Гв. 2-й Кубанской сотни есаулъ Свидинъ	въ Цар. Селѣ.
7. Командиръ Л.-Гв. 3-й Терской сотни есаулъ Панкратовъ	въ Цар. Селѣ.
8. Командиръ Л.-Гв. 4-ей Терской сотни есаулъ Татоновъ .	въ Ставкѣ.
9. Командиръ формировавшейся сотни (Л.-Гв. 5-й Сводной сотни) есаулъ Савицкій	въ Петроградѣ.
10. Есаулъ принцъ Риза-Кули-Мирза	въ Цар. Селѣ.
11. Есаулъ Макухо (казначей)	въ Петроградѣ.
12. Подъесаулъ Федюшкинъ 1-й	въ Ставкѣ.
13. Подъесаулъ Скворцовъ	въ Цар. Селѣ.
14. Сотникъ Зборовскій	въ Цар. Селѣ.
15. Сотникъ Зерщиковъ	въ Цар. Селѣ.
16. Сотникъ Шведовъ	въ Ставкѣ.
17. Сотникъ Бѣлый — сильно пострадавшій при крушеніи поѣзда, шедшаго 2-го января 1915 года изъ Царскаго Села въ Петроградъ, по болѣзни	въ отпуску.
18. Сотникъ Скляровъ	въ Ставкѣ.
19. Сотникъ Шкуропатскій	въ Ставкѣ.
20. Хорунжій Рогожинъ	въ Кіевѣ.
21. Хорунжій Ногаецъ	въ Кіевѣ.
22. Хорунжій Колесниковъ	въ Цар. Селѣ.
23. Хорунжій Галушкинъ	въ Ставкѣ.
24. Хорунжій Грамотинъ, по повелѣнію ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА .	въ командировкѣ
25. Хорунжій Лавровъ, сопровождая ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО .	въ Псковѣ.
26. Хорунжій Ергушевъ	въ Ставкѣ.
27. Хорунжій Федюшкинъ 2-й	въ Цар. Селѣ.
28. Хорунжій Вертеповъ	въ Цар. Селѣ.[50]

Все переданное генераломъ Клембовскимъ въ Штабъ Сѣвернаго фронта объ «арестѣ офицеровъ Конвоя» относится къ области личной

---

[50]) Въ Псковѣ — 2, въ Кіевѣ — 2, въ Петроградѣ — 3, въ Ставкѣ — 9, въ Царскомъ Селѣ — 10, въ командировкѣ — 1 и въ отпуску — 1.

фантастики и къ совѣсти тѣхъ, кто въ этой революціонной сказкѣ безсовѣстно его «информировалъ».

Можно допустить болѣе чѣмъ странное положеніе, что генералъ Клембовскій «дѣйствительно не зналъ», что другой дивизіонъ Конвоя въ Петроградѣ не могъ быть, т. к. несъ службу въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, и «не могъ» провѣрить достовѣрность дошедшаго до него слуха.

Но что генералъ Клембовскій «не зналъ» и «не видѣлъ» чиновъ дивизіона Конвоя, вмѣстѣ съ нимъ же въ Ставкѣ находившихся и, какъ Помощникъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго — «не имѣлъ возможности» провѣрить существованіе въ Могилевѣ офицеровъ и казаковъ двухъ сотенъ Конвоя — допустить невозможно!

Можно ли допустить такое положеніе, что Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго командируетъ дивизіонъ Конвоя изъ Могилева въ Рогачевъ, а Помощникъ Начальника Штаба не знаетъ о томъ, что въ Ставкѣ этотъ дивизіонъ существуетъ, ибо доноситъ въ Псковъ о «прибытіи въ Государственную Думу всего Конвоя, въ полномъ своемъ составѣ?!»

Можетъ ли быть такое положеніе, что фактъ пребыванія въ Ставкѣ половины казаковъ постояннаго состава Конвоя, былъ извѣстенъ всѣмъ чинамъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и вообще всѣмъ, находившимся въ Могилевѣ, кромѣ одного, и этотъ одинъ — Помощникъ Начальника Штаба?!

Могъ ли Государь Императоръ 8-го марта, въ день Своего отбытія изъ Могилева, послѣ общаго прощанія со всѣми чинами Ставки, при которомъ присутствовали всѣ офицеры, вахмистра и взводные урядники дивизіона Конвоя, находившагося въ Ставкѣ, выразить Свое пожеланіе, еще разъ видѣть офицеровъ Своего Конвоя и отдѣльно съ ними попрощаться въ губернаторскомъ домѣ, и этотъ историческій фактъ занести въ Свой дневникъ, если бы свѣдѣнія о Конвоѣ, переданныя генераломъ Клембовскимъ генералу Болдыреву, были бы дѣйствительно правдивы?!..

Легенда — «прибытіе въ Государственную Думу Конвоя въ полномъ своемъ составѣ», по словамъ одного изъ создателей ея, члена Временнаго Комитета Государственной Думы Караулова — «пріемъ революціонной тактики». — Въ тѣ мрачные дни всѣ жаждали вздорныхъ слуховъ, муссировали эти слухи и безпощадно и безпровѣрочно создавали клевету, стараясь прежде всего очернить тѣхъ, кто оставался вѣренъ своему долгу.

Злонамѣренно созданная клевета на Конвой и, какъ слѣдствіе того, сообщеніе генерала Клембовскаго о Конвоѣ, лишенное фактической правды, нашли отраженіе въ зарубежной печати.

Въ различныхъ мемуарахъ, личныхъ воспоминаніяхъ, журналахъ и книгахъ, авторы коихъ претендуютъ на историческую точность своихъ повѣствованій, эта клевета, безъ какой либо критики,

повторяется въ той или иной формѣ. — Искажается правда о самомъ трагическомъ періодѣ исторіи Конвоя и чины его, прямо или косвенно, обвиняются въ дѣйствіяхъ, ими не совершенныхъ.

Нѣкоторые «свидѣтели« происходившихъ событій въ февралѣ и мартѣ 1917 года въ своихъ воспоминаніяхъ сплетаютъ были и небылицы, искажая дѣйствительность. — Такого рода произведенія не только затемняютъ истину, но и даютъ основаніе другимъ, ссылаясь на нихъ, создавать и усугублять невѣрныя и ложныя свѣдѣнія о службѣ чиновъ Конвоя.

Когда авторомъ подобныхъ произведеній является лицо, принимавшее активное участіе въ «великой и безкровной» — это понятно! — Что можно ожидать отъ послѣдователей тѣхъ, кто въ теченіи столѣтія расшатывалъ историческіе устои Россійской Имперіи и добился своей цѣли, пользуясь клеветою, какъ главнымъ средствомъ къ подготовкѣ государственнаго переворота? — Удивляться тому, что писали и продолжаютъ писать эти лица, не приходится.

Удивляетъ другое — мемуарныя воспоминанія лицъ изъ «другого лагеря»! Къ таковымъ относятся воспоминанія А. Вырубовой, Т. Мельникъ (урож. Боткина) и генерала Воейкова. Имена этихъ авторовъ для всѣхъ, кто не освѣдомленъ о фактической обстановкѣ, бывшей въ Царскомъ Селѣ, являются достаточнымъ авторитетомъ, чтобы на основаній ихъ «свидѣтельствъ», повторять созданную ими фантазію.

А. Вырубова была больна и лежала въ жару! — Т. Мельникъ, какъ сама пишетъ въ своей книгѣ, **наблюдала всѣ событія, происходившія въ Царскомъ Селѣ, черезъ окно своей комнаты, и обѣ онѣ питались лишь одними паническими слухами, доходившими до нихъ черезъ ихъ прислугу.**

«Цѣлые дни мы проводили у оконъ столовой, наблюдая за происходящимъ на улицѣ» . . . «На развѣдки былъ посланъ старый лакей Иванъ Капитоновичъ». (Т. Мельникъ: «Воспоминаніе о Царской Семьѣ». Стр. 40, 43.)

Въ такой обстановкѣ ихъ личныя мрачныя переживанія, при повышенномъ возбужденіи отъ доходившихъ до нихъ фантастическихъ и невѣрныхъ слуховъ, настолько повліяли на воспріятіе ими происходившихъ событій въ Царскомъ Селѣ, что въ своихъ воспоминаніяхъ онѣ совершенно исказили историческую правду, что и является причиною того, что въ ихъ книгахъ свѣдѣнія о Конвоѣ соотвѣтствуютъ не дѣйствительности, а ихъ собственному представленію объ обстановкѣ, которая фактически была имъ неизвѣстна.

С. Мельгуновъ, изслѣдовавшій подробно всѣ матеріалы, касающіеся событій, происходившихъ въ дни февраля и марта 1917 года, какъ изданные за рубежомъ, такъ и опубликованные Совѣтами въ «Красномъ Архивѣ», указываетъ: . . . **«показанія дочери Лейбъ-медика Боткина (Т. Мельникъ), по существу и хронологически очень**

неточныя». (С. Мельгуновъ. Журналъ «Возрожденіе». Тетрадь десятая. 1950 годъ. Стр. 136.)

Примѣромъ того служитъ нелѣпое и вздорное ея сообщеніе о казакахъ Конвоя, бывшихъ въ разъѣздахъ. На страницѣ 42-й своей книги она пишетъ: «По улицамъ гарцевали нижніе чины Конвоя Его Величества, надушенные, напомаженные, съ красными бантами...» — Далѣе, развивая свою фантазію, Т. Мельникъ создаетъ клевету «о переходѣ казаковъ на сторону революціонеровъ»... — **Эта созданная ею фальшивая версія опровергается не только Личнымъ Секретаремъ Государыни Императрицы, графомъ П. Апраксинымъ, но и Лично ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ,** о чемъ будетъ указано въ этой главѣ, посвященной клеветѣ на Конвой. — Что касается «красныхъ бантовъ» на груди у казаковъ Конвоя, несшихъ службу развѣдывательныхъ разъѣздовъ, то они существовали только въ ея возбужденномъ воображеніи, при которомъ алая грудь гвардейскаго бешмета, при походной, защитнаго цвѣта, черкескѣ ей представлялась — «краснымъ бантомъ»!

При этомъ Т. Мельникъ видимо обладала исключительно обостреннымъ обоняніемъ, чувствуя въ своей столовой (откуда она наблюдала революцію!) запахъ духовъ и помады отъ проѣзжавшихъ по улицамъ Царскаго Села разъѣздовъ Конвоя! **Такъ, не стѣсняясь, писала она подобную чушь о казакахъ Конвоя, которые, начиная съ 28-го февраля и до 16-ти часовъ 8-го марта, неся напряженнѣйшую службу охраны Александровскаго Дворца, не раздѣвались и не снимали своего оружія въ часы своего краткаго отдыха.**

Въ томъ же журналѣ «Возрожденіе» (тетрадь десятая 1950 годъ, Стр. 136 и въ №-рѣ за іюнь-августъ 1952 года. Стр. 149) С. Мельгуновъ пишетъ и о Вырубовой: — «Вырубова была больна, лежала въ жару и, вѣроятно, въ представленіи ея все достаточно перепуталось».

И дѣйствительно перепуталось настолько, что С. Мельгуновъ воспоминаніе А. Вырубовой называетъ не историческимъ, а «истерическимъ» повѣствованіемъ. — Ложную версію Вырубовой, — «Александровскій Дворецъ былъ всѣми покинутъ» — повторяетъ и Дворцовый Комендантъ Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ген.-маіоръ Воейковъ.

Въ своей книгѣ — «Съ Царемъ и безъ Царя» на страницѣ 253, генералъ Воейковъ пишетъ о томъ, что якобы «части, составлявшія гарнизонъ Дворца, 1-го марта покинули Александровскій Дворецъ», и буквально повторяетъ слова Вырубовой: «уже 2-го марта стали по Дворцу бродить кучками совершенно распропагандированные солдаты»... «Толчекъ измѣны воинскихъ частей былъ данъ уходомъ батальона Гвардейскаго Экипажа»...

Такъ написалъ генералъ Воейковъ! Но онъ написалъ неправду! Дѣйствительность была другая:

1. Перваго марта изъ гарнизона Дворца выбылъ только батальонъ Гвардейскаго Экипажа. (Батальонъ былъ вызванъ въ Петроградъ.)

2. Батальонъ Своднаго Пѣхотнаго полка и дивизіонъ Конвоя продолжали вѣрно нести свою службу охраны Дворца и оставались на своемъ посту включительно до 16-ти часовъ 8-го марта, когда распоряженіемъ Временнаго Правительства были удалены изъ Александровскаго Дворца.

3. Второго марта по Дворцу никто «не бродилъ», а тамъ стояли часовые — казаки Конвоя и солдаты Своднаго полка.

4. Самъ Дворц. Комендантъ генералъ Воейковъ въ то время въ Александровскомъ Дворцѣ не находился. Его замѣнялъ помощникъ Коменданта генералъ фонъ Гротенъ.

5. Генералъ Воейковъ, сопровождая Государя Императора, прибылъ съ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ въ Ставку 3-го марта, а 5-го марта принужденъ былъ оттуда выѣхать. Въ Вязьмѣ онъ былъ арестованъ.

Что происходило въ Царскомъ Селѣ, знать онъ не могъ. Позже судилъ о томъ на основаніи личныхъ впечатленій такого близкаго ему мемуариста, какъ госпожа Вырубова. Но фантазія Вырубовой, повторенная генераломъ Воейковымъ въ его книгѣ, не отвѣчала дѣйствительности!

Лицамъ же, не знавшимъ эту дѣйствительность, казалось что само имя генерала Воейкова и занимаемая имъ должность являются достаточнымъ основаніемъ, чтобы повѣрить тому, что онъ пишетъ о гарнизонѣ Дворца.

Какъ несъ службу гарнизонъ Царскосельскаго Александровскаго Дворца 1-го и 2-го марта, генералъ Воейковъ тоже не могъ знать, ибо связь съ Дворцомъ была прервана, а самъ генералъ, находясь въ поѣздѣ Литера «А», 1-го марта въ 20 часовъ прибылъ въ Псковъ, и тамъ находился весь день 2-го марта.

Все, что помѣстилъ въ своей книгѣ генералъ Воейковъ о гарнизонѣ Дворца, не только не отвѣчаетъ исторической правдѣ, но и порочитъ воинскую честь чиновъ гарнизона Дворца и ихъ Начальника, доблестнаго генерала фонъ Гротенъ, бывшаго въ тѣ дни, изъ за отсутствія генерала Воейкова, фактическимъ Комендантомъ Александровскаго Дворца, котораго Государыня Императрица въ одномъ изъ писемъ къ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, называетъ «совершенствомъ»! (Письмо Государыни 2-го марта. С. Мельгуновъ. «Творимыя легенды» — Стр. 140. «Возрожденіе». Тетр. 10-я 1950 г.)

Именно въ этотъ день, т. е. 1-го марта, когда генералъ Воейковъ указывалъ, что «воинскія части покинули Дворецъ», генералъ Гротенъ прибылъ въ Царскосельскую городскую ратушу и заявилъ находившимся тамъ представителямъ Государственной Думы — Демидову и Степанову, что онъ съ ввѣреннымъ ему гарнизономъ будетъ защищать Дворецъ, и отобьетъ вооруженное нападеніе на него. (С. Мельгуновъ. «Мартовскіе дни». Стр. 136—139.)

Неправильное утвержденіе въ книгѣ генерала Воейкова, что «гарнизонъ 1-го марта оставилъ Дворецъ», опровергается также

фактомъ прибытія 1-го же марта въ Царское Село генералъ-адъютанта Иванова.

Генералъ Ивановъ лично былъ въ Александровскомъ Дворцѣ, былъ принятъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ и — «нашелъ охрану Дворца надежной», подчеркиваетъ въ своемъ трудѣ С. Мельгуновъ (Тетрадь десятая. Стр. 138.) **О прибытіи въ Александровскій Дворецъ генералъ-адъютанта Иванова 1-го марта пишетъ и Государыня Императрица въ письмѣ отъ 2-го марта: «Милый старикъ Ивановъ сидѣлъ у меня отъ 1 до 2.30 час. ночи».**

Генералъ Воейковъ, описывая въ своей книгѣ «Съ Царемъ и безъ Царя» неизвѣстныя ему событія въ Царскомъ Селѣ, руководствовался не свидѣтельствомъ лицъ, фактически и неотлучно находившихся въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, а невѣрными показаніями А. Вырубовой и Т. Мельникъ. — Неправда о сотняхъ Конвоя, несшихъ службу въ Александровскомъ Дворцѣ, помѣщенная въ ихъ воспоминаніяхъ, относится къ числу легендъ, родившихся въ дни революціи и не соотвѣтствующихъ исторической достовѣрности! — **Опровергается она тѣми, кто дѣйствительно въ эти дни февраля и марта 1917 года находились во Дворцѣ, т. е. фактическими свидѣтелями исторической правды!**

1. Прежде всего, самой Государыней Императрицей АЛЕКСАНДРОЙ ѲЕОДОРОВНОЙ! — ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО въ письмахъ къ Государю Императору писала: «...Всѣ мы бодры, не подавлены обстоятельствами, только мучаемся за Тебя!...» (письмо 2-го марта.) Письмо 3-го марта: — «...Мы всѣ держимся по прежнему, каждый скрываетъ свои тревоги»... «Вечеромъ Я съ Маріей дѣлаю свой обходъ по подваламъ, чтобы повидать всѣхъ нашихъ людей — ѣто очень ободряетъ!...» (Изъ опубликованныхъ документовъ въ «Красномъ Архивѣ» С. Мельгуновъ: «Творимыя легенды». Тетрадь 10-я — «Возрожденіе» 1950 г. Ст. 140)

«Нашими людьми» Государыня Императрица называетъ казаковъ сотенъ Конвоя и солдатъ батальона Своднаго Пѣхотнаго полка, находившихся въ подвалахъ Дворца.

Могла ли Государыня 3-го марта обходить подвалы Дворца, если бы «свидѣтельство» Вырубовой, повторенное генераломъ Воейковымъ о томъ, что «уже 2-го марта по Дворцу бродили кучки распропагандированныхъ солдатъ», не было бы фальшивымъ!?

Могла ли Государыня видѣть «нашихъ людей» т. е. чиновъ гарнизона Дворца и писать Государю 3-го марта, что посѣщеніе Ею казаковъ Конвоя и солдатъ Своднаго полка, Государыню «ободряетъ», если бы были вѣрны свѣдѣнія А. Вырубовой и генерала Воейкова о томъ, что «воинскія части, составлявшія гарнизонъ Дворца, 1-го марта покинули Дворецъ?!»

2. О преданности чиновъ Конвоя и Своднаго Пѣхотнаго полка и о вѣрной службѣ ихъ, включительно до удаленія ихъ изъ Дворца

распоряженіемъ Временнаго Правительства, свидѣтельствуетъ Личный Секретарь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА графъ П. Апраксинъ.

Въ своей статьѣ, (помѣщенной въ газетѣ «Новое Время» № 268, 17-го марта 1922 года), — **«9-го марта 1917 года въ Царскосельскомъ Дворцѣ» — графъ П. Апраксинъ сообщаетъ:**

«8-го марта отъ генерала Корнилова, пріѣхавшаго во Дворецъ объявить Императрицѣ постановленіе Временнаго Правительства объ арестѣ Царской Семьи мы узнали, что Государя Императора уже вывезли изъ Могилева и везутъ въ Царское. Извѣстіе это очень обрадовало Императрицу, измученную роковой разлукой и постоянными думами о душевномъ одиночествѣ Государя въ эти ужасные дни и Его переживаніяхъ.

«Мысль о скоромъ свиданіи облегчала Ей перенести первые часы объявленнаго ареста, и связаннаго съ нимъ цѣлаго ряда огорченій и униженій, которыя Она уже заранѣе предчувствовала.

«Я рада, что именно вы, генералъ, объявили Мнѣ объ арестѣ,» сказала Она Корнилову, когда тотъ прочелъ Ей постановленіе Временнаго Правительства, — «такъ какъ вы сами испытали весь ужасъ лишенія свободы»...

«Началось съ увода изъ Дворца преданныхъ частей Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка и Конвоя, за всѣ послѣдніе дни выказавшихъ, особенно Конвой, много душевной чуткости и деликатности, и съ замѣны ихъ карауломъ отъ запасныхъ частей Царскосельскаго гарнизона, къ этому времени уже окончательно распропагандированныхъ и распустившихся.

«Смена карауловъ произошла въ 4 часа дня, и съ этого часа мы, находившіеся во Дворцѣ придворные, стали считаться подъ арестомъ и не имѣли уже права покидать стѣны Дворца».

Далѣе въ своей статьѣ графъ Апраксинъ описываетъ прибытіе Государя Императора въ Александровскій Дворецъ.

Кромѣ этого своего заявленія въ печати о службѣ въ Царскомъ Селѣ сотенъ Конвоя и батальона Своднаго Пѣхотнаго полка, графъ Апраксинъ въ 1922 году принялъ личное участіе въ траурномъ собраніи русской колоніи въ городѣ Бѣлградѣ, подъ предсѣдательствомъ Высокопреосвященнаго Митрополита Антонія, посвященномъ Священной памяти Государя Императора и Его Августѣйшей Семьи.

Въ описаніи этого собранія, въ газетѣ «Новое Время» (№ 268. 17-го марта. 1922-го года) сказано:... **«Графъ П. Н. Апраксинъ, состоявшій при Государынѣ Императрицѣ АЛЕКСАНДРѢ ѲЕОДОРОВНѢ и безотлучно находившійся въ тяжелые мартовскіе дни при Царскосельскомъ Дворцѣ, прочелъ свои весьма цѣнныя историческія воспоминанія о первыхъ дняхъ революціи.**

Графъ Апраксинъ какъ бы перенесъ слушателей въ ту обстановку, которая окружала Царственныхъ узниковъ, и въ своемъ простомъ, хронологически точномъ разсказѣ, передалъ Ихъ тяжелыя переживанія въ эти дни.

Докладчикъ, въ опроверженіе всѣхъ ранѣе распространенныхъ свѣдѣній, устанавливаетъ полную преданность Государю и Царской Семьѣ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА и Собственнаго полка.»

3. О томъ, что гарнизонъ Дворца былъ вѣренъ своему долгу, свидѣтельствуетъ и Наставникъ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА, также, какъ и Личный Секретарь Государыни Императрицы, неотлучно находившійся въ Александровскомъ Дворцѣ.

Въ своей книгѣ «Императоръ НИКОЛАЙ II и Его Семья», на страницѣ 160 П. Жильяръ, отмѣчая то, что «Царскосельскій гарнизонъ взбунтовался и на улицахъ стрѣляютъ», пишетъ: «Императрица была внѣ себя отъ ужаса при мысли, что кровь прольется на Ея глазахъ!» «Она умоляла, чтобы вступили въ переговоры съ мятежниками» ... «Тревога сжимаетъ всѣ сердца. Неосторожность можетъ вызвать рукопашную схватку и рѣзню. — Съ обѣихъ сторонъ выступаютъ офицеры и начинаются переговоры. — Слова ихъ бывшихъ начальниковъ и **рѣшимость тѣхъ, кто остался вѣренъ долгу, дѣйствуетъ на мятежниковъ.** Возбужденіе понемногу падаетъ и, наконецъ, **рѣшаютъ установить нейтральную зону между обѣими сторонами».**

Нейтральная зона, которая была установлена между гарнизономъ Александровскаго Дворца и гарнизономъ города Царскаго Села, неправильно трактуется даже въ такомъ цѣнномъ и большомъ трудѣ, какъ «Царствованіе Императора НИКОЛАЯ II», подъ редакціей С. Ольденбурга.

Авторъ этого труда на страницѣ 247-й (Т. II.) пишетъ: «Части, охранявшія Дворецъ, въ которомъ находилась Царская Семья, объявили «нейтралитетъ» ... — **Но, «нейтралитетъ» и «нейтральная зона», не одно и то же!**

О томъ, что была установлена именно нейтральная зона, а не «нейтралитетъ», какъ указываетъ С.Ольденбургъ, кромѣ Наставника Наслѣдника Цесаревича, свидѣтельствуетъ другое лицо, такъ же, какъ и господинъ П. Жильяръ, находившееся въ дни революціи въ Александровскомъ Дворцѣ. — Служившій при Дворцѣ эстонецъ Оамаръ, исполнявшій должность придворнаго «скорохода» пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: ... **«Согласились обоюдно охранять порядокъ во Дворцахъ и на прилегающихъ къ нимъ улицахъ Сводно-Пѣхотному полку и казакамъ Конвоя Е. В., а вокзалы и остальную часть улицъ Царскаго Села и Павловска — стрѣлкамъ ... » — «Между обѣими сторонами была установлена нейтральная зона ... »**

У С. Ольденбурга имѣется и другая неправильность. На основаніи его описанія разговора Гучкова съ Государемъ Императоромъ (Томъ II. Стр. 257.) надо понимать, что Конвой долженъ былъ быть въ Петроградѣ, чего въ дѣйствительности не было за все время войны.

Появленіе въ зарубежной печати извѣстнаго произведенія генерала П. Н. Краснова — «Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени», сыграло немалую роль въ распространеніи вымышленной имъ вер-

сіи о поведеніи чиновъ Конвоя. Впослѣдствіи генералъ Красновъ въ письменной формѣ выразилъ «искреннее сожалѣніе въ допущенной имъ ошибкѣ».

Сообщая это заявленіе генералу Л. А. Артифексову, прибывшему къ нему въ Германію (Мюнхенъ) отъ имени всѣхъ офицеровъ Конвоя, П. Н. Красновъ самъ считалъ необходимымъ «исправить свою ошибку», сдѣлавъ соотвѣтствующее поясненіе въ своей новой книгѣ — «Императорская Гвардія».

Генералъ Красновъ, въ отвѣтъ на указаніе ему, что въ его книгѣ «Отъ Двуглаваго Орла, къ красному знамени», трудно установить, гдѣ кончается правда и начинается вымыселъ, заявилъ, что онъ писалъ «не исторію», а «историческій романъ», и что въ такихъ произведеніяхъ «вымыселъ автора — нормальное явленіе» . . .

Генералъ А. И. Деникинъ въ своей книгѣ «Путь Русскаго Офицера» (Стр. 149, 150.) описывая «литературные вечера», которые устраивали въ пути офицеры, направляясь въ Дѣйствующую Армію во время Русско-Японской войны, пишетъ, что онъ тогда впервые познакомился съ произведеніями П. Н. Краснова. — «Въ нашемъ поѣздѣ три военныхъ корреспондента читали свои статьи, посылаемыя съ дороги въ газеты».

Отъ «Русскаго Инвалида» — офиціальной газеты военнаго министерства ѣхалъ подъесаулъ П. Н. Красновъ. Статьи Краснова были талантливы, но обладали однимъ свойствомъ: каждый разъ, когда жизненная правда приносилась въ жертву «вѣдомственнымъ» интересамъ и фантазіи, Красновъ, нѣсколько конфузясь, прерывалъ на минуту чтеніе — «Здѣсь, извините, господа, поэтическій вымыселъ, для большаго впечатлѣнія» . . .

Этотъ элементъ «поэтическаго вымысла», въ ущербъ правдѣ о Конвоѣ и былъ помѣщенъ генераломъ Красновымъ въ его романѣ «Отъ Двуглаваго Орла къ красному знамени»!

«Исправить свою ошибку» въ предполагаемой имъ новой книгѣ, «Императорская Гвардія», генералъ Красновъ уже не успѣлъ! . . .

Сначала болѣзнь, а затѣмъ нахлынувшая Вторая Міровая Война съ ея трагическимъ концомъ для русскихъ патріотовъ, боровшихся съ оружіемъ въ рукахъ за освобожденіе своей Родины отъ коммунистическаго рабства, были причиною того, что генералъ Красновъ не смогъ выполнить своего обѣщанія. — Доблестный генералъ Русской Императорской Арміи и Атаманъ Всевеликаго Войска Донского генералъ П. Н. Красновъ былъ обманутъ и предательски выданъ на расправу врагамъ своей горячолюбимой имъ Родины, принявъ мученическую смерть.

Въ распространеніи легенды о томъ, что «гарнизонъ Царскосельскаго Императорскаго Александровскаго Дворца покинулъ Дворецъ», противоестественно объединились такія лица, какъ генералъ Воейковъ и одинъ изъ главныхъ творцовъ революціи — Керенскій!

Буйная фантазія Керенскаго была такъ велика, что онъ, совершенно не считаясь съ датами и историческими фактами, въ своихъ воспоминаніяхъ и въ публичныхъ выступленіяхъ повторялъ созданную имъ революціонную сказку о томъ, что «къ полудню 28-го февраля Царица и Ея Дѣти находились уже подъ охраною революціонныхъ силъ» и что «революціонеры бѣгали въ аптеку за лѣкарствами для больныхъ Царскихъ Дѣтей» . . .

Въ дѣйствительности же 28 февраля въ Царскосельскій Дворецъ прибыли не «революціонныя силы», а воинскія части, входившія въ составъ гарнизона Дворца!

С. П. Мельгуновъ въ журналѣ «Возрожденіе» (Тетрадь 12-я, стр. 143, 148 и тетрадь 10-я стр. 136-139) пишетъ слѣдующее:

«Имѣются и воспоминанія Керенскаго, но только во французскомъ изданіи его «Революція 17 г.» (Книга издана въ 1928 году).

«Внѣшне мемуаристъ хочетъ быть очень точнымъ. Имъ указываются даже часы отвѣтственныхъ рѣшеній въ эти дни. Но это только внѣшняя точность, ибо даты безнадежно спутаны. Память Керенскаго такъ же сумбурна, какъ сумбурны сами событія, въ которыхъ ему пришлось играть активнѣйшую роль, когда онъ падалъ въ обморокъ отъ напряженія и усталости и когда, по его собственнымъ словамъ, онъ дѣйствовалъ какъ бы въ туманѣ и руководствовался больше инстинктомъ, нежели разумомъ» . . .

«При такихъ условіяхъ не могла получиться фотографія того, что было въ 17 году» . . . (На это Керенскій претендовалъ въ своихъ парижскихъ докладахъ). — «Поэтому все самое существенное прошло мимо сознанія мемуариста, **самоутѣшающагося тѣмъ, что событія не могли итти другимъ путемъ». — «Керенскій, не очень слѣдящій за своими словами, въ одной изъ послѣднихъ книгъ «La Verité» («Истина» — утверждая не истину) писалъ, что къ ночи 28-го вся страна съ арміей присоединилась къ революціи» . . .**

«Для иностранныхъ читателей можетъ быть убѣдительно свидѣтельство Керенскаго, что на всемъ протяженіи Имперіи не нашлось ни одной части, которую фактически можно было двинуть противъ мятежной столицы, то же, конечно, говоритъ и Троцкій въ своей «Исторіи революціи».

«Что фактически не вѣрно!» (подчеркиваетъ С. Мельгуновъ). **«Войска на фронтѣ были освѣдомлены о событіяхъ только лишь послѣ ихъ завершенія, а генералъ Ивановъ съ Георгіевскимъ батальономъ къ вечеру 1-го марта дошелъ до Царскаго Села и «нашелъ здѣсь все въ состояніи довольно спокойномъ и охрану Царскосельскаго Дворца надежной!»** (Стр. 138. Тетр. 10).

Далѣе С. Мельгуновъ въ своей статьѣ **«Творимыя легенды»** (стр. 136-139. Тетр. 10) **опровергаетъ «истину» Керенскаго!**

Статья С. Мельгунова «Творимыя легенды», въ которой онъ опровергаетъ одну изъ нихъ — «гарнизонъ Дворца покинулъ Александров-

скій Дворецъ», имѣетъ исключительное значеніе въ установленіи исторической правды.

«Керенскій въ книгѣ «La Verité» и въ предшествующей книгѣ — «L'Experience», опираясь отчасти на показанія дочери Лейбъ-медика Боткина, по существу и хронологически очень неточныя, изобразилъ положеніе въ Царскомъ Селѣ критическимъ къ полудню 28-го февраля, когда Царица и Ея Дѣти находились уже подъ охраной революціонныхъ войскъ» ...

«Насколько это не соотвѣтствовало дѣйствительности, показываетъ разсказъ того же члена Государственной Думы Демидова, который былъ командированъ Временнымъ Комитетомъ, вмѣстѣ съ другимъ членомъ Думы Степановымъ въ Царское Село, и на котораго ссылается Керенскій».

« ... Вечеромъ 28 (февраля) Милюковъ обратился отъ имени Временнаго Комитета къ Демидову и Степанову съ предложеніемъ поѣхать въ Царское Село». — «Есть одно серьезное дѣло, — сказалъ онъ имъ, — «Изъ Царскаго получены тревожные и противорѣчивые слухи: по однимъ Царскосельскій гарнизонъ идетъ на Петроградъ, по другимъ — тамъ съ минуты на минуту грозитъ вспыхнуть мятежъ. Необходимо попытаться предупредить и то и другое». — «На слѣдующій день (т. е. 1 марта) — разсказываетъ Демидовъ — друзья проводили насъ сумрачно». — «У насъ на душѣ было волнительно и заботливо!» — «Царское Село — тамъ стояли стрѣлки Императорской Фамиліи, невольно думалось, что слухи о походѣ на Петроградъ вѣрнѣе слуховъ о готовившемся взрывѣ на мѣстѣ» ...

«О нашемъ пріѣздѣ было дано знать и насъ встрѣчали» — Депутаты Государственной Думы поѣхали въ ратушу, гдѣ шло гарнизонное собраніе и «объявили о переходѣ власти въ руки Государственной Думы!» ...

«Насъ окружили офицеры. У всѣхъ одна просьба: ѣхать немедленно въ казармы. Войска еще въ рукахъ» ...

«По окончаніи объѣзда депутатами казармъ, въ ратушу пріѣхалъ Дворцовый комендантъ фонъ Гротенъ, съ которымъ у Демидова произошелъ такой приблизительно разговоръ»:

... «До пріѣзда Государя — сказалъ комендантъ, — я ничего не могу дѣлать другого, какъ защищать дворецъ до послѣдней возможности» ...

«Я не могу ни съ кѣмъ входить въ переговоры» ... «Мы, конечно, нападеніе отобьемъ, но это будетъ ужасно!» ...

... «Могу ручаться, — перебилъ генерала Демидовъ, — что этого не случится, если не будетъ какого-либо вызова со стороны дворцовой охраны» ...

«За это я ручаюсь — въ свою очередь сказалъ фонъ Гротенъ, и попросилъ заѣхать во дворецъ». — «Подумайте генералъ, — возразилъ депутатъ, — вѣдь говорить мы можемъ только отъ лица Государственной Думы» ... «Каково будетъ ваше положеніе?» ...

«Этотъ характерный разговоръ (указываетъ С. Мельгуновъ), «дистанція огромныхъ размѣровъ» отъ описанія, которое подсказывало Керенскому его тогдашнее революціонное чувство, и позднѣйшее желаніе представить передъ иностранцами мощный единодушный порывъ февральскихъ дней, и полную изоляцію уходившей въ исторію монархіи . . . »

«Отмѣтимъ, какъ реагировала на всѣ эти факты въ своемъ дневникѣ Гиппіусъ, приходившаяся двоюродной сестрой Степанова».

«Она записала 2-го марта: « . . . Демидовъ и Вася ѣздили въ Царское отъ Дум. Ком. — назначить «коменданта» для охраны Царской Семьи».

«Поговорили съ тамошнимъ комендантомъ и какъ-то неожиданно глупо вернулись вообще . . . »

«По словамъ Керенскаго, члены Думы были посланы для того, чтобы выяснить, въ какомъ положеніи находится Царская Семья среди мятежнаго гарнизона. Демидовъ будто бы установилъ, что Царица была немедленно всѣми оставлена, и вынуждена была сама ухаживать за больными дѣтьми. — Фонъ Гротенъ просилъ новую власть взять на себя охрану Царской Семьи». — «Позднѣйшій разсказъ Демидова все это опровергаетъ, какъ опровергаетъ и занесенную въ воспоминаніяхъ Вырубовой версію». — «Вырубова была больна, лежала съ жаромъ и, вѣроятно, въ представленіи ея все достаточно перепуталось — поэтому ей казалось, что бунтующіе съ пулеметами надвигаются на Дворецъ для того, чтобы его разгромить, и что охрана Дворца покинула его уже 1-го марта, и что по самому Дворцу уже ходятъ кучки революціонныхъ солдатъ» . . .

«Изъ письма Государыни 2-го марта видно, какъ сгущается постепенно атмосфера, какъ изолируется понемногу Дворецъ отъ внѣшняго міра, и какъ близкіе люди попадаютъ на учетъ или оказываются арестованными» . . . «Ты прочтешь между строкъ и почувствуешь» — писала Она Государю: « — всего не скажешь въ письмѣ» . . .

«Но какъ все это далеко отъ того жуткаго «нечеловѣческаго» одиночества, о которомъ говорилъ въ своихъ парижскихъ докладахъ (уже для русской публики) въ 36 году Керенскій, когда съ образностью, переходящей въ фальшь, утверждалъ, что Царская Семья всѣми была покинута и . . . «революціонеры бѣгали въ аптеку за лѣкарствами для больныхъ дѣтей . . . » — «На воспоминанія Керенскаго, лично не бывшаго въ эти дни въ Царскомъ Селѣ, вѣроятно, оказало вліяніе «свидѣтельство» той же Вырубовой, утверждавшей, что изъ Царскаго окруженія «спаслись всѣ, кто могъ» . . . — Вся неправда о чинахъ гарнизона Александровскаго Дворца, созданная фантазіей Керенскаго и Вырубовой, опровергается указанными свидѣтельствами графа Апраксина и Демидова — лицъ, которыя въ своихъ показаніяхъ были не только независимы другъ отъ друга, но и по своему положенію — Личный Секретарь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА и членъ Государственной Думы, — стояли на діаметрально противоположныхъ полюсахъ.

С. Мельгуновъ въ той же своей статьѣ «Творимыя легенды» пишетъ о томъ, что «правдивую картину происходившаго въ Александровскомъ Дворцѣ далъ въ своихъ воспоминаніяхъ бывшій придворный скороходъ, эстонскій гражданинъ Оамаръ». По его свѣдѣніямъ, когда со стороны расквартированныхъ въ Царскомъ Селѣ частей послышалась безпорядочная стрѣльба, гарнизонъ Дворца усилилъ свои посты и выставилъ у воротъ Дворца пулеметы. Государыня Императрица отмѣнила это распоряженіе.

«Долженъ замѣтить», пишетъ Оамаръ, «что Государыня выказала себя въ эти тревожные дни и ночи женщиной съ крѣпкими нервами и большой выдержкой характера. Она нѣсколько разъ, раза два даже въ 2-3 часа ночи спускалась въ подвалы Александровскаго Дворца, проходила медленно мимо стоявшихъ чиновъ гарнизона Дворца, и, бодро смотря имъ въ глаза, говорила: «прошу ни при какихъ обстоятельствахъ не стрѣлять, быть хладнокровными, стараться уговаривать словами. — Я готова все претерпѣть, только не хочу крови ... »

«Среди собранныхъ для охраны Дворца солдатъ и казаковъ Конвоя, въ виду ихъ отрѣзанности отъ остального міра и носившихся слуховъ о готовящемся обстрѣлѣ изъ орудій и штурмѣ Дворца, возникло тревожное настроеніе» ... — Далѣе скороходъ Оамаръ, въ своихъ воспоминаніяхъ указываетъ, что депутація отъ солдатъ и казаковъ, надѣвшихъ на рукава бѣлыя повязки, «выѣхала на грузовикѣ въ казармы Л.-Гв. 1-го Стрѣлковаго полка, откуда раздавалась безпорядочная ружейная стрѣльба». — ... «Какъ оказалось, дѣйствительно, орудія были направлены дулами по направленію Александровскаго Дворца» ...

«Согласились обоюдно охранять порядокъ во Дворцахъ и на прилегающихъ къ нимъ улицамъ — Сводно-Пѣхотному полку и казакамъ Конвоя Е. В., а вокзалы и остальную часть улицъ Царскаго Села и Павловска — стрѣлкамъ».

«По выясненію прибывшими парламентерами настроеніе среди казаковъ и солдатъ улеглось». — «Между обѣими сторонами была установлена нейтральная зона». — Казаки Конвоя и солдаты Своднаго полка продолжали нести свою службу. Оамаръ говоритъ о томъ что, по установленіи нейтральной зоны — «дворцовая охрана надѣла бѣлыя повязки».

По приказанію генерала Ресина эти повязки чины гарнизона Дворца дѣйствительно должны были надѣвать, но только внѣ раіона ими охраняемаго, т. е. при необходимомъ выходѣ за линію установленной нейтральной зоны.

Въ концѣ своей статьи «Творимыя легенды», С. Мельгуновъ пишетъ, что бывшая замужемъ за Княземъ Іоанномъ Константиновичемъ Сербская Королевна Елена Петровна, посѣтившая Дворецъ 1-го марта, ошибочно указываетъ на то, что «охрана Дворца была разоружена».

1-го марта, точнѣе въ ночь на 2 марта генералъ Ивановъ былъ принятъ Государыней Императрицей въ Александровскомъ Дворцѣ и «установилъ охрану Дворца надежной». (Стр. 138. С. Мельгуновъ: «Творимыя легенды»).

Насколько не ясно представляли себѣ обстановку тогда и впослѣдствіи, не только Княгиня Елена Петровна, но и другія лица изъ Великокняжеской среды — показываютъ воспоминанія Княгини Палѣй, разсказывающей, что «генералъ Ивановъ достигъ Колпино, гдѣ былъ арестованъ мятежными войсками . . . » («Творимыя легенды». Стр. 144).

Не только неясное представленіе всей обстановки, сложившейся въ дни февраля и марта 1917 года, но и видимое нежеланіе логично и добросовѣстно разобраться въ таковой привело къ тому, что существуетъ «обвиненіе» Конвоя въ томъ, что онъ, когда Государь Императоръ находился въ Псковѣ, долженъ былъ бы проявить инициативу, и «вывезти» Государя изъ Пскова непосредственно на фронтъ.

Слишкомъ легко теперь разсуждать объ «упущенной инициативѣ» въ Псковѣ, при исполненіи которой «были бы оправданы даже насильственныя дѣйствія», не говоря уже о томъ, что **въ то время** подобный поступокъ, т. е. «вывозъ» Государя Императора изъ Пскова, былъ бы допустимъ только лишь въ томъ случаѣ, если бы на то была воля ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Какъ могъ Конвой совершить это «насильственное дѣйствіе», если онъ, во время отреченія Государя Императора отъ Престола, кромѣ обычнаго наряда, сопровождавшаго Его, находился за сотни верстъ отъ Пскова, неся службу въ Царскомъ Селѣ, Могилевѣ и Кіевѣ?

Такъ же, не считаясь съ фактической обстановкою, проводится тенденціозная и неумѣстная параллель французской революціи и русской, причемъ Конвой «обвиняется» въ томъ, что онъ не поступилъ по примѣру Швейцарской гвардіи Людовика XVI.

Однако при воспоминаніи объ этой гвардіи не находятъ нужнымъ вспомнить ту историческую обстановку, при которой погибла Швейцарская гвардія. — Швейцарцы умерли на лѣстницѣ Версальскаго дворца, защищая Короля, которому они служили, **но тѣ же швейцарцы не смогли бы умереть, если бы не было нападенія на Версаль, и къ его знаменитой лѣстницѣ не подошелъ бы ни одинъ инсургентъ, а самъ Людовикъ XVI отрекся бы отъ французскаго престола!**

Защищать и умирать защищая можно только тогда, когда есть элементъ, покушающійся на то, что поручено охранѣ, **а когда вооруженнаго нападенія нѣтъ, и . . . нѣтъ борьбы!? . . .**

Сравнивать гибель Швейцарской гвардіи при нападеніи на дворецъ въ Версалѣ и не гибель Императорскаго Конвоя при отсутствіи вооруженной борьбы въ Псковѣ, Царскомъ Селѣ и Кіевѣ, значитъ незаслуженно обвинять тѣхъ, кто неповиненъ въ томъ, что Государь Императоръ принужденъ былъ отказаться отъ борьбы.

Величайшая трагедія прежде всего для самого Государя-Мученика, для всѣхъ честно и преданно Ему служившихъ и вообще для всей Россіи заключается именно въ томъ, что отказаться отъ борьбы съ возникшимъ въ Петроградѣ бунтомъ и «для блага Родины» принести Себя въ жертву, Государя принудили Его ближайшіе помощники, — лица, занимавшія въ Русской Императорской Арміи высшія командныя должности — доказывая «невозможность при создавшейся роковой обстановкѣ принять какое либо иное рѣшеніе . . . »

О томъ, какъ неправда о Конвоѣ въ Зарубежной печати не только повторяется, но и создается вновь, служитъ слѣдующій примѣръ:

Въ извѣстномъ журналѣ «Часовой» («Органъ связи Россійскаго Національнаго Движенія») въ 1934 году былъ помѣщенъ отзывъ о книгѣ В. В. Свѣчина — «Свѣтлой Памяти Императора Великомученика НИКОЛАЯ II».

Въ этой книгѣ авторъ, въ очеркѣ «Чудо» описываетъ появленіе банды Масловскаго въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ, когда у Дворца находились «часовые отъ революціонныхъ войскъ». — Рецензентъ журнала, на основаніи того, что «до окончательной корректуры» была допущена ошибка (какъ впослѣдствіи объяснялъ самъ редакторъ журнала), измѣнившая совершенно смыслъ того, что пишетъ въ своей книгѣ В. В. Свѣчинъ, позволилъ себѣ къ этой ошибкѣ присоединить и свое собственное заключеніе, создавъ новую, имъ самимъ вымышленную клевету на Конвой.

Какъ это ни странно, этотъ пасквиль все же былъ допущенъ редакціей въ своемъ журналѣ. — Появленіе этого пасквиля въ журналѣ, считавшимся близко связаннымъ съ Русскими Воинскими Организаціями, было настолько непристойно, что командовавшій въ то время Дивизіономъ Конвоя полковникъ К. Ф. Зерщиковъ (19-го января) въ письменной формѣ отправилъ самому редактору журнала «Часовой» свое офиціальное заявленіе.

Въ отвѣтъ на заявленіе командира Дивизіона, редакція журнала въ № 120 (стр. 29) отъ 1-го февраля 1934 года, помѣстила свое «разъясненіе»:

«О Собственномъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоѣ»
(Разъясненіе редакціи)

«Въ № 116—117 «Часового» былъ помѣщенъ отзывъ о недавно вышедшей книгѣ В. В. Свѣчина — **«Свѣтлой Памяти Императора Великомученика НИКОЛАЯ II».**

«На страницѣ 21-ой книжки, въ очеркѣ «Чудо» помѣщены слѣдующія строки: — **«Дремлетъ стража у дворцовыхъ воротъ, утратившіе солдатскій видъ часовые отъ «революціонныхъ войскъ». — Они не охраняютъ покой и безопасность тѣхъ, кто почиваетъ во дворцѣ, какъ охраняли своего Державнаго Шефа и Его Семью лихіе красавцы-казаки Конвоя и солдаты Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА пѣх. полка — эти лучшіе изъ лучшихъ Императорской Гвардіи и Арміи».**

«Нѣтъ! — Измѣнивъ присягѣ, они обратились въ тюремщиковъ и стерегутъ царственнаго узника отъ возможныхъ попытокъ его освобожденія . . . »

«По роковой случайности намъ попался экземпляръ книжки (какъ провѣрено, вѣроятно **единственный)**, въ которомъ, благодаря капризу типографской машины, (очевидно, экземпляръ, напечатанный **первымъ**, до окончательной корректуры), — выпали строчки: **«часовые отъ «революціонныхъ войскъ». — Они не охраняютъ покой и безопасность тѣхъ, кто почиваетъ во дворцѣ, какъ охраняли своего Державнаго** . . . », что совершенно измѣнило смыслъ фразы и дало рецензенту право думать о томъ, что тюремщиками явились казаки Конвоя и Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА пѣх. полкъ». — «Редакція приноситъ свои извиненія автору книги, глубоко уважаемому В. В. Свѣчину и чинамъ указанныхъ частей, на которыя легло тяжелое и совершенно несправедливое обвиненіе».

«Нашъ рецензентъ присоединилъ къ вышеприведенной фразѣ свое собственное заключеніе» . . .

«По поводу этого мы получили изъ г. Белище (Югославія) письмо отъ 19-I отъ полковника **Зерщикова**, въ прошломъ офицера Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, а нынѣ Командира Дивизіона: — «Не ссылаясь ни на какіе законы о печати» полковникъ Зерщиковъ обращается къ намъ со слѣдующими разъясненіями:

. . . «Никогда «тюремщиками» Государя Императора и Его Семьи ни Конвойцы, ни чины Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА пѣх. полка не были!

До послѣднихъ минутъ службы ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВАМЪ они оставались Ихъ преданной охраной, что и представлялось особенно безпокойнымъ Временному Правительству и революціонному Царскосельскому гарнизону, и что вызвало распоряженіе Вр. Правительства о смѣнѣ этихъ частей частями упомянутаго гарнизона.

Смѣна эта («Началось съ увода преданныхъ частей Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка и Конвоя, за всѣ послѣдніе дни выказавшихъ, особенно Конвой, много душевной чуткости и деликатности», такъ пишетъ объ этой смѣнѣ въ своемъ дневникѣ свидѣтель и участникъ событій въ Александровскомъ Дворцѣ графъ П. Н. Апраксинъ) была произведена 8-го марта около 4-хъ часовъ дня. Государь Императоръ въ Александровскій Дворецъ прибылъ 9-го марта въ 11 часовъ 45 минутъ дня!

Банда Масловскаго явилась во Дворецъ не въ ночь на 8-е марта, а въ 7-мъ часу вечера 9-го марта, въ день прибытія Государя . . . »

(Даты по дневнику графа П. Н. Апраксина и по собственнымъ запискамъ).

Прибытіе банды Масловскаго въ Александровскій Дворецъ подробно описываетъ свидѣтель этого событія, Личный Секретарь ЕЯ

ВЕЛИЧЕСТВА графъ Апраксинъ въ своей статьѣ — **«9-го марта 1917 года въ Царскосельскомъ Дворцѣ».** («Новое Время». 17 марта 1922 г. № 268.)

«...Въ 6 часовъ 40 минутъ вечера въ караулѣ произошелъ переполохъ. — Передъ запертыми дворцовыми воротами остановилось нѣсколько автомобилей, изъ нихъ вышли вооруженные солдаты, во главѣ съ офицеромъ въ полковничьихъ погонахъ. Онъ назвался полковникомъ Масловскимъ, делегатомъ отъ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Пріѣхалъ онъ якобы для того, чтобы самолично удостовѣриться въ присутствіи Государя въ Царскомъ.

Никакого полномочія отъ Царскосельскаго коменданта у него не было, но онъ грозилъ, что съ нимъ пріѣхали и на вокзалѣ ожидаютъ результата его миссіи нѣсколько броневиковъ съ сотнею солдатъ.

«Я пришелъ на скандалъ, когда Масловскій и его нѣсколько товарищей уже находились въ передней Дворца и порывались пройти во внутренній коридоръ, куда выходили двери изъ жилыхъ комнатъ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ. — Это ему, наконецъ, удалось, но въ самомъ началѣ коридора онъ былъ остановленъ караульными офицерами. Шла перебранка!

Возбужденные до-нельзя прапорщики Царскосельскаго караула возмущались, что совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ не вѣритъ въ ихъ революціонность, и не довѣряетъ имъ вполнѣ.

Масловскій, имѣвшій видъ ненормальнаго человѣка, махалъ ордеромъ совѣта, подписаннымъ однимъ изъ виднѣйшихъ членовъ совѣта. Въ ордерѣ глухо говорилось о какомъ-то порученіи чрезвычайной важности. Среди спора выяснилось, что у Масловскаго чуть-ли не порученіе арестовать Государя и увезти Его въ Петроградъ.

Я спрашиваю его: «скажите же намъ, кто является для насъ начальствомъ. И чьи распоряженія мы должны исполнять?» — Прапорщикъ изъ караула, не давая отвѣчать Масловскому, перебиваетъ меня и, демонстративно возвышая голосъ, почти кричитъ: — у насъ одно начальство — Временное Правительство!...

Наконецъ, пререканія окончились соглашеніемъ: уговорились, что Государь покажется Масловскому, а послѣдній съ тѣмъ и уѣдетъ въ Петроградъ. — Надо было получить еще согласіе на это Государя, такъ какъ въ комнаты Масловскаго караульные впустить не хотѣли, опасаясь террористическаго акта, и предполагалось, что Государь выйдетъ въ концѣ коридора изъ гостиной Императрицы и пройдетъ въ противоположную дверь въ свой кабинетъ.

Я очень опасался, что Государь откажется показывать Себя при такихъ условіяхъ, но князь Долгоруковъ, который отправился доложить обо всемъ, вернулся и объявилъ, что Государь согласился очень охотно. — «Пусть смотритъ, если ему этого хочется»...

И вотъ черезъ нѣсколько минутъ въ концѣ ярко освѣщеннаго коридора показался Государь, остановился на секунду, повернулъ

голову, посмотрѣлъ на насъ и прошелъ въ кабинетъ. — Масловскій, очень сконфуженный, пробормоталъ нѣсколько словъ и поспѣшилъ ретироваться.

Да и было пора, такъ какъ среди караула новое униженіе Царя вызвало сильную реакцію. Двое прапорщиковъ сказали мнѣ тутъ же вслухъ при всѣхъ, что они смотрѣли все время не на Государя, а на Масловскаго, готовые прикончить его тутъ же, при малѣйшемъ движеніи съ его стороны . . . »

Свидѣтельство Личнаго Секретаря ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, что въ Александровскомъ Дворцѣ 9-го марта находились «прапорщики изъ караула Царскосельскаго гарнизона», категорически опровергаетъ ложное заявленіе сотрудника журнала «Часовой» о томъ, что во время появленія во Дворцѣ банды Масловскаго караулъ состоялъ изъ казаковъ Конвоя и солдатъ Своднаго Пѣхотнаго полка, «превратившихся въ тюремщиковъ» . . .

Командиръ Дивизіона полковникъ Зерщиковъ во второй части своего офиціальнаго заявленія редактору журнала «Часовой» сообщаетъ краткія свѣдѣнія о службѣ Конвоя въ дни революціи, подтверждая это историческими фактами, объ участіи его въ борбѣ съ красными на Югѣ Россіи, когда Конвой — «смѣнилъ не разъ полный составъ Дивизіона, по сей день сохранилъ нашу родную Часть крѣпкимъ наличнымъ кадромъ и, по мѣрѣ силъ, подготовилъ его для новой службы Родинѣ».

Редакція журнала «Часовой» свое «разъясненіе» по поводу клеветы на Конвой, помѣщенной въ № 116—117 (1934 г.) журнала заканчиваетъ слѣдующими словами: . . . «Редакція крайне сожалѣетъ, что она, противъ своей воли, нанесла обиду б. чинамъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, дѣйствительно доблестно участвовавшимъ въ Добровольческой Арміи и сохранившимъ за рубежомъ одну изъ нашихъ лучшихъ воинскихъ частей. Объ ихъ работѣ въ Югославіи мы писали много разъ, и даже посвятили ей спеціальный номеръ «Часового» (№ 90) . . . »

«Принося искреннія извиненія полковнику Зерщикову и г. г. офицерамъ Дивизіона», редакція журнала сообщила, что она — «съ готовностью предоставила свои страницы офицерамъ Конвоя для выясненія исторической правды» . . .

Полковникъ Зерщиковъ воспользовался этимъ любезнымъ предложеніемъ редакціи. Въ 1953 году, въ томъ же журналѣ (№ 327 стр. 16—17.) была помѣщена статья «Основатель Добровольческой Арміи», въ которой сказано: « . . . Въ Царскомъ Селѣ генералъ Ивановъ, прибывъ во Дворецъ къ Государынѣ, установилъ, что Царская Семья надежно охраняется и, получивъ позже сообщеніе, что къ станціи съ артиллеріей и пулеметчиками движется батальонъ сводно-гвардейскаго полка, рѣшилъ вывести своихъ георгіевцевъ на ст. Вырицу, т. е. отойти нѣсколько южнѣе, съ цѣлью избѣжать столкновенія . . . »

Если «сводно-гвардейскимъ полкомъ» названъ Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Сводный Пѣхотный полкъ, то свѣдѣніе о выступленіи батальона этого полка противъ георгіевцевъ (для чего будто бы этотъ батальонъ совершилъ движеніе съ артиллеріей и пулеметами на станцію Царское Село) не вѣрно! — Исполняя свой долгъ охраны Царской Семьи, батальонъ Своднаго Пѣхотнаго полка исправно, какъ всегда, несъ службу въ Александровскомъ Дворцѣ и изъ раіона охраны Дворца никуда не выступалъ, тѣмъ болѣе противъ тѣхъ, кто прибылъ въ Царское Село для усмиренія взбунтовавшихся солдатъ запасныхъ батальоновъ.

Въ этой же статьѣ имѣются и слѣдующія строки: « . . . 1. 3. около 16 ч. произошло демонстративное присоединеніе къ Г. Думѣ Гвардейскаго Экипажа, отъ имени котораго направленъ былъ призывъ къ начальникамъ Царскосельскаго гарнизона сдѣлать то же самое, послѣ чего дворцовая полиція, Собственный Е. В. Конвой, Собственный Е. В. полкъ и Собств. Е. В. ж. дор. полкъ, перешли на сторону новой власти . . . »[51])

О томъ, какъ несъ свою службу Дворцовый гарнизонъ, въ который указанныя воинскія части входили, изложено въ предыдущей главѣ.

Странная версія, что **«отъ имени Гвардейскаго Экипажа** былъ направленъ **призывъ** къ начальникамъ Царскосельскаго гарнизона» — **«сдѣлать то же самое»** — т. е. совершить «демонстративное присоединеніе къ Государственной Думѣ» — результатъ всѣхъ сенсаціонныхъ, къ сожалѣнію, укоренившихся слуховъ, связанныхъ съ именемъ Командира Гвардейскаго Экипажа. (С. Мельгуновъ. «Приказъ № 1. «Возрожденіе». Сентябрь-октябрь. 1951 г. Стр. 131.)

Командиру Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Своднаго Пѣхотнаго полка генералу Ресину, того же полка полковнику Лазареву и командующему дивизіономъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя есаулу Свидину **никакого «призыва отъ имени Гвардейскаго Экипажа» не было и не могло быть.** — Если допустить, что существовалъ этотъ «призывъ», то призывать «къ демонстративному присоединенію къ Г. Думѣ» части гарнизона Александровскаго Дворца могли бы только лишь матросы, но они тогда, конечно, не призывали бы «начальниковъ», т. е. генерала Ресина, полковника Лазарева и есаула Свидина, **а обратились бы непосредственно** къ солдатамъ Своднаго Пѣхотнаго полка и казакамъ Конвоя.

О томъ, что призывъ къ какимъ либо демонстраціямъ не могъ послѣдовать со стороны лицъ команднаго состава Гвардейскаго Экипажа, подчеркивать, разумѣется, не приходиться!

Былъ не «призывъ», а вызовъ въ Петроградъ, и этотъ вызовъ относился **только** къ чинамъ батальона Гвардейскаго Экипажа. Этотъ

---

[51]) Авторомъ статьи Дворцовый гарнизонъ ошибочно названъ «Царскосельскимъ», составу котораго онъ не принадлежалъ.

вызовъ произвелъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ чиновъ частей, охранявшихъ Александровскій Дворецъ и, прежде всего, на г. т. офицеровъ Гвардейскаго Экипажа.

Фактически 1-го марта въ Таврическій дворецъ явился урядникъ Сторчакъ со своей небольшой группою, состоящей изъ солдатъ нестроевой команды и казаковъ, не постояннаго состава Конвоя, а петроградской команды формировавшейся новой сотни, главнымъ образомъ, изъ казаковъ георгіевскихъ кавалеровъ армейскихъ полковъ.

Урядникъ Сторчакъ не являлся «представителемъ» дивизіона Конвоя, находившагося въ Царскомъ Селѣ и несшаго службу въ Александровскомъ Дворцѣ. Въ Государственную Думу никто урядника Сторчака не посылалъ и на прибытіе туда его не уполномачивалъ. Прибылъ онъ въ Думу къ есаулу Караулову по собственной иниціативѣ. Цѣль его прибытія и его поведеніе подробно описаны въ главѣ восьмой.

Появленіе **петроградской группы** Сторчака въ Государственной Думѣ не является «переходомъ на сторону новой власти» **Царскосельскаго дивизіона Конвоя,** входившаго въ составъ Дворцоваго гарнизона.

Именно въ этотъ день, т. е. 1-го марта, этой «новой власти» въ лицѣ, прибывшихъ въ Царское Село членовъ Государственной Думы, Демидова и Степанова, генералъ фонъ Гротенъ заявилъ, что гарнизонъ Дворца исполнитъ свой долгъ и отобьетъ нападеніе на Дворецъ! — Совершенно естественно, генералъ Гротенъ этого заявленія не могъ бы сдѣлать, если бы подчиненныя ему воинскія части Дворцоваго гарнизона «демонстративно перешли на сторону новой власти» ...

Того же 1-го марта отъ частей Дворцоваго гарнизона дѣйствительно **были посланы представители, но не къ «новой власти», а къ Государю Императору!** По повелѣнію ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА съ личными письмами Государыни были командированы хорунжій Грамотинъ — отъ Конвоя и поручикъ Соловьевъ — отъ Своднаго Пѣхотнаго полка. Этихъ представителей Дворцоваго гарнизона Генералъ-Квартирмейстеръ Штаба Сѣвернаго фронта генералъ Болдыревъ называетъ въ своемъ дневникѣ — **«представителями стараго порядка».** (С. Мельгуновъ. «Опытъ историческаго анализа». Тетрадь 10-я, стр. 135. Журналъ «Возрожденіе».)

Генералъ Спиридовичъ («Великая Война и февральская революція». Т. III. Стр. 207—208.) указывая на то, что **1-го марта** къ Государственной Думѣ «подходили запасные батальоны Гвардейскихъ полковъ, при нихъ много офицеровъ», пишетъ и о группѣ урядника Сторчака: **«... явилась команда Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ нестроевыхъ чиновъ. При ней не было ни одного офицера».**

Третій томъ воспоминаній генерала Спиридовича вышелъ изъ печати, когда глава девятая настоящей книги была закончена, но изъ за непредвиденныхъ осложненій съ изданіемъ, въ 1961 году въ печать не поступила, что дало возможность къ этой главѣ добавить слѣдующее:

Генералъ Спиридовичъ былъ хорошо извѣстенъ всѣмъ офицерамъ Конвоя. Нѣтъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что если бы онъ былъ живъ, то тѣ свѣдѣнія о Конвоѣ, которыя онъ помѣстилъ въ своей книгѣ, были бы лично имъ самимъ дополнены и измѣнены, тѣмъ болѣе, что это исправленіе выступаетъ само собою изъ его же противорѣчивыхъ свѣдѣній:

1. Стр. 295. — «... Государь **видимо** (подчеркнуто Н. Г.) былъ очень задѣтъ свѣдѣніями о Своемъ Конвоѣ, о приходѣ въ Государственную Думу Его Конвоя». Генералъ Спиридовичъ пишетъ, «видимо» ссылаясь на слова принимавшаго участіе въ отреченіи отъ Престола Государя Императора генерала Савича, который **«зналъ», что именно «думалъ» и чѣмъ былъ «очень задѣтъ» Государь въ тотъ роковой часъ, когда къ Нему прибылъ Его генералъ-адъютантъ — Главнокомандующій фронтомъ и два генерала его помощника и... дерзнули «просить» Государя Императора принести Себя въ жертву и отказаться отъ Верховной Власти!...**

2. Стр. 208. — Однако самъ генералъ Спиридовичъ указываетъ: **«Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА до отреченія Государя честно несъ свою службу Государю».**

3. Стр. 289. — Генералъ Спиридовичъ повторяетъ неправду о Конвоѣ — сообщеніе генерала Клембовскаго, переданное въ Псковъ генералу Болдыреву («о прибытіи Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА въ полномъ составѣ въ Государственную Думу») **и самъ же лично эту неправду опровергаетъ!**

4. Стр. 207—208. — Говоря о подходѣ къ Государственной Думѣ запасныхъ батальоновъ и другихъ воинскихъ частей, при нихъ много офицеровъ, словами: **«явилась команда Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ нестроевыхъ чиновъ. При ней не было ни одного офицера» — подчеркиваетъ тотъ фактъ, что свѣдѣніе «о прибытіи полнаго состава Конвоя въ Государственную Думу» — было ложно!**

5. Стр. 308. Генералъ Спиридовичъ пишетъ, что въ Псковѣ Гучковъ сказалъ Государю о томъ, что «въ Думу прибыла делегація Дворцоваго гарнизона, которая просила выдать ей документы, съ удостовѣреніемъ, что они находятся на сторонѣ движенія»...

6. Стр. 200. — Но самъ эту «делегацію» называетъ парламентерами, «которыхъ въ цѣляхъ безопасности Царской Семьи, **начальство** рѣшило послать въ Думу». Парламентеровъ, «посланныхъ лицами, отвѣтственными за охрану Царской Семьи просили продолжать охрану порученныхъ лицъ и имущества», **выдавъ имъ «удостовѣреніе» въ томъ, что они охраняютъ Александровскій Дворецъ и Лицъ, въ немъ находившихся.**

7. Стр. 219. — Парламентеры съ своей стороны заявили — «мы умремъ какъ одинъ за Царскую Семью! Мы не будемъ дѣйствовать противъ гарнизона, но и они не должны выступать противъ насъ. Мы исполняемъ порученіе Государственной Думы». — «Такое разъясненіе вопроса, внесло успокоеніе»...

Генералъ Спиридовичъ въ своемъ описанiи того, что говорилъ Государю въ Псковѣ Гучковъ, долженъ былъ бы самъ указать, что сдѣланное Гучковымъ Государю сообщенiе о Дворцовомъ гарнизонѣ — очевидная провокацiя той цѣли, ради которой «лица, отвѣтственныя за безопасность Царской Семьи», рѣшили отъ Дворцоваго гарнизона послать въ Думу парламентеровъ, ибо — «удостовѣренiе», что Дворцовый гарнизонъ продолжаетъ нести свою службу охраны Дворца — одно! А «документъ» — «о нахожденiи на сторонѣ движенiя» — другое! . .

Ни генералъ Спиридовичъ, (кстати арестованный въ тотъ же день, когда представители Временнаго Комитета Государственной Думы прибыли въ Псковъ), ни одинъ изъ авторовъ книгъ, изданныхъ въ зарубежьи, описывая прiемъ Государемъ Гучкова и Шульгина, не могли точно знать всѣхъ подробностей разговора Государя съ прiѣхавшими делегатами Временнаго Комитета Государственной Думы. Даже сами Гучковъ и Шульгинъ въ своихъ послѣдующихъ показанiяхъ въ нѣкоторыхъ подробностяхъ были не точны, на что опредѣленно указываетъ Личный Секретарь ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Государыни Императрицы графъ П. Апраксинъ въ своемъ дневникѣ («9-го марта 1917 года въ Царскосельскомъ Дворцѣ» — «Новое Время» № 268. 1922 г.)

Въ описанiи прибытiя Государя Императора въ Царское Село, у графа П. Апраксина имѣются слѣдующiе строки: « . . . За завтракомъ и послѣ него князь Долгоруковъ разсказывалъ намъ подробности, связанныя съ отреченiемъ. Онъ и начальникъ военно-походной канцелярiи генералъ Нарышкинъ присутствовали все время при разговорѣ Гучкова и Шульгина съ Государемъ и записали весь разговоръ со стенографической точностью. **Запись эта въ нѣкоторыхъ подробностяхъ различествуетъ съ помѣщенными въ газетахъ разсказами Гучкова и Шульгина, и представляетъ собой документъ громадной исторической важности» . . .**

Говоря о «парламентерахъ», якобы «посланныхъ лицами, отвѣтственными за охрану Царской Семьи, въ Государственную Думу въ ночь на 1-е марта», генералъ Спиридовичъ ночь на 1-е и день 1-го марта описываетъ другими словами.

8. Стр. 199. — « . . . Вечеромъ (28 фев.) около 8 часовъ солдаты различныхъ частей Царскосельскаго гарнизона высыпали на улицу съ ружьями. Музыка играла марсельезу. Кричали ура, стрѣляли въ воздухъ. Начался военный бунтъ! **Но ко Дворцу, при первомъ слухѣ о бунтѣ, были уже вызваны по тревогѣ: Собственный полкъ, Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, рота Желѣзнодорожнаго полка и батарея воздушной обороны.**

Отрядъ былъ выстроенъ въ оградѣ Дворца. Отрядъ, которымъ командовалъ ген. Гротенъ, былъ готовъ къ какому угодно нападенiю. Настроенiе солдатъ и офицеровъ было великолѣпное! А шумѣвшiя

толпы то приближались къ Дворцу, то удалялись, не смѣя начать нападенiе. Вдали слышалась безпорядочная стрѣльба . . . »

9. Стр. 200. — « . . . Военное начальство Дворца, понимая, что всякое столкновенiе сторонъ опасно для жизни Царской Семьи, вошло въ переговоры съ мятежниками. Мятежники заявили, что если войска охраны начнутъ стрѣлять, они тяжелой артиллерiей разнесутъ Дворецъ. Мятежникамъ отвѣчено, что войска охраны первыми не начнутъ стрѣлять, **но если гарнизонъ попытается сдѣлать нападенiе — онъ получитъ рѣшительный отпоръ.** Изъ гарнизона предложили, чтобы Дворцовая охрана отправила въ Гос. Думу парламентеровъ, а до ихъ возвращенiя установить нейтральную зону. Въ цѣляхъ безопасности Царской Семьи, начальство рѣшило послать делегатовъ-парламентеровъ въ Думу».

«Царица волновалась за болѣзнь Дѣтей и за Ихъ безопасность отъ столкновенiя сторонъ. Царица упрашивала предупредить столкновенiе». «Отъѣздъ делегатовъ подѣйствовалъ на бунтовщиковъ успокоительно . . . »

Съ соизволенiя ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, «парламентеры» дѣйствительно были отправлены, но не въ Думу, а къ взбунтовавшемуся Царскосельскому гарнизону, послѣ чего была установлена нейтральная зона, раздѣлявшая раiонъ охраны Александровскаго Дворца отъ раiона города Царское Село, занятаго его гарнизономъ. («Творимыя легенды». Показанiе придворнаго скорохода Оамаръ. С. Мельгуновъ. Т. 10. Стр. 136—139.)

10. Стр. 201. — Въ описанiи «Ночного Выхода» Государыни Императрицы къ войскамъ, прибывшимъ во Дворецъ по тревогѣ (ночь на 1-е марта), у генерала Спиридовича говорится: «Часовъ около трехъ ночи тревога улеглась» — «Вокругъ Дворцовой ограды, какъ обычно, разъѣзжаютъ казаки Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА».

11. Стр. 219. — О днѣ 1-го марта пишетъ: «Когда депутаты Государственной Думы Демидовъ и Степановъ объѣхали всѣ казармы гарнизона Царскаго Села, и «подчиненiе Государственной Думѣ было и заявлено и принято», — «генералъ Гротенъ съѣздилъ къ депутатамъ въ ратушу. Просилъ ихъ содѣйствiя, чтобы гарнизонъ не нападалъ, т. к. въ противномъ случаѣ, охрана выполнитъ свой долгъ до конца и произойдетъ кровопролитiе» . . . «Государыня же умоляетъ не доводить до него! . . . »

12. Стр. 274. — « . . . 2-го марта въ Царскомъ Селѣ шелъ грабежъ. Грабили винные магазины. Разнузданныя банды солдатъ бродили по городу . . . » Къ этому же генералъ Спиридовичъ добавляетъ: **«Но между городомъ и Дворцомъ была установлена нейтральная зона, и банды и толпа за нее не переступали . . . »**

13. Стр. 276. — Помѣщаетъ въ своей книгѣ сообщенiе генераловъ Клембовскаго и Лукомскаго: «Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ . . . », и замѣчаетъ: **«Свѣдѣнiя о занятiи Дворца войсками были совершенно не вѣрны . . . »**

14. Стр. 276—290. — Онъ пишетъ: «Свѣдѣнія о Конвоѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА произвели въ штабѣ (Сѣвернаго фронта) большую сенсацію» **— И самъ же отмѣчаетъ: «Ставка или продолжала питаться лживыми свѣдѣніями, или застращивала Псковъ, дабы подтолкнуть Государя на отреченіе . . . »**

Такое же противорѣчіе у генерала Спиридовича и въ описаніи бунта солдатъ запасныхъ батальоновъ Гвардейскихъ частей. — Всѣ славные полки Гвардіи были на фронтѣ, и никакого участія въ бунтѣ петроградскаго гарнизона не принимали. На фронтѣ же находились почти всѣ не раненые (или прибывшіе изъ госпиталей, послѣ раненія) кадровые офицеры этихъ полковъ. Но генералъ Спиридовичъ (на стр. 208) пишетъ: — «Подходили (къ Думѣ) запасные батальоны гвардейскихъ полковъ. **При нихъ много офицеровъ. Забытъ девизъ Андреевской звѣзды «за Вѣру и Вѣрность . . . »**

Кромѣ этого незаслуженнаго обвиненія доблестнымъ офицерамъ Гвардіи, словами: «бунтъ въ **Павловскомъ полку», — «Кексгольмцы** были деморализованы», **— «Преображенцы** признали власть Комитета Госуд. Думы», наносится обвиненіе уже не запаснымъ батальонамъ, а самимъ историческимъ полкамъ Гвардіи. Къ этому (стр. 146—147) онъ пишетъ: « . . . Въ то время, какъ Родзянко «думалъ» измѣнять или не измѣнять Государю, изъ казармъ запаснаго батальона Преображенскаго полка офицеръ «Н» протелефонировалъ, что офицеры и солдаты батальона предоставили себя въ распоряженіе Гос. Думы» . . . «огромное впечатлѣніе произвело на всѣхъ, а на Родзянко въ особенности, полученное заявленіе, **хотя онъ и зналъ, что это лишь жонглированіе именемъ славнаго полка! Л.-Гв. Преображенскій полкъ находился на фронтѣ. Въ Петроградѣ былъ лишь его запасный батальонъ!»**

И послѣ этихъ словъ о жонглированіи именемъ старѣйшаго полка Императорской Гвардіи, совершенно неожиданное заключеніе: «Столь пламенно проявленный порывъ къ «свободѣ» Преображенцевъ явился исключеніемъ . . . »

Кромѣ этихъ приведенныхъ противорѣчій, къ глубокому сожалѣнію, генералъ Спиридовичъ, на основаніи чудовищныхъ, дошедшихъ до него слуховъ, помѣстилъ въ свою книгу нелѣпую фантазію о томъ, что нѣкоторые офицеры Собственныхъ частей будто бы были «участниками» такъ называемаго «дворцоваго переворота». Что «были извѣстны фамиліи ихъ». Почему эти фамиліи не были объявлены?! . . . Генералъ Спиридовичъ объясняетъ такъ: «это сочли за очередную сплетню и дѣло было прекращено» . . . И съ горечью надо добавить — эта глупая сплетня все же была помѣщена въ книгѣ генерала Спиридовича. — О томъ, что кѣмъ то подготовлялся «дворцовый переворотъ» офицеры Собственныхъ частей не имѣли никакого представленія. О существованіи его они впервые услышали только послѣ отреченія Государя Императора, а впослѣдствіи изъ книги генерала Данилова «Великій Князь Николай Николаевичъ»

(Стр. 314—318.) узнали о томъ, какъ предполагали дѣйствительные заговорщики его осуществить.

Помѣщена въ книгѣ генерала Спиридовича и другая, неизвѣстнымъ «очевидцемъ» выдуманная, фантазія, что будто бы въ Государственной Думѣ, у собранныхъ тамъ продуктовъ стояли «какъ бы для декораціи» «два конвойца въ красныхъ мундирахъ». (Стр. 208).

Кому какъ не генералу Спиридовичу, помѣстившему въ свою книгу подобную нелѣпость, было хорошо извѣстно, что съ конца 1915 года конвойцы не носили форму, присвоенную имъ въ мирное время, а черкески изъ сукна защитнаго цвѣта.

На основаніи такихъ же невѣрныхъ слуховъ (какъ и о двухъ конвойцахъ, якобы бывшихъ въ Думѣ у сложенныхъ продуктовъ «въ алыхъ парадныхъ мундирахъ») генералъ Спиридовичъ пишетъ о томъ, что на Знаменской площади пристава Крылова «убилъ шашкой казакъ изъ наряда» (стр. 95).

Офицеръ 1-го Донского казачьяго полка (отъ 2-й сотни котораго былъ нарядъ) — С. Артемовъ, свидѣтель происшедшаго убійства пристава Крылова на Знаменской площади 25-го февраля 1917 года, утверждаетъ, что приставъ былъ убитъ изъ револьвера.

Выстрѣлъ былъ произведенъ неизвѣстнымъ лицомъ, стрѣлявшимъ изъ толпы, стоявшей непосредственно за казачьимъ патрулемъ. Командиръ сотни сотникъ Д. Артемовъ (родной братъ свидѣтеля, служившаго съ нимъ въ одномъ полку) и всѣ казаки патруля, на которыхъ пало подозрѣніе въ убійствѣ пристава, были арестованы и доставлены въ Комендантское Управленіе. Послѣ медицинскаго осмотра трупа пристава Крылова было установлено, что онъ убитъ револьверной пулей, — казаки же патруля револьверами не были вооружены. Казаки были освобождены, а командиръ сотни сотникъ Артемовъ былъ преданъ суду «за нераспорядительность на Знаменской площади». («Родимый Край» № 22. Стр. 24, 25. А. Падалкинъ.)

Эти подробности приводятся только для того, чтобы отмѣтить, что въ книгѣ генерала Спиридовича (несмотря на то, что онъ въ описаніи нѣкоторыхъ событій указываетъ не только часы, но и минуты) имѣются большія неточности, на основаніи полученныхъ, но лично имъ не провѣренныхъ свѣдѣній. — При общемъ нервномъ возбужденіи въ дни революціоннаго хаоса было создано много всякихъ вздорныхъ слуховъ и легендъ. Жаль, что они нашли извѣстное отраженіе въ трудѣ такого человѣка, какъ покойный генералъ Спиридовичъ.

Нѣкоторыя лица, описывая дни февраля и марта 1917 года, часто пользуются записями «придворнаго исторіографа» генерала Дубенскаго. Какъ на таковогo ссылается на него и генералъ Спиридовичъ, но въ тоже время пишетъ (стр. 67), что генералъ Дубенскій иногда «говорилъ не совсѣмъ ладныя вещи» — («на то онъ журналистъ»!).

Насколько свѣдѣнія генерала Дубенскаго не всегда были точны, указываетъ болѣе чѣмъ странная запись его дневника (15—22 янва-

ря) — «Въ Царское Село командированъ Гвардейскій Экипажъ, **такъ какъ Сводный полкъ не очень надеженъ . . .»**

Это утвержденіе «исторіографа» о «ненадежности» Своднаго Пѣхотнаго полка и его запись въ дневникѣ не отвѣчаютъ исторической правдѣ:

1. Входившія въ составъ Дворцоваго гарнизона роты батальона Гвардейскаго Экипажа, по вызову, ушли въ Петроградъ до отреченія Государя Императора отъ Престола.

2. **Батальонъ, по записямъ генерала Дубенскаго «не очень надежнаго» Своднаго Пѣхотнаго полка, честно и преданно несъ службу охраны Александровскаго Дворца и оставался на своемъ посту до тѣхъ поръ пока, распоряженіемъ Временнаго Правительства, совмѣстно съ дивизіономъ Конвоя не былъ удаленъ изъ Дворца.** Причемъ въ «Красномъ Архивѣ» сказано: «смѣна Дворцоваго гарнизона (8-го марта въ 16 часовъ) повидимому прошла не совсѣмъ гладко, т. к. отказались впустить ихъ (новую охрану) за рѣшетку Дворца, но Царица попросила къ себѣ полковника Лазарева и . . . пришлось преклониться передъ судьбою . . .»[52]) (Изъ книги С. Мельгунова: «Судьба Императора НИКОЛАЯ II послѣ отреченія»).

Тому, что не фактическое положеніе, а личное впечатлѣніе и настроеніе «исторіографа» генерала Дубенскаго вліяло на его свѣдѣнія, служитъ примѣромъ его собственная запись въ описаніи ночного поворота Литерныхъ поѣздовъ со станціи Малая Вишера на Псковъ.

Первая запись генерала Дубенскаго: « . . . Я убѣждалъ всѣхъ, написалъ даже письмо С. П. Феодорову доложить Воейкову и Государю, что въ виду создавшагося положенія надо ѣхать на Псковъ, гдѣ штабъ фронта. Псковъ старый губернскій городъ. Населеніе его не взволновано . . .» — «Отсюда, взявши войска, надо идти на Петроградъ и возстановить спокойствіе! . . .»

Эта запись генерала Дубенскаго за первое марта, прочитанная на засѣданіи «чрезвычайной слѣдственной комиссіи», въ которой онъ говоритъ о необходимости противодѣйствія революціи вооруженной силой, рѣзко пріобрѣтаетъ совершенно иной тонъ слѣдующими его же словами во второй его записи: — « . . . Все больше и больше опредѣляется, насколько **правильное было рѣшеніе ѣхать на Псковъ!**

«Всѣ признаютъ, что этотъ ночной поворотъ въ Вишерѣ есть историческая ночь въ дни нашей революціи. Для меня совершенно ясно, что вопросъ о конституціи оконченъ, она будетъ введена навѣрное. Царь и не думаетъ спорить и протестовать. Всѣ его приближенные за это . . . всѣ говорятъ, что надо только сговориться съ ними, съ членами Временнаго Правительства.

«Я, свидѣтель этихъ историческихъ событій, долженъ сказать по совѣсти, что даже попытокъ протеста не было . . .

---

[52]) Полковникъ Лазаревъ принялъ Сводный Пѣхотный полкъ отъ генерала Ресина, который замѣнилъ арестованнаго генерала фонъ Гротена, исполнявшаго должность Дворцоваго Коменданта.

«Старый Псковъ опять занесетъ на страницы своей исторіи великіе дни, когда пребывалъ здѣсь послѣдній Самодержецъ Николай II, и лишился своей власти, какъ самодержецъ! . . »

Такой рѣзкій контрастъ въ записяхъ генерала Дубенскаго С. Мельгуновъ оъясняетъ тѣмъ, что **съ измѣненіемъ обстановки мѣнялась и психологія «исторіографа».** («Возрожденіе». Іюль-августъ 1952 года. Стр. 152—155.)

Въ разныхъ историческихъ трудахъ, касающихся роковыхъ дней отреченія отъ Престола Государя Императора, многіе авторы невольно повторяютъ невѣрныя, не соотвѣтствующія фактической правдѣ, свѣдѣнія о службѣ и поведеніи чиновъ Конвоя и Своднаго Пѣхотнаго полка, ссылаясь на записи генерала Дубенскаго, **а главнымъ образомъ на содержаніе лентъ разговоровъ по прямому проводу высшихъ чиновъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго со штабами фронтовъ.**

Въ частности, въ книгѣ «Распни Его» генерала С. Позднышева на страницѣ 318 сказано: « . . . Рузскій началъ докладъ съ чтенія телеграммъ. Это были козырные тузы въ большой психологической игрѣ. Имъ владѣла основная мысль: побольше произвести впечатлѣнія, чтобы достигнуть поставленной цѣли». — «Свѣдѣнія были дѣйствительно убійственныя. Рузскій сообщилъ, что Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой перешелъ на сторону Думы, что Гвардейскій Экипажъ . . . и. т. д.»

На запросъ генералу С. Д. Позднышеву, на основаніи какихъ данныхъ имъ были помѣщены приведенныя строки о Конвоѣ, генералъ прислалъ выписку изъ офиціальныхъ документовъ — ленту разговора по прямому проводу Помощника Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генерала Клембовскаго съ Генералъ-Квартирмейстеромъ Штаба Сѣвернаго фронта генераломъ Болдыревымъ. Но самъ генералъ Позднышевъ заявилъ: «Опорачивать Собственный ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвой я, конечно, не имѣлъ никакого желанія, какъ не имѣлъ и права на это. Въ моей книгѣ я привелъ лишь то, что сказалъ Государю ген. Рузскій». — «Когда я писалъ мою книгу, я въ оцѣнку правдивости историческихъ документовъ не входилъ».

«Я текстуально привелъ ленту разговора ген. Клембовскаго съ ген. Болдыревымъ» . . . (Изъ письма ген. С. Д. Позднышева отъ 6-го марта 1961 года. № 505.)

Лента разговора Помощника Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго съ Генералъ-Квартирмейстеромъ Штаба Сѣвернаго фронта **дѣйствительно является историческимъ документомъ!**

Документомъ, подтверждающимъ, что неправда о Конвоѣ, порожденная революціей въ Петроградѣ, дошла до Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, и оттуда была передана въ штабы фронтовъ.

Полученныя въ Ставкѣ фантастическія вѣсти о Конвоѣ не только не были провѣрены, но **къ этой ложной вѣсти было присоединено такое же добавленіе о томъ, что Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ . . . Это невѣрное сообщеніе помѣщено въ такихъ**

же офиціальныхъ документахъ — лентахъ разговоровъ по прямому проводу, которые вели Помощникъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Клембовскій съ Главнокомандующимъ Западнымъ фронтомъ генераломъ Эвертомъ, и Генералъ-Квартирмейстеръ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Лукомскій съ Начальникомъ Штаба Сѣвернаго фронта генераломъ Даниловымъ.

1. Выписка изъ ленты разговора по прямому проводу генерала Лукомскаго съ генераломъ Даниловымъ: «...прошу доложить отъ меня генералу Рузскому, что **по моему глубокому убѣжденію выбора нѣтъ, и отреченіе должно состояться. Надо помнить, что вся Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ, ибо по полученнымъ свѣдѣніямъ Дворецъ въ Царскомъ Селѣ занятъ войсками, какъ объ этомъ вчера сообщалъ вамъ генералъ Клембовскій».**

«Если не согласиться, то вѣроятно произойдутъ дальнѣйшіе эксцессы, которые будутъ угрожать Царскимъ Дѣтямъ...»

2. Выписка изъ ленты разговора по прямому проводу генерала Клембовскаго съ генераломъ Эвертомъ: — «...Всѣмъ Главнокомандующимъ сообщено одно и то же. Время не терпитъ, дорога каждая минута, иного исхода нѣтъ. **Государь колеблется. Единогласное мнѣніе Главнокомандующихъ можетъ побудить Его принять рѣшеніе, единственное возможное, для спасенія Россіи и Династіи. При задержкѣ въ рѣшеніи вопроса Родзянко не ручается за сохраненіе спокойствія, причемъ все можетъ кончиться гибельной анархіей».**

«Надо имѣть въ виду, что Царскосельскій Дворецъ и Августѣйшая Семья охраняются возставшими войсками»...

Какъ Помощникъ Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Клембовскій, такъ и Генералъ-Квартирмейстеръ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ Лукомскій, **на основаніи ложной информаціи,** сообщили генералу Эверту и генералу Данилову неправду о положеніи въ Царскосельскомъ Дворцѣ.

Однако оба они своему сообщенію придавали исключительно важное значеніе, указывая на то, что «надо помнить» и «имѣть въ виду» то, что «Царскосельскій Дворецъ и Августѣйшая Семья охраняются возставшими войсками»!...

Сообщенія генераловъ Клембовскаго и Лукомскаго въ штабахъ Западнаго и Сѣвернаго фронтовъ были приняты до полудня **2-го марта.**

Документы эти — ленты разговоровъ по прямому проводу, свидѣтельствуютъ о томъ, что тѣ, кто считалъ, что «выбора нѣтъ и отреченіе должно состояться» сообщали не только невѣрныя свѣдѣния о положеніи въ Царскосельскомъ Дворцѣ, но и прибѣгали къ несуществующимъ угрозамъ: «если не согласиться, то вѣроятно произойдутъ дальнѣйшіе эксцессы, которые будутъ угрожать Царскимъ Дѣтямъ». А дабы эта угроза была дѣйствительна, предупреждали: «надо помнить, что вся Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ!».

Лучшимъ доказательствомъ опроверженія этой неправды служитъ содержаніе писемъ самой Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ. — 3-го марта, т. е. на другой день послѣ того, какъ Главнокомандующій Западнымъ фронтомъ генералъ Эвертъ и Начальникъ Штаба Сѣвернаго фронта генералъ Даниловъ получили сообщеніе о томъ, что «вся Царская Семья находится въ рукахъ мятежныхъ войскъ», Государыня Императрица писала Государю: « . . . Вечеромъ я съ Маріей дѣлаю свой обходъ по подваламъ, чтобы повидать всѣхъ нашихъ людей. Это очень ободряетъ . . . » (Изъ опубликованныхъ документовъ въ «Красномъ Архивѣ». Т. 10 «Возрожденіе». Стр. 140. 1950 годъ.)

Этотъ историческій документъ — письмо Государыни Императрицы, подтверждаетъ, **что 3-го марта** Государыню очень ободряло общеніе съ казаками Конвоя и солдатами Своднаго Пѣхотнаго полка, т. е. съ тѣми, кто по заявленію Гучкова Государю **2-го марта** въ Псковѣ — «перешли на сторону движенія», а по сообщеніямъ генераловъ Клембовскаго и Лукомскаго, сдѣланнымъ **также 2-го марта** генераламъ Эверту и Данилову — покинули Александровскій Дворецъ, т. к. «Царскосельскій Дворецъ и вся Царская Семья находятся въ рукахъ мятежныхъ войскъ».

Насколько сама Ставка была невѣрно информирована о томъ, что фактически происходило въ Царскомъ Селѣ, показываетъ яркое свидѣтельство лица изъ другой среды, совершенно уже враждебной. Это свидѣтельство — запись въ дневникѣ Гиппіусъ, **сдѣланная того же 2-го марта:**

«Демидовъ и Вася (Гиппіусъ была двоюродной сестрой Степанова) ѣздили въ Царское отъ Дум. Ком. — назначить «коменданта» для охраны Царской Семьи. Поговорили съ тамошнимъ комендантомъ и какъ-то неожиданно глупо вернулись вообще . . . » («Творимыя легенды», С. Мельгуновъ).

Однако, эта неправильная информація о положеніи въ Царскосельскомъ Александровскомъ Дворцѣ и о службѣ чиновъ его гарнизона соотвѣтствовала настроенію тѣхъ, кто съ легкостью воспринималъ только то, что было имъ желательно. Въ результатѣ чего генералъ Даниловъ, не имѣя никакихъ фактическихъ данныхъ о службѣ сотенъ Конвоя въ Царскомъ Селѣ, Могилевѣ и Кіевѣ, основываясь только лишь на однихъ непровѣренныхъ свѣдѣніяхъ, которыя были сообщены въ Штабъ Сѣвернаго фронта, въ своей книгѣ «Навстрѣчу крушенію», оклеветалъ всѣхъ офицеровъ и казаковъ Конвоя, назвавъ ихъ «измѣнниками», за «отпаденіе», лично генераломъ Даниловымъ Конвою приписываемое, но Конвоемъ не совершенное!

Ген. Даниловъ пишетъ, что Государь въ разговорѣ съ ген. Рузскимъ **«повидимому вспомнилъ** только что полученное сообщеніе относительно казаковъ Его Конвоя . . . » — То, что **«вспомнилъ»,** Государь, и что на Него повліяло при решеніи исполнить «просьбу» того

же генерала Данилова — принести Себя въ жертву, было извѣстно лишь Всемогущему Богу и самому Государю, но не генералу Данилову.

Офицерамъ же Конвоя извѣстно, что тѣхъ, кто былъ оклеветанъ генераломъ Даниловымъ и названъ «измѣнниками», Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, «отъ Себя и Дѣтей», благодарила за вѣрную службу и благословила каждаго въ отдѣльности. А Государь Императоръ, на выраженныя старшимъ офицеромъ полковникомъ Кирѣевымъ, отъ имени всѣхъ чиновъ Конвоя, вѣрноподданническія чувства и общее негодованіе провокаціоннымъ сообщеніемъ о Конвоѣ, изволилъ сказать: **«Вы должны быть спокойны и понять, что имъ** (творцамъ революціи) **такъ нужно . . . »** И этимъ же, по клеветническому опредѣленію генерала Данилова «измѣнникамъ», при вторичномъ съ ними прощаніи, повелѣлъ: **«Служите Родинѣ такъ же вѣрно, какъ служили Мнѣ! . . »**

Генералъ Даниловъ, обвинивъ въ вымышленной имъ измѣнѣ тѣхъ, кто до послѣдняго дня своей службы честно исполнилъ свой долгъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до отреченія Государя Императора отъ Престола самъ отрекся отъ Него, вслѣдствіе чего у генерала Данилова, по его же собственному признанію **«явилась мысль, что для доведенія страны до побѣднаго конца нужна другая власть, и можетъ быть — другой Вождь! . . . »** (Ген. Даниловъ. «Великій Князь Николай Николаевичъ». Стр. 300.)

Главные участники Государственнаго переворота въ мрачные дни начала трагедіи Россіи и ихъ послѣдователи творятъ свое каиново дѣло и за рубежомъ Россіи, продолжая клеветать не только на тѣхъ, кто былъ вѣренъ своему воинскому долгу, но даже кощунственно дерзаютъ хулить Священную Память Государя-Мученика.

Неправдоподобное и нелѣпое описаніе событій, происходившихъ въ февралѣ и мартѣ 1917 года, въ произведеніяхъ лицъ, всегда относившихся тенденціозно къ чуждой имъ военной средѣ — нормальное явленіе. Ихъ ненависть, огульная клевета и злоба ко всему, что связано съ Императорской Россіей, вызываетъ одно лишь къ нимъ отвращеніе.

Однако совершенно ненормально и необъяснимо явленіе, когда авторомъ, пишущимъ неправду, основанную на непровѣренныхъ лично имъ свѣдѣніяхъ является тотъ, кто и по своему воспитанію, и по соотвѣтствующей военной школѣ, по усвоеннымъ съ юныхъ лѣтъ понятіемъ о воинской этикѣ, допускаетъ возможность повторять клевету и порочить честь воинской части. — Аргентинскимъ Отдѣломъ Русскаго Обще-Воинскаго Союза въ 1957 году изданъ Сборникъ: «Начало Бѣлой борьбы и ея основоположникъ». Цѣль Сборника — «разсѣять распространяемую, въ связи съ именемъ генерала Алексѣева, неправду». Въ Сборникѣ помѣщена статья М. Бореля — «Ставка въ мятежные дни». Авторъ этой статьи заявляетъ о желаніи «придерживаться исторической правды, на основаніи собранныхъ въ теченіе многихъ лѣтъ документовъ».

Сдѣлавъ такое вступленіе къ своей статьѣ, М. Борель (Ст. 73) пишетъ: — « . . . Небезинтересно привести нѣсколько выдержекъ изъ книги ген. Данилова — «Навстрѣчу крушенію». — Первая часть приводимой выдержки — повтореніе ложнаго сообщенія о Конвоѣ, переданнаго въ штабъ Сѣвернаго фронта до полудня 2-го марта. Далѣе М. Борель цитируетъ личный пасквиль ген. Данилова на всѣхъ офицеровъ и казаковъ Конвоя: « . . . Почти всѣ лица этого конвоя были извѣстны Государю и всей его семьѣ по именамъ. Они ихъ всегда баловали всякими способами, и такимъ образомъ отпаденіе этой части войскъ, должно быть разсматриваемо, какъ особо неблагопріятный симптомъ . . . »

М.Борель обѣщанія своего «придерживаться исторической правды», — не выполнилъ, ибо помѣстилъ въ своей статьѣ такой «историческій документъ», какъ личную фантазію и клеветническое разсужденіе генерала Данилова, а слѣдовательно не только повторилъ пасквиль генерала Данилова, но и самъ принялъ участіе въ распространеніи его.

Если ген. Даниловъ, базируясь на полученныхъ имъ ложныхъ сообщеніяхъ о Конвоѣ, развилъ свою личную фантазію до желаемыхъ для него выводовъ, то неизвѣстно, съ какой цѣлью авторъ статьи «Ставка въ мятежные дни», нашелъ «небезинтереснымъ» это повторить, тѣмъ болѣе, что самъ совершенно справедливо замѣчаетъ: «можно, конечно, придумывать что угодно и развивать свою фантазію въ какомъ угодно направленіи». (Стр. 107.) М. Борель пишетъ: «авторы обвиненія въ своихъ воспоминаніяхъ и скороспѣлыхъ выводахъ базировались исключительно на личномъ опредѣленіи, безъ указанія документальныхъ данныхъ и дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто фактовъ». (Стр. 77). Но самъ онъ поступаетъ точно такъ же и безъ точно приведенныхъ фактовъ и документальныхъ данныхъ заявляетъ объ арестѣ офицеровъ даже въ такихъ частяхъ, какъ «Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА» и, «базируясь на личномъ опредѣленіи», указываетъ: « . . . все это происходитъ до отреченія Государя!» . . . (Стр. 65.)

Арестъ офицеровъ Конвоя — революціонная сказка! — Ни въ дни, описываемые М. Борелемъ, ни позже, никто изъ офицеровъ Конвоя не былъ арестованъ, а тѣмъ болѣе своими же казаками! Изъ всѣхъ 28 офицеровъ Конвоя, одинъ только помощникъ командира по хозяйственной части, полковникъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ, извѣстное время былъ въ Государственной Думѣ, какъ фиктивно «арестованный».

Въ то время самымъ удобнымъ лозунгомъ для агитаторовъ было возбужденіе толпы противъ носителей нѣмецкихъ фамилій. Это и было причиной того, что баронъ Унгернъ-Штернбергъ принялъ предложеніе члена Комитета Государственной Думы есаула Караулова прибыть лично къ нему въ Думу. Барона никто не арестовывалъ, и онъ отправился въ Думу добровольно, въ сопровожденіи казначея

Конвоя есаула Макухо. Вскорѣ полковникъ баронъ Унгернъ-Штернбергъ вернулся въ свою квартиру. Ни писаря канцеляріи Конвоя, ни казаки петроградской команды, ни даже солдаты нестроевой команды, въ отношеніи полковника барона Унгернъ-Штернберга, какъ и въ отношеніи двухъ другихъ, бывшихъ въ Петроградѣ, офицеровъ Конвоя, не позволили себѣ какихъ либо антидисциплинарныхъ поступковъ.

Казаки Конвоя не только во время пребыванія сотенъ Конвоя въ Царскомъ Селѣ, Могилевѣ и Кіевѣ въ 1917 году относились къ офицерамъ своимъ, какъ всегда, безукоризненно, но и въ послѣдующіе годы, во время борьбы съ большевиками въ Россіи и за многіе годы существованія Дивизіона Конвоя внѣ ея предѣловъ, включительно до настоящихъ дней, ихъ отношеніе къ своимъ офицерамъ было и есть исключительно вѣжливое, внимательное и почтительное. И никто не имѣетъ моральнаго права обвинять казаковъ Конвоя въ непристойномъ поведеніи въ отношеніи своихъ офицеровъ. Наоборотъ, имъ надо отдать должное, ибо если бы и въ тѣхъ частяхъ Русской Арміи и Флота, въ которыхъ дѣйствительно происходили аресты и даже убійства офицеровъ, было бы такое, какъ въ Конвоѣ, отношеніе подчиненныхъ къ своимъ начальникамъ, въ Россіи не могло бы быть жуткихъ кровавыхъ послѣдствій «безкровной» революціи.

Статья М. Бореля, конечно, въ части ея, касающейся Конвоя носитъ неоспоримый и ясный слѣдъ повторяемой неправды и клеветы на всѣхъ офицеровъ и казаковъ Конвоя. Самый же печальный и прискорбный фактъ, что все то, что М. Борель нашелъ «небезинтереснымъ» выписать изъ книги ген. Данилова — «Навстрѣчу крушенію», было помѣщено въ спеціальномъ Сборникѣ Русскаго Обще-Воинскаго Союза.

Такое небрежное отношеніе къ воинской части, оставшейся вѣрной своему долгу, части, долгіе годы входившей въ тотъ же Русскій Обще-Воинскій Союзъ, и за все время своего существованія не только полностью сохранившей свой воинскій обликъ (о чемъ не разъ послѣдовательно отмѣчали въ своихъ приказахъ генералы Врангель, Кутеповъ, Миллеръ и Архангельскій), но и принявшей въ полномъ своемъ составѣ самое активное боевое участіе въ подвигахъ Русскаго Корпуса, у всѣхъ чиновъ Конвоя вызвало глубокую горечь.

Командиръ Дивизіона полковникъ А. Рогожинъ поставилъ о томъ въ извѣстность Начальника Отдѣла Русскаго Обще-Воинскаго Союза въ С. Ш. А. Ген. Штаба полковника С. Ряснянскаго, отъ котораго получилъ засвидѣтельствованный его подписью полный текстъ отвѣтнаго письма Начальника Аргентинскаго Отдѣла полковника С. Гегела-Швили.

Выдержки изъ письма полковника Гегела-Швили: «... Если нужно написать отдѣльно А. И. Рогожину, я готовъ. Я давно хотѣлъ ему написать объ очень досадномъ недосмотрѣ цензуры при изданіи брошюры».

«Какой для меня былъ ударъ, когда я получилъ сообщеніе, что въ брошюрѣ имѣются строки, оскорбляющія Конвой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, какъ часть». — «Я былъ братски связанъ съ офицерами Конвоя и многими передъ ними старшими конвойцами. Поэтому, являясь **частично** отвѣтственнымъ за изданную брошюру (я былъ ея иниціаторомъ), я очень скорблю, что не замѣтилъ, читая, ненужныя строки». — «Немедленно по полученіи извѣстія я пріостановилъ распространеніе брошюры, оставивъ себѣ 1 экземпляръ, заретушевавъ только пасквиль . . . »

Несмотря на такой благородный поступокъ извѣстнаго офицерамъ Конвоя доблестнаго полковника С. Д. Гегела-Швили, неправда и клевета на Конвой, повторенная М. Борелемъ, вновь распространена въ проданныхъ и частично разосланныхъ экземплярахъ Сборника Аргентинскаго Отдѣла Русскаго Обще-Воинскаго Союза.

Генералъ Даниловъ, создавъ свой собственный вымыселъ о недостойномъ поведеніи Конвоя, пишетъ: «отпаденіе этой части войскъ должно быть разсматриваемо какъ особо неблагопріятный симптомъ». Но какимъ симптомомъ должно быть разсматриваемо, не вымышленное кѣмъ либо, а личное заключеніе генерала Данилова о томъ, что Россіи была «нужна другая власть и можетъ быть — другой Вождь!» и что «къ концу 1916 года страна и армія очутились передъ сознаніемъ неизбѣжности измѣненія власти . . . »?! — Въ другой своей книгѣ «Великій Князь Николай Николаевичъ» (Стр. 300, 301 и 314.) генералъ Даниловъ это свое заключеніе. описываетъ слѣдующими словами: « . . . Роковымъ образомъ Императоръ Николай II подошелъ къ необходимости отреченія». — «Случилось такъ, что извѣстіе объ убійствѣ Распутина пришло въ Ставку въ день, назначенный для совѣщанія спеціально вызванныхъ въ Могилевъ главнокомандующихъ фронтами и ихъ начальниковъ штабовъ. Предметомъ совѣщанія долженъ былъ быть планъ военныхъ дѣйствій на 1917-й годъ. Несмотря на исключительную важность совѣщанія, естественный предсѣдатель его Государь, добровольно принявшій на себя тяжесть предводительствованія Дѣйствующей Арміей, оставилъ послѣднюю и, неожиданно прервавъ совѣщаніе, уѣхалъ въ Царское Село. — Этотъ неосторожный поступокъ тяжелымъ камнемъ легъ на души всѣхъ насъ, вызванныхъ на совѣщаніе».[53])

«Невольно у каждаго явилась мысль, что для доведенія страны до побѣднаго конца нужна другая власть и можетъ быть — другой Вождь!» — «Такимъ образомъ, къ концу 1916 года страна и армія очутились передъ сознаніемъ неизбѣжности измѣненія власти».

«Возможенъ былъ двоякій путь дворцоваго или революціоннаго переворота». — «Еще осенью 1916 года стали ползти все настойчивые

---

[53]) Ген. Даниловъ «освободился» отъ тяжести этого камня, только послѣ того, какъ Государь Императоръ отрекся отъ Престола. — «Точно камень, давившій насъ, свалился съ плечъ ! . . » (Стр. 308. «В. Кн. Николай Николаевичъ»).

слухи о зарожденіи какого то заговора, имѣвшаго цѣлью, во имя спасенія Россіи, выполненіе дворцоваго переворота».

Указаніе генерала Данилова, что Государь Императоръ «оставилъ Армію» и неожиданно, прервавъ совѣщаніе, уѣхалъ въ Царское Село — невѣрно! — Распутинъ былъ убитъ въ ночь на 17-е декабря. Совѣщаніе происходило 17 и 18-го декабря. Первое свѣдѣніе, что Распутинъ «исчезъ», Государемъ было получено 17-го въ 18-мъ часу. Весь вечеръ этого дня, ночь на 18-е и днемъ 18-го Государь Императоръ оставался въ Ставкѣ, до тѣхъ поръ, пока Его присутствіе на совѣщаніи было необходимо, и отбылъ въ Царское Село въ 17-мъ часу 18-го декабря.

Такъ же невѣрно утвержденіе генерала Данилова, что «армія къ концу 1916 года очутилась передъ сознаніемъ неизбѣжности измѣненія власти». — Армія настолько была далека отъ «сознанія» генерала Данилова, что «для побѣднаго конца нуженъ другой Вождь», что когда она узнала о томъ, что лишилась своего Верховнаго Вождя, была буквально ошеломлена, что свидѣтельствуетъ генералъ А. Деникинъ — **«Войска были ошеломлены, трудно опредѣлить другими словами первое впечатлѣніе, которое произвело опубликованіе Манифеста объ отреченіи . . . »** (Ген. Деникинъ. «Очерки Русской Смуты». Т. I. Восп. I. Стр. 60.)

Генералъ Даниловъ, сообщая о предполагавшемся съ осени 1916-го года дворцовомъ переворотѣ, указываетъ: «Версіи были различныя».[54]) «Въ общемъ складывалось впечатлѣніе, что Императоръ Николай II долженъ быть устраненъ отъ власти» . . . «По общему убѣжденію, это вызывалось необходимостью доведенія войны до побѣднаго конца . . . » — Въ XIII-й главѣ книги «Великій Князь Николай Николаевичъ», онъ подробно пишетъ о существовавшемъ заговорѣ, причемъ упоминаетъ, что даже **«по секрету» передавались имена «очень солидныхъ лицъ, участниковъ заговора».**

Въ присягѣ, которую принимали всѣ чины Русской Императорской Арміи, имѣются слѣдующія слова: — **«Объ ущербѣ же ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допущать потщуся! . . . »**

Въ 1930 году бывшимъ командиромъ Дивизіона и состоявшимъ въ спискахъ Конвоя генераломъ В. Э. Зборовскимъ было получено письмо отъ Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, о содержаніи котораго онъ поставилъ въ извѣстность полковника К. Зерщикова, въ то время командовавшаго Дивизіономъ.

«Я получилъ отвѣтъ отъ Великой Княгини. Проще было-бы переслать письмо Тебѣ, но содержаніе письма Ея Императорскаго Высочества такъ для насъ важно, что я не рискнулъ довѣрить это

---

[54]) Говоря объ одной изъ нихъ, ген. Даниловъ подчеркиваетъ, что онъ тщательно провѣрилъ факты, путемъ разспроса лицъ, причастныхъ къ нимъ и заслуживающихъ полнаго довѣрія (Стр. 316. «В. Кн. Николай Николаевичъ».)

письмо почтѣ. Я въ своемъ письмѣ изложилъ Великой Княгинѣ взволновавшее насъ событіе — повтореніе въ печати клеветы на Конвой. Я писалъ, что до настоящаго времени мы молчали и не отвѣчали клеветникамъ, потому что удерживало насъ чувство брезгливости: нежеланіе осквернять наше Святое Прошлое соприкосновеніемъ съ тѣми, кто въ клеветѣ на другихъ ищетъ оправданія своему поведенію. — Вотъ отвѣтъ Великой Княгини:

«За эти годы я переживала много и много разъ ваше состояніе. Я понимаю поэтому все, что пишите: и я то-же чувствовала, читая книгу Мельниковой о Конвоѣ. Я такъ же страдала, читая то, что каждый — кому не лѣнь — писалъ ложь о самыхъ дорогихъ и близкихъ мнѣ людяхъ . . . »

«Это безцѣнное для насъ письмо должно служить намъ руководствомъ въ дальнѣйшей жизни. Съ тѣмъ, что пишетъ Великая Княгиня, нужно познакомить не только офицеровъ Дивизіона, но и казаковъ. Послѣднимъ должно быть растолковано все, начиная съ исторіи появленія въ печати клеветы на Конвой, и кончая нашимъ стремленіемъ выпустить свои воспоминанія, возстанавливающія истину и то, что съ этимъ письмомъ Великой Княгини, всѣ сомнѣнія для насъ должны быть кончены, и въ Ея словахъ — начало и конецъ этому вопросу. Мы должны использовать это письмо для нашей внутренней жизни въ полной мѣрѣ. Этимъ письмомъ, мы какъ бы замыкаемся въ себя. Это великая сила, чтобы быть непоколебимымъ!»

Объявляя содержаніе письма Великой Княгини, полковникъ Зерщиковъ призывалъ г. г. офицеровъ: «Проникнуться глубиною смысла этого документа, свидѣтельствовавшего исключительное довѣріе къ намъ Ея Императорскаго Высочества! . . . »

Высокомилостивыя слова изъ письма Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ — отвѣтъ на всю созданную неправду о Конвоѣ, приведены въ послѣднихъ строкахъ этой главы. Они являются опроверженіемъ всей клеветы на Конвой и служатъ величайшимъ удовлетвореніемъ не только настоящему составу Дивизіона Конвоя, но и будутъ служить руководствомъ въ преданности родной Части тѣмъ кто, послѣ смерти Конвойцевъ, будетъ имѣть честь служить подъ ихъ Святынями — Императорскими Штандартами Конвоя.

Копія этого письма Великой Княгини, съ надписью помощника командира Дивизіона полковника Галушкина: «Съ подлиннымъ вѣрно. 30-го августа 1949 года. Мюнхенъ», послѣдующія письма Ея Императорскаго Высочества и письма Царской Семьи, хранятся какъ Реликвіи при Штандартахъ Конвоя, свидѣтельствуя о томъ, что ни въ роковые дни 1917 года, ни за все время существованія Дивизіона Конвоя какъ на Родинѣ, такъ и внѣ Родины, **довѣріе къ нему никогда не было поколеблено у Тѣхъ, Кто дѣйствительно зналъ правду о Конвоѣ и, единственно, Кто могъ цѣнить службу и вѣрность его чиновъ въ преступные дни искусственно созданной въ Россіи революціи. — Прилагаемые документы это неоспоримо подтверждаютъ!**

Въ обстановкѣ небывалаго душевнаго страданія, отъ переживаемой трагедіи разставанія съ Государемъ Императоромъ, происходилъ послѣдній обѣдъ въ Могилевѣ, въ поѣздѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА Вдовствующей Государыни Императрицы — Августѣйшей Матери отрекшагося отъ Престола Государя Императора. Въ этотъ день Государыня Императрица изволила пригласить къ Себѣ самое ограниченное число близкихъ Ей лицъ. Среди этихъ лицъ имѣлъ честь быть и офицеръ Конвоя. Кромѣ этихъ лицъ, къ Высочайшему обѣду никто не былъ приглашенъ.

На меню этого обѣда, послѣдовавшаго въ день отбытія Государя Императора изъ Могилева въ Царское Село, имѣется Собственноручная, Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, подпись: «МАРІЯ» и, сверху меню, — «Могилевъ.» — Другія подписи: Великій Князь Александръ Михайловичъ, состоящій при Государынѣ Императрицѣ генералъ князь С. Долгорукій, оберъ-гофмейстеръ князь Г. Шервашидзе и офицеръ Конвоя хорунжій Е. Ногаецъ. (Документъ № 1-й.)

На этомъ документѣ отсутствуетъ подпись фрейлины ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА графини З. Г. Менгденъ. Фотографія меню снята съ оригинала, ей принадлежавшаго, на которомъ ея подписи нѣтъ. Дата на меню (8-го марта) исправлена самой Государыней Императрицей на 9-е, т. е. въ день фактической подписи, сдѣланной уже въ пути при возвращеніи въ Кіевъ.

Послѣ 8-го марта, когда сотни Конвоя и роты Своднаго-Пѣхотнаго полка были удалены изъ Александровскаго Дворца, связь съ Царской Семьей вскорѣ была возстановлена. Двѣ сестры милосердія изъ Ѳеодоровскаго, Великихъ Княженъ, лазарета получили пропускъ въ Александровскій Дворецъ. Одна изъ этихъ сестеръ была родная сестра офицера Конвоя сотника В. Зборовскаго. Послѣ каждаго своего посѣщенія Дворца, она всегда передавала офицерамъ Конвоя привѣтъ отъ Царской Семьи.

Великія Княжны иногда передавали свой привѣтъ коротенькими записочками. Содержаніе одной изъ нихъ: « . . . **Много и часто говоримъ о Васъ всѣхъ дорогихъ вспоминая многое хорошее . . . Сестры шлютъ большой привѣтъ . . .** » (Документъ № 2).

Передъ отбытіемъ Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ въ Крымъ, по желанію Государыни, въ Кіевскомъ Дворцѣ 19 марта 1917 года состоялся прощальный Высочайшій завтракъ. Кромѣ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, на этомъ завтракѣ изъ Царской Семьи присутствовали Великая Княгиня КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА, Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА и Великій Князь АЛЕКСАНДРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ. Къ завтраку получили приглашеніе: супругъ Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ полковникъ Н. А. Куликовскій, оберъ-гофмейстеръ князь Г. Шервашидзе, генералъ князь С. Долгорукій, фрейлина Государыни графиня З. Г. Менгденъ, гоф-

маршалъ Двора ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА полковникъ баронъ Н. Боде и находившіеся въ Кіевѣ офицеры Конвоя и Своднаго Пѣхотнаго полка.

Тотъ фактъ, что спустя 17 дней послѣ отреченія отъ Престола Государя Императора, офицерамъ Конвоя — хорунжему А. Рогожину и хорунжему Е. Ногайцу было оказано такое Высочайшее вниманіе — самое яркое подтвержденіе, что, несмотря на распространяемую неправду о Конвоѣ, довѣріе къ нему у Государыни Императрицы не было поколеблено, ибо Она «ни на секунду не сомнѣвалась въ вѣрности службы его чиновъ». (Слова кн. Г. Шервашидзе). **Совершенно естественно, что если бы ложныя свѣдѣнія о Конвоѣ имѣли бы основаніе, то офицеровъ воинской части, «перешедшей на сторону новой власти» — Государыня Императрица не пожелала бы имѣть за Своимъ столомъ, а разставаясь съ ними, не жаловала бы каждаго изъ нихъ Своимъ портретомъ, съ Собственноручной подписью и, конечно, не пожелала бы имѣть на память и фотографіи ихъ.**

Государынѣ Императрицѣ угодно было, чтобы всѣ, кто былъ на Ея прощальномъ завтракѣ, на память объ этомъ днѣ расписались бы на меню завтрака. Сама Государыня изволила написать: «МАРІЯ 1916 Кіевъ 1917». (Документъ № 3).

За нѣсколько дней передъ выступленіемъ сотенъ Конвоя изъ Царскаго Села на Кавказъ, изъ Александровскаго Дворца отъ Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ и Великихъ Княженъ офицерамъ Конвоя были присланы прощальные подарки. Государыня, какъ Свое благословеніе, прислала всѣмъ офицерамъ шейные образки. Въ приложенномъ къ прощальнымъ подаркамъ письмѣ было выражено сожалѣніе, что ничего другого Онѣ не могли дать, кромѣ оставшихся Ихъ рукодѣлій.

Это были, въ большинствѣ, теплыя вещи, которыя Государыня и Великія Княжны Собственноручно вязали. На каждой вещи была приколота записочка съ именемъ и отчествомъ офицера и подпись одной изъ Великихъ Княженъ (Документъ № 4.)

Письмо, приложенное къ подаркамъ, было написано Великой Княжной АНАСТАСІЕЙ НИКОЛАЕВНОЙ на имя сестры сотника В. Зборовскаго. Въ этомъ письмѣ упоминается просьба, чтобы офицеры Конвоя подписались бы на память на фотографіяхъ, снятыхъ Государыней Императрицей и Великими Княжнами. **Письмо заканчивается сообщеніемъ о благословеніи ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА всѣхъ офицеровъ Конвоя.**

Содержаніе письма Великой Княжны АНАСТАСІИ НИКОЛАЕВНЫ:

«26-го Марта 1917 г., 10. ч. утра.

«Милая моя Катя! Татьяна проситъ Васъ передать это одѣяло Макухо для его младшаго сына. Онъ кажется ея крестникъ. А какъ его зовутъ? Остальные чулки и рубашки дайте брату, а онъ пусть передастъ ихъ товарищамъ. Жалѣемъ, что не всѣмъ хватило, но даемъ все что у насъ осталось. На этихъ двухъ коробкахъ снизу написано которая кому изъ нашихъ бывшихъ раненыхъ. —

Марія еще лежитъ, а я вчера встала, чему очень рада т. к. пролежала около 4-хъ недѣль, но слабость еще есть въ ногахъ.

Пожалуйста попросите еще брата вернуть намъ группы, которыя мы Вамъ передали въ послѣдній разъ. — *Очень часто всѣхъ вспоминаемъ и шлемъ большой привѣтъ.* Пишите намъ иногда милая Катя, какъ всѣ поживаютъ и т. д. всегда радуемся имѣть извѣстія. — «Джимо» здоровъ и веселъ. Кланяйтесь Сидоровымъ. — Мамѣ и брату горячій привѣтъ. Всего хорошаго! Крѣпко Васъ цѣлую Ваша АНАСТАСІЯ».

«ЭТИ ОБРАЗА ОТЪ МАМЫ ВСѢМЪ ОФИЦЕРАМЪ».[55]) (Документъ № 5).

Уже одна дата благословенія офицеровъ Конвоя ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ — 26-го марта, показываетъ, насколько были ложны свѣдѣнія о Конвоѣ, якобы уже 1-го марта «перешедшаго на сторону новой власти»!

Во время пребыванія сотенъ Конвоя на Кавказѣ, до начала вооруженной борьбы съ большевиками и выступленія Дивизіоновъ Конвоя (Кубанскаго и Терскаго) на фронтъ, когда еще почта функціонировала почти нормально, офицеры получали письма отъ Великихъ Княженъ, передаваемыя остававшейся еще въ Царскомъ Селѣ сестрѣ сотника Зборовскаго. Великія Княжны продолжали оказывать офицерамъ Конвоя, уже не бывшимъ въ Царскомъ Селѣ, свое милостивое къ нимъ вниманіе, и на посылаемыя Имъ письма обычно отвѣчали общимъ письмомъ, ставя въ правомъ его верхнемъ углу заглавныя буквы имени и отчества тѣхъ офицеровъ, кому было адресовано письмо, и подписывали свои имена тоже только заглавными буквами.

Великія Княжны писали по двѣ-три открытки офицерамъ и вкладывали ихъ въ одинъ конвертъ. На одной изъ нихъ была приклеена фотографія Великихъ Княженъ, снятая послѣ Ихъ выздоровленія. На фотографіи (слѣва направо) Великая Княжна ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, Великая Княжна ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА, Великая Княжна АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА и Великая Княжна МАРІЯ НИКОЛАЕВНА. — Содержаніе этой открытки слѣдующее:

25-го іюня 1917. А. А.

«Спасибо Вамъ сердечное за милое письмо, которому такъ обрадовалась. *Мы тоже все помнимъ и постоянно объ этомъ говоримъ...* У насъ день распредѣленъ, поэтому время идетъ довольно скоро. — Помните 24-е Август. на «Днѣпрѣ» и 11-ое Іюля?!.»

«Каждый день ходимъ гулять, поливаемъ нашъ огородъ и обыкновенно обливаемся т. к. очень не ловки, да еще братъ обливаетъ изъ насоса. Какъ поживаютъ всѣ «Наши». Сижу сейчасъ на окнѣ и пишу Вамъ. Надо будетъ идти на уроки, не очень весело, ну по этому надо кончать писать. Желаю Вамъ всего, всего хорошаго. *Христосъ съ Вами всегда помню. А».*

«Шлю самыя горячія пожеланія и привѣтъ. О».

«Помню, и часто вспоминаю. Желаю Вамъ всего самаго хорошаго.

Шлю большой привѣтъ. М».

«Желаю всего хорошаго, шлю сердечный привѣтъ. Т». (Документъ №6).

---

[55]) Макухо, — «братъ» и «его товарищи» — офицеры Конвоя.

Дни 24-е августа и 11-е іюля (1916 г.) которые вспомнила въ письмѣ Великая Княжна АНАСТАСІЯ НИКОЛАЕВНА — дни посѣщенія Государемъ Императоромъ, Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великими Княжнами сотенъ Конвоя, находившихся на службѣ въ Могилевѣ.

11-е іюля — Тезоименитство Великой Княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ. Въ этотъ день Государь, съ Августѣйшей Имянинницей и со всѣми Своими Дѣтьми, неожиданно прибылъ къ сотнямъ Конвоя, въ то время расположеннымъ въ лѣтнихъ лагерныхъ баракахъ за Днѣпромъ.

Высочайшее посѣщеніе Конвойцевъ 24-го августа, подробно описано въ письмѣ Великой Княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ. Содержаніе письма помѣщено въ главѣ VIII.

Въ августѣ 1917, распоряженіемъ Керенскаго, вся Царская Семья была принуждена отбыть въ Сибирь. Попытки и желаніе Временнаго Правительства найти хотя что либо, компрометирующее ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ, а въ особенности Государыню Императрицу, не оправдали ихъ надеждъ. «Слѣдствіе Чрезвычайной Слѣдственной Комиссіи фактически велось объ «измѣнѣ» — другими словами, той легенды о «сепаратномъ мирѣ» съ нѣмцами, которая въ годы войны, предшествовавшіе революціи, сыграла такую роковую роль въ судьбѣ Династіи». (Мельгуновъ: «Судьба Императора НИКОЛАЯ II послѣ отреченія». Стр. 8.)

Разслѣдованіе слѣдственной комиссіей всѣхъ бумагъ Государя Императора, включительно до личной переписки Его со Своей Семьей, не привело ни къ чему, и не дало желаемыхъ Временному Правительству результатовъ. **И несмотря на это, ни въ чемъ неповинная передъ Россіей и русскимъ народомъ Августѣйшая Семья была Керенскимъ и Временнымъ Правительствомъ оклеветана и сослана въ Тобольскъ . . .**

Изъ Тобольска были послѣднія письма Великихъ Княженъ къ офицерамъ Конвоя. Часть этихъ историческихъ писемъ погибла вмѣстѣ съ другими документами, записями и архивомъ полковника К. Зерщикова въ 1945 году, во время воздушной бомбардировки желѣзнодорожной станціи «Платлингъ». Въ составъ одного изъ стоявшихъ на станціи поѣздовъ былъ включенъ вагонъ съ имуществомъ чиновъ Дивизіона Конвоя, ихъ семействъ и имуществомъ офицерскаго собранія. Изъ разбитаго вагона все было разграблено. — Къ счастью, нѣкоторыя изъ писемъ Великихъ Княженъ хранились генераломъ В. Э. Зборовскимъ, и супругою его были спасены.

Эти спасенныя письма, являются цѣннѣйшими документами для исторіи Конвоя. Ихъ содержаніе:

I. **«Тобольскъ. 13-е октября 1917. В. Э.**

«Всѣ шлемъ горячій привѣтъ и сердечно поздравляемъ съ днемъ рожденія а также съ наступающимъ днемъ Ангела. *Вспоминаемъ и говоримъ о Васъ всѣхъ постоянно.* На этой вотъ площадкѣ мы гуляемъ. На этомъ балконѣ мы много сидимъ. Одно окно кот. выходитъ сюда, Папы кабинетъ. Наши окна выходятъ на другую сторону на улицу. Въ общемъ живемъ ничего себѣ... Погода у насъ эти дни холодная. Снѣгъ есть, но не много. Мы каждый день занимаемся. Часто вспоминаемъ милаго большого маленькаго Леньку... Мы только что вернулись съ нашего гулянья и теперь сидимъ всѣ вмѣстѣ. Привѣтъ большой и горячій всѣмъ и Влад. — Желаю всѣхъ благъ. Мой большой привѣтъ Вамъ. Христосъ съ Вами...» (Документъ № 7).

Все письмо написано Великой Княжной АНАСТАСІЕЙ НИКОЛАЕВНОЙ. Въ правомъ верхнемъ углу буквы «В. Э.» — заглавные буквы имени и отчества Виктора Эрастовича Зборовскаго. — «Ленька», мальчикъ изъ ближайшаго къ станціи Могилевъ села, котораго Великія Княжны очень любили. На фотографіи, относящейся къ пребыванію Великихъ Княженъ въ Могилевѣ, онъ рядомъ съ Великой Княжной АНАСТАСІЕЙ НИКОЛАЕВНОЙ, которая въ лѣвой рукѣ несетъ ему новые ботинки.

II. **«Тобольскъ. 14-го Декабря 1917 А. А.**

«Горячо поздравляемъ Васъ съ Рождествомъ и новымъ 1918 годомъ Дай Вамъ Богъ всего хорошаго!.. Это видъ одной изъ нашихъ прогулокъ, когда мы шли еще на пароходѣ. Теперь у насъ все время довольно большіе морозы, но снѣгу не очень много. — *Часто говоримъ о Васъ Всѣхъ!* Какъ поживаютъ Ваши? — Мы живемъ довольно уютно всѣ четверо вмѣстѣ. Ну мнѣ надо теперь кончать. Еще разъ желаю всего хорошаго. А».

«Шлю также мои горячія пожеланія всего счастливаго. О».

«Занимаемся, много читаемъ, гуляемъ два раза въ день. Время очень быстро проходитъ. Спасибо за открытку съ Н. В. Всего хорошаго. Т».

«Надѣюсь, что плечо не болитъ и хорошо себя чувствуете. Горячій привѣтъ. Желаю всего лучшаго въ новомъ году. Храни Васъ Богъ. М». (Документъ № 8).

На лицевой сторонѣ общей открытки Великихъ Княженъ, послѣ надписи «Тобольскъ. 14-го Декабря 1917.,» буквы «А. А.» и въ текстѣ самаго письма — «Н. В.», заглавныя буквы имени и отчества офицеровъ Конвоя Александра Александровича Грамотина и Николая Васильевича Галушкина.

III. **«Тобольскъ 1917 г. 14-е Декабря. В. Э.**

«Отъ всего сердца поздравляемъ Васъ съ праздниками и новымъ годомъ. Желаемъ много счастья и быть здоровымъ. На Рождество особенно будемъ мысленно съ Вами Всѣми Дорогими... Совсѣмъ ли поправились теперь? Мы всѣ здоровы. Посылаемый видъ намъ также незнакомъ какъ и Вамъ. Мы живемъ пока по старому. Много занимаемся, по этому дни проходятъ довольно быстро. Когда свободны сидимъ на окнахъ и смотримъ на гуляющихъ, это самое большое развлеченіе... Храни Васъ Богъ. Желаю всего самаго хорошаго. А».

«Большой привѣтъ и пожеланія къ празднику. Будьте здоровы. О».

«Сердечный привѣтъ. *Часто вспоминаемъ всѣхъ Васъ. ТАТЬЯНА».*

«Грустно провести праздники далеко отъ Васъ. Горячій привѣтъ. МАРІЯ». (Документъ № 9).

IV. **Письмо Великой Княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ сестрѣ В. Э. Зборовскаго:**

«Тобольскъ. 1918 г. 11-го января.

«Милая Катя, — Спасибо Вамъ за открытку и поздравленіе. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго въ новомъ году. Получили-ли Витя и др. открытки, посланныя на имя матери Н. В. въ институтъ. Не знаю тамъ-ли она, но надѣюсь что перешлютъ если нѣтъ. Какъ Ваше здоровье. *Постоянно вспоминаемъ Васъ всѣхъ и много говоримъ. Передайте пожалуйста всѣмъ самый сердечный привѣтъ.* — «Ортипо» здорова, но становится страшной лѣнтяйкой. Цѣлый день лежитъ у печи или на диванахъ. Гулять не любитъ. Ну, всего хорошаго милая Катя. — ТАТЬЯНА». (Документъ № 10).

«Витя и др.» — Викторъ Эрастовичъ Зборовскій и другіе офицеры Конвоя. — «Мать Н. В.» (Николая Васильевича Галушкина) получила въ разорванномъ конвертѣ только одну, на ея имя, записку отъ Великой Княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ съ просьбою передать приложенныя открытки офицерамъ Конвоя, но открытокъ въ разорванномъ конвертѣ не оказалось.

Письма Великихъ Княженъ и Ихъ слова: «Грустно провести праздники далеко отъ Васъ». — «На Рождество особенно будемъ мысленно съ Вами Всѣми Дорогими . . . », настолько значительны по своему содержанію и смыслу, что никакая клевета не можетъ умалить значеніе этихъ словъ для установленія исторической правды о Конвоѣ.

Письмо Великой Княжны ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ, отъ 11-го января 1918-го года, было однимъ изъ послѣднихъ писемъ Царской Семьи изъ Тобольска. Вооруженная борьба съ большевиками прервала съ Нею всякую связь.

Во время этой борьбы, въ которой офицеры и казаки Конвоя сразу же приняли участіе, о томъ что въ дѣйствительности происходило не только въ Сибири, но и всюду въ Россіи, гдѣ существовала совѣтская власть, доходили лишь одни противорѣчивые слухи. — Сама совѣтская власть скрывала жуткую правду, что жизнь Святыхъ Царственныхъ Страдальцевъ была мученически прекращена въ ночь на 4/17 іюля 1918-го года.

Всѣ жуткія подробности созданнаго большевиками дьявольскаго замысла объ убіеніи Вѣнценосныхъ Мучениковъ и Ихъ ни въ чемъ неповинныхъ Дѣтей, осуществленнаго съ такой жестокостью, стали извѣстны въ позднѣйшее время, послѣ опубликованія какъ въ русской, такъ и иностранной печати историческихъ документовъ.

Но въ 1918 году, во время разгорѣвшейся гражданской войны, на фронтѣ Добровольческой Арміи Юга Россіи, удаленномъ на сотни верстъ отъ Сибири и отъ мѣста преступленія, кромѣ неясныхъ и непровѣренныхъ слуховъ о гибели Государя не было никакихъ точныхъ свѣдѣній, что подтверждаетъ документъ № 12, подписанный помощникомъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей генераломъ Лукомскимъ.

Офицеры Конвоя, находясь въ составѣ своихъ Дивизіоновъ на фронтѣ Добровольческой Арміи Юга Россіи, своими путями пытались возстановить прерванную войною съ большевиками связь съ Царской

Семьей. Пробраться съ Кавказа, черезъ всѣ фронты красныхъ армій въ Сибирь, безъ всякихъ къ тому средствъ, не удалось. Одинъ изъ офицеровъ Конвоя, участникъ неосуществившагося плана возстановленія связи съ Царской Семьей, въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: «... Вспоминая сейчасъ о нашемъ порывѣ, я сознаю, что это былъ б. м. плодъ нашего фантастическаго и мало продуманнаго плана, который, конечно, не могъ бы дать серьезныхъ результатовъ, если бы не случилось чудо! По нашей тогда молодости мы были столь наивны, что искренне вѣрили въ полный успѣхъ. Планъ былъ таковъ: пробраться въ Сибирь, черезъ линіи фронтовъ, «странниками». Перейти большевицкія линіи и попытаться достигнуть мѣстопребыванія Царской Семьи. Какъ мы бы ни переодѣвались, насъ сразу же могли разоблачить! Возможно, однако, что въ пути мы огрубѣли бы, и, познакомившись съ бытомъ и жизнью населенія, не выдѣлялись бы среди крестьянъ, «какъ ворона на снѣгу»...

«Возможно, что съ Божьей помощью мы достигли бы своей цѣли и, наконецъ, возможно, что мы бы вошли въ связь съ другими монархическими организаціями. Но, самое главное, что дальше?! Вѣдь долженъ былъ бы существовать не только солидно организованный планъ дальнѣйшихъ дѣйствій, но и необходимыя на то большія средства. У насъ не было ни того, ни другого. Была эта затѣя необдуманная, б. м. красивая фантазія, вызванная самыми искренними святыми побужденіями, но увы — она была не выполнена. **Однако, мы горѣли этимъ желаніемъ и стремленія наши были Святы!..**[56])

Мы вѣрили, что старообрядцы, какъ менѣе поддавшіеся коммунизму, будутъ намъ, «странникамъ» оказывать полное содѣйствіе...»

Какъ слѣдъ этой надежды и порыва сохранился документъ — рекомендація одного высокого духовнаго лица своей паствѣ оказывать содѣйствіе хорунжему Грамотину. — Содержаніе этого документа:

«УДОСТОВѢРЕНІЕ

Предъявитель сего Хорунжій Александръ Александровичъ Грамотинъ; просимъ всѣхъ старообрядцевъ древлеправославной церкви, имѣющей Бѣлокриницкую іерархію оказывать должное содѣйствіе и посильную помощь, если таковая потребуется ему отъ Васъ. Что удостовѣряется подписомъ съ приложеніемъ печати.

Смиренный Геннадій Епископъ Донской». (Документъ № 11).

Но несмотря на неудавшуюся попытку тайно проникнуть въ Сибирь, офицеръ Конвоя А. А. Грамотинъ туда все же прибылъ. Прибылъ онъ въ Сибирь черезъ Владивостокъ, совершивъ большое путешествіе, получивъ на то благословеніе Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

О командировкѣ въ Сибирь офицеръ Конвоя А. Грамотинъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: — «... Отъ командира Дивизіона я

---

[56]) Въ Москвѣ дѣйствительно существовала самая большая монархическая организація для спасенія Царской Семьи. Въ ней принимали активное участіе, включительно до прибытія въ Тобольскъ, г. г. офицеры доблестнаго 1-го Сумскаго Гусарскаго полка, въ мирное время стоявшаго въ Москвѣ.

получилъ приказаніе прибыть въ Крымъ и войти въ связь съ офицеромъ Л.-Гв. Петроградскаго полка П. П. Булыгинымъ. Я зналъ, что въ Крымъ посланъ для того, чтобы поступить въ формируемый тамъ отрядъ охраны Лицъ Императорской Фамиліи, иниціаторомъ созданія котораго былъ неизвѣстный мнѣ капитанъ Булыгинъ. Начальникомъ же всего отряда являлся полковникъ «Ф».

Главная часть охраны находилась въ имѣніи Великаго Князя Петра Николаевича. Я былъ назначенъ въ «Хараксъ», гдѣ пребывала Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, совмѣстно съ семьей Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, жившей въ отдѣльномъ маленькомъ флигелѣ дачи «Хараксъ». Капитанъ П. Булыгинъ былъ старшимъ въ нашемъ Хараксномъ отрядѣ. Это былъ молодой (онъ былъ немного старше меня), но очень серьезный, вдумчивый, религіозный, увлекающійся теософіей и, всей душою, преданный Царской Семьѣ офицеръ. Я легко съ нимъ подружился и мы, сразу же, поняли другъ друга! Мы рѣшили во что бы то ни стало пробраться въ Сибирь и, если нельзя будетъ установить непосредственную связь съ Царской Семьею, то во всякомъ случаѣ получить о Ней самыя точныя свѣдѣнія.

Наше рѣшеніе стало извѣстнымъ Государынѣ Императрицѣ и Ею одобрено. Навѣрно это было сообщено командованію Добровольческой Арміи въ письменной формѣ, т. к. въ документѣ, полученномъ мною отъ Помощника Главнокомандующаго говорится, что я былъ командированъ **«по личному желанію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА».**

Документъ, полученный офицеромъ Конвоя А. Грамотинымъ:

ПОМОЩНИКЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО
И
НАЧАЛЬНИКЪ ВОЕННАГО ОТДѢЛА.
«29» января 1919 года, г. Екатеринодаръ.
№ 011/3

Секретно

УДОСТОВЕРѢНІЕ.

Дано сіе Хорунжему Гвардейскаго Кубанскаго Дивизіона Грамотину въ томъ, что онъ дѣйствительно командированъ по личному желанію ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ въ Сибирь для наведенія точныхъ справокъ о судьбѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ЕГО Семьи.

Вышеизложенное подписями и приложеніемъ печати свидѣтельствуется.

ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ЛУКОМСКІЙ.
Начальникъ Части Генеральнаго Штаба
ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТЪ ВЯЗЬМИТИНОВЪ.

Военный и Морской Отдѣлъ Добровольческ. Арміи
Часть Генеральнаго Штаба, Особое Отдѣленіе.
(Документъ № 12).

«Въ концѣ декабря 1918 года, когда вопросъ о нашей поѣздкѣ былъ окончательно рѣшенъ, капитанъ Булыгинъ и я были приняты

ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, послѣ чего Государыня Императрица изволила пригласить насъ къ обѣду. Милостиво бесѣдуя съ нами о предстоящемъ путешествіи, Государыня предвидѣла неминуемыя осложненія изъ за полученія визъ и прочихъ затрудненій «дипломатическаго характера», въ связи съ цѣлью нашей поѣздки. Мой выѣздъ совпалъ съ отбытіемъ Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ со Своей семьей изъ Крыма на Кубань.

«По желанію Государыни Императрицы, я имѣлъ честь сопровождать Великую Княгиню, во время Ея слѣдованія пароходомъ до Новороссійска и далѣе по желѣзной дорогѣ въ Екатеринодаръ. Въ Екатеринодарѣ явился въ Штабъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміи. Получивъ въ Штабѣ необходимые документы и извѣстную сумму денегъ (въ «Романовскихъ» рубляхъ и англійскихъ фунтахъ), совмѣстно съ капитаномъ П. Булыгинымъ, выѣхалъ въ Сибирь. Несмотря на то, что кромѣ документовъ, выданныхъ Штабомъ Главнокомандующаго, мы имѣли соотвѣтствующіе документы отъ Британской и Французской Военныхъ Миссій (документы №№ 13, 14), затрудненія начались съ первыхъ же дней пути, еще въ Новороссійскѣ, гдѣ мы должны были три дня ждать разрѣшенія выѣхать въ Одессу.

Переводъ документовъ, выданныхъ: Британской Военной Миссіей и Французской Военной Миссіей:

Документъ № 13. — «КОПІЯ ТЕЛЕГРАММЫ»

«Отъ: Генералъ Пуль
Кому: Севастополь.
Г 182. 22 Января. 1919 г.

Капитанъ Булыгинъ и Лейтенантъ Грамотинъ изъ охраны Вдовствующей Русской Императрицы посланы Е. И. В. въ Екатеринбургъ для выясненія судьбы Императора. Пожалуйста, окажите имъ возможную помощь, дабы достичь Константинополя по дорогѣ въ Англію.

Въ случаѣ эти офицеры найдутъ нужнымъ ѣхать черезъ Батумъ или Баку — помощь.

Пуль.

Г. О. Л. Батумъ.

Печатъ: Британская
Военная Миссія
на Югѣ Россіи.

(Документъ № 14).

Французская Военная Миссія
при Главнокомандующемъ
Русскихъ Армій Юга Россіи.
№ 788

Капитанъ Генеральнаго Штаба Фуке, Начальникъ Французской Военной Миссіи проситъ всѣхъ Союзныхъ Гражданскихъ и Военныхъ властей, оказатъ помощь и содѣйствіе предъявителю сего Лейтенанту Грамотину, отправляющемуся съ миссіей въ Сибирь.

Капитанъ Генеральнаго Штаба Фуке.

Печатъ: Французская
Военная Миссія.

«Въ Одессѣ пришлось пробыть почти до конца февраля, ибо всѣ хлопоты для выѣзда въ Константинополь успѣха не имѣли. Наконецъ, англичане рѣшили насъ отправить въ Константинополь на англійскомъ военномъ истребителѣ. Отъ Дипломатическаго Отдѣла Добровольческой Арміи были получены заграничные паспорта и большая сумма «украинскихъ денегъ». (Ихъ нигдѣ и никто не хотѣлъ мѣнять. Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось убѣдить, уже въ Лондонѣ, одного мѣнялу-еврея, что эти деньги имѣютъ большую цѣну, и получить отъ него нѣсколько десятковъ фунтовъ).

Въ Константинополь прибыли въ началѣ марта и, дня черезъ два, на частномъ греческомъ пароходѣ отплыли въ Аѳины, и начались безконечные хлопоты передъ французскими властями о полученіи визъ, для дальнѣйшаго слѣдованія во Францію. Французы очень любезно меня принимали, всякій разъ обѣщали дать разрѣшеніе, но подъ разными предлогами обѣщанія свое не исполняли. Почти полтора мѣсяца мы потеряли въ Аѳинахъ. Въ связи съ этимъ настроеніе наше было очень подавлено!

«Наконецъ, французы дали визы на въѣздъ во Францію, и даже на своемъ военномъ транспортѣ отправили насъ въ Марсель. Въ Парижъ прибыли примѣрно къ серединѣ мая. И здѣсь опять начались новыя затрудненія. Англичане, на основаніи имѣвшихся у насъ бумагъ и офиціальнаго обращенія къ англійскому консулу контръ-адмирала Погуляева, разрѣшили въѣздъ въ Англію. Для слѣдованія же въ Англію, откуда только и можно было отправиться, на частномъ пароходѣ, на Дальній Востокъ, нужно было имѣть отъ французскихъ властей выѣздную визу, но они ее почему то не хотѣли дать. Чѣмъ руководствовались французскія власти въ такомъ нелогичномъ своемъ рѣшеніи, для меня такъ и осталось загадкой. Сначала не хотѣли насъ пустить во Францію, а затѣмъ — разрѣшивъ въѣздъ, выѣздъ изъ Франціи не разрѣшали! Возможно, это было проявленіе тѣхъ «дипломатическихъ осложненій» въ связи съ цѣлью нашей поѣздки, которыя предвидѣла Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

«4-го іюня я получилъ предписаніе отъ контръ-адмирала Погуляева: «Отправиться въ распоряженіе Россійскаго Военнаго Агента въ Лондонъ, для дальнѣйшаго затѣмъ слѣдованія въ Сибирь въ качествѣ офицера-курьера отъ Генерала Деникина, къ Адмиралу Колчаку». (Документъ № 15).

«Въ Лондонѣ вновь начались хлопоты о визахъ на Дальній Востокъ. Къ тому же пароходовъ было мало, и всѣ мѣста были расписаны за полъ года впередъ. Какимъ образомъ мнѣ, при почти полномъ незнаніи тогда англійскаго языка (тѣ японцы, съ которыми я велъ переговоры въ ихъ пароходной компаніи, по французски не говорили) удалось достать два мѣста на пароходѣ, при чемъ условія были таковы, что до Сингапура мы должны ѣхать въ третьемъ классѣ, я совершенно не представляю.

«Примѣрно 12—13-го іюня на переполненномъ пассажирами японскомъ пароходѣ мы, наконецъ, отбыли на Дальній Востокъ. — Передъ отъѣздомъ насъ изволила принять Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, если не ошибаюсь, во Дворцѣ Вдовствующей Королевы Англіи.

«ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО благословила насъ, пожелавъ благополучнаго путешествія... Тамъ же во Дворцѣ, я получилъ небольшую сумму въ англійскихъ фунтахъ — отъ кого она исходила, мнѣ не было извѣстно.

«Въ Гонконгѣ мы впервые услышали страшную вѣсть о гибели Государя Императора и о томъ, что якобы Царская Семья большевиками «вывезена» въ неизвѣстномъ направленіи. Потрясенные этимъ ужасомъ, мы стремились скорѣе достигнуть цѣли нашего путешествія, въ надеждѣ удостовѣриться въ томъ, что эта кошмарная вѣсть — ложная, и распространяется большевиками.

«Не задерживаясь въ Японіи, непосредственно прибыли во Владивостокъ 8-го августа. (На моемъ документѣ, подписанномъ контръ-адмираломъ Погуляевымъ значится: «Въ Комендантскомъ Отдѣленіи Штаба Владивостокской крѣпости 8 августа 1919 года явленъ и въ книгу подъ № 965 записанъ. Исп. об. Коменданта города Владивостока подпоручикъ — подпись не разборчива.) — Во Владивостокѣ упорно распространялся слухъ, что вмѣстѣ съ Государемъ въ Екатеринбургѣ, до взятія его арміей Адмирала Колчака 25 іюля, въ ночь съ 16 на 17 (съ 3 на 4) іюля, погибла вся Царская Семья...

«Съ трудно передаваемымъ словами душевнымъ страданіемъ, продолжили нашъ путь въ Омскъ, куда и прибыли 23-го августа и явились въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго Адмирала Колчака. Отъ Начальника Штаба генералъ-лейтенанта Дитерихса 26-го августа я получилъ приказаніе отправиться въ распоряженіе Судебнаго Слѣдователя по Особо важнымъ дѣламъ Соколова».

(Документъ № 16).

СЕКРЕТНО

Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго
26 августа 1919 г. № 14.

Кубанскаго Гвардейскаго Дивизіона Есаулу Грамотину. — Приказываю Вамъ съ полученіемъ сего отправиться въ распоряженіе Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Соколова и состоять при немъ по выполненію возложенныхъ на него волей Верховнаго Правителя обязанностей по производству предварительнаго слѣдствія особой важности.

Начальникъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго
Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ Дитерихсъ.[57])

---

[57]) Приказомъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміи, офицеры Гвардіи были «уравнены» въ чинахъ съ офицерами Арміи. На основаніи приказа Генерала Деникина отъ 27-го сентября 1918 года за № 6 и по Дивизіону отъ 26-го января 1919 г. офицеры въ чинѣ подъесаула «переименованы» въ чинъ есаула.

Наставникъ Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя АЛЕКСѢЯ НИКОЛАЕВИЧА П. Жильяръ въ своей книгѣ «Императоръ НИКОЛАЙ II и Его Семья» (стр. 214—216.) указываетъ, что тотчасъ же послѣ взятія войсками Адмирала Колчака Екатеринбурга было приступлено къ дознанію объ «исчезновеніи» Царской Семьи — «но нити были такъ запутаны, что разобраться въ нихъ становилось очень трудно. Предварительное слѣдствіе подвигалось очень медленно». — «Оно началось при чрезвычайно трудныхъ обстоятельствахъ, т. к. между 17 и 25 іюля большевицкіе комиссары имѣли время уничтожить почти всѣ слѣды своего преступленія».

«Слѣдствіе было поручено члену Екатеринбургскаго Окружного Суда И. А. Сергѣеву. Оно протекало нормально, но трудности были значительны. Сергѣевъ все больше и больше склонялся къ мысли о гибели всѣхъ членовъ Семьи, но тѣлъ обнаружить не удавалось, и показанія извѣстнаго числа свидѣтелей подтверждали предположеніе о переведеніи Государыни и Дѣтей. Эти показанія — какъ было установлено впослѣдствіи — исходили отъ агентовъ большевиковъ, оставленныхъ ими нарочно въ Екатеринбургѣ, чтобы запутать разслѣдованіе. Ихъ цѣль была отчасти достигнута, т. к. Сергѣевъ потерялъ драгоцѣнное время и долго не замѣчалъ, что идетъ по ложному пути. **Проходили цѣлыя недѣли, не принося съ собою новыхъ данныхъ».** — «Отдавая себѣ отчетъ въ исторической важности слѣдствія, производившагося **объ исчезновеніи** Царской Семьи и желая знать его результатъ, адмиралъ Колчакъ поручилъ **въ январѣ 1919 г.** генералу Дитериху привезти ему слѣдственное производство, а также всѣ найденныя вещи». — **«5-го февраля** онъ вызвалъ слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Н. А. Соколова и предложилъ ему ознакомиться съ разслѣдованіемъ. Два дня спустя министръ юстиціи Старынковичъ поручилъ ему продолжить дѣло, начатое Сергѣевымъ».

Слѣдователь Соколовъ, на основаніи полученнаго имъ слѣдственнаго матеріала, хотя и не имѣлъ уже никакой надежды на то, что Царская Семья жива, окончательно убѣдился въ этомъ и узналъ всѣ подробности о мученической смерти всей Царской Семьи только послѣ показанія одного изъ главныхъ убійцъ — чекиста Павла Медвѣдева. Медвѣдевъ былъ взятъ въ плѣнъ въ Перми и доставленъ въ Екатеринбургъ.

Въ это время слѣдователь Н. А. Соколовъ находился въ Омскѣ, и Медвѣдева **25-го февраля 1919 года** допрашивалъ членъ Екатеринбургскаго Окружного Суда Сергѣевъ. — **На этомъ допросѣ установлено, что вся Царская Семья была звѣрски убіенна совмѣстно съ Государемъ Великомученикомъ въ ночь съ 16-го на 17-е іюля 1918 года (съ 3 на 4 ст. ст.)**

П. Жильяръ (стр. 216) пишетъ: «... **Медвѣдевъ призналъ совершенно точно гибель Царской Семьи, но онъ не могъ или не хотѣлъ дать никакихъ указаній относительно того, что сдѣлали съ тѣлами послѣ убійства...» Слѣдовательно, какъ свидѣтельствуетъ П. Жи-**

льяръ: I. Полное разслѣдованіе «объ исчезновеніи» Царской Семьи, Слѣдователь по Особо Важнымъ Дѣламъ Н. Соколовъ, по порученію Верховнаго Правителя Адмирала Колчака, началъ только 7-го февраля 1919 года. II. Гибель Государыни Императрицы, Государя Наслѣдника Цесаревича и Великихъ Княженъ совмѣстно съ лицами, при Нихъ находившимися, слѣдственными властями точно установлена 25-го февраля 1919 года.

Эти даты подчеркнуты для того, чтобы разъяснить то естественное недоумѣніе, которое возникаетъ при сравненіи другихъ датъ, а именно: I. Екатеринбургское злодѣяніе было совершено **въ ночь съ 3/16 на 4/17-е іюля 1918 года.**

II. Документъ о командировкѣ въ Сибирь офицера Конвоя, по желанію Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, подписанъ Помощникомъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміи Юга Россіи **29-го января 1919 г.**

Объясненіемъ тому, что эта командировка произошла черезъ пять съ лишнимъ мѣсяцевъ послѣ совершеннаго злодѣянія, служитъ то, что до **25-го февраля 1919 года, кромѣ вѣсти о мученической кончинѣ Государя Императора, не было еще точныхъ свѣдѣній о судьбѣ всей Царской Семьи не только на Югѣ Россіи, но и въ самой Сибири.**

«Передъ нашимъ прибытіемъ въ Омскъ (вспоминаетъ А. А. Грамотинъ) большевики лѣтомъ 1919 года перешли въ большое наступленіе и, вновь овладѣвъ Пермью, угрожали Екатеринбургу. Предстояла эвакуація и Омска. Въ послѣднихъ числахъ августа (т. е. вскорѣ послѣ нашего поступленія въ его распоряженіе) Слѣдователь Соколовъ изъ Омска переѣхалъ въ Читу. Мы съ Булыгинымъ его сопровождали и охраняли весь его слѣдственный матеріалъ. Соколовъ и всѣ, кто съ нимъ работалъ, трепетно переживали кошмаръ Екатеринбургскаго злодѣянія, подробности котораго точно были установлены слѣдственными властями».

Въ этомъ вѣчномъ общерусскомъ позорѣ Екатеринбургскаго злодѣянія виновна вся Россія! Одной частной инициативы и попытки установить связь съ Царской Семьей было мало. Нужны были активныя дѣйствія не единицъ и отдѣльныхъ группъ, а всѣхъ вѣрныхъ Государю воинскихъ чиновъ Русской Императорской Арміи, привыкшихъ повиноваться тѣмъ начальникамъ, кто стоялъ во главѣ ихъ. Нуженъ былъ зовъ этихъ вождей и ихъ «смѣлое слово»! Но . . . этого зова со стороны старшихъ начальниковъ не было. Младшіе же проявить свою собственную общую организованность не смогли. Ошеломленные неожиданнымъ для нихъ отреченіемъ отъ Престола Государя Императора, были они тогда еще «скованы» воинской дисциплиной и, какъ слѣдствіе того, вѣрили и ждали призыва тѣхъ, кому продолжали повиноваться . . .

Есаулъ Грамотинъ 3 февраля получилъ предписаніе отъ Походнаго Атамана Дальне-Восточныхъ Казачьихъ Войскъ «отправиться

въ Лондонъ и Парижъ курьеромъ съ депешами и возвратиться обратно въ Россію». — Въ мартѣ 1920 года Слѣдователь Соколовъ, въ связи съ общей обстановкою, сложившейся въ Сибири, принужденъ былъ оставить Читу и выѣхать въ Харбинъ. Капитанъ Булыгинъ и есаулъ Грамотинъ его сопровождали. Изъ Харбина же Соколовъ и Булыгинъ, въ 20 числахъ марта, съ документами и найденными во время производства слѣдствія Реликвіями Царской Семьи, отбыли въ Европу, а А. Грамотинъ вынужденъ былъ остаться въ Харбинѣ.

Такъ печально закончилась командировка есаула Грамотина! **Но самъ фактъ, подтвержденный приложенными документами, что офицеръ Конвоя былъ командированъ въ Сибирь по Личному желанію Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ, а также и то, что даже во время пребыванія Государыни внѣ Россіи, Ею было выражено пожеланіе имѣть при Себѣ одного изъ офицеровъ Конвоя, свидѣтельствуетъ о томъ, что довѣріе ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА къ Конвою ни совершившейся революціей, ни порожденной ею клеветою на Конвой, никогда не было поколеблено!**

Въ 1921 году Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА выразила пожеланіе имѣть при Себѣ одного изъ офицеровъ Конвоя, бывшихъ при Ней въ Кіевѣ въ дни революціи.

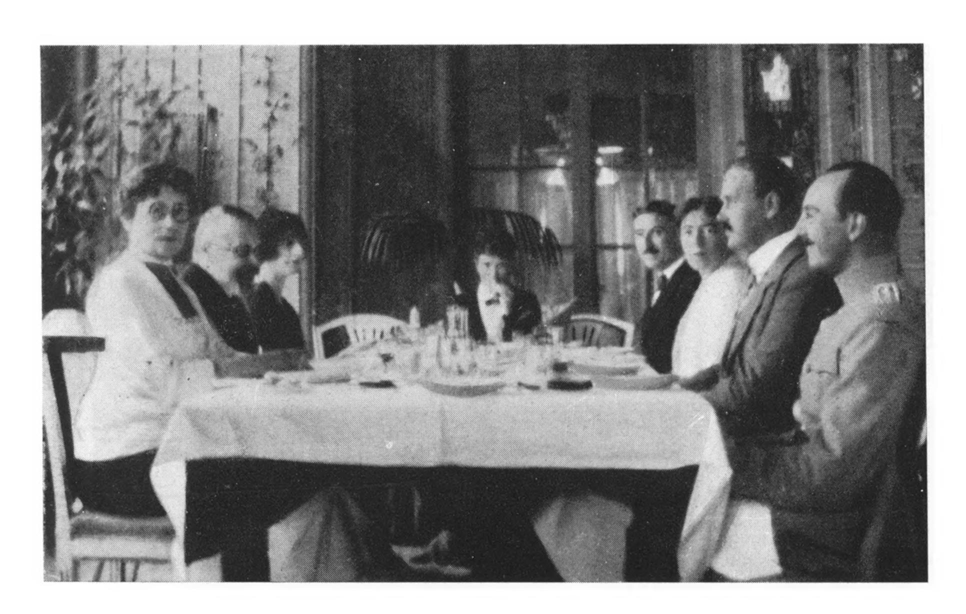
Въ то время А. И. Рогожинъ командовалъ Л.-Гв. Терской сотней и находился въ строю Дивизіона. Е. М. Ногаецъ, будучи тяжело раненымъ во время десанта на Кубань, былъ въ одномъ изъ госпиталей города Константинополя. Послѣ своего выздоровленія Е. Ногаецъ, при содѣйствіи Главнокомандующаго Русской Арміей Генерала П. Врангеля, отбылъ въ Данію къ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ.

Резиденціей Государыни была Ея дача «HVIDÖRE» въ окрестностяхъ Копенгагена. При Государынѣ состояли: Фрейлина ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА графиня З. Менгденъ, генералъ князь С. Долгорукій и адмиралъ князь Вяземскій, бывшій командиръ Императорской яхты: «Полярная Звѣзда».

Офицеръ Конвоя Е. Ногаецъ имѣлъ квартиру на другой дачѣ, въ непосредственной близости къ Государынѣ. Старшій урядникъ Конвоя Тимофей Ящикъ, камеръ-казакъ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА, постоянно находился при Государынѣ и сопровождалъ Государыню при всѣхъ Ея выѣздахъ и выходахъ.

Урядникъ Ящикъ въ обычные дни носилъ черкеску цвѣта бордо, но въ дни праздника Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя, 4/17 октября, по Личному желанію Государыни Императрицы, онъ имѣлъ на себѣ полную форму Конвоя. Въ эти дни есаулъ Ногаецъ и его супруга неизмѣнно приглашались Государыней на дачу Видёръ.

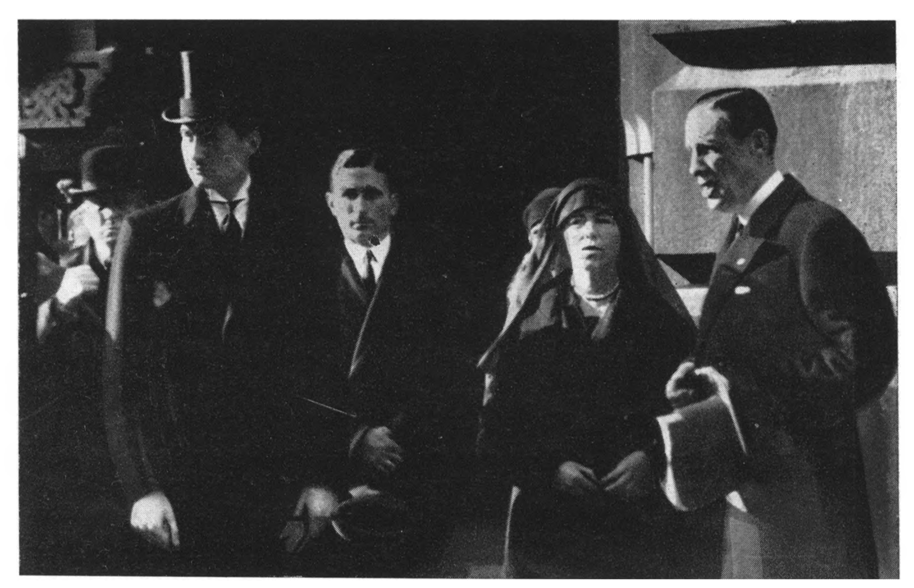
Въ 1923 году генераломъ В. Э. Зборовскимъ было получено письмо отъ Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ: «... **Въ день дорогого Праздника 4-го Октября мысленно буду съ вами, милыми бывшими Конвойцами. Сколько связано хорошихъ воспоминаній съ вами ...**



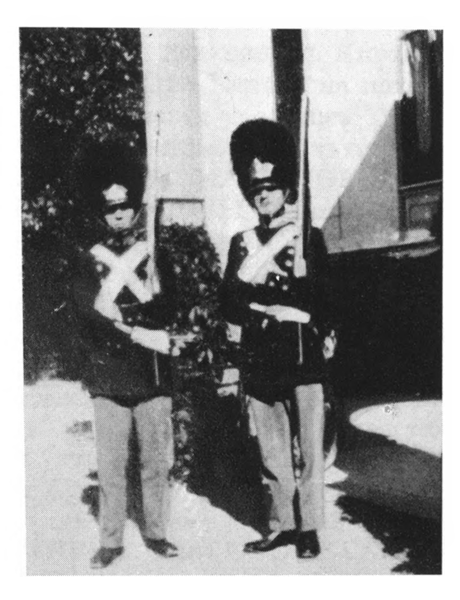
На дачѣ «HVIDÖRE» («Видёръ»). Данія 1921 годъ.
По лѣвую руку Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ — офицеръ Конвоя Е. Ногаецъ, Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, Ея супругъ полковникъ Н. А. Куликовскій, Принцъ Виго-Эрикъ, сынъ Брата Государыни Императрицы Принца Вальдемара. По правую руку — Принцесса Маргарита, адмиралъ кн. Вяземскій и Великая Княгиня КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА.



Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.
За Государыней Великія Княгини КСЕНІЯ АЛЕКСАНДРОВНА и ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА (въ шляпѣ). Между ними полковникъ Н. А. Куликовскій. Остальные (слѣва направо): фрейлена Государыни гр. З. Г. Менгденъ, офицеръ Конвоя Е. Ногаецъ и его супруга. На верандѣ дачи «HVIDÖRE» 1921 г.



Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА на похоронахъ Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ. Копенгагенъ. 1928 годъ. Правѣе Великой Княгини офицеръ Конвоя Е. Ногаецъ.



Часовые Датской Королевской Гвардіи у подъѣзда дачи «HVIDÖRE» — резиденціи Государыни Императрицы МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

«Мама моя васъ благодаритъ за память, вспоминаемъ сегодня вмѣстѣ милый любимый Конвой — и шлетъ она вамъ лучшія пожеланія и привѣтъ. Любящая васъ ОЛЬГА. 4/17 окт. 1923». (Документъ № 17.)

Офицеръ Конвоя Е. Ногаецъ находился въ Даніи въ теченіи 7-ми лѣтъ до самой смерти Государыни Императрицы. Въ эти годы онъ имѣлъ честь быть часто приглашаемъ на дачу къ Государынѣ къ Высочайшему столу, а также и сопровождать ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО во время Ея прогулокъ. Но самую большую честь Государыня Императрица оказала офицеру Конвоя тѣмъ, что изволила быть Крестной Матерью его дочери, родившейся въ Копенгагенѣ въ 1924 году. Крестнымъ отцомъ былъ полковникъ Н. А. Куликовскій — супругъ Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, которая замѣщала Государыню во время обряда св. крещенія.

Государыня Императрица МАРІЯ ӨЕОДОРОВНА въ Бозѣ почила 14-го октября 1928-го года, на своей дачѣ Видёръ.

Торжественныя похороны ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА состоялись въ Датской Королевской Усыпальницѣ въ Копенгагенѣ, въ присутствіи Представителей Россійскаго Императорскаго Дома, Датской Королевской Семьи, Дипломатическаго Корпуса, представителей русскихъ воинскихъ и общественныхъ національныхъ организацій и большого числа лицъ, пришедшихъ проводить къ мѣсту вѣчнаго упокоенія Августѣйшую Мать Государя-Мученика.

Отъ Гвардейскаго Объединенія на похороны Государыни Императрицы изъ Парижа прибылъ полковникъ Кирасирскаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полка С. Сафоновъ. Отъ Конвоя на похоронахъ присутствовали есаулъ Е. Ногаецъ и старшій урядникъ Т. Ящикъ.

Документъ № 17 — поздравленіе къ празднику Конвоя въ 1923 году Государыни Императрицы МАРІИ ӨЕОДОРОВНЫ и Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ указываетъ, сколь велико было Высочайшее вниманіе ко всему Конвою, а не къ кому либо въ отдѣльности изъ его чиновъ, что подчеркнуто словами: **«... вспоминаемъ сегодня вмѣстѣ милый любимый Конвой ...»**

Этотъ историческій документъ, въ которомъ совершенно опредѣленно и ясно говорится объ отношеніи самой Государыни Императрицы и Великой Княгини ко всему Конвою, какъ воинской части (спустя 6 лѣтъ послѣ революціи) **также является отвѣтомъ всѣмъ** клеветникамъ и тѣмъ, кто на основаніи ихъ клеветы сомнѣвался въ достойномъ поведеніи Конвоя въ дни революціи.

Въ долгіе годы существованія Дивизіона Конвоя въ Югославіи, Великія Княгини КСЕНІЯ и ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНЫ оказывали неизмѣнное вниманіе его чинамъ.

Прибывъ въ Америку, офицеры Конвоя имѣли счастье вновь возстановить прерванную войною письменную связь съ Великими Княгинями, получать Ихъ письма и ежегодныя привѣтствія къ дню Св. Іерофея — дню праздника Конвоя. Великая Княгиня ОЛЬГА

АЛЕКСАНДРОВНА, зная, что Дивизіонъ Конвоя сосредоточенъ въ двухъ группахъ (въ раіонѣ Нью Іорка и въ Калифорніи), была столь милостива, что помимо поздравленій командиру Дивизіона, посылала и другія, непосредственно его помощнику, находящемуся съ калифорнійской группою Дивизіона.

Всѣ эти письма являются драгоцѣнными документами и, Богъ дастъ, въ будущемъ будутъ служить историческимъ матеріаломъ для созданія полной исторіи Конвоя.

Но въ данное время помѣстить ихъ всѣхъ въ издаваемой книгѣ о Конвоѣ не представляется возможнымъ, а потому объявляется содержаніе только лишь нѣсколькихъ Высочайшихъ поздравленій.

Почтотелеграмма. Полковнику Рогожину.

Сердечно поздравляю Дивизіонъ Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя съ днемъ Вашего праздника. Да пошлетъ вамъ всѣмъ Господь, столь пострадавшимъ — бодрость духа, силы и терпѣніе. *Да будетъ вамъ поддержкой и дорогое свѣтлое прошлое, въ вѣрности котораго вы не поколебались.*

КСЕНІЯ.

5-го окт. 1952. Hampton Court. (Документъ № 18).

Письмо Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ помощнику командира въ 1957 г.

Въ день праздника дорогого Собств. Е. В. Конвоя буду мысленно съ вами «Калифорнійскими» Казаками. Дай Господь вамъ терпѣніе переносить свою участь внѣ дома и Родины. Желаю всѣмъ здоровья на многіе годы

Любящая васъ ОЛЬГА. (Документъ № 19).

Письмо Великой Княгини КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ командиру Дивизіона.

15/2 Окт. 58 г.

Полковнику Рогожину.

Поздравляю Васъ и въ Вашемъ лицѣ всѣхъ чиновъ Дивизіона Собственнаго ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя съ праздникомъ. Всей душой благодарю за глубоко тронувшія меня молитвенныя пожеланія. Мысленно съ Вами.

Да хранитъ васъ Господь! КСЕНІЯ. (Документъ № 20).

Письмо Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ помощнику командира.

29 сент. (12 окт. 1959).

Буду съ вами душой и мыслями 4-го Окт. въ день Конвойнаго праздника — желаю пріятно проводить день — начиная съ молитвами о душахъ всѣхъ тѣхъ казаковъ — когда нибудь служившихъ въ Конвоѣ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА. Сколько лицъ я вспоминаю съ дѣтства въ Гатчинскомъ Дворцѣ — и слышится мягкій звукъ ихъ ногъ въ чувякахъ — топая (въ ногу) ночью по коридорамъ при смѣнѣ... — Въ особенности пріятно ночью знать, что около насъ наши любимые казаки! Нѣкоторые очень любили душиться, употребляя хорошее мыло! — и этотъ запахъ помню еще. Даже въ госпиталѣ во время войны лежали временами много терцевъ, а покупали и мылись такимъ же пахучимъ мыломъ! А сѣдла, оружіе, папахи — ни за что не отдавали «на храненіе» — мнѣ приходилось умолять нашего старшаго врача оставить все это у нихъ... Писали Государю письма вѣрноподданныя — давали мнѣ, а я посылала «чтобы въ Руки» попало... Такъ много трогательнаго было... И все ушло...

Вотъ кончаю свое поздравительное письмо — вышло что то вродѣ «мемуаровъ». Господь съ вами любящая васъ ОЛЬГА. (Документъ № 21).

Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, узнавъ о подготовляющемся составленіи очерка о Конвоѣ, не только интересовалась всѣми деталями этой работы, но, **«желая защитить Конвой отъ злыхъ языковъ»** (письмо отъ 15-го ав. 1957 г.), изволила въ немъ принять Личное участіе своимъ совѣтомъ, свѣдѣніями и указаніями.

Я знаю, что вы трудитесь надъ краткой исторіей Конвоя — это очень трудно — не осталось «стариковъ» — кого можно было спросить... Я бы съ радостью помогла, — но не знаю, что именно вы хотѣли бы знать. Знаю, сколько постовъ было въ Гатчинскомъ Дворцѣ. Смутно помню еще когда были «хевсуры» (?) въ кольчугахъ — въ 1880 году. — Но если могу помочь, напишите вопросы — если *знаю* отвѣчаю да или нѣтъ.

Рада что «старики» довольны были деньгами — могутъ себѣ позволить купить чего не хватаетъ — всегда пріятно — когда кто нибудь помнитъ ихъ — одинокихъ. Тороплюсь отправить сіе и еще разъ прошу, спрашивайте что хотите, постараюсь помочь чѣмъ могу вспомнить...

Документъ № 22 — письмо Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ отъ 27-го іюля 1958-го года.

Великая Княгиня ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНА, возмущенная повтореніемъ въ зарубежной печати неправды о Конвоѣ, въ своемъ письмѣ (27-го іюля 1958 года) пишетъ дословно: **«... Да я сержусь и болѣю до тошности читая ту ложь — что пишутъ про Конвой — столько лжи вездѣ слышишь —, а скажешь правду никто не слушаетъ кк. напримѣръ — годами подымаютъ вопросъ о нашей АНАСТАСІИ — это такая гадость — ложь и находятся русск. люди, утверждающіе, что «знаютъ ее» — а сами близко не были ... И зачѣмъ все это ...»** (Документъ № 22.)

Указаніе Великой Княгини КСЕНІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о томъ, что вѣрность Конвоя не была поколеблена и сообщеніе Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ о своихъ переживаніяхъ при чтеніи лжи о Конвоѣ, для исторіи его имѣютъ величайшее, никакими словами неоцѣнимое, значеніе, а для тѣхъ, кто повторяетъ ложь — служатъ укоромъ Родной Сестры Государя Императора.

На основаніи разрѣшенія Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ: «прошу спрашивайте, что хотите» (док. № 22.), помощникъ командира Дивизіона доложилъ Ея Императорскому Высочеству о душевныхъ страданіяхъ офицеровъ Конвоя, бывшихъ въ борьбѣ съ большевиками на югѣ Россіи, а не въ Сибири. — Отвѣтъ Великой Княгини: — «9 Авг./27 іюля 1959».

«... Получила ваши оба письма и попробую вамъ объяснить *то*, что я думаю и чувствую. Знаю какъ мои дорогія племянницы и я — всегда съ самаго дѣтства любили офицеровъ и казаковъ Конвоя. Мы радовались когда встрѣчали, когда разговаривали съ вами — однимъ словомъ смотрѣли какъ на близкихъ людей. Конечно *еще* больше вспоминали — когда сидѣли запертыя, хотѣли писать и *поддержать* васъ и сказать вамъ какъ часто мысли были съ вами, зная что вы *гдѣ то на фронтѣ*. Вы совсѣмъ съ чистой совѣстью и такой же чистой совѣстью встрѣтитесь съ Ними — на Томъ Свѣтѣ. Ихъ мученія и смерть — они перенесли чтобы спасти Родину — такъ суждено. — Они теперь у престола Бога — молятся за Россію.

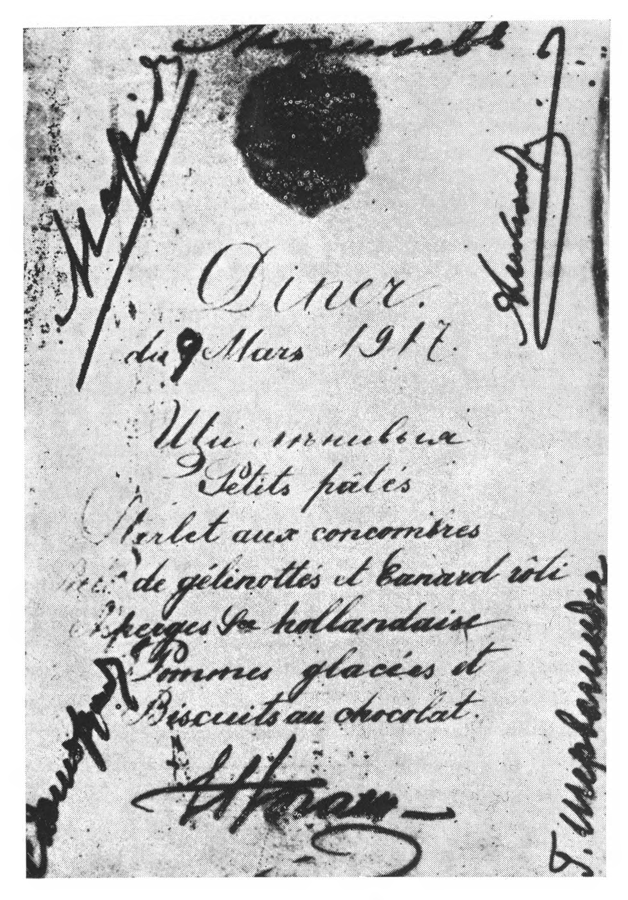
«Я смотрю на Нихъ какъ на Святыхъ Мучениковъ и ихъ молитва крѣпка. Я плохо пишу — непонятно может быть — но говорю вамъ, что ваша совѣсть чиста. Не мучьтесь — вы за нихъ молитесь — и они это знаютъ. *Не всѣ* такъ глубоко чувствуютъ и не переживаютъ какъ Вы! Всякіе люди бываютъ... милый Зерщиковъ — хотѣлъ и началъ свои записки — и вы теперь кончите эту работу... Но если еще есть вопросы — всегда буду рада чѣмъ могу помочь — увы! мало могу и не знаю, что именно вы хотите знать. Жила 1918—1920 на Кубани въ Новоминской станицѣ и на линіи въ Темижбэкской встрѣчалась съ бывш. Конвойцами трогательно относились. *Послѣдній* урядникъ — вотъ забыла его фамилію! нарочно пріѣзжалъ навѣстить и разсказать какъ было — въ ставкѣ и очень горевалъ... Пока все. Я считаю Васъ чистымъ. — Храни Васъ Господь. Любящая васъ ОЛЬГА. (Документъ № 24).

Глава, посвященная опроверженію клеветы на Конвой, заканчивается приложенными историческими документами. Они неоспоримы! — Содержаніе ихъ опровергаетъ всю неправду о Конвоѣ, созданную съ провокаціонной цѣлью, въ дни революціи и повторяемую въ зарубежной печати и разсѣиваетъ легенду — «о переходѣ Конвоя ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА на сторону новой власти».

Всѣмъ должно быть ясно, что Августѣйшая Мать Государя, Государыня Императрица МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА, Супруга Его — Государыня Императрица АЛЕКСАНДРА ѲЕОДОРОВНА, Родныя Сестры — Великія Княгини КСЕНІЯ и ОЛЬГА АЛЕКСАНДРОВНЫ и Дѣти ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ — Великія Княжны, не могли быть неискренними, называя: «любимыми», «дорогими», «старыми друзьями», «всегда помнить» и быть мысленно съ тѣми, кто этого не заслужилъ и благославлять тѣхъ, кто не оправдалъ вѣры въ ихъ преданность!

Эта книга о Конвоѣ начата словами Государыни и Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ. Словами же Ея Императорскаго Высочества она и заканчивается: «...ВЫ ВСѢ ЧИСТЫ ПЕРЕДЪ СВОЕЙ СОВѢСТЬЮ, ПЕРЕДО МНОЮ, ПЕРЕДЪ ТѢМИ, КТО ЗНАЕТЪ ИСТИНУ, И ПЕРЕДЪ ДОРОГИМИ. — ПРИ ВСТРѢЧѢ, БУДЕТЪ ЛИ ЭТО ВЪ ЭТОМЪ МІРѢ ИЛИ ДРУГОМЪ — ВЫ МОЖЕТЕ СМОТРѢТЬ ВЪ ГЛАЗА, И ТОЛЬКО СЪ ЭТИМЪ ДАВАЙТЕ СЧИТАТЬСЯ!..»

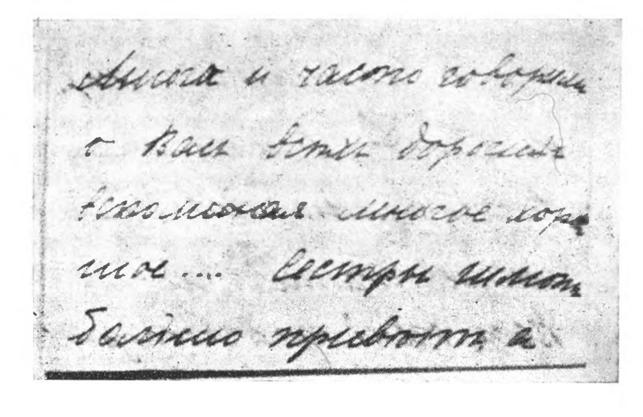
ИСТОРИЧЕСКІЕ ДОКУМЕНТЫ



Diner.
du 9 Mars 1917.

Щи ленивыя
Petits pâtés
Sterlet aux concombres
Rôti de gélinottes et Canard rôti
Asperges Sce hollandaise
Pommes glacées et
Biscuits au chocolat.

Документъ № 1



Много и часто говорили
с вами эти дорогие
безмолвные многое хоро-
шое ... сестры шлют
больно привет и

Документъ № 2



1918 Kiev 1917

Déjeuner du 19 Mars 1917

Potage

Petits pâtés

au beurre

au champagne

de gelinottes

Tarte aux cerises et

Glace

Документъ № 3

Александру Александровичу

Анастасія.

1917.

Документъ № 4

16ᵍᵒ Марта 1918.
10 ч. у.

Милая моя Катя!

Татьяна проситъ Васъ передать это одеяло Манухѣ для ея младшаго сына. Онъ катается въ Круп[illegible]. А какъ его зовутъ? Остальные чулки и рубашки дайте [illegible], а она пусть передастъ имъ поварятамъ. Жалѣли что не всѣмъ хватило, но дали все это что у насъ осталось. На этихъ двухъ коробкахъ [illegible] написано кому изъ нашихъ бывшихъ раненыхъ.

Марія еще лежитъ, а я вчера встала, чему очень рада т. к. пролежала около 4-хъ недѣль, но слабость еще есть въ ногахъ. Пожалуйста попросите еще [illegible] вернуть мамѣ группы которыя мы Вамъ передали въ послѣдній разъ. Очень часто всѣхъ вспоминаемъ и [illegible] большой привѣтъ. Пишите намъ иногда милая Катя, какъ всѣ поживаютъ и т. д. всегда радуемся

получить извѣстія. [illegible] здоровъ и веселъ. Кланяйтесь Сидоровымъ.
Мамѣ и [illegible] горячій привѣтъ.
Всего хорошаго.
Крѣпко Васъ цѣлую
Ваша

Анастасія.

Эти образа отъ мамы всѣмъ [illegible].

Документъ № 5

25-е Июня 1917. И. А.

Спасибо Вам сердечное за милое письмо, которому так обрадовалась. Мы тоже все помним и постоянно об этом говорим... У нас весь день распределен, по этому время идет довольно скоро. — Помните 24 августа на Литейн. и 11 июля?!.. Каждый день ходили гулять, поливали наш огород и обыкновенно обливались т. к. очень жарко. Еще брали обливаться из насоса

ПИСЬМО.

Как ... [illegible] вают все ваши? Сижу сейчас на окне и пишу Вам. — Надо будет идти на уроки, все очень весело. — Ну по этому надо кончать писать. Желаю Вам всего, всего хорошего. [illegible] Вами всегда помнящ[illegible]

Шлю самый горячий поклон и привет. О. А.

Помню, и часто вспоминаю. Желаю Вам всего самого хорошего. Шлю большой привет. М.

Желаю всего хорошего. Шлю сердечный привет. [illegible]

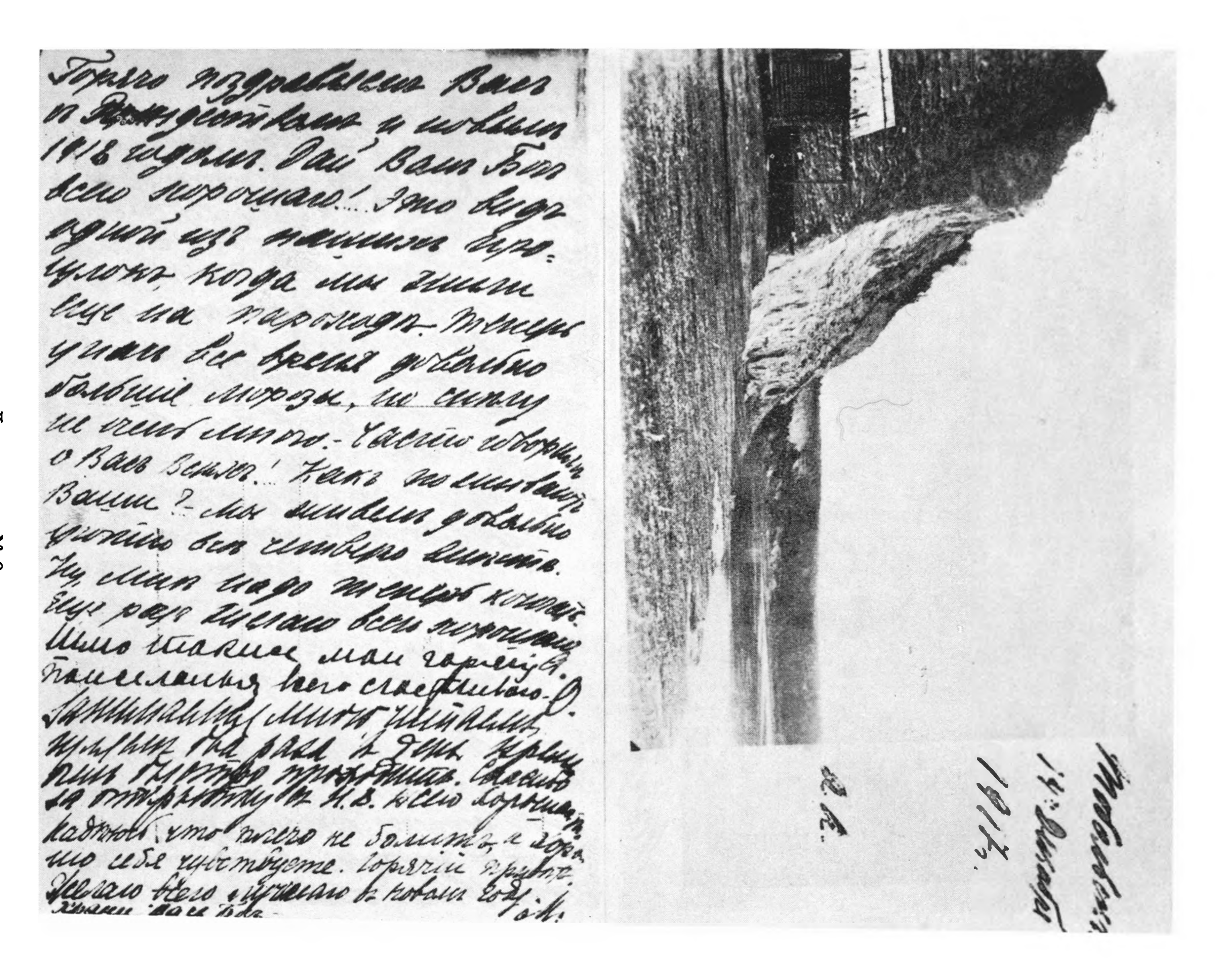
Документъ № 6



Тобольскъ, 13 октября 1917 г. В. З.

Всѣ шлемъ горячій привѣтъ и сердечно поздравляемъ съ днемъ рожденія и также съ наступающимъ днемъ ангела. Вспоминаемъ и говоримъ о Васъ [illegible]. На этой карт. изображенъ [illegible] мы [illegible]. На этомъ балконѣ мы много сидимъ. Одно окно кот. выходитъ сюда, также [illegible]. Наши окна выходятъ на другую сторону на улицу. Въ общемъ живемъ ничего себѣ. Погода у насъ эти дни холодная. Снѣгъ есть, но не много. Мы каждый день занимаемся. [illegible] вспоминаемъ милаго бѣднаго [illegible] Мишку... Мы [illegible] вспоминаемъ съ [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible]. Привѣтъ [illegible] и [illegible] и Влад. — Желаю всего благ. Мы [illegible] привѣтъ Вамъ. [illegible] о Васъ.

Документъ № 7

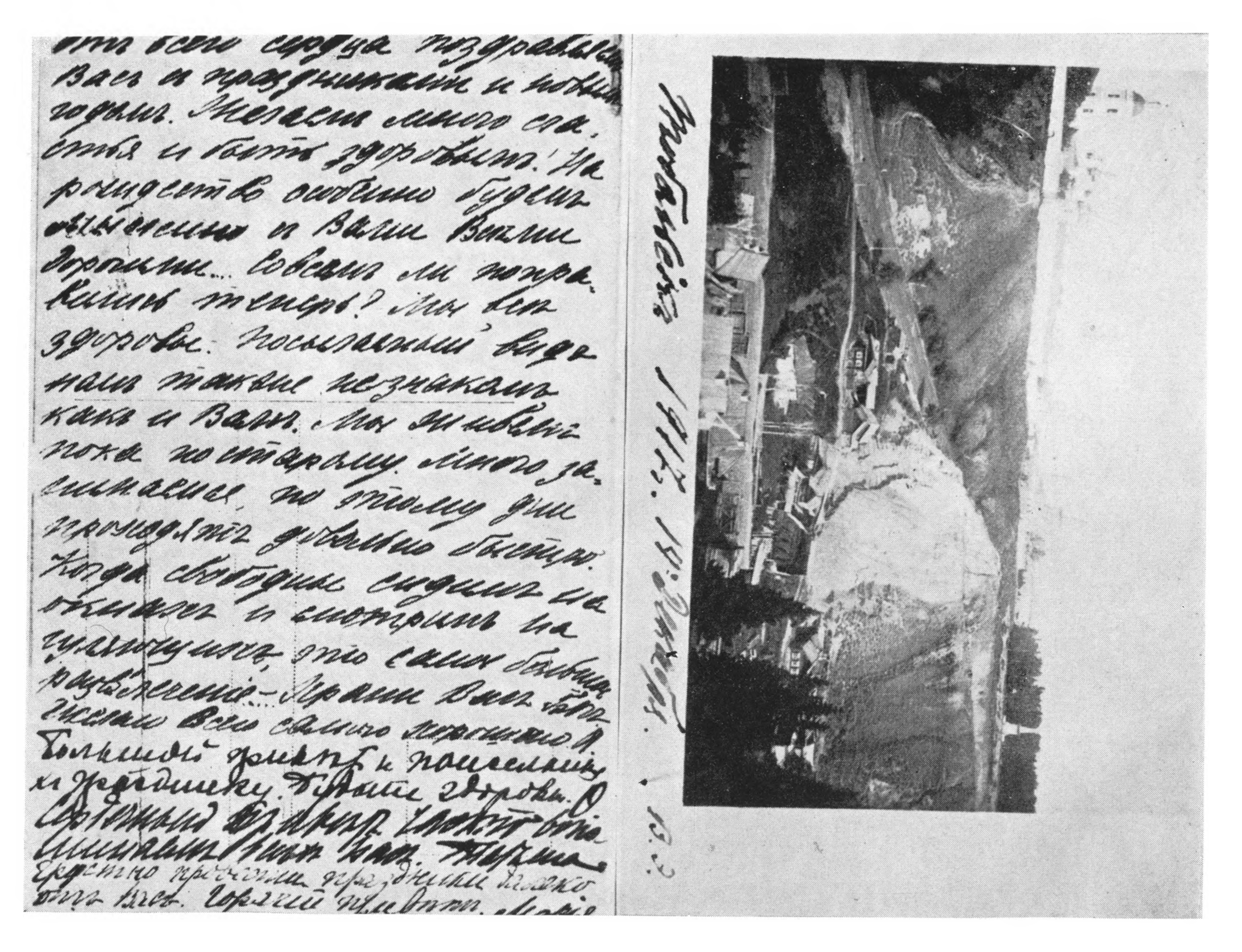


Тобольскъ.
14. Декабря
1917 г.

О. К.

Горячо поздравляемъ Васъ съ Рождествомъ и новымъ 1918 годомъ. Дай Вамъ Богъ всего хорошаго!... Это видъ одной изъ нашихъ прогулокъ, когда мы были еще на пароходѣ. Теперь у насъ все время довольно большiе морозы, но снегу не очень много. Часто говоримъ о Васъ всѣхъ! Какъ поживаютъ Ваши? Мы живемъ довольно тихо все четверо вмѣстѣ. Ну мнѣ надо теперь кончать. Еще разъ желаю всего хорошаго. Шлю также мои горячiя пожеланiя всего счастливаго. [illegible] многимъ [illegible] два раза въ день [illegible] прогулки. Спасибо за открытку. Н. В. всего хорошаго. Надѣюсь, что ничего не болитъ, и хорошо себя чувствуете. Горячiй привѣтъ. Желаю всего лучшаго въ новомъ году. Храни Васъ Богъ. О. Н.

Документъ № 8



Тобольскъ 1917. 14 Декабря. В. З.

отъ всего сердца поздравляемъ
Васъ съ праздниками и новымъ
годомъ. Желаемъ много сча-
стья и быть здоровымъ! На
рождество особенно будемъ
вспоминать о Васъ Вашихъ
дорогихъ... Совсемъ ли попра-
вились теперь? Мы все
здоровы. Посылаемъ видъ
нашего также незнакомаго
какъ и Вамъ. Мы живемъ
пока по старому. Много за-
нимаемся, по этому дни
проходятъ довольно быстро.
Когда свободные сидимъ на
окнахъ и смотримъ на
гуляющихъ, это самое большое
развлеченіе. — Храни Васъ Го-
сподь. Всѣ сердечно [illegible] А.
Большой привѣтъ и пожеланія
къ праздникамъ. Будьте здоровы. О.
[illegible]
[illegible] Татьяна
Сердечно поздравляю съ праздниками крѣпко
обнимаю Васъ. Горячій привѣтъ. Марія

Документъ № 9

[illegible]

Милая Катя,

[illegible]

Документъ № 10

№ 4

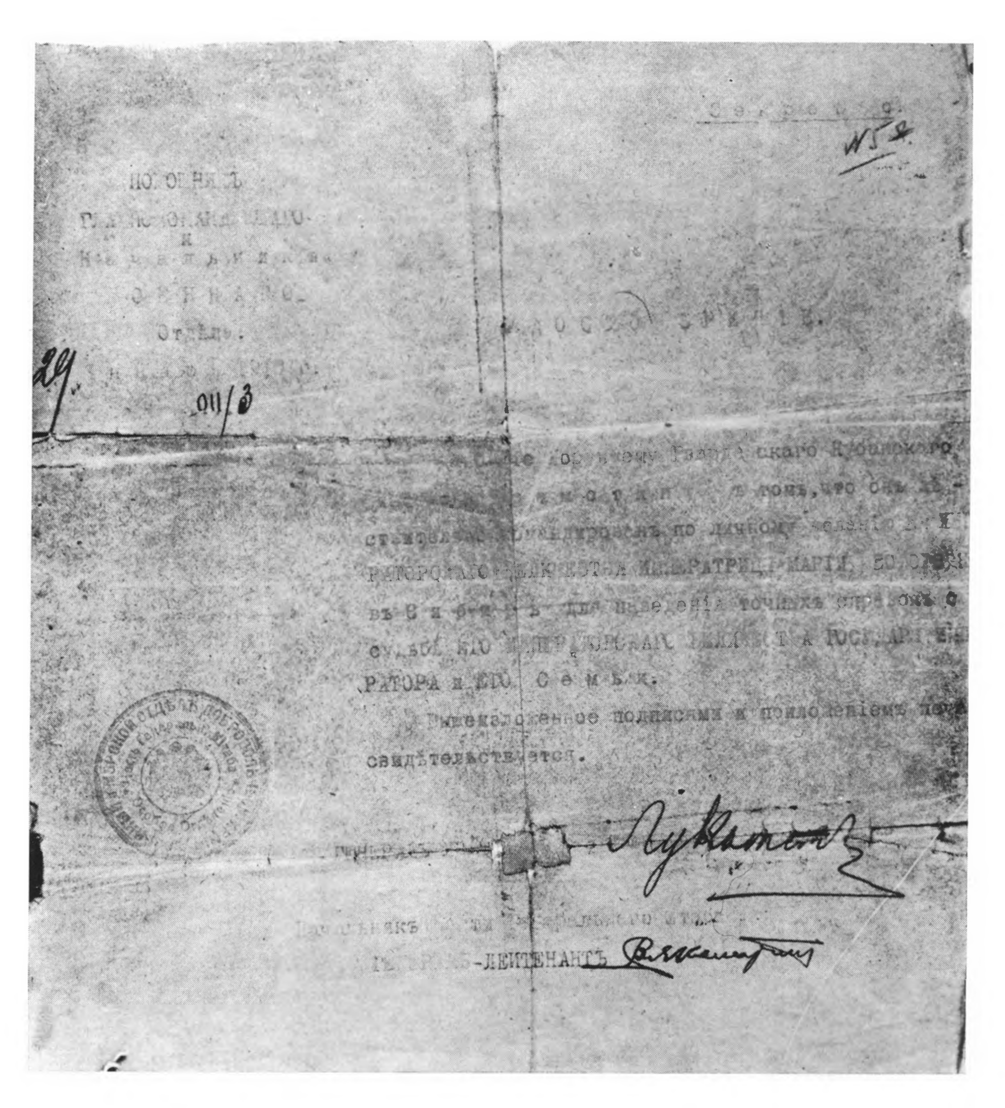
УДОСТОВѢРЕНІЕ

Предъявитель сего Хорунжій Александръ Александровичъ Грамотинъ, просимъ всѣхъ старообрядцевъ древлеправославной церкви, имѣющей Бѣлокриницкую іерархію оказывать должное содѣйствіе и посильную помощь, если таковая потребуется ему отъ Васъ.

Что удостовѣряется подписомъ съ приложеніемъ печати.

[illegible] Геннадій Епископъ Донской.

Документъ № 11



№ 5

Помощникъ

Главноначальствующаго

и

Отдѣлъ.

29.

011/3

...поручику Гвардейскаго Кубанскаго ...

... в томъ, что онъ дѣй-

ствительно командированъ по личному желанію ...

... Императрицы Маріи ...

въ Сибирь для наведенія точныхъ справокъ о

судьбѣ ЕГО ... ГОСУДАРЯ ИМПЕ-

РАТОРА и ЕГО Семьи.

Вышеизложенное подписями и приложеніемъ печа-

свидѣтельствуется.

Генералъ-лейтенантъ

Документъ № 12

№6.

COPY TELEGRAM.

From:- General Poole.

To:- S.N.O., Sevastopol.

Date:- 22nd January 1919.

- - - - - - - - - - - -

G.182. 22nd January, 1919.

Captain Bulygin and Lt. Gramatin of the bodyguard of the Dowager Empress of Russia are being sent by H.I.M. to Ekaterinburg to ascertain the fate of the Emperor. Please give them every assistance to reach Constantinople en route to England.

POOLE.

G.O.C. Batum

In case these officers find it necessary to travel via Batum and Baku, it is requested that they may be given every assistance.

British Military Mission South Russia

T Keyes Lt Col

Ekaterinodar 24th Jan

for Major General Commanding Military Mission S. Russia

Документъ № 13

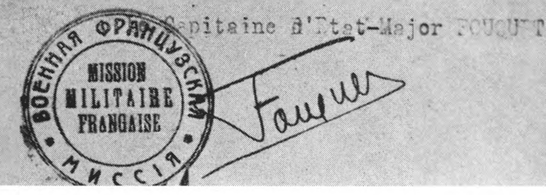
AUPRES DU
COMMANDANT EN CHEF DES ARMEES RUSSES
DU SUD DE LA RUSSIE

№ 788

Général-Lieutenant [illegible]

LE CAPITAINE D'ETAT-MAJOR FOUQUET, Chef de la Mission Militaire Française, prie les Autorités Alliées Civiles et Militaires de vouloir bien prêter aide et assistance au porteur de la présente le Sous-Lieutenant GRAMOTINE se rendant en mission en Sibérie.

Capitaine d'Etat-Major FOUQUET



Документъ № 14

УПРАВЛЕНІЕ
ПО ДѢЛАМЪ О ВОЕННЫХЪ
И
ВОЕННОПЛѢННЫХЪ

Отдѣлъ объ офицерахъ

4. Іюня 1919 г.

№

г. ПАРИЖЪ

Есаулу ГРАМОТИНУ.

Съ полученіемъ сего предлагаю Вамъ отправиться въ распоряженіе Россійскаго Военнаго Агента въ Лондонѣ для дальнѣйшаго затѣмъ слѣдованія въ Сибирь въ качествѣ офицера-курьера отъ Генерала ДЕНИКИНА къ Адмиралу КОЛЧАКУ

Контръ-Адмиралъ Погуляевъ
Начальникъ Отдѣла,
Генеральнаго Штаба,
Полковникъ [illegible]

Документъ № 15

НАЧАЛЬНИКЪ ШТАБА
ВЕРХОВНАГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО
26 Августа дня 1919 г.
№ 14.

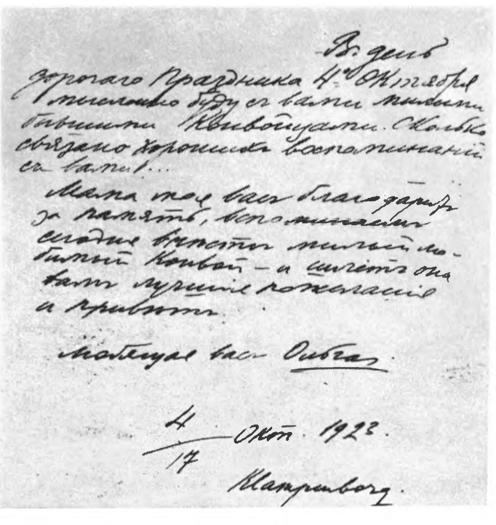
Секретно.

Кубанскаго Гвардейскаго Дивизіо на Есаулу Грамотину.

Приказываю Вамъ съ полученіемъ сего отправиться въ распоряженіе Судебнаго Слѣдователя по особо важнымъ дѣламъ Соколова и состоять при немъ по выполненію возложенныхъ на него волей Верховнаго Правителя обязанностей по производству предварительнаго слѣдствія особой важности.

Начальникъ Штаба
Верховнаго Главнокомандующаго
Генеральнаго Штаба
Генералъ Лейтенантъ

Документъ № 16


Въ день дорогаго Праздника 4го Октября мысленно буду съ вами милыми бывшими Конвойцами. Сколько связано хорошихъ воспоминаній съ вами!...

Мама моя васъ благодаритъ за память, вспоминаетъ сегодня вмѣстѣ милый любимый Конвой — и шлетъ она вамъ лучшія пожеланія и привѣтъ.

Любящая васъ Ольга.

4/17 Окт. 192г.

[illegible]

Документъ № 17

Почтотелеграмма

Полковнику Рогожину

Сердечно поздравляю
доблестный Собственный
Его Величества Конвой
съ днемъ Вашего
праздника.
Да поможетъ Вамъ
всемъ Господь — чтобы
постоянно сохранили бод-
рость духа, силы
и терпѣнія.
Да будетъ Вамъ
поддержкой и дорогое
славное прошлое
въ вѣрности непоколеби-
мой все непоколебимы.

Ксенія

5 Окт. 1952.
Hampton Court.

Документъ № 18

Въ день праздника дорогаго Собст. Е. В. Конвоя
буду мысленно съ вами "Калифорнскими"
Казаками. Дай Господь вамъ терпѣніе
переносить свою участь вдали дома и Родины
желаю всѣмъ здоровье на многие годы

Любящая васъ Ольга

Документъ № 19

15/2 Окт. 58 г.

PHONE:
MOLESEY 2522.

WILDERNESS HOUSE,
HAMPTON COURT PALACE.

Полковнику Грозовому —

Поздравляю Васъ и въ Вашемъ лицѣ всѣхъ чиновъ дивизіона Собственнаго Его Величества Конвоя съ праздникомъ. Вамъ лично благодарю за глубоко тронувшія меня слова вѣрноподданное поздравленіе. Мысленно съ вами.

Да хранитъ васъ Господь!

Ксенія

Документъ № 20

29 сент.
12 окт.
1959.

Милый Николай Васильевичъ

Буду съ вами душой и мыслями 4-го Окт. въ день Конвойнаго праздника, желаю пріятно проводить день — начиная съ воспоминаній о душкахъ всѣхъ тѣхъ казаковъ когда нибудь служившихъ въ Конвоѣ Его Величества. Сколько могу я вспоминаю съ дѣтства въ Гатчинскомъ Дворцѣ — и слышиться мягкій звукъ ихъ ногъ въ чувякахъ — топая (в ногу) легко по коридорамъ при смѣнѣ. Въ особенности пріятно было знать что около насъ наши любимые казаки! Нѣкоторые очень мило душились, употребляя хорошое мыло! и этотъ запахъ помню еще. Далее въ госпиталѣ во время войны лежали временами много терцевъ — а покупали и мылись такимъ все пахучимъ мыломъ!... А сѣдла, оружіе, папахи — ни за что не отдавали „на храненіе" — мнѣ приходилось уговорить нашаго старшаго врача оставить все это у нихъ... Писали Государю письма вѣрноподданные — давали мнѣ и я посылала „чтобы въ Руки по-пало".. Такъ много трогательнаго было... И все ушло.

Вотъ кончаю свое поздравительное письмо — вашаго что то вроде „мемуаровъ".

Господь съ вами
любящая васъ Ольга

Документъ № 21

27 Июля.
1958.

Милый Николай Васильевичъ,

Сперва — благодарю за ваше хорошее письмо — я всегда им рада.
Спасибо за добрыя пожеланія къ Ольгину дню — погода была чудная.

Я знаю что вы трудитесь надъ кратк. исторіей Конвоя — это очень трудно — не осталось "стариков" кого можно было спросить...
Я бы съ радостью помогла бы — но не знаю что именно вы хотели бы знать. Знаю сколько частовъ было Батюшкамъ дв.: — смутно помню еще когда были хевсуры (?) въ Конвояхъ — въ 1880 тыхъ годахъ — когда...

Если могу помочь — напишите вопросы — если знаю отвечаю да или нетъ.
Рада что "старики" довольны были деньгами — могут себе позволить купить чего не хватаетъ — всегда пріятно — когда кто нибудь помнитъ ихъ — одинокихъ. А кто за "герой" "Ачту" — на вашемъ конверте?

Передайте пожалуйста привет Грамотину — быть может вы частенько посиживаете уютно вместе — какъ на той карточке: — почти что забыла — поблагодарите за снимокъ въ Ц.С. передъ большимъ дворцомъ: по какому случаю — парадъ?

Да я сердцемъ и больною душой до [illegible] читаю ту ложь что пишутъ про Конвой — столько лжей везде слышишь — а сказать правду никто не слушаетъ — К.К. напримеръ — едва ли поднимаютъ вопросъ о нашей Анастасіи — это такая гадость — ложь и наглая чушь — люди — утверждающіе что "знаютъ ее" — а сами близко не были. И забыли все это.

Пора кончать. Благодарю за то что будете спрашивать еще — если я могу быть полезной К.К. нибудь.
Да хранитъ васъ Господь.

Любящая васъ Ольга

Тороплюсь отправить сіе и еще разъ прошу: спрашивайте что хотите постараюсь помочь чемъ могу вспомнить

Документъ № 22

1) Въ Гатчинскомъ дворцѣ — все вѣр-
но написали: внутр. караулъ, 9
постовъ и прочее... „На медвѣжьей“
площадкѣ у винтовой лѣстницы
(гдѣ жили братъ М.А. и я) 1 постъ, у
столовой парный постъ, у двери въ спальню
1 постъ, внизу винтовой лѣст. 1 постъ и
[illegible] дальше у подъѣзда 1 постъ — гараж
арсеналъ на главномъ подъѣздѣ 1 постъ
итого 6 постовъ.

2) въ Аничков. дв. по одной глав. лѣстни-
цѣ былъ двойной постъ (стояли почему то
рядомъ) у входа въ залахъ — между
къ лѣстницѣ. Второй одиночный постъ
по другой лѣстницѣ у входа въ комнаты
брата М.А. — и 1 постъ у Собственнаго
подъѣзда..
итого 3 поста.

3) Ёлка для казаковъ и Своды. полка
всегда въ манежѣ Царско Сельскій
— раньше при отцѣ — въ Гатчинѣ
елка всегда была въ манежѣ
Кирасирскаго полка. Послѣдніе
года — во дворцѣ. Присутствовали
только мы съ М.А. иногда Сестра
присутствовала и ея дѣти.

4) по воскреснымъ днямъ отъ 3 ч.
до 9 ч. отпускали ко мнѣ въ домъ
на Сергіевской ул. 46. мальч. 4 хъ
племянницъ — пили чай и играли
въ разные игры — бывали Унгеръ Ш.
Е. Шкуропадскій, Федюшкинъ,
Шведовъ. Скворцовъ, Зерщиковъ и Золо-
тарев — они чередовались — но
Зборовскій, Шведовъ — Федюшкинъ всегда
были — (племянницы особенно ихъ
любили) (Викторъ Эр, Шурикъ, Юзикъ)

Документъ № 23

9 Ав. 1959.
27 июля

Милый Николай Васильевичъ
получила ваши оба письма
и попробую вамъ объяснить то
что я думаю и чувствую. Знаю
какъ [illegible] плененные и
я — всегда съ благодарностью и
любила офицеровъ и казаковъ [illegible]
мы работались когда встре-
чали, когда разговаривали съ
ними — одними словами сто-
рони какъ на [illegible] нам
вспоминали — когда сидели за-
[illegible], хотели писать и под-
[illegible] васъ и сказать вамъ
часто мысли были съ вами
знаю что вы где-то на фронте.
Николай Васильевичъ — вы со-
всемъ съ чистой совестью и
такой же чистой совестью
встретитесь съ Ними
на томъ Свете. Ихъ му-
чения и смерть — они перенесли
чтобы спасти Родину — такъ
суждено — Они теперь у прес-
тола Бога — молятся за
Россию. Я смотрю на Нихъ
кк. на Святыхъ мучениковъ
и ихъ молитва крепка.
Я только пишу — непонятно
может быть — но говорю

вамъ что ваша совесть
чиста. Не мучьтесь — вы
за нихъ молитесь — и они
это знаютъ. Не все такъ
глубоко чувствуютъ и не пере-
живаютъ кк. Увы! Всякие
люди бываютъ... милый
Зерщиковъ — хотелъ и началъ
свои записки — и вы теперь
кончите эту работу. Но
опять повторяю: вамъ не надо
мучить себя больше.
Если еще есть вопросы —
всегда буду рада чемъ могу
помочь — Увы! мало могу и
не знаю что именно вы
хотите знать.
Жила 1918—1920 на Кубани
в Ново-Минской станицы и
на линии в Тимашевской
встречалась съ Вами. Конвой —
трогательно относились
последний урядникъ — вотъ забы-
ла его фамилию! нарочно приѣз-
жалъ навестить и разсказать
какъ было — в ставке и [illegible]
[illegible].
Пока все. Я считаю васъ [illegible]
[illegible].—
Храни васъ Господь.
Привет сердечный вашей
жене и вамъ.
Любящая васъ Ольга

Документъ № 24



Почто-грамма.

Командиру Дивизіона Собственнаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Конвоя
Полковнику Рогожину.

Получилъ два Вашихъ обращенія – отъ 3 и 4 октября – и сердечно благодарю за выраженныя чувства. Отъ души поздравляю Васъ и всѣхъ доблестныхъ казаковъ Кубанцевъ и Терцевъ съ прошедшимъ праздникомъ. Вѣрю, что память о славномъ подвигѣ Конвоя въ битвѣ народовъ подъ Лейпцигомъ будетъ и впредь вдохновлять молодыя поколѣнія гвардейскихъ казаковъ на беззавѣтную службу Царю и Родинѣ.

Выражаю Мое согласіе на зачисленіе Меня въ списки Конвоя и отъ Имени Великой Княгини, Своего и Нашей Дочери искренне благодарю за присланные значекъ и браслеты.

Владимиръ

«13» ноября 1954 г.
г. Мадридъ.

Документъ № 25

Постановленіемъ «Военнаго Совѣта» отъ 27-го апрѣля 1917 г. Конвой переформированъ въ два отдѣльныхъ Гвардейскихъ Дивизіона — Кубанскій и Терскій. На территоріи своихъ Войскъ Дивизіоны сразу же вступили въ вооруженную борьбу съ большевиками. Старые Конвойцы и ихъ молодая смѣна — чины Гвардейскихъ Дивизіоновъ (впослѣдствіи соединенныхъ въ одинъ Дивизіонъ), какъ въ годы гражданской войны, въ рядахъ Добровольческой, затѣмъ Русской Арміи, такъ и во время Второй Міровой Войны, вновь вступивъ въ вооруженную борьбу противъ безбожнаго коммунизма, честно исполнили послѣдній завѣтъ Государя Императора — служить вѣрно Родинѣ!

Въ этой боевой службѣ Дивизіонъ потерялъ въ бояхъ и походахъ болѣе 2-хъ сотъ казаковъ и 24 офицера, изъ коихъ:

Убиты — Полковник Г. Рашпиль, генералъ В. Зборовскій (смертельно раненъ), есаулъ Е. Шкуропатскій, есаулъ Н. Шкуропатскій, есаулъ Б. Ногаецъ, есаулъ Н. Протопоповъ, есаулъ Л. Донсковъ, хорунжій К. Павленко, хорунжій А. Вѣтеръ и прикомандированный лейтенантъ Д. Литвинскій.

Разстрѣляны — Полковникъ Б. Макухо, хорунжій Ф. Пилипенко и хорунжій Р. Протопоповъ. Также разстрѣляны старые казаки Конвоя: Махлаевъ, Консулъ, Муравицкій, Яцына, два брата Шелихъ и всѣ четыре брата Поповы.

Умерли въ тюрьмахъ — сотникъ А. Шведовъ и есаулъ С. Лавровъ.

Выданы большевикамъ — Полковникъ М. Свидинъ, полковникъ В. Скляровъ, есаулъ П. Ергушевъ и взятъ большевиками изъ госпиталя раненый Войсковой Старшина Н. Шрамко и чины Дивизіона — Т. Талакольниковъ, М. Маловѣкъ и П. Хоружій. Послѣдніе оба съ ампутированными ногами.

Умерли отъ ранъ и болѣзней въ походахъ — Полковникъ Ф. Кирѣевъ, полковникъ Г. Татоновъ, полковникъ К. Зерщиковъ, есаулъ К. Панкратовъ и сотникъ С. Вертеповъ.[58])

Уйдя съ Арміей Генерала Врангеля на чужбину офицеры и казаки Конвоя, подъ сѣнью своихъ трехъ Георгіевскихъ Штандартовъ, въ теченіе 20 лѣтъ хранили родной Дивизіонъ въ обликѣ строевой части, что засвидѣтельствовано Рескриптомъ Великаго Князя ВЛА-

---

[58]) Убито — 10. Разстрѣляно — 3 и 10 вахмистровъ и урядниковъ. Умерло въ тюрьмахъ — 2. Выдано большевикамъ — 7 (4 офицера). Умерло въ походахъ — 5.

ДИМІРА КИРИЛЛОВИЧА, приказами Главнокомандующаго Русской Арміей и генераловъ, возглавлявшихъ Русскій Общій Воинскій Союзъ.

«...Жива Славная Часть Россійской Императорской Арміи...» (Изъ приказа Генерала Врангеля отъ 10 августа 1926 г. № 83).

«...Съ гордымъ чувствомъ полнаго удовлетворенія любовался молодецкимъ видомъ Дивизіона, во время перенесенія праха Главнокомандующаго въ Бѣлградѣ...» (Изъ приказа Генерала Кутепова отъ 13-го октября 1929 года).

«...Послѣ эвакуаціи и до сихъ поръ Дивизіонъ, несмотря на тяжелыя и совершенно необычныя условія существованія, не разстроилъ своихъ рядовъ, а остался крѣпкой воинской частью и дружной семьей, могущей служить отличнымъ примѣромъ для всѣхъ другихъ частей...» (Изъ приказа Генерала Миллера отъ 30 мая 1936 г. № 11).

«...Блестящее состояніе возглавляемой Вами войсковой части Россійской Императорской Арміи, сохранившейся до сихъ дней, свидѣтельствуетъ о жертвенной службѣ чиновъ Дивизіона, силѣ традиціи и крѣпости духа усвоенной Вами, офицерами и казаками...» (Изъ Рескрипта Его Императорскаго Высочества Великаго Князя ВЛАДИМІРА КИРИЛЛОВИЧА на имя командира Дивизіона полковника Рогожина, отъ 26-го декабря 1938 года).

Какъ только представилась возможность возобновить вооруженную борьбу съ коммунизмомъ, Дивизіонъ въ полномъ своемъ составѣ, со своими Штандартами, съ сохраненнымъ холоднымъ оружіемъ и со своимъ хоромъ трубачей, прибылъ въ Русскій Корпусъ. —«**...Ушелъ отъ насъ Гвардейскій Дивизіонъ — образецъ доблести и дисциплины, но духъ его живетъ среди насъ...**» (Изъ информаціи генерала Драценко, отъ 20 ноября 1941 года).

«...Въ Бѣлградъ прибылъ нашъ Славный Гвардейскій Дивизіонъ, за 20 лѣтъ эмигрантскаго безъвременья своимъ существованіемъ совершившій своеобразный воинскій подвигъ. Обостренное чувство долга, преданность и вѣрность своимъ Штандартамъ, какъ символу утерянной Родины, вписали въ исторію Русской Арміи и Казачества безсмертную страницу...» (Изъ приказа Походнаго Атамана Куб. Каз. Войска ген. Ткачева, отъ 30 окт. 1941 г. № 24).

Въ бояхъ Русскаго Корпуса Дивизіонъ вновь понесъ жестокія потери. Оставшіеся въ живыхъ офицеры и казаки Дивизіона почти всѣ переранены въ бояхъ (нѣкоторые по нѣсколько разъ).[60])

Періодъ гражданской войны на Югѣ Россіи, существованіе Дивизіона Конвоя внѣ Россіи и въ Югославіи, какъ въ мирной, такъ и въ боевой обстановкѣ Второй Міровой Войны, и преданность всѣхъ чиновъ Дивизіона своимъ Штандартамъ и своей родной Части въ настоящее время, составляетъ содержаніе четвертой части очерка о Конвоѣ, которая будетъ издана дополнительно. Къ глубокому сожалѣнію, четвертую часть очерка помѣстить въ эту книгу не удалось. Главная причина — трудность изданія книги при условіяхъ нашей современной жизни.

---

[60]) Командный составъ Дивизіона: К-ръ полк. А. Рогожинъ, помощникъ К-ра полк. Н. Галушкинъ, адъютантъ есаулъ Д. Вертеповъ. Командиры сотенъ: полк. А. Лекторскій, К. Щербаковъ, есаулъ кн. М. Голицынъ. Командиръ Л.-Гв. 2-й Куб. сотни Войск. Старшина П. Луговскій умеръ въ 1953 году.

Всѣ затрудненія техническаго характера, изъ за которыхъ книга не могла быть изданной къ намѣченному сроку, преодолѣны при помощи и содѣйствіи опытнаго книжнаго издателя Б. В. Чарковскаго. Но, несмотря на жертвенность принявшихъ участіе въ огромномъ расходѣ по изданію первыхъ трехъ частей книги, «затрудненія матеріальнаго характера», не могли быть преодолѣны цѣликомъ. Отъ изданія всѣхъ четырехъ частей очерка о Конвоѣ въ одной книгѣ пришлось отказаться, съ надеждою на то, что съ распространеніемъ первыхъ трехъ частей, изданныхъ въ настоящей книгѣ, будутъ собраны средства для необходимаго изданія послѣдней, четвертой части очерка объ исторіи Конвоя.

Преклоняясь молитвенно передъ Свѣтлой и незабвенной памятью въ Бозѣ почившей, дорогой нашей Покровительницы, Великой Княгини ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, принимавшей личное участіе въ созданіи книги о Конвоѣ, считаю своимъ долгомъ отмѣтить и то, что безъ общей помощи офицеровъ и казаковъ Конвоя, сохранившихъ свои записи и историческіе документы, я бы не смогъ выполнить свой долгъ передъ родной Частью. О томъ, какъ я исполнилъ взятую на себя задачу, судить не мнѣ.

Я выполнилъ ее, какъ смогъ!

Николай Галушкинъ.

ОГЛАВЛЕНIЕ